

ДИАНА ГЭБЛДОН

БАРАБАНЫ ОСЕНИ

КНИГА 1

НА ПОРОГЕ
НЕИЗВЕДАННОГО

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ –
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Annotation

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. После тяжелого решения не возвращаться в Шотландию, а начать новую жизнь в Северной Каролине, Джейми и Клэр предстоит столкнуться с новыми трудностями. Однако ради своего счастья они готовы идти до конца. Их жизни не раз окажутся на волоске от смерти. Но загадочный гость из будущего, который неожиданно появится на их пути, знает, как спасти Джейми и Клэр.

- [Диана Гэблдон](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
      - [Чарльстон, июнь 1767-го](#)
    - [Глава 2](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава 3](#)
      - [Бостон, Массачусетс, июнь 1769-го](#)
      - [Июль 1769-го](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава 6](#)
      - [Июнь 1767-го](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
  - [Часть четвертая](#)
    - [Глава 10](#)
      - [Кросс-Крик, Северная Каролина, июнь 1767-го](#)
    - [Глава 11](#)
      - [Июль 1767-го](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)

- [Часть пятая](#)
  - [Глава 14](#)
    - [Август 1767-го](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
- [Часть шестая](#)
  - [Глава 17](#)
    - [Инвернесс, Шотландия, 23 декабря 1969-го](#)
    - [24 декабря 1969-го](#)
  - [Глава 18](#)
- [Часть седьмая](#)
  - [Глава 19](#)
    - [Сентябрь 1767-го](#)
  - [Глава 20](#)
    - [Октябрь 1767-го](#)
  - [Глава 21](#)
    - [Декабрь 1767-го](#)
  - [Глава 22](#)
    - [Оксфорд, сентябрь 1970-го](#)
  - [Глава 23](#)
    -
    - [Август 1768-го](#)
  - [Глава 24](#)
    - [Оксфорд, март 1971-го](#)
  - [Глава 25](#)
    - [Октябрь 1768-го](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

◦ [48](#)

Диана Гэблдон

Барабаны осени. Книга 1. На пороге неизведанного

Так уж вышло, что в этой книге много говорится об отцах, поэтому посвящаю ее своему отцу, Тони Гэблдону, который тоже любит рассказывать истории.

Diana Gabaldon
drums oF autumn

Copyright © 1997 by Diana Gabaldon

© Гусакова К., Бабурова Г., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Пролог

Я не боюсь призраков. В конце концов, они всегда рядом. Смотрю в зеркало – в ответ глядят глаза матери. На губах – улыбка прабабушки, соблазнившая прадеда, благодаря чему потом, в итоге, и появилась я.

Так зачем же мне страшиться касаний бесплотных рук, исполненных необъяснимой любовью? Зачем мне робеть перед теми, кто меня породил, заложил в мою плоть частичку себя?

Еще меньше пугают те, кто мимолетно касается разума. Любая библиотека полна ими. Возьму книгу с пыльной полки – и тут же окажусь в плену мыслей людей, давно умерших, но как никогда живых на шелестящих страницах.

Они, такие родные, совсем не похожи на духов, что не дают нам ночами спать. Оглянись, поднеси свет, разгони тьму. Прислушайся к эху шагов за спиной, когда идешь в одиночку.

Призраки все время витают вокруг, проносятся сквозь нас, скрываются в будущем. Из зеркала, сквозь годы, смотрят тени чужих лиц. В пустых дверях застывают зыбкие фигуры. Своей кровью, своим выбором мы создаем призраков. Мы сами себя мучим.

Всякий призрак приходит незванным из туманных земель грез и тишины. Умом мы понимаем: «Нет, такого не бывает». А нечто другое, древнее, шепчет из темноты: «Да, но может?..»

Наше появление и смерть окутаны тайной, а в промежутке мы пытаемся забыть наших призраков. Однако иногда по комнате пролетает ветерок и нежно ерошит мне волосы. Наверное, это моя мать.

Часть первая

О дивный новый мир

Глава 1

Висельник в Эдеме

Чарльстон, июнь 1767-го

Бой барабанов стал слышен задолго до того, как показались солдаты. Грохот отдавался у меня внутри, словно там, под кожей, тоже пустота, и несясь над толпой – жесткий, военный ритм, который должен заглушать и гомон, и выстрелы. Люди замолкали, поворачивая головы к Ист-Бей-стрит, тянущейся от недостроенной таможни до Уайтпоинт-парка.

В этот невыносимо жаркий день, какие даже в июне здесь редкость, лучшие зрительские места были на дамбе, где дул хоть какой-то ветерок. А тут, внизу, люди рисковали спечься заживо. Платье на мне вымокло насквозь, хлопковый корсаж прилип к груди. Я в десятый раз за столько же минут вытерла пот с лица и приподняла тяжелые волосы. Может, так шея хоть чуть-чуть остынет?..

Шея... Кстати, о виселице. Я неосознанно обхватила ладонью основание своей шеи. Под пальцами, в сонной артерии, в такт барабанам бился пульс. Горячий, влажный воздух застревал в горле, словно ком.

Я быстро опустила руку и как можно глубже вдохнула. Зря... Мужчина передо мной, наверное, с месяц не мылся. Край шейного платка темнел от грязи, а от одежды несло плесенью слишком резко даже в потной толпе. Аромат свежего хлеба и запах горячего свиного жира с прилавков смешивался с вонью гниющих водорослей, и облегчение приносил только просоленный ветерок из гавани.

Дети глазели по сторонам, временами выбегая из тени дубов и карликовых пальм, чтобы посмотреть, что же там, в конце улицы, а встревоженные родители звали их обратно. У девчонки, что стояла ко мне ближе всех, шея была тоненькая, хрупкая, словно стебелек.

Толпа возбужденно загомонила: появилась процессия. Бой барабанов стал громче.

– Где он? – бормотал Фергус, тоже вытягивая шею в ту сторону. – Как знал, что надо было с ним идти!

– Придет.

Хотелось встать на цыпочки, однако я не рискнула – это как-то унижительно. Впрочем, я все же оглянулась. Джейми легко различить в

толпе: он возвышается над всеми почти на голову, а его волосы отливают в лучах солнца красноватым золотом. Но Джейми я не увидела – только качающееся море чепчиков и треуголок, спасавших от жары тех, кто пришел, когда все места в тени уже заняли.

Сперва мимо возбужденной толпы пронесли знамена Великобритании и королевской колонии Южной Каролины. Затем еще одно – с фамильным гербом местного губернатора.

Затем появились барабанщики. Парами, нога в ногу, выбивая палочками медленный, неумолимый ритм. Безжалостный бой барабанов заглушал прочие звуки.

Следующими показались солдаты в красных мундирах, а между ними – осужденные. Все трое брели со связанными спереди руками. Кольца железных ошейников соединяла цепь. Первый узник, пожилой и ободранный человек, шатался настолько, что священнику в темных одеждах пришлось схватить его под руку.

– Это Гэвин Хэйз? Он не здоров? – пробормотала я, обращаясь к Фергусу.

– Он пьян, – раздался тихий голос.

Я рывком обернулась. Рядом стоял Джейми, не сводя глаз с жалкой процессии.

Из-за едва держащегося на ногах старика движение стопорилось. Прикованные к нему узники сбивались с шага, пытаясь не упасть. Как будто три пьяницы тащатся домой из ближайшей таверны; совсем не под стать мрачной торжественности всего действия. Сквозь бой барабанов прорывались крики и насмешки зрителей, высыпавших на кованые балконы домов.

– Твоя работа? – поинтересовалась я тихонько, чтобы не привлекать внимание. На самом деле я могла орать и размахивать руками – люди не отрывались от разыгравшейся посреди улицы сцены.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Джейми пожал плечами.

– Выполнил его просьбу. Больше ничем не мог помочь.

– Бренди или виски? – любопытствовал Фергус, оценивая Хэйза наметанным глазом.

– Он шотландец. – Джейми говорил спокойно и не менялся в лице, но я расслышала в его голосе напряженные нотки. – Виски, конечно.

– Мудро. Если повезет, то вообще не заметит, как его вздернут, – пробормотал Фергус.

Старик выскользнул из хватки священника и шлепнулся лицом вниз на пыльную дорогу, из-за чего второй узник рухнул на колени. Третий же,

высокий молодой человек, устоял, но зашатался, отчаянно пытаюсь удержать равновесие. Толпа взвыла от восторга.

Лицо капитана охраны, в обрамлении белого парика и металлического горжета, пылало от ярости и жаркого солнца. Он пролаял приказ, и солдат поспешно снял с приговоренных общую цепь. Еще двое красных мундиров грубым рывком поставили Хэйза на ноги, и процессия, восстановив подобие порядка, двинулась дальше.

Усмешки стихли, когда она подошла к виселице – запряженной мулами подводе под сенью огромного дуба. Барабанная дробь отзывалась дрожью земли. Меня слегка тошнило от жары и вони. Дробь резко смолкла. В ушах зазвенела тишина.

– Не смотри, саксоночка, – прошептал Джейми. – Ступай к фургону.

Сам он, не мигая, глядел на Хэйза. Тот шатался в руках солдат и что-то бормотал, потерянно озираясь.

Смотреть мне, конечно, совсем не хотелось. Однако оставить Джейми одного я тоже не могла. Он пришел ради Гэвина Хэйза, а я – ради него.

– Нет.

Я коснулась руки Джейми. Он расправил плечи, а потом шагнул вперед, чтобы его уж точно было заметно в толпе. Если Хэйз еще в состоянии что-то видеть, то последним перед его глазами окажется лицо друга.

Хэйз отчаянно крутил головой, высматривая кого-то, пока его поднимали на подводу.

– *Gabbainn! A charaid!* ^[1] – крикнул Джейми.

Гэвин тут же уставился на него и замер, покорный судьбе. Он лишь слегка покачивался, пока зачитывали приговор за кражу шести фунтов и десяти шиллингов. Лицо старика покрывала красноватая пыль, на седой щетине блестел пот. Проповедник быстро зашептал что-то Гэвину на ухо.

Вновь зазвучали барабаны, выводя ровную дробь. Палач перекинул петлю через лысеющую голову осужденного и затянул. Узел оказался ровно под ухом. Капитан стражи поднял саблю.

Хэйз вдруг выпрямился и, впившись взглядом в Джейми, открыл было рот, словно хотел что-то сказать. Сабля сверкнула в утреннем солнце, и дробь оборвалась.

Я смотрела на Джейми – он побелел как мел, неподвижные зрачки расширились, – но краем глаза все равно видела едва заметно подергивающееся тело. Резко запахло испражнениями.

Стоявший с другой стороны от меня Фергус наблюдал за казнью бесстрастно.

– Наверное, все-таки заметил... – пробормотал он с сожалением.

Мертвец слегка покачивался, натянув веревку. Толпа вздохнула с ужасом и облегчением. В пылающем небе кричали крачки, доносились звуки гавани, приглушенные тяжелым, загустевшим от жары воздухом. Однако здесь царила тишина. Настолько, что я слышала «кап... кап... кап...» – это стекали капли с башмака трупа.

Я не знала Гэвина Хэйза лично, поэтому не приняла его смерть близко к сердцу. Но хорошо, что все случилось быстро. Я мельком, словно исподтишка, глянула на старика. Нечто столь личное не должно происходить на публике, и мне стало немного стыдно, что я смотрю.

Палач свое дело знал. Приговоренный не дергался в петле, не таращил глаза, не вывалил язык, как бывает при удушье. Маленькая голова Гэвина висела под странным углом – шея была сломана.

Все удалось как нельзя лучше. Причем не только казнь. Капитан стражи, удостоверившись, что Хэйз мертв, жестом приказал подвести следующего... как вдруг взгляд его прошелся по солдатам в красных мундирах, а потом полыхнул яростью.

В ту же секунду в толпе раздался крик, и люди возбужденно загалдели. Они толкались, тянули головы, лишь бы увидеть... пустое место.

– Исчез!

– Вон он!

– Держи его!

Высокий молодой человек – третий осужденный – ухитрился сбежать: он проскользнул мимо стражи, чье внимание приковала к себе виселица. Смерть Гэвина стала его шансом спасти свою жизнь.

Что-то мелькнуло за прилавком торговца – грязная светлая шевелюра. Несколько солдат рванули в ту сторону, но остальные носились туда-сюда, и в суматохе беглеца упустили.

Капитан стражи яростно орал приказы, однако в суматохе его почти не было слышно. Красные мундиры торопливо пытались кое-как восстановить строй. Оставшегося узника, совершенно ошеломленного, повели обратно к казармам.

Обхватив за талию, Джейми потащил меня прочь от людского моря. Толпа отступала под натиском солдат, которые под командованием мрачного сержанта строем отправились на поиски беглеца.

– Надо найти Иэна, – сказал Джейми, огибая толпу возбужденных подмастерьев. Он глянул на Фергуса и мотнул головой в сторону виселицы. – Забери тело, лады? Встретимся потом в «Плакучей иве».

– Как думаешь, его поймают? – спросила я.

Мы проталкивались сквозь толчею вдоль мощеной аллеи к торговым пристаням.

– Ага. Куда ж ему бежать? – рассеянно отозвался Джейми, хмурясь. Очевидно, все его мысли по-прежнему занимал мертвец, для живых там места не было.

– У Хэйза есть родня?

Джейми покачал головой.

– Я спрашивал, когда принес виски. Может, брат и остался в живых, только где он – неизвестно. После восстания его перевезли в... Вирджинию, по словам Хэйза, и с тех пор ни слуху ни духу.

Неудивительно. Раб не имел возможности общаться с семьей в Шотландии, если, конечно, поручитель не был так любезен, чтобы отправить от его имени письмо. И оно вряд ли дошло бы к Гэвину Хэйзу, который десять лет провел в Ардсмурской тюрьме, прежде чем и его сюда перевезли.

– Дункан! – позвал Джейми.

Высокий тощий мужчина обернулся и вскинул ладонь – узнал. Он, как штопор, прошел сквозь толпу, расталкивая людей единственной рукой.

– Макдью, – кивнул он, здороваясь с Джейми. – Миссис Клэр...

На узком лице Дункана отразилась скорбь. Он тоже когда-то был узником той тюрьмы, вместе с Хэйзом и Джейми. Ему «повезло» потерять руку из-за заражения крови, иначе его тоже перевезли бы с остальными. Однорукого работника никому не продашь; Дункана помиловали и отпустили на волю – умирать от голода, пока Джейми его не разыскал.

– Упокой Господь душу бедного Гэвина, – печально покачал головой Дункан.

Джейми пробормотал что-то по-гэльски и перекрестился. Затем расправил плечи и с видимым усилием стряхнул с себя скорбь.

– Ладно. Пойду в порт договариваться насчет Иэна, а потом разберемся с похоронами Гэвина. Сперва нужно пристроить парня.

Мы вновь пошли сквозь толпу, протискиваясь между возбужденными сплетниками и стараясь не попасть под колеса громоздких телег.

Неподалеку от причала отряд красных мундиров бодрым маршем разрезал толпу. Солнце раскаляло блестящие штыки, а солдатские сапоги выбивали ровный ритм, что доносился как приглушенный барабан. Даже грохочущие телеги мигом уступали им дорогу.

– Придерживай карман, саксоночка, – шепнул Джейми, втискивая меня в узкое пространство между рабыней в тюрбане, которая прижимала к себе

двух малышей, и уличным проповедником. Взгромоздившись на ящик, проповедник вещал о грехе и покаянии, но в общем гаме его было слышно через слово.

– Он зашит, – успокоила я Джейми, тем не менее проверила, на месте ли содержимое кармана. – А твой кисет?

Усмехнувшись, он сдвинул шляпу на лоб и прищурился.

– Там, где был бы спорран, которого у меня, увы... Так что, если мне не попадется какая-нибудь шустрая блудница, я в безопасности.

Я глянула на штаны, слегка выпирающие спереди, потом окинула взглядом всего Джейми – широкоплечего, высокого, с мужественным лицом и горделивой осанкой горца. Даже теперь, когда сияющие волосы скрывала синяя треуголка, он все равно привлекал внимание встречных женщин. Слишком узкие штаны, которые он одолжил, никак не мешали Джейми производить впечатление, о котором он сам ни капли не догадывался. Очаровательно.

– Да ты ходячий соблазн для блудниц! – фыркнула я. – Не отходи далеко, я буду тебя защищать.

Он хохотнул и за руку отвел меня на свободный клочок улицы.

– Иэн! – крикнул Джейми, заметив в толпе племянника.

Через миг к нам подскочил высокий паренек. Он отбросил с глаз каштановые волосы и широко улыбнулся.

– А я уж думал, что никогда не найду тебя, дядюшка!.. Боже, столько тут народу, больше, чем на рынке в Эдинбурге! – Мальчишка вытер длинное, неказистое лицо рукавом, размазывая грязь по щеке.

Джейми неодобрительно на него покосился.

– Что-то ты неприлично радостный, Иэн, уже забыл про казнь, что ли? Племянник попытался изобразить должную печаль.

– Нет-нет, дядя Джейми. Я не был на казни...

Дункан вскинул бровь, и мальчишка слегка покраснел.

– Я... я не побоялся, честно. Просто... хотел кое-что сделать.

Джейми похлопал его по спине.

– Не волнуйся. Я бы тоже не стал смотреть, но Гэвин был моим другом.

– Знаю, дядя. Мне жаль. – В больших карих глазах Иэна мелькнуло сочувствие. – Страшно было, тетушка?

– Да. Так или иначе, теперь все кончено. – Я вытащила из корсажа влажный платок и, стоя на цыпочках, вытерла щеку Иэна.

Дункан Иннес с сожалением покачал головой.

– Бедняга Гэвин. Впрочем, уж лучше быстрая смерть, чем сдохнуть от

голода. А другого ему и не оставалось.

– Пойдемте, – скомандовал Джейми, не желая тратить время на бесполезную скорбь. – «Красавица Мэри» стоит где-то у дальнего края причала.

Иэн подобрался, словно хотел что-то сказать, но Джейми уже зашагал дальше сквозь толпу. Поэтому мальчишка глянул на меня, пожав плечами, и предложил мне руку.

Мы проследовали за Джейми мимо торговых складов, стараясь не сталкиваться с матросами, грузчиками, рабами, пассажирами, покупателями и торговцами всех мастей. В Чарльстоне располагался огромный порт, и торговое дело процветало. В месяц сюда входили сотни кораблей из Европы, и столько же отправлялось обратно.

«Красавица Мэри» принадлежала другу кузена Джейми, Джаред Фрейзера, который когда-то отправился во Францию и сколотил там целое состояние на вине. Если повезет, капитан корабля согласится взять Иэна с собой в Эдинбург, а дорогу мальчик отработает в качестве юнги.

Иэна такой расклад не радовал, но Джейми и слышать ничего не хотел. Блудный племянник должен был вернуться в Шотландию при первой же возможности. Поэтому (и не только), едва заслышав о «Красавице Мэри», мы прибыли сюда из Джорджии, куда попали – по чистой случайности – два месяца назад.

Из дверей таверны показалась неряшливо одетая прислуга. Заметив Джейми, она замерла, прижимая бадью с помоями к бедру, и сложила губки бантиком. Однако Джейми прошел мимо, не обратив внимания, – слишком сосредоточился на своей цели. Девушка разочарованно тряхнула головой, вылила помои свинье, дремавшей у крыльца, и резво скрылась в дверях.

Джейми остановился, прикрыв глаза от солнца, и всмотрелся в ряды огромных мачт. Я подошла ближе. Он неосознанно поправил штаны.

– Как там фамильные драгоценности? – пробормотала я, взяв его за руку.

– Неудобно, но в порядке, – заверил меня Джейми. Он вновь подергал шнурок ширинки и скривился. – Уж лучше бы в задницу запихал, честное слово.

– Скорее ты их сбережешь, чем я, мой друг, – улыбнулась я. – Меня-то быстрее ограбят.

Фамильные драгоценности... Ураган выбросил нас на берег Джорджии, вымокших до нитки, ободранных и без единого гроша – кроме пригоршни крупных драгоценных камней.

Я надеялась, что капитан «Красавицы» неплохо ладит с Джаредом

Фрейзером и возьмет Иэна на борт юнгой, иначе нам придется туго.

По идее, в кисете Джейми и моем кармане скрывалось внушительное состояние. А по сути, эти камни для нас не полезнее обыкновенной пляжной гальки. Конечно, перевозить их легче, чем тяжелое золото, но как обменять на деньги?

В южных колониях большинство сделок совершали посредством бартера, а остальные – за деньги или векселя, выписанные на имя богатого купца или банкира. Но такие банкиры в Джорджии встречались редко. А уж те, кто хотел перевести накопления в драгоценности, и того реже. Преуспевающий рисовый плантатор, у которого мы жили в Саванне, уверял нас, что и сам едва наскребет два фунта стерлингов наличностью. Он говорил правду – во всей колонии вряд ли нашлось бы десять фунтов золотом и серебром.

По пути на север, в бесконечных болотистых равнинах и сосновых лесах, естественно, драгоценности продавать было некому. Наконец мы достигли Чарльстона – в городе такого размера уже водились торговцы и банкиры, способные «разморозить» часть наших сбережений.

Пот ручейками стекал у меня по шее, насквозь мокрое льняное платье липло к коже. В это время даже у гавани воздух застывал без единого ветерка, а запахи горячей смолы и рыбы становились невыносимыми.

Один камень Джейми отдал в знак благодарности, несмотря на возражения, мистеру и миссис Оливье, добрейшим людям, – после кораблекрушения волны выбросили нас буквально на их порог. Они приютили нас и снабдили фургончиком, двумя лошадьми, чистой одеждой для путешествия, провизией и горсткой наличных.

Теперь в моем кармане осталось шесть шиллингов и три пенса – вот, собственно, и все наши деньги.

– Дядя Джейми, сюда! – нетерпеливо позвал Иэн. – Покажу кое-что!

– Что там? – Джейми протолкнулся сквозь толпу потных рабов, которые грузили пыльные бруски сушеного индиго на корабль. – И как ты это «кое-что» раздобыл?

– Выиграл в кости, – послышался голос Иэна, невидимого за телегой с кукурузой.

– В кости?! Иэн, бога ради, нельзя играть в азартные игры, когда у тебя ни гроша за душой! – Стискивая мою руку, Джейми нырнул в толпу вслед за племянником.

– Дядя, ты сам все время играешь, – заметил Иэн, останавливаясь, чтобы мы его нагнали. – В каждой таверне и в каждом постоялом дворе, где мы были.

– Боже, Иэн, в карты же, а не в кости! И я знаю, что делаю!

– И я знаю, – самодовольно заявил мальчишка. – Я ведь выиграл, нет? Джейми закатил глаза, моля небеса о терпении.

– Господи... Как я рад, что отправлю тебя домой, пока ты без головы не остался. Обещай, что не станешь играть с моряками, слышишь? С корабля ты от них никуда не денешься.

Однако Иэн уже не обращал внимания. Он остановился у полусгнивших свай, обхваченных тросом, и кивнул на нечто у своих ног.

– Смотри, собака!

Я быстро шагнула за спину Джейми, не отпуская его руки.

– Иэн... – начала я, – это не собака, а волк. Чертовски огромный волк! Отойди, пока он от твоей задницы кусок не отхватил.

Волк презрительно дернул ухом, тяжело дыша от жары. Зверь не сводил желтых глаз с мальчика. Тот, кто не сталкивался с волками, мог бы принять такой взгляд за преданность. Но я-то уже с ними встречалась.

– Эти животные опасны, – продолжила я. – Только завидят – сразу бросятся.

Джейми наклонился к зверю.

– Это ведь не совсем волк, да?

Он с любопытством протянул так называемому псу костяшки пальцев – понюхать, познакомиться. Я зажмурилась. Вот-вот придется ампутировать руку... Однако криков не последовало. Джейми сидел на корточках и изучал нос пса.

– Красивый зверь, – заключил он, как ни в чем не бывало почесывая животное под подбородком. Желтые глазищи слегка прищурились. То ли от удовольствия, то ли в предвкушении того, каким Джейми окажется на вкус. Причем скорее второе, чем первое. – Покрупнее волка будет. Голова и грудь шире...

– Его мамка – ирландский волкодав. – Иэн, опустившись рядом с Джейми, принялся поглаживать мощную темную спину. – В течку как-то сбежала в лес, а потом вернулась...

– Ясно, ясно.

Джейми ласково забормотал по-гэльски, обращаясь к этому чудовищу. Оторвав огромную лапу от земли, он погладил мохнатые пальцы с изогнутыми когтями – в добрых два дюйма длиной, не меньше! Зверюга прикрыла глаза. Легкий ветерок ерошил густую шерсть на загривке.

Я глянула на Дункана. Тот выгнул бровь и со вздохом пожал плечами.

– Джейми... – подала я голос.

– Краса-а-авец! – похвалил Джейми волка. – А ты здоровяк, верно?

– А есть он что будет? – спросила я, наверное, чуть громче нужного.

– Ну... – Джейми с сожалением посмотрел на желтоглазого зверя. – Что ж. – Он поднялся на ноги, неохотно качая головой. – Боюсь, Иэн, твоя тетушка права. Как нам его прокормить?

– Ничего страшного, дядюшка, – заверил его мальчик. – Он сам охотится.

– Здесь? – Я окинула взглядом склады и покачивающиеся на воде корабли. – На кого же? На детей?

– Конечно, нет, тетушка, – слегка обиделся Иэн. – На рыбу.

Заметив три одинаково скептических лица, мальчик бухнулся на колени и, схватив морду пса двумя руками, заставил его распахнуть пасть.

– Правда! Клянусь, дядюшка! Понюхай, рыбой пахнет!

Джейми с сомнением покосился на внушительные клыки и почесал подбородок.

– Я... э-э... поверю на слово. Но все равно... Бога ради, Иэн, побереги пальцы!

Мальчик ослабил хватку, и огромные челюсти тут же сомкнулись.

– Не волнуйся, дядюшка, – бодро проговорил Иэн, вытирая ладонь о штаны. – Он меня не укусит. А зовут его Ролло.

Джейми потер верхнюю губу костяшками.

– М-м-м... Неважно, как его зовут и что он ест; вряд ли капитан «Красавицы» будет рад видеть его в кубрике.

Иэн промолчал, но почему-то не перестал сиять. Даже еще больше обрадовался.

Джейми напрягся.

– Только не... – в ужасе начал он.

– Да, – отозвался Иэн. На угловатом лице расцвела довольная улыбка. – «Красавица» отплыла три дня назад. Мы опоздали, дядюшка.

Джейми проговорил что-то по-гэльски. Дункан тоже казался возмущенным.

– Черт! – воскликнул Джейми уже по-английски. – Черт побери!

Он стянул шляпу и с силой провел ладонью по лицу, взлохмаченный и жутко злой. Затем пробежал пальцами по волосам и дернул за ленту, которая стягивала их в хвост.

Иэн смутился.

– Прости, дядя... От меня не будет проблем, честное слово, я постараюсь. И работать я могу, сам себе на еду уж точно заработаю.

Смягчившись, Джейми тяжело вздохнул и похлопал племянника по плечу.

– Ты же знаешь, я и сам рад, когда ты поблизости, Иэн. Но что, черт возьми, скажет твоя матушка?

Иэн вновь просиял.

– Понятия не имею, дядя, – сказал он. – Говорить-то она будет в Шотландии, а мы здесь!

Мальчишка обнял Ролло. Волк, похоже, сильно этому удивился, но затем смачно лизнул ухо Иэна длинным розовым языком. На вкус попробовал, видимо.

– И вообще, – добавил мальчик, – она знает, что со мной все хорошо, ты сам ей написал из Джорджии, что я с тобой.

Джейми криво усмехнулся.

– Не очень-то ее это знание успокоит, Иэн!.. Мне чертовски нужно выпить, саксоночка, – повернулся он ко мне. – Пойдем искать таверну.

В полутемной «Плакучей иве» могло бы быть прохладно, да уж слишком много в нее набилось народу – моряков и тех, кто пришел сегодня посмотреть на казнь. Переступив порог, я вдохнула – и тут же поспешила выдохнуть. Как будто на лице вдруг оказалась грязная тряпка, пропитанная элем.

А вот Ролло сразу доказал свою полезность: толпа перед ним мгновенно расступалась. Еще бы: он гордо прошествовал вперед, скаля зубы в беззвучном рычании. Пес явно уже бывал в тавернах. Благополучно согнав всех с угловой скамеечки, он свернулся под столом и, кажется, собрался спать.

Спрятавшись от палящего солнца и получив огромную кружку темного пенящегося эля, Джейми мигом взял себя в руки.

– Есть два пути, – сказал он, отбрасывая влажные волосы со лба. – Либо остаемся в Чарльстоне – вдруг сумеем продать камень, и тогда отправим Иэна в Шотландию на другом корабле. Либо отправимся на север, в Кейп-Фир; если повезет, найдем корабль в Уилмингтоне или Нью-Берне.

– Я за север, – без колебаний отозвался Дункан. – У тебя же там родня? Не люблю долго среди чужих быть. Родня проследит, чтобы нас не обманули да не обворовали. А здесь... – Он приподнял плечо, красноречиво намекая, что вокруг нас не шотландцы, а значит, заведомо подлецы.

– Ох, поехали на север, дядюшка! – воскликнул Иэн прежде, чем Джейми успел вставить слово. – Там может быть опасно, так что лишний человек не помешает, верно?

Джейми уткнулся в кружку, но я сидела достаточно близко и почувствовала, как он содрогнулся. Джейми и правда любил племянника, однако этот парнишка вечно влипал во всякие истории.

Год назад Иэна похитили пираты; спасая его, мы окольными путями оказались в Америке. В последнее время, конечно, царило затишье, но Джейми не терпелось отправить своего племянника обратно к матери в Шотландию, пока тот снова куда-нибудь не вляпался.

– Э-э... разумеется, – опустил кружку Джейми. Хотя он старательно избегал моего взгляда, я все равно заметила, как у него подергивается уголок рта. – Ты, конечно, отличный помощник...

– А может, мы столкнемся с краснокожими! – распахнул глаза Иэн. Загорелое лицо светилось от предвкушения. – Или с дикими зверями! Доктор Штерн рассказывал, что в Каролине полно свирепых тварей: медведи, дикие кошки, страшные пантеры. И еще ужасное вонючее существо, которые индейцы зовут скунсом!

Я подавилась элем.

– Тетушка, ты как? – Иэн взволнованно перегнулся через стол.

– В порядке, – прохрипела я, протирая влажное лицо платком, а потом смахнула капли эля с груди и тайком оттянула корсаж в надежде чуть проветрить кожу.

Тайное изумление на лице Джейми сменилось легким беспокойством.

– Скунсы не опасны, – пробормотала я, опуская ладонь на его колено.

Искусный и бесстрашный охотник в родной Шотландии, Джейми с осторожностью относился к пока неизведанной фауне Нового Света.

– Хм... Может, и так, но остальные? Что-то я не горю желанием встретиться с толпой дикарей или медведем, когда под рукой лишь это. – Джейми коснулся длинного кинжала в ножнах, которые висели у него на ремне.

Да, оружия нам очень не хватало. Джейми ужасно переживал из-за этого на пути в Чарльстон, а упоминание об индейцах и диких зверях вновь его встревожило. У Фергуса был еще маленький клинок, годный, лишь чтобы обрезать веревки да настругать щепок для растопки костра. Вот и все; к сожалению, супруги Оливье не нашли для нас ни лишних пистолетов, ни мечей.

По дороге сюда нам посчастливилось присоединиться к компании фермеров. Они, увешанные ножами, пистолетами и мушкетами, везли урожай риса и индиго в порт – отправлять на север, в Пенсильванию и Нью-Йорк. А если сейчас мы отправимся в Кейп-Фир, то будем одни, безоружные и беззащитные перед тем, что может вдруг выскочить из

лесной чащи.

В то же время убедительные причины заставляли нас отправиться именно на север. В Кейп-Фире находилось самое большое в американских колониях поселение шотландских горцев. В нескольких городах жили переселенцы, уехавшие из Шотландии за последние двадцать лет, после битвы при Каллодене. Среди переселенцев была и родня Джейми, которая с удовольствием нас приютит: предоставит крышу над головой, постель и время, чтобы мы сумели найти себе место в этом новом мире.

Джейми снова отпил из кружки и кивнул Дункану.

– Знаешь, я с тобой согласен. – Он откинулся на стенку, небрежно окинув взглядом битком набитую таверну. – Чуешь, как в спину пялятся?

По моей собственной спине пробежал холодок. Дункан едва заметно распахнул глаза, потом прищурился, но не обернулся.

– Хм, – только и сказал он.

– Кто пялится? – спросила я, нервно осматриваясь.

Хотя никто не смотрел на нас открыто, это вовсе не значило, что никто не наблюдал за нами тайком. Таверну переполнял пьяный люд, и гул голосов заглушал все, кроме разве что сидящих совсем близко собеседников.

– Да кто угодно, саксоночка. – Джейми глянул на меня искоса и усмехнулся. – И не надо так пугаться. Ничего нам не грозит. По крайней мере здесь.

– Пока не грозит. – Дункан налил себе еще кружку эля. – Макдью окликнул Гэвина у виселицы, смекаешь? Кто-то его да заметил... Наш Макдью – парень видный, – добавил он сухо.

– И фермеры, которые прибыли с нами из Джорджии, уже наверняка продали запасы и теперь отдыхают за кружечкой эля, – проговорил Джейми, увлеченно разглядывая свою кружку. – Они люди честные... но все равно любят поболтать, саксоночка. Неплохая ведь история, как ребят принесло ураганом, а? Вдруг кто из них пронюхал, что у нас есть?

– Ясно, – буркнула я.

И в самом деле ясно. Теперь все знают, что мы как-то связаны с преступником, и сойти за неприметных путешественников больше не выйдет. Если затянем с поисками покупателя (что вероятно), то рискуем нарваться на грабителей или чрезмерный интерес английских властей. Ни то ни другое нам совсем ни к чему.

Джейми сделал большой глоток, затем со вздохом опустил кружку.

– Думаю, нам не стоит задерживаться в городе. Обеспечим Гэвину достойные похороны, а потом найдем спокойное место в лесу и

переночуем. Завтра решим, остаемся тут или двинем дальше в путь.

Перспектива снова ночевать в лесу, со скунсами или без, меня откровенно не радовала. Я уже восемь дней не вылезала из одного платья и как могла подмывалась, если мы останавливались вблизи ручья. Хотелось поспать в нормальной постели, даже если в ней будет полно блох. Отскрести въевшуюся в кожу грязь после недельного путешествия. Однако Джейми прав. Я вздохнула, уныло глядя на серый, заношенный край рукава.

Двери таверны вдруг распахнулись: в переполненное помещение ворвались четверо солдат в красных мундирах. При полном параде, со штыками на мушкетах. Эти гости явно пришли не за элем или игрой в кости...

Двое солдат быстро обошли таверну, заглядывая под столы, третий скользнул на кухню. Четвертый остался на страже у дверей: светлые глаза метались от одного посетителя таверны к другому.

Джейми, внешне безмятежный, будто бы рассеянно попивал эль, но я заметила, как его ладонь под столом сжалась в кулак. Дункан не владел собой так хорошо, поэтому наклонил голову, чтобы скрыть лицо. Эти двое не могли спокойно сидеть в присутствии красных мундиров, и на то были серьезные причины.

Остальных людей солдаты почти не потревожили. Группка певцов у камина продолжила выводить бесконечную «Нальем полней бокалы», а между служанкой и парой подмастерьев разразился громкий спор.

Солдат вышел из кухни с пустыми руками и, грубо растолкав игроков в кости, присоединился к товарищам. Они повернулись на выход, как раз когда в двери протиснулась тощая фигурка Фергуса. Ему пришлось вжаться в косяк, чтобы не угодить под солдатские локти или приклады мушкетов.

Один из солдат заметил блеск металла и с интересом уставился на крюк, который заменял Фергусу левую кисть. Потом настороженно глянул на самого Фергуса, но вскинул мушкет на плечо и поспешил за остальными.

Фергус протиснулся сквозь толпу и рухнул на скамейку рядом с Иэном, изнывающий от жары и злой.

– Чертов кровопийца этот *salaud*! – заявил он без предисловий.

Джейми вскинул брови.

– Священник, – перевел Фергус с родного французского.

Он схватился за кружку, которую придвинул к нему Иэн, и, мигом ее осушив, тяжело выдохнул. Впрочем, после этого он заметно повеселел.

– Десять шиллингов, чтобы Гэвина похоронили на церковном

погосте! – воскликнул Фергус, утерев губы. – Причем церковь-то англиканская, естественно, католических здесь вообще нет. Торгаш жалкий! Знает, что у нас нет выбора. Хорошо, если тело хоть до заката долежит в приличном виде.

Он оттянул влажный от пота шейный платок, а потом постучал кулаком по столу, привлекая внимание сбившейся с ног прислуги.

– Сказал этой зажавшейся свинье, что решать платить или нет, будете вы. В крайнем случае похороним его в лесу. Правда, придется купить лопату, – хмуро добавил Фергус. – Скрыги-горожане знают, что мы не местные, так что до последней монетки обдерут, дай им волю.

Про последнюю монетку он оказался прав. Денег хватало расплатиться здесь и на провизию для путешествия на север. Может, еще на пару ночевок в каком-нибудь постоялом дворе. И все. Джейми мельком оглядел таверну, прикидывая шанс подзаработать на игре в карты или кости.

Лучше всего он играл с солдатами или моряками, но их здесь было маловато. Скорее всего, весь гарнизон до сих пор прочесывал город в поисках беглеца. Небольшая компания в другом углу шумно распивала бренди. Двое мужчин пели, точнее, пытались петь, чем ужасно веселили товарищей. Джейми едва заметно кивнул в их сторону и снова повернулся к Фергусу.

– А пока куда ты дел Гэвина?

Фергус дернул плечом.

– В фургоне лежит. Обменял его одежду у ветошницы на саван. Она еще и согласилась обмыть тело. Не тревожьтесь, милорд, он в порядке. Пока что, – добавил Фергус, поднося очередную кружку эля к губам.

– Бедняга Гэвин. – Дункан Иннес приподнял кружку, салютуя падшему товарищу.

– *Sláinte*^[2], – отозвался Джейми, повторив жест. – Он не захотел бы лежать в земле в лесу.

– Почему? – полюбопытствовала я. – Наверное, ему уже все равно.

– Ох, нет, миссис Клэр, нельзя так поступить, – замотал головой Дункан.

Такое проявление чувств меня удивило – обычно Дункан был очень сдержан.

– Гэвин боялся темноты, – мягко пояснил Джейми и криво усмехнулся, когда я на него уставилась. – Я прожил с Гэвином Хэйзом почти столько же, сколько с тобой, саксоночка... и в куда более тесном жилище. Я хорошо его узнал.

– Ага, жутко не любил оставаться один в темноте, – согласился Дункан. – До смерти боялся... *tannagach*... как там, духов, да?

Его продолговатое, полное скорби лицо помрачнело. Перед глазами Дункана явно стояла тюремная камера, которую они с Джейми делили с Гэвином Хэйзом – и еще сорока заключенными – долгих три года.

– А помнишь, Макдью, как он однажды рассказал о встрече с призраком?

– Помню, Дункан, а лучше бы забыл. – Джейми содрогнулся, несмотря на жару. – Полночи после этого не спал.

– А что он рассказал, дядя? – округлил глаза Иэн. Щеки юноши пылали, а влажный от пота шейный платок смялся.

Джейми задумчиво потер подбородок.

– Ну... дело было в нашей Шотландии, поздней осенью, как раз перед приходом зимы. Когда даже в воздухе витает ощущение, что вот-вот ударят морозы. – Усмехнувшись, он откинулся назад с кружкой в руке. – Не то что сейчас. В общем, тем вечером сын Гэвина пригнал коров, однако одной не хватало. Парень рыскал и по холмам, и в лощинах... не нашел. Гэвин оставил его доить оставшихся двух, а сам отправился на поиски пропажи.

Джейми вертел в ладонях кружку, всматриваясь в темный эль, словно видел в нем родные горные пики и затянутые туманом долины.

– Он успел порядком отойти, и, когда оглянулся, дом уже скрылся из виду. Даже света в окне было не различить. И тишина – только ветер выл. Гэвин зашагал дальше по грязи и вереску. Под ногами потрескивал лед.

В тумане показалась рощица. Гэвин направился к ней, думая, что корова могла спрятаться под деревьями. Он говорил, там росли березы. Они стояли уже совсем без листьев, зато так сплелись ветвями, что приходилось наклоняться, чтобы пройти.

Итак, Гэвин вошел в рощу и понял – никакая это не роща, а кольцо деревьев. Высоких, ровных. Между ними ютились маленькие. Из веток образовалась самая настоящая стена. А в центре – могильник.

Несмотря на духоту таверны, у меня по спине опять побежал холодок. Я уже видела древние могильники в Шотландии. Рядом с ними даже днем не по себе.

Джейми отпил эля и вытер пот с виска.

– Бедняге Гэвину аж поплохело: он понял, где оказался. Старый могильник, такие выкладывают из обломков скалы, насыпают гору из камней. Странное место. А уж в темноте, на морозе... Гэвин видел перед собой черный провал входа. Он знал, что нельзя подходить близко, особенно без сильного оберега. А у Гэвина – только деревянный крестик на

шее. Поэтому он осенил им себя и ушел.

Джейми сделал еще глоток.

– Отходя от рощи, – проговорил он тихонько, – Гэвин расслышал за спиной шаги.

Иэн сглотнул и, не сводя глаз с дяди, на ощупь потянулся за кружкой.

– Гэвин шагал не оглядываясь, – продолжил Джейми. – Но то, что следовало за ним, не отставало. А когда он добрался до обледеневшего торфяника – настолько холодная стояла погода, что лед трещал под ботинками, – сзади тоже раздавалось: «Кх! Кх!» Наконец Гэвин не выдержал, крепко сжал крестик и с громким криком повернулся к неведомому преследователю.

– И что же там было? – Зрачки Иэна расширились от изумления и выпитого эля.

Джейми глянул на парнишку, потом на Дункана и кивнул, чтобы тот продолжал.

– Гэвин говорил, там был словно человек, только без тела, – тихо сказал Дункан. – Весь белый, словно сотканный из тумана. А на месте глаз – здоровенные черные дыры. Такие, что от ужаса Гэвин чуть на месте не околел.

– Но он выставил крестик перед собой и начал вслух молиться Деве Марии. – Джейми подался к столу. Тусклый свет камина очертил его профиль золотом. – И оно не смогло приблизиться. Замерло, наблюдая. Поэтому Гэвин стал пятиться, не решаясь поворачиваться спиной. Он спотыкался, боясь, что в любой момент упадет в речку или сорвется вниз со скалы, но больше всего он боялся повернуться к тому созданию спиной.

Гэвин шел и шел. Его ноги уже дрожали от усталости, когда он в конце концов различил в тумане огонек свечи в окне. Он радостно вскричал и бросился к дому, однако призрак оказался проворнее – метнулся мимо него и встал перед дверью.

Жена ждала Гэвина и, услышав его, тут же подошла к двери. Гэвин крикнул, чтобы она не выходила, а нашла что-нибудь, чтобы прогнать существо. Добрая женщина мигом выхватила горшок из-под кровати и ветку мирта, перевязанную красной и черной нитями, которую сделала, чтобы благословлять коров. А потом выплеснула воду на порог, и холодное нечто, взлетев, оседлало дверной косяк. Гэвин рванул в дом, запер дверь и не выпускал жену из объятий до самого рассвета. Свеча горела в окне всю ночь. С тех пор Гэвин Хэйз больше никогда не выходил из дома после заката. Пока не отправился воевать за принца Терлаха.

Даже Дункан, уже слышавший историю, вздохнул. Иэн перекрестился,

а потом смущенно оглянулся – никто не заметил.

– И теперь Гэвин ушел во тьму, – тихо сказал Джейми. – Мы не позволим ему лежать в неосвященной земле.

– А корову нашли? – поинтересовался практичный Фергус.

Джейми вскинул бровь, повернувшись к Дункану, и тот ответил:

– Ага, нашли. Обнаружили несчастную животину на следующее утро. Все копыта забились грязью и камнями, глаза навывкате, морда в пене, и бока выпирали, будто вот-вот лопнут. – Он глянул на меня, на Иэна, и снова на Фергуса. – По словам Гэвина, на ней будто съездили в ад и обратно.

– Господи... – Иэн от души хлебнул эля.

Я последовала его примеру. Пьяная компания в углу пыталась затянуть песню, но каждый раз лишь заливалась хохотом.

Иэн опустил кружку на стол.

– А что с ними случилось? – вдруг заволновался мальчишка. – С женой и сыном Гэвина?

Мы переглянулись с Джейми, и он коснулся ладонью моего бедра. Я и без слов понимала, что стряслось с семьей Хэйза. Только благодаря храбрости и непреклонности Джейми подобное не случилось со мной и нашей дочерью Брианной.

– Гэвин так и не узнал, – тихо отозвался Джейми. – О жене больше ничего не слышал... Наверное, умерла от голода. Или холода, если ее выселили. Сын сражался бок о бок с Гэвином у Каллодена. Как только в камеру бросали человека, бывшего там же, Гэвин спрашивал: «А ты не видал часом паренька – Арчи Хэйз зовут, вот такого роста?» – Джейми механически повторил жест Гэвина, подняв руку футов на пять от пола. – Лет четырнадцать пареньку, носит зеленый пледик с небольшой золотой фибулой», – говорил он. Никто ничего не знал.

Джейми сделал глоток эля, не сводя глаз с британских офицеров, которые устроились в другом углу. На улице уже темнело, так что они явно отдыхали после дежурства. Кожаные платки на шеях были размотаны из-за жары. Под мундирами поблескивало личное оружие, почти черное в полумраке.

– Гэвин надеялся, что парня просто схватили и отправили работать в колонии, – сказал Джейми, – как брата.

– Должны же быть какие-то записи? – спросила я. – Они вели... ведут... у них есть списки?

– Вели, – согласился Джейми, по-прежнему наблюдая за солдатами. На его губах мелькнула горькая усмешка. – Это меня и спасло после Каллодена. Прежде чем пристрелить, они спросили мое имя, чтобы

добавить в список. Но такой, как Гэвин, вряд ли сумел бы заглянуть в английские списки погибших. А если и сумел бы, то, наверное, не пожелал бы смотреть. Разве хотела бы ты узнать наверняка, что там числится твой ребенок?

Я покачала головой, и Джейми легонько стиснул мою руку. В конце концов, наша дочь в безопасности. Джейми осушил свою кружку и поманил прислугу.

Девушка принесла еды, стараясь держаться от стола подальше из-за Ролло. Зверь без движения лежал в ногах, пристроив огромный лохматый хвост мне на ступни. Желтые глаза неотрывно следили за происходящим в таверне. Проследили они и за девушкой, которая пятилась, нервно поглядывая на пса, пока не оказалась на безопасном расстоянии от его клыков.

Джейми с сомнением уставился на эту так называемую собаку.

– Может, он голодный? Попросить для него рыбы?

– Нет, дядя, не надо, – успокоил его Иэн. – Ролло сам ловит себе рыбу.

Джейми вскинул брови, но в ответ только кивнул. Бросив еще один подозрительный взгляд на пса, он взял с подноса тарелку жареных устриц.

– А-а, какая жалость. – Дункан уже успел порядком напиться. Он привалился к стене, а безрукое плечо задралось выше другого, что делало его похожим на горбуна. – Почему такой замечательный малый, как Гэвин, должен был так кончить!

Он печально замотал головой над кружкой.

– Семьи не осталось, никто не оплачет, совсем один в чужой стране... Повесили как преступника, да еще и похоронят в неосвященной земле. Даже погребальную песнь ему не споют как положено!

Схватив кружку, Дункан с трудом поднес ее ко рту, сделал приличный глоток и со стуком опустил на стол.

– Нет, пусть услышит свою песнь! – Он воинственно оглядел Джейми, Фергуса и Иэна. – Почему бы и нет?

Джейми еще не напился, но и уже не был трезв.

– И в самом деле! – отозвался он. – Только петь, Дункан, придется тебе. Остальные Гэвина не знали, а из меня певец никакой. Хотя подпевать буду.

Дункан кивнул с важным видом, не сводя с нас покрасневших глаз. А потом вдруг запрокинул голову и завыл. Я подскочила на месте, облившись элем, а Иэн с Фергусом, явно уже слыхавшие шотландские погребальные песнопения, и ухом не повели.

Посетители таверны взметнулись на ноги, хватаясь за оружие.

Служанка, округлив глаза, выглянула из-за стойки. Ролло проснулся с оглушительным «гав!» и начал озираться, скаля зубы.

– *Tha sinn cruinn a chaoidh ar caraid, Gabbainn Hayes*, – прогремел Дункан хриплым баритоном.

Мои познания в гэльском помогли понять это как: «Мы собрались здесь, дабы воззвать к Небесам и оплакать нашего утраченного друга, Гэвина Хэйза!»

– *Èisd ris!* – отозвался Джейми.

– *Rugadh e do Sheumas Immanuel Hayes agus Loisa N'ic a Liallainn an am baile Chill-Mhartainn, ann an sgìre Dhùn Dòmhnuill, anns a bhliadhnaseachd ceud deug agus a haon!*

Он был рожден у Симуса Эммануила Хэйза и Луизы Маклиллан в деревне Килмартин церковного прихода Додэнил, в году тысяча семьсот первом от Рождества Христова!

– *Èisd ris!* – в этот раз гаркнули и Фергус с Иэном, что грубо переводилось как «услышьте его!».

Ролло плевать хотел на куплеты с припевами. Пес прижал уши, сощурил желтые глаза; Иэн успокаивающе потрепал его по голове, и зверь вновь улегся, тихонько рыча себе под нос. Явно всех проклиная по-волчьи.

Посетители таверны удостоверились, что опасность им не грозит, и сели, наслаждаясь новым представлением. Нестройное пение компании в углу всех давно уже утомило. К тому времени, как Дункан принялся перечислять поименно овец, принадлежавших Гэвину Хэйзу, пока тот не отправился за своим лэрдом к Каллодену, многие вокруг дружно орали «*Èisd ris!*» и стучали кружками по столам, хотя совершенно не понимали, о чем идет речь. И хорошо.

Дункан, весь взмокший и как никогда пьяный, злобно уставился на солдат за соседним столом.

– *A Shasunnaich na galladh, 's olc a thig e dhuibh fanaird air bàs gasgaich. Gun toireadh an diabhl fhein leis anns a bhàs sibh, dìreach do Fhìrinn!!*

Грязные саксонские псы, пожиратели мертвечины! Да падет на вас мор, ведь вы радовались смерти доброго человека! Пусть сам дьявол явится вам в последний час и утащит прямиком в ад!

На этих словах Иэн слегка побледнел, а Джейми прищурился, но оба бодро рывкнули «*Èisd ris!*» вместе со всей толпой.

Вдохновленный, Фергус пустил шляпу по кругу. Народ, подогретый элем и весельем, с удовольствием швырял в нее медяки, даже не подозревая, за какую песню так благодарят.

Хоть я и умела пить наравне с мужчинами, мочевой пузырь у меня был куда меньшего размера. Голова кружилась от шума и духоты не меньше, чем от выпитого, но я все же протиснулась сквозь толпу и вышла на свежий воздух.

Солнце давно опустилось за горизонт, однако на улице по-прежнему было жарко и почти нечем дышать. Правда, хоть не так людно.

Облегчившись, я с кружкой в руках присела на колоду для рубки дров. Ночь стояла ясная, яркий полумесяц заливал гавань серебром. В свете окон таверны виднелся наш фургон, где, судя по всему, лежало по всем приличиям завернутое в саван тело Гэвина Хэйза. Думаю, ему понравилась зауспокойная песнь.

Дункан наконец выдохся. Вместо него запел чистый тенор. Он пьяно подрагивал, но звучал все равно приятно, перекрывая болтовню знакомой мелодией.

К Анакреону в раю, где он от души пировал,
Гармонии дети обратились с посланьем.
Чтоб он их вдохновлял, чтобы их защищал.
И веселый старик им вот что завещал:

«Пой, играй веселей,
Себя не жалей,
А я вас всегда вдохновлю».

Голос певца сорвался на «пой, играй веселей».

«А еще, я вас научу заодно
Мешать, как я, мирт и вино!»

Я отсалютовала передвижному гробу кружкой, тихонько повторяя за певцом последние строки:

А зная со звездами вьется ль, скажи,
Над землей для свободной и смелой души?

А потом осушила кружку и осталась сидеть, ожидая, когда выйдут мои

спутники.

Глава 2

Мы встречаем призрака

– Десять, одиннадцать, двенадцать... и два, и шесть... один фунт восемь шиллингов шесть пенсов и два фартинга! – Фергус торжественно опустил последнюю монетку в кисет и, затянув шнурок, вручил его Джейми. – И три пуговицы, – добавил он, – но они здесь. – Фергус похлопал по карману.

– Заплатила хозяину за ужин? – спросил Джейми, взвешивая кисет на ладони.

– Да, – успокоила его я. – У меня осталось четыре шиллинга и шесть пенсов к тому, что насобираал Фергус.

Тот скромно улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

– Тогда нам хватит на похороны, – сказал он. – Сейчас повезем месье Хэйза к священнику или подождем до утра?

Джейми хмуро глянул на фургон, стоящий у таверны, потом на растущую луну.

– Священник-то уже спит, наверное. Хотя...

– Не стоит его возить за собой, – перебила я. – Не в обиду будь сказано... – поспешно извинилась я перед фургоном и его ношей. – Но если нам придется спать в лесу, то... эм... запах...

Сейчас, конечно, мы ничего не чувствовали, однако стоило отойти от задымленной таверны, как душок из фургона сразу становился заметным. Все-таки Гэвин умер нелегко, а день был очень жарким.

– Тетушка Клэр права, – согласился Иэн, незаметно вытирая нос костяшками пальцев. – Нам дикие звери ни к чему.

– Не можем же мы оставить Гэвина тут! – возразил пораженный Дункан. – Что, бросим его на ступеньках таверны прямо в саване, как найденыша в пеленках?! – Он опасно зашатался. Дункан и без алкоголя плохо держал равновесие.

Губы Джейми изумленно дрогнули. Луна высветила тонкую переносицу.

– Нет, мы его не бросим. – Он сунул звякнувший кисет в карман. – Сами похороним. Фергус, сходи-ка в конюшню, ладно? Может, тебе там продадут лопату по дешевке.

Наш краткий путь к церкви по тихим улочкам Чарльстона не был

похож на обычную траурную процессию, потому что Дункан настойчиво повторял лучшие фрагменты зауспокойной песни.

Джейми пустил лошадей шагом, лишь изредка понукая. Шатающийся Дункан брел, распевая куплеты и сжимая узду одной лошади, а Иэн придерживал другую, чтобы та не рванула вперед. Мы с Фергусом почтено замыкали процессию. Он, с только что купленной лопатой наперевес, вполголоса мрачно предсказывал, как нас всех на ночь бросят в тюрьму за нарушение городского покоя.

Церковь высилась в конце улочки, на приличном расстоянии от крайнего дома. Как раз нам на руку, ведь мы не хотели привлекать внимания. Правда, поэтому же на кладбище у церкви было темно, хоть глаз выколи. Ни фонаря, ни свечи – крошечная тьма.

Над воротами нависали огромные магнолии с пожухшими от жары листьями. Ряд сосен днем так и манил отдохнуть в тени, а ночью не пропускал ни капли лунного света. Будто не кладбище, а... склеп.

Идти сквозь эту темноту – как раздвигать собой шторы из черного бархата, слегка пахнущие смолой от нагретых на солнце сосен, бесконечные слои чего-то мягкого, удушающего... Полная противоположность холодной чистоте Шотландии. Однако под кирпичными стенами клубился едва заметный туман, и я, к несчастью, живо вспомнила историю о приключении Гэвина Хэйза, которую поведал Джейми.

– Дункан, останься с лошадьми. – Джейми соскользнул с козел. – Может, найдем хорошее местечко у стены... – проговорил он, ведя меня за руку к воротам. – Мы с Иэном раскопаем, а Фергус постоит на страже.

– А Дункан? – Я оглянулась. – С ним все будет в порядке?

Шотландца уже не было видно – долговязая фигура слилась с фургоном и лошадьми, зато слышно его было отлично.

– Будет главным плакальщиком, – отозвался Джейми с тенью улыбки в голосе. – Пригнись, саксоночка.

Я машинально наклонила голову и прошла под низкой веткой магнолии. Интересно, Джейми и правда видел в полной темноте? Он никогда не спотыкался, даже при полном отсутствии света.

– А ты не думал, что свежую могилу сразу заметят?

Выйдя из-под магнолий, я все-таки различила смутные очертания надгробий. У их подножий над густой травой тоже расплзался легкий туман.

Подошвы ног закололо, пока мы короткой дорогой пробирались к стене церкви. Словно из-под земли доносился немой упрек за наше

неприличное вторжение. Я случайно зацепила надгробие лодыжкой и закусил губу – уж очень хотелось вслух извиниться перед лежавшим под ним человеком.

– Наверняка заметят. – Джейми отпустил мою руку и полез в карманы сюртука. – Но если священник хотел денег за похороны, то не думаю, что он будет за просто так выкапывать Гэвина, правда?

Сбоку от меня вдруг возник Иэн. Я вздрогнула.

– У северной стены есть место, дядюшка, – сказал он тихонько, хотя вокруг, кроме нас, не было ни души, и слегка придвинулся ко мне. – Ух, как здесь темно, – неуверенно пробормотал мальчишка.

Он выпил почти столько же, сколько Джейми или Фергус, однако в старших мужчинах эль пробудил мрачное чувство юмора, а вот Иэн явно приуныл.

– Ага, темно. Я прихватил из таверны огарок свечи, погоди.

Раздался легкий шорох – Джейми нашел кремень и трутницу. В темноте мне чудилось, что я и сама бесплотна, как призрак. Над головой сияли звезды, но их свет не достигал земли, застревая в душном воздухе, и они выглядели бесконечно далекими и одинокими.

– Как всенощная перед Пасхой, – негромко заговорил Джейми, чиркая кремнем. – Однажды видел службу в соборе Парижской Богоматери. Иэн, камень!

Звук удара и приглушенный стон возвестили, что мальчишка самостоятельно обнаружил преграду.

– Внутри было совсем темно, – продолжал Джейми, – но на входе прихожане покупали небольшие свечи у старух. Похоже на... – я скорее почувствовала, чем увидела, как он указал вверх, – на небо сейчас. Огромное пространство над головой, звенящая тишина, море людей вокруг.

Несмотря на духоту, я невольно содрогнулась от его слов. Они напомнили о множестве мертвецов, лежащих бок о бок прямо под нашими ногами, терпеливо ожидая грядущего воскрешения.

– А потом, когда я уже едва мог выносить тишину и толчею, у дверей послышался голос. Священник провозгласил: «Христос воскрес! Да будет свет!» Служки тут же зажгли огромную свечу в его руках, а от нее и свои свечи и засновали по рядам, передавая пламя всем верующим.

От кремня летели слабые искры, освещая руки Джейми.

– И собор ожил тысячей крошечных огоньков. Но именно та, первая свеча прорвала тьму.

Чирканье прекратилось, и Джейми убрал ладонь, прикрывавшую новорожденное пламя. Оно набрало силу и осветило его лицо снизу, бросая

золотистые отблески на лоб и высокие скулы.

Приподняв свечу, Джейми оглядел смутные очертания крестов, таких же зловещих, как и каменные надгробия.

– Да будет свет, – тихо сказал он, склоняя голову перед гранитным памятником, – покойся с миром, друг.

Он говорил серьезно, уже без полунасмешливой нотки, и я вдруг почувствовала странное спокойствие, как будто некий призрачный наблюдатель наконец отступил.

Джейми улыбнулся и протянул мне свечу.

– Поищи деревяшек для факела, саксоночка, – сказал он. – А мы с Иэном будем по очереди копать.

Я все равно напоминала себе расхитителя могил, пока стояла с факелом под деревом и наблюдала, как юный Иэн и Джейми по очереди роют могилу. Их обнаженные спины поблескивали от пота.

– Студенты-медики раньше платили людям, чтобы те крали для них свежие трупы с кладбищ, – заметила я, протягивая свой испачканный носовой платок Джейми, который, кряхтя, выбрался из ямы. – Только так они могли попрактиковаться в анатомировании.

– Платили? – отозвался Джейми. Он вытер лицо и покосился на меня. – Или платят?

К счастью, в темноте Иэн не заметил, как я вспыхнула. Не в первый раз я вот так оговаривалась, и явно не в последний. Чаще всего подобные оплошности вызывали не более чем удивленные взгляды, или их вообще не замечали. Ведь о том, откуда они берутся, никто даже при всем желании не догадался бы.

– Наверное, они и сейчас подобным занимаются, – выкрутилась я.

Я содрогнулась от мысли о необходимости работать с только что извлеченным телом. Уже тронутым разложением, покрытым грязью оскверненной могилы. Набальзамированные кадавры на стерильных стальных столах, конечно, тоже не особо приятны, но их вид по крайней мере не демонстрировал смерть во всей ее гниющей красе.

Резко выдохнув через нос, я попыталась отогнать от себя такие живые воспоминания о запахах. А когда снова вдохнула, то почувствовала только сырую землю, горячую смолу и ее прохладный отголосок – аромат самих сосен над головой.

– А еще они забирают нищих и преступников из тюрем. – Иэн явно нас расслышал. Он, скорее всего, ничего не понял, однако воспользовался возможностью передохнуть: утер лоб и оперся на черенок лопаты. – Папа

рассказывал. Однажды его арестовали, отправили в Эдинбург и заперли в Толбуте, в камере с тремя заключенными. Так вот один из них страдал от чахотки. Кашлял ужасно, спать совсем не давал. И как-то ночью кашель прекратился – несчастный умер. Но папа сказал, что они все тогда слишком вымотались, поэтому смогли лишь прочитать над ним молитву и сразу же заснули.

Мальчик умолк и почесал нос.

– Потом папа вдруг проснулся оттого, что его поднимают за руки, за ноги. Начал пинаться и орать так, что его вырвали, и он грохнулся головой прямо о каменный пол. Сел, значит, потирая макушку, и понял, что глядит на доктора из местной больницы и двух ребят, которых тот снарядил с собой, чтобы забрать тело на вскрытие.

Юный Иэн широко усмехнулся воспоминаниям, убирая с лица влажные от пота волосы.

– Папа говорил, что не знал, кого больше боялся: доктора или парней, выбравших не то тело. Доктор-то сожалел: мол, из папы вышел бы более любопытный образец. Ну, одноногий, все такое.

Джейми рассмеялся, потягиваясь, чтобы расслабить плечи. Перепачканный, да с повязанным на голове платком, чтобы волосы не мешались, он выглядел ничем не лучше расхитителя могил.

– Ага, помню эту историю. Теперь Иэн-старший всех докторов считает упырями и садистами и ничего общего с ними иметь не желает.

Джейми усмехнулся, глядя на меня. В своем времени я была врачом, причем хирургом; здесь же я могла выдавать себя лишь за знахарку, сведущую в травах.

– К счастью, я каких-то там упырей не боюсь, – сказал Джейми и быстро меня поцеловал.

Его губы были теплыми, с привкусом эля. По груди стекал пот, цепляясь за завитки волос. В тусклом свете на коже темнели соски. Я вздрогнула, но вовсе не от холода или зловещей обстановки. Джейми заметил. Наши взгляды встретились. Он глубоко вздохнул, и я вдруг почувствовала всю тесноту корсажа и тяжесть собственной груди под пропитавшейся потом тканью.

Джейми слегка шевельнулся, пытаюсь встать так, чтобы и без того узкие штаны не давили на плоть.

– Вот черт... – тихонько выругался он и отвел взгляд, печально улыбаясь.

Так бывает. Внезапная вспышка похоти – частая, пусть и странная реакция на близость смерти. Такое случается и у солдат после боя, и у

врачей после тяжелой работы по локти в крови. Может, Иэн и прав, доктора те еще упыри...

Джейми коснулся моей спины, и я вновь вздрогнула. От резкого движения с факела посыпались искры. Джейми забрал его и кивнул на надгробие рядом.

– Присядь, саксоночка. Тебе вредно столько стоять.

Во время кораблекрушения я заработала трещину в большеберцовой кости левой ноги, и нога до сих пор иногда болела.

– Все хорошо, – отозвалась я, однако шагнула к надгробию, по пути легонько задев Джейми.

Он излучал жар, но на ощупь его кожа была прохладной – ее остудил выступивший пот. Джейми покрылся мурашками от моего касания. Я сглотнула, отгоняя внезапное видение: темнота, страстные объятия, смятая трава...

Джейми приласкал мой локоть, помогая усесться на камень. Рядом обнаружился Ролло. Он тяжело дышал от духоты, на клыках поблескивали капли слюны, желтые глаза прищурились.

– Даже не думай, – отрезала я, щурясь на пса в ответ. – Укусишь – я тебе туфлю в пасть затолкаю, подавишься.

– Гав, – негромко ответил Ролло. Он устроил морду на лапах, но мохнатые уши стояли торчком, готовые уловить малейший шорох.

Лопата с тихим чавканьем вошла в землю у ног Иэна. Выпрямившись, юноша вытер пот с лица грязной ладонью, шумно выдохнул и по-собачьи вывалил язык, изображая усталость.

– Ага, уже хватит, – кивнул Джейми на его безмолвную мольбу. – Пойду за Гэвином.

Фергус нахмурился.

– А вы сами донесете тело, милорд? – произнес он, явно не желая с этим связываться.

– Справлюсь, – криво улыбнулся Джейми. – Гэвин небольшого роста. А вот факел понадобится. Посветишь мне?

– И я пойду, дядя! – Иэн бегом выкарабкался из могилы. – На всякий случай, вдруг помочь надо, – добавил он, запыхавшись.

– Боишься один в темноте остаться? – съязвил Фергус.

Наверное, это место и его самого заставляло понервничать. Да, он частенько дразнил Иэна, к которому относился как к младшему брату, однако почти не шутил по-настоящему жестоко.

– Ага, боюсь, – просто ответил Иэн. – А ты нет?

Вскинув брови, Фергус промолчал и последовал за Джейми к темному

провалу покойничьих ворот.

– Правда здесь страшно, тетушка? – смущенно пробормотал Иэн, держась ко мне поближе, пока мы пробирались мимо надгробий вслед за огоньком факела. – Все думаю про ту историю, что дядя Джейми рассказал. Теперь ведь Гэвин умер, и, может, та холодная штукавина... То есть теперь... она за ним вернется?

Мальчишка шумно сглотнул, и мне показалось, будто ледяные пальцы коснулись спины.

– Нет, – сказала я довольно громко и схватила Иэна под руку, даже не ради поддержки, а чтобы убедиться, что он живой и теплый. – Конечно, нет.

Кожа мальчика была липкой от пота, но ощущение мышц под ладонью успокаивало. А почти невидимая фигура напоминала о Джейми. Иэн вымахал едва ли не с него ростом, да и в силе прибавил, хотя по-прежнему оставался тощим и нескладным, как любой подросток.

Мы с благодарностью шагнули в крошечный островок света от факела в руке Фергуса. Огонь плясал, и колеса фургона отбрасывали причудливые тени-паутины. На дороге было точно так же душно, как и на кладбище, но дышалось почему-то легче, свободнее. Больше не нависали давящие деревья.

Дункан, как ни странно, еще не заснул. Он ссутулился на козлах, втянув голову в плечи, словно сонный филин, и мурлыкал себе под нос, пока не увидел нас. Долгое ожидание, наверное, слегка привело его в чувство, он достаточно уверенно соскользнул с места и направился помогать Джейми.

Я подавила зевок. Поскорее бы уже разделаться с нашим печальным долгом и отдохнуть, даже на постели из горы листьев...

– *Ifrinn an Diabhuil! A Dhia, thoir cobhair!*^[3]

– *Sacrée Vierge!* ^[4]

Я вскинула голову. Испуганные лошади ржали и рвались из упряжи, от чего фургон дергался и раскачивался.

– Гав! – высказался рядом со мной Ролло.

– Господи! – выдохнул Иэн, таращась на фургон. – Господи Иисусе!

Я завизжала. Из фургона показалась бледная фигура. Больше я ничего не успела увидеть – все завертелось.

Ролло бросился вперед с рычанием, вторившим крикам Иэна и Джейми и жуткому вою призрака. У меня за спиной послышались

ругательства на французском – Фергус рванул обратно на кладбище, в темноте спотыкаясь и врезаясь в надгробия.

Джейми выронил факел – огонь замигал и зашипел на пыльной дороге. Рухнув на колени, я подхватила его и принялась отчаянно раздувать пламя.

Крики и рычание стали громче, а когда я поднялась с факелом в руке, то увидела, как Иэн пытается оттащить Ролло от смутных фигур, которые катались по земле в облаке пыли.

– *Arrêtes, espèce de cochon!* [5] – выскочил из темноты Фергус, угрожающе взмахивая лопатой.

Поняв, что никто не обратил на него внимания, он шагнул вперед и двинул лопатой по голове прищельца с глухим «бам!», а потом развернулся к Иэну с Ролло.

– И ты угомонись, – пригрозил псу Фергус. – Сейчас же умолкни, поганая тварь, или я мозги тебе вышибу!

Ролло заворчал, оскалив огромные зубы, что, на мой взгляд, переводилось, как «а еще чего?». Однако его удержал Иэн: что было силы обхватил пса за шею руками.

– Откуда он взялся? – Мальчишка вытянул шею, пытаясь рассмотреть упавшее тело и одновременно не выпустить Ролло.

– Из ада, – буркнул Фергус. – Сейчас я его отправлю обратно.

От пережитого потрясения и напряжения он весь дрожал. Крюк тускло блеснул, когда Фергус смахнул им с лица прядь густых черных волос.

– Не из ада, а с казни. Ты что, не узнал?

Джейми медленно поднялся, оттряхивая штаны.

– Где Дункан? – огляделся он, вытирая лицо платком.

– Здесь, Макдью, – послышался мрачный голос со стороны упряжки. – Лошадям и так Гэвин не нравится, а тут они совсем расстроились. Правда, – признал Дункан, – я и сам струхнул малость. – Он недовольно уставился на человека в пыли и крепко похлопал по шее норовистую лошадку. – Эй, это просто какой-то недоумок, угомонись, хорошая моя.

Вручив факел Иэну, я опустила на колени и осмотрела незнакомца. Досталось ему несильно, он уже шевелился. Джейми прав: нашим гостем оказался тот самый беглец. Молодой мужчина, лет тридцати, хорошо сложенный и сильный. Светлые волосы свалялись от грязи и пота. А еще от него несло тюрьмой и страхом. Неудивительно.

Я поддержала его под локоть, помогла сесть. Беглец заворчал, держась за голову.

– Как вы?

– Благодарствую, мэм, бывало и получше, – заговорил он с легким ирландским акцентом. Голос у него оказался мягкий, глубокий.

Ролло, слегка скалясь, сунул нос под мышку мужчине, а потом отдернул голову и шумно чихнул. Раздались тихие смешки, и напряжение мгновенно спало.

– Ты как долго там просидел? – требовательно спросил Дункан.

– Да с полудня. – Беглец поднялся на колени, покачиваясь после удара лопатой. Он снова коснулся головы и поморщился. – Ох, господи... Заполз туда, как только французик погрузил беднягу Гэвина.

– А до этого вы где были? – спросил Иэн.

– Под виселицей прятался. Думал, туда-то они уж точно не заглянут. – Глаза его в свете факела были светло-зелеными, как вода на отмели. Взгляд заметался от лица к лицу и наконец остановился на Джейми. – Стивен Боннет. К вашим услугам, сэр.

Руку для приветствия он не протянул. Как и Джейми.

– Мистер Боннет, – кивнул тот в ответ, сохраняя на лице спокойствие.

Не знаю, как он умудрялся смотреться так внушительно, будучи одет лишь в пару влажных грязных штанов.

Таких, как Боннет, деревенские жители называли ладно сбитыми, с грубым, по-своему красивым лицом. Ростом он был немного ниже Джейми, но стоял расслабленно, слегка сжимая кулаки. Драться умеет – судя по немного искривленному носу и шрамику в углу рта. Впрочем, эти изъяны нисколько не умаляли его животной притягательности. Женщины на таких падки. Однако далеко не все, поправила себя я, когда он бросил на меня задумчивый взгляд.

– За какую провинность вас приговорили к смерти, мистер Боннет? – спросил Джейми.

Он тоже выглядел спокойным, хотя напряженно следил за собеседником – точно как сам Боннет. Словно два пса, прижав уши, оценивают, когда броситься в бой.

– Контрабанда, – кратко ответил Боннет.

Джейми молча наклонил голову.

– И пиратство. – На лице дернулась мышца – это Боннет пытался улыбнуться или невольно выдал страх?

– А совершая преступления, вы часом не убивали?

«Хорошенько подумай, – говорили глаза Джейми, – а потом подумай еще раз».

– Только тех, кто первым хотел убить меня. – Слова прозвучали легко, почти беспечно. А вот рука Боннета, напротив, сжалась в кулак.

Меня осенило: Боннет сейчас будто вновь предстал перед судом. Он ведь не знает, что мы точно так же не желаем иметь дело с солдатами.

Джейми еще раз присмотрелся к чужаку, а потом кивнул и отступил на полшага назад.

– Что ж, идите, – тихо сказал он. – Мы не станем мешать.

Боннет шумно выдохнул. Сильное тело расслабилось, а плечи под дешевой льняной рубахой опустились.

– Благодарю, – отозвался он, затем провел ладонью по лицу и снова вздохнул. Взгляд метнулся от меня к Фергусу, потом к Дункану. – Может, вы мне подсобите?

Дункан, успокоившийся после слов Джейми, удивленно заворчал:

– Подсобить? Тебе, вору?

Боннет повернулся к нему. Железный ошейник создавал странное впечатление – будто голова парила отдельно от тела.

– Помогите, – повторил Боннет. – На дорогах полно солдат – все меня ищут. А вы могли бы тихонько провезти меня мимо них... если того пожелаете. – Он указал на фургон и повернулся к Джейми, снова выпрямив спину. – Молю о помощи, сэр, именем Гэвина Хэйза, который также был моим другом. И вором, как я.

Мои товарищи задумались. Фергус вопросительно глянул на Джейми. Решение оставалось за ним. Джейми повернулся к Дункану.

– Что скажешь?

– Ради Гэвина, – наконец кивнул тот и направился к воротам кладбища.

– Ладно, – вздохнул Джейми и убрал выбившуюся прядь волос за ухо. – Помогите нам похоронить Гэвина, – обратился он к нашему новому гостю. – И в путь.

Через час могила Гэвина была уже лишь голым прямоугольником свежевскопанной земли.

– Надо написать имя, – сказал Джейми и тщательно выцарапал буквы и даты кончиком ножа на гладком камне.

Я втерла в камень немного сажи с факела; надпись стало лучше видно, и Иэн установил это своеобразное «надгробие» на груды заранее собранной гальки. Сверху Джейми осторожно опустил огарок свечи.

Все мы неловко постояли над могилой, не зная, как попрощаться с Гэвином. Джейми и Дункан держались рядом, опустив глаза. После Каллодена им многих довелось провожать в последний путь, зачастую куда менее торжественно.

Наконец Джейми кивнул Фергусу, и тот, запалив сухую веточку от факела, поджег фитиль свечи.

– *Requiem aeternam dona ei, et lux perpetua luceat ei...* – тихонько проговорил Джейми.

– Да будет он вечно покоиться в мире, и пусть над ним сияет вечный свет... – печальным эхом отозвался Иэн.

Мы молча развернулись и покинули кладбище. Позади осталась гореть свеча – как лампада в пустой церкви.

Когда мы добрались до заставы за городской стеной, на небо поднялась луна, и ее света хватало, чтобы различить широкую ухабистую дорогу.

Мы уже проезжали подобные заставы по пути из Саванны в Чарльстон. Скучающие солдаты попросту давали отмашку, не глядя на пропуска, которые мы добыли в Джорджии. На заставах в основном пытались не допустить контрабанду да отлавливали беглых рабов.

Даже грязными и оборванными, мы легко миновали большинство из них: обычно путешественники выглядели не лучше нашего. Фергуса и Дункана не могли принять за рабов из-за увечий, а вид Джейми говорил сам за себя – и в потрепанной одежде его никто не назвал бы прислугой.

Но теперь все было иначе. На заставе нас встретили восемь солдат, а не привычные два, причем все были начеку и при оружии. В лунном свете тускло сверкнули стволы мушкетов.

– Стой! – раздался окрик из темноты. – Кто такие, куда направляетесь?

Свет больно резанул по глазам – кто-то сунул фонарь мне чуть ли не в лицо.

– Джеймс Фрейзер, направляюсь в Уилмингтон с семьей и слугами, – спокойно проговорил Джейми. Он передал мне поводья и потянулся за пропусками.

Я опустила голову, стараясь притвориться усталой и безучастной. То есть я устала, конечно же, – хоть посреди дороги завалилась бы спать, – но до безучастной мне было далеко. Что они делают с теми, кто помогает осужденным сбежать?.. По шее стекла капелька пота.

– Никого не встретили по дороге, сэр? – Обращение «сэр» солдат выдавил нехотя – уж слишком обшарпанно мы выглядели, даже в свете одинокого фонаря.

– Только экипаж, который нас обогнал. Думаю, вы и сами его видели, – ответил Джейми.

Сержант что-то проворчал в ответ, внимательно изучая пропуска, а

потом взгляделся в темноту – пересчитывал нас.

– Что везете? – Он вернул пропуска и жестом приказал подчиненному обыскать фургон.

Я нечаянно дернула поводья, и лошади зафырчали, мотая головами. Нога Джейми тут же коснулась моей.

– Домашние вещи, – ответил он, по-прежнему невозмутимый. – Половину оленьей туши и соль для пропитания. И тело.

Солдат, потянувшийся было к фургону, замер.

– И что? – уставился на Джейми сержант.

Джейми забрал у меня поводья и привычным движением обернул их вокруг запястья. Краем глаза я заметила, как Дункан скользнул в сторону темного леса. Фергус с проворством карманника уже давно исчез из виду.

– Тело человека, повешенного сегодня днем. Мы были знакомы. Полковник Франклин разрешил отвезти его родственникам, на север. Поэтому мы путешествуем по ночам, – уточнил Джейми.

– Ясно. – Сержант подозвал солдата с фонарем поближе и задумчиво прищурился. – А я вас помню. Вы его окликнули в последний момент. Друг, что ли?

– Познакомились однажды. Несколько лет назад.

Сержант кивнул подчиненному, не сводя с Джейми глаз.

– Гризвольд, проверь.

Гризвольд, которому на вид было лет четырнадцать, совсем не обрадовался приказу, но послушно отодвинул брезент и приподнял фонарь. Я еле удержалась, чтобы не оглянуться.

Лошадь снова всхрапнула и дернула головой. Если нам придется удирать, кони все равно не сразу сдвинут фургон с места... Сзади зашевелился Иэн – мальчишка тайком сжал дубинку, спрятанную под сиденьем.

– Так точно, сэр, тело, – отчитался Гризвольд. – В саване.

Он с облегчением опустил брезент и шумно выдохнул.

– Ткни его пару раз штыком.

Должно быть, я издала какой-то звук – взгляд сержанта метнулся ко мне.

– Вы испортите фургон, – возразил Джейми. – Тело-то уже порядком разложилось, после целого дня на солнце.

Сержант нетерпеливо фыркнул.

– Тогда ткни в ногу. Гризвольд, бегом!

С откровенной неохотой солдат прикрепил штык к мушкету и, привстав на цыпочки, осторожно потыкал им в фургон. Иэн начал

тихонечко насвистывать гэльскую песенку, название которой переводилось как «Утром мы умрем». Бестактный мальчишка.

– Точно мертв, сэр. – Гризвольд с заметным облегчением опустил на пятки. – Я сильно ткнул, а он и не дернулся.

– Ладно. – Отпустив юношу коротким жестом, сержант кивнул Джейми. – Можете отправляться, мистер Фрейзер. Впредь выбирайте друзей получше.

Костяшки пальцев, сжимавших поводья, побелели, однако Джейми лишь выпрямился и поправил шляпу. Он цокнул языком – лошади тут же сорвались в бег, оставляя за собой облачка пыли.

После света темнота, казалось, поглотила нас полностью. Я почти ничего в ней не различала, даже несмотря на луну, и почувствовала облегчение, сродни тому, что ощущают загнанные звери, обретя убежище. Дышалось мне, несмотря на духоту, куда свободнее.

Почти четверть мили мы преодолели в молчании.

– Вы ранены, мистер Боннет? – громким шепотом спросил Иэн.

– Ага, чертов щенок ткнул меня в бедро, – тихо отозвался тот. – Слава богу, кровь тогда не успела пропитать саван. Откуда она у мертвеца?

– Сильно ранены? Осмотреть вас? – оглянулась я.

Боннет – смутная фигура – откинул брезент и уселся.

– Нет, мэм, благодарю. Уже обвязал ногу чулком; думаю, сойдет пока.

Он наклонил голову, и я разглядела во тьме его светлую шевелюру.

– Ходить сможете? – Джейми перевел лошадей на шаг и тоже оглянулся на гостя. Хотя говорил он вполне дружелюбно, было ясно, что он хочет избавиться от такого опасного попутчика как можно скорее.

– С трудом. Прошу прощения, сэр.

Боннет тоже почувствовал желание Джейми. Он кое-как поднялся, опираясь на здоровое колено. Нижняя часть туловища скрывалась в темноте, но я чувствовала запах крови, куда более резкий, чем уже едва различимый душок от савана.

– Есть предложение, мистер Фрейзер. Через три мили будет дорога Ферри-Трейл. Через милю после перекрестка будет другая – к побережью, узкая и ухабистая. Приведет она к устью ручья с выходом в море. В течение недели там встанут на якорь мои товарищи. Если вы любезно оставите мне немного провизии, я дождусь их в относительной безопасности, а вы продолжите путь уже без моей сомнительной компании.

– Товарищи? То есть пираты? – насторожился Иэн. Так как из Шотландии его выкрали именно они, мальчишка больше ни капли не романтизировал морских разбойников, как обычно делают

пятнадцатилетние юнцы.

– Ну, это с какой стороны посмотреть, парень, – хмыкнул Боннет. – Конечно, так их назовут власти Каролины, а вот торговцы из Уилмингтона и Чарльстона, возможно, не согласятся.

Джейми фыркнул.

– Контрабандисты, да? И что же возят ваши товарищи?

– Все, что оправдает риск, – так же насмешливо отозвался Боннет, правда, теперь уже с долей цинизма. – Желаете вознаграждение за помощь? Можно устроить.

– Не желаем, – холодно ответил Джейми. – Я спас вас ради Гэвина Хэйза... и ради себя. И не ищу вознаграждения.

– Не хотел вас обидеть, сэр, – слегка наклонил голову Боннет.

– Все в порядке. – Джейми намотал поводья на другое запястье.

Солдаты нам больше не встречались, да и вообще все замерло, даже ветерок не шелестел в листве. Ничто не нарушало тишину летней ночи, лишь тоненько чирикала пролетающая птичка или ухала сова.

Тихий, ровный перестук копыт и поскрипывание фургона потихоньку усыпляли. Я старалась сидеть ровно, вглядываясь в тени деревьев, но все равно постепенно заваливалась на Джейми, а глаза закрывались, как я ни старалась держать их открытыми.

Джейми взял поводья в левую руку и, обняв меня правой, уложил к себе на плечо. С ним рядом всегда так спокойно. Я обмякла, прижавшись щекой к пыльному сюртуку, и тут же погрузилась в тревожную дрему, свойственную измученному телу, когда лечь нет возможности.

В какой-то момент я открыла глаза и увидела высокую, худощавую фигуру Дункана Иннеса. Он неумоимо, как истинный горец, шагал рядом с фургоном, склонив голову, будто размышлял. Затем я вновь задремала, и прожитый день смешался с обрывками снов. В них под столом таверны сидел огромный скунс и распевал со всеми гимн «Зная, усыпанное звездами». Потом был труп в петле, он вдруг поднял голову на сломанной шее и усмехнулся, глядя пустыми глазницами...

Джейми осторожно потряс меня за плечо – и я проснулась.

– Ты бы лучше забралась в фургон да поспала, саксоночка. Дергаешься во сне, ненароком на дороге свалишься.

Согласно буркнув, я неловко перелезла назад. Там я поменялась местами с Боннетом и прилегла рядом с дремлющим Иэном.

Внутри фургона пахло плесенью. И еще чем похуже. Иэн пристроил голову на грубо разделанную оленину, завернутую в недубленую шкуру. Ролло уткнулся мохнатой мордой Иэну в живот. Я же взяла вместо подушки

кожаный мешочек соли. Жестко, зато не воняет.

Фургон нещадно трясло, но наконец вытянуть ноги было настолько приятно, что остальные неудобства я попросту перестала замечать. Я перевернулась на спину и вгляделась в необъятное южное небо, густо усеянное сияющими звездами. Да будет свет... Утешившись мыслью, что Гэвин Хэйз наконец встретил свою семью в раю, я заснула как убитая.

Не знаю, сколько я проспала, разомлев от жары и усталости. Проснувшись я, вся мокрая от пота, когда фургон поехал быстрее.

Боннет и Джейми негромко беседовали, преодолев неловкость после знакомства.

– Вы сказали, что спасли меня ради Гэвина Хэйза... и ради себя, – произнес Боннет почти неслышно из-за громыхающих колес. – Что вы имели в виду, сэр, если позволите спросить?

Джейми ответил не сразу – я даже почти успела снова задремать.

– Прошлой ночью вы ведь почти не спали, так? Зная, что будет утром.

Боннет невесело рассмеялся.

– Воистину. Еще не скоро это забуду.

– Вот и я. – Джейми мягко обратился к лошадям по-гэльски, и они замедлили ход. – Мне тоже довелось пережить такую ночь, когда наутро меня должны были повесить. Однако, вот он я, жив, благодаря тому, кто рискнул всем ради моего спасения.

– Ясно, – тихо отозвался Боннет. – Значит, вы *асгина-агели*?

– А? И что же это?

По бокам фургона зашуршали листья и заскребли ветки. Резче запахло пряным древесным соком. Что-то легонько мазнуло мне по лицу – листья падали и сверху. Лошади еще больше сбавили ход, скрип фургона стал другим, а колеса покатались по неровной поверхности. Мы свернули на дорогу к ручью, о котором рассказывал Боннет.

– Так говорят краснокожие дикари, чероки с гор. Слышал от одного, который послужил мне однажды проводником. Это значит «полупризрак». Тот, кто должен был умереть, но остался на земле. Женщина, выжившая после смертельной болезни, мужчина, попавший в руки врагов и сумевший бежать. Говорят, *асгина-агели* одной ногой стоит на земле, а другой – в мире духов. Такой человек способен общаться с ними и видеть *нуннаков* – Маленький Народец.

– Это как фейри? – удивился Джейми.

– Что-то вроде. – Боннет потянулся, и сиденье под ним скрипнуло. – Индейцы говорят, что *нуннаки* обитают внутри скал и выходят, чтобы помочь людям во время войн или иных бедствий.

– Похоже на шотландские легенды про Древний Народец.
– Действительно, – развеселился Боннет. – Значит, не так уж много различий между горцами и индейцами, а?

– Чушь, – ничуть не обиделся Джейми. – Слышал, краснокожие дикари поедают сердца врагов. Я вот предпочту добрую миску овсяной каши.

Боннет сдавленно фыркнул.

– Так вы горец? Ну, должен сказать, что для дикаря вы, на мой взгляд, весьма цивилизованны, – со смехом заверил он Джейми.

– Весьма признателен за подобную оценку, сэр, – отозвался тот.

Их голоса постепенно слились с ритмичным поскрипыванием колес, и я снова погрузилась в сон.

Когда мы остановились, луну едва было видно за деревьями. Меня разбудил Иэн, который сонно выбирался из фургона, чтобы помочь Джейми распрячь лошадей. Я высунулась и разглядела широкую полосу воды меж глинистых берегов. Темный поток блестел серебром там, где она подергивалась рябью у камней. Может, Боннет, со свойственной для Нового Света склонностью преуменьшать, и назвал это ручьем, но большинство лодочников посчитали бы его вполне приличной рекой.

Мои спутники бродили туда-сюда в тених, почти безмолвно выполняя каждый свое поручение. Двигались непривычно медленно, растворяясь в ночи, словно усталость совсем их истончила.

– Найди себе местечко для ночлега, саксоночка. – Джейми помог мне спрыгнуть с фургона. – А я соберу провизию для нашего гостя и отправлю его в путь, а потом позабочусь о лошадях.

Возле воды воздух порядком посвежел, и я слегка воспрянула духом.

– Не засну, пока не искупаюсь! Ужасно себя чувствую.

К влажному виску пристали пряди волос, а вся кожа чесалась от грязи. Темная вода так и манила прохладой. Джейми задумчиво уставился на реку, дернув мятый шейный платок.

– Да уж, понимаю. Только осторожно, ладно? Боннет говорит, здесь глубоко, а еще река приливная – тут сильное течение.

– Буду у самого берега. – Я кивнула на небольшой выступ земли, где река поворачивала и ивы отливали серебром в лунном свете. – Видишь? Там заводь.

– Ага. Смотри, осторожно, – повторил Джейми и сжал мой локоть на прощание.

Только я повернулась, как передо мной возникла смутная высокая

фигура – наш гость, чья штанина потемнела от засохшей крови.

– Ваш покорный слуга, мэм, – отвесил он мне должный поклон, несмотря на раненую ногу. – Неужели мы уже прощаемся?

Боннет стоял слишком близко. Я чуть было не отшатнулась.

– Да, – кивнула я, отбросив со лба упавшие пряди. – Удачи вам, мистер Боннет.

– Благодарю за доброе пожелание, мэм, – тихо ответил он. – Но я убедился, что человек зачастую сам должен позаботиться о своей удаче. Доброй вам ночи, мэм.

Он вновь поклонился и отошел, сильно хромая, как призрак раненого медведя.

Шум речного потока заглушал привычные ночные звуки. Над водой, в погоне за крошечными насекомыми, пронеслась летучая мышь.

Джейми тихо ворчал себе под нос.

– Все-таки сомневаюсь я в нем, – произнес он, хотя я ничего не спросила. – Надеюсь, что проявил великодушие, а не сглупил.

– Не отправлять же его на виселицу, – сказала я.

– Ну, я мог.

Джейми увидел мой изумленный взгляд и криво усмехнулся.

– Власти не всегда ошибаются с приговором, саксоночка. Чаще всего повешенный заслуживает свою судьбу. А я не хочу думать, что помог злодею сбежать. – Он пожал плечами и отбросил волосы с лица. – Ладно, дело уже сделано. Иди искупайся. Я подойду, как смогу.

Поднявшись на цыпочки, я потянулась его поцеловать и почувствовала, как он улыбнулся. Я осторожно коснулась его рта языком, словно спрашивая, а Джейми легонько прикусил мою нижнюю губу в ответ.

– Сможешь потом еще немного потерпеть без сна, саксоночка? Самую малость?

– Столько, сколько нужно, – заверила его я. – Но ты поспеши.

Под ивами обнаружилась полянка. Я медленно разделась, с удовольствием ощущая дуновение ветерка и свободу от влажной одежды.

Я осторожно ступила в воду, на удивление прохладную, даже холодную, по сравнению с горячим ночным воздухом. Илистое дно, стоило отойти от берега, стало песчаным.

Хотя на реку влияли морские приливы и отливы, мы остановились достаточно высоко по течению, поэтому вода была свежей и пресной. Я попила и умылась, смывая пыль.

В воду я вошла только до середины бедра, памятуя о предупреждении. О, как прекрасно почувствовать прохладу на коже после изнуряющей

дневной жары и объятий ночной духоты! Я плеснула пригоршню воды на грудь. Капли, щекоча, стекли по животу.

Близился прилив – небольшие волны бились о ноги, подталкивая к берегу. Но я еще не собиралась уходить. Мыла у меня не было, так что я просто несколько раз промыла волосы чистой водой, а кожу натерла песком, пока она не засияла от чистоты.

Потом, забравшись на прогретый за день камень, я растянулась на нем, как русалка в лунном свете. Не спеша вычесала длинные, вьющиеся волосы пальцами. Несмотря на чудовищную усталость, я почему-то чувствовала себя живой, будучи в том состоянии, когда мысли замедляют ход, зато усиливаются ощущения. Моя грудь набухла, как два белых купола, усеянные прозрачными каплями. Я легонько коснулась соска – он медленно затвердел сам собой, словно по волшебству.

До чего же здесь... да, волшебно. Тихой безветренной ночью я будто покачивалась на водах теплого моря. В небе, таком чистом над побережьем, ярко сияли звезды. Всплеск. Я уставилась на воду. Ничего – только круги на темной поверхности. Отражения звезд заматались в них, как светлячки в паутине.

И вдруг посреди ручья вверх вырвалась морда. Во все стороны полетели брызги. Во рту Ролло билась рыба. Мелькнули чешуйки – он яростно мотнул головой и сломал ей хребет. Огромный пес медленно поплыл к берегу, отряхнулся и побрел прочь, сжимая свой обмякший ужин в зубах.

Он на миг остановился, уставившись на меня. Желтые глаза и чешуя рыбы блеснули в обрамлении темной шерсти. Как на картине примитивиста. Как у Анри Руссо: бескрайняя дикость и полное спокойствие.

Затем пес ушел, и на другом конце берега остались лишь деревья и то, что скрывалось за ними. А что там? Больше деревьев, подсказал разум.

– Куда больше, – пробормотала я, вглядываясь в таинственный мрак.

Цивилизованный мир – даже в такой примитивной форме, к которой я постепенно привыкла, – лежал тонким полумесяцем вдоль побережья. Двести миль в глубь континента – и уже не встретишь ни города, ни захудалой фермы. Дальше распростерлись долгие три тысячи миль... чего? Дикой местности, конечно, и таящейся опасности. А еще приключений... и свободы.

Новый мир, полный страха и радости, ведь теперь мы с Джейми вместе навсегда. Расставания и печали остались позади. Даже мысли о Брианне не причиняли боли. Да, я ужасно скучала по дочери и постоянно о

ней вспоминала. Но в то же время знала, что она спокойно живет в своем времени, и знание это смягчало разлуку.

Накопившийся в камне жар прошедшего дня перетекал теплом в мое тело. Капли влаги высыхали прямо на глазах. Как хорошо чувствовать себя живой...

Над водой вились стайки мошек; я слышала, как временами из воды выпрыгивают рыбы, чтобы их поймать.

Насекомые были просто вездесущим проклятием. Каждое утро я тщательно проверяла кожу Джейми, снимала с него ненасытных клещей и блох, щедро смазывала всех своих спутников соком давленной болотной мяты и табачного листа. Если бы не это, нас бы съели заживо, ведь москиты и прочие кровососущие твари тучами вились в лесах. Правда, они все равно доводили до бешенства тем, что вечно забивались в уши, носы, попадали в рот или в глаза.

Как ни странно, большинство насекомых ко мне не приближались. Иэн шутил, что от меня слишком сильно разит травами, но, кажется, все было сложнее. Я не интересовала эту летучую братию даже сразу после купания.

Я думала, так проявляются чудеса эволюции. Наверное, они же и защищали меня в этом мире от простуд и мелких заболеваний. Микробы развиваются вместе с человеком и очень тонко чувствуют малейшие химические сигналы организма «хозяина». Так как я появилась из другого времени, мои сигналы иные, поэтому насекомые не видят во мне добычу.

– Или Иэн прав, и от меня просто воняет, – сказала я вслух.

Я макнула пальцы в воду и обдала брызгами стрекозу, тоже присевшую на камень, прозрачную тень, чьи яркие цвета поглотила тьма.

Хоть бы Джейми поспешил... Я столько дней провела рядом с ним в фургоне, замечая малейшие движения, когда он управлял лошадьми, тени на лице, когда он говорил или улыбался... Очень хотелось до него дотронуться. Мы уже несколько дней не занимались любовью – пришлось спешить, чтобы прибыть в Чарльстон вовремя, да и мне не нравится, когда нас могут услышать.

Пронесся теплый ветерок – крошечные волоски на теле встали дыбом. Сейчас можно не спешить, да и нет никого. Я провела ладонью по мягкому животу и ниже, по нежной внутренней стороне бедер, где в такт сердцебиению пульсировала кровь. Коснулась влажной, набухшей ложбинки, изнывающей от желания.

– Ну и где тебя черти носят, Джейми Фрейзер?.. – пробормотала я, легонько себя лаская.

– Я здесь, – раздался хриплый ответ.

Я испуганно распахнула глаза. Джейми стоял чуть поодаль, по бедра в воде, и его напряженная плоть темнела на фоне светлой кожи. Распущенные волосы ниспадали на плечи, обрамляя белое, как кость, лицо с немигающими, пристальными глазами, как у нашего то ли пса, то ли волка. Застывшее воплощение дикости.

А потом Джейми решительно шагнул вперед. Его прохладная кожа за считанные секунды стала горячей. Жар передался и мне. Наши губы соприкоснулись, и я растаяла в нем – почти буквально. Плевать, насколько сейчас жарко. Даже полчища насекомых больше не пугали. Я приподняла бедра, и Джейми вошел в меня, твердый и гладкий, и вся прохлада покинула его, как клинок, обогранный горячей кровью.

Мои руки скользили по его влажной спине, а по коже стекали ручейки пота, увлажняя наши животы и бедра, трущиеся друг о друга.

– Господи, у тебя рот такой же соленый и скользкий, как и лоно, – пробормотал Джейми.

Он слизнул крошечные бисеринки пота с моего лица, почти невесомо поцеловал в висок. Я почти забыла, что лежу на голом камне, а его поверхность царапает спину и ягодицы.

– Не могу больше держаться, – прошептал Джейми, тяжело дыша.

– И не надо, – отозвалась я, обхватывая ногами его бедра, прижимаясь крепче в мимолетном безумии единения. – Я, конечно, слышала, что люди могут сгореть от страсти, – проговорила я, слегка запыхавшись, – но это все глупости.

Джейми приподнял голову, лежавшую на моей груди, а потом рассмеялся.

– Господи, ну и жарко! – Он откинул влажные волосы со лба и шумно выдохнул. – Как вообще местные в такую жару любовью занимаются?

– Так же, как и мы только что, – заметила я, сама пытаюсь перевести дыхание.

– Нет, – уверенно заявил Джейми. – Так ведь и помереть можно в процессе!

– Наверное, они делают это медленно, – предположила я. – Или под водой. Или ждут осени.

– Осени? – переспросил Джейми. – Что-то мне все-таки не хочется жить на юге. А в Бостоне жарко?

– В это время года – да. И жутко холодно зимой. Уверена, ты привыкнешь к жаре. И к насекомым.

Джейми стряхнул с плеча комара и глянул на берег.

– Может, привыкну, – сказал он, – а может, и нет, но пока...

Он крепко стиснул меня и перекатился по камню. Мы грациозно, как два полена, свалились в воду.

Мы снова лежали на камне, едва касаясь друг друга. Последние капли влаги высыхали на прохладной коже. На другой стороне речки ветви ив касались воды, а кроны чернели на фоне заходящего полумесяца. За ивами на долгие мили простирался девственный лес, ведь города пока ютились лишь на самом краю континента.

Джейми проследил за моим взглядом и угадал, о чем я задумалась.

– Совсем не похоже на то, где ты была в свое время, да? – кивнул он на полную листвы темноту.

– Пожалуй. – Я сплела свои пальцы с его, рассеянно поглаживая широкие костяшки Джейми. – Дороги будут вымощены, но не булыжниками, а скорее покрыты твердым, гладким веществом... его изобретет шотландец по фамилии Макадам.

Джейми изумленно хмыкнул.

– Значит, в Америке будут жить шотландцы? Здорово.

Я вглядывалась в колеблющиеся тени, словно могла как по волшебству создать из них процветающие города, которые однажды здесь вырастут.

– В Америке будет полно разных людей. И они освоят все земли, отсюда до Западного побережья, которое назовут Калифорнией. А пока... – Я слегка вздрогнула, несмотря на теплый воздух. – Здесь только три тысячи миль дикой местности. И больше ничего.

– Ага, ничего, кроме тысяч кровожадных дикарей, – рассудительно заметил Джейми. – И странных злобных тварей.

– Ну да, – согласилась я. – Наверное.

Эти мысли выбивали меня из колеи. Конечно, в принципе я знала, что в лесах живут индейцы, медведи и прочите лесные обитатели, но сейчас перед нами стояла вполне реальная перспектива внезапно столкнуться с ними лицом к лицу.

– А что будет с индейцами? – полюбопытствовал Джейми, тоже всматриваясь во тьму, как будто пытался рассмотреть в тенях будущее. – Их победят и прогонят?

Я снова вздрогнула и поджала пальцы ног.

– Да, так и будет. Большинство убьют. Немало бросят в тюрьмы.

– Ну и хорошо.

– Как посмотреть, – сухо сказала я. – Не думаю, что индейцы с тобой согласятся.

– Пожалуй, – отозвался Джейми. – Но когда чертов демон попытается

содрать с меня скальп, меня что-то не очень будет волновать его мнение, саксоночка.

– Нельзя так просто их обвинять, – возразила я.

– Очень даже можно. Если индеец сдерет с тебя скальп, то я еще как его обвиню, уж поверь.

– А тебе понравится, если вдруг появятся чужаки, которые будут убивать твой народ и лишат тебя родной земли, где вы жили испокон веков?

– Уже появились, – жестко сказал Джейми. – Иначе я по-прежнему жил бы в Шотландии, верно?

– Ну... – запнулась я. – В смысле... в таких обстоятельствах ты бы тоже сражался, так?

Джейми глубоко вздохнул.

– Если англичанин нападет на мой дом, – произнес он, – конечно, я с ним сражусь. И убью не моргнув глазом. Но я не буду сдирать с его головы кожу и размахивать ею как флагом. И причиндалы его есть не стану. Я не дикарь, саксоночка.

– Я и не говорила, что ты дикарь! Просто...

– Кроме того, – неумолимо продолжал он, – я не собираюсь убивать индейцев. Пусть только ко мне не лезут, тогда и я их не ничуть не побеспокою.

– Уверена, их такая новость обрадует, – пробормотала я, решив, что на сегодня довольно уговоров.

Мы лежали, прижавшись друг к другу, и смотрели на звезды. Я вдруг почувствовала себя до слез счастливой – и одновременно напуганной. Сколько еще проживут наши чувства? Когда-то я считала, что вечно, но я была куда моложе...

Скоро, даст бог, мы осядем, найдем свой дом, начнем новую жизнь. Это предел моих мечтаний. Однако с моего возвращения прошло всего несколько месяцев. Каждое касание, каждое слово пока переплетались с воспоминаниями и отдавали ощущением первой встречи. Что случится, когда мы вновь друг к другу привыкнем, бок о бок погружаясь в рутину?

– Как думаешь, я тебе надоем? – пробормотал Джейми. – Когда мы осядем?

– Я только что подумала то же самое о тебе.

– Нет, – сказал он с улыбкой в голосе. – Мне-то ты точно не надоешь, саксоночка.

– Откуда ты знаешь?

– Раньше такого не было. Мы были женаты три года, и в последний день ты оставалась для меня такой же желанной, как в первый. Даже

больше, наверное, – добавил он тихо, тоже вспоминая, как мы на прощание занимались любовью, прежде чем Джейми отправил меня в будущее сквозь камни.

Я наклонилась и поцеловала его. Теперь он был чистым и свежим, однако по-прежнему слегка пах былой страстью.

– Ты для меня тоже.

– Тогда не думай об этом, саксоночка, и я не стану. – Джейми погладил меня по волосам, убирая влажные кудри со лба. – Наверное, я всю жизнь буду тебя любить. Сколько я ни спал с тобой, ты все равно находишь чем удивить, как сегодня.

– Да? А что я сделала?

– Ну... хм... я не... то есть... – вдруг смутился он.

– М-м? – Я поцеловала кончик его уха.

– Когда я пришел... то, что ты делала... то есть, ты делала то, что я подумал?

Я улыбнулась, уткнувшись в его плечо.

– Зависит от того, что ты подумал.

Джейми перекатился на бок.

– Сама прекрасно знаешь.

Я коснулась его подбородка с выступившей щетиной.

– Да, я знаю. И ты прекрасно знаешь. Зачем спрашивать?

– Ну, я... я не думал, что женщины таким занимаются, вот и все.

– Занимаются. Мужчины тоже, – чуть улыбнулась я. – Ты точно. Сам говорил, что когда был в тюрьме...

– Это другое дело! – Джейми шевельнул губами, подбирая слова. – Я... тогда не было другого выхода. Не мог же я...

– А вне тюрьмы? – Я села и поправила влажную копну волос, поглядывая на него через плечо.

Кажется, Джейми покраснел.

– Ну... – буркнул он. – Ладно, признаю. А ты... того... часто? – Последнее слово вырвалось хрипом.

– Смотря что значит «часто». Я несколько лет пробыла вдовой, знаешь ли.

Джейми потер губы костяшками, глядя на меня с любопытством.

– Да, конечно. Просто... для меня новость, что женщины. – Его все больше охватывало восхищение. – А ты можешь... кончить? Без мужчины, в смысле?

Я расхохоталась, и мой смех эхом унесся прочь.

– С мужчиной куда приятней. – Я коснулась его груди, мягко обвела

сосок пальцем, наблюдая, как Джейми покрывается мурашками. – Гораздо, – добавила я тихо.

– Это ведь хорошо?

Он был горяч – горячее, чем воздух вокруг нас, – и я сперва хотела отпрянуть, но сдержалась. Пот тут же заструился по коже.

– А мы еще никогда не занимались любовью вот так, – проговорил Джейми. – Да мы скользкие, как угри! Ты у меня из рук выскальзываешь... – Он медленно провел ладонями по моей спине, надавливая большими пальцами на позвоночник.

– Это потому, что в Шотландии слишком холодно и мы не потеем как свиньи. Слушай, а свиньи вообще потеют? Любопытно.

– Не знаю, я таким со свиньей не занимался. – Джейми лизнул мою грудь. – Знаешь, саксоночка, ты на вкус как форель.

– Как что?!

– Свежая, мягкая и самую малость соленая, – пояснил он, приподняв голову, и продолжил спускаться.

– Щекотно! – Я вздрагивала от касаний его языка.

– Ага, так и должно быть. И вообще, что-то не по душе мне мысль, что ты можешь совсем без меня получать удовольствие.

– Не могу... ах!

– М-м? – донеслось снизу.

Я откинулась на спину, выгибаясь.

– Я говорю... «ах», – слабо повторила я.

А потом еще некоторое время не могла связать и пары слов, пока Джейми не отстранился, переводя дух. Я бережно убрала влажные пряди с его лица, а он поцеловал мою руку.

– Мне кажется, что я Ева, – тихо сказала я, наблюдая, как месяц опускается за темный лес. – На краю райского сада.

Джейми коротко фыркнул.

– Тогда я, выходит, Адам. У райских врат. – Он с тоской глянул на неизведанную тьму вдали и прижался щекой к моему животу. – Жаль только, что не знаю, вхожу я туда или наоборот.

Я рассмеялась, чем удивила Джейми, а потом обхватила его лицо руками, побуждая мягко улечься на мое влажное от пота тело.

– Входишь. В конце концов, ангела с огненным мечом не видать.

Он опустил на меня, горячий, словно в лихорадке, и я вздрогнула.

– Вот как? Может, ты его просто не заметила? – пробормотал Джейми.

И меня пронзил огненный меч, напрочь оторвав от реальности. Мы вспыхнули вместе, как яркие звезды в ночном небе, а потом рухнули с

небес, опаленные и обессиленные. И наш пепел растворился в теплых водах первобытного моря, бурлящего зарождающейся жизнью.

Часть вторая

Прошное, незавершенное

Глава 3

Кошка священника

Бостон, Массачусетс, июнь 1969-го

– Брианна?

– А? – Она рывком села. Сердце бешено колотилось. Звук собственного имени звенел в ушах. – Кто... что?

– А, ты спала. Черт, как знал, что не вовремя! Извини, давай перезвоню потом?

Наконец Брианна поняла: телефон. Зазвонил телефон. А она машинально, во сне, его схватила.

– Роджер! – Адреналин потихоньку сходил на нет, хотя сердце еще не успокоилось. – Нет, все в порядке, я не сплю.

Она провела ладонью по лицу, затем попыталась одновременно распутать провод и расправить смятые простыни.

– Точно? Который у вас там час?

– Не знаю. Слишком темно, не вижу циферблат, – пробормотала она сонно.

– Мне правда жаль. Пытался высчитать разницу, но, кажется, посчитал не в ту сторону. Извини, не хотел разбудить.

– Ничего, все равно пришлось проснуться, чтобы ответить на звонок, – рассмеялась Брианна.

– Ага. Ладно... – улыбнулся на том конце Роджер.

Она расслабленно откинулась на подушки, убирая спутанные волосы с лица и потихоньку осознавая, где находится.

– Рада тебя слышать, Роджер, – тихо сказала Брианна.

Удивительно, насколько она на самом деле была рада. Его голос, такой далекий, почему-то казался ближе, чем вой сирен и шуршание колес за окном.

– И я, – смутился он. – Слушай... Появилась возможность в следующем месяце попасть на конференцию в Бостон. Думал поехать, если... черт, не знаю, как сказать... Ты хочешь встретиться?

Брианна стиснула трубку.

– Прости, – поспешно сказал Роджер. – Я на тебя словно давлю. Ты... скажи прямо, если не хочешь.

– Хочу. Конечно же, я хочу с тобой встретиться!
– А-а... Хорошо. Ты не ответила на письмо, и я подумал... может, натворил что-то...

– Нет, все в порядке. Извини. Просто...

– Ничего.

– Я не... – начали они одновременно и смущенно умолкли.

– Я не хотел давить...

– Я не хотела показаться...

И снова. Только на этот раз Роджер рассмеялся, и его низкий смех преодолел пространство и время, словно он сам ее коснулся.

– Все хорошо. Я понимаю.

Брианна прикрыла глаза. Ее охватило необъяснимое облегчение. Роджер Уэйкфилд, скорее всего, вообще единственный в мире человек, который действительно понимал. А ведь раньше она не осознавала, насколько важно понимание.

– Я видела сон, – наконец заговорила она. – Когда телефон зазвонил.

– М-м?

– О моем отце.

Горло слегка сдавило, как всегда, когда она произносила это слово. То же самое случалось и со словом «мать». Брианне до сих пор чудились ароматы сосен, прогретых солнцем, и хруст иголок под сапогами. Приснилось.

– Я не видела его лица. Я шла за ним по лесу, а он говорил, только я не разбираю... я спешила, пыталась догнать, чтобы расслышать, но не смогла.

– Но знала, что это отец?

– Да... может, я так подумала из-за гор. Мы с папой бывали в горах.

– Правда? Я тоже поднимался в горы с отцом. Если когда-нибудь вернешься в Шотландию, пойдем с тобой покорять Манро.

– Куда пойдем?!

Роджер снова рассмеялся. Брианна вдруг вспомнила, как он отбрасывает назад густые черные волосы, которые вечно забывал подстригать, и щурит зеленые глаза улыбаясь. Она поймала себя на том, что легонько касается нижней губы большим пальцем, и убрала руку. Он поцеловал ее на прощание...

– Манро у нас называют любую вершину выше трех тысяч футов. А их очень много, так что народ соревнуется, кто сколько одолеет. Все равно что марки собирать или спичечные коробки.

– А ты сейчас где, в Шотландии или в Англии? Нет, погоди, дай угадаю! Хм... Шотландия. Ты в Инвернесе.

– Точно, – поразился Роджер. – Откуда ты знаешь?
Брианна потянулась, скрещая ноги под одеялом.
– Ты по-другому произносишь «р», когда говоришь с шотландцами, – пояснила она. – Заметила, когда мы... были в Лондоне.
Голос почти не дрогнул. Становится все легче и легче, подумалось ей.
– Тепер-р-рь я чуть было не подумал, что ты ясновидящая, – рассмеялся Роджер.
– Жаль, что ты далеко, – поддавшись порыву, произнесла Брианна.
– Правда? – удивился он. – Ну... Я ведь приеду.
– Роджер, слушай... Я не ответила на письмо...
– Не волнуйся, – быстро сказал он. – Через месяц мы встретимся и обо всем поговорим. Бри, я...
– Да?
Брианна расслышала вздох и вспомнила, как поднималась и опускалась теплая, твердая грудь под ее ладонью.
– Я рад, что ты согласилась.

После разговора Брианна так и не смогла заснуть. Она встала с кровати и побрела на кухню за молоком. И, только на несколько минут застыв у холодильника, слепо глядя на полки, она поняла, что видит вовсе не бутылки кетчупа и открытые консервные банки. А стоячие камни, темнеющие на фоне бледного рассветного неба.

Брианна выпрямилась, нетерпеливо фыркнув, и с грохотом захлопнула дверцу. Потом слегка поежилась и потерла руки – от кондиционера веяло холодом. Она машинально его выключила, затем подняла раму окна. В кухне тут же запахло теплой сыростью дождливой летней ночи.

Следовало ответить на письмо... Она даже садилась за ответ, причем несколько раз, и с досады бросала, не дописав и до середины.

Брианна знала почему. Или она только так думала. А вот внятно объяснить Роджеру...

В какой-то мере это был простейший инстинкт раненого зверя – сбежать и спрятаться от того, что причиняет боль. Конечно, Роджер ни капли не виноват в случившемся год назад, но оказался неразрывно связан с теми событиями.

И потом он был столь нежен, столь добр. Обращался, будто она только-только осиротела, что, в общем-то, было правдой. Однако как странно! Мать пропала навсегда, хотя – Брианна надеялась – оставалась жива. Когда веришь в блаженную жизнь после смерти, отчаянно надеешься, что близкий человек счастлив где-то там, – и все равно

терзаешься болью потери и одиночества.

Мимо, через парк, пронеслась «Скорая». Красный огонек пульсировал в темноте, но звук сирены поглотило расстояние.

Брианна по привычке перекрестилась и пробормотала «*Miserere nobis*». Помилуй нас... Сестра Мари Ромен рассказывала в пятом классе, что мертвые и умирающие нуждаются в молитвах. И она так вбила это в головы учеников, что они больше не могли пройти мимо аварии и не вознести краткую молитву, чтобы облегчить страдания тех, кто вот-вот постучится в двери рая.

Брианна молилась каждый день. За мать и за отца... за отцов. Здесь заключалась вторая загвоздка. Дядя Джо знал правду о ее родителях, однако только Роджер мог всецело понять, что случилось. Только Роджер тоже слышал зов камней.

Невозможно пережить подобное и остаться равнодушным, неотмеченным. Так произошло и с ним, и с ней. Когда Клэр отправилась обратно, Роджер не хотел, чтобы Брианна уехала из Шотландии, а она...

Дела, пояснила она. Например, учеба. И не соврала. Самое главное – она просто должна была уехать подальше от Шотландии, от кругов камней, туда, где могла исцелиться, восстановить нормальный ход жизни.

Останься она с Роджером – никогда не сумела бы забыть. Ни на секунду. Вот и третья причина.

Он защищал Брианну, дорожил ею. Мать оставила свою дочь на Роджера, и он оправдал оказанное доверие. Вот только заботился ли он о Брианне лишь из-за обещания – или потому, что она на самом деле ему небезразлична? Все равно, вдвоем им будущего не построить. Особенно, когда на обоих тяжким грузом давят обязательства.

Если бы у них могло быть будущее... Вот что так и не удалось написать в письме. Ведь как облечь это в слова, которые не прозвучали бы одновременно самонадеянно и глупо?

– Уйти, чтобы вернуться и сделать все верно, – пробормотала Брианна и поморщилась.

За окном по-прежнему шумел дождь. В воздухе витала прохлада, и поэтому дышалось легко. Скоро рассвет, подумала Брианна, но все же было достаточно тепло – на коже выступали бисеринки пота и щеkotно стекали по шее. Хлопковая футболка стала влажной.

Брианна хотела забыть прошлый ноябрь, начать все с чистого листа. Прошло бы достаточно времени, и они встретились бы вновь. Не на вторых ролях в драме ее родителей, а написали бы уже собственную пьесу. Если что-то и будет между ней и Роджером Уэйкфилдом, то произойдет это по их

воле. И теперь перед Брианной возникла возможность выбирать. От предвкушения засосало под ложечкой.

Подул ветер, и капли дождя попали девушке на лицо. Она стерла их и пригладила непослушные пряди влажной ладонью. Раз уж не спится, можно поработать.

Окно осталось открытым. Плевать, что натечет лужа. Не хотелось дышать искусственным воздухом из кондиционера.

Щелкнув настольной лампой, Брианна открыла учебник по высшей математике. Она кардинально сменила специальность, зато неожиданно обнаружила, что математика действует успокаивающе.

В одиночку вернувшись в Бостон, Брианна снова взялась за учебу. Но уже не за историю. Инженерное дело показалось более безопасным вариантом: только твердые, неизменные факты. Которые поддаются контролю. Брианна медленно наточила карандаш, наслаждаясь подготовкой, и приступила к первой задаче.

Как всегда, цифры непреклонно сплетались в паутину. И в ней застревали все лишние мысли. Шелковые нити связывали чувства, как назойливых мух. Эту паутину, ровную и прекрасную, сплетала логика. Лишь одна мысль ухитрилась избежать клейких пут и заметалась туда-сюда яркой крошечной бабочкой.

«Я рад, что ты согласилась», – сказал Роджер.

Брианна тоже рада.

Июль 1969-го

– И он говорит как битлы?.. Ох, я на месте помру, если у него акцент как у Джона Леннона! С ума сойти-и!

– Да нет же, ничего общего, угомонись! – прошипела Брианна. Она осторожно выглянула из-за колонны, но международный терминал был все еще пуст. – Ты что, не видишь разницы между ливерпульцем и шотландцем?

– Не-а, – беззаботно отозвалась Гэйл, взъерошив светлые волосы. – Для меня все англичане болтают одинаково. Вечно бы их слушала!

– Да не англичанин он! Шотландец!

Гэйл посмотрела на Брианну, как будто та слегка тронулась умом.

– Шотландия – это часть Англии, я видела на карте.

– Часть Великобритании.

– Какая разница? – Гэйл тоже высунулась из-за колонны. – Ну и чего

мы тут спрячемся? Он же нас не заметит.

Брианна не знала, хочет ли, чтобы Роджер их заметил. А тем временем взлохмаченные пассажиры с багажом в руках уже потихоньку потекли сквозь двойные двери.

Неумолкающая Гэйл все-таки вытащила Брианну в середину зала. Язык подруги слово вел двойную жизнь: на занятиях Гэйл рассуждала спокойно и взвешенно, зато в компании как с цепи срывалась. Поэтому-то Бри позвала ее с собой встречать Роджера. Так уж точно неловких пауз не возникнет.

– А вы уже занимались с ним этим?..

Бри испуганно уставилась на подругу.

– Чем?!

– Пестики, тычинки... – закатила глаза Гэйл. – Ну что ты как маленькая, Бри!

– Нет. Конечно, нет. – Кровь прилила к ее щекам.

– А собираетесь?

– Гэйл!

– В смысле, у тебя своя квартира, все дела, никто не...

И тут, как назло, в зале появился Роджер Уэйкфилд в белой рубашке и изношенных джинсах. Должно быть, Брианна оцепенела, завидев его, потому что Гэйл мигом оглянулась в ту же сторону.

– Ого-о, – восхищенно протянула она. – Это он? На пирата похож!

Роджер и в самом деле выглядел как пират. Внутри у Брианны что-то шевельнулось. Таких, как он, мать называла черными кельтами – с гладкой оливковой кожей, темными волосами и «подведенными сажей», то есть обрамленными густыми черными ресницами глазами удивительно глубокого зеленого цвета.

Взъерошенные волосы доставали до ворота рубашки, на щеках выступила щетина... Да уж, Роджер выглядел даже не просто распутным, но и слегка опасным. По коже побежали мурашки, и Брианна вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Зря согласилась, чтобы он приезжал!

Роджер заметил Брианну, и его лицо озарилось светом. Она не сдержала широкой, совсем глупой ответной улыбки, а затем и вовсе отбросила дурные предчувствия и бросилась к нему, стараясь по пути не налететь на детей и багажные тележки.

Они встретились на середине зала. Роджер чуть не сбил Брианну с ног и до хруста в ребрах стиснул в объятиях. Поцеловал, замер и снова продолжил целовать, царапая щетиной. От него пахло мылом, потом, а губы на вкус отдавали шотландским виски. Брианне так не хотелось, чтобы

он отстранялся...

Наконец оба тяжело выдохнули.

– Кхм, – громко раздалось за спиной у Брианны.

Она быстро сделала шаг назад, предоставляя Роджеру возможность увидеть Гэйл. Та сверкнула обворожительной улыбкой, поглядывая из-под светлой челки, и помахала рукой.

– Здра-а-авствуйте, – протянула Гэйл. – Вы, должно быть, Роджер. А если нет, то он будет крайне поражен, когда появится! – Девушка окинула его с головы до ног одобрительным взглядом. – О, на гитаре играете?

Брианна даже не заметила футляра. Роджер поднял его с пола и закинул на плечо.

– Надо зарабатывать на пропитание, – улыбнулся он Гэйл.

– О-о, повторите, прошу! – взмолилась она.

– Повторить что? – удивился Роджер.

– «Зарабатывать на пропитание». – Брианна подхватила одну из его сумок. – Хочет послушать, как ты «р» выговариваешь. Гэйл обожает британские акценты. Ой... это Гэйл, да.

– Ага, я догадался. М-м... – Роджер прокашлялся, пронзил Гэйл взглядом и заговорил, опустив голос чуть ли не на октаву: – Вокр-р-руг гр-р-ромадных гор-р-р бр-р-родил кошмар-р-рный мар-р-родер-р-р. Сойдет?

– Может, хватит? – Брианна недовольно уставилась на подругу, которая изобразила счастливый обморок на ближайшем сиденье. – Не обращай на нее внимания, – посоветовала она Роджеру, разворачиваясь на выход.

Тот все же бросил в сторону Гэйл осторожный взгляд. А затем поднял большую коробку, перетянутую бечевкой, и пошел за Брианной в вестибюль аэропорта.

– Что ты там говорил про пропитание? – спросила Брианна, пытаясь вернуть разговор в нормальное русло.

Роджер смущенно рассмеялся.

– Ну, историческая конференция оплачивает перелет, но не остальные расходы. Так что я навел справки и подыскал себе работенку.

– Будешь играть на гитаре, что ли?

– Днем Роджер Уэйкфилд – кроткий и безобидный ученый из Оксфорда, а по ночам он накидывает на себя богатый тар-р-ртан и становится лихим... Роджером Маккензи!

– Кем?

Он улыбнулся.

– Я иногда пою шотландские народные песни на фестивалях. Вот и

здесь в конце недели выступлю на кельтском фестивале в горах.

– Шотландские песни? А вы для этого надеваете килт? – нарисовалась рядом с ним Гэйл.

– Разумеется. Иначе как зрители поймут, что перед ними шотландец?

– Обожаю волосатые коленки! – мечтательно заявила Гэйл. – Скажите, а правда, что шотландцы...

– А ну сходи за машиной, – скомандовала Брианна, поспешно вручая подруге ключи.

Гэйл вжалась в стекло автомобиля, наблюдая, как Роджер идет к гостинице.

– Надеюсь, он не успеет побриться, когда мы снова встретимся за обедом. Обожаю легкую небритость. А как думаешь, что там в здоровой коробке?

– Боуран.

– Что?

– Кельтский военный барабан. Роджер иногда использует его в песнях.

Гэйл задумалась, поджав губки.

– Слушай, а может, я его подвезу на этот фестиваль, а? В смысле, у тебя масса дел, и...

– Ха-ха. Я тебя к нему не подпущу, если он наденет килт.

Гэйл тоскливо вздохнула. Брианна завела двигатель.

– Может, там еще будут мужчины в килтах...

– Вполне вероятно.

– Но спорим, у них нет кельтских военных барабанов?

– Наверное.

Гэйл откинулась на спинку сиденья.

– Так что, займетесь сексом?

– Откуда я знаю? – отмахнулась Брианна, однако кровь в венах забурлила, а одежда вдруг показалась слишком тесной.

– Если упустишь шанс, то ты просто сумасшедшая, – радостно заявила Гэйл.

– Кошка священника... андрогинная кошка.

– Кошка священника... кошка *алагрос*.

Бри вскинула бровь, на миг оторвав взгляд от дороги.

– Опять шотландский?

– Игра-то шотландская, – парировал Роджер. – Слово означает «мрачная» или «унылая». Твоя очередь. Буква «бэ».

Впереди вилась узкая горная дорога. Утреннее солнце светило прямо в лицо, заполняя машину светом.

– Кошка священника... большущая кошка.

– Кошка священника... бархатистая кошка.

– Ну, что-то это для нас простовато. Ничья. Ладно... кошка священника... – Наверное, было слышно, как у Брианны скрипели шестеренки в голове. Наконец голубые глаза радостно сверкнули. – Воспаленно-кокцигодиничная кошка!

Роджер сощурился, пытаясь понять.

– «Воспаленно» – это ясно. А другое слово... э-э... кошка с широким задом?

– Кошка, у которой болит зад, – рассмеялась Брианна, слегка притормаживая на крутом повороте.

– Это вообще настоящее слово?

– Ага. – Брианна снова прибавила скорость. – Это все мамины медицинские термины. Кокцигодия – боль в области копчика. Административный персонал своей больницы мама постоянно называла кокцигодинианцами.

– А я-то думал, это по твоей, инженерной части. Ладно, тогда... Кошка священника – взметчивая кошка. – Роджер улыбнулся, заведя вскинутую бровь девушки. – Сварливая. Кокцигодинианцы обычно такие по жизни.

– Ладно-ладно. Кошка священника...

– Стой, – перебил ее Роджер, указывая вперед. – Вон поворот.

Брианна свернула на совсем узенькую дорогу, отмеченную красно-белой стрелкой с надписью «КЕЛЬТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ».

– Огромное спасибо, что подвезла. Даже не подозревал, что фестиваль так далеко забрался.

– Да не так уж далеко, – удивилась Брианна.

– Полторы сотни миль!

Девушка едва заметно усмехнулась.

– Отец всегда говорил, что в этом и заключается разница между американцами и англичанами. Англичанин назовет сто миль дальней дорогой. Американец скажет, что сто лет – это долго.

Роджер рассмеялся от неожиданности.

– Однозначно. Тогда ты, выходит, американка?

– Наверное. – Улыбка Брианны померкла.

Разговор затих. Несколько минут было слышно лишь, как шуршат шины и свистит ветер. Стоял прекрасный летний день. Жаркая сырость Бостона осталась далеко позади, машина мчалась по серпантину все выше

и выше, к чистому горному воздуху.

– Кошка священника – глубинная кошка, – наконец тихо проговорил Роджер. – Я сказал что-то не то?

Взгляд Брианны на миг стал печален.

– Кошка священника – гордая кошка. Нет, дело не в тебе. Хотя... в тебе, но ты не виноват.

– Кошка священника – дремучая кошка.

– Кошка священника – давно запутавшаяся кошка... Извини, зря я сказала.

Роджеру хватило ума не расспрашивать. Вместо этого он достал из-под сиденья термос.

– Хочешь чаю с лимоном? – Роджер протянул Брианне чашку, но девушка скорчила рожицу и покачала головой.

– Нет, спасибо. Ненавижу чай.

– Точно не англичанка, – прокомментировал Роджер и тут же пожалел о сказанном: Брианна напряженно вцепилась в руль, хотя ничего не ответила. Роджер молча принялся за чай.

Она и внешне не напоминала англичанок, несмотря на наследственность. Роджер подозревал, что дело тут даже не в манере одеваться. Американцы казались более... А какими, собственно? Яркими? Пылкими? Более... Просто другими. В Брианне Рэндалл явно скрывалось нечто другое.

Машин на дороге становилось все больше, они медленной очередью ползли к въезду на территорию фестиваля.

– Слушай, – вдруг сказала Брианна, не сводя взгляда с номеров автомобиля впереди, – я хочу объясниться.

– Тебе нечего мне объяснять.

Брианна раздраженно вскинула рыжую бровь.

– А кому еще? – Она поджала губы и вздохнула. – Ладно, самой себе тоже. Но я должна.

Роджер потягивал терпкий чай. Может, теперь она скажет, что зря согласилась встретиться? Он думал об этом весь долгий перелет, ерзая на тесном сиденье самолета. А потом увидел ее в холле аэропорта – и все сомнения тотчас исчезли.

Не возвращались они и на протяжении этой недели. Роджер хотя бы мельком, но виделся с Брианной каждый день. А в четверг днем даже сходил с ней на бейсбольный матч на стадион Фенуэй-Парк. Роджер нашел игру слишком путаной, а вот любовь Брианны к ней – очаровательной. Однако он уже буквально считал часы до отъезда и потому с нетерпением

ожидал тот день, который они смогут целиком провести вместе.

Впрочем, это вовсе не означало, что его чувства взаимны. Роджер глянул на очередь машин. Въезд виднелся где-то в четверти мили. То есть осталось минуты три.

– В Шотландии, – начала Брианна, – когда все случилось... с мамой... Ты был великолепен, Роджер, правда. – Девушка не поворачивалась, но он заметил, как ее глаза заблестели от слез.

– Ничего великолепного. – Роджер стиснул кулаки, чтобы не потянуться к ней. – Мне было интересно.

Брианна коротко рассмеялась.

– Да уж. – Она притормозила и повернулась к Роджеру. Даже широко распахнутые, ее глаза казались чуть раскосыми, как у кошки. – Ты возвращался к камням? К Крэг-на-Дуну?

– Нет, – коротко ответил Роджер. А потом добавил как можно небрежнее: – Я не часто бываю в Инвернесе, тем более, что как раз шла учебная четверть...

– А может, кошка священника – трусливая кошка? – с легкой улыбкой сказала Брианна.

– Кошка священника до смерти боится этого места, – кивнул Роджер. – И близко не подойдет, даже если там все сардинами завалят.

Брианна расхохоталась, и напряжение между ними заметно ослабло.

– И я боюсь. – Она глубоко вздохнула. – Но помню. Все, что тебе пришлось пережить, чтобы помочь... и потом, когда... когда она... когда мама отправилась сквозь... – Брианна прикусила нижнюю губу и ударила по тормозам чуть сильнее нужного. – Вот видишь? – тихонько спросила она. – Полчаса с тобой – и все возвращается. Полгода не заговаривала о родителях, а стоило нам начать глупую игру, как за минуту упомянула их обоих. И так всю неделю.

Она сбросила рыжую прядь с плеча. Брианна всегда очаровательно краснела, будучи увлеченной или расстроенной, и теперь ее щеки горели.

– Примерно так я и подумал, когда ты не ответила на письмо.

– Дело не только в этом. – Брианна снова закусила губу, словно не успела заглушить уже произнесенное. Яркая краска залила ее лицо и шею вплоть до треугольного выреза футболки.

Роджер мягко убрал с лица девушки волну волос.

– Я была по уши в тебя влюблена, – выпалила Брианна, уставившись в лобовое стекло. – Но не знала, заботился ли ты обо мне только потому, что мама попросила, или...

– «Или», – перебил ее Роджер и улыбнулся, когда она мельком на него

взглянула. – Определенно «или».

– Ох. – Брианна слегка расслабилась. По крайней мере, уже не так сжимала руль. – Хорошо. Ладно.

Роджеру хотелось взять ее за руку, но это грозило автокатастрофой. Поэтому он просто коснулся ее плеча.

– В общем, я не думала... точнее, думала... короче, оставалось то ли броситься в твои объятия, то ли свалить к черту, что я и сделала. Я понятия не имела, как объяснить и не выставить себя дурой, а потом ты написал, и стало хуже... Видишь, я уже веду себя как идиотка!

Роджер отстегнул ремень безопасности.

– Ты въедешь в машину перед нами, если я тебя поцелую?

– Не-а.

– Отлично.

Роджер придвинулся ближе, коснулся подбородка девушки и быстро ее поцеловал. Машина медленно скатилась с дороги на парковку.

Брианна дышала уже спокойнее, краска потихоньку сходила со щек. Она остановила машину, замерла на миг, а потом тоже избавилась от ремня безопасности.

Только спустя несколько минут Роджер осознал, что Брианна действительно не раз заговаривала о родителях. Однако настоящая проблема заключалась скорее в том из родителей, которого она так тщательно избегала.

«Отлично! – подумал Роджер, окидывая восхищенным взглядом задницу Брианны, нагнувшейся к багажнику. – Она пытается не думать о Джейми Фрейзере, – а куда ты, черт возьми, ее притащил?»

На летнем ветру развевались флаги Британии и Шотландии. С горного склона доносился плач волынки.

Глава 4

Удар из прошлого

Роджер, привыкший переодеваться либо в фургонах для перевозки лошадей, либо в мужских уборных в пабах, счел небольшую каморку за сценой, выделенную ему лично, чуть ли не хоромами. Там было чисто, висели крючки для одежды, а на пороге не валялись пьяные зрители. Конечно, они же в Америке, думал Роджер, стягивая с себя джинсы. Разные стандарты, по крайней мере, по отношению к материальным благам.

Он стянул через голову рубашку, гадая, к какому уровню комфорта привыкла Брианна. О женской одежде он знал мало – интересно, сколько могут стоять ее джинсы? – но вот в машинах разобрался. Новенький синий «Мустанг» произвел впечатление, так и тянуло сесть за руль.

Очевидно, родители оставили ей достаточно для жизни, уж Клэр Рэндалл об этом позаботилась. Хорошо бы, Брианна не думала, что он ею интересуется из-за денег. Вспомнив о родителях девушки, он взглянул на коричневый конверт. Стоит ли отдавать?..

У кошки священника душа чуть в пятки не ушла, когда Роджер и Брианна у входа для выступающих столкнулись с группой канадских волынщиков, принадлежавших к клану Фрейзеров. Брианна даже побледнела, когда Роджер представил ее солисту, своему давнему товарищу. Сам Билл Ливингстон угрожающе не выглядел, а вот клановый знак Фрейзеров на его груди сделал свое дело.

Je suis prest, значилось на нем. Я готов. «А вот я что-то не очень», – пронеслось в голове у Роджера. Ему слишком хотелось врезать себе за то, что привел сюда Брианну.

Однако она его уговорила, что вполне сможет побродить самостоятельно, пока он готовится к выступлению. И лучше бы в самом деле поспешить... Роджер затянул пряжки килта на талии и бедрах и потянулся за длинными шерстяными чулками. Ему предстояло выйти на сцену на сорок пять минут в начале дня, а потом еще немного спеть вечером. Он примерно представлял список песен, но следовало учитывать и вкусы публики. Собралось множество женщин – значит, баллады. Преобладают мужчины – тогда военные, например «Килликранки», «Монтроз», «Ружья и барабаны». А непристойные куплеты шли на ура, если зрители успели хорошенько разогреться.

Роджер аккуратно подвернул чулки, за правый сунул свой скин-ду,

ножичек с рукоятью из оленьего рога, и торопливо зашнуровал ботинки. Надо успеть разыскать Брианну. Прогуляться, раздобыть для нее что-нибудь перекусить, найти хорошее место, чтобы смотреть выступления.

Он набросил плед на плечо, закрепил фибулой. Пристегнул ремень с кинжалом и спорраном. Все, готов. Роджер вдруг замер на полпути к двери. Нет, не совсем.

Древние серо-зеленые подштанники во время Второй мировой входили в военную форму, а также были одним из немногих напоминаний об отце. Обычно в таких ситуациях Роджер не поддевал ничего под килт, но иногда приходилось использовать их в качестве защиты: некоторые любопытные зрительницы оказывались просто восхитительно наглыми. Коллеги-исполнители его предупреждали, а он не верил, пока однажды не угодил в подобную ситуацию. Хуже всех вели себя немки, хотя порой и американки не отставали.

Впрочем, здесь публика вроде приличная, да и на сцене его не достанут. А в остальное время он будет с Брианной, и если вдруг она сама захочет пораспускать руки... Роджер бросил подштанники обратно в сумку, на коричневый конверт.

– Пожелай мне удачи, отец, – прошептал Роджер и отправился на поиски Брианны.

– Ого! – восхитилась Брианна в съехавшей треуголке, обходя Роджера. – Выглядишь отпадно! Мама всегда говорила, что перед мужчиной в килте невозможно устоять. Похоже, она права.

Роджер заметил, как девушка тяжело сглотнула, и захотел ее обнять в благодарность за смелость, но Брианна уже отвернулась, указывая на столики.

– Голодный? Я глянула, что там, пока ты переодевался. Выбирай: жареные осьминоги, тако с рыбой, польские сосиски...

Роджер взял ее за руку и развернул к себе.

– Слушай, прости. Не знал, что тебе будет так тяжело.

– Все в порядке. – На этот раз Брианна улыбнулась почти по-настоящему. – Я... я рада, что здесь оказалась.

– Честно?

– Ага. Правда. Тут... – она беспомощно махнула рукой на шумную, клетчатую кутерьму вокруг, – тут все такое шотландское.

Роджеру стало смешно. Что может быть менее похожим на Шотландию, чем дешевый балаган для туристов и впаривание наполовину фальшивых традиций? И в то же время Брианна права. Это пример давней

шотландской способности выживать – приспособливаться ко всему и извлекать выгоду.

Роджер все-таки обнял Брианну. Ее волосы пахли свежестью, как сочная трава, а под тканью белой футболки сильно билось сердце.

– Ты, знаешь ли, тоже шотландка, – шепнул он девушке на ушко и отпустил.

Ее глаза по-прежнему сияли, но уже другим чувством, как показалось Роджеру.

– А ты прав, наверное. – Она наконец как следует улыбнулась. – Надеюсь, это не значит, что мне придется есть хаггис? Лучше уж попробовать осьминога.

Пансионат, где проходил фестиваль, промышлял «национальными ярмарками», там стояли палатки с горячей едой.

– Поляки танцуют польку, шведы орут свои песни... Испанские, итальянские, японские фестивали. Вы не поверите, сколько эти япошки щелкают фотокамерами, просто не поверите, – покачал головой он, вручая им две бумажные тарелки с гамбургерами и жареной картошкой. – В общем, каждые две недели что-то новенькое. Не заскучаешь. Правда, наши услуги всегда нужны, все равно какую кухню подают. – Мужчина с любопытством уставился на килт Роджера. – А вы шотландец или просто любите юбки носить?

Роджер, слышавший подобное в десятках вариаций, и глазом не моргнул.

– Ну, как любил говаривать мой дед, – произнес он с кошмарным акцентом, – когда надеваешь килт, парень, то точно понимаешь, что ты мужик!

Продавец одобрительно расхохотался, а Брианна закатила глаза.

– Эти ваши хохмы... – пробормотала она. – Боже, если опять начнешь травить шуточки про килт, я уеду и брошу тебя здесь, клянусь.

Роджер широко улыбнулся.

– Ты же не станешь так делать, правда, милая? Не оставишь человека только потому, что он носит килт!

Брианна прищурилась.

– Могу поспорить, ничего необычного под этим килтом нет, – кивнула она на спорран Роджера. – Даже больше, могу вообще на что угодно поспорить, там все в пр-р-ревосходном р-р-рабочем состоянии, да?

Роджер поперхнулся кусочком картошки.

– Нужно отвечать «дай ручку, красавица, и я тебе покажу», – посоветовал продавец. – Сто раз уже эту фразу слышал за неделю.

– Если он так скажет, – мрачно буркнула Брианна, – то я точно свалю и брошу его на этой чертовой горе. Пусть торчит тут и ест осьминогов.

Роджер глотнул кока-колы и мудро решил промолчать.

У них еще оставалось время побродить по торговым палаткам, где продавали всякую всячину, начиная от клетчатых галстуков и заканчивая свистульками, серебряными украшениями, клановыми картами Шотландии, ирисками, песочным печеньем, канцелярскими ножами в форме палашей, фигурками горцев, книгами, кассетами и прочими всевозможными мелочами, куда можно было поместить знак или девиз клана.

Роджер почти не привлекал к себе любопытных взглядов. Здесь его наряд, к слову, куда лучший, чем у многих, был кстати. Правда, в основном на фестиваль приехали туристы в джинсах и футболках. И все же то тут, то там мелькали пестрые пледы.

– Почему Маккензи? – спросила Брианна, останавливаясь у витрины с цепочками для ключей. Девушка коснулась серебристого кружочка с надписью «*Luceo non igo*». Свечу, но не сгораю. Девиз изгибался вдоль изображения чего-то похожего на вулкан. – Уэйкфилд – недостаточно по-шотландски?

Роджер пожал плечами.

– Это тоже моя фамилия. Родители погибли во время войны, и меня усыновил двоюродный дед. Он дал мне свою фамилию, однако крестили меня как Роджера Джеремаю Маккензи.

– Джеремая? То есть, Иеремия? – Брианна пыталась не расхохотаться, от усилий у нее даже кончик носа покраснелся. – Как пророк из Ветхого Завета?

– Не смейся. – Роджер взял ее за руку. – Это имя моего отца. Его часто звали Джерри. А меня мама называла Джемми, когда я был маленьким. Наше семейное имя. В конце концов, могло быть и хуже. Покрестили бы как какого-нибудь Амброуза или Конана.

Брианна наконец фыркнула от смеха.

– Конан?

– Вполне приличное кельтское имя – было, пока на него не наткнулись писатели-фантасты. В любом случае, имя Джеремая не просто так выбрали.

– А почему?

Они медленно двинулись в сторону сцены, где группка девочек в тщательно накрахмаленных платьицах отплясывала шотландский флинг, одинаково взмахивая руками и кланяясь.

– Папа... то есть преподобный отец, но я называл его просто папой, показывал мое семейное древо. «Амброуз Маккензи – твой прадед, Родж. Он строил лодки в Дингуолле. А вот Мэри Олифант... я знал твою прабабушку Олифант, я говорил? Дожила до девяносто семи и до последнего вздоха за словом в карман не лезла. Чудесная женщина. Шесть раз была замужем и уверяла, что все мужья скончались по совершенно естественным причинам. Однако на древе я обозначил только Джеремаю Маккензи, потому что он твой предок. И лишь от него у Мэри были дети, что меня всегда удивляло. Однажды на мой вопрос она, подмигнув, ответила: «*Is fhearr an giotach na 'bhi gun fear tighe*». Это древняя гэльская поговорка: «Уж лучше иметь в мужьях дурака, чем никого». Она объяснила, что некоторые ее мужья хоть и были недурны, только красавца Джеремаю хватало проводить с ней каждую ночь».

– Интересно, что же она говорила остальным, – задумалась Брианна.

– Ну, это же не означает, что она не спала с ними время от времени, – заметил Роджер. – Просто не каждую ночь.

– Одного раза достаточно, чтобы забеременеть. По крайней мере, так мама рассказывала нашему классу на уроках гигиены и здоровья. Рисовала на доске, как сперматозоиды с хищными рожами мчатся к огромной яйцеклетке. – Брианна снова покраснела, правда, от веселья, а не от неприятных воспоминаний.

Они шли рука об руку, и Роджер чувствовал жар девушки под тоненькой футболкой. А еще жар разгорался у него самого под килтом, так что он уже подумывал, что зря не надел подштанники.

– Ладно, оставим в стороне вопрос о наличии рож у сперматозоидов, но что эта тема вообще имеет общего с предметом?

– «Гигиена и здоровье» – эдакий американский эвфемизм, которым обозначают все, что связано с сексом, – объяснила Брианна. – Мальчиков и девочек учат раздельно. У последних этот предмет скорее называется «Тайны жизни, а также десять способов сказать мальчику «нет».

– А у мальчиков как?

– Ну, точно не знаю, у меня братьев нет, рассказать некому. А вот у подруг они были. Один упоминал, что они учили восемнадцать синонимов к слову «эрекция».

– Хм, полезные знания, – отозвался Роджер, гадая, зачем они вообще могут понадобиться. К счастью, спорран прикрывал его собственные грехи.

– Наверное, помогают поддержать беседу... при определенных обстоятельствах.

Щеки Брианны вспыхнули алым. Да и сам Роджер чувствовал, что

краснеет, а еще на них вот-вот начнут пялиться прохожие. А ведь девчонкам не удавалось его смутить с семнадцати лет!.. Брианна с этой задачей справлялась на «отлично». Ну, раз она завела разговор, то пусть и заканчивает.

– М-м, что-то я не замечал, чтобы при этих самых обстоятельствах особо беседовали.

– Полагаю, уж ты-то знаешь.

Роджер притянул девушку к себе.

– Если ты спрашиваешь, было ли у меня, то да. Если есть ли сейчас – то нет.

– Было что? – Губы Брианны дрогнули от смеха.

– Ты спрашиваешь, есть ли у меня девушка в Англии, так?

– Правда?

– Нет у меня никого. Точнее есть, но это несерьезно. – Они уже пришли к гримеркам, а времени оставалось лишь на то, чтобы забрать инструменты. – А ты? В смысле, у тебя есть парень?

Брианна стояла так близко, что, развернувшись, мазнула грудью по его предплечью. И девушке хватило роста, чтобы заглянуть Роджеру прямо в глаза.

– Как там твоя прабабушка говорила?

– Про дурака?

– Ага. Лучше встречаться с дураком, чем ни с кем. – Брианна коснулась фибулы Роджера. – Так что – да, есть люди, с которыми я встречаюсь. А вот такого парня-красавца не нашла. Пока.

Роджер поймал ее пальцы.

– Придет время, милая, – произнес он и мягко их поцеловал.

Зрители вели себя невероятно тихо, совсем не как на рок-концертах. Конечно, здесь нельзя кричать, подумала Брианна, ведь нет ни электрогитар, ни усилителей, только небольшой микрофон на стойке. Правда, далеко не все нуждается в усилении. Например, сердце Брианны колотилось так громко, что заглушало окружающий шум.

«Держи. – Роджер протянул коричневый конверт, выбегая из гримерки с гитарой и барабаном. – Нашел их, когда разбирал старые отцовские бумаги в Инвернессе. Наверное, тебе захочется увидеть».

Брианна понимала, что там фотографии, но не стала сразу смотреть. Конверт жег ей колени во время выступления Роджера.

А пел и играл он замечательно. У него оказался на удивление богатый и глубокий баритон, которым он умело пользовался. И не только в рамках

самой мелодии. Роджер обладал способностью прирожденного артиста – стирал границу между исполнителем и зрителями, всматривался в толпу, ловил чужие взгляды и позволял людям ощутить нечто вне слов песни и музыки.

Начал он с разудалой «Дороги к островам» с зажигательным припевом, а когда публика слегка поутихла, затянул «Холмы Галлоуэя» и перешел на «Свадьбу Мэри» с милым и веселым припевом на гэльском.

– А теперь я спою вам песню сороковых годов восемнадцатого века, – объявил Роджер. – Об известной битве при Престонпанс, в которой армия горцев Карла Стюарта разбила превосходящие по численности силы англичан под командованием генерала Джонатана Коупа.

Зрители одобрительно забормотали. Очевидно, многие давно знали и любили эту песню, но они мигом умолкли, стоило Роджеру взять первые аккорды.

Коуп из Дунбара послал гонца
И бросил вызов Карлу:
Тебя, мол, быстро проучу,
Если утром мы сразимся.

Роджер кивнул толпе, приглашая спеть насмешливый припев вместе с ним, и наклонился к струнам.

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?
Ну что, барабан зовет вас в бой?
Коль живой, проходи, не стой,
И утром мы сразимся!

У Брианны вдруг по коже пробежали мурашки. Но не от голоса Роджера и не от дружного хора зрителей, а от самой песни.

Карл лишь глянул на письмо
И вскинул меч свой наголо.
«За мною, верные друзья,
Сразимся с Джонни Коупом!»

– Нет, – шепнула Брианна. Пальцы, сжимавшие гладкий конверт, похолодели. За мною, верные друзья... Они там были. Родители были там, оба. Отец сражался в той битве, сжимая в руках круглый щит и палаш.

...И утро будет кровавым!

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?
Ну что, барабан зовет вас в бой?

Голоса вокруг одобрительно зашумели, снова затягивая припев. А Брианну вдруг охватила паника, и девушка чуть было не сбежала, как Джонни Коуп. Потом волна схлынула, и она осталась сидеть на месте, в плену и своих чувств, и мелодии.

Эй, Джонни Коуп, ты еще живой?..

Да, живой. И будет им, пока длится песня. Одни люди пытаются держать прошлое в себе, другие от него бегут. В этом-то и есть пропасть между Брианной и Роджером. Почему она до сих пор этого не понимала?

Роджер ушел от опасной темы якобитов и запел «Плач Макферсона» почти а капелла, лишь изредка касаясь струн. Женщина рядом с Брианной томно вздохнула, не сводя зачарованных глаз со сцены.

Такой веселый и бесшабашный
Он к виселице шел.
Пустился в пляс под скрипки глас
Под деревом и петлей.

Брианна взялась за конверт. Может, подождать до дома? Но любопытство сделало свое дело. Роджер ведь сомневался, отдавать конверт или нет, это было видно по глазам.

– ...а вот и боуран, – говорил Роджер, держа его на пальцах одной руки, а во второй сжимая небольшую двустороннюю палочку. Боуран представлял собой широкий деревянный обруч, затянутый кожей. – Один из древнейших музыкальных инструментов. Боем таких барабанов кельтские племена до смерти напугали войска Юлия Цезаря в пятьдесят

втором году до нашей эры.

Зрители захихикали, а Роджер принялся выбивать тихий, быстрый ритм, похожий на биение сердца.

– А теперь... «Сражение при Шерифмуре», которое произошло во время восстания якобитов, в 1715-м.

Роджер поменял положение барабана, и ритм стал ниже и воинственной. Зрители по-прежнему вели себя прилично, однако напряженно подались вперед, охваченные напевом, в котором рассказывалось о битве при Шерифмуре и всех кланах, сражавшихся в ней.

...Ринулись в бой, кровь пуская рекой,
и сколько тогда полегло, брат...
Секли и рубили...

Когда стихла последняя нота песни, Брианна сунула пальцы в конверт и вытащила фотографии. Старые черно-белые снимки уже успели посветлеть по краям. Родители. Фрэнк и Клэр Рэндалл, до невозможности молодые... и ужасно счастливые.

Вот они в саду. На заднем плане – столик с напитками, усеянный пятнами солнечного света, что падает сквозь кроны деревьев. Лица видно четко – смеются, полные жизни, и смотрят лишь друг на друга.

А здесь родители позируют, рука об руку, и явно подтрунивают над подобной торжественностью. Клэр согнулась от хохота, когда Фрэнк что-то сказал. Она придерживает широкую юбку, трепещущую на ветру, кудри свободно разметались....

Фрэнк протягивает чашку, а Клэр, ее принимая, смотрит на Фрэнка с таким безграничным доверием, что у Брианны сжалось сердце.

Девушка уставилась на последнюю фотографию. Родители стоят у стола, вместе держась за нож, и смеются. Перед ними – явно домашний торт. Свадебный.

– И напоследок – ваша любимая песня. Говорят, ее написал пленник-якобит по пути в Лондон, где его должны были повесить, и отправил жене в Шотландию...

Брианна прижала снимки ладонями, будто не хотела, чтобы их кто-то увидел. По коже прошел мороз. Свадебные фото. Свадебные фото родителей! Конечно же, они поженились в Шотландии. Преподобный Уэйкфилд не мог провести церемонию, ведь он не был католическим священником, зато считался давним другом отца. Наверняка прием

организовали у него.

Между пальцами виднелись знакомые очертания дома. Неохотно убрав руку, Брианна взглянула в юное лицо матери.

Восемнадцать лет. Именно во столько Клэр вышла за Фрэнка Рэндалла. Вот в чем дело... Кто может знать хоть что-то наверняка в столь раннем возрасте?

На прекрасных берегах и зеленой траве,
Где лучи солнца играют на воде Лох-Ломонда,
Где нас с тобой ничто не разлучит...

Тем не менее Клэр была уверена... или ей так казалось. Ровный, широкий лоб, нежные, аккуратные губы... Она не сводит больших, сияющих глаз с мужа, и в них нет ни тени сомнений, дурных предчувствий.

Но мы с тобой уже не встретимся вновь
На прекрасных берегах Лох-Ломонда.

Наступая на ноги другим зрителям, Брианна поспешила убраться подальше, пока никто не заметил ее слез.

– Во время переключки кланов я буду с тобой, – сказал Роджер, – но в конце мне надо отлучиться. Справишься сама?

– Конечно, – твердо ответила Брианна. – Все в порядке. Не волнуйся.

О ее уходе они не говорили. К тому времени, как Роджер выслушал все поздравления и пожелания удачи от зрителей и разыскал Брианну, она уже успела найти уборную и привести себя в порядок, как следует умывшись холодной водой.

Остаток дня они бродили туда-сюда. Купили кое-какие мелочи, посмотрели состязание волынщиков, едва не оглохнув, и полюбовались, как некий молодой человек танцевал между скрещенными на земле мечами. Фотографии Брианна спрятала подальше в сумочку.

Когда уже почти стемнело, люди стали понемногу стягиваться к подножию горы, где располагались открытые трибуны. Брианна думала, что к этому времени семьи с детьми разъедутся, и отчасти так и случилось, хотя среди взрослых то тут, то там виднелись сонные малыши. Одна девчушка крепко спала, положив голову отцу на плечо.

Роджер и Брианна пробрались к верхним рядам. Внизу, на ровном пространстве перед трибунами, заранее заготовили огромную кучу дров.

– Что такое переключка кланов? – спросила женщина на соседнем ряду у своего спутника.

Тот пожал плечами, а Брианна вопросительно глянула на Роджера.

– Увидишь, – улыбнулся он.

Стало совсем темно – даже луна еще не успела взойти. На фоне звездного неба черным великаном высилась гора. В толпе раздался возглас, за ним и другие, а затем донеслись едва слышные звуки волынки. Голоса умолкли.

У вершины горы вспыхнул крошечный огонек. Он двинулся вниз, и за ним возник еще один. Под нарастающую музыку показался третий. Замершие в ожидании зрители наблюдали, как огоньков становится все больше и больше и вдоль склона горы тянется сияющая цепочка.

Среди деревьев у подножия горы лежала тропа, Брианна видела ее днем, пока бродила по округе. Оттуда вышел человек – над головой он держал пламенеющий факел. Следом показался волынщик, и его инструмент теперь заглушал даже восторженные вздохи толпы.

Эти двое мужчин направились к расчищенной площадке, а за ними тянулись остальные, разодетые в роскошные наряды вождей шотландских кланов и с факелами в руках. Смотрелось сие действие одновременно варварским и величественным – складки клетчатой ткани, перья, холодный блеск палашей и кинжалов, которые отливали алым в свете огней...

Волынки утихли, и первый из шествующих достиг площадки. Он вскинул факел над головой и прокричал:

– Кэмероны здесь!

С трибун донеслись громкие одобрительные возгласы, и он бросил факел на облитую керосином древесину. Пламя с ревом взметнулось к небу.

Следующий мужчина шагнул к ослепительному столбу огня.

– Макдональды здесь!

Снова раздались крики тех, кто приходился родичем этому клану.

– Маклахлены здесь!

– Макгилливреи здесь!

Брианну так очаровало это действие, что она почти забыла о Роджере.

– Маккензи здесь! – раздалось снизу, и...

– *Tulach Ard!* ^[6] – заорал Роджер так, что Брианна подскочила.

– Это что еще было?!

– Боевой клич клана Маккензи, – широко улыбаясь, пояснил он.

– Кэмпбеллы здесь!

Должно быть, тут собралось очень много Кэмпбеллов – от их клича трибуны содрогнулись. И, словно дождавшись отмашки, Роджер поднялся и накинул плед на плечо.

– Встретимся потом у гримерки, ладно?

Брианна кивнула, а Роджер вдруг наклонился и поцеловал ее.

– Кстати, на всякий случай, – сказал он, – боевой клич Фрейзеров – «*Caisteal Dhuni!*» [\[7\]](#).

Брианна проследила, как он ловко, словно горный козел, спустился вниз. В воздухе витал запах дыма от костра вперемешку с едва заметным табачным – в толпе курили.

– Маккеи здесь!

– Маклауды здесь!

– Фаркуарсоны здесь!

От дыма и переполнявших ее чувств Брианне стало тяжело дышать. Кланов погибли в битве при Каллодене... или нет? Да, погибли. Нет больше кланов, только память о них, только призраки. А те, кто так бодро отзывается, да какие они родичи друг другу? И никто из них не давал клятв лэрдам...

– Фрейзеры здесь!

Охваченная паникой Брианна вцепилась в сумочку.

«Нет! – пронеслось в голове. – О нет. Это не я!»

Но краткий миг прошел, и девушка вновь смогла вдохнуть. Лишь кровь продолжала яростно стучать в висках.

– Грэхемы здесь!

– Иннесы здесь!

Огилви, Линдси, Гордоны... Наконец стихло эхо последнего возгласа. Брианна все стискивала сумочку, словно боялась, что ее содержимое вырвется на свободу, подобно джину из лампы.

Как же, думала Брианна, глядя, как в круг света входит Роджер с боураном в руке, как же она могла так поступить?

Глава 5

Скачок в двести лет из вчерашнего дня

- Ты не надел килт! – разочарованно протянула Гэйл.
- Не то столетие, – улыбнулся Роджер. – Да и продувает.
- О-о научи меня! – От нетерпения Гэйл даже встала на цыпочки.
- Научить чему?
- Произносить «р» вот так. – Она сдвинула брови и честно попыталась. Вышло похоже на звук моторной лодки на низкой скорости.
- Пр-р-ректасно, – кивнул Роджер, стараясь не расхохотаться. – Так дер-р-ржать. Повтор-р-рение – мать учения.
- Хоть гитара-то при тебе? – Гэйл попыталась заглянуть ему за спину. – Или тот клевый барабан?
- В машине. – Брианна спрятала ключи, остановившись рядом с Роджером. – Отсюда едем в аэропорт.
- Жалость какая! Я думала, мы еще куда-нибудь сходим, а потом песни поем, отметим. Роджер, ты знаешь такую – «Эта земля – твоя земля» называется? Или ты больше по песням протеста? Впрочем, нет, ты ведь англичанин... ой, то есть шотландец. Вам же не о чем протестовать, верно?
- Брианна с легким раздражением глянула на подругу.
- Где дядя Джо?
- В гостиной, мучает телик. Мне развлечь нашего друга, пока ты сходишь к дяде? – Гэйл мигом схватила Роджера под руку и захлопала ресницами.

- У нас тут половина инженеров чертова Массачусетского института собралась, и никто, черт возьми, не может починить телик? – Доктор Джозеф Абернэйти обвел молодых людей, собравшихся в гостиной, обвиняющим взглядом.
- Потому что это электрика, па, – высокомерно отозвался его сын. – А мы все механики. Попросить механика починить цветной телек – все равно что просить гинеколога осмотреть болячку у тебя на... Ой!
- Прости, – сказал отец, глядя на сына поверх золотистой оправы очков. – Твоя нога, Ленни?
- Ко всеобщему веселью, Ленни тут же запрыгал по комнате на одной ноге, сжимая в руках ступню второй и делая вид, что ему очень и очень больно.

– Бри, солнышко! – Завидев ее, доктор оставил в покое телевизор и просиял, а потом пылко обнял девушку, хотя был заметно ее ниже. – А это... твой парень?

– Роджер Уэйкфилд, – представила его Брианна, слегка сощурившись. – Роджер, представляю тебе Джо Абернэйти.

– Здравствуйте, доктор...

– Зовите меня просто Джо.

Мужчины обменялись рукопожатием, оценивая друг друга. Карие глаза доктора смотрели тепло, но все же цепко.

– Бри, солнышко, не хочешь возложить руки на эту развалину и оживить ее? – Доктор ткнул пальцем в сторону здорового телевизора, который безмолвно ожидал своей участи. – Вчера работал отлично, а сегодня... пф-ф!

Брианна с сомнением уставилась на несчастный телик и достала из кармана швейцарский армейский нож.

– Думаю, могу проверить контакты. – Она извлекла из ножа отвертку. – Сколько у нас времени?

– Полчаса, наверное. – В дверях кухни возник коротко стриженный студент и окинул взглядом компанию, сгрудившуюся у стола с крошечным черно-белым телевизором.

– Продолжаем репортаж из Центра управления космическими полетами в Хьюстоне. Посадка ожидается через тридцать четыре минуты... – Взволнованный голос комментатора утонул в возбужденных возгласах зрителей.

– Ладно, ладно. – Доктор Абернэйти опустил руку Роджеру на плечо. – Значит, можно пропустить по стаканчику. Виски... шотландский, мистер Уэйкфилд?

– Прошу, зовите меня Роджер.

Абернэйти щедро плеснул янтарной жидкости в стакан и протянул гостю.

– Уверен, что вы пьете не только воду.

– Вы правы.

В стакане оказался самый настоящий «Лагавулин». Роджер с одобрительным видом сделал глоток, и доктор улыбнулся.

– Подарок от Клэр, мамы Бри. Отлично разбиралась в виски. – Он покачал головой, предаваясь воспоминаниям, и приподнял стакан.

– *Slàinte*, – тихо произнес Роджер и коснулся его стакана своим, прежде чем отпить.

Абернэйти прикрыл глаза в безмолвном восхищении... вот только

виски или женщиной, Роджер понять не мог.

– Живая вода, правда? Я всерьез верю, что этот напиток и мертвого поднимет. – Доктор почтительно поставил бутылку обратно в бар.

Многим ли Клэр делилась с Абернэйти? Наверняка, подумал Роджер. Доктор вновь взял стакан и уставился в него долгим взглядом.

– Отец Бри умер, поэтому я возьму на себя эту роль. Как считаете, у нас осталось время на допрос с пристрастием, прежде чем там прилунятся, или вы сразу все выложите?

Роджер вскинул бровь.

– Ваши намерения, – пояснил доктор.

– Хм. Исключительно благородные.

– М-да? Я звонил Бри, чтобы уточнить насчет сегодня. Она не взяла трубку.

– Мы были на кельтском фестивале в горах.

– Ага. Я перезвонил в одиннадцать вечера. Потом в полночь. Результат тот же. – Взгляд доктора оставался цепким, но тепла в нем порядком поубавилось. – Бри одна, – сказал он, поставив с негромким стуком стакан. – И ей одиноко. И она хороша собой. Мне не хотелось бы, чтобы кто-то этим воспользовался, мистер Уэйкфилд.

– Могу сказать то же самое... доктор Абернэйти. – Роджер осушил стакан и твердо опустил его на стол. Щеки горели, и отнюдь не из-за «Лагавулина». – Если вы полагаете, что я...

– Говорит Хьюстон! – рявкнул большой телевизор. – База Спокойствия, ожидаем прилунения через двадцать минут!

Те, кто успел перебраться на кухню, с радостными возгласами прибежали обратно, потрясая бутылками кока-колы. Раскрасневшаяся от работы Брианна смеялась, отмахиваясь от поздравлений. Абернэйти придержал Роджера за руку.

– Запомните хорошенько, мистер Уэйкфилд, – понизил голос доктор. – Я не желаю в один прекрасный момент услышать, что вы сделали ее несчастной.

Роджер осторожно высвободил руку.

– Она выглядит несчастной? – как можно вежливей поинтересовался он.

– Не-ет, – протянул Абернэйти, перекатившись с носка на пятку. – Напротив. Именно то, как она сегодня выглядит, вызывает у меня подозрения, что, быть может, стоит съездить вам по физиономии от имени ее отца.

Роджер не удержался и тоже оглянулся на Брианну. Да уж, что есть, то

есть. Темные круги под глазами, выбившиеся из хвоста пряди, а кожа сияет, как воск зажженной свечи. Брианна выглядела как женщина, у которой была долгая ночь. Причем весьма приятная.

И, словно почувствовав, Брианна посмотрела на Роджера прямо поверх головы Гэйл. Продолжая говорить с подругой, она не сводила с него взгляда.

Доктор выразительно кашлянул. Роджер с трудом отвернулся и увидел, что в глазах доктора появилась задумчивость.

– Ох, – уже другим тоном заговорил он, – вот оно как, да?

Роджер не застегивал воротник рубашки, но в тот момент почувствовал, будто на нем еще и слишком туго затянутый галстук. Однако в ответ посмотрел прямо и твердо.

– Да. Вот так.

Доктор Абернэйти потянулся за бутылкой виски и вновь наполнил оба стакана.

– Клэр говорила, что ты ей нравишься, да, – сдался он и приподнял свой стакан. – Быть по сему. *Slàinte*.

– Крути в другую сторону, Уолтер Кронкайт оранжевый!

Ленни Абернэйти услужливо провернул ручку на панели, и диктор стал зеленым, но все равно продолжал вещать:

– Примерно через две минуты командир экипажа, Нил Армстронг, и команда «Аполлона-11» впервые в истории совершат посадку на Луну...

Полутемная гостиная была забита людьми. Все прильнули к здоровенному телевизору. Изображение диктора сменилось записью запуска «Аполлона-11».

– Знаешь, я впечатлен, – шепнул Роджер Брианне. – Как ты с ним справилась?

Прислонившись спиной к книжному стеллажу, он притянул девушку к себе и устроил руки на ее бедрах.

– Кто-то выдернул вилку из розетки, – хмыкнула Брианна, не отрываясь от экрана. – Я просто вернула ее на место.

Роджер, смеясь, поцеловал шею девушки. Несмотря на гудящий кондиционер, в комнате стояла жара, и кожа Брианны была влажная и солоноватая.

– У тебя самая округлая задница в мире, – прошептал Роджер. Брианна нарочно прижалась к нему сильнее.

Из телевизора донесся шум голосов. Демонстрировали фото флага, который астронавты установят на поверхности Луны.

Роджер бросил взгляд на Джо Абернэйти; тот восхищенно смотрел на экран. Поэтому Роджер, незаметный в темноте, обнял Брианну, чувствуя на предплечье тяжесть ее груди. Брианна глубоко вдохнула и, расслабленно откинувшись на Роджера, накрыла его ладонь своей.

Они не вели бы себя столь дерзко, но им ничего не грозило. Роджер улетал через пару часов, так что далеко это все не зайдет. Прошлой ночью они играли с огнем, да... Роджер все гадал, врезал бы ему Абернэйти, признай он, что Брианна провела ночь в его постели?

По дороге с фестиваля за рулем сидел уже Роджер и разрывался между желанием по привычке съехать на левую полосу и восторгом от того, что Брианна к нему прижималась. Остановившись на кофе, они долго болтали, то и дело касаясь друг друга, тянулись ближе... К Бостону они подъехали уже почти с рассветом. Голова Брианны приятной тяжестью лежала на плече Роджера.

Чувствуя, что уже и сам вот-вот заснет и не сможет отыскать дорогу в незнакомом городе, Роджер добрался до гостиницы и тайком провел Брианну в свой номер, где она сразу заснула на постели.

А Роджер целомудренно провел остаток ночи на жестком полу, накинув на плечи шерстяную кофту девушки. Когда солнце встало, он пересел в кресло и молча смотрел, как лучи света озаряли лицо спящей.

Вот так все и было.

– Говорит База Спокойствия... Орел сел.

Тишину нарушил дружный глубокий вздох, и у Роджера по коже пробежали мурашки.

– Это маленький... шаг... для человека... – произнес дребезжащий голос, – но огромный скачок... для всего человечества.

Изображение на экране смазлось и стало зернистым. Все присутствующие повытягивали шеи, жаждающая увидеть, как грузная фигура в скафандре осторожно спускается, а затем впервые ступает на поверхность Луны. На щеках у одной из девушек заблестели слезы.

Даже Брианна обо всем позабыла. Ее ладонь выскользнула из руки Роджера, а сама девушка подалась вперед, охваченная происходящим.

Да уж, в такой день приятно быть американцем.

Роджер на миг растерялся, чувствуя всеобщее напряжение, пылкую гордость за свою страну и понимая, что Брианна тоже является ее частью. Другое столетие, да. Вот такой скачок в двести лет из вчерашнего дня.

Есть у них нечто общее, у историка и инженера? Когда он вглядывается в смутные тайны прошлого, а она обращена к сверкающему яркими красками будущему?

Затем в комнате зазвучали поздравления и болтовня. Брианна прижалась к Роджеру и крепко его поцеловала, а он все размышлял. Наверное, неважно, что они смотрят в разные стороны... до тех пор, пока видят друг друга.

Часть третья

Пираты

Глава 6

Я сталкиваюсь с грыжей

Июнь 1767-го

– Ненавижу лодки, – процедил Джейми сквозь зубы. – Терпеть их не могу. Они мне самым натуральным образом отвратительны.

Его дядя, Гектор Кэмерон, жил на плантации под названием «Горная река», неподалеку от города Кросс-Крик. А Кросс-Крик, в свою очередь, лежал вверх по реке от Уилмингтона, причем в добрых двухстах милях. Как нам сказали, в это время года путь по воде займет от четырех дней до недели, в зависимости от ветра. А если мы предпочтем передвигаться по суше, то можем застрять недели на две или даже больше из-за размытых дорог и сломанных колес.

– На реках не бывает волн, – заметила я. – И мне кажется, что тащиться пешком двести миль по грязи куда-а-а отвратительней.

Иэн широко усмехнулся, но тут же поспешил придать лицу бесстрастное выражение, когда Джейми повернулся.

– Кроме того, – обратилась я к Джейми, – если у тебя начнется морская болезнь, то помни: иглы при мне. – Я похлопала по карману, где в футляре из слоновой кости покоился наборчик для акупунктуры.

Джейми шумно выдохнул, но промолчал. Мелкую проблему мы уладили; оставалась другая, уже серьезная: потянем ли мы оплату за лодку.

Богатыми мы, естественно, не были, однако кое-что нам по дороге перепало. Отправившись из Чарльстона на север, однажды мы наткнулись в лесу на заброшенную ферму, заросшую до неузнаваемости. Молодые тополя, как копья, пробивались наружу через остатки провалившейся крыши, а сквозь трещину в каминной плите пророс куст остролиста. Стены наполовину обрушились, почернели от гнили и покрылись зеленым мхом и ржавым лишайником. Понять, как давно это место покинули, было невозможно, хотя мы ясно видели, что в считанные годы лес бесследно поглотит руины дома и участок, останется лишь груда безликих камней.

А среди всей этой разрухи вдруг, самым невероятным образом, частично уцелел небольшой сад с персиковыми деревьями. Плоды буквально лопались от зрелости, окруженные жужжащими пчелами. Наевшись до отвала, мы переночевали у руин, а незадолго до рассвета

загрузили в фургон сочащиеся бархатистые персики и отправились дальше.

Мы продавали их по пути и в итоге добрались в Уилмингтон с мешочком монет, в основном по одному пенни, но насквозь пропитанные запахом забродившего сока, будто искупались в персиковом бренди.

– Возьми. – Джейми вручил мне кожаный кисет с нашими сбережениями. – Купи сколько сможешь провизии... только никаких персиков, ладно? И надо еще что-нибудь, чтобы не выглядеть совсем уж нищегородами, когда заявимся к моему родичу. Может, иголку с ниткой?

Он вскинул бровь и кивнул на здоровую дыру в сюртуке Фергуса, которую тот заработал, свалившись с персикового дерева.

– Мы с Дунканом осмотримся, попробуем продать фургон и лошадей, выясним, как обстоят дела с лодками. А если здесь найдется золотых дел мастер, узнаю, сколько он предложит нам за камешек.

– Только осторожней, дядюшка, – предупредил Иэн, хмуро глядя на разношерстную толпу. – Ты ведь не хочешь, чтобы тебя обманули или обокрали посреди улицы.

Джейми с непроницаемым лицом заверил племянника, что примет надлежащие меры.

– Возьми с собой Ролло, – настаивал Иэн. – Он защитит!

Джейми уставился на пса, который, тяжело дыша, очень внимательно наблюдал за прохожими, и в его взгляде читался не столько интерес к новым людям, сколько едва сдерживаемый голод.

– Ладно, – сдался Джейми. – Ну, пойдем, песик. – Он глянул на меня, прежде чем развернуться. – Знаешь, прикупи-ка еще сушеной рыбы.

Небольшой городок Уилмингтон благодаря удачному расположению у самого устья судоходной реки мог похвастаться не только богатым рынком и корабельным доком, но и несколькими лавками, где наряду с вещами для повседневной жизни продавались предметы роскоши из Европы.

– Бобы, отлично, – сказал Фергус. – Люблю бобы, сколько угодно могу их есть. – Он поправил тяжеленный джутовый мешок на плече. – И обязательно нужен хлеб. И мука, и соль, и смалец. Солонина, сушеные вишни, свежие яблоки – тут все ясно. И рыба нужна. В иглах с нитками я тоже вижу несомненную пользу. Даже в расческе, – добавил он, покосившись на мои волосы, которые из-за влажного воздуха так и рвались на волю из-под широкополой шляпы. – И лекарства, конечно же. Но кружево?!

– Именно, – непреклонно произнесла я, сунув сверток с тремя ярдами брюссельского кружева ему в корзину. – А также ленты. По ярду каждой из

широких шелковых лент, – обратилась я к потной девушке за прилавком. – Красную... это тебе, Фергус, так что не ной. Зеленую для Иэна, желтую для Дункана и темно-синюю для Джейми. И никакого расточительства. Джейми не хочет, чтобы мы предстали перед его дядей и тетей как оборванцы.

– А как же ты, тетушка? – усмехнулся Иэн. – Ты же не позволишь мужчинам вот так щеголять, пока сама будешь неприметная, как воробушек?

Фергус фыркнул, выражая одновременно и раздражение, и веселье.

– Вот эту, – указал он на большой темно-розовый моток.

– Нет, это цвет для молодой девушки, – возразила я.

– Женщине никогда не поздно надеть розовое, – твердо проговорил Фергус. – *Le mesdames* часто так говорили.

А я часто слышала от него мнения мадам. Юные годы Фергус провел в борделе, и, судя по его воспоминаниям, не только юные. Хотелось бы верить, что он бросит привычку вечно ссылаться на мадам, ведь теперь он женат на приемной дочери Джейми. Правда, Марсали по-прежнему оставалась на Ямайке, где ждала рождения их первенца, так что меня терзали сомнения. Все-таки в жилах Фергуса течет французская кровь.

– Ну, наверное, мадам виднее, – сдалась я. – Хорошо, давайте и розовую.

Нагруженные корзинами и сумками с провиантом, мы вышли на улицу. Стояла жара, однако с реки дул ветерок, так что после душной лавки оказаться снаружи было очень даже приятно. Я глянула на гавань, где легонько покачивались мачты нескольких корабликов, и увидела высокую фигуру Джейми. Он размашистым шагом вышел из прохода между домами. За ним трусил Ролло.

Иэн радостно завопил, и пес скачками рванул к нам, яростно виляя хвостом при виде хозяина. В это время людей было маловато, но и они старались прижаться к ближайшей стене, дабы случайно не встать на пути сего счастливого воссоединения.

– Бог ты мой, – протянул кто-то сверху. – Таких огромных собак я еще не встречал.

Развернувшись, я увидела некоего джентльмена. Он отстранился от стены таверны и вежливо приподнял шляпу.

– К вашим услугам, мэм. Смею надеяться, ваш зверь не предпочитает время от времени полакомиться человечинкой?

Я подняла взгляд выше... и еще выше. И еле удержалась от слов, что уж этому господину явно не пристало бояться Ролло.

Мой долговязый собеседник был огромен. Даже выше Джейми на

несколько дюймов. Здоровенные ладони болтались на уровне моих локтей, а затейливо украшенный бусинами ремень оказался напротив моей груди. Возжелай вдруг я обнять этого мужчину, уткнулась бы носом ему в пупок. К счастью, подобного желания у меня не возникло.

– Нет, пес питается рыбой, – заверила я нового знакомого.

Заметив, как я тяну шею, он любезно опустил на корточки. Его колени при этом звонко хрустнули. Теперь рассмотреть черты лица мешала густая черная растительность. Виднелись лишь нелепо вздернутый нос да спокойные карие глаза.

– Что ж, весьма рад. Не хватало только лишиться половины ноги с утра пораньше. – Незнакомец стянул с голову изношенную шляпу с ободренным индюшиным пером, заткнутым за ленту, и поклонился. Черные пряди упали на плечи. – Джон Куинси Майерс, к вашим услугам, мэм.

– Клэр Фрейзер. – Я восхищенно протянула ему руку.

Он покосился на нее, затем поднес мои пальцы к носу и принялся.

– Вы, часом, не травница будете? – расплылся он в широкой улыбке, очаровательной, несмотря на отсутствие половины зубов.

– Я... кем?

Он осторожно перевернул мою руку ладонью вверх и указал на пятна хлорофилла.

– Если у дамы зеленые пальцы, возможно, она просто ухаживала за розами. Но дама, чья ладонь пахнет корнем сассафраса и корой хинного дерева, скорее всего, очень многое знает о растениях. Согласен? – дружелюбно обратился Майерс к Иэну, который рассматривал его с неприкрытым любопытством.

– Ага! – закивал мальчишка. – Тетушка Клэр – известная целительница. Знахарка! – Он глянул на меня с гордостью.

– Во как? – округлил глаза Майерс. – Черт побери, вот это повезло так повезло! Не зря я решил подождать сперва, а не сразу идти в горы искать шамана.

– Вы больны, мистер Майерс? – спросила я.

Выглядел он, по крайней мере, вполне здоровым. Правда, сказать наверняка было сложно из-за бороды и тонкого слоя жирной грязи, которая покрывала все, что виднелось из-под потрепанной одежды. Единственное исключение – широкий белый лоб, обычно скрытый под шляпой.

– Не, думаю, не больной. – Майерс вдруг встал на ноги и принялся задирает край рубахи из оленьей кожи. – По крайней мере, не гонорея и не сифилис, уж их-то я повидал.

То, что я поначалу приняла за штаны, оказались длинными кожаными гамашами с набедренной повязкой поверх. Продолжая говорить, Майерс как раз возился с узлом на шнурке данного предмета гардероба.

– Но чертовски досаждают. Вдруг вылезла здоровенная штука прямо за... – он покосился на меня, – шарами моими. Ужасно неудобно, как вы, наверное, догадались, хотя и не болит, разве что пока верхом не сяду. Может, глянете да скажете потом, что мне с этим делать, а?

– Э-э... – Я бросила на Фергуса злой взгляд, но паршивец лишь поправил на плече мешок с бобами, с интересом наблюдая.

– Неужели я имею удовольствие лицезреть мистера Джона Майерса? – раздался у меня за плечом вежливый голос с шотландским акцентом.

Мистер Майерс бросил шнурок и поднял голову.

– Не могу ничего сказать насчет удовольствия, сэр, – отозвался он не менее учтиво. – Но если вы искали Майерса, то, несомненно, его обнаружили.

Джейми шагнул вперед, тактично меня загородив, и должным образом поклонился. Шляпу он при этом держал под мышкой.

– Джейми Фрейзер, к вашим услугам. Мне посоветовали упомянуть Гектора Кэмерона при знакомстве с вами.

Майерс с любопытством глянул на рыжие волосы Джейми.

– Шотландец? Из горных парней, да?

– Да, я шотландец и горец.

– Родич старины Гектора?

– Он мой дядя через брак, хотя лично мы не встречались. Мне говорили, что вы его хорошо знаете и, возможно, сообразоволяете указать нам путь к его плантации.

Оба мужчины откровенно изучали друг друга, оценивая манеру держаться, одетие и оружие. Взгляд Джейми одобительно задержался на длинном охотничьем ноже на поясе Майерса, а у того даже ноздри расширились от интереса.

– *Comme deux chiens*, – тихо заметил Фергус за моей спиной. Как два пса. – ...*aux culs*.

Ну да, того и гляди, примутся друг другу задницы обнюхивать.

Мистер Майерс мельком глянул на Фергуса, и в глубине карих глаз отразилось веселье. Может, он и неотесанный охотник, но, очевидно, во французском что-то смыслил.

Учитывая обоняние Майерса, а также полное отсутствие у него застенчивости, я не удивилась бы, если он рухнул бы на четвереньки и оправдал ожидания Фергуса. Впрочем, он и без того внимательно изучал не

только Джейми, но и остальных, включая меня и Ролло.

– Отличный пес, – небрежно бросил Майерс, протягивая ему широкие костяшки. Приняв приглашение, Ролло внимательно обнюхал чужака от ботинок до набедренной повязки.

– Ваш дядюшка, а? Он знает, что вы к нему нагрянете?

Джейми покачал головой:

– Я отправлял письмо из Джорджии месяц назад, но не могу сказать, дошло ли оно.

– Вряд ли, – задумчиво произнес Майерс. Он снова задержал взгляд на Джейми, потом оглядел и остальных. – С вашей женой я уже знаком. Сын? – Он кивнул на Иэна.

– Племянник, Иэн. И приемный сын Фергус. – Джейми представил обоих взмахом ладони. – Еще с нами друг, Дункан Иннес, он вскоре подойдет.

Хмыкнув, Майерс кивнул.

– Ладно, доставлю я вас к Кэмерону. Хотел убедиться, что вы ему родня, но вижу, лицом вы похожи на его вдовушку. Да и мальчишка тоже.

Джейми вскинул голову.

– Вдовушку?

В кустистой бороде мелькнула хитрая усмешка.

– У старины Гектора ужасно разболелось горло, вот и помер в конце прошлой зимы. Не думаю, что *туда* ему доходит почта. – Впрочем, с темы Кэмеронов Майерс быстро перешел к более насущным проблемам и снова взялся за шнурок. – Лиловая такая штука, – пояснил он. – Размером почти с мое яйцо. Может, третье вымахало, а?

– Сомневаюсь. – Я закусила губу.

Майерс почти распутал узел, и на нас начинали пялиться прохожие.

– Погодите, не утруждайтесь... – выпалила я. – Уверена, что и без того могу сказать... У вас паховая грыжа.

Майерс распахнул глаза шире.

– Правда? – Диагноз его скорее впечатлил, чем напугал.

– Придется вас осмотреть... где-нибудь в помещении, – быстро добавила я. – Чтобы убедиться наверняка. Но, судя по вашему рассказу, мы имеем дело именно с ней. Ее легко удалить хирургически... – Я замешкалась, окинув великана взглядом. – Не знаю... В смысле, для этого вам надо уснуть. Точнее, быть без сознания. Понимаете, мне придется разрезать вас, а потом снова зашить. Пожалуй, лучше наложить бандаж... то есть повязку.

Майерс поскреб подбородок.

– Не, я пробовал, не помогло. Разрезать... Вы, ребята, в городе задержитесь еще?

– Ненадолго, – твердо сказал Джейми. – Отправимся по реке, как только найдем лодку.

– Хм. – Великан задумался, но тут же просиял: – Я знаю подходящего человека. Сию же минуту приведу Джоша Фримана из «Приюта моряка». Солнце еще высоко, значит, надраться он не успел. А после не будет ли ваша жена столь любезна, чтобы встретиться со мной вон в той таверне – там место поприличнее, чем у моряков, – и осмотреть... э-э... – Майерс шевельнул губами, пытаясь вспомнить, но быстро сдался: – Болячку мою.

Затем он нахлобучил на голову шляпу, кивнул Джейми и зашагал по улице. Джейми проследил взглядом за этим исполином, который, продвигаясь, сердечно здоровался со всеми прохожими.

– Да ж что в тебе такого, саксоночка? – произнес он непринужденно, не сводя с Майерса глаз.

– А что там во мне?

Джейми сощурился, глядя уже на меня.

– То, от чего все мужики через пять минут после встречи с тобой норовят из штанов выпрыгнуть.

Фергус поперхнулся. Щеки Иэна порозовели. А я напустила на себя как можно более скромный вид.

– Ну, уж если ты не знаешь, милый, то не знает никто. Зато я вот, кажется, нашла нам лодку. А ты-то чем все утро занимался?

Джейми, как всегда старательный, раздобыл потенциального покупателя для наших камней. И приглашение на ужин к губернатору в довесок.

– Губернатор Трион как раз в городе. Остановился в доме некоего мистера Лиллингтона. Утром я говорил с купцом Макичерном, который отправил меня к парню по имени Маклауд, а тот...

– ...представил Макнилу, который отвел тебя выпить вместе с Макгрегором, который рассказал тебе все о своем племяннике, Бетьюне, который приходится троюродным братом пареньку, который чистит губернатору ботинки, – предположила я, к тому времени уже разобравшись, какими окольными путями делаются дела между шотландцами.

Стоит только оставить в одной комнате двух горцев, и через десять минут они успеют поведать друг другу историю своих семей за последние лет двести и заодно выяснят, что у них полным-полно общих родичей и знакомых.

Джейми усмехнулся.

– Точнее, это был секретарь жены губернатора, – поправил он, – и зовут его Мюррей. Старший сын Мэгги, кузины твоего отца, с берегов Лох-Линне, – добавил Джейми, обращаясь к Иэну. – Его отец уехал после восстания.

Иэн кивнул и, вне всяких сомнений, внес новые сведения в собственную картотеку, ведь придет день, когда они пригодятся.

Эдвин Мюррей тепло принял Джейми как родича, пусть и через брак, и достал нам приглашение отужинать у Лиллингтона сегодня вечером, якобы для того, чтобы Джейми поведал губернатору о торговле в Ост-Индии. На самом деле мы намеревались познакомиться с бароном Пенцлером, зажиточным немецким аристократом. Как человек не только богатый, но и обладающий хорошим вкусом, он прослыл собирателем мастерски исполненных вещей.

– Вроде бы неплохо, – неуверенно сказала я, – но иди-ка ты туда лучше сам. Не могу я ужинать с губернаторами в таком виде.

– Да ну, нормаль... – Джейми умолк и медленно окинул взглядом грязное, рваное платье, растрепанные волосы и изношенную шляпу. – Нет, саксоночка, ты мне нужна. Вдруг придется отвлекать.

– Кстати, скольких пинт эля тебе стоило сие приглашение? – поинтересовалась я, вспомнив о наших скудных финансах.

И глазом не моргнув, Джейми взял меня под руку и потянул к лавкам.

– Шести, но он заплатил за половину. Пойдем, саксоночка, ужин в семь, а нам еще приличный наряд тебе надо выбрать.

– Мы не можем себе позволить...

– Это вложение средств, – отрезал Джейми. – И кузен Эдвин одолжил мне немного денег. Верну, когда продадим камень.

Платье уже два года как вышло из моды на Ямайке, зато было чистым.

– С вас капает, мадам, – раздался холодный голос.

Говорила невысокая худая женщина среднего возраста – знаменитая в Уилмингтоне швея. Как я поняла, она привыкла, что ее указаниям следуют беспрекословно. Стоило мне отказаться от чепца с оборочками в пользу только вымытых волос, как она хмуро пригрозила мне возможным плевритом. А когда я попросила, чтобы традиционный тяжелый корсет заменили на легкий – он поддерживает грудь, а не стискивает, – булавки, которые швея держала во рту, оцетинились, словно иглы на спине дикобраза.

– Прошу прощения. – Я быстро засунула влажную прядь волос

обратно под льняное полотенце, намотанное на голову.

Гостевые покои в огромном доме мистера Лиллингтона оказались полностью заняты свитой губернатора, поэтому меня сослали в комнатуху Эдвина под самой крышей конюшен. Так что примерку платья сопровождали приглушенный перестук копыт и хруст сена снизу. Время от времени вдобавок доносилось монотонное насвистывание конюха, который выгребал навоз.

Впрочем, я и не думала жаловаться. Конюшни мистера Лиллингтона были куда чище трактира, где мы с Джейми оставили наших спутников. А миссис Лиллингтон весьма любезно предоставила мне большую бадью горячей воды и кусок мыла с ароматом лаванды, что для меня куда важнее любых новых платьев. Больше никаких персиков, никаких...

Я привстала на цыпочки, пытаюсь выглянуть в окно – вдруг Джейми идет? Швея тут же заворчала – она приводила в порядок край юбки.

Платье само по себе было довольно простое, из кремового шелка, зато с кринолином, украшенным полосками винного цвета. По корсажу в два ряда сбегали бордовые рюши. А еще я пришила купленные заранее брюссельские кружева к коротким рукавам. Сойдет, пусть и не высший класс.

Сперва меня удивила уж очень низкая цена, но потом я заметила, что ткань довольно грубая и местами на ней встречались утолщения. Из любопытства я потерла ее между пальцами. Хотя в шелках я не особо смыслила, во время плавания знакомый китаец как-то едва ли не целый день посвящал меня в тонкости работы шелкопрядов и едва заметных различий в ее результате.

– Скажите, а откуда этот шелк? – спросила я. – На китайский не похоже... Франция?

Швея подняла взгляд, временно сменив гнев на милость.

– Да, не китайский. Изготовлен в Южной Каролине. Там проживает одна дама, миссис Пинкни. Засадила половину своей земли шелковицей и начала разводить шелкопрядов. Может, по качеству ткань и уступает китайской, – неохотно признала она, – но зато вполтину дешевле. – Швея снова покосилась на меня и кивнула. – Почти готово. Рюш отменно подчеркивает румянец. Мадам, прошу прощения, что-то нужно сделать с шеей. Раз уж вы не желаете ни чепец, ни парик, то, возможно, повяжете ленту?

– Точно, лента! – осенило меня. – Да, отличная мысль. Прошу, загляните в корзину, там лежит подходящая.

Вдвоем мы сумели справиться с моими волосами, перевязав их темно-

розовой лентой. Несколько влажных кудрей все равно прикрыли уши и упали на лоб.

– Не слишком явно я моложусь?

– Что вы, мадам, – успокоила меня швея. – Вполне достойно, уж поверьте мне. – Она нахмурилась. – У вас нет драгоценностей?

– Только это.

Изумленно обернувшись, мы увидели в дверях Джейми, который умудрился войти незамеченным.

Он тоже успел принять ванну и раздобыл чистую рубаху с шейным платком. А еще кто-то потрудился над его прической: расчесал и заплел волосы в аккуратную косу, перевязанную синей лентой. Сюртук не только почистили, но и обновили рядом позолоченных пуговиц с цветочной гравировкой по центру.

– Какая прелесть. – Я дотронулась до пуговицы.

– Взял займы у золотых дел мастера, – пояснил Джейми.

Он достал из кармана грязный платок, в который завернул... тоненькую золотую цепочку.

– Времени у него хватило только на самую простую оправу. – Джейми сосредоточенно застегнул украшение на моей шее. – Ну, оно и к лучшему, правда?

Рубин блестел прямо над ложбинкой меж грудей, отбрасывая розоватые отсветы на бледную кожу.

– Хорошо, что ты выбрал именно его. – Я бережно коснулась камня. Он все еще хранил тепло тела Джейми. – Лучше подходит к платью, чем сапфир или изумруд.

Швея пораженно приоткрыла рот. Она глянула на меня, потом на Джейми. Кажется, наше положение в ее глазах стремительно выросло.

Джейми наконец рассмотрел мой наряд – медленно, от макушки до края подола – и улыбнулся.

– А из тебя вышла неплохая шкатулка для украшений, саксоночка. Отличный отвлекающий маневр.

Он выглянул в окно, где закатное солнце по-прежнему озаряло подернутое дымкой небо, затем поклонился мне и шутливо шаркнул ногой.

– Не соблаговолите ли оказать мне честь сопроводить вас к ужину?

Глава 7

Великие планы идут бок о бок с риском

Как мне уже было известно, в восемнадцатом веке на стол тащили любую дичь, которую только можно было поймать. Чего я не понимала, так это здешнюю любовь подавать блюда в изначальном виде, словно добычу никто не готовил или даже вовсе не убивал.

Я уставилась на огромного осетра. Он тоже на меня таращился. Какой тут аппетит? У рыбыны имелись не только глаза, но и чешуя с плавниками. Совершенно невредимая на вид трехфутовая махина возлежала на волнах заливного из икры и молоко, и всю эту конструкцию украшало множество крошечных крабиков – их сварили целиком и художественно разбросали.

Сделав очередной приличный глоток вина, я повернулась к соседу по столу, лишь бы не пялиться на выпученные глазища осетра.

– ...крайне беспардонный тип! – восклицал мистер Стэнхоуп, описывая некоего джентльмена, которого ему довелось повстречать на почтовой станции по пути в Уилмингтон из своего поместья возле Нью-Берна. – Представьте, буквально посреди обеда принялся рассказывать о своем геморрое и какие муки тот причиняет, когда экипаж бесконечно трясется. А как доказательство сей неотесанный болван извлек из кармана окровавленный носовой платок! Испортил весь аппетит, мэм, уж можете мне поверить, – сообщил он, наколов на вилку внушительный кусок куриного фрикасе, а потом начал медленно жевать, не сводя с меня блеклых и выпученных, как у того осетра, глаз.

Филип Уайли, сидевший напротив, весело скривился.

– Поосторожней, Стэнхоуп, не то ваш рассказ произведет ровно то же впечатление, – кивнул он на мою нетронутую тарелку. – Впрочем, отправляясь в путешествия не на личном транспорте, вы рискуете провести время в весьма разношерстной компании.

Стэнхоуп фыркнул, отряхивая крошки с шейного платка.

– Не стоит зазнаваться, Уайли. Не все могут себе позволить личного извозчика, особенно когда ввели столько новых налогов. – Он возмущенно взмахнул вилкой. – Табак, вино, бренди – еще куда ни шло, но налог на газеты?! Неслыханно! Представьте, когда старший сын моей сестрицы в прошлом году получил ученую степень в Йельском университете, – Стэнхоуп важно надулся и неосознанно повысил голос, – ей, черт возьми, пришлось заплатить полшиллинга, чтобы свидетельство мальчишки

просто-напросто официально скрепили печатью!

– Теперь подобного уже не будет, – терпеливо заметил кузен Эдвин. – Закон о печатях утратил силу, и...

Стэнхоуп схватил крабика с блюда и обвинительно взмахнул им в сторону Эдвина.

– Один отменили, другой введут. Налоги растут как грибы! – Он забросил крабика в рот и продолжил невнятно бормотать, что не удивится, если следующим появился налог уже на воздух.

– Как понимаю, вы недавно вернулись из Ост-Индии, мадам Фрейзер? – спросил барон Пенцлер, сидевший по другую руку от меня. – Сомневаюсь, что вам знакомы местные дела... или что они вам интересны, – добавил он.

– О, что вы, налоги интересуют всех. – Я слегка повернулась, чтобы он смог рассмотреть мою грудь получше. – Вам не кажется, что налоги – это плата за жизнь в цивилизованном обществе? Впрочем, выслушав рассказ мистера Стэнхоупа, – я чуть наклонила голову в его сторону, – я думаю, он согласится, что уровень общества не вполне соответствует уровню налогообложения?

– Ха-ха! – Стэнхоуп поперхнулся хлебом и закашлялся. Во все стороны полетели крошки. – Ох, отлично сказано! Не вполне соответствуют... ха-ха, верно, ох как верно!

Выражение лица Филипа Уайли оставалось скептическим, но все же на меня он взглянул с одобрением.

– Миссис Фрейзер, прошу, постарайтесь не столь яро забавлять собеседников, – проговорил он. – Иначе бедняга Стэнхоуп рискует расстаться с жизнью.

– Мм... и какова сейчас налоговая ставка, как вы считаете? – спросила я, тактично уводя разговор от кашляющего Стэнхоупа.

Уайли сжал губы, размышляя. Он был тем еще щеголем: носил парики по последней моде и мушку в форме звездочки у рта. Впрочем, под слоем пудры можно было рассмотреть и красивое лицо, и живой ум.

– Что ж, учитывая все мелкие расходы, то вплоть до двух процентов, если включить и налог на рабов. Добавьте налоги на землю и урожай – и получится еще выше.

– Два процента! – задохнулся Стэнхоуп, колотя себя по груди. – Чудовищно! Просто чудовищно!

Припомнив последнюю налоговую декларацию, которую мне довелось заполнять, я сочувственно согласилась, что два процента – это, несомненно, обдиравка. Интересно, куда делся яростный пыл американских

налогоплательщиков за два столетия?..

– Возможно, нам стоит сменить тему? – предложила я, заметив, как к нам уже обращаются взгляды окружающих. – В конце концов, говорить о налогах в доме губернатора – все равно что вспоминать о веревке в доме повешенного, верно?

Мистер Стэнхоуп проглотил краба целиком и подавился уже всерьез. Сосед с другой стороны похлопал его по спине, а чернокожего мальчика, в чьи обязанности входило убивать насекомых у окна, поспешно послали за водой. Я на всякий случай заметила тонкий и острый нож у рыбного блюда, хотя надеялась, что мне не придется проводить трахеотомию прямо здесь. Не то внимание к своей персоне я надеялась привлечь.

К счастью, столь крутые меры не понадобились. После особо удачного удара краб все-таки вырвался на свободу, а его жертва, пусть побагровела и хватала воздух ртом, все же осталась невредима.

– Кто-то упомянул газеты, – произнесла я. – Мы здесь пробыли всего ничего, и мне пока ни одна не встретилась. В Уилмингтоне выходит регулярное издание?

Вопрос я задала не только, чтобы дать мистеру Стэнхоупу прийти в себя. У меня были и личные мотивы. Среди скудного имущества Джейми имелся печатный станок, на хранении в Эдинбурге.

Как оказалось, в Уилмингтоне проживали два печатника, но лишь один – некий мистер Джонатан Жиллетт – выпускал регулярную газету.

– И вскоре она, скорее всего, перестанет таковой быть, – мрачно сообщил Стэнхоуп. – Говорят, мистер Жиллетт получил предупреждение от Комитета по безопасности о том... Ох! – Его пухлое лицо исказилось от боли и удивления.

– А у вас к газетам особый интерес, миссис Фрейзер? – вежливо поинтересовался Уайли, глянув исподлобья на товарища. – Слышал, ваш муж как-то связан с печатным делом в Эдинбурге.

– Да, так и есть, – согласилась я, несколько удивленная. Откуда он столько о нас знает? – Впрочем, Джейми печатал не газеты, а книги, пьесы и подобное.

Ровно очерченная бровь Уайли взметнулась вверх.

– То есть ничего политического? Печатников зачастую подкупают те, кто хочет излить свою страсть на страницах газет... Сам печатник может ее и не разделять.

А вот и тревожный звоночек. Знал ли Уайли что-то о политических связях Джейми в Эдинбурге, большинство которых были откровенно мятежными, или просто поддерживал спокойную беседу за столом? Судя

по замечаниям Стэнхоупа, газеты и политика явно переплелись в сознании людей – впрочем, неудивительно, учитывая времена.

Джейми, расположившийся на дальнем конце стола, уловил свое имя и незаметно мне улыбнулся, затем возобновил серьезную беседу с губернатором, рядом с которым и сидел. Я не знала, похлопотал ли насчет этого мистер Лиллингтон, сидевший с другой стороны от губернатора и слушавший разговор с вдумчивым и слегка печальным, как у бассет-хаунда, выражением лица, или кузен Эдвин, который занимал место напротив меня, между Филипом Уайли и его сестрой Джудит.

– О, ремесленник, – многозначительно изволила заметить сия дама. Она улыбнулась, стараясь не демонстрировать зубы. Гнилые, наверное. – А это... – она неопределенно взмахнула рукой, как бы сравнивая мои волосы с лентой и свой монументальный парик, – нынче модно в Эдинбурге, миссис Фрейзер? Очаровательно.

Уайли, прищурившись, глянул на сестру.

– Еще я, кажется, слышал, что мистер Фрейзер приходится племянником миссис Кэмерон из «Горной реки», – вежливо произнес он. – Мой собеседник не солгал, миссис Фрейзер?

Эдвин, который, несомненно, и был тем собеседником, сосредоточенно намазывал булочку маслом. Высокий и располагающий к себе молодой человек с живыми карими глазами, на секретаря он походил мало.

Барон, которому наскучили как налоги, так и газеты, слегка оживился:

– «Горная река»? Вы в родстве с миссис Йокастой Кэмерон?

– Она приходится тетушкой моему мужу, – ответила я. – Вы с ней знакомы?

– О, разумеется! Восхитительная женщина, в высшей степени восхитительная! – Обвисшие щеки барона качнулись, и он расплылся в улыбке. – Уже много лет я прихожусь близким другом миссис Кэмерон и ее мужу, к несчастью, покойному.

Барон воодушевленно пустился перечислять красоты поместья, а я воспользовалась затишьем и решила перекусить рыбным пирогом. Откинувшись на спинку, дабы позволить лакею подлить чуть больше соуса на тарелку, я уловила взгляд Джудит Уайли. Эдакий прищур с откровенной неприязнью. Я мило улыбнулась в ответ, выставя напоказ безупречные зубы, и снова повернулась к барону.

В комнате Эдвина зеркала не нашлось. Джейми уверял, что я выгляжу превосходно, но его представления о красоте значительно отличались от веяний моды. Да, я получила немало комплиментов, однако джентльмены вполне могли лишь проявлять вежливость. Аристократы славились

непомерной любезностью.

А вот мисс Уайли была на четверть века меня младше, одета по последней моде и при драгоценностях. Не писаная красавица, но и не простушка. Ее ревность отражала мой внешний вид куда лучше любого зеркала.

– Какой чудный камень, миссис Фрейзер... позвольте рассмотреть? – наклонился барон. Пухлые пальцы осторожно зависли у моего бюста.

– Конечно, – с готовностью отозвалась я.

Мигом расстегнув цепочку, я уронила камень в его широкую потную ладонь. Барон слегка расстроился, что изучить украшение на прежнем месте не удалось, но с видом знатока поднес его к глазам. Впрочем, в камнях барон явно разбирался: из нагрудного кармана он извлек небольшой прибор, оказавшимся соединением оптических линз.

Утратив бдительность, я не заметила, как дворецкий положил мне в тарелку порцию чего-то горячего и острого. Ну зачем, зачем подавать подобное, когда в помещении и так не продохнуть от жары?

– Прекрасно, – пробормотал барон, перекатывая камень в ладони. – *Sehr schön*^[8].

Я мало в чем полагалась на Гейлис Дункан, но ее вкусу в драгоценных камнях вполне доверяла. «Он должен быть первоклассным, – объясняла она мне свою теорию о путешествиях сквозь время посредством таких сокровищ. – Полностью безупречным и большим». Да, рубин был крупным – размером почти с перепелиные яйца, которые украшали блюдо с полностью оперенным фазаном. И, несомненно, идеальным: с его помощью Гейлис перенеслась в будущее. Я же надеялась, что он доставит нас хотя бы в Кросс-Крик. С этими мыслями я попробовала то, что оказалось у меня на тарелке, – нечто похожее на рагу, очень нежное и ароматное.

– Как вкусно, – поделилась я с мистером Стэнхоупом, в очередной раз поднося вилку ко рту. – Не подскажите, что за блюдо?

– О, одно из моих любимейших, мэм. – Он с блаженным видом принялся к своей тарелке. – Маринованные свиные морды. Прелестно, верно?

Закрыв за собой дверь, я оперлась о нее спиной и облегченно выдохнула. В комнате Эдвина не приходилось бесконечно улыбаться, поэтому я с удовольствием расслабила уже ноющую челюсть. А теперь – скорее снять липнущее к коже платье, тесный корсет и потные туфли.

Спокойствие, одиночество, обнаженность и тишина. И ничего больше не надо, ну, кроме глотка свежего воздуха. Раздевшись до нижней рубашки, я распахнула окно.

В комнату вошел воздух – такой плотный, словно можно шагнуть с подоконника вниз и неспешно поплыть к земле, как камешек ко дну кувшина с вязкой патокой. На пламя свечи тут же прилетели насекомые, кровожадные и очарованные светом. Я задула огонь и присела на банкетку уже в темноте.

На шее каплей черной крови поблескивал рубин. Теплый, как моя собственная кровь.

Гости уже разъезжались, у дороги ожидали экипажи. До меня долетали обрывки прощаний, разговоров, тихого смеха.

– ...довольно умна, на мой взгляд, – расслышала я манерный голос Филипа Уайли.

– Ах, умна, конечно же! – взвизгнула его сестрица. Стало ясно, что она думает о значении ума для светских дам.

– Видишь ли, дорогая, умную женщину можно вынести, если на нее приятно и смотреть. В свою очередь, красавица может обойтись без выдающихся способностей, ежели ей хватает ума держать рот на замке.

Мисс Уайли, конечно, умом не блистала, однако тонкий намек уловила и фыркнула самым неподобающим леди образом.

– Да ей лет сто, не меньше. Приятно смотреть, как же! А вот на шее у нее украшение висело красивое, – нехотя добавила она.

– Вполне, – согласился третий голос, глубокий. Ллойд Стэнхоуп. – Хотя оправа впечатляла куда сильнее.

– Оправа? – возмутилась мисс Уайли. – Откуда там оправа, камень просто на ее груди лежал!

– В самом деле? – вежливо отозвался Стэнхоуп. – Я и не заметил. Уайли расхохотался.

– Ну, старик, ты не заметил, так нашлись другие, кто сумел, – лукаво произнес он. – Пойдемте, экипаж подан.

Я вновь коснулась рубина, наблюдая, как красивые серые лошади увозят гостей прочь. Да, другие нашлись. Я по-прежнему чувствовала на груди алчный взгляд барона. Ценил он явно не только драгоценности.

Камень тяжестью лежал в ладони. Мне даже казалось, что он теплее кожи. Я редко носила украшения помимо двух обручальных колец, да и не стремилась. Как хорошо будет избавиться хотя бы от части наших опасных сокровищ. Но я как зачарованная качала камень в ладони, пока не начала слышать в нем крошечное сердце, бьющееся в такт с моим.

Наконец у дома остался лишь один экипаж. Кучер терпеливо ждал рядом с лошадьми. Примерно через двадцать минут из дома вышел и владелец, добавивший к словам прощания добродушное «*Gute nacht*»^[9]. Барон засиделся до последнего и уезжал в приподнятом настроении. Хороший знак.

Лакей, снявший ливрею, потушил факелы. Я рассмотрела белое пятно его рубахи, когда он в темноте возвращался. На миг вспыхнул свет – лакей вошел в дом и снова закрыл дверь. Опустилась ночная тишина.

Я ожидала, что Джейми сразу ко мне поднимется, однако минуты все тянулись и тянулись, а его шагов по-прежнему не было слышно. Я глянула на постель, но поняла, что не хочу ложиться.

Поднявшись, я вновь натянула платье, правда, не стала заморачиваться чулками и даже туфлями. Я босиком тихонько прошла по коридору, спустилась по лестнице и через крытый переход попала в главную часть дома. Царила темнота, лишь лунный свет сочился сквозь оконные переплеты. Большинство слуг уже легли спать, как и хозяева с гостями. Но наверху, за перилами лестницы, мелькнули огоньки – в столовой по-прежнему сияли канделябры.

Прокравшись на цыпочках, я расслышала приглушенную беседу тет-а-тет: глубокий, с шотландскими нотками голос перекликался с английским губернатора.

Свечи почти догорели. Воздух наполнился сладостью талого воска. У дверей клубились низкие облака пахучего сигарного дыма.

Я тихонько остановилась неподалеку от входа. Неплохое место для наблюдения. Я увидела спину губернатора, который вытянул шею, прикуривая очередную сигару от свечи на столе.

Если Джейми меня заметил, то виду не подал. Его лицо хранило привычное выражение спокойного благодушия. Напряженные морщинки у глаз и рта разгладились, да и плечи слегка опустились. Значит, он на самом деле расслаблен. На душе сразу стало легче. Он добился успеха.

– ...называется «Горная река», – говорил Джейми губернатору. – Глубоко в холмах за Кросс-Криком.

– Да, знаю, – немного удивленно отозвался тот. – Мы с супругой как-то провели в Кросс-Крике несколько дней. Объезжали колонию, когда меня назначили на пост. «Горная река» располагается далековато от города, я бы даже сказал, что она на полпути к горам.

Джейми улыбнулся и глотнул бренди.

– Ну, мы горцы, сэр, так что там для нас словно дом родной.

Выдохнув дым, губернатор вынул сигару изо рта и доверительно наклонился к Джейми.

– Так как мы здесь одни, мистер Фрейзер, я хотел бы кое-что вам предложить. Еще стаканчик?

Не дожидаясь ответа, он плеснул бренди из графина.

– Благодарю, сэр.

Губернатор некоторое время яростно попыхивал сигарой, пока она наконец не разгорелась как следует, затем откинулся на спинку. Сигара небрежно висла в пальцах.

– Юный Эдвин упоминал, что вы в колониях недавно. Знакомы со здешними условиями?

– Старался узнать как можно больше, – ответил Джейми, слегка пожав плечами. – Какие условия вы имеете в виду?

– Северная Каролина – земля весьма богатая. И все же мы до сих пор не процветаем так, как наши соседи. В основном из-за нехватки рабочих. Понимаете, порт здесь не построишь, нет достаточно большой бухты. Значит, приходится перевозить рабов из Южной Каролины или Вирджинии, а это стоит немалых денег. Мы не сможем угнаться за Бостоном и Филадельфией. Поэтому поощряем трудолюбивые и набожные семьи заселять эти земли, чтобы обеспечить благополучие и безопасность края.

Губернатор глубоко затынулся и медленно выдохнул дым. Затем, откашлявшись, продолжил:

– В связи с этим, сэр, возникла система пожалования, согласно которой джентльмену со средствами выделяют приличный участок земли. Сей джентльмен, в свою очередь, берет на себя обязанность уговорить ряд эмигрантов поселиться там под его покровительством. Эта политика уже оправдала себя за последние тридцать лет. Многие приличные шотландцы вняли призыву и переехали сюда. Причем я был поражен, когда своими глазами увидел, сколько в Кейп-Фире Макнилов, Бьюкененов, Грэхемов и Кэмпбеллов!

Губернатор поднес к губам сигару, но тут же в нетерпении заговорил вновь:

– Остается еще полно отменных земель – в глубь континента, в сторону гор. Несколько отдаленно, да, однако, как вы говорите, для народа, привыкшего к высотам Шотландии...

– Я слышал о таких пожалованиях, сэр, – перебил его Джейми. – Но разве в законе не сказано, что землю даруют только белым мужчинам-протестантам старше тридцати лет?

– Так звучит данный акт, верно. – Мистер Трион повернулся ко мне в профиль, стряхивая пепел в небольшую фарфоровую мисочку. Выражение его лица при этом казалось сродни тому, что бывает у рыбака, когда тот чувствует первую поклевку.

– Предложение, несомненно, звучит крайне интересно, – произнес Джейми. – Однако, должен заметить, что я не протестант, как и большинство моей родни.

Губернатор неодобрительно поджал губы и вскинул бровь.

– А еще вы не еврей и не негр. Я могу говорить с вами как джентльмен с джентльменом? Если начистоту, мистер Фрейзер: есть закон, а есть его исполнение. – Он с легкой улыбкой приподнял стакан бренди, забрасывая наживку. – И, уверен, вы понимаете это не хуже меня.

– Возможно даже лучше, – пробормотал Джейми, вежливо улыбаясь в ответ.

Губернатор бросил на него внимательный взгляд, но тут же хохотнул и отсалютовал стаканом, прежде чем отпить.

– Мы понимаем друг друга, мистер Фрезер, – с удовлетворением кивнул он.

Джейми едва заметно наклонил голову.

– То есть с личными качествами тех, кто согласится на ваше предложение, сложностей не возникнет?

– Никаких. – Губернатор с тихим стуком опустил стакан на стол. – Если они физически крепкие мужчины, способные обрабатывать землю, большего я не ожидаю. А что не спросят, то можно и не сообщать, верно? – Он вновь вскинул тонкую бровь.

Джейми покрутил стакан в ладонях, будто любовался глубоким цветом напитка.

– Не всем, кто пережил восстание Стюарта, повезло так, как мне, ваше превосходительство, – заговорил он. – Мой приемный сын потерял кисть, один из спутников – руку целиком. И все же они остаются людьми добрыми и трудолюбивыми. Я не могу позволить себе принять предложение, если оно не коснется моих товарищей.

Губернатор лишь отмахнулся.

– Если они способны заработать себе на хлеб и не станут обузой обществу, то мы рады их приветствовать. – Он сел ровнее, словно вдруг испугался, что проявил чересчур неосторожную щедрость. – Раз уж вы заговорили о якобитах... Вашим людям придется принести клятву верности Британской короне, если они до сих пор этого не сделали. Осмелюсь спросить следующее... вы, сэр, подразумеваете, что вы... папист?

Джейми прищурился – возможно, из-за дыма, хотя вряд ли. Губернатор Трион, которому было всего лет тридцать, в людях разбирался неплохо и сейчас пристально глядел на Джейми, словно высматривал блеск рыбьей чешуи под водой.

– Я не пытаюсь напоминать о прошлых ошибках, – тихо произнес он. – И не желаю оскорбить вашу честь. Тем не менее поймите, задать эти вопросы – мой долг.

Джейми невесело улыбнулся.

– А мой, как понимаю, – ответить. Да, я помилованный якобит. И да, я принес клятву... как и остальные, кто такой ценой спас свою жизнь.

Он резко поставил почти нетронутый стакан на стол и отодвинул тяжелый стул.

– Уже поздно, ваше превосходительство. Позвольте мне откланяться.

Губернатор медленно поднес сигару к губам и глубоко затянулся, от чего ее кончик ярко вспыхнул. И наконец кивнул, выпустив тонкую струйку дыма из сжатых губ.

– Доброй ночи, мистер Фрейзер. Подумайте над моим предложением.

Ждать ответа я не собиралась. Я метнулась прочь по коридору, шурша юбками, и случайно перепугала лакея, дремавшего в темном углу.

В комнату над конюшнями я умудрилась добраться, больше никого не повстречав на пути, и рухнула на кровать. Сердце колотилось. Не только из-за беготни по лестницам, но и от услышанного.

Да, Джейми подумает над предложением. Как же иначе! Одним махом вернуть все, что он потерял в Шотландии... и даже больше.

Джейми не должен был стать лэрдом. Однако старший брат умер, сделав его наследником Лаллиброха. И с восьмилетнего возраста в Джейми воспитывали ответственность за поместье, благополучие своей земли и ее жителей. Учили ставить это благополучие превыше собственного. Потом появился Карл Стюарт с безумным шествием к славе. Своим огненным крестом он привел последователей к краху и смерти.

Джейми никогда не отзывался о Стюартах плохо, а о Карле не заговаривал вообще. Как и о том, чего ему самому стоила сия авантюра.

Но теперь... Новые земли, богатые урожаем и дичью, семьи под его защитой. Прямо как в Книге Иова – когда все дома оказались разрушены, скот угнан, а сыновья и дочери убиты одним небрежным движением... а потом все вернулось.

Эта часть Библии всегда вызывала у меня сомнения. Ладно верблюды, но дети? Иов, может, и принял новых с благодарностью, считая, что все справедливо. А вот несчастная мать мертвых детей вряд ли думала так же.

Долго усидеть на месте мне не удалось, и я вновь уставилась в окно невидящим взглядом. Сердце по-прежнему колотилось, ладони взмокли... Я радовалась – и боялась. При том как обстоят дела в Шотландии, как все стало после восстания, желающих переселиться будет масса.

Я видела корабли в портах Ост-Индии и Джорджии и как на землю ступали изможденные долгим плаванием эмигранты. Они напоминали жертв концентрационных лагерей – ходячие скелеты, желтовато-бледные после двух месяцев в тесном и темном трюме. Однако, несмотря на цену и тяжелый путь, несмотря на боль расставания с друзьями, семьей и родиной, переселенцы плыли сотнями, тысячами. Они спускались с кораблей с детьми, если тем посчастливилось выжить в пути, и несли с собой пожитки в потрепанных узелках. Сюда они бежали от нищеты и отчаяния, ища если не богатства, то хотя бы возможность встать на ноги.

Прошлой зимой, немного пробыв в Лаллиброхе, я успела понять, что многие издольщики выживают лишь благодаря доброте Иэна и юного Джейми, поскольку их собственного урожая попросту не хватает. Однако помочь всем тоже не удавалось. Я знала, что скудные запасы поместья зачастую растягивали до последнего.

Были и контрабандисты, с которыми Джейми познакомился в Эдинбурге, подпольные производители шотландского виски. На самом деле многим людям пришлось нарушать законы, лишь бы прокормить семью. Да уж, Джейми легко найдет желающих переселиться.

Проблема заключалась в том, что для этого надо вернуться в Шотландию. А у меня перед глазами до сих пор стоял церковный погост на вершине холма, высоко над морем, и гранитная плита.

«Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер», – значилось на ней. А ниже – «Возлюбленный супруг Клэр».

Я похороню его в Шотландии. Но на могиле, которую я увидела в будущем, за двести лет отсюда, не было даты, так что я не знала, когда случится страшное.

– Не сейчас, – шепнула я, стискивая шелк нижней юбки. – Я ведь только недавно его вновь обрела... боже, прошу, не сейчас!

Дверь распахнулась, словно в ответ, и в комнату вошел Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер собственной персоной, со свечой в руке. Он улыбнулся, ослабляя шейный платок.

– А у тебя легкая походка, саксоночка. Видать, надо научить тебя охотиться. Будешь отлично выслеживать дичь.

Я, не став извиняться за подслушанный разговор, помогла ему расстегнуть пуговицы камзола. Несмотря на поздний час и бренди, взгляд

Джейми был ясным и настороженным, а тело напряглось, когда я его коснулась.

– Потуши свечу, – посоветовала я. – Не то тебя заживо сожрут. – В подтверждение своих слов я прихлопнула комара на его шее. На пальцах осталась кровь.

От него пахло алкоголем и сигарным дымом, но я различила и ночные запахи, а еще и легкий, мускусный аромат цветущего табака. Значит, Джейми прогуливался в саду. Так он обычно поступал в минуты либо тревоги, либо радости. И обеспокоенным он явно не выглядел.

Джейми со вздохом потянулся, когда я помогла ему снять камзол. Рубашка вся пропиталась потом.

– Не знаю, как люди живут в жару, да еще и так одеваются. Дикари, выходит, куда умнее – натянул набедренную повязку, и все дела...

– Ага, куда дешевле будет, – согласилась я. – Правда, на вид что-то не очень. Представь барона Пенцлера в такой повязке, а?

Болезненно-бледный барон весил, наверное, с восемнадцать стоунов. Джейми приглушенно рассмеялся, стягивая рубашку.

– А вот ты – другое дело... – Я присела на банкетку, любуясь его фигурой. Джейми как раз снял штаны и стоял на одной ноге, стягивая чулок.

Когда свеча потухла, в комнате вновь стало темно. Однако глаза быстро привыкли, и я все равно различала светлую кожу Джейми в бархатистой ночи.

– Кстати, о бароне... – напомнила я.

– Три сотни фунтов стерлингов, – чрезвычайно довольнo отозвался Джейми. Он выпрямился и забросил свернутые чулки на стул, а затем поцеловал меня. – Твоя заслуга, по большей части.

– В роли шкатулки для украшений, да? – сухо поинтересовалась я, вспомнив разговор брата и сестры Уайли.

– Нет. Ты отвлекла Уайли и его приятелей, пока я беседовал с губернатором. Шкатулка... пф! Да Стэнхоуп чуть ли не носом тебе в корсет нырнул, поганый развратник. Думал, вызову его на дуэль, но...

– Благоразумие – лучшая составляющая доблести. – Я встала с банкетки и поцеловала Джейми в ответ. – Правда, я никогда не встречала шотландцев, разделяющих мое мнение.

– Почему же. Например, старина Саймон, мой дед. Думаю, благоразумие его и прикончило.

В голосе Джейми прозвучали одновременно улыбка и надрыв. Да, он редко заговаривал о якобитах и восстании, но не забыл. Беседа с

губернатором явно вызвала в его памяти те трагичные события.

– Благоразумие не всегда означает обман. А твой дед лет пятьдесят буквально напрашивался, – едко проговорила я.

Саймон Фрейзер, лорд Ловат, был казнен на Тауэр-Хилле – ему отрубили голову – в возрасте семидесяти восьми. Всю свою долгую жизнь он занимался тем, что строил непревзойденные козни. Впрочем, я все равно жалела о смерти старого плута.

– Хм-м.

Джейми встал рядом со мной у окна и глубоко вздохнул, словно принимался к душному ночному воздуху. Его лицо в тусклом свете звезд казалось спокойным, но отрешенным, будто он вглядывался не в темный сад, а нечто в совершенно иное. Прошлое?.. Будущее?..

– Что ты говорил? – вдруг спросила я. – Во время клятвы?

Я скорее почувствовала, чем увидела мимолетное движение его плеч.

– Я, Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрейзер, клянусь, и пусть я отвечу перед Господом в день Страшного суда, что не имею и не возымею мушкета, меча или любого другого оружия и что никогда не надену килт, плед или иную часть одеяния горцев, а если клятва моя будет нарушена, да буду я проклят во веки веков, как и моя семья и земля.

Джейми снова глубоко вздохнул и продолжил размеренно говорить:

– И пусть я не увижу никогда жену и детей, отца, мать или иных родственников. Пусть меня убьют в битве как труса и похоронят без христианских обрядов в чужой земле, вдали от могил моих праотцев и родни. Пусть все эти кары падут на меня, если я нарушу клятву.

– Ты сильно сопротивлялся? – помолчав, произнесла я.

– Нет, – тихо отозвался Джейми, по-прежнему всматриваясь во тьму. – Тогда – нет. Есть вещи, ради которых стоит умереть или голодать... но не ради слов.

– Может, не ради этих.

Он взглянул на меня с едва заметной улыбкой на губах.

– А ты знаешь достойные?

На надгробии было имя, но не дата. А если не пустить Джейми в Шотландию?..

Я повернулась к нему, прислонившись спиной к оконной раме.

– Как насчет «я тебя люблю»?

Джейми коснулся моей щеки ладонью.

– Да, – шепнул он. – Ради них можно.

Где-то неподалеку запела птица. Несколько звонких нот – и раздалась

ответная трель. Короткий щебет и тишина. Небо по-прежнему было темным, но звезды уже не светили так ярко.

Я беспокойно ворочалась, обнаженная, под простыней. В предрассветные часы теплый воздух меня душил. Прямая постель отсырела.

Заснуть не удавалось. Даже после того, как мы с Джейми занялись любовью, хотя обычно после этого я впадала в полную прострацию. Теперь же я просто лежала, липкая от пота, и напряженно думала. Будущее одновременно захватывало дух и тревожило, однако поделиться с Джейми своими мыслями я не могла и тем самым отрезала его от себя. Отшагнула прочь, несмотря на близость наших тел.

Я снова перевернулась, на этот раз к Джейми. Он, как всегда, спал на спине, сложив руки на плоском животе. Простыня скомкалась на бедрах. Его лицо во сне казалось спокойным. Широкий рот расслабился. Длинные ресницы темнели на фоне светлой кожи. В тусклом свете Джейми выглядел почти что четырнадцатилетним мальчишкой.

Ужасно захотелось его коснуться, только я не знала – приласкать или ткнуть. Да, Джейми подарил мне физическое наслаждение, но из-за него же мое сознание изнывало от мучений, и я ужасно завидовала его беспечному сну.

Я легла на спину, так ничего и не сделав, и закрыла глаза. А потом и вовсе принялась мрачно считать овец, которые, естественно, были шотландскими и самым отвратительным образом носились по погосту, радостно перепрыгивая через надгробия.

– Что тебя беспокоит, саксоночка? – раздался сонный голос у моего плеча.

Я распахнула глаза.

– Ничего, – постаралась не менее сонно произнести я. – Все хорошо.

Джейми тихо фыркнул и, переворачиваясь, заскрипел матрасом, набитым соломой.

– Ты нагло врешь, саксоночка. И слишком громко думаешь, я отсюда слышу.

– Ты не умеешь слышать чужие мысли!

– Умею. Твои, по крайней мере. – Джейми хмыкнул и лениво положил руку мне на бедро. – В чем дело? Живот пучит от острых крабов?

– Да нет! – Я попыталась передвинуть ногу, но не тут-то было. Он и не думал убирать руку.

– Хм, хорошо. Тогда... ты наконец придумала остроумный укол на замечание мистера Уайли об устрицах?

– Нет, – разозлилась я. – Чтоб ты знал, я думала о предложении губернатора. Ногу отпусти.

– А-а. – Он так и не пошевелился. – Ну, раз уж на то пошло, то я тоже задумывался.

– И что ты там надумал? – Успев понять, что никак не отдеру его ладонь, я перекатилась на бок и подперла голову рукой.

За окном все еще тускло поблескивали звезды. Рассвет не спешил приближаться.

– Во-первых, мне интересно, зачем ему это.

– М-да? Он разве не сказал?

– Ну, он явно не станет предлагать мне землю за красивые глаза. – Джейми открыл эти самые глаза и вскинул бровь. – А прежде чем заключить сделку, саксоночка, я хочу узнать, чем она выгодна обеим сторонам.

– А ты не допускаешь, что он говорит правду? Что эти гранты помогают освоить новые земли? Он же говорил, что их раздают уже лет тридцать. Неужели лжет?

– Тут он сказал правду, – согласился Джейми. – Вот только у каждой пчелки во рту медок, а сзади – жало. – Он почесал голову и со вздохом отбросил пряди с лица. – Сама подумай, саксоночка. Почему именно я?

– Ну... ему нужен богатый джентльмен, обладающий властью, – медленно проговорила я. – Ему нужен лидер, а кузен Эдвин явно упомянул, что ты такой и есть и относительно богат...

– Я не богат.

– Губернатор-то не знает, – возразила я.

– В самом деле? – скептически поинтересовался Джейми. – Кузен Эдвин выдал ему все, что мог. И губернатору отлично известно, что я был среди якобитов. Да, есть те, кто после восстания поправил свои дела в Ост-Индии. Но у губернатора нет причин думать, что я из них.

– Он явно считает, что какие-то деньги у тебя есть, – заметила я.

– Из-за Пенцлера? Ага. – Джейми задумался. – Что еще он обо мне знает?

– Скорее всего, только то, что ты рассказал ему за ужином. Здесь про тебя вряд ли ходят слухи. Ты в городе пробыл меньше, чем... Стой, ты о чем? – воскликнула я недоверчиво, и Джейми мрачновато улыбнулся. Я четко видела его лицо в полумраке. Рассвет по-прежнему не спешил.

– Именно. Я связан с Кэмеронами, не только богатыми, но и уважаемыми людьми. Но в то же время я чужак, которому пока нельзя доверять.

– Зато губернатор доверился и предложил огромную полосу земли, – медленно произнесла я.

Джейми ответил не сразу. Он перевернулся на спину, так и не отпустив мою ногу, и уставился в белый потолок, украшенный росписью.

– Я встречал одного-двух немцев в свое время, саксоночка, – задумчиво сказал Джейми. Его большой палец медленно ласкал внутреннюю сторону бедра. – Никогда не замечал, чтобы они швырялись деньгами... Ты вечером была прекрасна, как белая роза, но все-таки я не уверен, что сей джентльмен накинул сто фунтов сверх того, что предложил золотых дел мастер, только благодаря твоим чарам. – Джейми глянул на меня. – Трион – солдат и знает, что я тоже. А здесь два года назад уже случались стычки с регуляторами.

Я так увлеклась рассказом, что почти перестала замечать, как его ладонь принялась хозяйничать меж моих бедер.

– С кем?

– О, забыл, ты же не слышала ту часть беседы, ведь была занята толпой поклонников.

Я пропустила укол мимо ушей, чтобы узнать, кто такие регуляторы. Как оказалось, это вольное объединение людей, в основном из малонаселенных частей колонии, которым надоело терпеть, по их мнению, произвол, а иногда и откровенное нарушение законов со стороны представителей королевской власти – шерифов, судей, сборщиков налогов и так далее. Почувствовав, что губернатор и ассамблея должным образом не реагируют на жалобы, люди взяли все в свои руки. Нападали на заместителей шерифа, а мировых судей гнали толпами из домов и заставляли отказываться от должности.

Некий комитет регуляторов написал губернатору, умоляя устранить беззаконие, и Трион – человек дела и дипломат – успокоил их ответом, в котором даже пообещал сместить парочку самых продажных шерифов, а также в официальном письме обратился к судебным приставам касательно наложения ареста на имущество.

– Стэнхоуп упоминал какой-то Комитет безопасности, – вспомнила я, заинтересовавшись. – У меня сложилось впечатление, что он появился недавно.

– Бунт подавили, но конфликт не исчерпан, – пожал плечами Джейми. – А сырой порох может долго тлеть, саксоночка, зато потом ка-а-ак рванет.

Неужели Трион считает, что ему будет выгодно вложить такие средства, чтобы купить преданность и сделать обязанным опытного

солдата, под началом которого, в свою очередь, выступят и люди под его покровительством, которые живут в отдаленной и беспокойной части колонии?

Я бы сказала, что губернатор отделается малой кровью – всего-то потратит сто фунтов и отдаст несколько жалких и непригодных для жизни акров королевских земель.

– Поэтому ты и сомневаешься.

К этому времени мы уже повернулись друг к другу. Я накрыла его ладонь своей – но не сдерживая, а ободряя.

Джейми лениво улыбнулся.

– Знаешь, саксоночка, я столько бы не протянул, если бы верил всему, что мне говорят. Может, я приму щедрое предложение, а может, и нет. Но, черт возьми, сперва разузнаю куда больше, прежде чем дам ответ.

– Да, странно... он тебя едва увидел и предложил такое.

– Ну, я сильно удивлюсь, если он лишь ко мне обратился. Да и он не особо рискует. Ты слышала, как я сказал, что я католик? Для него это не новость.

– Слышала. И он заверил, что с этим проблем не возникнет.

– Наверняка. Пока сам губернатор не пожелает их создать.

– Господи. – Мое представление о губернаторе Трионе резко менялось, причем я не знала, в какую сторону. – То есть, если что-то пойдет не так, он попросту объявит, что ты католик, и суд отнимет земли. А если он решит хранить молчание...

– Именно.

– А он куда хитрее, чем я думала, – заметила я не без восхищения. – Почти как шотландец.

Джейми рассмеялся и отбросил с лица упавшие пряди.

Длинные занавески вдруг шевельнулись, впуская ветерок с запахом песчаного ила и речной воды, а также едва различимым ароматом свежей сосны. А вот и рассвет. Как по сигналу Джейми легонько надавил ладонью, и его почти незаметная дрожь передалась мне.

– Что-то я не очень постарался в прошлый раз, – тихо произнес он. – Если ты уверена, что больше ничего тебя не тревожит...

– Не тревожит, – отмахнулась я, глядя, как первый лучик света золотом касается его головы и шеи. Джейми все тот же, но уже не похож на четырнадцатилетнего паренька. – Пока что – ни капельки.

Глава 8

Человек почтенный

– Боже, как я ненавижу лодки!

С этим искренним прощальным восклицанием, которое долго звенело у меня в ушах, мы медленно отчалили из гавани Уилмингтона.

После двух дней сборов мы наконец начали путь к Кросс-Крику. За рубин мы получили достаточно денег, так что лошадей можно было не продавать, поэтому Дункан заранее выехал на фургоне с самыми тяжелыми вещами и Майерсом в качестве проводника. Остальные дождались более быстрого и удобного средства передвижения – кораблика «Салли-Энн» под командованием капитана Фримана.

«Салли-Энн» выглядела странно. Наверное, таких больше не встретишь – прямоугольная посуда с длинными низкими бортами и тупым носом. На ней гордо возвышалась крошечная каюта размером где-то в шесть квадратных футов. По обе стороны оставалось по проходу в пару футов каждый. Впереди и в хвостовой части было попросторнее, хотя теперь палуба частично скрылась под многочисленными узелками, сумами и бочками.

На единственной мачте трепетал парус, отчего «Салли-Энн» издалека походила на краба с белым флагом. Коричневые, торфянистые воды реки Кейп-Фир слабо плескались за бортом. Доски постоянно отсыревали из-за протечек.

Однако я была счастлива. Пусть в тесноте, но ведь так хорошо уплыть подальше от заманчивых, словно песнь сирен, предложений губернатора.

А вот Джейми рад не был. Он настолько страдал от морской болезни, что зеленел даже от вида взболтанной в стакане воды.

– Полный штиль, – заметила я. – Может, тебе и не станет плохо.

Джейми с подозрением покосился на темную воду вокруг и зажмурился – «Салли-Энн» прилично качнуло волной от проплывшей мимо лодки.

– Может, – буркнул он, не только с надеждой, но и огромным сомнением.

– Давай иглы? Лучше их установить до того, как начнет тошнить.

Я полезла в карман юбки, где лежал китайский набор для акупунктуры, который уже спас Джейми жизнь во время путешествия через Атлантический океан.

Джейми пожал плечами и открыл глаза.

– Не надо. Надеюсь, обойдется. Поговори со мной, саксоночка, отвлеки, а?

– Хорошо, – послушно отозвалась я. – Расскажи о своей тетушке, Иокасте.

– Последний раз ее видел, когда мне было два года, так что даже не знаю, – рассеянно ответил Джейми, не сводя глаз с большого плота. Тот плыл навстречу и вот-вот рисковал с нами столкнуться. – Слушай, а тот негр справится? Давай я ему помогу?

– Думаю, справится. – Я тоже с опаской глянула на плот. – Он вроде бы знает, что делает.

Кроме капитана – провонявшей табаком старой развалины с сомнительной репутацией, – «Салли-Энн» при помощи длинного шеста управлял пожилой черный вольноотпущенник. Его сухие мышцы перекачивались в такт неторопливым движениям. Склонив сидящую голову, негр будто совсем не замечал паром впереди, методично работая шестом, который казался его третьей рукой.

– Оставь его в покое. То есть ты совсем мало знаешь о тетушке? – добавила я, надеясь отвлечь Джейми.

Плот неумолимо двигался на нас. Он низко сидел в воде – на палубу длиной в футов сорок давили бочки и горы шкур, накрытые сетью. От этой конструкции так разило мускусом, кровью и прогорклым жиром, что речные запахи отошли на второй план.

– Ага. Она вышла за Кэмерона из Эрахта и покинула Леох за год до свадьбы моих родителей.

Джейми по-прежнему не сводил глаз с приближающейся махины. Я прямо чувствовала, насколько ему не терпится рвануть к негру, отобрать шест и предотвратить столкновение. Даже костяшки стиснутых кулаков побелели. Я успокаивающе коснулась его руки.

– И она ни разу не навещала Лаллиброх?

Солнце блестело на тусклых железных клиньях плота. Я уже различила троих полуголых матросов, с самого утра покрытых потом. Один взмахнул шляпой и, усмехнувшись, прокричал что-то вроде «Эй вы, там!».

– Ну, Джон Кэмерон умер от дизентерии, и тетушка вышла за его кузена, Черного Хью Кэмерона из Аберфелди, а потом... – Джейми непроизвольно зажмурился, когда плот проскользнул совсем рядом под добродушные выкрики матросов. Ролло, упершийся передними лапами в низкую крышу каюты, залился лаем и умолк только после того, как Иэн его стукнул и велел заткнуться.

Джейми приоткрыл один глаз, увидел, что опасность миновала, и наконец расслабился.

– Так вот, Хью – Черным его прозвали из-за огромного темного жировика на колене – погиб на охоте, поэтому тетушка вышла за Гектора Мора Кэмерона из Лох-Айлина...

– Ну и страсть у нее к Кэмеронам, – поразилась я. – А чем славится этот клан, кроме, конечно, невезучести?

– Наверное, у них язык хорошо подвешен, – ответил Джейми с неожиданно кривой усмешкой. – Среди Кэмеронов много поэтов... и шутов. Иногда одновременно. Ты же помнишь Лохила?

Я улыбнулась, тоже предаваясь горько-сладким воспоминаниям о Дональде Кэмероне Лохиле. Он, среди других, стоял во главе клана Кэмеронов во времена восстания. Его благородная внешность, проникновенный взгляд и утонченные манеры скрывали под собой поистине великий талант сочинять похабные стишки, которыми он тихонько развлекал меня на балах в Эдинбурге, в дни краткой удачи Карла Стюарта.

Джейми, бледный, но пока не зеленый, прислонился к крыше каюты, с беспокойством наблюдая за движением по реке. Мы еще не успели отплыть далеко от гавани, и небольшие лодочки сновали туда-сюда, как водные жуки, между более крупными и медлительными суднами.

Я тоже устроила локти на крыше каюты и выпрямилась. Лучи солнца приятно согревали уставшие от странных спальных мест мышцы. Например, прошлую ночь я провела, свернувшись на жесткой дубовой скамье в прибрежной таверне. Вместо подушки я положила голову на колени Джейми, пока он разбирался с последними приготовлениями перед отплытием.

Я со стоном потянулась.

– А Гектор Кэмерон поэт или шут?

– В данный момент ни тот ни другой. – Джейми машинально принялся массировать мне шею ладонью. – Он мертв.

– Как хорошо-о, – довольно протянула я, застонав, когда его большой палец тронул особенно чувствительную точку. – Хорошо то, что ты делаешь, в смысле, а не смерть твоего дядюшки. О-ох, продолжай! А как он оказался в Северной Каролине?

Весело фыркнув, Джейми встал у меня за спиной, чтобы разминать мне шею и плечи уже двумя руками. Я прижалась к нему и блаженно вздохнула.

– Какая же ты шумная, саксоночка, – шепнул он мне на ухо. – Я только

шеи касаюсь, а ты издаешь звуки, как будто я... – Он вжался в меня бедрами, незаметно для окружающих намекая, что имеет в виду. – Мм?

– Мм-м... – ответила я и точно так же тайком пнула его в голень. – Ладно. Если кто-нибудь услышит такие звуки из-за закрытой двери, то сразу решит, что ты разминаешь мне шею... Впрочем, скорее всего, только этим ты и сможешь заниматься, пока мы не ступим на землю. Так что там с твоим покойным дядей?

– Дядя, ну... – Джейми медленно провел пальцами вдоль позвоночника, вверх и вниз, будто пытался распутать очередную нить своей запутанной семейной истории. По крайней мере, он не вспоминал о желудке. – Более везучий, а также более проницательный и циничный, чем знаменитый родич, Гектор Мор Кэмерон ловко подготовился к возможному разгрому Стюарта. Он избежал ран в битве при Каллодене и добрался домой. Там мигом погрузил жену, слугу и все, что мог унести, в экипаж, и они бежали в Эдинбург. А оттуда уплыли на корабле в Северную Каролину. В Новом Свете Гектор приобрел внушительный участок земли. Выкорчевал лес, построил дом и лесопильню, купил рабов. Землю засеял табаком и индиго, а потом – несомненно, усердный труд его истощил – подхватил болезнь и скончался в почтенном возрасте семидесяти трех лет.

Иокаста Маккензи-Кэмерон-Кэмерон-Кэмерон явно решила, что трех браков с нее хватит. По словам Майерса, она отказалась снова выходить замуж и предпочла в одиночку управлять поместьем.

– Думаешь, она получит письмо до нашего приезда?

– Посыльный доберется раньше нас, даже если на четвереньках всю дорогу будет ползти. – Рядом вдруг возник Иэн. Он с легким отвращением глянул на матроса, мерно работающего шестом. – Да с такой скоростью мы и за несколько недель не доплывем! А я говорил тебе, дядя, что лучше по суше.

– Не волнуйся, Иэн. – Джейми отпустил меня и усмехнулся племяннику. – Скоро наступит и твой черед взяться за шест. Уверен, уж ты-то доставишь нас в Кросс-Крик еще до ночи.

Мальчик мрачно глянул на дядю и ушел доставать капитана Фримана вопросами о краснокожих и диких зверях.

– Надеюсь, капитан не выбросит его за борт, – вздохнула я, заметив, как Фриман втянул голову в щуплые плечи, стоило Иэну приблизиться. Мои собственные плечи слегка горели от отказанного им внимания; то же самое происходило и в регионах южнее. – Спасибо за растирание, – поблагодарила я Джейми.

– За тобой должок, саксоночка... вернешь как стемнеет. – Он не очень

хорошо умел игриво подмигивать, но свои намерения до меня донес и так.

– Конечно. – Я невинно взмахнула ресницами. – А тебе что растереть, когда наступит ночь?

– Когда наступит ночь? – Иэн снова появился рядом, словно чертик из табакерки. – А что будет тогда?

– Тогда я тебя утоплю и пущу на наживку для рыбы, – ласково сообщил ему Джейми. – Господи, Иэн, когда ты утомонишься? Носишься туда-сюда, как шмель в склянке. Иди поспи на солнышке, бери пример с твоего зверя. Умный, между прочим, пес. – Он кивнул на Ролло, который распростерся на крыше каюты, как мохнатый коврик, и прикрыл глаза, лишь изредка подергивая ухом, чтобы мухи не лезли.

– Спать? – изумленно уставился на дядю мальчишка. – Спать?!

– Так поступают все нормальные люди, когда устают, – сказала я, подавив зевок.

Становилось все жарче, да и мерное движение лодки убаюкивало, особенно после не слишком долгого сна ночью – нам пришлось встать до рассвета. К сожалению, узкие лавки и грубые доски палубы манили не больше дубовой скамьи в таверне.

– А я ни капельки не устал, тетушка! – заверил меня Иэн. – Несколько дней могу не спать!

Джейми скептически уставился на племянника.

– Посмотрим, как ты запоешь, отработав смену с шестом. А пока я, кажется, знаю, чем тебя занять. Погоди-ка... – Джейми нырнул в низкую каюту и принялся копаться в наших вещах.

– Ох, ну и жара! – воскликнул Иэн, обмахиваясь. – А что там у дяди Джейми?

– Понятия не имею, – ответила я.

Джейми притащил на борт большой ящик и отказывался говорить, что внутри. Когда я заснула прошлой ночью, Джейми играл в карты. Наверное, он выиграл нечто его смутившее и теперь не хотел, чтобы Иэн узнал и принялся дразнить.

Мальчишка был прав, ну и жара. Оставалось лишь надеяться, что вскоре подует бриз. Пока что парус висел бесполезной тряпкой. Моя юбка, влажная от пота, липла к ногам. Пробормотав извинение, я проскользнула мимо Иэна и направилась к бочке с водой.

Неподалеку, скрестив на груди руки, стоял Фергус. Он напоминал величественную носовую фигуру: строгий красивый профиль смотрит вдаль, густые темные волосы спускаются на плечи.

– О, миледи! – сверкнул Фергус белозубой улыбкой. – Разве эта страна

не прекрасна?

Картина перед нами пока что особенно прекрасной мне не казалась. Пейзаж состоял из длинных илистых берегов, которые ужасно воняли из-за пылающего солнца; стаи чаек и прочих морских птиц хрипло гомонили, обнаружив нечто у кромки воды.

– Милорд рассказал, что любой получит пятьдесят акров земли, ежели подрядится обрабатывать ее десять лет и построит там дом. Только представьте – пятьдесят акров! – Он смаковал эти слова с неким благоговением. И правда, любой французский крестьянин рад иметь хотя бы пяток.

– Ну да, – с некоторым сомнением отозвалась я. – Только выбирать эти акры надо внимательно. Здесь есть места непригодные для земледелия.

Мне не хотелось думать, как сложно будет Фергусу с одной лишь рукой прорубать дикий лес, чтобы обустроить ферму, и неважно какая плодоносная там окажется земля. Фергуса это, похоже, не волновало – слишком мечтательно сияли его глаза.

– Может, успею построить домишко к Новому году... – пробормотал он сам себе. – Тогда весной пошлю за Марсали и ребенком. – Он неосознанно коснулся груди, где раньше, с самого детства, носил позеленевший от времени медный медальон с изображением святого Дисмаса.

Фергус присоединился к нам в Джорджии, оставив молодую беременную жену на Ямайке у друзей. Он заверил меня, что не тревожится, ведь теперь она под защитой его святого покровителя. Фергус строгонастрого наказал Марсали не снимать щербатый медальон, пока она не разрешится от бремени.

Я не знала, насколько покровитель воров заботится о матерях с младенцами, но вера Фергуса была непоколебима.

– Если родится мальчик, назовешь его Дисмасом? – пошутила я.

– Нет. Я назову его Жерменом. Жермен Джеймс Иэн Алоизиус Фрейзер. «Джеймс Иэн» – в честь милорда и месье. – Так он всегда называл Джейми и его шурина, Иэна Мюррея. – Марсали нравится «Алоизиус», – добавил Фергус снисходительно, давая понять, что он никак не связан с выбором такого непримечательного имени.

– А если девочка? – спросила я, и меня вдруг захлестнули воспоминания. Как двадцать с лишним лет назад Джейми отправил меня, беременную, назад сквозь камни. И последними его словами были «назови его Брайан, в честь моего отца», ведь Джейми был уверен, что родится мальчик.

– Ох... – Фергус, как и Джейми когда-то, явно о таком не подумал. На его лице отразилось легкое замешательство, затем он улыбнулся. – Женестьева. В честь мадам, – уверенно сказал Фергус, имея в виду Дженни Мюррей, сестру Джейми. – Женестьева Клэр, думаю, – добавил он, снова сверкнув улыбкой.

– О, – смутилась я, странно польщенная. – Хм... спасибо. А ты уверен, что не хочешь вернуться на Ямайку к Марсали?

Фергус решительно покачал головой:

– Я могу понадобиться милорду. И здесь я нужнее, чем там. Дети – женская забота, а кто знает, какие опасности нам встретятся в этих странных краях?

Будто в ответ на его риторический вопрос чайки с криками взвились в небо, кружа над берегом, и мы увидели, что же они там клевали.

Из ила возвышался крепкий сосновый столб. Его верх едва доходил до темных, поросших водорослями отметин на деревьях, куда поднимался прилив. Но вода пока не прибывала, она едва достигала середины столба. А над ленивыми темными волнами висело тело, прикованное за грудь. Точнее то, что когда-то было грудью.

Сказать, сколько бедняга провисел, было трудно. Наверное, достаточно долго. Белой полосой сверкал изгиб черепа, откуда сорвали кожу с волосами. Не понять, каким был тот человек – птицы уже отменно постарались.

Фергус тихонько выругался по-французски.

– Пират, – коротко пояснил капитан Фриман, появившись рядом. Он сплюнул коричневую от табака слюну за борт. – Если их не увозят в Чарльстон, чтобы там повесить, то приковывают во время отлива и бросают на растерзание реке.

– А... а их много? – Иэн тоже увидел столб. Будучи уже достаточно взрослым, мальчишка не вцепился мне в руку, тем не менее придвинулся поближе и сильно побледнел, несмотря на загар.

– Уже не очень. Флот неплохо их сдерживает. А вот несколько лет назад таких столбов могло быть четыре-пять одновременно. Народ даже платил, чтобы приплыть и полюбоваться, как пираты тонут. На закате очень красиво, – произнес Фриман, предаваясь воспоминаниям.

– Смотри! – Иэн, позабыв гордость, все-таки стиснул мою руку.

У берега шевельнулось нечто – оно и спугнуло птиц. Длинное, футов пять-шесть, чешуйчатое тело прочертило глубокий след в грязи и скользнуло в воду. Матрос сзади пробормотал что-то себе под нос, но продолжал работать шестом.

– Крокодил, – сказал Фергус и с отвращением скрестил пальцы.

– Нет, не думаю, – заговорил Джейми у меня за спиной.

Я резко обернулась. Он стоял у каюты и смотрел на неподвижную фигуру и разбегающиеся в стороны волны от того, что двигалось к ней. В руках Джейми держал книгу, зажав нужные страницы пальцем, и теперь снова принялся внимательно читать.

– Полагаю, это аллигатор. Они питаются падалью, как тут сказано, а свежее мясо не едят. Поймают человека или овцу, сперва утопят в воде, а потом оттащат в свое логово и будут ждать, пока тело не начнет гнить. Правда, – добавил он, мельком глянув на берег, – иногда им может повезти найти готовый обед.

Фигура на столбе качнулась, будто от удара снизу, и Иэн поперхнулся.

– Где ты взял книгу? – спросила я, не сводя глаз со столба.

Его верхушка тряслась, словно кто-то по нему колотил. А потом все прекратилось. Только снова разбежались волны – чудовище плыло обратно. Я поспешила отвернуться.

Джейми протянул мне книгу, по-прежнему наблюдая за темным илистым берегом и орущими чайками.

– Губернатор дал. Сказал, что может пригодиться нам в путешествии.

На корешке простого холщового переплета обнаружились золотистые буквы: «Природа Северной Каролины».

– Фу! – воскликнул Иэн, в ужасе глядя на берег. – Ничего ужаснее в жизни не...

– Пригодится, – эхом отозвалась я, не сводя глаз с книги.

А вот Фергус, которому любые мерзости были нипочем, смотрел, как чудовище двигалось по берегу, с любопытством.

– Аллигатор, говорите? Разве это не то же самое, что крокодил?

– Да, – ответила я, содрогнувшись, несмотря на жару, и повернулась спиной к берегу. Мне уже доводилось видеть крокодилов вблизи в Ост-Индии, и я не очень-то горела желанием знакомиться с их родичами.

Фергус вытер пот с верхней губы.

– Доктор Стерн однажды рассказывал милорду и мне о путешествиях некоего француза по имени Соннини, который бывал в Египте и много писал там об увиденном и услышанном. Например, что в той стране, когда крокодилы спариваются на илистых берегах рек, самка лежит на спине и не может перевернуться обратно без самца.

– Правда? – обратился в слух Иэн.

– Да. Он говорил, что некоторые мужчины, неспособные устоять перед порочным соблазном, пользуются беспомощностью самки. Они прогоняют

самца, чтобы занять его место и насладиться нечеловеческими объятиями рептилии. Поговаривают, что так наверняка можно привлечь богатство и получить высокий статус.

Иэн изумленно распахнул рот.

– Ты шутишь? – недоверчиво спросил он у Фергуса и повернулся к Джейми: – Дядя?..

Джейми с усмешкой пожал плечами.

– Лучше я буду бедным, но беспорочным. – Он вскинул бровь. – Кроме того, твоей тетушке вряд ли понравится, если я променяю ее на рептилию.

Черный матрос, слушавший нашу беседу, покачал головой и произнес, не поднимая глаз:

– Любой, кто трахался с аллигатором, чтобы разбогатеть, свое получил, если хотите знать.

– Думаю, вы правы, – пробормотала я, вспоминая очаровательную зубастую улыбочку губернатора.

Я глянула на Джейми, но он уже погрузился в мысли о будущих возможностях, забыв и о книге, и об аллигаторе. Впрочем, по крайней мере о морской болезни он тоже не вспоминал.

Прилив подхватил нас в миле от Уилмингтона и понес «Салли-Энн» быстрее, развеяв опасения Иэна по поводу нашей скорости. На Кейп-Фир основательно влияли приливы и отливы – уровень воды менялся на двух третях длины реки, почти до самого Кросс-Крика. Наше суденышко даже приподнялось на пару дюймов. Чернокожий матрос вздохнул с облегчением и вытащил шест из воды. Он не понадобится еще часов пять-шесть, пока вода прибывает. Потом мы остановимся на ночь и утром продолжим путь со следующим приливом или используем парус, если ветер позволит. Шест, как мне объяснили, нужен только на отмели или при безветрии.

На всех навалилась безмятежная дремота. Фергус и Иэн, свернувшись, спали на носу. Ролло сторожил, сидя на крыше каюты; пес жмурился из-за яркого солнца, с высунутого от жары языка капала слюна. Капитан с матросом – к которому все обращались «эй, Троклус», хотя звали его «Этроклус» – скрылись в крошечной каюте, откуда доносились мелодичные звуки разливаемой по стаканам жидкости.

Джейми, тоже в каюте, снова доставал нечто из своего таинственного ящика. Я очень надеялась, что это «нечто» можно будет выпить. Даже болтая ногами в прохладной воде, я обливалась потом.

Из каюты слышалось невнятное бормотание и смех. Наконец появился

Джейми. Он пошел ко мне на корму, осторожно пробираясь между завалами добра, как лошадь-клеядесдадь по полю лягушек. В руках он нес большую деревянную шкатулку, которую затем бережно поставил мне на колени, а потом и сам, стянув башмаки и чулки, с довольным вздохом опустил ноги в воду.

– Что там? – Я с любопытством коснулась шкатулки.

– А, это подарочек. – Джейми не глянул на меня, но кончики его ушей порозовели. – Откроешь?

Шкатулка была тяжелой, широкой и глубокой. На темном дереве виднелись трещинки и сколы, ничуть не портящие эту полированную красоту. Место для замка пустовало. Крышка легко скользнула вверх на смазанных петлях, и мне в лицо пахнуло камфорой, словно невидимый джинн вырвался наружу.

Инструменты ярко блеснули на солнце, несмотря на то что потускнели от долгого лежания на месте. Каждый аккуратно покоился в своем углублении, оббитом зеленым бархатом.

Небольшая пила с острыми зубьями, ножницы, три скальпеля – кюретка, ланцет и брюшистый, – языкодержатель и прочие крючки...

– Джейми... – Восхищенная, я вытащила короткий стержень, к концу которого был приделан плотный шарик, обернутый поеденным молью бархатом. Я уже видела такой в Версале. Неврологический молоточек восемнадцатого века. – О, Джейми!

Он, явно довольный, поболтал ногами в воде.

– Нравится?

– Еще как! Ой, смотри... тут еще есть, прикрытое... – Я уставилась на рассоединенные трубочки, винты, подставки и зеркальца. А потом они предстали перед моим мысленным взором в собранном виде... – Микроскоп?! – Я с трепетом коснулась деталей. – Господи, микроскоп!

– Это не все. – Джейми явно не терпелось показать. – Спереди маленькие ящички.

И правда – в них, помимо всяких мелочей, обнаружили крошечные весы и набор грузиков, пилюльная машинка и покрытая пятнами ступка с пестиком, обернутым в ткань, чтобы он не разбился при перевозке. Над ящичками имелось отделение с рядами маленьких, заткнутых пробками пузырьков из камня и стекла.

– Они прекрасны! – Я благоговейно взялась за скальпель. Полированное дерево рукояти легло в ладонь как влитое. – Ох, Джейми, спасибо огромное!

– Правда нравится? – У него от радости даже уши покраснели. –

Подумал, может, пригодится. Понятия не имею, зачем эти штуки, зато сразу понял, что они мастерски сделаны.

Я сама не знала, зачем нужны некоторые инструменты, но они все были прекрасны. Явно выполнены тем, кто любил и их, и то, что они делают.

– Интересно, кому они принадлежали? – Я подышала на линзу и осторожно протерла ее подолом юбки.

– Женщина, что продала его мне, сама не знала. Предыдущий владелец оставил рабочую тетрадь, я и ее прихватил... может, там есть имя.

Джейми приподнял верхнюю доску с инструментами и достал толстую квадратную тетрадь в потертом переплете из черной кожи.

– Думал, тебе пригодится, ты же вела такую во Франции, – пояснил Джейми. – Ну, в которой делала рисунки и заметки о пациентах в госпитале. Некоторые страницы исписаны, и полно чистых.

Предыдущий владелец использовал примерно четверть тетради. Страницы покрывал ровный убористый почерк вперемешку с клинически точными зарисовками: изъязвленный палец ноги, раздробленная коленная чашечка с аккуратно снятой кожей, уродливо распухший зуб, икра в разрезе с тщательно подписанными мышцами.

Я снова пролистнула в начало. И в самом деле, на первой странице значилось имя, украшенное росчерком: «Доктор Дэниел Роулингс, эсквайр».

– Интересно, что же случилось с доктором Роулингсом. Та женщина не говорила?

Джейми кивнул, слегка наморщив лоб.

– Доктор остановился у нее на ночлег. Сказал, что сам из Вирджинии, а туда прибыл по некоему поручению, с инструментами этими. Искал парня по имени Гарвер. После ужина доктор ушел... и больше его никто не видел.

Я уставилась на Джейми.

– Никто не видел? То есть она даже не знает, что с ним случилось?

Джейми покачал головой, отмахнувшись от стайки мошек. Солнце садилось, окрашивая воду в золотистые и оранжевые тона, и насекомые потихоньку просыпались.

– Да. Она обращалась к шерифу и к судье, а констебль обыскал все сверху донизу, но доктора и след простыл. Через неделю поиски прекратили. Доктор даже не сказал хозяйке, из какого он города в Вирджинии, так что справки навести не удалось.

– Странно. – Я вытерла каплю пота с подбородка. – А когда доктор

пропал?

– В прошлом году, по словам хозяйки. – Джейми взволнованно на меня глянул. – Ты ведь не против? Использовать его вещи, в смысле?

– Нет. – Я закрыла шкатулку и бережно провела ладонью по теплomu гладкому дереву. – На его месте... я бы хотела, чтобы кто-то забрал их себе.

Я отчетливо помнила свой докторский саквояж из дубленой кожи, на ручке – вытисненные инициалы с позолотой. Правда, они давным-давно стерлись, я постоянно носила его с собой. Фрэнк подарил мне этот саквояж, когда я окончила медицинское училище. Потом я отдала его своему другу, Джо Абернэйти. Хотела, чтобы саквояж бережно использовали.

Джейми заметил тень, пробежавшую по моему лицу. Я сжала его ладонь и улыбнулась.

– Замечательный подарок. Как ты его нашел?

Солнце оранжевым шаром мелькнуло за верхушками деревьев. Джейми улыбнулся в ответ.

– Увидел шкатулку у золотых дел мастера, ее сохранила его жена. А потом вернулся туда вчера, хотел купить тебе что-нибудь, брошь например. Пока хозяйка показывала всякие украшения, мы разговорились о том о сем, и она рассказала о докторе, и... – Джейми пожал плечами.

– Зачем ты хотел купить мне драгоценность? – удивилась я. У нас оставались деньги после продажи рубина, но такое расточительство было совсем не свойственно Джейми, учитывая обстоятельства... – Ты что, решил извиниться, что пришлось отправить деньги Лири? Я же говорила, что не против.

Джейми отослал – правда, неохотно – часть вырученных за камень денег в Шотландию, выполняя свое обещание Лири Маккензи-чтоб-ее-Фрейзер. На ней Джейми женился по настоянию сестры, вполне справедливо полагая, что если я вообще жива, то, скорее всего, не вернусь обратно. Мое «воскрешение из мертвых» причинило нам массу проблем, с Лири в частности.

– Ага, говорила, – язвительно отозвался Джейми.

– Я действительно имела это в виду... более-менее, – рассмеялась я. – Ты же не можешь бросить эту гадину умирать с голоду? Хотя заманчиво...

Джейми слабо улыбнулся.

– Не хочу брать на себя и этот грех, своих полно. Но я не поэтому хотел сделать тебе подарок.

– Тогда почему?

Тяжелая шкатулка приятно давила на ноги. Я не могла выпустить

гладкое дерево из рук. Джейми повернулся ко мне – рыжие волосы вспыхнули огнем в луче закатного солнца, лицо же, напротив, скрылось в тени.

– Ровно двадцать четыре года назад я на тебе женился, саксоночка, – тихо сказал он. – Надеюсь, ты никогда об этом не пожалеешь.

От Уилмингтона до Кросс-Крика вдоль берегов реки тянулись плантации. Правда, между ними и водой густо рос лес. Иногда среди деревьев мы замечали поля или, чаще, деревянный причал, скрытый листвой.

Мы медленно плыли вверх по реке, а когда волна прилива иссякала – останавливались на ночевку. Ужинали у небольшого костра на суше, но спали на борту. Этроклус между делом упомянул, что в норах полно водяных щитомордников, которые очень любят выползти и погреть холодные тела под боком у ничего не подозревающих людей.

Я проснулась перед самым рассветом. Тело ломило от сна на твердых досках. Тихо плескалась вода, покачивая нашу лодку, – мимо проплывало какое-то судно. Джейми, почувствовав мое движение, перевернулся и в полусне прижал меня к груди, а затем что-то пробормотал и вопросительно потянул за подол скомкавшейся юбки.

– Стоять, – буркнула я, отпихивая его руку. – Ты что, забыл, где мы?

С берега доносились крики Иэна и лай Ролло. Мальчишка с псом носились туда-сюда. Кто-то шуршал в каюте, кашлял и сплевывал; наверняка на палубу вот-вот выйдет капитан Фриман.

– Ох. – Кажется, теперь Джейми проснулся. – Точно. Жаль.

Он обхватил мою грудь ладонями и медленно прижался всем телом, намекая о том, чего я сейчас лишаюсь.

– Ладно, – наконец сказал он. – *Foeda est in coitu*, да?

– Что?

– *Foeda ist in coitu breois voluptas*, – услужливо процитировал Джейми. – *Et taedat Veneiis statim peractae*. Грязное удовольствие длится краткий миг, а потом мы тут же раскаиваемся.

Я глянула на доски под нами.

– Ну, насчет грязи, пожалуй, соглашусь...

– Да плевать на нее, саксоночка, – перебил меня Джейми, хмуро наблюдая, как Иэн перевесился через борт и громко подбадривал плывущего Ролло. – А вот краткий миг... – На меня он посмотрел уже одобрительно, оценив мой растрепанный вид. – Но время я найду.

Вспомнив классику с утра, Джейми решил заняться ею и днем. Я же листала тетрадь Дэниела Роулингса, одновременно увлекательную, познавательную и ужасающую.

Краем уха я слышала, как Джейми ритмично выговаривает строки на древнегреческом. Я уже их слышала – отрывок из «Одиссеи». Джейми вдруг замер на восходящей интонации.

– А-а... – протянул Иэн.

– Что там дальше?

– Э-э...

– Еще раз, – нетерпеливо сказал Джейми. – Внимательнее, юноша. Я распинаюсь не для того, чтобы самого себя послушать.

Он начал снова, и отточенные, ровные строки оживали на его устах. Может, он читал этот отрывок и не ради самого себя, зато я наслаждалась. Греческого я не знала, но мерные слоги и мягкий, глубокий голос убаюкивал, как плеск воды о борт.

Неохотно смирившись с присутствием племянника, Джейми всерьез взялся за воспитание мальчишки. В редкие минуты отдыха он обучал – или пытался обучать – Иэна основам греческой и латинской грамматики, гонял его по математике и разговорному французскому.

К счастью, хотя бы математические законы Иэн усваивал так же легко, как и его дядя. Стену каюты за моей спиной уже покрывали доказательства евклидовых теорем, начерченные угольком. С языками дело обстояло куда хуже.

Джейми был прирожденным полиглотом. Он на лету схватывал языки и диалекты, улавливая в речи идиомы, как гончая – запах лисицы среди полей. Вдобавок он изучал классическую литературу в Парижском университете. И хотя временами он не соглашался с некоторыми римскими философами, Гомера и Вергилия он любил как лучших друзей.

Иэн говорил на гэльском и английском, которые знал с рождения. От Фергуса парнишка научился французскому провинциальному жаргону и считал, что этого вполне достаточно. Вообще-то он мог виртуозно ругаться на шести-семи языках благодаря недавним сомнительным знакомствам – и родному дядюшке. А вот хитрости спряжений в латинском понимал весьма смутно.

Еще меньше Иэн понимал, зачем ему языки даже не просто мертвые, а – как он считал – разложившиеся до полной негодности. Какой там Гомер, когда он в новой стране, где за каждым углом поджидают приключения?..

Джейми дочитал строфу на греческом и с громким вздохом (я расслышала даже со своего места) приказал Иэну достать латинскую книгу,

которую он одолжил у губернатора Триона. Больше никакие стихи меня не отвлекали, так что я вернулась к изучению тетради доктора Роулингса.

Как и я, доктор явно разбирался в латыни, но предпочитал вести записи на английском, изредка вкрапляя латинские слова.

«Кровотечение мистера Беддоуза заметно уменьшилось после приема настоя из желчи. Желтизна и пустулы почти сошли. Назначение: слабительное для ускорения очистки крови».

– Идиот, – пробормотала я, причем не в первый раз. – Не видишь, что у него проблемы с печенью?

Возможно, легкий цирроз. Роулингс отметил увеличение и уплотнение печени, хотя списал это на излишнюю выработку желчи. Скорее всего, алкогольное отравление. Пустулы, то есть прыщи, на лице и груди означали нехватку питательных веществ, которую, в свою очередь, зачастую вызывало чрезмерное употребление спиртного. А последнее вообще можно считать эпидемией.

Беддоуз, если он еще жив (хотя вряд ли, на мой взгляд), вероятно, употреблял до кварты всякого пойла в день, а овощей не видел месяцами. Пустулы, с исчезновением которых поздравлял себя Роулингс, скорее всего, рассосались благодаря листьям репы, которые доктор использовал для придания цвета слабительному.

Увлечшись чтением, я почти перестала прислушиваться, как Иэн, запинаясь, читает Платона, а Джейми подсказывает и исправляет каждую строку.

– *Virtus praemium est optimus...*

– *Optimum.*

– *... est optimum. Virtus omnibus rebus...* э-э...

– *Anteit.*

– Спасибо, дядя. *Virtus omnibus rebus anteit... profectus?*

– *Profecto.*

– А, точно. Эм... *Virtus...*

– *Libertas. Libertas salus vita res et parentes, patria et prognati...*

Помнишь, что такое «*vita*»?

– Жизнь! – Иэн радостно ухватился за этот спасательный кружок в бурном море непонятных слов.

– Да, молодец. Но это не только жизнь, но еще и сущность, из которой сделан человек. Смотри, как тут дальше... *Libertas salus vita res et parentes, patria at prognati tutantur, servantur; virtus omnia in sese habet, omnia adsunt*

bonaquet penest virtus^[10]. Что Платон имеет в виду, как думаешь?

– Мм... Что добродетель – это хорошо? – наобум брякнул Иэн.

Воцарилась тишина. Такая, что я буквально расслышала, как у Джейми закипает кровь в венах. Затем раздался шипящий вдох – Джейми передумал говорить то, что собирался, и полный страданий выдох.

– Смотри, Иэн. *«Tutantur, servantur»*. Почему он поставил их рядом, а не...

Я перестала прислушиваться, вновь погрузившись в книгу, где доктор Роулингс давал оценку дуэли и ее последствиям.

«Май, 15-е число. Был разбужен на рассвете, чтобы оказать помощь джентльмену, остановившемуся в «Красной собаке». Обнаружил беднягу в печальном состоянии: в его руке взорвался пистолет, отчего джентльмен лишился большого и указательного пальцев; средний оказался изуродован, а две трети кисти разорвало до неузнаваемости.

Определив, что срочно необходима ампутация, я послал за хозяином постоянного двора и запросил кружку бренди, тряпки для перевязки и двоих крепких мужчин. Быстро получив необходимое и убедившись, что пациент неподвижен, я приступил к ампутации кисти – правой, к несчастью для пациента, – прямо над запястьем. Успешно перевязав две артерии, я упустил переднюю межкостную, когда перепилил кости. Пришлось ослабить жгут, дабы ее найти, что вызвало обильное кровотечение, – и хорошо, так как это привело пациента в бессознательное состояние, положив конец его страданиям, которые крайне затрудняли работу.

Ампутация успешно завершилась, джентльмен был уложен в постель, а я оставался рядом на случай, если он резко придет в себя и сорвет швы».

От увлекательнейшего повествования меня отвлек вопль Джейми, терпение которого явно подошло к концу.

– Иэн, позорище! Ты по-гречески даже разницу между водой и вином не поймешь!

– Если пьют, значит, не вода, – упрямо буркнул Иэн.

Я захлопнула тетрадь и поднялась: им там явно не помешает мнение со стороны. Пока я огибала каюту, Иэн продолжал ворчать по-гэльски:

– Ага, но мне это не надо...

– Как же, не надо! В том и беда, что тебе ума не хватает, даже чтобы устыдиться своего невежества!

Воцарилась напряженная тишина, которую нарушали только всплески шеста в руках Троклуса. Я выглянула из-за угла. Джейми сверлил взглядом

смущенного племянника. Иэн заметил меня и прокашлялся.

– Ну, вот что я скажу, дядюшка. Если бы стыд помогал, то я бы не стеснялся краснеть.

Мальчишка выглядел настолько виноватым, что я не удержалась от смеха. Джейми тут же обернулся.

– Могла бы и помочь, саксоночка, – сообщил он, чуть повеселев. – Ты ведь лекарь, значит, должна знать латынь. Может, ты и будешь Иэну преподавать?

Я покачала головой. Конечно, я умела читать по-латински – плохо и медленно, – но все же мне не очень хотелось вбивать обрывки своих знаний в голову мальчишке.

– Все, что помню, – «*Arma virumque cano*». – Я глянула на Иэна и со смехом перевела: – «Собака откусила мне руку».

Иэн расхохотался, а Джейми посмотрел на меня с искренним разочарованием. Потом он вздохнул и пробежал пальцами по волосам. Иэн и Джейми были мало чем похожи, разве что ростом и густой копной волос, в которую вечно запускали пальцы, когда нервничали или задумывались. Похоже, урок выдался не из легких – оба выглядели так, будто их сквозь живую изгородь протащили.

Криво усмехнувшись, раздосадованный Джейми вновь повернулся к Иэну:

– Ладно. Извини, что сорвался. Ты ведь неглупый парень, и я не хочу, чтобы твой ум пропадал почем зря. Господи, да в твоём возрасте я уже учился в Парижском университете!

Иэн уставился на водную рябь, положив на край борта руки – большие, с широкими костяшками, потемневшие от загара.

– Ага, – наконец сказал мальчишка. – Отец в моём возрасте тоже был во Франции. Воевал.

Услышав это, я сильно удивилась. Да, я знала, что Иэн-старший нес там службу некоторое время, но и не подозревала, что в столь юном возрасте. Младшему Иэну всего пятнадцать. Старший же, выходит, прослужил с тех лет и до двадцати двух, пока выстрел из пушки не раздробил ему ногу картечью так страшно, что пришлось ампутировать все ниже колена. Тогда Иэн вернулся домой уже навсегда.

Джейми, слегка хмурясь, глянул на племянника и встал рядом, тоже опираясь на борт.

– Я знаю, – тихо произнес он. – Я ведь присоединился к нему через четыре года, когда меня объявили мне закона.

Иэн вскинул голову, пораженный.

– Вы вместе сражались?!

Хотя дул легкий ветерок, день все равно стоял жаркий. Возможно, поэтому Джейми решил оставить тему высшего образования и кивнул, приподнимая собранные в хвост волосы, чтобы проветрить шею.

– Во Фландрии. Больше года, пока Иэна не ранили и не отправили домой. Мы входили в шотландский полк наемников под командованием Фергуса Маклауда.

Глаза мальчишки засияли от любопытства.

– Так вот почему Фергуса – ну, нашего – так зовут?

Джейми улыбнулся.

– Да. Я назвал его в честь Маклауда. Хороший человек был и отличный солдат. Он ценил Иэна. Разве твой отец никогда его не упоминал?

Мальчишка покачал головой, задумавшись.

– Вообще ничего не упоминал. Я... я знал, что ногу он потерял во Франции, мама рассказывала. Сам он ничегошеньки не говорил.

Припомнив заметки доктора Роулингса об ампутации, я подумала, что вполне понятно, почему Иэн-старший не хотел вспоминать о сражениях.

Джейми пожал плечами, отлепляя влажную от пота рубашку.

– Наверное, он хотел оставить все это позади, когда вернулся домой и осел в Лаллиброхе. А потом... – Он умолк.

Иэн не отставал:

– А что потом, дядюшка?

– Может, не хотел слишком много рассказывать о войне и сражениях, чтобы вы, ребята, не вздумали уйти в солдаты. Они с вашей матушкой мечтали о лучшей судьбе для вас.

Да, Иэн-старший поступил мудро. Его сын явно считал, что нет ничего интереснее битв.

– Это все матушка, – фыркнул мальчишка. – Дай ей волю, она меня в шерсть укутала бы да к себе привязала.

– Дай ей волю? – усмехнулся Джейми. – Думаешь, она укутает тебя и зацелует, окажись ты дома прямо сейчас?

Иэн мигом позабыл про презрительную позу.

– Не-а, – признал он, – она с меня шкуру спустит.

– Ну, что-то ты о женщинах знаешь, хоть и не так много, как думаешь, – рассмеялся Джейми.

Иэн скептически глянул на него, на меня и снова на него.

– А ты о них все знаешь, да, дядюшка?

Я вскинула бровь, ожидая резкости, однако Джейми только фыркнул от смеха.

– Мудрец, Иэн, – это тот, кто понимает границы своих знаний. – Он поцеловал мой влажный лоб и повернулся к племяннику: – Правда, мне хотелось бы, чтобы твои границы были чуть шире.

Иэн со скучающим видом пожал плечами:

– Я не собираюсь становиться джентльменом. В конце концов, Джейми-младший и Майкл не знают греческого, а у них все замечательно!

Джейми потер нос, задумчиво изучая племянника.

– У Джейми есть Лаллиброх, а малыш Майкл в Париже с Джаредом. Они оба устроятся в жизни. Без денег на путешествия и образование мы сделали все, что могли. У них не было выбора, понимаешь? – Он выпрямился, оттолкнувшись от борта. – Твои родители хотят для тебя лучшего, если есть возможность. Чтобы ты стал образованным и влиятельным. Может, даже *duine uasal*.

Я уже слышала это гэльское выражение, буквально оно переводилось как «почтенный человек». Так называли арендаторов и лэрдов, выше которых стояли лишь вожди кланов. Таким человеком был и Джейми до восстания. Теперь все изменилось.

– А ты стал тем, кем видели тебя родители, дядюшка? – вежливо спросил Иэн, и у него дернулся глаз, – мальчишка понимал, что ступает на зыбкую почву.

Джейми должен был стать *duine uasal*, Лаллиброх принадлежал ему по праву. Однако пришлось передать земли его племяннику, Джейми-младшему, иначе Корона конфисковала бы все, чем владел мой Джейми.

– Я ведь говорил, что ты неглупый, да? – сухо произнес он. – Раз уж ты спрашиваешь... Меня воспитывали для двух вещей: управлять землей и людьми и заботиться о семье. И я стараюсь изо всех сил.

На этот раз Иэну хватило ума устыдиться всерьез.

– М-м... ладно... в смысле, я не... – забормотал он, глядя под ноги.

– Не волнуйся, малец. – Джейми хлопнул племянника по плечу и криво усмехнулся. – Мы тебя выучим, ради твоей матушки, даже если это убьет нас обоих. А теперь, кажется, моя очередь поработать шестом.

Глянув на Троклуса, чьи плечи маслянисто поблескивали на солнце, Джейми принялся развязывать штаны. В отличие от остальных он снимал их, а не рубашку, которую завязывал между ног на шотландский манер.

– Подумай, – кивнул он Иэну. – Младший ты сын или нет, жизнь не стоит тратить зря.

Джейми сверкнул улыбкой – такой, что у меня сердце екнуло, – и вручил мне свои штаны. А потом выпрямился и, положив руку на сердце, продекламировал:

Амо, амас, люблю я, дева, вас!
Вы так стройны, как кедр,
Нежней цветка номинатив
и феминный гендер.

Он любезно кивнул хихикающему Иэну и поднес мою руку к губам. В синих глазах плескались озорные искорки.

Как такой нимфе отказать?
Словно флейта нежен голос.
Сияют окулус, блестят,
И пульс под кожей держит тонус.
Ах, что за белла, моя пуэлла!
Целовал бы век напролет.
Вдруг настанет день чудесный
И в жены она ко мне пойдет?

Джейми шаркнул ногой и, подмигнув, ушел сменить матроса.

Глава 9

На две трети призрак

Поверхность реки блестела, словно масляная, вода ласково обтекала лодку. Справа на носу горел единственный фонарь. Я сидела на небольшом стульчике на передней палубе и смотрела на отблески. Свет даже не отражался, а утопал в темной глубине, медленно двигаясь вперед вместе с лодкой.

Луна висела в небе тонким полумесяцем, едва различимым за верхушками деревьев. За густой полосой леса, обрамлявшей реку, вдаль убегали темные земли плантаций риса и табака. Дневная жара втянулась в почву, и та засияла изнутри невидимой силой. В плодородных недрах вода и плененные лучи солнца творили свое особое волшебство.

В темноте раздался шорох. Я, не оборачиваясь, протянула руку, и ее тут же обхватила большая ладонь Джейми. Он слегка сжал мои пальцы и отпустил, но даже от короткого касания они повлажнели.

Джейми со вздохом опустился рядом и дернул ворот рубахи.

– С тех пор как мы уехали из Джорджии, я будто и глотка воздуха не сделал. Каждый раз как вдыхаю, так словно вот-вот захлебнусь.

Я рассмеялась. В ложбинку между грудями скользнула капелька пота.

– Говорят, что в Кросс-Крике будет прохладнее. – Я и сама сделала глубокий вдох – чтобы доказать себе, что могу. – Зато здесь чудесно пахнет, правда?

Из темноты доносились ароматы разных растений, сырого ила. От палубы веяло нагретым на солнце деревом.

– Ты, саксоночка, прямо как собака. – Джейми откинулся спиной на стену каюты. – Понятно, почему зверь тебя так обожает.

По доскам зацокали когти – пришел Ролло. Предусмотрительно держась подальше от борта, пес осторожно улегся, опустил голову на передние лапы и шумно вздохнул. Ему тоже не нравились лодки.

– Ну здравствуй. – Ролло обнюхал мою протянутую ладонь и снисходительно позволил почесать себя за ухом. – А где же твой хозяин?

– В каюте. Учится по-новому мухлевать в карты, – иронично отозвался Джейми. – Бог знает, что с ним станет. Если в таверне не подстрелят или голову не разобьют, то парень точно вернется домой со страусом, которого выиграет в фараон в следующий раз.

– Вряд ли в горах есть страусы или кто-то играет в фараон. Если там и

городов толком нет, значит, и таверн тоже немного.

– Пожалуй, – согласился Джейми. – Но если человеку суждено наломать дров, то он их где угодно наломает.

– Уверена, что Иэн никуда не вляпается, – мягко сказала я. – Он хороший мальчик.

– Мужчина, – поправил меня Джейми. Он прислушался: в каюте приглушенно смеялись, временами доносилось и крепкое словцо. – Чертовски молодой и глупый. – Джейми горестно улыбнулся. – Был бы он совсем мальчишкой, я смог бы держать его в узде. А теперь... Иэн достаточно взрослый, и у него свои дела. Он не обрадуется, если я начну совать в них нос.

– Он всегда к тебе прислушивается, – возразила я.

– Угу, вот погоди, когда я ему скажу то, что ему не очень хочется услышать. – Джейми ткнулся затылком в стену и прикрыл глаза. На высоких скулах блестел пот.

Я осторожно смахнула капельку, прежде чем она достигла и без того влажного ворота рубахи.

– Ты два месяца ему твердил, что он должен вернуться в Шотландию.

Джейми скептически глянул на меня.

– И как, он в Шотландии?

– Ну...

– Ага.

Я молчала, вытирая пот с лица подолом юбки. Река здесь была уже не такой широкой – до берега буквально рукой подать, футов десять. В кустах что-то шевельнулась. Сверкнули красные глаза, отразив свет фонаря.

Ролло вскинул голову и басовито гавкнул, наострив уши. Джейми резко сел.

– Господи! Я таких огромных крыс еще не видел!

Я рассмеялась.

– Это не крыса, а опоссум. Заметил детенышей у нее на спине?

Джейми и Ролло уставились на опоссума одинаковыми взглядами – оценивая упитанность зверька и возможную скорость его передвижения. Четыре детеныша мрачно смотрели в ответ, подергивая острыми носиками. Явно решив, что кораблик ничем не опасен, мама-опоссум напилась воды и медленно скрылась в кустах. Последним исчез голый розовый хвост.

Оба охотника одновременно выдохнули и снова расслабились.

– Майерс говорит, они вкусные, – задумчиво произнес Джейми.

Тоже вздохнув, я достала из кармана мешочек.

– Что это? – Джейми с любопытством заглянул внутрь и высыпал на

ладонь несколько маленьких коричневых штучек.

– Жареный арахис. Растут здесь под землей. Купила у фермера, он продавал их на корм свиньям, а потом хозяйка постоянного двора их для меня прожарила. Только сперва надо очистить. – Я усмехнулась, наслаждаясь новым чувством, – я впервые знала больше о нашем окружении, чем Джейми.

Он неодобрительно на меня посмотрел, а потом легко раздавил скорлупу пальцами.

– Я невежественный, но не дурак. Есть разница. – Джейми осторожно раскусил орешек. Скептическое выражение лица сменилось удивленным. Он отправил оставшиеся два орешка в рот и принялся довольно жевать.

– Нравится? – улыбнулась я. – Когда осядем, я распакую новую ступку и смогу делать из них масло на бутерброды.

Джейми улыбнулся в ответ, взяв еще один орех.

– Здесь, конечно, сплошные болота, но земля благодатная. Никогда не видел, чтобы столько всего так легко выращивали. Знаешь, саксоночка, я вот подумал... – Он уставился в раскрытую ладонь. – Может, мы тут и останемся?

Вопрос не застал меня врасплох. Я уже замечала, как у Джейми блестели глаза, когда он видел поля и зреющий на них богатый урожай, как он восхищенно и завистливо смотрел на лошадей губернатора.

В любом случае мы не можем вернуться в Шотландию прямо сейчас. Иэн – да, но не мы с Джейми. Из-за некоторых сложностей... Например, Лири Маккензи.

– Не знаю, – медленно сказала я. – Если забыть об индейцах и диких зверях...

– Пустяки, – перебил меня Джейми, слегка смутившись, – Майерс говорит, их можно избежать, если не лезть в горы.

Я еле удержалась, чтобы не напомнить про предложение, которое нас именно в горы и отправляло.

– Да, ты ведь помнишь, что я рассказывала? О революции? Сейчас 1767-й, и ты слышал разговоры за столом губернатора. Девять лет, Джейми, и начнется ад.

Мы оба пережили войну и понимали, что это не шутки. Я коснулась руки Джейми, вынуждая обратить на меня внимание.

– Я ведь уже была права... тогда.

Я знала, что случилось в битве при Каллодене, и рассказала Джейми о судьбе Карла Стюарта и его сподвижников. Увы, этого все равно не хватило, чтобы нас спасти. Эти знания породили двадцать горьких лет

разлуки и призрак дочери, которую Джейми никогда не увидит.

Он медленно кивнул и коснулся моей щеки. Мягкий свет фонаря привлекал стайки крошечных насекомых, и они взметнулись, потревоженные движением.

– Да, ты была права, – тихо согласился Джейми. – Но тогда... тогда мы думали, что должны что-то изменить. Или хотя бы попытаться. А здесь... – Он обвел рукой невидимые за деревьями земли. – Это не мое дело.

Я отогнала насекомых от лица.

– Оно может коснуться и нас, если мы останемся.

Джейми потер подбородок, размышляя. Рыжеватая щетина отливала серебром в свете фонаря. Джейми – высокий, красивый, в самом расцвете сил, однако уже не молод, вдруг осознала я с неожиданной радостью.

Горцы рождались для сражений. Мальчики становились мужчинами, когда могли взять в руки меч и отправиться на битву. Джейми никогда не был безрассудным, но почти всю жизнь был воином, солдатом. В двадцать лет ничто не могло удержать его от схватки, и неважно, личной или чужой. Теперь же разум должен усмирить пыл. По крайней мере, я на это надеялась.

Здесь, кроме тетушки, которую он не знал, у Джейми нет никаких связей. Может, раз мы знаем о грядущем, лучше избежать беды?

– Это очень большая страна, саксоночка. – Джейми взгляделся в невидимую даль. – Покинув Джорджию, мы проехали столько миль, сколько не наберется в Шотландии и Англии, вместе взятых.

– Да, – согласилась я.

В Шотландии, даже несмотря на высокие скалы, спасения не найти. Здесь же все не так. Если выбрать уголок поукромней, то вполне можно скрыться от всевидящего ока бога войны.

Джейми с улыбкой склонил голову к плечу.

– А ты, саксоночка, станешь хозяйкой плантации. Если губернатор найдет покупателей для камней, то я получу достаточно и отправлю Лири все деньги, что обещал. А оставшихся хватит нам на хорошее местечко, где мы будем жить счастливо.

Он взял мою правую руку и нежно провел большим пальцем по серебряному ободку обручального кольца.

– Вдруг когда-нибудь я тебя всю увешаю кружевами да драгоценностями? – тихо сказал Джейми. – Я ведь никогда не мог тебе ничего подарить, кроме крошечного колечка да матушкиного жемчуга.

– Ты подарил мне куда большее. – Я сжала его пальцы. – Прежде всего Брианну.

Он чуть заметно улыбнулся, опустив взгляд.

– Твоя правда. Может, она и есть настоящая причина... чтобы остаться, в смысле.

Я притянула его к себе, и он устроил голову у меня на коленях.

– Это ведь ее родная страна? – Джейми обвел рукой деревья, реку, небо. – Она здесь родится и будет жить.

– Да. – Я провела ладонью по его волосам, приглаживая густые пряди, совсем как у Брианны. – Здесь будет ее родная страна.

Ни со мной, ни с Джейми такого не произойдет, и неважно, сколько мы здесь проживем.

– Я не хочу сражаться или подвергать тебя опасности, саксоночка. Но если я смогу сделать хоть что-то... построить хороший дом и оставить ей землю... – Он пожал плечами. – Я буду только рад.

Мы немного посидели в тишине, наблюдая за тусклым мерцанием воды.

– Я оставила ей жемчуг, – наконец произнесла я. – В конце концов, теперь это ее фамильная драгоценность. А мне ничего не надо, кроме кольца.

Джейми взял мои ладони в свои и поцеловал – сперва левую, на которой по-прежнему оставалось золотое кольцо Фрэнка, а потом и правую, с его собственным.

– *Da mi basia mille*, – шепнул Джейми.

Подари мне тысячу поцелуев. Небольшая цитата из Катулла, выгравированная внутри кольца. Наклонившись, я подарила ему один из этой тысячи.

– *Dein mille altera*, – отозвалась я.

А потом еще тысячу.

Около полночи мы пришвартовались у густой рощицы. Погода изменилась. По-прежнему стояла жара, однако в воздухе витало преддверие грозы. В подлеске то ли шелестели порывы ветерка, то ли суетились в ожидании бури крошечные ночные существа.

Приливная волна почти иссякла, и дальше нам предстояло плыть под парусом или при помощи шеста. Капитан Фриман надеялся, что гроза принесет хороший ветер. А пока появилась возможность, нам всем стоило отдохнуть. Я забралась в наше «гнездо» на корме, однако все равно не могла спать, несмотря на поздний час.

По расчетам капитана, мы должны были прибыть в Кросс-Крик к завтрашнему вечеру или в крайнем случае – послезавтра. Удивительно, как

я этого ждала. После двух месяцев тяжелой жизни в пути я отчаянно жаждала найти пристанище, неважно насколько временное.

С щедрым гостеприимством и сильными родственными чувствами шотландцев я уже была знакома, так что не волновалась насчет того, как нас примут. Джейми о таком даже не задумывался. Ну, не виделись они с тетушкой много лет, разве это помеха для радушного приема? Поэтому в теплом приеме я не сомневалась. В то же время мне было страшно любопытно, какая из себя Иокаста Кэмерон.

У Рыжего Джейкоба, который построил замок Леох, было пятеро детей. Старшая – Эллен, мать Джейми. Иокаста – самая младшая. Джанет, третья из сестер, умерла, как и Эллен, задолго до нашей с Джейми встречи. А вот с двумя братьями, Колумом и Дугалом, мне довелось познакомиться, причем довольно близко. Поэтому я не могла не размышлять, какой же окажется последняя Маккензи из Леоха.

Высокой? Я покосилась на Джейми, мирно спящего рядом. Высокой и, наверное, рыжеволосой. Все они отличались завидным ростом, даже Колум был таким, пока его не изуродовала болезнь. А еще они все светлокожие с медными волосами – от огненных, как у Джейми, до более глубокого, почти ржавого, как у Дугала. А вот Колум был совсем темным.

Вспомнив братьев, я неуютно поежилась. Колум умер до Каллодена от болезни. Дугал пал накануне битвы – от клинка Джейми. Это была самозащита – точнее, он защищал меня, – и лишь одна из многих смертей в том кровавом апреле. И все же думал ли Джейми, что скажет, когда после приветствий семейные беседы сведутся к «Ой, а когда ты в последний раз видел того-то и того-то?».

Джейми вздохнул и вытянулся во сне. Он умел крепко спать на любой поверхности, ведь ему где только не приходилось ночевать: начиная от сырого вереска и затхлых пещер и заканчивая ледяным каменным полом тюремной камеры. Деревянная палуба – сравнительно хороший вариант.

Я же не была ни настолько гибкой, ни настолько закаленной. Впрочем, усталость постепенно взяла свое, и даже острому любопытству не удалось задержать меня на пути к царству Морфея.

Проснувшись я посреди суматохи. Было по-прежнему темно, но кругом стоял шум, крик, лай, а палуба подо мной дрожала от топота. Я рывком села, спросонья решив, что нас берут на abordаж пираты.

А потом в голове прояснилось, как и перед глазами, и я поняла, что пираты и в самом деле здесь. Незнакомые голоса выкрикивали ругательства и приказы, а тяжелые ботинки грохотали по палубе. Джейми не было.

Я кое-как поднялась на четвереньки, не обращая внимания на одежду и

прочее. Близился рассвет – небо еще не посветлело, но каюта виднелась на его фоне куда более темным пятном. Я попыталась встать, держась за ее крышу, однако чуть вновь не растянулась на палубе. Мимо прокатился клубок из дерущихся тел.

В мешанине мелькнул мех, лица. Раздался крик, выстрел и чудовищный стук. Бледный как полотно, Иэн рухнул на неподвижного Ролло. Взъерошенный незнакомец с трудом поднялся на ноги.

– Черт! Он меня чуть не убил! – Грабитель дрожащей рукой вцепился в запасной пистолет, болтавшийся на поясе, и направил его на пса. Лицо уродливо скривилось. – Сдохни, тварь кусачая!

Возникший из ниоткуда высокий мужчина выбил у него оружие, прежде чем раздался выстрел.

– Не трать заряд, дурень. – Мужчина махнул рукой на Троклуса и капитана Фримана – последний витиевато выругался, – которых как раз вели в мою сторону. – Как ты их удержишь с разряженным оружием?

Второй грабитель злобно зыркнул, но перевел пистолет в живот капитану. Ролло издал странный звук – смесь рычания и скулежа. Под дернувшимся телом расползлось темное пятно. Иэн беспомощно поглаживал морду пса. Когда мальчишка поднял голову, на его щеках блеснули слезы.

– Тетушка, помоги, – взмолился он. – Пожалуйста!

Я машинально подалась вперед, и высокий грабитель шагнул ближе, вытянув руку.

– Я хочу помочь собаке, – заявила я.

– Чего?! – яростно выпалил коротышка.

Лицо высокого скрывала маска. Когда глаза привыкли к предрассветным сумеркам, я поняла, что в масках все грабители. Сколько же их тут?.. У меня появилось стойкое ощущение, что высокий мужчина улыбался. Он не ответил – просто коротко взмахнул пистолетом.

– Ну, здравствуй, старина, – пробормотала я, опускаясь на колени рядом с Ролло. – Только не кусайся. Хороший песик. Иэн, куда его ранили? Ты видел?

Мальчишка покачал головой и шмыгнул носом.

– Под ним. Не могу заставить его перевернуться.

Мне тоже не очень-то хотелось двигать массивную тушу. Я хотела было проверить пульс на шее, однако пальцы утонули в густой шерсти. Затем меня осенило. Подхватив переднюю лапу, я нащупала место, где она соединялась с телом.

Под пальцами билась вена. Я по привычке начала считать, но быстро

сдалась, не зная нормы для собак. Хотя пульс был ровный. Никакой аритмии, слабости. Хороший знак.

Еще неплохим знаком было то, что Ролло не потерял сознание. Огромная лапа в моих руках подрагивала, как напряженная пружина, а не обмякла. Пес издал высокий звук – то ли взвизгнул, то ли взвыл – и принялся скрести когтями, силясь подняться.

– Думаю, все не так плохо, Иэн, – с облегчением сказала я. – Смотри.

Ролло встал, покачиваясь. Он яростно затряс головой и встряхнул мохнатую шерсть. Капли крови разлетелись по палубе. Желтые глаза остановились на коротышке с выражением, которое было понятно даже самому недалекому.

– Эй, ты! Держи пса, или, клянусь, я пристрелю его к чертям! – В голосе грабителя звучала паника, а дуло пистолета неуверенно металось между группкой пленников и оскалом Ролло.

Иэн, который как раз торопливо сдернул рубаху, накинул ее на морду пса. Ролло бешено замотал головой и зарычал. На ткани выступила кровь. Теперь я заметила, что она лилась из неглубокой раны на плече животного – видимо, пуля его только зацепила.

Иэн упорно сдерживал Ролло, вынуждая пса сесть, и бормотал какие-то слова в скрытое тканью ухо.

– Сколько вас на борту? – Цепкий взгляд высокого бандита метнулся к капитану, но тот лишь сжал губы, поэтому дальше он уставился на меня.

Я его узнала. По голосу. Должно быть, выражение лица меня выдавало, потому что пират замер, а потом дернул головой, сбрасывая платок-маску.

– Сколько? – снова спросил Стивен Боннет.

– Шестеро, – ответила я.

Молчать не было смысла. На берегу я заметила Фергуса с поднятыми руками. Третий пират под прицелом вел его к нам. За моей спиной из темноты возник мрачный Джейми.

– Мистер Фрейзер, – вежливо поприветствовал его Боннет. – Приятно возобновить наше знакомство. Сэр, разве с вами не было еще одного джентльмена? Однорукого?

– Его здесь нет, – коротко бросил Джейми.

– Я проверю, – буркнул коротышка и развернулся, но Боннет остановил его жестом.

– Ты сомневаешься в слове такого джентльмена, как мистер Фрейзер? Нет, Робертс, останься охранять этих господ. А я, пожалуй, осмотрюсь. – Кивнув спутнику, он исчез.

Возня с Ролло совсем отвлекла меня от разгрома, учиненного на

палубе. Из каюты донесся треск, и я подскочила, мигом вспомнив об инструментах.

– Эй! Ты куда? Стоять! Пристрелю! – с ноткой отчаяния, впрочем, достаточно неуверенно заорал бандит.

Я, не оглянувшись, нырнула в каюту и тут же врезалась в четвертого пирата, который в этот момент действительно копошился в моей шкатулке.

От удара я слегка отлетела назад, однако сразу с возмущенным воплем вцепилась гаду в руку. Он попросту открывал все подряд, вытряхивал содержимое ящичков и бутылочек и швырял их на пол. Коллекция снадобий доктора Роулингса лежала в осколках.

– А ну не смей их трогать! – взвизгнула я.

Схватив ближайший сосуд из шкатулки, я выдрала пробку и плеснула содержимым пирату в лицо. Как и в большинстве микстур Роулингса, там оказалось достаточно спирта. Пират охнул и попятился, хватаясь за глаза.

Я воспользовалась преимуществом – треснула его по голове каменной бутылкой эля, которую нашла среди погрома. Раздавшийся звук меня порадовал, однако удар вышел недостаточно сильным. Пират зашатался, но устоял и потянулся ко мне.

Я снова замахнулась, но запястье словно попало в тиски.

– Прошу прощения, дорогая миссис Фрейзер, – зазвучал знакомый вежливый голос с ирландским акцентом. – К сожалению, я не могу вам позволить разбить ему голову. Конечно, не самый лучший экземпляр, но на чем он тогда будет носить шляпу?

– Гребаная сука! Она меня ударила! – скривился от боли пират, держась за ушибленное место.

Боннет вытащил меня на палубу, сильно заломив руку за спину. Уже почти рассвело. Река сверкала серебром. Я с яростью уставилась на бандитов, твердо намереваясь запомнить всех до единого и узнать потом, в маске или без.

К сожалению, восходящее солнце дало и пиратам возможность рассмотреть меня. Гад, которого я приложила по башке, явно затаил злобу. Он схватил меня за запястье и дернул кольцо.

– Опа, а это надо забрать!

Я выдрала руку из его хватки и хотела было отвесить ему пощечину, но Боннет многозначительно кашлянул. Он, шагнув к Иэну, поднес пистолет к самому уху мальчишки.

– Лучше отдайте, миссис Фрейзер, – по-прежнему вежливо посоветовал Боннет. – Боюсь, мистеру Робертсу нужна некая компенсация за причиненный ущерб.

Дрожа от злости и страха, я стянула золотое кольцо. С серебряным вышло сложнее – оно застряло на костяшке, будто не хотело со мной расставаться. Оба кольца были влажные и скользкие от пота. Металл казался теплее, чем мои вдруг похолодевшие пальцы.

– Давай сюда. – Бандит ткнул меня в плечо и протянул широкую шершавую ладонь. Я неохотно протянула кольца в согнутых пальцах... а потом, сама не поняв как, прижала их ко рту.

Голова гулко стукнулась о стену каюты – пират сбил меня с ног. Грубые пальцы впились в щеки, полезли в рот, бесцеремонно ища кольца. Я извернулась и с силой сглотнула. Рот заполнился слюной с металлическим привкусом. То ли в самом деле металл, то ли кровь.

Я сцепила зубы, и пират с криком отдернул руку. Одно кольцо, должно быть, успело вылететь – я расслышала «звяк!». Потом я поперхнулась, и второе, твердое и круглое, скользнуло в пищевод.

– Сука! Горло перережу! В ад отправлю да без твоих колечек, драная ты шлюха!

Лицо пирата исказилось от злобы. Блеснул нож. А потом сильный удар сбил меня с ног, и я распласталась на палубе под весом Джейми.

Я была слишком ошеломлена, чтобы шевелиться. Впрочем, я и не смогла бы – Джейми грудью давил на мой затылок, вжимая в доски. Я слышала крики и шум, приглушенный упавшей на голову тканью. Потом раздался звук глухого удара, и Джейми дернулся, зарывав.

Господи, его ранили! Меня мучительно скрутило от ужаса. Еще удар. Джейми зарывал громче, но я поняла, что его всего лишь пнули по ребрам. Он не пошевелился, только сильнее вжал меня в палубу, как начинку сэндвича.

– Хватит! Робертс! Я сказал, оставь его! – Властный и резкий окрик Боннета я расслышала отчетливо, даже несмотря на ткань.

– Она... – начал Робертс, но недовольное нытье прервал короткий, смачный удар.

– Встаньте, мистер Фрейзер. Ваша жена в безопасности... хотя этого не заслуживает. – В хриплом баритоне Боннета звучала смесь веселья и раздражения.

Джейми медленно поднялся, и я смогла сесть. Голова кружилась; вдобавок меня слегка мутило после удара. Стивен Боннет смотрел сверху вниз с легкой неприязнью, словно я была куском облезлой оленьей шкуры, которую ему попытались всучить. Рядом с ним злобно сверкал глазами Робертс, вытиравший кровь со лба.

Наконец Боннет моргнул и повернулся к Джейми.

– Глупая женщина, – равнодушно заметил пират. – Впрочем, вас все устраивает... – Он кивнул, и на его губах мелькнула слабая улыбка. – Что ж, благодарю за возможность вернуть вам должок. Жизнь за жизнь, как говорится в Библии.

– Должок? – зло выпалил Иэн. – После того что мы для вас сделали, вы нас грабите, бьете мою тетю и собаку, а потом вам хватает наглости говорить, что вернули должок?!

Боннет остановил взгляд на Иэне. Глаза у пирата были светло-зеленые, как очищенные виноградины. А на щеке – ямочка, будто бог, создавая его, оставил отметину. Но взгляд все равно оставался холодным, как речная вода на рассвете.

– Парень, ты плохо учил Святое Писание. – Боннет неодобрительно покачал головой и цокнул языком. – Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов.

Он раскрыл ладонь, и на ней вспыхнули три камня – изумруд, сапфир и черный алмаз.

– Уверен, мистер Фрейзер согласен, не так ли, сэр? – Пират сунул руку с камнями в карман, а когда извлек, их уже не было. – В конце концов, – сказал он, снова бросив холодный взгляд на Иэна, – есть разные способы платить по долгам. – Боннет улыбнулся, однако весьма неприятно. – Хотя, думаю, ты слишком юн для такого. Радуйся, что у меня нет желания преподать тебе урок.

Он отвернулся и подозвал товарищей:

– Мы нашли то, что искали. Уходим.

Боннет ступил на край борта и, прыгнув, с кряхтением приземлился на илистый берег. Остальные пираты последовали за ним. Робертс напоследок одарил меня злобным взглядом и неловко плюхнулся на мелководе.

Все четверо исчезли в зарослях. Из темноты донеслось приветственное ржание лошади. На борту кораблика воцарилась тишина.

Небо над головой постепенно приобретало цвет древесного угля. Вдалеке тихонько грохотала гроза. У горизонта сверкнула тонкая молния.

– Ублюдки.

Капитан Фриман сплюнул за борт им на прощание и повернулся к матросу.

– Эй, Троклус, берись за шест, – произнес он и направился к румпелю, шаркая и подтягивая штаны.

Остальные тоже медленно ожили. Фергус глянул на Джейми, зажег фонарь и исчез в каюте. Я расслышала, как он принялся наводить там порядок. Иэн сидел на палубе, склонив темноволосую голову к Ролло, и

промакивал шею пса скомканной рубахой.

Смотреть на Джейми мне не хотелось. Я перекатилась на четвереньки и медленно подползла к Иэну.

– Как он? – хрипло спросила я. Кольцо будто застряло в горле, и я сглотнула.

Парень поднял голову. Лицо его было бледным и неподвижным, но глаза смотрели с тревогой.

– Думаю, что в порядке, – тихо сказал он. – Тетушка... а ты как? С тобой все хорошо?

– Да. – Я попыталась ободряюще улыбнуться. – Все хорошо.

Затылок ныл, в ушах до сих пор звенело. Желтый ореол света вокруг фонаря словно пульсировал в такт сердцу. На щеке красовалась царапина. Еще я разбила локоть и загнала здоровенную занозу в ладонь, однако физически в целом была невредима. А вот в остальном я сомневалась.

Я не оглянулась на Джейми, который стоял неподалеку, но чувствовала его присутствие, зловещее, как грозовое облако. Иэн, который явно видел своего дядю за моим плечом, выглядел слегка напуганным.

Донесся скрип доски, и Иэн расслабился. Голос Джейми прозвучал уже из каюты. Он вроде бы совсем спокойно спросил что-то у Фергуса, а потом звуки разговора утонули в шуме – Джейми и Фергус принялись ставить на место мебель и складывать разбросанные вещи. Я медленно выдохнула.

– Не волнуйся, тетушка, – попытался утешить меня Иэн, – дядюшка не поднимет на тебя руку, он не такой.

Я что-то сомневалась, учитывая волны чувств, долетавшие со стороны Джейми, однако надеялась, что мальчишка прав.

– Он ужасно зол, да? – тихонько спросила я.

Иэн неловко пожал плечами:

– Ну, последний раз, когда он *так* на меня смотрел, он отвел меня за дом и как следует мне врезал. С тобой он так не поступит, я уверен, – поспешно добавил мальчишка.

– Наверное, – вяло отозвалась я. Может, лучше бы и врезал...

– Хотя, когда дядюшка Джейми начинает браниться, тоже приятного мало. – Иэн сочувственно покачал головой. – Я уж лучше взбучку потерплю.

Глянув на Иэна, я наклонилась над псом.

– Хватит на сегодня бед. Кровь еще течет?

Крови не было. Несмотря на перепачканную шерсть, рана оказалась на удивление легкой – просто рассечена кожа и слегка зацепило мышцы около

плеча. Ролло прижал уши и оскалился, однако вслух против осмотра не возражал.

– Хороший мальчик, – пробормотала я. Если бы была возможность сделать местный наркоз, то удалось бы зашить рану, но придется обойтись без таких изысков. – Надо наложить мазь, чтобы мухи не садились.

– Сейчас принесу, тетушка, я помню, где твой ящичек. – Иэн аккуратно сдвинул морду пса с колен и поднялся. – Зеленая такая, которой ты мазала палец Фергусу?

Я кивнула, и Иэн скрылся в каюте, оставляя меня наедине с внутренним трепетом, больной головой и забитым горлом. Я сглотнула еще несколько раз и осторожно коснулась шеи, гадая, которое же кольцо во мне осталось.

Из-за угла каюты показался Этроклус с длинным и толстым шестом белого цвета. Один его конец был весь грязный и явно свидетельствовал о частоте использования. Матрос уверенно опустил шест в воду и навалился.

Когда из тени вдруг возник Джейми с похожим шестом, я подпрыгнула на месте – совсем не расслышала его шагов за криками и стуком. Джейми даже не взглянул в мою сторону. Он стянул рубашку и по сигналу матроса тоже опустил шест в воду.

С четвертой попытки корпус судна все-таки дрогнул. Приободренные, матрос и Джейми толкнули еще сильнее, и «Салли-Энн» с гулким плеском сошла с мели. Ролло приподнял голову и удивленно гавкнул.

Этроклус, чье лицо просияло под слоем пота, кивнул Джейми и забрал у него шест. Джейми кивнул в ответ. Затем поднял рубашку с палубы и повернулся.

Я оцепенела. Ролло настороженно наострил уши, но Джейми вроде пока не собирался отчитать меня или сбросить за борт. Вместо этого он наклонился, хмурясь.

– Как ты, саксоночка? Не могу понять, это свет такой или ты в самом деле вся зеленая.

– Я в порядке. Может, дрожу немного.

Не немного, тут я загнула. Пальцы до сих пор оставались холодными и липкими, а если бы я попыталась встать, то трясущиеся колени меня точно не удержали бы. Я вновь сглотнула и, закашлявшись, постучала кулаком по груди.

– Может, у меня разыгралось воображение, но, кажется, кольцо застряло в горле.

Джейми задумчиво покосился, а потом подозвал Фергуса, который успел выбраться из каюты и теперь слонялся неподалеку.

– Фергус, попроси у капитана его трубку на минуту, а?

Затем Джейми натянул рубашку и скрылся на корме. Через несколько мгновений он вернулся с кружкой воды.

Я благодарно к ней потянулась, но он отвел мою руку.

– Еще рано, саксоночка, – сказал Джейми. – Ну что? Ага, спасибо, Фергус. Захвати пустое ведро, ладно?

Он забрал у заинтригованного Фергуса трубку, сунул большой палец в грязную чашечку и принялся выковыривать горелые, вязкие остатки табака. А потом вытряхнул ее содержимое в кружку. В воду посыпались коричневые крошки, которые Джейми размешал почерневшим после этих манипуляций пальцем. Закончив с приготовлениями, он зловеще глянул на меня поверх края кружки.

– Нет, – запротестовала я. – О нет.

– О да, – отозвался Джейми. – Давай, саксоночка.

– Пожалуй, я просто... подожду. – Я скрестила руки на груди. – Спасибо за беспокойство.

Фергус, успевший вернуться, вскинул брови. Джейми поставил принесенное ведро рядом со мной.

– Тем способом я уже пользовался, саксоночка, – поведал он. – Представь, на корабле, при всех... – Он положил руку мне на затылок и прижал кружку к губам. – Так гораздо быстрее. Ну давай, глоточка хватит.

Я только сильнее стиснула губы. От одной только вони желудок норовил вывернуться наизнанку, не говоря уже об омерзительном виде темной жидкости, в которой плавали крошки, и воспоминаниях о вязкой коричневой слюне капитана, стекающей по палубе.

Джейми не собирался спорить и уговаривать. Он просто-напросто зажал мне нос, а когда пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть, влил в него эту жижу.

– М-м-м!

– Глотай. – Джейми зажал мне рот ладонью, не обращая внимания ни на попытки освободиться, ни на возмущенное мычание.

Я значительно уступала Джейми по силе. Выхода было два: или глотать, или задыхаться.

И я глотнула.

– Как новенькое! – Джейми закончил полировать кольцо поллой рубашки и полюбовался его блеском в свете фонаря.

– Ага, чего совсем не скажешь обо мне, – холодно отозвалась я, лежа безвольным мешком на палубе. Река будто покачивалась подо мной. –

Знаешь, кто ты, Джейми Фрейзер? Ты самый настоящий первосортный садист и ублюдок – вот кто.

Он наклонился и убрал с моего лица влажные пряди.

– Как скажешь. Но если ты уже начала ругаться, саксоночка, значит, жить будешь. А пока отдохни, ладно? – Джейми нежно поцеловал меня в лоб и уселся поудобнее.

Когда суматоха улеглась и на палубе навели былой порядок, мужчины удалились в каюту, чтобы поправить и свое душевное равновесие при помощи бутылки яблочного бренди. Капитан Фриман спрятал ее в бочке с водой и тем самым ухитрился спасти от пиратов. Рядом со мной стояла кружка этого напитка, но меня слишком тошнило, чтобы что-то вообще глотать. Правда, теплый фруктовый аромат действовал успокаивающе.

Теперь мы шли под парусом. Всем ужасно хотелось оказаться подальше от злосчастного места, где на нас напали, словно там до сих пор таилась некая опасность. «Салли-Энн» плыла куда быстрее, чем обычно, и у фонарей уже не вились стайки насекомых. Лишь парочка златоглазок сидела на балке. Крошечные зеленые тельца отбрасывали едва заметные полосы теней. Из каюты донесся взрыв хохота, которому вторил рык Ролло. Все возвращалось на круги своя.

По палубе гулял долгожданный ветерок – осушал липкий пот на моем лице, играл с кончиками волос Джейми. На лбу мальчишки залегла морщинка, и он слегка наклонил голову в глубокой задумчивости.

Конечно, ему было о чем поразмыслить. Одним махом мы из богачей – хотя бы потенциальных – превратились в нищих. От тщательно собранных в путешествие вещей остались мешок с бобами да использованный ящик с медикаментами. Что уж теперь говорить о желании Джейми не появиться на пороге Иокасты Кэмерон попрошайками... Нынче мы мало чем от них отличались.

У меня перехватило горло от жалости к Джейми. Былое раздражение исчезло. Если оставить уязвленную гордость, перед нами возникла страшная пустота там, где на карте значилась территория под названием «будущее». Оно и раньше было неясным, однако острые края всех вопросов сглаживало знание, что у нас есть деньги.

Даже дорога на север казалась приключением, ведь мы полагали, что у нас в руках сокровище. Я никогда не думала, что придаю деньгам большое значение, но теперь, когда у меня грубо выбили из-под ног землю, голова отчаянно кружилась, словно я падаю в глубокий темный колодец и никак не могу остановить падение.

А что же чувствует Джейми? Ведь на нем лежит ответственность не

только за себя самого и меня, но и за жизни остальных... Иэн, Фергус, Марсали, Дункан, обитатели Лаллиброха... даже чертова паршивка Лири. Я не знала, смеяться или плакать от мысли о тех деньгах, которые Джейми ей отправил. Мстительная тварь оказалась в куда лучшем положении, чем мы.

Мсть... Новый страх затмил все остальные. Джейми, конечно, не особенно мстителен для шотландца, но ни один горец не станет молча и смиренно принимать такую потерю. Потерю не только богатства, но и чести. Как же поступит Джейми?..

Пока, стиснув зубы, он сверлил взглядом темную реку. Видел ли он в ней то кладбище, где, поддавшись пьяной сентиментальности Дункана, содействовал Боннету в бегстве?

До меня запоздало дошло, что вряд ли его терзает материальная сторона нашего злключения. Скорее всего, об этом Джейми еще даже не задумался. А тонул он в куда более горьких воспоминаниях – именно он помог Боннету спастись от виселицы и отпустил на волю, охотиться на невинных. Сколько еще людей пострадает от рук пирата?

– Ты не виноват. – Я коснулась колена Джейми.

– Неправда, – тихо отозвался он, не глядя на меня. – Я знал, кто он такой. Мог бы предоставить его вполне заслуженной судьбе. Какой же я дурак...

– Ты проявил милосердие. Это не одно и то же.

– Почти.

В преддверии дождя в воздухе витала прохлада. Джейми глубоко вздохнул, сделал глоток из кружки с яблочным бренди и наконец глянул на меня, предлагая тоже выпить.

– Да, спасибо.

Я попыталась сесть, но Джейми придержал меня за плечи и помог к нему прислониться. А потом поднес к моим губам кружку. Теплая, как кровь, жидкость мягко заструилась по языку и обожгла горло, избавляя от следов тошноты и табака. На их место пришел устойчивый ромовый привкус жженого сахара.

– Лучше?

Кивнув, я протянула правую руку. Джейми надел мне кольцо, нагретое в ладони, а потом крепко сжал мои пальцы.

– Он следил за нами от самого Чарльстона? – спросила я вслух.

Джейми покачал головой. Распущенные волосы упали на лицо.

– Вряд ли. Если бы он тогда узнал про камни, то устроил бы засаду еще на дороге. Нет, думаю, он узнал про них у слуг Лиллингтона. Я-то

полагал, что нам ничего не грозит, ведь мы успеем отправиться в Кросс-Крик, пока не пройдет слушок. Но кто-то успел проболтаться... Может, лакей, а может, швея.

Хотя внешне Джейми казался спокойным, внутри его бушевали чувства. По палубе пронесся порыв горячего ветра – гроза приближалась. Рыжие пряди скользнули по щеке, и Джейми откинул их назад, запустив пальцы в густую шевелюру.

– Мне жаль, что второе кольцо пропало, – помолчав, сказал он.

– О, да вс... – Я хотела сказать, что все в порядке, но слова застряли в горле, стоило мне осознать потерю.

Я носила золотое кольцо в знак принесенных, забытых и возобновленных клятв, а потом, наконец, освобождения. Это был символ замужества, семьи, большей части моей жизни. И последняя память о Фрэнке... которого я, несмотря ни на что, все же любила.

Джейми, не говоря ни слова, взял мою левую руку и стал легко поглаживать костяшки большим пальцем. Я тоже молчала. А потом вздохнула и повернулась к корме. Деревья на берегу громко шелестели на ветру в предвкушении, заглушая все остальные звуки.

Крошечная капля упала на щеку. Моя обмякшая бледная рука лежала на ладони у Джейми, такая непривычно хрупкая, что я испугалась.

Я привыкла так или иначе следить за руками. Они – мой рабочий инструмент, способ касаться, перемежая нежность и силу, необходимые для исцеления. Я восхищалась их своеобразной красотой, пусть и отстраненно. Красота заключалась в умелости и силе, и осознание этого делало их достойными восхищения.

Рука оставалась той же, бледной, с длинными пальцами и слегка выпирающими костяшками. Странно обнаженная без кольца, но, несомненно, моя. Однако она лежала на ладони гораздо более крупной и грубой, поэтому казалась столь крошечной и хрупкой.

Джейми стиснул правую руку сильнее, вжал серебряное кольцо в кожу, напоминая о том, что осталось. В ответ я обхватила кулак Джейми и крепко прижала к сердцу. Упали крупные капли дождя, но мы так и не сдвинулись с места.

На кораблик и берега обрушилась завеса ливня. Капли загрохотали по листе, палубе, речной воде, будто скрывая нас от всего мира. Их прохлада мягко омывала кожу, исцеляя раны, нанесенные страхом и потерей.

Я вмиг ощутила себя ужасно незащитной и в то же время совершенно неуязвимой. Впрочем... именно так я всегда себя чувствовала рядом с Джейми Фрейзером.

Часть четвертая
Поместье «Горная река»

Глава 10

Иокаста

Кросс-Крик, Северная Каролина, июнь 1767-го

«Горная река» располагалась на краю мыса Кейп-Фир, как раз над слиянием рек, которое и дало городку Кросс-Крик его название. Размеры городок был, в общем-то, немаленького, вдобавок располагал шумной пристанью. Вдоль береговой линии выстроились несколько крупных складов. А когда «Салли-Энн» медленно поползла вдоль причала, в нос ударил сильный смолистый запах, который висел над городом и рекой в горячем влажном воздухе.

– Господи, я как будто скипидара вдохнул, – прохрипел Иэн, стоило новой волне вони нас захлестнуть.

– Да так и есть, парень, – блеснул редкой улыбкой Этроклус.

Он кивнул на баржу, привязанную неподалеку. На ней возвышались горы бочек, из которых сочилось нечто черное. На более крупных виднелись клейма владельцев и выжженные буквы Т, означавшие, что внутри перевозили терпентин.

– Именно, – согласился капитан Фриман. Он щурился из-за яркого солнца и помахивал ладонью перед носом, будто мог отогнать вонь. – В это время года из глубины штата сюда прибывают сборщики смолы. Все – смолу, терпентин, деготь – отправляют в Уилмингтон на барже, а потом дальше на юг, на верфи Чарльстона.

– Не думаю, что здесь только в терпентине дело. – Джейми промокнул шею платком и кивнул на самый большой склад, где у дверей дежурили солдаты в красных мундирах. – А ну-ка принюхайся, саксоночка.

Я осторожно втянула воздух. Да, было что-то еще... горячий, знакомый аромат...

– Ром? – спросила я.

– И бренди. А еще немного портвейна. – Джейми шевельнул длинным носом, чутким, как у мангуста.

– Не растерял талант, да? – удивленно глянула на него я.

Двадцать лет назад Джейми управлял винным делом своего кузена Джареда в Париже, и его обонянием и чувством вкуса восхищался весь дегустационный зал.

– Я по-прежнему отличу мозельвейн от лошадиной мочи, если сунуть их мне под нос, – усмехнулся Джейми. – Но отличить ром от терпентина – не великий подвиг.

Иэн набрал полные легкие воздуха и тут же закашлялся.

– А по-моему, ничем другим тут и не пахнет, – покачал он головой.

– Отлично, – отозвался Джейми. – Значит, в следующий раз вместо выпивки угощу тебя скипидаром. Куда дешевле выйдет. Тем более, – добавил он тихо, когда все разразились хохотом, – теперь я вряд ли смогу позволить себе нечто большее... Ладно, скоро уже будем на месте. Ну что, похож я на нищего попрошайку, саксоночка?

Аккуратно расчесанные и перевязанные лентой волосы сияли на солнце, свет красиво очерчивал хмурый профиль. Джейми выглядел шикарно, подумала я, уловив беспокойную нотку в его голосе. Я понимала, к чему он спрашивает. Может, у него в кармане ни пенни, но выставять это напоказ он не намерен.

Мысль, что ему придется появиться на пороге тетушки в роли бедного родственника, ужасно ранила гордость Джейми. И даже осознание, что таким его вынудили стать обстоятельства, ничуть не облегчало положения дел.

Я внимательно оглядела Джейми. Сюртук и камзол смотрелись вполне прилично. Тут нужно сказать спасибо кузену Эдвину, который любезно их предоставил. Хорошее серое сукно отлично сидело, а пуговицы были хотя и не серебряными, но из сплава олова со свинцом, как у преуспевающего квакера.

В остальном Джейми, конечно, мало чем походил на квакера. Льяная рубашка уже запачкалась, но пока на нем сюртук, никто этого не заметит. А оторванную пуговицу на камзоле успешно прикрывало кружевное жабо – единственное излишество, которое Джейми себе позволял в одежде. Чулки в порядке – голубой шелк, дырок не видно. Белые льяные бриджи относительно чисты, а вот обувь несколько портила общую картину. Заказать новые мы попросту не успевали. Ботинки Джейми были целыми, и я как могла замаскировала все потертости при помощи сажи и жира. Вот только все равно они подходили фермеру, а не джентльмену – толстая подошва, грубая кожа и скромные пряжки из рога. Оставалось надеяться, что тетушка Йокаста не судит гостей по ботинкам.

Приподнявшись на цыпочках, я поправила жабо и стряхнула с плеча Джейми перышко.

– Все будет хорошо, – шепнула я, улыбаясь. – Ты прекрасен.

Джейми изумленно покосился на меня, однако мрачная отчужденность

на его лице сменилась улыбкой.

– Это ты прекрасна, саксоночка. Румяная, как яблочко, красавица. – Он выпрямился и со вздохом глянул на племянника. – А Иэн, может, сойдет за раба, которого я купил в качестве свинопаса.

Иэн был из тех людей, чья одежда, неважно какого качества изначально, тут же превращалась в обноски. Половина шевелюры уже вырвалась из плена зеленой ленты. Острый локоть торчал из дырки в новенькой рубаше, а манжеты успели посереть от грязи.

– Капитан Фриман говорит, что мы вот-вот прибудем! – воскликнул мальчишка. Глаза его сияли от возбуждения. Он перегнулся через борт, чтобы первым увидеть пункт нашего назначения. – Как думаете, что будет на ужин?

Джейми с нескрываемым неудовольствием посмотрел на племянника.

– Тебе, скорее всего, достанутся объедки, как собакам. У тебя что, нет сюртука, Иэн? Или расчески?

– А, есть. – Иэн рассеянно оглянулся, словно ожидал, что вышеупомянутые вещи вдруг появятся из воздуха. – Сюртук был... где-то. Кажется.

Искомое обнаружилось под лавкой. Правда, на нем уже удобно устроился спящий Ролло. Мы быстренько оттряхнули сюртук от собачьей шерсти и, втиснув в него Иэна, усадили мальчишку, чтобы расчесать и заплести волосы. В это же время Джейми поспешно напоминал ему о манерах, хотя единственным советом было держать рот на замке как можно дольше.

Иэн добродушно кивал.

– Тогда ты сам расскажешь тетушке Иокасте про пиратов, да? – спросил он.

Джейми мельком глянул на щуплую спину капитана Фримана. Бесполезно ожидать, что такую историю не разнесут по всем тавернам в Кросс-Крике, как только мы сойдем с палубы. Так что через несколько дней – а может, и часов – она дойдет и до плантации.

– Да, я ей расскажу, – отозвался Джейми. – Только не сразу, Иэн. Пусть сперва она к нам привыкнет.

От городского шума и воня причал поместья отделяли несколько миль спокойной речной воды и буйно разросшаяся зелень. Проследив, чтобы Джейми, Иэн и Фергус были умыты и расчесаны, я удалилась в каюту. Там я стянула грязное платье и, поспешно обмывшись, скользнула в кремовые шелка, которые надевала на ужин у губернатора.

Мягкая ткань легкой прохладой легла на кожу. Может, она смотрелась слишком официальной для дневного времени, но для Джейми было важно, чтобы мы все выглядели прилично. Особенно теперь, после встречи с пиратами. А кроме шелка, я могла выбирать между грязным хлопковым или чистым, но потертым платьем, которое я привезла из Джорджии.

С прической мудрить было нечего. Я быстро причесала волосы и перехватила их лентой у шеи; остальные локоны вились как попало. Зато не нужно беспокоиться о драгоценностях, уныло думала я, натирая до блеска серебряное кольцо. На левую руку я по-прежнему старалась не смотреть – слишком обнаженной она выглядела.

Когда я выбралась из каюты, вдали уже показалось поместье «Горная река». В отличие от остальных плантаций с хлипкими, крошечными причалами оно могло похвастаться полноценным и крепким деревянным пирсом. На краю сидел чернокожий мальчик и от скуки болтал босыми ногами. Едва заметив «Салли-Энн», он сорвался с места и убежал, скорее всего, доложить о нашем прибытии.

Наш скромный кораблик с гулким стуком замер. Из-за стены деревьев виднелась каменная дорожка, проходившая через ровные лужайки и сады и обегавшая с двух сторон парные статуи, что замерли посреди клумб. А вела она к широкой веранде впечатляющего двухэтажного дома с колоннами и множеством каминных труб. Неподалеку от клумб стояла крошечная постройка из белого мрамора – своего рода усыпальница. Я тут же задумалась об уместности шелкового платья и нервно пригладила волосы.

Из дома к нам заспешили люди, и я сразу заметила хозяйку. Я признала бы в ней Маккензи, даже если бы меня не предупредили, кто она такая. Крепкая, с высокими скулами и лбом, как у ее братьев, Колума и Дугала. И, как племянник, Иокаста была очень высокой.

Возвышаясь на голову над толпой чернокожих рабов, она проплыла по дорожке, опираясь на руку дворецкого. Странно, на вид она совершенно в поддержке не нуждалась.

Скорость и уверенность шагов никак не вязались с сединой. Наверное, раньше Иокаста была как Джейми – в ее волосах по-прежнему оставался рыжеватый оттенок. Правда, уже не яркий, а скорее золотистый.

Из гущи мальчишек донесся возглас, и двое галопом рванули к пирсу, где окружили нас, вереща, как щенки. Сперва я ничего не могла разобрать; я поняла, что мальчишки кричат по-гэльски, только когда Иэн шутливо им ответил.

Я не знала, думал ли Джейми над тем, что сказать или сделать при встрече, но в итоге он просто шагнул к Иокасте Маккензи и обнял ее со

словами: «Тетушка... это я, Джейми».

А потом он отошел, и я увидела на его лице незнакомое прежде выражение – смесь счастья и благоговения. Я вдруг осознала, что, должно быть, Иокаста очень похожа на свою старшую сестру – мать Джейми.

Кажется, глаза ее были синими, хотя я не могла сказать наверняка – их застилали слезы радости. Иокаста, смеясь, гладила племянника по щеке.

– Джейми! – восклицала она раз за разом. – Джейми, малыш Джейми! Ох, парень, как же я рада тебя видеть! – Она удивленно коснулась его волос. – Пресвятая Дева, вот это ты вымахал! Прямо как мой братец Дугал!

Радость Джейми чуть померкла, но он продолжал улыбаться.

– Тетушка, позволь представить тебе мою жену Клэр.

Иокаста тут же протянула руку, и я обхватила ее ладонями. Какие знакомые длинные, сильные пальцы... Да, костяшки уже распухли, но кожа оставалась мягкой, а расслабленное касание так напомнило Брианну...

– Рада с вами встретиться, моя дорогая.

Иокаста притянула меня к себе и поцеловала в щеку. От платья женщины пахло мятой и вербеной, и мне вдруг странным образом почудилось, что теперь я под защитой некоего доброго божества.

– Какая красота! – восхитилась она, касаясь моего рукава.

– Благодарю, – ответила я.

Настал черед Иэна и Фергуса. Хозяйка и их поприветствовала объятиями и ласковыми словами, рассмеявшись, когда Фергус поцеловал ей руку на свой непревзойденный французский манер.

– Пойдемте, – наконец позвала Иокаста, вытирая влажные щеки тыльной стороной ладони. – Пойдемте же, мои хорошие, выпьем чаю и откушаем. Вы наверняка умираете от голода после такого пути. Улисс!

Дворецкий тотчас шагнул ближе с низким поклоном.

– Мадам, сэр, – обратился он ко мне и к Джейми. – Все готово, мисс Ио, – тихо сообщил он хозяйке и предложил ей руку.

Когда они зашагали обратно к дому, Фергус повернулся к Иэну и отвесил поклон, передразнивая учтивого дворецкого, а затем насмешливо предложил мальчишке руку. Иэн в отместку дал ему пинка под зад и пошел по дорожке, с любопытством разглядывая все вокруг. Зеленая лента успела развязаться и болталась на середине спины.

Джейми фыркнул, но все же улыбнулся.

– Мадам? – Он согнул руку в локте, и уж я не смогла ему отказать.

Мы торжественно двинулись по дорожке к приветливо распахнутым дверям поместья.

Внутри дом оказался очень просторным. Высокие потолки, широкие застекленные двери... Я уловила блеск серебра и хрусталя, когда мы прошли мимо огромной парадной столовой. Наверное, Гектор Кэмерон был и в самом деле очень успешным плантатором.

Иокаста привела нас в свою личную гостиную, не такую большую, но не менее впечатляющую. Однако здесь, среди блеска мебели и украшений, встречались и домашние вещи. Например, на низком столике стояла корзина с вязаньем. За стеклянной вазой с летними цветами скрывался вычурный серебряный звоночек. Колесо прялки медленно крутилось на ветру, проникавшем сквозь открытые двери.

Дворецкий проследил, чтобы хозяйка уселась, и повернулся к буфету с целым рядом разнообразных кувшинов и бутылей.

– Ну что, глотнем в честь вашего приезда, Джейми? – Иокаста взмахнула узкой ладонью в сторону буфета. – Ты ведь приличного виски и в глаза не видел с тех пор, как покинул Шотландию, да?

Джейми рассмеялся, занимая место напротив.

– Так и есть, тетушка. А откуда он у вас?

Она пожала плечами, польщенно улыбаясь.

– Несколько лет назад твой дядюшка весьма удачно обзавелся приличным запасом. Он обменял склад табака на полкорабля вина и прочего спиртного, которое собирался продать... а потом Парламент запретил продавать в колониях все, что крепче эля, и у нас в погребе осталось две сотни бутылей!

Она вытянула руку к столику, даже не глядя. Да и зачем – дворецкий бесшумно опустил стакан прямо у пальцев хозяйки. Она поднесла его к носу и, прикрыв глаза, с наслаждением вдохнула аромат.

– Там еще полно. Куда больше, чем я могу выпить в одиночку, уж поверь! – Иокаста улыбнулась, подняв стакан. – За тебя, племянник, и твою дорогую жену – пусть мой дом станет домом и вам! *Slàinte!*

– *Slàinte mhar!* – отозвался Джейми, и мы все выпили.

Виски действительно оказался хорош. Мягкий, как маслянистый шелк, и согревающий, как солнечный свет. Янтарный напиток достиг желудка, и мне стало тепло.

Очевидно, Джейми почувствовал то же самое. Морщина на его лбу исчезла, лицо расслабилось.

– Улисс сегодня же вечером напишет письмо твоей сестрице, что вы добрались, – говорила Иокаста. – Наверняка она волнуется за своего паренька да гадает, сколько же бед выпадет вам по пути.

Джейми поставил стакан и прочистил горло:

– Ну, насчет бед... тетушка, боюсь, я должен признаться...

Я отвернулась, чтобы не смущать его еще сильнее, пока он вкратце рассказывал о печальном состоянии наших финансов. Иокаста внимательно слушала, но вскрикнула от ужаса, когда речь зашла о пиратах.

– Злодей, каков злодей! Так отплатить за доброту! Пусть болтается на виселице!

– Ну, я сам виноват, тетушка, – тоскливо сказал Джейми. – Он болтался бы... И раз уж я с самого начала знал, что он преступник, то не вправе удивляться, что он в итоге учинит разбой.

– Пф! – Иокаста выпрямилась, глядя на что-то за левым плечом Джейми. – Что было, то было, племянник. Я уже говорила – считайте «Горную реку» домом, и от своих слов не отказываюсь. Уверена, мы найдем способ поправить ваши дела.

– Спасибо, тетушка, – пробормотал Джейми. Он уставился в пол, стискивая стакан так, что побелели костяшки.

К счастью, дальше разговор зашел о Дженни и ее семействе в Лаллиброхе, так что Джейми перестал столь сильно смущаться. Где-то готовили обед, и я мельком улавливала дразнящие запахи жареного мяса, которые ветерок приносил через лужайки и клумбы.

Фергус поднялся и, тактично извинившись, вышел, а Иэн принялся шататься ко комнате, то и дело трогая интересующие его предметы. Ролло наскучило сидеть в доме, и пес деловито принюхивался, устроившись на пороге под неприязненными взглядами дворецкого.

Обстановка казалась незамысловатой, но мастерски выполненной и красивой. Все стояло на своих местах, однако дело было не только во вкусе того, кто занимался обустройством. Что таилось за всем этим изяществом, я поняла, когда Иэн вдруг замер около большой картины.

– Тетушка Иокаста! – воскликнул мальчишка. – Это вы нарисовали? Тут ваше имя.

Сперва по ее лицу промелькнула тень, потом хозяйка дома снова улыбнулась.

– Горы? Да, всегда любила на них смотреть. Отправлялась с Гектором, когда ему нужно было в глубь страны, обменивать шкуры. Мы останавливались в горах и разводили огромный костер. Слуги днем и ночью поддерживали огонь – это был знак. Через несколько дней из леса выходили краснокожие дикари. Они все садились вокруг костра, пили виски и торговались... Я тоже часами сидела рядом, с альбомом и углями, рисовала все, что видела вокруг.

Она кивнула на дальний конец комнаты.

– Посмотри в том углу, парень. Найдешь индейца, которого я нарисовала среди деревьев?

Допив виски, Иокаста опустила стакан на стол. Дворецкий шагнул было снова, но она отмахнулась, даже не глядя в его сторону. Улисс поставил графин и незаметно исчез в холле.

– Да, я любила горы, – тихо повторила Иокаста. – Они не такие черные и голые, как в Шотландии, зато на камнях играет солнце, а между деревьями клубится туман... Временами они напоминают мне про Леох.

Она покачала головой и улыбнулась Джейми, правда, как-то слишком старательно.

– Это место уже давным-давно стало моим домом, племянник. Надеюсь, что ты тоже сочтешь его своим.

Джейми закивал, бормоча что-то благодарственное, пока его не прервал Ролло. Пес поднял голову и удивленно гавкнул.

– Чего ты, псина? – Иэн подошел к своему похожему на волка питомцу. – Что-то учуял?

Ролло заскулил, всматриваясь в тень у клумбы. Шерсть на холке встала дыбом. Иокаста повернулась к открытой двери и шумно втянула воздух носом.

– Скунс, – сказала она.

– Скунс?! – Иэн в ужасе на нее уставился. – Они подходят так близко к дому?

Джейми мигом встал и вгляделся в сумерки.

– Не вижу его пока. – Он машинально потянулся к поясу, но кинжала там, конечно же, не было, поэтому Джейми обратился к Иокасте: – В доме есть оружие, тетушка?

Женщина удивленно распахнула рот.

– Да, полно. Но...

– Джейми, – начала я. – Скунсы не...

Прежде чем мы обе успели договорить, на клумбе шевельнулись цветы. Ролло зарычал.

– Ролло! – Оглянувшись, Иэн схватил кочергу и приблизился к двери.

– Иэн, подожди! – Джейми хватил уже занесенную руку племянника. – Смотри.

Он широко усмехнулся, указывая вниз. Из зарослей вдруг вылез совершенно уверенный в себе толстенький скунс, украшенный черно-белыми полосками.

– И это – скунс? – недоверчиво спросил Иэн. – Да этот мелкий вонючка не больше хорька! – Мальчишка сморщил нос. – Тьфу! А я-то

думал там огромная опасная зверюга!

Довольную безмятежность скунса Ролло стерпеть уже не смог. Он рванул вперед и заметался по веранде, рыча и то и дело подскакивая к зверьку. Скунсу это явно пришлось не по душе.

– Иэн, – сказала я, спрятавшись за Джейми. – Позови собаку. Скунсы опасны!

– Правда? – удивленно обернулся Джейми. – Но что...

– Хорьки просто воняют, – пояснила я, – а скунсы... Иэн, стой! Оставь его в покое и зайди в дом!

Иэн из любопытства ткнул зверька кочергой. Скунс, обиженный таким нарушением личного пространства, топнул ногой и задрал хвост.

Я расслышала, как отодвинулось кресло, и увидела Иокасту. Она встала, встревоженная, однако к двери подойти не пыталась.

– В чем дело? Что они делают?

К моему изумлению, смотрела она в глубь комнаты, поворачивая голову туда-сюда, словно кого-то искала в темноте. И тут я все поняла. Зачем Иокаста опиралась на руку дворецкого, касалась лица Джейми, почему дворецкий подал стакан прямо ей в ладонь. Иокаста Кэмерон была слепа.

Вскрик и пронзительный визг заставили меня вновь повернуться к веранде. Комнату медленно окутала волна едкой вони, беспощадная и всепоглощающая, как ядерный гриб.

Задыхаясь, я со слезящимися глазами потянулась к Джейми, который что-то сдавленно бормотал по-гэльски. Среди всей этой какофонии из стонов и жалостливого воя раздался едва слышный «дзынь!» колокольчика.

– Улисс? – смиренно вздохнула Иокаста. – Скажи повару, что отобедаем мы попозже.

– По крайней мере, повезло, что сейчас лето, – сказала Иокаста на следующий день за завтраком. – Только подумайте, зимой нельзя было бы открыть все двери и проветрить! – рассмеялась она, сверкая удивительно хорошими для ее возраста зубами.

– Ага, – уныло согласился Иэн. – Мэм, а можно мне еще гренок?

Его и Ролло сперва заставили хорошенько отмокнуть в реке, а потом растерли помидорами с буйно разросшихся грядок. Сок этого овоща помогал избавиться не только от менее вонючих запахов, но и от следов скунсовой жидкости. Не до конца, конечно, но все же. Поэтому Иэн одиноко сидел за дальним концом длинного стола, рядом с открытой дверью. Я заметила, как служанка, подававшая мальчишке тарелку,

невольно сморщила нос.

Возможно, как раз из-за Иэна и желания подышать свежим воздухом Иокаста предложила прокатиться на лошадях к месту, где рабочие добывают терпентин в лесу над поместьем.

– Дорога туда и обратно займет день, но, думаю, погода не подведет. – Иокаста развернулась к открытому окну, где над золотарниками и флоксами жужжали пчелы. – Слышите? – Она как всегда странновато улыбнулась Джейми. – Пчелы говорят, что будет ясно и жарко.

– У вас острый слух, мадам Иокаста, – вежливо сказал Фергус. – Однако, с вашего позволения, я хотел бы взять лошадку и отправиться в город.

Я знала, что он умирает от желания отправить весточку Марсали на Ямайку. Прошлым вечером я помогла ему написать длинное письмо, в котором он рассказал обо всех наших приключениях. Ждать, пока раб отправит письмо вместе с недельной почтой, Фергус не хотел, а предпочел бы сделать это собственноручно.

– Естественно, мистер Фергус, – милостиво отозвалась Иокаста и улыбнулась всем сидящим за столом. – Как я уже говорила, будьте как дома.

Иокаста собиралась нас сопровождать. Она появилась в холле, одетая в костюм для верховой езды из темно-зеленого муслина. За ней следовала девушка по имени Федра. Она несла шляпку в тон одеянию и бархатную ленту. Иокаста шляпку надела не сразу, а подождала, пока Федра завяжет ей глаза лентой.

– Я вижу только свет, – пояснила Иокаста. – Совсем не различаю очертания. Но солнечный свет причиняет мне боль, поэтому во время прогулок приходится закрывать глаза. Готовы, дорогие мои?

Отчасти я получила ответы на свои мысли касательно ее слепоты, хотя пока и не разобралась во всем полностью. Пигментный ринит? Я продолжала с любопытством гадать, следуя за Иокастой по широкому холлу. Или макулодистрофия? Хотя больше похоже на глаукому... Уже не впервые – и явно не в последний раз – пальцы сами собой сжались на рукоятке невидимого офтальмоскопа.

Каково было мое удивление, когда в конюшне я увидела не экипаж, а лошадь, поседланную для Иокасты. Очаровывать лошадей было у Маккензи в крови. Кобыла подняла голову и заржала, увидев хозяйку. Иокаста тут же подошла к животному, светясь от радости.

– Ну, как дела, милая? – произнесла она, поглаживая мягкий лошадиный нос. – Познакомьтесь с моей дорогой Коринной. Разве не

красавица?

Иокаста достала из кармана зеленое яблочко, которое кобыла с удовольствием приняла.

– А как там твое колено, душа моя? – Наклонившись, Иокаста пробежала ладонью по ее плечу и вниз по ноге, потом бережно нащупала заживающий шрам. – Что скажешь, племянник? Она здорова? Выдержит день в пути?

Джейми цокнул языком, и Коринна послушно шагнула, понимая, что он говорит на ее языке. Осмотрев ногу, Джейми взялся за уздечку, шепнул лошадке что-то по-гэльски и немного прошелся с ней. Потом остановил ее и, вскочив в седло, дважды объехал рысью дворик.

– Да, сможет, – кивнул Джейми наконец, спешившись возле Иокасты. – Живенькая кобылка. А что с ней случилось?

– Змея, сэр, – произнес конюх, молодой чернокожий мужчина, который внимательно наблюдал за Джейми и лошадью.

– Там ведь не укус, – удивилась я. – На порез похоже... будто она на что-то напоролась.

Конюх вскинул брови, но кивнул с уважением.

– Да, мэм, так и есть. В прошлом месяце услышал вдруг, как эта красотка начала ржать как безумная да так лупить копытами, что я уж думал, вся конюшня рухнет мне на голову. Побежал к ней и увидел раздавленную змеюку, огромную и ядовитую. В соломе, под кормушкой. Вот ее-то наша малышка как раз в щепки и разнесла, а сама дрожала в углу. В ноге кусок деревяшки застрял, кровь рекой лилась... – Конюх с гордостью глянул на лошадь. – Ну до чего же ты у нас храбрая, малышка!

– Эта огромная и ядовитая змея была, наверное, в фут длиной, – довольно сухо сообщила мне Иокаста. – Обычный садовый уж. Однако глупое создание до смерти боится змей. Едва завидит, так сразу голову теряет. – Она с улыбкой кивнула на конюха. – Джош тоже их не любит, верно?

Конюх усмехнулся в ответ.

– Верно, мэм, терпеть не могу, прямо как наша красотка.

Иэн, внимательно слушавший беседу, все-таки не смог сдержать любопытство:

– Слушай, откуда ты родом, а? – Он зачарованно уставился на молодого конюха.

Джош вскинул бровь.

– Откуда родом? Я не... А, понял. Родился выше по реке, в доме мистера Джорджа Бернетта. Мисс Ио купила меня два года назад, на Пасху.

– Думаю, сам мистер Бернетт, скорее всего, родился неподалеку от Абердина, – тихонько сказал мне Джейми.

«Горная река» занимала огромную территорию, включая не только земли вдоль берега, но и значительную часть соснового бора, который покрывал треть колонии. К тому же Гектор Кэмерон предусмотрительно приобрел участок с широким ручьем, одним из многих, что впадали в Кейп-Фир.

Таким образом, владельцы плантации не только добывали ценные дерево, смолу и терпентин, но и легко могли доставлять их на рынок. Не удивительно, что плантация процветала, несмотря на достаточно скромные урожаи табака и индиго. Впрочем, мне пахучие табачные поля вовсе не казались скромными.

– Вот там у нас небольшая лесопилка, – объясняла Иокаста по пути. – Как раз у слияния ручья и реки. Там пилят и строгают древесину, а готовые доски и бочки отправляют баржей в Уилмингтон. По воде от дома до мельницы всего ничего, если, правда, грести против течения. – Она с удовольствием вдохнула пропитанный сосновым ароматом воздух. – Давно уже сюда не выбиралась.

Да, места здесь были прекрасные. В сосновом лесу даже стало прохладнее – густые иголки почти не пропускали солнечные лучи. Верхушки деревьев уходили ввысь. Их ветви росли на высоте двадцати-тридцати футов. Не удивительно, что, как оказалось, лесопилка поместья в основном изготавливала мачты и рей для Королевского флота.

Кроме них, «Горная река» вообще еще много что поставляла флоту, судя по рассказам Иокасты: доски, смолу, терпентин, деготь. Джейми держался рядом с тетушкой и внимательно ее слушал. Мы же с Иэном болтались позади. Очевидно, Иокаста много помогала мужу в делах поместья. Интересно, как она теперь справляется в одиночку?..

– Ого! – воскликнул Иэн. – Это что?

Остановившись рядом с лошадьёю мальчишки, я тоже уставилась на дерево, которое он показал. Кто-то вырезал огромный кусок коры, длиной в фута четыре или даже больше, и обнажил желтоватую древесину. На ней виднелись засечки елочкой, как будто этот «кто-то» основательно поработал ножом.

– Мы уже близко, – сказала Иокаста. Джейми заметил, что мы отстали, и они вернулись к нам. – Терпентиновое дерево? Я его чувствую.

Аромат изрезанной древесины и едкий запах смолы были столь сильны, что даже я смогла бы найти его с закрытыми глазами. Теперь, когда

мы остановились, я начала различать звуки вдали – глухие удары, гул голосов. Вдохнув, я уловила еще один запах – в той стороне что-то жгли.

Иокаста подвела Коринну вплотную к дереву.

– Вот. – Женщина коснулась нижней части среза, где в древесине вдобавок зияла дыра. – Мы это называем ящиком; сюда стекает живица. Скоро придет раб, чтобы его опустошить – «ящик» уже почти полон.

Как только она договорила, среди деревьев возник мужчина в набедренной повязке. Он вел за собой крупного белого мула, навьюченного двумя бочонками. Завидев нас, мул замер как вкопанный, задрал голову и истерично заревел.

– О, это Кларенс, – пояснила Иокаста достаточно громко, чтобы мы ее услышали сквозь поднятый шум. – Он любит новых людей. А кто там с ним? Ты, Помпей?

– Дэ, мм, я. – Раб схватил мула за верхнюю губу и с силой дернул. – Зтнись, блдок!

Раб повернулся, и я поняла, почему он так глотает звуки. У него отсутствовала половина нижней челюсти: ниже скулы начинался провал, так что вместо щеки красовался белый шрам.

Наверное, Иокаста услышала мой изумленный вздох – или просто его ожидала – и повернулась в мою сторону.

– Взрыв смолы. Повезло, что Помпей вообще жив... Вперед, мы почти на месте.

Не дожидаясь помощи конюха, Иокаста умелым движением развернула лошадь и направилась туда, откуда доносился запах горелого.

Шумная рабочая площадка кардинально отличалась от тихого, спокойного леса. На огромной поляне, полной людей, кипела жизнь. Большинство были рабами, почти голыми и грязными.

– Есть кто под навесами? – повернулась ко мне Иокаста.

Я приподнялась на стременах. На дальнем краю поляны, под хлипкими навесами, мелькнуло что-то цветное. Я разглядела троих мужчин в форме британского флота и еще одного, в бутылочно-зеленом сюртуке.

– Мой особый друг. – Иокаста улыбнулась, выслушав их описание. – Мистер Фаркуард Кэмпбелл. Пойдем, племянник, хочу вас познакомить.

Вблизи мистер Кэмпбелл оказался человеком лет шестидесяти, среднего роста. Его кожа потемнела и загрубела с возрастом, как бывает у некоторых шотландцев. Отнюдь не обветренная, а скорее загорелая, она напоминала поверхность шита, способного отразить острейший клинок.

Кэмпбелл с радостью приветствовал Иокасту, потом учтиво поклонился мне. Иэна он удостоил вскинутой бровью, а уж затем обратил

все внимание серых глаз на Джейми.

– Рад вашему прибытию, мистер Фрейзер, – сказал он, протягивая руку. – Весьма, весьма рад. Много о вас слышал с тех пор, как узнал о вашем намерении посетить Ривер-Ран.

Как ни странно, Кэмпбелл, похоже, говорил совершенно искренне. Не то чтобы многим людям было неприятно встретиться с Джейми – он умел расположить к себе, – но в пылом приветствии Кэмпбелла звучало едва ли не облегчение. Необычное для такого внешне сдержанного и молчаливого человека.

Джейми, даже если заметил, то виду не подал.

– Весьма польщен, мистер Кэмпбелл, – вежливо улыбнулся он и поклонился офицерам. – Господа, рад встрече.

Хмурый коренастый коротышка-лейтенант по фамилии Вульф и двое энсинов дежурно поклонились мне и Иокасте, а затем, тут же забыв о нас, завели беседу о футах древесины и галлонах терпентина.

Джейми вскинул бровь и едва заметно кивнул на Иокасту, предлагая нам с тетушкой прогуляться, пока мужчины обсуждают дела. Однако Иокаста и не думала двигаться с места.

– Осмотрись пока, дорогая, – попросила она. – Джош тебе все покажет. А я посижу в тенечке, пока джентльмены общаются. Боюсь, сегодня чересчур жарко.

Под навесом обнаружился грубый стол с множеством стульев, где мужчины и устроились. Возможно, тут обедали рабы – пусть кругом вьются мухи, зато воздух свежий. Второй навес служил складом, а третий, обнесенный стенами, наверняка служил для ночлега.

За навесами, ближе к середине поляны, горели три больших костра. На них кипели здоровенные котлы.

– Тут терпентин варят, – объяснил Джош, подводя меня чуть ближе. – Часть в бочки заливают, – он кивнул на загруженную телегу рядом с навесами, – а из остального делают деготь. Господа с флота потом скажут, сколько им надо.

Возле котла на хлипком высоком стульчике восседал мальчишка лет семи-восьми и помешивал кипящее варево. Второй, повыше ростом, снимал верхний слой очищенного терпентина огромным черпаком и выливал в бочку.

Пока я наблюдала, вернулся раб с мулом. На пару с другим рабом он по очереди опустошил бочонки – едкая желтоватая жидкость потоком хлынула в котел.

– Ох, мэм, отойдите-ка. – Джош оттянул меня от костра. – Оно

брызгается да бывает, что вспыхивает от огня, а ожоги вам ни к чему.

Живо вспомнив лицо того раба, я поспешно шагнула назад и оглянулась. Джейми, мистер Кэмпбелл и моряки выпивали и рассматривали что-то в ворохе бумаг, разложенных на столе.

А Иокаста Кэмерон стояла, прислонившись к стене навеса, как раз вне поля зрения мужчин. Она уже не притворялась уставшей, а изо всех сил прислушивалась к разговорам.

Джош заметил мое удивление и тоже повернулся к навесу.

– Мисс Ио ненавидит, что дела приходится решать не ей, – пробормотал он с сожалением. – Хотя сам я не слышал, Федра рассказывала, как хозяйка из себя выходит – ругается, ломает что ни попадя.

– Впечатляющее, должно быть, зрелище, – буркнула я. – Но разве не она все решает?

Мне казалось, что Иокаста, несмотря на слепоту, вполне справлялась и с домом, и с полями, и с людьми.

Теперь удивился уже Джош.

– О, это все чертов флот. Разве хозяйка не сказала, зачем вы сюда приехали?

Прежде чем я успела разобраться в увлекательном вопросе, зачем же Иокасте Кэмерон решать дела с британским флотом, сегодня и вообще, с дальнего конца поляны раздался крик. Я развернулась, и меня тут же чуть не сбили с ног несколько полуголых мужчин, рванувших к навесу.

На том конце поляны возвышался странный холм. Я давно его заметила, но все никак не находила минутки, чтобы спросить Джоша. Этот холм, в отличие от расчищенной поляны покрывала трава. Правда, какими-то клочками – то зеленая, то желтая или пожухлая, коричневая.

Едва меня осенило, что холм попросту покрыт срезанным дерном, он вдруг взлетел на воздух. Звука не было, разве что донесся смутный шум, похожий на чих великана; тем не менее ударная волна, долетев, коснулась моей щеки.

Однако выглядело это все, несомненно, как взрыв: с неба посыпались куски горелой древесины и земли. Кругом стоял крик, а Джейми с собеседниками вылетели из-под навеса, словно стайка перепуганных фазанов.

– Ты в порядке, саксоночка? – взволнованно схватил меня за руку Джейми.

– Да, – в замешательстве отозвалась я. – Что это было?

– Понятия не имею! – Джейми оглянулся. – Где Иэн?

– Не знаю. Ты же не думаешь, что он тут как-то поучаствовал?

Я стряхнула крошки угля с платья – на декольте остались черные полосы – и последовала за Джейми в небольшую толпу рабов, горячо обсуждавших что-то на дикой смеси гэльского, английского и каких-то африканских языков.

Иэна мы обнаружили с одним из энсинов. Они с интересом вглядывались в темнеющую дыру, которая образовалась на месте холма.

– Подобное часто случается, как я понимаю, – говорил моряк, когда мы подошли. – Впрочем, раньше я с таким не сталкивался... взрыв удивительной силы, не так ли?

– Что часто случается? – спросила я, выглядывая из-за спины Иэна.

В яме я рассмотрела почерневшие поленья, которые разметало силой удара.

– Смола взорвалась, – объяснил мне энсин, невысокий и розовощекий, примерно одного возраста с Иэном. – Видите ли, мэм, под огромным котлом смолы разводят костер. Потом закрывают все землей и дерном, чтобы сохранить жар, но оставляют щели для воздуха, иначе огонь потухнет. Смола выкипает и течет по деревянным желобам в бочку... видите? – Он указал на расколотый желоб, который висел над остатками разнесенного вдребезги бочонка. В воздухе стояла вонь горелого дерева и густой смолы, так что я пыталась дышать лишь ртом.

– Сложность в том, как поддерживать необходимый приток воздуха, – продолжил малыш-энсин, явно гордясь знаниями. – Слишком мало – и огонь потухнет. Слишком много – и он так разгорится, что воспламенит пары смолы, и все взорвется. Вот так, мэм. – Он с важным видом указал на ближайшее дерево. Силы удара хватило, чтобы кусок дерна попросту обернулся вокруг ствола, словно мохнатый желтый лишайник.

– Все зависит от правильной регулировки. – Энсин привстал на цыпочки, с любопытством оглядываясь. – А где же раб, который должен следить за огнем? Искренне надеюсь, беднягу не убило.

Я внимательно всматривалась в толпу, ища раненых, однако, кажется, все избежали травм... на этот раз.

– Тетушка! – воскликнул Джейми, вдруг вспомнив об Иокасте.

Он рывком обернулся к навесам, но тут же выдохнул. Иокаста, отчетливо заметная в зеленом платье, неподвижно стояла у стены.

Оцепеневшая от ярости – поняли мы, когда к ней добрались. Об Иокасте все позабыли в суматохе, поэтому она, слепая и беспомощная, не могла и пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы что-то предпринять. Ей оставалось лишь прислушиваться к шуму.

Я тут же вспомнила слова Джоша о характере Иокасты. Впрочем, она была слишком воспитанной, чтобы бушевать и сыпать ругательствами в обществе, как бы она ни злилась. Джош принялся бесконечно извиняться на богатом абердинском диалекте, что его не оказалось рядом. Иокаста нетерпеливо отмахнулась.

– Придержи язык, парень. Ты выполнял приказ. – Она помотала головой из стороны в сторону, будто пыталась увидеть что-то сквозь повязку на глазах. – Фаркуард, где вы?

Мистер Кэмпбелл шагнул ближе и положил ее руку себе на локоть.

– Ущерба мало, дорогая, – успокоил он Иокасту. – Никто не ранен, а лишились мы одного бочонка смолы.

– Хорошо, – слегка расслабилась Иокаста. – Где Бирнс? Я не слышу его голос.

– Надсмотрщик? – Лейтенант Вульф стер пятна сажи с потного лица большим платком. – Я и сам хотел бы знать. Сегодня утром нас никто здесь не встретил. К счастью, вскоре прибыл мистер Кэмпбелл.

Фаркуард Кэмпбелл издал тихий неопределенный звук: мол, совсем он ни при чем.

– Полагаю, Бирнс на лесопилке. Кто-то из рабов упоминал, там что-то стряслось с пилой. Бирнс отправился проверить, не сомневаюсь.

Вульф надулся, будто считал сломанную пилу отнюдь не поводом не встретить его как положено. Судя по сжавшимся в тоненькую линию губам Иокасты, она думала так же.

Джейми кашлянул и вытащил из моих волос травинку.

– Тетушка, я где-то тут видел корзину с обедом. Может, угостите лейтенанта, пока я все улажу?

Он попал в точку. Губы Иокасты разжались, а Вульф заметно повеселел при упоминании еды.

– Твоя правда, племянник. – Иокаста выпрямилась, вернув прежнее самообладание, и кивнула на голос Вульфа. – Лейтенант, не будете ли вы столь любезны присоединиться?

За обедом я выяснила, что лейтенант приезжал на место выработки терпентина раз в три месяца и подписывал некий контракт на поставку флоту определенных запасов. В обязанности лейтенанта входило составлять похожие договоры с владельцами плантаций от Кросс-Крика до границ с Вирджинией, и Вульф не скрывал, которую часть колонии он предпочитает.

– Только в одной области я признаю превосходство шотландцев, –

напыщенно заявил он, отхлебнув уже из третьей кружки виски, – а именно – в производстве спиртного.

Фаркуард Кэмпбелл сделал очередной глоточек и сухо улыбнулся. Иокаста сидела с ним рядом на шаткой скамеечке. Пальцы женщины, чуткие, как сейсмограф, невесомо покоились на его руке.

Вульф безуспешно попытался подавить отрыжку и повернулся ко мне, очевидно, решив каким-то чудом очаровать.

– В остальном, – продолжил он, доверительно наклоняясь, – они одновременно и ленивы, и упрямые. А эти черты делают их неспособными...

Закончить мысль ему не удалось. Младший энсин, красный от смущения, уронил миску с яблоками. Правда, к сожалению, с темы лейтенант все равно не сошел. Он промокнул пот, сочащийся из-под парика, и уставился на меня налитыми кровью глазами.

– Как я понимаю, мэм, вы не шотландка? Голос у вас крайне мелодичный, говорите грамотно, если позволите. У вас ни капли этого варварского произношения, в отличие от ваших спутников.

– А-а... благодарю, – пробормотала я, гадая, какой же дурень отправил лейтенанта в долину Кейп-Фир – возможно, крупнейшее поселение шотландцев в Новом Свете. Становилось понятно, почему Джош так говорил про «чертов флот».

Улыбка Иокасты казалась приклеенной. Мистер Кэмпбелл едва заметно вскинул седую бровь, сохраняя суровый вид. Вероятно, никто не оценит, если я вгоню лейтенанту в сердце нож для фруктов... по крайней мере, пока сей джентльмен не подпишет бумаги. Поэтому я не придумала ничего лучше, чем до краев налить ему виски.

– Потрясающий вкус, верно? Еще капельку, лейтенант?

Виски действительно был отличным, мягким и согревающим. И очень дорогим. Я с одобряющей улыбкой повернулась к младшему энсину. А лейтенант пусть себе надирается.

Разговор не клеился, но инцидентов больше не случилось. Энсины с беспокойством следили за эволюцией состояния пьяницы-лейтенанта, развернувшейся прямо на их глазах. Неудивительно. Им же потом придется усадить его в седло и доставить в Кросс-Крик целым и невредимым. Становилось понятно, зачем их при нем двое.

– Мистер Фрейзер успешно справляется, – пробормотал старший энсин, кое-как пытаясь возобновить беседу. – Да, сэр?

– А? А-а... Несомненно.

Вульфа уже не интересовало ничего, кроме дна кружки, но энсин был

прав. Пока все мы обедали, Джейми на пару с Иэном ухитрился возобновить порядок на поляне, вернуть всех к работе и собрать обломки. Теперь он, стянув камзол, помогал сбросить полусгоревшие поленья обратно в яму. Я ему завидовала. Уж лучше бревна, чем лейтенант Вульф.

– Да, он неплох. – Фаркуард Кэмпбелл окинул поляну беглым взглядом.

Затем он оценил состояние Вульфа и мельком сжал ладонь Иокасты. Не повернув головы, она обратилась к Джошу, который тихонько притаился в углу:

– Мой мальчик, положи-ка вторую бутылку в седельную сумку лейтенанта. Не хочу, чтобы она пропала.

Иокаста очаровательно улыбнулась Вульфу, причем вполне убедительно – глаз-то он видеть не мог.

Мистер Кэмпбелл прокашлялся.

– Раз уж вы скоро отправитесь в путь, сэр, может, уладим все вопросы сейчас?

Вульф смутно удивился, услышав, что скоро куда-то отправится, зато энсины с готовностью взвились на ноги и полезли за бумагами. Один вытащил походный письменный набор и заточил перо. Мистер Кэмпбелл извлек из кармана сложенный лист и развернул на столе, готовый к подписи.

Вульф покачался, хмуро уставившись на лист.

– Вот здесь, сэр, – буркнул старший энсин, вкладывая перо в его обмякшую руку.

Лейтенант схватил кружку и осушил до последней капли. Затем бахнул ею об стол и с отсутствующей улыбкой обвел всех мутным взглядом. Младший энсин зажмурился.

– Ну, почему бы и нет? – бросил Вульф и обмакнул перо в чернильницу.

– Не желаешь ли ты первым делом вымыться и сменить одежду, племянник? – Иокаста осторожно шевельнула носом. – От тебя ужасно несет смолой и углем.

Хорошо, что она его не видела. Руки были черными. Новая рубаха превратилась в грязные лохмотья. Лицо покрывала сажа, словно он трубы чистил. Там, где кожа не почернела, она покраснела. Джейми забыл про шляпу, работая в самый разгар дня, и теперь его переносица напоминала сваренного лобстера.

– Омовение может подождать. Сперва я хочу разобраться в вашем

небольшом представлении. – Джейми уставился на Кэмпбелла. – Меня заманивают в лес понюхать терпентина, а прежде чем я успеваю понять, что к чему, я оказываюсь за столом с британскими моряками, киваю и мотаю головой в ответ на вопросы, в которых ни черта не смыслю. Да еще меня пинают под столом, как дрессированную обезьянку!

Иокаста улыбнулась. Кэмпбелл вздохнул. Несмотря на тяжелый день, на его аккуратном сюртуке не виднелось ни пылинки, а старомодный парик ровнехонько сидел на голове.

– Примите мои извинения, мистер Фрейзер, за то, что такой честный человек, как вы, может посчитать ужасным мошенничеством. Ваш приезд пришелся как нельзя кстати. Однако на обстоятельную беседу времени не оставалось. До вчерашнего вечера я находился в Аверсборо, а когда получил известие о вашем прибытии, ехать сюда уже было поздно, так что ознакомить вас с положением дел я не мог.

– Да ну? Хорошо, теперь у нас времечко есть. Объясняйте сейчас, – произнес Джейми.

Я расслышала, как на последнем слове клацнули его зубы.

– Может, сперва присядешь? – Иокаста грациозно взмахнула рукой. – Объяснения затянутся, а у тебя был тяжелый день, правда?

Из ниоткуда возник Улисс с льняной простыней на руке. Он широким взмахом накрыл кресло и жестом пригласил Джейми присесть.

Джейми прищурился. Он и в самом деле устал за день. На ладонях, среди сажи, виднелись мозоли, пот прочертил дорожки на грязном лице и шее. Джейми медленно опустил на предложенное место и принял серебряный бокал.

Похожий бокал, словно по волшебству, оказался и в моей руке. Я благодарно улыбнулась дворецкому. Конечно, я не таскала бревна, но долгая дорога верхом оставила меня без сил. Я сделала большой глоток. Прохладный сидр пощипывал язык и мгновенно утолял жажду.

Джейми тоже приложился к бокалу и немного успокоился.

– Ну, мистер Кэмпбелл?

– Дело во флоте... – начал он.

Иокаста фыркнула.

– Дело в лейтенанте Вульффе, ты хотел сказать.

– С нашей точки зрения, это одно и то же, Ио, ты сама прекрасно знаешь, – резковато заметил Кэмпбелл и снова повернулся к Джейми.

Основные доходы поместье получало от продажи древесины и терпентина. А самым крупным и ценным покупателем был Королевский военно-морской флот.

– Увы, флот уже не таков, как раньше, – с сожалением покачал головой Кэмпбелл. – Во время войны с Францией им не хватало материалов, и любой владелец лесопилки тут же становился богачом. Однако десять лет царит мир, поэтому корабли попросту гниют... Адмиралтейство не строило новых лет пять. – Невыгодные последствия мирного времени заставили его вздохнуть.

Впрочем, флот все же нуждался в других материалах – в смоле, терпентине и балках. Когда необходимо поддерживать на плаву протекающие корабли, есть спрос на деготь. Тем не менее рынок ужасно просел, и флот теперь мог выбирать, с кем иметь дело. А больше всего там ценили благонадежность – договоры перезаключались каждые три месяца, после проверки, которую проводил старший офицер, в здешнем случае – Вульф. С ним всегда было сложно иметь дело, но Гектор Кэмерон ловко находил подход.

– Гектор с ним пил, – прямо заявила Иокаста. – А уезжал Вульф неизменно с бутылкой и еще кое-чем в седельной сумке.

Смерть Гектора Кэмерона, похоже, серьезно подкосила дела поместья.

– И не только потому, что взятки стало меньше, – произнес Кэмпбелл, покосившись на Иокасту.

Лейтенант Вульф якобы явился выразить соболезнования вдове Кэмерона, весь при параде и в сопровождении энсинов. А потом вернулся на следующий день уже один – с предложением выйти за него замуж.

Джейми подавился сидром.

– Его интересовала не я, – скривилась Иокаста, – а моя земля.

Джейми мудро промолчал, разглядывая тетушку изменившимся взглядом. Узнав предысторию, я подумала, что Иокаста права. Вульф хотел прикарманить доходную плантацию, которая может приносить еще больше за счет договоров с флотом, о чем он позаботится лично. В то же время и сама Иокаста была весьма лакомым призом.

Несмотря на слепоту, она оставалась довольно привлекательной. И ее красота не ограничивалась физической стороной; она обладала такой жизненной силой, что рядом с ней вспыхивал даже такой сухарь, как Фаркуард Кэмпбелл.

– Теперь мне понятнее поведение лейтенанта за обедом, – заметила я с любопытством. – Ад не так страшен, как женщина, которую отвергли, но и мужчинам это не очень по душе.

Иокаста удивленно повернулась. Кажется, она забыла о моем присутствии. А вот Фаркуард Кэмпбелл рассмеялся.

– В самом деле, миссис Фрейзер, не по душе, – заверил он меня. – Мы

хрупкие создания, бедняги. А вы, дамы, играете нашими чувствами.

Иокаста совершенно не по-дамски фыркнула.

– Чувства, как же! У этого мужлана чувства только к бутылке.

Джейми разглядывал мистера Кэмпбелла с неким интересом.

– Раз уж вы заговорили о чувствах, тетушка, – осторожно промолвил он, – то могу я поинтересоваться намерениями вашего особого друга?

Мистер Кэмпбелл уставился на Джейми.

– Дома меня ожидает жена, сэр, – сухо сообщил он, – и восемь детишек. Старший, пожалуй, вашего возраста. Я знал Гектора Кэмерона более тридцати лет и стараюсь поддерживать его жену ради той дружбы... и дружбы с ней.

Иокаста коснулась его руки. Да, она не могла выражать мысли взглядами, зато явно осознавала, какое впечатление произведут опущенные ресницы.

– Фаркуард мне очень помогает, Джейми, – сказала она с едва слышным упреком. – Без него я не смогла бы справиться после смерти бедного Гектора.

– Да-да. – В голосе Джейми послышалась ироничная нотка. – Уверен, мне тоже стоит вас за это благодарить, сэр. Однако меня по-прежнему терзает вопрос... что за роль вы отвели в этой истории мне?

Кэмпбелл тихонько кашлянул и продолжил рассказ.

Иокаста отвергла лейтенанта, а потом изобразила обморок от переживаний и горя. Слуги отнесли ее в спальню, где она заперлась и не выходила, пока лейтенант не покончил с делами в Кросс-Крике и не вернулся в Уилмингтон.

– В тот раз за бумаги отвечал Бирнс – и ох! – он там устроил путаницу, – вставила Иокаста.

– А, мистер Бирнс, невидимой надсмотрщик... Где же он был этим утром?

В комнату вошла служанка с полотенцем и тазом теплой ароматной воды. Девушка молча опустилась на колени возле Джейми и принялась бережно стирать с его ладоней сажу. Джейми несколько удивился такому вниманию, но разговор его увлек больше, и он не стал прогонять служанку.

Кэмпбелл криво усмехнулся.

– Надсмотрщик из Бирнса хороший, вот только боюсь, у них на пару с лейтенантом есть одна слабость. Я первым делом послал за ним на лесопилку, но раб вернулся и доложил, что Бирнс без чувств лежит у себя, от него несет спиртным, и его никак не добудишься.

Иокаста снова не по-дамски фыркнула, и Кэмпбелл с нежностью на нее

посмотрел.

– Ваша тетушка вполне способна управлять делами поместья, а Улисс помогает ей с документацией. Однако, как вы уже убедились, – он сдержанно указал на таз с водой, которая теперь напоминала чернила, – есть и иные стороны.

– Именно это и доказывал мне лейтенант Вульф. – Иокаста сжала губы, вспоминая. – Что я не смогу управлять землями в одиночку, ведь я не просто женщина, а еще и слепая. Я не смогу, говорил он, рассчитывать на Бирнса, ведь я не способна отправиться на лесопилку и проверить, чем он там занимается. Или не занимается. – Иокаста стиснула зубы.

– В его словах есть доля истины, – с сожалением добавил Кэмпбелл. – Как у нас говорят, счастлив тот, у кого есть достаточно взрослый сын, чтобы на него положиться. Когда дело касается денег или рабов, доверять можно лишь близким родственникам.

Я глубоко вздохнула и глянула на кивнувшего Джейми. Наконец мы дошли до главного.

– И тут, – сказала я, – вступает Джейми. Так?

Иокаста уже договорилась, что с лейтенантом будет разбираться Фаркуард Кэмпбелл, причем Бирнса следует отправить подальше, чтобы он опять не напортчил с бумагами. А когда так удачно подвернулись мы, у Иокасты созрел куда лучший план.

– Я отправила весточку Фаркуарду, чтобы он сообщил Вульфу о прибытии моего племянника, который возьмет на себя управление поместьем. Поэтому лейтенант действовал осмотрительнее, – объяснила она. – Он не осмелился бы давить на меня в присутствии заинтересованного родственника.

– Ясно. – Джейми слегка развеселился. – То есть лейтенант решил, что я отбираю у него возможность удобно здесь устроиться. Не удивительно, что он с ходу проникся ко мне антипатией. А я-то думал, он просто ненавидит всех шотландцев.

– Полагаю, так оно и есть... теперь. – Кэмпбелл тщательно промокнул губы платком.

Иокаста потянулась через стол, и Джейми по наитию протянул ей руку.

– Ты меня простишь, Джейми? – Сжав его ладонь, Иокаста как бы заглянула племяннику в лицо. И не скажешь, что слепая – такая мольба застыла в прекрасных синих глазах. – Я ничего о тебе не знала, понимаешь? И не могла рисковать. Вдруг ты отказался бы участвовать в обмане, объясни я заранее? Прошу, скажи, что не держишь на меня зла, Джейми, хотя бы ради памяти о милой Эллен.

Джейми мягко сжал ее пальцы, заверяя, что ничуть не сердится. Что он и в самом деле рад, что пригодился тетушке и та может всегда на него рассчитывать.

Мистер Кэмпбелл, просяяв, позвонил колокольчиком. Улисс внес бутылъ особого виски и поднос с хрустальными бокалами, а также блюдом с острыми закусками. Мы все выпили за посрамление британского флота.

А я все вглядывалась в красивое лицо, выразительное, несмотря на слепоту, вспоминая, как Джейми однажды кратко описал мне свою семью:

«Фрейзеры – упертые и крепкие, как скалы. А Маккензи очаровательные, как жаворонки в поле... и в то же время хитрые, как лисы».

– Ну и где ты был? – поинтересовался Джейми, окинув Фергуса с головы до ног внимательным взглядом. – Не думал, что у тебя были деньги на то, чем ты, кажется, занимался.

Фергус пригладил растрепавшиеся волосы и сел, преисполненный оскорбленного достоинства.

– Встретил в городе парочку французов, торговцев мехами. Они почти не говорят по-английски, а я-то бегло умею, так что не мог не помочь им в делах. Они любезно пригласили меня разделить с ними ужин на постоялом дворе... – Он приподнял плечо, чисто французским жестом показывая, что обсуждать тут больше нечего, и потянулся за пазуху. – Пришло в Кросс-Крик на ваше имя. – Фергус протянул Джейми конверт. – Почтмейстер попросил захватить с собой.

Конверт был толстым, с раскрошившейся сургучной печатью, и выглядел он, в общем, немногим лучше самого Фергуса. Джейми просиял, но открыл конверт с некой опаской. Выпало три письма. В одном я узнала почерк Дженни. Остальные явно написал кто-то другой.

Джейми осторожно взял сестрино, словно оно вот-вот взорвется, и положил его на стол, возле вазы с фруктами.

– Начну-ка я с письма Иэна, – пояснил он с усмешкой. – Вряд ли я пойму, что мне хочет сказать Дженни, без стакана виски под рукой.

Он скovyрнул печать кончиком серебряного ножа для фруктов и просмотрел первый лист.

– Интересно, он... – и Джейми умолк, принявшись за чтение.

Поднявшись, я пристроилась за спинкой кресла и с любопытством заглянула через плечо Джейми. Почерк у Иэна Мюррея был крупный, отчетливый и легко читался даже с расстояния.

Дорогой брат!

У нас все в порядке, и мы благодарим Господа за известие о вашем благополучном прибытии в колонии. Отправляю это письмо Иокасте Кэмерон, а если ты его получишь в ее присутствии, то Дженни просит передать тетушке наилучшие пожелания.

Как ты уже понял по содержимому конверта, моя жена сменила гнев на милость и перестала поминать дьявола, как только речь заходит о тебе. И я больше не слышу упоминаний о кастрации, что должно тебя обрадовать.

Ну, шутки в сторону. Ее сердце наполнилось радостью, как и мое, когда мы узнали, что Иэн в безопасности. Думаю, ты познаешь всю нашу благодарность, когда доставишь его домой, так что не буду утомлять тебя бесконечными повторами, хотя, честно сказать, я мог бы написать на эту тему целый роман.

Мы стараемся следить, чтобы все были сыты. Ячмень сильно побило градом, а в деревне бушует дизентерия. Она в этом месяце унесла жизни двоих детишек, к горю их родителей: Анни Фрейзер и Аластера Кирби, упокой Господь их невинные души.

Из радостных известий скажу о том, что мы получили весточку от Майкла из Парижа. Его винное дело процветает, а сам он подумывает о женитьбе.

Счастлив поделиться с тобой новостью о рождении моего очередного внука, Энтони Брайана Монтгомери Лайла. Воздержусь от дальнейшего рассказа, за меня это в красках сделает Дженни. Она без ума от малыша, как и все мы. Его отец, Пол – муж Мэгги, – солдат, так что Мэгги с Энтони живут у нас в Лаллиброхе. Сейчас Пол во Франции, и мы каждый вечер молимся, чтобы он оставался там, в относительно мирном месте, а не отправился в опасные колонии или дикие дебри Канады.

На этой неделе нас посетил Саймон, лорд Ловат, со спутниками. Он снова ищет желающих пополнить полк горцев под его командованием. Возможно, ты еще услышишь о нем в колониях, где, как я понял, они приобрели некую репутацию. Саймон много рассказывал об их храбрых сражениях с индейцами и грязными французами, и некоторые из его историй, несомненно, правдивы.

Джейми усмехнулся и перевернул страницу.

Своими рассказами он совершенно вскружил головы Генри и Мэттью, впрочем, как и Джозефине.

– Старшая дочь Китти, – пояснил Джейми мне.

Она так вдохновилась, что организовала налет на курятник, из которого она и ее кузены вернулись все по уши в перьях и вдобавок измазанные грязью с грядок, которую они использовали для боевой раскраски.

Так как они все хотели быть дикарями, мне, Джейми-младшему и мужу Китти, Горди, пришлось взять на себя роль отряда горцев, которых забрасывали томагавками (столовыми ложками и черпаками) и еще чем попало. Мы же отважно защищались палашами, то есть рейками и ивовыми прутиками.

Я предотвратил план врага поджечь соломенную крышу голубятни горящими стрелами, но в итоге был приговорен к снятию скальпа. Мне льстит, что я перенес сию процедуру куда лучше, чем курицы.

Письмо продолжалось в том же духе. Много новостей из жизни семьи, еще больше рассказов о делах фермы и отчетов о событиях в крае. Эмиграция, как писал Иэн, стала настоящей эпидемией. Например, практически все жители деревни Шегли вдруг решили уехать.

Джейми дочитал и отложил письмо в сторону. Он улыбался с мечтательной дымкой в глазах, как будто видел перед собой прохладные туманы и камни Лаллиброха, а не жаркие и влажные джунгли, нас окружавшие.

На втором письме я тоже различила почерк Иэна, правда, под синей сургучной печатью стояла пометка «Личное».

– А это что такое? – пробормотал Джейми, разламывая печать.

Приветствия вверху уже не было – очевидно, Иэн просто продолжил предыдущее послание.

А теперь, брат, хочу кое-что тебе сообщить и пишу отдельно, дабы ты смог поделиться основным письмом с Иэном.

В последнем своем письме ты говорил, что посадишь Иэна на корабль в Чарльстоне. Если это уже случилось, то мы, конечно же, будем с радостью ждать его прибытия. Однако если вдруг Иэн еще не покинул вашу компанию, то мы бы хотели, чтобы он и далее там оставался, если, конечно, мальчишка не слишком досаждаст вам с Клэр.

– Не слишком досаждаст, – пробормотал Джейми, слегка раздувая

ноздри, и выглянул в окно.

Иэн и Ролло боролись с двумя юношами-рабами. Хохочущий клубок из конечностей и виляющего хвоста катался туда-сюда по траве.

– Угу.

Джейми вновь повернулся к окну спиной и продолжил читать.

Я упоминал Саймона Фрейзера и причину его появления здесь. Военные сборы тревожат нас уже некоторое время, хотя зачастую до нас дело попросту не доходит – к счастью, живем мы удаленно.

Ловат без труда подговаривает парней идти на службу к Королю. Мол, что их тут ждет? Нищета, нужда и никаких надежд на лучшую жизнь. Так зачем оставаться здесь, когда своих земель у них нет да вдобавок запрещено носить тартан и оружие, как подобает мужчине? Почему бы не ухватиться за возможность вернуть свою честь – пусть даже придется носить тартан и меч под знаменами немецкого узурпатора?

Иногда мне думается, что вот он, весь ужас ситуации: нам не просто предлагают убивать во имя несправедливости, без надежды на исцеление и спасение; наших юношей, нашу надежду и будущее, уводят и убивают ради завоеваний, за крошечную монетку взамен гордости.

Джейми глянул на меня, вскинув бровь.

– А по Иэну и не скажешь, что в душе он такой поэт, да?

Затем текст обрывался. Продолжение, внизу страницы, уже не было таким отчаянным и злым, не было и клякс с царапинами, где перо продирало лист. Почерк Иэна вновь стал аккуратным и чистым.

Должен попросить прощения за излишнюю страсть. Не хотел наговорить столько, но соблазн открыть тебе сердце, как всегда, слишком велик. Я не могу рассказать обо всем Джесси, хотя она, скорее всего, догадывается.

Я становлюсь болтлив... Ладно, к делу. Джейми-младший и Майкл достаточно хорошо устроились. По крайней мере, мы не опасаемся, что их соблазнит солдатская доля. Чего не могу сказать о Иэне. Ты знаешь парня и его любовь к приключениям. Работы здесь для него нет. Он не способен стать ученым мужем, не смыслит в торговле. Как ему жить в мире, где перед ним лежит выбор – нищета или война? А иное вряд ли появится.

Мы хотим, чтобы Иэн остался с тобой, если ты его примешь.

Может, у парня будет больше возможностей в Новом Свете, чем дома. Даже если нет, то хотя бы его матери не придется лицезреть страшную картину, как ее сын в строю уходит сражаться.

Не могу представить лучшего опекуна или лучший пример для него, чем ты. Знаю, что прошу многого. Но все же надеюсь, что и для тебя найдется выгода в данной ситуации, не говоря уже о ни с чем не сравнимым удовольствием от компании Иэна.

— Поэт и любитель поиронизировать, — заметил Джейми, снова взглянув на мальчишек за окном.

Опять пустое место на листе. Ниже, где текст продолжился, заново отточенное перо вывело тщательно подобранные слова.

Брат мой, я откладывал письмо, чтобы отдохнуть и изложить мысли четко и ясно. Честно говоря, я дюжину раз брался за перо, но все сомневался, стоит ли вообще об этом упоминать... Боюсь тебя обидеть, в то время как нуждаюсь в твоём расположении. Однако не могу смолчать.

Я уже упоминал Саймона Фрейзера. Он человек честный, несмотря на грехи отца. Я знал его с тех самых пор, как мы все были мальчишками (порой кажется, это было только вчера, а потом я понимаю, сколько минуло лет). Теперь в нём появилась жесткость, стальной блеск в глубине глаз, чего я никогда не замечал до Каллодена.

И меня снедает тревога — ты осознаешь всю мою любовь к тебе, и лишь это придает мне смелости говорить дальше: я видел подобную сталь и в твоих глазах, брат мой.

Мне слишком хорошо знакомо то, что сковывает сердце мужчины льдом, ожесточает его взгляд. Надеюсь, ты простишь меня за прямоту, однако после Каллодена я много раз ловил себя на мысли, что опасаясь за твою душу.

Я никогда не говорил об этом с Дженни, хотя она тоже заметила. Она женщина и видит в тебе многое, что недоступно моему взору. Думаю, именно этот страх и заставил ее швырнуть Лири в твои объятия. Я верил, что это плохой выбор, но... (здесь несколько строк Иэн намеренно залил чернилами). Тебе повезло с Клэр.

— М-да, — только и сказал Джейми, глянув на меня.

Я стиснула его плечо и наклонилась, чтобы дочитать.

Уже поздно, и я несу чепуху. Саймон... Забота о его людях —

единственное, что сохраняет в нем остатки человечности. У него нет ни жены, ни детей, ни родни, ни очага. Все его наследство – в руках у захватчика, которому он служит. В таком человеке пылает пламя, но в груди его нет сердца. Надеюсь, что мне никогда не придется сказать подобное ни о тебе, ни об Иэне.

Таким образом я вверяю вас друг другу, и пусть Господь – и моя любовь – хранит вас от напастей.

Напиши, как только сможешь. Мы жаждем узнать, как твои дела в столь непривычных местах, где ты нынче обитаешь.

*Твой крепко любящий брат,
Иэн Мюррей*

Джейми аккуратно свернул письмо и спрятал его в складках сюртука.
– М-да, – сказал он.

Глава 11

Закон о пролитой крови

Июль 1767-го

Постепенно я привыкла к ритму жизни поместья. Присутствие рабов меня смущало, и я редко прибегала к их услугам – сама брала и приносила необходимые вещи.

В доме обнаружилась небольшая комнатка, точнее чулан, где висели сушеные травы и хранились лекарства. Правда, маловато – несколько горшков с корнями одуванчика и ивовой коры да открытые мешочки для припарок, припорошенные пылью. Иокаста призналась, что рада моему желанию использовать ту комнатку, ведь сама она не обладала медицинскими талантами, равно как и рабы.

– Есть женщина, которая подает надежды в данной области, – проговорила Иокаста, вытягивая шерстяную нить под тихое шуршание прялки. – Ее привезли из Африки несколько месяцев назад, так что у нее ни соответствующей речи, ни манер. Я думала ее обучить, но раз уж вы здесь... Ох, теперь нить слишком тонкая!

Пока я по несколько часов в день беседовала с Иокастой и пыталась обучиться искусству прядения, Джейми проводил время с Улиссом, который не только служил глазами Иокасты и майордомом, но и, очевидно, занимался всей бумажной волокитой после смерти Гектора Кэмерона.

– И он неплох, – поведал мне Джейми, когда мы остались наедине. – Был бы белым, у тетушки не возникало бы проблем с управлением делами. Ну а так...

– Ну а так ей повезло, что ты теперь здесь, – заметила я, принимаясь за работу.

Джейми целый день провел в Кросс-Крике – занимался неким сложным обменом, включавшим в себя бруски индиго, бревна, три пары мулов, пять тонн риса и сохранную расписку на позолоченные часы, так что сюртук и волосы Джейми пропитались уймой новых запахов.

– Помогаю чем могу, – ответил он, не отрывая взгляда от ботинка, который чистил, и на миг сжал губы. – Все равно больше дел нет, верно?

– Званный ужин! – объявила Иокаста через несколько дней. – Я должна

устроить настоящий праздник и представить вас двоих всему местному народу.

– Не стоит, тетушка, – мягко возразил Джейми, отрываясь от книги. – Думаю, я и так с большинством перезнакомился на прошлой неделе. По крайней мере, с мужской половиной, – добавил он, улыбнувшись мне. – Впрочем, Клэр не помешает встретить местных дам.

– Было бы неплохо познакомиться с кем-нибудь еще, – признала я. – Не то что бы мне не хватало занятий, – заверила я Иокасту, – но...

– Они вас не очень-то интересуют, – улыбнулась та, сглаживая резкость слов. – Вижу, вам не совсем по душе шитье и вязание.

Иокаста вытащила из корзины зеленый клубок шерсти, которому предстояло превратиться в шаль. Каждое утро служанка раскладывала клубки в особом порядке, так что Иокаста могла отсчитать и взять нужный цвет.

– Ага, такое ей точно не по нраву. – Джейми захлопнул книгу. – Клэр больше любит сшивать вспоротую плоть. Думаю, она тут со скуки с ума скоро сойдет, ведь в ее заботы входит разве что разбитую голову осмотреть да геморрой вылечить.

– Ха-ха, – язвительно фыркнула я, хотя он был прав.

Меня, конечно, радовало, что обитатели поместья в целом здоровы и хорошо питаются, но что мне делать как врачу? Я ни в коем случае не желала никому зла, однако не могла отрицать, что действительно начинаю лезть на стенку. Как и Джейми...

– Надеюсь, Марсали в порядке, – сменила я тему.

Наконец убедившись, что некоторое время Джейми сможет обойтись и без его помощи, Фергус отправился в Уилмингтон прошлым днем, а оттуда собирался пересечь на корабль до Ямайки. Если все пройдет хорошо, весной он вернется с Марсали и – если на то будет божья воля – с новорожденным ребенком.

– И я, – сказал Джейми, – говорил Фергусу, что...

Иокаста резко повернула голову к двери.

– Что там, Улисс?

Увлеченная разговором, я не расслышала шаги и в который раз поразилась остроте слуха Иокасты.

– Мистер Фаркуард Кэмпбелл, – тихо ответил дворецкий и отступил к стене.

Наверное, Кэмпбелл и в самом деле был вхож в этот дом, ведь ему не пришлось ждать позволения войти. Он попросту проследовал за дворецким в гостиную, небрежно зажав шляпу под мышкой.

– Ио, миссис Фрейзер, – коротко поклонился он нам. – К вашим услугам, сэр, – кивнул он Джейми.

Мистер Кэмпбелл прибыл верхом, причем явно спешил – полы сюртука покрывал плотный слой дорожной пыли; по лицу из-под криво натянутого парика стекал пот.

– В чем дело, Фаркуард? Что-то стряслось? – Иокаста взволнованно подалась вперед.

– Да, – коротко бросил Кэмпбелл. – Несчастный случай на лесопилке. Я прибыл попросить миссис Фрейзер...

– Конечно! Позвольте только взять инструменты. Улисс, не могли бы вы организовать мне лошадь? – Я взвилась на ноги, ища взглядом сброшенные домашние туфли. Одежда на мне для езды верхом не подходила, но, судя по виду Кэмпбелла, переодеваться было некогда. – Насколько все серьезно?

Он выставил руку, чтобы остановить меня:

– Достаточно. Но вам не нужно ехать, миссис Фрейзер. Если ваш муж захватит с собой лекарств и прочего...

– Конечно, я поеду, – отмахнулась я.

– Нет! – выпалил Кэмпбелл, и мы все на него уставились. Он же нашел глазами Джейми и скривился, сжав губы. – Это зрелище не для дам. Однако я буду крайне благодарен, если вы, мистер Фрейзер, составите мне компанию.

Прежде чем я успела возразить, Иокаста уже вскочила на ноги и сжала руку Кэмпбелла.

– В чем дело? – резко спросила она. – Там кто-то из моих негров? Бирнс что-то натворил?

Иокаста возвышалась над Кэмпбеллом на пару дюймов, так что ему пришлось поднять искаженное напряжением лицо. Кэмпбелл глянул на Улисса, потом снова на Иокасту. Дворецкий тут же вышел, как всегда бесшумно, словно по приказу самой хозяйки.

– Пролилась кровь, Ио, – тихо сказал Кэмпбелл. – Не знаю, что там и как, или даже насколько плохо дело. Ко мне прибежал сын Макнила. В остальном... – Он поколебался и пожал плечами. – Это закон.

– А ты судья! – взорвалась Иокаста. – Бога ради, ты что, не можешь повлиять? – Она дернула головой. Слепые глаза будто уставились на него, пытаясь подчинить своей воле.

– Нет! – воскликнул Кэмпбелл, а потом повторил чуть спокойней: – Нет. – Он оторвал ее пальцы от своего рукава и стиснул их. – Ты же знаешь, что не могу. Если бы я мог...

– То не стал бы, – горько закончила за него Иокаста. Она отстранилась и сжала кулаки. – Ну, иди. Тебя выбрали судьей, так верши свое правосудие.

Она развернулась на пятках и покинула комнату, гневно шурша юбками.

Кэмпбелл проследил за Иокастой, а когда внизу хлопнула дверь, выдохнул с гримасой и повернулся к Джейми.

– Сомневаюсь, что имею право на такую просьбу, мистер Фрейзер, учитывая наше недолгое знакомство. Но я был бы крайне признателен, если вы поприствуете в качестве представителя от лица миссис Кэмерон, раз она...

– В чем дело, мистер Кэмпбелл? – перебил его Джейми.

Тот глянул на меня, желая, чтобы я тоже удалилась. Однако я и не думала шевелиться. Кэмпбелл вновь пожал плечами и протер лицо платком.

– В нашей колонии есть закон, сэр. Он гласит, что если негр нападет на белого человека и прольет кровь, то наказанием за сие преступление будет смерть. – Кэмпбелл неловко помолчал. – К счастью, такое случается редко... – Он сжал губы, потом вздохнул и, еще раз промокнув красные щеки, убрал платок обратно в карман. – Я должен отправляться. Вы со мной, мистер Фрейзер?

Джейми помолчал, всматриваясь в лицо Кэмпбелла.

– Да, – бросил он и подошел к комоду, где в верхнем ящике хранились дуэльные пистолеты Гектора Кэмерона.

– Там опасно? – повернулась я к Кэмерону, завидев, что делает Джейми.

– Не знаю наверняка, миссис Фрейзер. – Кэмпбелл уныло сгорбился. – Дональд Макнил сказал лишь про некую стычку на лесопилке и что пролилась кровь. Он попросил меня сразу же вынести приговор и проследить за казнью, а затем ушел собирать остальных плантаторов, прежде чем я успел выяснить подробности, – пояснил он с печальным видом.

– Казнь?! То есть вы намереваетесь казнить человека неизвестно за что?! – Я настолько разозлилась, что случайно перевернула корзину с вязаньем. Крошечные клубочки разлетелись во все стороны и запрыгали по ковру.

– Известно, миссис Фрейзер! – Кэмпбелл вскинул подбородок, но с видимым усилием все-таки взял себя в руки: – Прошу прощения, мэм. Я понимаю, вы здесь недавно и можете посчитать наши порядки в чем-то непонятными и даже варварскими...

– О да, варварскими, именно! Что же это за закон, если человека...

– Раба...

– Человека! Приговаривают без суда и следствия! Что это за закон такой?!

– Плохой, мэм! – рявкнул Кэмпбелл. – И все же закон, и я обязан проследить за его исполнением. Мистер Фрейзер, вы готовы?

– Готов. – Джейми рассовал по карманам пистолеты и снаряжение к ним, потом выпрямился, оправляя полы сюртука. – Саксоночка, а сходи-ка...

Я рванула к нему ихватила за руку, не дав договорить.

– Джейми, прошу! Не надо, не вмешивайся!

– Тише. – Он сжал мою ладонь. Взгляд синих глаз заставил меня замолчать. – Я уже вмешался, – негромко продолжил Джейми. – Мистер Кэмпбелл прав, я ее родич. Так что мой долг отправиться туда и... хотя бы все увидеть. – Он поколебался, будто хотел сказать что-то еще, но лишь вновь сжал мою руку и отпустил ее.

– Тогда я отправлюсь с тобой, – произнесла я спокойно, однако в моем голосе прозвучала зловещая отстраненность – я чувствовала надвигающуюся беду.

Губы Джейми слегка дрогнули:

– Иного я и не ожидал, саксоночка. Тогда сходи за инструментами, ладно? А я разберусь с лошадьми.

Я не стала задерживаться и выслушивать возражения мистера Кэмпбелла, а попросту рванула в свою кладовку. Туфли застучали по плитам коридора, словно взволнованное сердце.

По пути мы встретили Эндрю Макнила. Он дал своей лошади передохнуть в тени каштана, а сам дожидался нас. Когда мы остановились, Макнил кивнул Кэмпбеллу, хмуро глядя на меня.

– Кэмпбелл, ты ему не сказал, что ли? – Макнил недовольно повернулся к Джейми. – Женщине там не место, мистер Фрейзер.

– Вы же говорили, что пролилась кровь, так? – резко отозвался Джейми. – Моя жена – целительница, она прошла со мной войну и не только. Если я вам нужен, то она отправится со мной.

Макнил сжал губы, но спорить не стал. Он резко развернулся и вскочил в седло.

– Расскажи, что там стряслось. – Кэмпбелл ловко втиснул свою кобылу между Макнилом и Джейми. – Мистер Фрейзер здесь недавно, а твой сын упомянул лишь, что дело касается закона. Подробности я не знаю.

Макнил дернул широкими плечами – сидящая коса, что разделяла его ворот на две части, шевельнулась. А шляпа сидела на голове так ровно, будто он плотничным уровнем все вымерял. Похоже, Макнил был как на словах, так и на вид человеком прямым.

Пока мы рысью добирались до места, он обрывками рассказал короткую и простую историю. Надсмотрщик лесопилки, Бирнс, крупно поскандалил с рабом. А тот, вооруженный для работы широким ножом, попытался снести Бирнсу голову с плеч. В цель он не попал, однако ухитрился лишить надсмотрщика уха.

– Ободрал, как сосенку, – хмыкнул Макнил с мрачным удовольствием. – Оттяпал ухо и кусок кожи со щеки вдобавок. Ну, этот гад и так далеко не красавец, так что ничего, считай, не изменилось.

Я глянула на Джейми – он вскинул бровь. Очевидно, плантаторы не шибко жаловали Бирнса.

Надсмотрщик, визжа, позвал на помощь. Благодаря усилиям двоих заказчиков и их рабов напавшего удалось повязать. Рану перевязали, раба заперли в сарае. А юного Дональда Макнила, который пришел установить новые пилы, а в итоге оказался в гуще событий, отправили с новостями к плантаторам.

– Вы, скорее всего, не знаете, – объяснил Кэмпбелл, повернувшись к Джейми, – но на казнь приводят рабов со всех ближайших плантаций. Чтобы неповадно было. Чтобы не допустить подобных необдуманных действий.

– Ясно, – вежливо сказал Джейми. – Думаю, именно поэтому, после восстания, Король казнил моего деда на Тауэр-Хилле. Тоже очень действенно. С тех пор все мои родственники ведут себя крайне достойно.

Я достаточно долго прожила среди шотландцев, чтобы понять суть этого небольшого укола. Джейми, может, и согласился выполнить просьбу Кэмпбелла, но внук Старого Лиса не пойдет так просто на поводу... и необязательно будет считаться с английскими законами.

Макнил намек понял и тут же побагровел, а вот Кэмпбелл, кажется, развеселился. Он коротко, сухо хохотнул, прежде чем обратиться к Макнилу:

– Знаешь, который раб?

Макнил покачал головой:

– Дональд не сказал. Впрочем, наверняка тот мерзавец Руфус.

Плечи Кэмпбелла поникли – ему стало ясно, о ком речь.

– Ио расстроится, – пробормотал он с сожалением.

– Сама виновата. – Макнил прихлопнул слепня, севшего ему на ногу. –

Вашему Бирнсу свиней нельзя доверять, что там говорить о неграх. Я постоянно ей твердил, как и ты.

– Его нанял Гектор, а не Ио, – мягко возразил Кэмпбелл. – И не могла она его просто так выгнать. Что же ей потом, самой за лесопилкой следить?

В ответ раздалось лишь ворчание, и Макнил поерзал в седле. Джейми скрыл глаза под полой шляпы.

– Что может быть хуже своевольной женщины, – немного громче нужного заговорил Макнил. – Зато им некого винить, когда случится беда.

– А если, – влезла я, повышая голос, чтобы его было слышно сквозь стук копыт, – беда случится по вине мужчины, ему тоже будет некого упрекать?

Джейми коротко хмыкнул. Кэмпбелл расхохотался и ткнул Макнила в ребра хлыстом.

– Подловили тебя, Эндрю!

Макнил не ответил, однако покраснел еще сильнее и втянул голову в плечи. Некоторое время мы ехали в тишине.

Перепалка, конечно, вышла занимательная, но я все равно ужасно нервничала. Живот сводило от ужаса – что же мы там увидим? Да, от Бирнса эти двое явно не в восторге и даже предполагают, что виноват именно он. Только судьбу раба это вряд ли изменит.

«Плохой, но все же закон», – сказал Кэмпбелл. Мои руки тряслись, а кожаный повод скользил в скользких от пота ладонях. Причем отнюдь не из гнева или страха перед подобной жестокостью, а от одной мысли: что предпримет Джейми?

Лицо его оставалось непроницаемым. В седле он держался расслабленно, сжимая повод в левой руке, а правую положил на бедро, где в кармане сюртука бугрился пистолет.

Возможно, он согласился, чтобы поехала и я, потому что не намерен сражаться... однако значит ли это, что он молча допустит казнь?

А если?.. Во рту пересохло, нос и горло забились бурой пылью, которую вздымали копыта лошадей.

«Я уже вмешался». Да, он член клана и семьи, но этот ужас... Горцы стоят насмерть, если, не дай бог, что-то заденет их честь или заставит кровь закипеть в венах; тем не менее окружающие события их в основном не заботили. Века уединенной жизни в горных твердынях научили не вмешиваться в дела посторонних... но горе тем, кто полезет к ним самим!

«Джейми не из диких горцев», – успокоила я себя. Он много путешествовал, получил хорошее образование, стал культурным человеком. И, черт возьми, прекрасно знает, что я думаю обо всем этом. Внутри зрело

ужасное чувство: сегодня мое мнение ничего не изменит.

Хотя день стоял жаркий и безветренный, мои холодные пальцы заоченели, стискивая повод. Нам встретилось несколько групп людей... рабов, которые пешком шли к лесопилке. Они даже не подняли глаз – просто вжались в кусты, давая нам пронестись мимо.

Низкая ветка сбила шляпу Джейми. Он ловко ее поймал и водрузил на место, однако я успела мельком увидеть лицо, напряженное, беспокойное. Я поразилась, поняв, что он сам не знает, что делать. А это испугало меня куда сильнее, чем все остальное.

Мы вдруг попали в сосновый лес – яркая, желто-зеленая листва резко сменилась сумраком и глубокой зеленью, будто с самой поверхности мы нырнули в глубины океана.

Я потянулась назад, к притороченному к седлу деревянному сундучку. Чтобы не думать о грядущем, я мысленно готовилась к единственной роли, которую мне, очевидно, удастся сыграть в приближающейся катастрофе. Раз уж ее не предотвратить, я хотя бы постараюсь залатать нанесенные раны. Сперва дезинфекция и очистка – я захватила бутылочку чистого спирта и смесь сока чеснока и мяты. Потом перевязать рану... да, я взяла льняные бинты... перед этим зашить...

Звук, что до меня донесся, не был похож на звон цикад. Кэмпбелл, ехавший во главе нашего крошечного отряда, резко остановил лошадь и прислушался. Остальные замерли позади.

Голоса, множество голосов гудели низко и гневно, как встревоженный улей. Сквозь них пробились крики и...

Выстрел!

Мы галопом понеслись вниз по склону, лавируя между деревьями, и ворвались на поляну перед лесопилкой. Множество людей – рабов, женщин, детей – в панике метались между кучами досок, как термиты на расколотой ударом топора древесине.

Однако я сразу позабыла о толпе. Мое внимание сосредоточилось на высоком подъемнике и огромном крюке, который служил, чтобы укладывать бревна для распилки.

С крюка свисало пронзенное тело. Чернокожий извивался, как чудовищный червяк. В воздухе витал сладковатый, тяжелый запах крови. Под крюком уже натекла целая лужа.

Моя лошадь остановилась, беспокойная, не зная, куда шагать, – мешала толпа. Крики превратились в стоны и тихое повизгивание женщин. Джейми спешил и зашагал сквозь столпотворение к крюку, Кэмпбелл и Макнил мрачно следовали по пятам. С последнего слетела шляпа, но он не

обратил внимания, и ее тут же затоптали.

Я оцепенела в седле, не в силах шевельнуться. На помосте у подъемника тоже стояли люди: коротышка со странно замотанной в окровавленные бинты головой и еще несколько мужчин, белых и мулатов, вооруженных дубинками и мушкетами. Временами мужчины угрожающе взмахивали оружием, отгоняя толпу.

На самом деле желающих приблизиться не наблюдалось. Напротив, все пытались отодвинуться подальше. На лицах читался ужас, смятение, лишь изредка гнев... или радость.

Фаркуард Кэмпбелл вынырнул из толчеи и взобрался на помост, опираясь на крепкое плечо Макнила. Затем шагнул к вооруженным мужчинам, размахивая руками, и что-то крикнул. Слов я не разобрала, хотя крики и стоны постепенно стихли и воцарилось потрясенное молчание. Джейми схватился за край помоста и, поднявшись сам, протянул руку Макнилу.

– ...неслыханная жестокость! – кричал Кэмпбелл в лицо Бирнсу.

Слова долетали обрывками, их заглушал шепот и бормотание толпы, но я видела, как Кэмпбелл тыкал пальцем в сторону подъемника и его страшной ноши. Раб уже перестал дергаться и висел неподвижно.

Бирнс стоял ко мне спиной; по напряженной фигуре было заметно, что он зол и не намерен повиноваться. Двое его товарищей медленно приблизились, явно собираясь его поддержать.

Джейми на мгновение замер, оценивая ситуацию. Он достал оба пистолета, хладнокровно проверил заряды. А затем шагнул вперед и приставил один к перебинтованной голове Бирнса. Надзиратель окаменел от изумления.

– Сними его, – скомандовал Джейми ближайшему головорезу с дубинкой, достаточно громко, чтобы было слышно и в толпе. – Или я разнесу то, что осталось от головы твоего дружка.

Он поднял второй пистолет и направил мужчине в грудь. А выражение лица Джейми красноречиво донесло его мысль и без дальнейших угроз.

Мужчина неохотно шевельнулся, не сводя прищуренных глаз с пистолета, схватил рукоять катушки и провернул ее. Крюк медленно опустился на натянутом под весом жертвы канате. Зрители разом выдохнули, когда обмякшее тело наконец коснулось земли.

Я кое-как заставила лошадь пройти сквозь толпу и остановилась неподалеку от помоста. Лошадь отпрянула, мотая головой и всхрапывая – ее пугал сильный запах крови, – однако была слишком хорошо обучена и на дыбы, к счастью, не взвилась. Я спешила, приказав кому-то из стоявших

поблизости мужчин принести мой медицинский сундучок.

Помост странно покачивался под ногами, словно земля после долгого путешествия по морю. Раб лежал в нескольких шагах, и когда я к нему добралась, мой ум прояснился. Я наконец начала действовать хладнокровно и четко, как подобает хирургу. Плевать на жаркий спор позади и на людей вокруг.

Раб еще дышал, однако поверхностно, прерывисто. Крюк пробил живот и, пройдя сквозь нижние ребра, вышел из спины на уровне почек. Кожа мужчины приобрела синевато-серый оттенок, губы побелели.

– Тише, – мягко сказала я, хотя раб не издавал никаких звуков. Разве что доносилось свистящее дыхание.

В глазах ничего не отражалось. Зрачки расширились, и радужка утонула в их черноте. Кровь не шла ртом – значит, легкие целы. Дыхание было слабым, но ритмичным – значит, диафрагма тоже цела. Я бережно касалась раба руками, стараясь мысленно проследить движение крюка. Из обеих ран сочилась кровь, темная на фоне сильных мышц спины и живота и ярко-алая на гладкой стали крюка. Сочилась, не била струей – значит, каким-то чудом брюшная аорта и почечная артерия не задеты.

Краем уха я все же слышала ожесточенный спор и отстраненно отметила, что приятели Бирнса – это его коллеги-надсмотрщики с двух соседних плантаций. Как раз на них сейчас наседали Фаркуард Кэмпбелл.

– ...вопиющее неуважение закона! Вы ответите перед судом, джентльмены, будьте уверены, ответите!

– Да какое вам дело? – мрачно буркнул кто-то. – Кровь есть? Есть. Да еще и увечье! Бирнс имел право!

– А это не вам решать, – низко прорычал Макнил. – Вы отребье, не лучше, чем...

– Да как ты смеешь, старик, совать свой длинный шотландский нос туда, куда тебя не просят, а?!

– Что тебе нужно, саксоночка?

Я даже не расслышала, как он оказался возле меня. Джейми присел на корточки рядом с открытым сундучком, не опуская пистолета и не сводя глаз со спорщиков.

– Не знаю.

Сзади по-прежнему доносились гневные возгласы, слившиеся в непонятный поток слов. Реальность сузилась до пациента в моих руках.

Я медленно осознавала, что рана, несмотря на весь ужас, не смертельна. После краткого осмотра я смогла предположить, что изгиб крюка прошел выше печени. Скорее всего, основательно задета правая

почка, и вдобавок острое зацепило тонкую кишку или желчный пузырь. Однако это не убьет раба мгновенно.

А вот умереть от болевого шока он мог. На скользком от крови животе бился пульс, как раз над пробившей плоть сталью. Быстрый, но ровный, как барабанная дробь. Я чувствовала его кончиками пальцев. Раб потерял очень много крови – ее тошнотворный запах заглушал вонь пота и страха – и все же мог выжить.

Меня вдруг поразила мысль – я смогу его спасти!.. Вслед за этой мыслью последовал ворох других. Столько всего может пойти не так: например, раб истечет кровью, когда я извлеку крюк. А еще внутреннее кровотечение, отсроченный шок, разорванный кишечник, перитонит...

Во время битвы при Престонпанс я видела мужчину, пронзенного мечом. Та рана очень напоминала эту. На нее попросту наложили повязку, и мужчина каким-то чудом поправился.

– Нельзя допускать беззаконие! – разорвался Кэмпбелл, заглушая остальных. – Неважно, какие там у вас причины. Всех вас возьмут под стражу, не сомневайтесь!

Никто не обращал внимания на истинный предмет спора. Прошло несколько секунд... Пора действовать. Я коснулась руки Джейми, отвлекая его от спора.

– Если я спасу раба, его не казнят? – спросила я едва слышно.

Джейми быстро окинул взглядом спорщиков, оценивая возможность такого исхода.

– Нет, – мягко отозвался он и посмотрел на меня потемневшими от осознания глазами.

Он слегка расправил плечи и положил пистолет на бедро. Мне не помочь ему с выбором, как и ему не помочь мне... но он защитит меня, что бы я ни сделала.

– Верхний ряд, третья слева, – кивнула я на крышку сундучка, где покоились три ряда крепко закупоренных бутылочек с разнообразными лекарствами.

В двух был чистый спирт, в еще одной – бренди. Я щедро всыпала коричневатый порошок из корня в бренди и резко встряхнула. А потом поднесла горлышко к губам раба.

Его глаза остекленели. Я зачем-то пыталась в них смотреть, чтобы он меня увидел. Зачем?.. Я не знала. Даже когда наклонилась и позвала его по имени. Спрашивать, чего он хочет, было бессмысленно, я все решила за него.

Он глотнул. Раз. Другой. Побелевшие губы дернулись. Капля бренди

стекла по коже. Еще вынужденный глоток, и шея расслабилась, голова потяжелела, оттянула мне руку.

Я закрыла глаза, прощупывая пульс за ухом. По телу раба пробежала дрожь.

Перед моим мысленным взором возникла страница учебника:

«Онемение. Покалывание. Зуд, как от укусов насекомых. Тошнота, боли в эпигастрии. Затрудненное дыхание, кожа холодная и липкая, бледное лицо. Пульс слабый и неровный, сознание остается ясным».

Все симптомы. Особенно боль в эпигастрии...

Одна пятнадцатая грана убьет воробья в считанные секунды. Одна десятая – кролика, за пять минут. Говорят, именно аконитом Медея хотела отравить Тесея.

Я старалась ничего не слышать, не чувствовать, не знать; остался лишь рванный ритм под пальцами. Надо отбросить от себя голоса, гомон, жару и пыль, запах крови. Забыть, где я и что делаю.

Оставить сознание ясным.

Ох, боже. У меня получилось.

Глава 12

Возвращение Джона Куинси Майерса

Несмотря на глубокое потрясение из-за событий на лесопилке, Иокаста по-прежнему намеревалась дать званый ужин.

– Отвлечемся от грусти, – твердо заявила она и пощупала рукав моего муслинового платья. – Прикажу Федре сделать вам новый наряд. Девочка неплохо шьет.

Вряд ли празднество и новое убранство смогли бы меня развлечь, но я уловила предупреждающий взгляд Джейми и сцепила зубы.

Впрочем, времени у нас было мало, так что Иокаста решила попросту переделать свое старое платье.

– Как оно смотрится, Федра? – Иокаста нахмурилась, словно усилием воли могла вызвать в сознании мой образ. – Пойдет?

– Да, хорошо, – пробормотала служанка с булавками в зубах.

Она быстро воткнула три булавки в ткань, покосилась на меня, а потом сделала складку на талии и приколола ее еще двумя.

– Замечательно, – добавила Федра уже внятно. – Леди пониже ростом, чем вы, мисс Ио, и чуть тоньше в талии. А в груди побольше, – шепнула мне она с усмешкой.

– Да знаю, – с раздражением бросила Иокаста, расслышав служанку. – Разрежь корсет, сделаем вставку из валансьенского кружева на зеленом шелке... возьми лоскут старого халата моего мужа, цвет как раз подойдет. – Иокаста коснулась рукава с красивыми зелеными полосками. – И сделай вдоль разреза кайму из того же шелка – это оттенит грудь.

Длинные бледные пальцы прошлись по нужной линии, почти рассеянно зацепив кожу. Прикосновение вышло равнодушным, едва заметным, но я чуть не отшатнулась.

– У вас потрясающая память на цвета, – удивилась я, немного нервничая.

– О, я отлично помню это платье. – Иокаста снова коснулась пышного рукава. – Один джентльмен как-то сказал, что в нем я напомнила ему Персефону, олицетворение весны. – Слабая улыбка на миг озарила ее лицо. – Какой у вас цвет волос, дорогая? Как-то я позабыла спросить. На слух вы мне кажетесь светловолосой, но я понятия не имею, насколько мое представление соответствует действительности. Умоляю, только не говорите, что у вас черные волосы и желтоватый цвет лица, – улыбнулась

она. Шутка почему-то прозвучала как приказ.

– Скорее каштановые, – ответила я, машинально их коснувшись. – Правда, они немного потускнели, да и седые пряди могут встречаться.

Иокаста нахмурилась, видимо, размышляя. Прийти к выводу самостоятельно ей не удалось, поэтому она развернулась к служанке:

– Федра, как она выглядит?

Та сделала шаг назад и прищурилась. Я вдруг осознала, что Федра, как и остальная прислуга, привыкла подробно все описывать хозяйке. Темные глаза быстро меня изучили, задержавшись лишь на лице.

– Хорошо, мисс Ио, – заговорила Федра, вытащив очередные две булавки из рта. – Хорошо, – повторила она. – Белая как молоко кожа. Отлично сочетается с ярко-зеленым.

– Хм. А нижняя юбка цвета слоновой кости. Если кожа такая светлая, не будет ли она смотреться чересчур болезненно-бледной?

Мне очень не нравилось, что меня обсуждают как некий предмет искусства, причем, вполне возможно, подпорченный, однако я молча проглотила все возражения.

– Нет, мэм, что вы, – покачала головой Федра. – Она ни капли не бледная. Скулы высокие, карие глаза... Помните, у вас книжка есть, там картинки со странными животными?

– Если ты говоришь о «Записках об исследовании Индийского субконтинента», то да, помню. Улисс как раз читал мне ее в прошлом месяце. Миссис Фрейзер напоминает тебе одну из иллюстраций? – рассмеялась Иокаста.

– Ага. – Федра не сводила с меня глаз. – Она как большая кошка. Как тигр на картинке, который из кустов выглядывает.

На лице Иокасты мелькнуло изумление.

– Вот как, – снова засмеялась она, но больше меня не трогала.

Я стояла в холле первого этажа, разглаживая зеленый шелк на груди. Федра действительно хорошо шила. Платье сидело идеально, широкие ленты изумрудного атласа ярко выделялись на фоне более светлых тонов.

Иокаста гордилась своей пышной гривой, поэтому париков не носила и, к счастью, не предлагала их мне. Федра же попыталась припудрить мои волосы рисовой мукой, но я наотрез отказалась. Служанка, с трудом скрывая, что считает меня абсолютно не сведущей в модных течениях, успокоилась, лишь когда стянула каштановую волну белой шелковой лентой и заколола повыше на затылке.

Хотя Федра хотела обвешать меня драгоценностями, я почему-то не

позволила. Может, потому, что не люблю излишества. Или потому, что из меня намеревались сделать некую вещь, которой все должны восхищаться, и это зачем-то нужно Йокасте. В любом случае, я не надела никаких украшений, за исключением обручального кольца, маленьких жемчужных сережек и зеленой бархатной ленты на шею.

По лестнице спустился безупречно одетый Улисс. Я шевельнулась, и он повернул голову, заметив мелькнувшие юбки. Глаза дворецкого слегка расширились от восхищения. Я, слегка улыбаясь, опустила взгляд, но тут же вскинула его, услышав, как Улисс судорожно вздохнул. Теперь в его глазах читался испуг, а рука так сильно сжала перила, что костяшки побелели.

– Простите, мэм, – сбивчиво пробормотал он и бросился мимо меня к кухонной двери, низко склонив голову.

– Что, черт возьми... – начала было я и тут вспомнила, где и в каком времени я нахожусь.

Улисс слишком долго прожил со слепой хозяйкой и без хозяина. Он стал беспечен и на мгновение позабыл про основное правило, которое помогало рабу хоть как-то защититься: лицо не должно ничего выражать, никаких мыслей, никаких чувств.

Не удивительно, что он впал в ужас, когда понял, что натворил. Была бы на моем месте любая другая... Руки похолодели и стали влажными от пота. Я сглотнула, как наяву ощутив резкий запах крови и терпентина.

Впрочем, здесь только я, и никого больше нет, никто не видел. Дворецкий испугался, но ему ничего не грозит. Я просто сделаю вид, что ничего не произошло, – ведь так и есть, – и все будет... ну, все будет идти своим чередом.

Мои думы прервал звук шагов, донесшийся с верхней галереи. Я подняла взгляд и охнула.

Горец в полном национальном одеянии – зрелище впечатляющее. Причем неважно, насколько сам горец стар или некрасив. А от вида высокого, стройного и однозначно красивого горца в самом расцвете сил просто дух захватывало.

Джейми не надевал килт с битвы при Каллодене.

– Ох, – только и сказала я.

Заметив меня, он сверкнул белозубой улыбкой и шаркнул ногой. На туфле блеснули серебряные пряжки. Джейми провернулся вокруг своей оси, заставив плед взлететь, а потом медленно сошел по ступенькам, не отрывая от меня взгляда.

На миг я увидела его таким, каким он был в утро нашей свадьбы.

Почти те же цвета тартана – черные с алым, плед перехвачен на плече серебряной фибулой и спускается к затянутым в чулки стройным икрам.

Рубашка на Джейми теперь была куда лучшего качества, как и камзол. Рукоять кинжала на поясе украшали золотые ободки. Настоящий *duine uasal*, почтенный человек.

А нахальное выражение лица оставалось тем же. Разве что само лицо постарело, зато теперь оно отражало мудрость. Наклон рыжеволосой головы, изгиб широкого рта, слегка раскосые кошачьи глаза... все было прежним.

– К вашим услугам, мэ, – расплылся в улыбке Джейми.

– Ты прекрасен! – воскликнула я, с трудом сглатывая вставший в горле ком.

– Ага, неплохо, – без тени притворной скромности согласился Джейми. Он бережно поправил складку на плече. – Конечно, у пледа есть свои преимущества – он всегда ляжет как надо.

– Это килт Гектора Кэмерона?

Я почему-то застеснялась и не смогла коснуться самого Джейми, поэтому дотронулась до рукояти кинжала с небольшим утолщением в форме летящей птицы.

Джейми глубоко вздохнул.

– Теперь он мой. Улисс мне его принес... Подарок от тетушки.

В голосе прозвучала странная нотка. Джейми искренне радовался возможности вновь надеть килт, однако что-то его тревожило.

– Что-то не так?

Он слабо улыбнулся, продолжая хмуриться.

– Не совсем. Просто...

С лестницы донеслись шаги, и Джейми замолчал и отвел меня в сторону, пропуская раба, спешащего куда-то с кипой белья. Дом гудел от последних приготовлений. Скрипели колеса, витали аппетитные запахи – слуги сбивались с ног, снуя между кухней и гостиной.

– Здесь нельзя говорить, – пробормотал Джейми. – Саксоночка, будь наготове во время ужина. Я подам знак... – он дернул себя за мочку, – ...отвлечешь всех как-нибудь? Неважно как. Пролитое вино, обморок, да хоть ткни соседа вилкой...

У меня отлегло от сердца. Он шутит, значит, это не вопрос жизни и смерти.

– Легко, – кивнула я. – Только...

На верхней галерее распахнулась дверь, и донесся голос Июкасты. Она отдавала последние приказы Федре. Джейми быстро поцеловал меня, а

потом ловко пронесся между двумя рабами, которые несли подносы с хрустальными кубками. Я изумленно уставилась ему вслед, едва успев убраться с дороги рабов.

– Это вы, милая Клэр? – Иокаста замерла на последней ступеньке. Ее невидящий взгляд смотрел куда-то поверх моего плеча. Все-таки было в ней нечто жуткое, пугающее.

– Да. – Я коснулась ее руки.

– Уловила запах камфоры от платья, – ответила Иокаста на мой немой вопрос и взяла меня под локоть. – А еще я, кажется, слышала голос Джейми. Он здесь?

– Нет, – честно ответила я. – Наверное, ушел приветствовать гостей.

– Хм. – Чужая ладонь сильнее обхватила мою руку. Иокаста вздохнула, то ли довольная, то ли нетерпеливая. – Я не из тех, кто оплакивает потерянное навсегда, но клянусь, что отдала бы глаз, если бы второй смог сегодня хоть на мгновение увидеть Джейми в килте!

Она покачала головой, и бриллиантовые серьги вспыхнули на свету. Иокаста надела темно-синее шелковое платье, оттеняющее сияющие седые пряди. Вышитые на ткани стрекозы при каждом шаге словно метались туда-сюда по складкам в свете множества свечей.

– Ах, ладно. Где Улисс?

– Здесь, мэм.

Дворецкий так тихо вернулся, что я не услышала, как он возник рядом с хозяйкой.

– Тогда вперед, – взялась она за его руку.

Я не знала, к кому именно она обратилась, но послушно проследовала за Иокастой, увернувшись от двух поварят, которые тянули основное блюдо – кабана, зажаренного целиком. Нетронутая голова с бивнями яростно таранилась в никуда, а мясистая туша блестела от жира и так и просила, чтобы в нее вонзили нож. Пахло блюдо просто божественно.

Пригладив волосы, я приготовилась встретить гостей Иокасты – не в силах избавиться от стойкого ощущения, что меня тоже подадут на серебряном подносе и с яблоком во рту.

Список гостей можно было читать как книгу «Кто есть кто в долине Кейп-Фир», если бы такая существовала. Кэмпбеллы, Максвеллы, Бьюкенены, Макнилы, Макичерны... фамилии и горной Шотландии, и ее островов. Названия многих плантаций – та же «Горная река» или «Ягодная поляна» – несли в себе оттенок родных мест их владельцев, да и сами владельцы говорили так, что в их происхождении не ошибешься. От

высоких лепных потолков отражалась звонкая гэльская речь.

Несколько мужчин появились в килтах или хотя бы пледах, накинутых поверх камзола и шелковых бриджей. Однако никто не мог сравниться с Джейми, чье отсутствие, правда, уже начинало привлекать внимание. Иокаста что-то пробормотала, и Улисс хлопком ладоней подозвал маленькую служаночку, а затем отправил девчушку в полутемные сады, скорее всего, на поиски Джейми.

Точно так же привлекали внимание и немногочисленные не шотландские гости: широкоплечий улыбчивый квакер с необычным именем Герман Хазбенд, костлявый джентльмен по фамилии Хантер и – к моему изумлению – Филип Уайли, как всегда безукоризненно одетый и напудренный.

– Неужели мы встретились вновь, миссис Фрейзер, – заметил он, удерживая мои пальцы в своих куда дольше, чем того требовали приличия. – Признаюсь, я очарован.

– Что вы здесь делаете? – чересчур грубо поинтересовалась я.

Уайли дерзко усмехнулся.

– Меня привез мой гостеприимный друг, знатный и могущественный мистер Макнил из «Ягодной поляны», у которого я недавно купил отличную двойку серых лошадей. Однако никакие лошади не смогли удержать меня от визита сюда, стоило мне слышать, что прием устраивают в вашу честь.

Его взгляд не спеша скользил по мне. Уайли оценивал меня, как знаток – редкое произведение искусства.

– Могу ли я заметить, мэм, как вам исключительно к лицу этот оттенок зеленого?

– Не думаю, что вас что-то остановит.

– Не говоря уже об игре света на вашей коже. Шея твоя – как столп из слоновой кости, – процитировал Уайли строку из Библии, вкрадчиво поглаживая большим пальцем мою руку. – Глаза твои – озера Есевонские.

– Нос твой – башня Ливонская, обращенная к Дамаску, – парировала я, подчеркнуто глядя на его аристократический длинный нос.

Уайли расхохотался, но по-прежнему меня не отпускал. Я мельком заметила Иокасту. Она стояла неподалеку и, казалось, была увлечена беседой с новоприбывшим гостем. Однако я уже знала, насколько острый у нее слух.

– Сколько вам лет? – сощурилась я, пытаюсь незаметно выдрать свою ладонь из его хватки.

– Двадцать пять, мэм, – удивленно ответил Уайли. Он ткнул пальцем

свободной руки в мушку в форме звездочки. – Неужели я так неприлично изможден?

– Нет. Я лишь хотела убедиться, что скажу правду, если сообщу, что гожусь вам в матери!

Похоже, новость его ни капли не поразила. Напротив, он пылко прижал мою руку к губам.

– Я очарован... Позвольте ли называть вас матушкой?

Позади Иокасты стоял Улисс. Он не сводил внимательных темных глаз с гостей, прибывающих по освещенной дорожке, и временами что-то шептал хозяйке на ухо. Я с силой вырвала свою ладонь у Уайли и похлопала дворецкого по плечу.

– Улисс, – позвала я, обворожительно улыбаясь Уайли, – будьте любезны, проследите, чтобы мистера Уайли посадили за стол рядом со мной.

– Да, мэм, конечно, – заверил дворецкий и тут же вернулся к наблюдению.

Мистер Уайли вычурно поклонился, выражая безмерную благодарность, и позволил слуге увести себя в дом. Я вежливо помахала ему вслед, тешась мыслью, что уж в него-то я вгоню вилку как следует, когда придет время.

Не знаю, почему – благодаря удаче или чьему-то замыслу, – за столом я оказалась между мистером Уайли и квакером, мистером Хазбендом. Мистер Хантер – третий, кто не знал гэльского, – сидел напротив меня. Вместе мы образовали крошечный английский островок в бурлящем море шотландцев.

Джейми явился в последний момент и теперь восседал во главе стола. Иокаста заняла место по его правую руку. В который раз я задавала себе один и тот же вопрос: «Что за чертовщина тут творится?» Чистая вилка лежала наготове у тарелки, а я внимательно следила за Джейми. Но до третьего блюда мы добрались без приключений.

– Удивлен, что вижу человека ваших убеждений на подобном мероприятии, мистер Хазбенд. Подобная фривольность вас не оскорбляет?

Так и не сумев привлечь мое внимание, Уайли решил прибегнуть к иной тактике. Теперь он обращался к квакеру, наклоняясь так, что наши бедра постоянно соприкасались.

Герман Хазбенд улыбнулся.

– Даже квакеры вынуждены питаться, дружище Уайли. И я уже много раз имел честь насладиться гостеприимностью миссис Кэмерон. Не думаю,

что должен был отказать, если приглашение распространяется и на других. – Он вновь обратился ко мне, возобновляя прерванную беседу: – Вы желаете знать о регуляторах, миссис Фрейзер? – Квакер кивнул на моего визави. – Советую обратиться к мистеру Хантеру. Если у регуляторов и есть предводители, то вы смотрите прямо на него.

Мистер Хантер слегка поклонился. Высокий джентльмен со впалыми щеками был одет куда скромнее большинства гостей, хотя квакером не являлся. Они с мистером Хазбендом путешествовали вместе – добирались из Уилмингтона домой, в глубь страны. Памятуя о предложении губернатора Триона, я хотела побольше разузнать о тех местах.

– Мы – не что иное, как свободное объединение, – сдержанно произнес Хантер и поставил бокал вина на стол. – По правде говоря, у меня не должно быть никаких званий. Мне просто-напросто повезло, что моя ферма стала весьма удобным местом для встреч.

– Поговаривают, что регуляторы – всего лишь кучка отбросов. – Уайли осторожно промокнул губы, стараясь не смахнуть мушку. – Непокорные и склонные к насилию против законных представителей Короны.

– Уверяю, мы не такие, – по-прежнему мягко отозвался мистер Хазбенд. Меня очень удивило, что он, очевидно, тоже принадлежал к этому объединению. Наверное, регуляторы и правда далеко не такие жестокие, какими их рисует Уайли. – Мы стремимся к правосудию, а его не добиться путем насилия. Ведь там, где оно вступает в дело, правосудию нет места.

Уайли рассмеялся неожиданно глубоко и по-мужски, несмотря на все пижонство.

– Да уж, правосудию нет места! Именно такое впечатление на меня произвел разговор с судьей Доджсоном на прошлой неделе. Или, может, судья просто не понял, что за бандиты вломились в дом, а его самого за ноги выволокли на улицу?

Он очаровательно улыбнулся Хантеру, чье побитое ветром лицо покраснело. Хантер стиснул бокал. Я с надеждой глянула на Джейми. Знака не было.

– Судья Доджсон, – отчетливо произнес Хантер, – лихоимец и вор. Он позорит законников...

До меня уже некоторое время доносился шум снаружи; я думала, что-то случилось на кухне, которую от дома отделял переход. Теперь же шум стал отчетливей, и донесся знакомый голос. Он и отвлек меня от обличительной речи мистера Хантера.

– Дункан!

Я подскочила, и сидящие рядом гости вопросительно повернулись в

мою сторону. На веранде опять кто-то суматошно двинулся – мимо открытых окон пронесли тени, зазвучали громкие голоса.

Разговоры стихли. Все гости стремились узнать, что творится снаружи. Джейми отодвинул стул, но подняться не успел – в дверях возникло нечто.

Это был Джон Куинси Майерс, человек-гора, во все том же великолепном наряде. Он заполнил собой весь дверной проем, и в высоту, и в ширину. Тяжело прислонившись к косяку, Майерс уставился на присутствующих воспаленными глазами. Он покраснелся и шумно дышал, сжимая в руке длинную бутылку. Наконец полубезумный взгляд остановился на мне, и лицо Майерса исказила довольная гримаса.

– Вот вы где! – радостно гроыхнул он. – Говорил же! А Дункан не верил! Сказал же, ага, миссис Клэр приказала надраться, а потом она будет резать. Вот я и надра... – Он опасно покачнулся и вскинул бутылку. – Как скусов брат! – торжественно закончил он, а потом сделал шаг и рухнул лицом в пол.

В дверях тут же возник Дункан. Выглядел он немногим лучше. Рубаха висела ключьями, сюртук сполз с плеча, а под глазом наливался синяк. Дункан уставился на бесчувственное тело у своих ног и виновато посмотрел на Джейми.

– Я пытался его остановить, Макдью.

Выбравшись из-за стола, я добралась к Майерсу одновременно с Джейми. Он вскинул брови, глянув на меня.

– Ну, ты же говорила, что он должен быть без сознания, – заметил он. Нагнувшись к человеку-горе, Джейми приподнял его веко. – Я бы сказал, что он и сам хорошо справился с задачей.

– Я не говорила, что нужно вусмерть упиться! – Я присела на корточки и осторожно приложила пальцы к сонной артерии. – Из спиртного никудышный анестетик, – покачала я головой. – Это яд, и он угнетает нервную систему. Шок от операции помножится на алкогольное отравление, и мистер Майерс не жилец.

– Невелика потеря, – раздалось в толпе, однако любопытные гости дружно зашикали на говорившего.

– Какая жалость, столько бренди перевели, – произнес кто-то другой, и теперь все рассмеялись. Это оказался Филип Уайли. Его напудренное лицо с лукавой улыбочкой выглянуло из-за плеча Джейми. – Мы столь насыщены о ваших талантах, миссис Фрейзер. Теперь у вас есть возможность проявить себя – при свидетелях! – Он грациозно обвел зрителей рукой.

– Ох, да пошел вон! – зло отозвалась я.

– О-о, только послушайте ее! – буркнул кто-то за моей спиной отнюдь не без восхищения.

Уайли пораженно моргнул, но усмехнулся еще шире.

– Ваше желание для меня закон, мэ, – пробормотал он и с поклоном скрылся в толпе.

Я встала на ноги. Меня обуревали сомнения. Да, сработать может... Операция простая, займет не больше нескольких минут... если не возникнет осложнений. Небольшой надрез, хотя придется войти в брюшную полость, и есть риск занести инфекцию...

Правда, вряд ли мне подвернутся лучшие условия для операции – тут-то под рукой полно спиртного, да и желающих ассистировать – навалом. Другой анестезии нет, а резать человека в сознании я ни за что не осмелилась бы. Да и вообще, Майерс сам просил.

Я нашла взглядом лицо Джейми в поисках подсказки. Ну, получай свое отвлечение, черт возьми.

– Лучше сделай это, саксоночка. – Джейми уставился на распростертое тело. – Вряд ли в следующий раз у него хватит смелости и денег, чтобы так напиться.

Я снова проверила пульс – по-прежнему ровный и сильный, как у жеребца.

Среди любопытных лиц мелькнул и гордый профиль Иокасты.

– Несите в приемную, – скомандовала она и исчезла.

Что ж, решение приняли за меня.

Мне доводилось оперировать при странных обстоятельствах, но такое предстояло впервые. Я быстро сполоснула руки в уксусе, который принесли из кухни. Майерс, уже без штанов, раскинулся на столе из красного дерева, обмякший, словно жареный фазан. Он возлежал на попоне, как аляповатое основное блюдо, украшенное закатанной рубахой и ожерельем из медвежьих когтей. Вокруг разложили «гарнир» из бутылок, тряпок и бинтов.

Времени на переодевание не было, поэтому мне принесли кожаный мясницкий передник. Федра подколола длинные рукава, чтобы открыть предплечья.

Внесли больше свеч, истекающих ароматным воском, – конечно, и близко не таким ароматным, как Майерс. Не колеблясь, я взяла графин и щедро плеснула бренди на поросшую черными волосами промежность.

– Дороговатый способ убивать вшей, – заметил кто-то, наблюдая, как

крошечные букашки принялись спасаться бегством от потопа.

– Ага, зато помрут они счастливыми, – раздался голос Иэна. – Я принес твой сундучок, тетушка.

Иэн поставил его рядом с моей рукой и открыл. Я мигом достала драгоценную бутылочку чистого спирта и ланцет. Держа лезвие над чашей, я залила его спиртом. Желающих помочь будет море... Зрители едва сдерживали смех и бесконечно бормотали в ожидании представления, совсем позабыв про прерванный ужин.

Из кухни привели двух кучеров – держать пациенту ноги. Эндрю Макнил и Фаркуард Кэмпбелл вызвались держать руки. Иэн встал рядом со мной с дополнительной свечой, а Джейми занял место главного анестезиолога – у головы Майерса – с полным стаканом виски.

Я проверила запасы и нити для сшивания, глубоко вздохнула... и кивнула помощникам.

– Поехали.

Член Майерса, явно смущенный таким вниманием, едва выглядывал из кустистых зарослей. Когда кучера подняли и развели длинные ноги пациента, а Улисс аккуратно отвел в сторону мошонку, показалась грыжа – гладкая опухоль размером с куриное яйцо, багрово-красная в том месте, где постоянно терлась о тугую кожу паха.

– Господи Иисусе! – распахнул глаза кучер. – Да у него и правда три яйца!

Зрители дружно вздохнули в изумлении и захихикали, но я слишком увлеклась делом, чтобы объяснять, что там на самом деле. Я тщательно протерла промежность спиртом, макнула в него скальпель и поводила лезвием туда-сюда над пламенем свечи, чтобы уж наверняка продезинфицировать. И сделала быстрый надрез.

Не длинный, не глубокий. Только чтобы сдвинуть кожу и увидеть петлю розовато-серой кишки, провалившуюся в разрыв между мышцами. Потекла темная тонкая струйка крови.

Расширив надрез, я макнула пальцы в спирт, а затем осторожно вправила кишку. Майерс резко дернулся, чуть не сшиб меня с ног, и так же внезапно расслабился. И вновь напрягся, приподнимая ягодицы, так что мои помощники чуть было не упустили ноги.

– Он просыпается! – крикнула я Джейми, пробиваясь сквозь встревоженные возгласы. – Виски, быстро!

Все сомнения касательно алкоголя в качестве анестетика снова проснулись, однако было уже поздно. Джейми схватил великана за челюсть и влил виски в раскрывшийся рот. Майер давился и издавал звуки тонущего

буйвола, но достаточно алкоголя все же скользнуло ему в горло. Громадная туша успокоилась. Человек-гора опять обмяк и продолжил всхлипывать и похрапывать.

Я умудрилась удержать пальцы на месте, однако крови вытекло куда больше, чем мне хотелось. Главное, что кишка не выпала обратно. Я схватила обрывок ткани, вымоченный в бренди, и промокнула надрез. Майерс дышал, и я чувствовала, как шевелятся его кишки. Влажная и теплая темнота обхватывала мои пальцы, лишенные перчаток. Такая интимность знакома лишь хирургам. Я медленно вдохнула, подстраиваясь под похрапывание. Вонь бренди и слегка тошнотворные ароматы еды сошли на нет. Их теперь заглушили запахи Майерса – пота, грязи, мочи и крови. Кто-то другой счел бы их отвратительными, но не я. Не сейчас.

Это тело. Ни хорошее, ни плохое. Просто тело. И оно в моей власти.

Время замерло. Я остро чувствовала каждое движение, вдох, натяжение нити, сшивающей паховое кольцо, но руки мне не принадлежали. Голос, высокий и громкий, отдавал приказы, которым тут же повиновались. А где-то далеко, в глубине сознания, за всем с отстраненным интересом наблюдал крошечный некто.

Когда все закончилось, время возобновило свой ход. Я шагнула назад, разрывая связь. Голова закружилась от ставшего непривычным одиночества.

– Готово, – объявила я.

Гудящая толпа взорвалась аплодисментами. Слегка опьяненная – неужели надышалась от Майерса? – я изобразила глубокий реверанс.

Через час я напилась уже своими силами благодаря множеству тостов в мою честь. А потом ловко сбежала – мол, надо проверить, как там больной – и, шатаясь, побрела по лестнице в гостевые покои.

Я остановилась около галереи, цепляясь за перила, чтобы не упасть. Снизу доносился громкий гул разговоров и смеха. Празднество продолжалось; гости небольшими группками разбрелись по холлу и гостиной. Пушистые парики и легкие платья сновали туда-сюда по шестигранным плиткам и деловито жужжали над бокалами.

Ну, если Джейми хотел, чтобы я всех отвлекла, то лучшего и придумать было сложно. Что бы он там ни затеял, никто не обратил бы внимания. Я тряхнула головой – в ней так и не прояснилось – и вошла в комнату к пациенту.

Майерс безмятежно спал, дыша глубоко и медленно, причем так, что полог кровати подрагивал. Рабыня по имени Бетти кивнула мне с улыбкой.

Сердце проверять я не стала – и так видела на шее огромную вену,

бьющуюся медленно и ровно, как молот по наковальне. Кожа Майерса была прохладной и влажной. Ни лихорадки, ни следов шока. От великана веяло спокойствием и отменным здоровьем.

– Как он?

Если бы я не была пьяна, то подскочила бы на месте. Но я лишь медленно развернулась и уставилась на Джейми.

– В порядке. Его и пушкой не убьешь. Как и тебя. – Я вдруг поняла, что обнимаю мужа за талию, уткнувшись пылающим лицом в прохладные складки ткани на его груди. – Несокрушимый.

Джейми поцеловал меня в макушку и поправил пряди, которые выпали из прически во время операции.

– Отличная работа, саксоночка, – шепнул он. – Замечательная, моя ж ты красавица.

От Джейми пахло вином и воском, травами и шерстью. Я скользнула руками ниже, к изгибу гладких ягодиц. Джейми шевельнулся, на мгновение прижавшись ко мне бедром.

– Тебе бы подышать свежим воздухом, саксоночка... и нам надо поговорить. Можешь его оставить?

Я глянула на постель и ее тяжеленную ношу.

– Да. Если Бетти посидит с ним и проследит, чтобы он не захлебнулся во сне рвотой. Хорошо, Бетти?

Удивленная вопросом, а не приказом, рабыня с готовностью кивнула.

– Дождись меня в саду, возле целебных трав... только постарайся не упасть с лестницы и не свернуть себе шею. – Джейми поднял мое лицо за подбородок и поцеловал, быстро и крепко.

А потом ушел, оставив меня одновременно протрезвевшей и еще более пьяной, чем раньше.

Глава 13

Проверка на совесть

На дорожку шлепнулось нечто темное. Я замерла, вцепившись в руку Джейми.

– Лягушка, – невозмутимо пояснил он. – Слышишь, как они поют?

Ну, я бы не стала называть пением нестройный квакающий и хрюкающий хор с местных болот. Впрочем, Джейми все равно не скрывал, что ему медведь на ухо наступил.

Он легонько ткнул темную лягушку носком туфли.

– Брекекекекс ку-акс, ку-акс, – сказал Джейми. – Брекекекекс ку-акс!

Лягушка прыгнула в сторону и скрылась в траве.

– Никогда не сомневалась в твоих языковых способностях, – весело произнесла я. – Правда, про лягушачий не знала.

– Свободно я им не владею, – скромно потупился Джейми. – Хотя произношение у меня отличное, честное слово.

Я рассмеялась, а он сжал мою ладонь, прежде чем отпустить. Шутливая искорка потухла, так и не сумев разжечь разговор. Мы продолжили путь бок о бок, но мысленно пребывали слишком далеко друг от друга.

Я должна была валиться с ног от усталости, однако в крови по-прежнему бурлил адреналин. Внутри я ликовала, как каждый раз после удачной операции, не говоря уже о банальном опьянении. И от этого состояния меня слегка шатало, зато окружающая действительность приобрела чрезвычайно четкие очертания.

У причала под деревьями обнаружилась резная скамья. Именно к ней меня и привел Джейми. Он уселся на мраморное сиденье и глубоко вздохнул, чем сразу напомнил, что не только у меня был бурный вечер. Я тщательно огляделась, а потом присела рядом.

– Мы одни, вдали от чужих взглядов и ушей, – заметила я. – Так ты расскажешь, что, черт возьми, происходит?

– Да. Должен был кой-чего сказать еще тогда, просто не ожидал, что она на такое пойдет. – Джейми нашел мою руку в темноте. – Ничего особенного, как я и говорил. Вот только когда Улисс принес килт и фибулу, он упомянул, что во время ужина Иокаста собирается объявить... объявить всем о своем намерении сделать меня наследником... всего этого.

Он обвел ладонью дом, поля, и все остальное – причал, сады,

конюшни, бесконечные акры соснового бора, лесопилку и поляну, где варят терпентин...

Перед моими глазами развернулся весь план Иокасты. Джейми во главе стола, одетый в цвета Гектора Кэмерона, с его кинжалом и фибулой, на которой начертан далеко не утонченный девиз клана Кэмеронов «Объединяйтесь!». В окружении старых товарищей Гектора, которым не терпится увидеть, как его младший родич встанет во главе семьи.

Действительно, заяви Иокаста такое в компании верных шотландцев, щедро задобренных отличным виски из запасов покойного Гектора, и все дружно провозгласили бы Джейми хозяином плантации, помазали на власть жиром кабана и водрузили на голову корону из свеч.

Да уж, план достойный семейства Маккензи – дерзкий, продуманный. И плевать на желания участвующих в нем людей.

– Если бы она успела, – вновь заговорил Джейми, сверхъестественно чутко уловив мои мысли, – то отказываться от подобной чести было бы очень трудно.

– Ага, очень.

Джейми вдруг вскочил на ноги, неспособный усидеть на месте из-за терзавших его чувств. Он молча протянул руку, и я тоже поднялась. Мы повернули обратно к фруктовому саду.

– Почему Улисс тебя предупредил? – поинтересовалась я.

– Сама подумай, саксоночка. Кто сейчас хозяин поместья?

– А? – удивилась я. – А-а...

– То-то же, – сухо отозвался Джейми. – Тетушка слепа; кто занимается всеми счетами, кто ведет все дела? Да, она решает, что должно быть сделано... а кто сообщит, что все готово? Кто всегда рядом и обо всем доложит, нашепчет? Чьему суждению она доверяет прежде всего?

– Ясно. – Я уставилась под ноги, размышляя. – Ты ведь не думаешь, что он жульничает со счетами или обманывает как-то иначе?

Я очень надеялась, что нет, ведь дворецкий Иокасты мне нравился. Да и казалось, что между ними сохранялось взаимное уважение. Даже представлять не хотелось, что Улисс может хладнокровно обманывать хозяйку.

Джейми покачал головой.

– Нет. Я просмотрел записи, там все в порядке. Уверен, он честный человек и верный слуга... но кто захочет уступать свое место незнакомцу? – Джейми фыркнул с горечью. – Тетушка, может, и слепа, а вот ее чернокожий дворецкий видит преотлично. Он не пытался меня отговорить, просто рассказал о намерениях тетушки и ушел, чтобы я сам

решил, что должен сделать.

– Думаешь, он знал, что ты не?..

Я осеклась, потому что сама этого не знала. Гордость или предусмотрительность, а может, и то, и другое заставили Джейми сорвать план Иокасты. Впрочем, это не значило, что он собирался на самом деле отказываться от предложения.

Джейми не ответил. У меня по спине пробежал холодок. Я поежилась, несмотря на тепло летней ночи, и взяла Джейми за руку, чтобы найти утешение.

Стоял поздний июль, и в воздухе так сладко пахло спелыми плодами, что я почти чувствовала во рту привкус свежих яблок. Мелькнула мысль об искушении... и червяке, который таится под сияющей ароматной плотью.

Поддаться искушению грозило не только Джейми, но и мне. Для него здесь появилась возможность стать тем, кем и было предназначено; по праву рождения, которое отняла судьба. Ему надлежит управлять поместьем, заботиться о своих людях, снискав уважение среди равных. А что еще важнее – восстановить клан и семью.

Богатство Джейми не заботило, это я знала наверняка. К власти он тоже вряд ли стремился. Иначе, воспользовавшись моими знаниями о будущем, отправился бы дальше на север, искать место среди тех, кто стоял у истоков нации.

Однажды Джейми уже был лэрдом. Хотя он мало рассказывал о тюрьме, кое-что глубоко засело у меня в памяти: слова о сокамерниках. Джейми сказал: «Они были моими, и только это заставляло меня жить». Потом на ум пришло письмо Иэна о Саймоне Фрейзере: «Забота о его людях – единственное, что сохраняет в нем остатки человечности».

Да, Джейми нуждался в людях. В тех, кого можно вести за собой, о ком заботиться, кого защищать и с кем сражаться бок о бок. Но ему не нужно ими владеть.

Фруктовый сад мы миновали в молчании и пошли по длинной дорожке, обрамленной цветами и травами. Тяжелые ароматы лилий и лаванды, анемонов и роз сгущались; невольно чудилось, что мы пробираемся сквозь заросли.

О, «Горная река» была садом земных наслаждений, да... однако я звала чернокожего человека своим другом и вверила ему безопасность своей дочери.

Мысль о Джо Абернэйти и Брианне вызвала у меня странное чувство, словно я существовала в двух местах одновременно. В сознании вспыхнули их лица, я будто наяву слышала их голоса... На самом деле я видела лишь

одного человека. Его килт слегка покачивался при ходьбе, а голова склонилась в тревожном раздумье.

Вот оно, мое искушение – Джейми. Не мягкие постели, украшенные комнаты, шелковые наряды или почтение окружающих. Джейми.

Если он не примет предложение Иокасты, то ему придется искать что-то другое. То есть поддаться соблазнительным речам Уильяма Триона о землях и людях. Отчасти звучало лучше, чем щедрый дар тетушки, ведь Джейми сможет построить собственный дом, оставить наследие для Брианны. Если, конечно, доживет.

И все же я существовала в двух вселенных. Здесь я слышала шуршание килта, когда он цеплял мои юбки, чувствовала жар тела Джейми. Улавливала его мускусный запах, отчего мне хотелось выдернуть мужа из горестных размышлений и толкнуть на траву. Расстегнуть пояс, стянуть плед с плеча. Избавиться от корсета, прижаться обнаженной грудью к горячему телу. Заняться с ним любовью, прямо среди влажных зеленых зарослей... заставить его думать обо мне.

Во вселенной памяти я вдыхала иные запахи – тисовых деревьев и морского бриза, а под пальцами ощущала не тепло живой плоти, а холодный гладкий гранит могильной плиты с его именем.

Я молчала. Молчал и Джейми.

Мы обошли полный круг и вернулись к реке, где серые каменные ступеньки убегали вниз и терялись в плескавшейся воде. У причала болталась лодка. Весельная, в такой можно отправиться на рыбалку или прокатиться по водной глади.

– Хочешь? – кивнул на нее Джейми.

– Почему бы и нет?

Наверное, Джейми чувствовал то же, что и я – желание оказаться подальше от дома и Иокасты, спокойно все обдумать.

Мы сошли по ступенькам. Но прежде, чем я успела ступить в лодку, Джейми повернулся. Он притянул меня к себе и нежно поцеловал, а потом крепко обнял, уткнувшись подбородком мне в макушку.

– Не знаю, – тихо ответил он на незаданные вопросы.

И, шагнув лодку, протянул мне руку.

Некоторое время мы плыли в молчании. Ночь стояла безлунная, лишь в воде отражались звезды. Мои глаза постепенно привыкли, и я стала различать темные очертания деревьев.

– Ничего не хочешь сказать? – наконец промолвил Джейми.

– Решать не мне. – В груди стало тесно.

– Разве?

– Она твоя тетушка. Это твоя жизнь. Значит, решать тебе.

– А ты просто наблюдаешь, да? – Джейми закричал, работая веслами. – И это не твоя жизнь тоже? Или ты все же меня покинешь?

– Ты о чем? – испуганно выпрямилась я.

– Может, для тебя это слишком.

Джейми низко нагнулся, и я не видела его лица.

– Если ты про лесопилку...

– Нет. – Он откинулся назад с кривой усмешкой. – Беды и смерти тебя не очень-то пугают, саксоночка. А вот каждодневные мелочи... Я же вижу, как тебя передергивает, когда чернокожая служанка расчесывает твои волосы или когда мальчишка забирает туфли, чтобы почистить. Рабы на лесопилке... Тебе это все не по душе, верно?

– Да. Я... я не могу владеть рабами. Я рассказывала...

– Рассказывала. – Джейми откинул с лица прядь волос, а затем посмотрел мне прямо в глаза. – Если я выберу эту жизнь... сможешь ли ты быть со мной и дальше, саксоночка? Наблюдать и бездействовать... Потому что мы бессильны, пока тетушка не умрет. И даже тогда вряд ли мы что-то изменим.

– Ты о чем?

– Она не станет освобождать рабов... зачем ей? И я не смогу их освободить, пока она жива.

– Но когда ты унаследуешь плантацию...

Я умолкла. Да, обсуждать смерть Иокасты ужасно... Впрочем, ей чуть больше шестидесяти, и, за исключением слепоты, она абсолютно здорова.

Тут я поняла, что Джейми имеет в виду. И правда, смогу ли я день за днем, месяц за месяцем, год за годом жить, считаясь рабовладелицей? Ведь притвориться, что все иначе, не выйдет, не выйдет утешать себя мыслью, что я лишь гостя, чужестранка.

Я прикусила губу.

– И даже тогда, – продолжил Джейми, отвечая на мою неоконченную фразу, – ты разве не знаешь, что рабовладелец не имеет права освобождать рабов без письменного разрешения Ассамблеи?

– Чего?! – уставилась я на Джейми. – Это еще почему?

– Плантадоры боятся вооруженного восстания чернокожих. Трудно их осуждать, – добавил он саркастично. – Рабам запрещено иметь оружие, за исключением рабочих инструментов, например ножей для подсечки деревьев. Есть законы о пролитой крови. – Джейми покачал головой. – Нет, Ассамблея не позволит огромной толпе негров свободно разгуливать по

округе. Даже если хозяин решит подарить свободу хотя бы одному рабу и получит разрешение, этому рабу придется немедленно покинуть колонии... или любой получит право схватить его и вновь сделать рабом.

– Ты уже об этом думал, – медленно произнесла я.

– А ты нет?

Я не ответила, опустив руку в воду. Нет, о таком я совсем не задумывалась. По крайней мере, осознанно, ведь я не хотела становиться перед выбором, который возник передо мной прямо сейчас.

– Полагаю, это отличный шанс. – Собственный голос показался мне напряженным, чужим. – Ты встанешь во главе...

– Тетушка отнюдь не глупа, – довольно резко перебил Джейми. – Она сделает меня наследником, а не хозяином. Марионеткой. Да, тетушка будет прислушиваться к моему мнению, к советам, но принимать решения будет сама. – Джейми покачал головой. – Любила она мужа или нет – неважно. Теперь она здесь хозяйка и ни перед кем не отчитывается. А вкус власти пришелся ей уж слишком по нраву, чтобы так просто отдать лакомый кусок.

Он предельно точно описал характер Иокасты Кэмерон, а значит, и ключик к ее плану. Ей нужен мужчина, который вхож туда, где для нее двери закрыты, который будет решать вопросы с флотом и заниматься ежедневными делами обширного поместья, где Иокасте не справиться из-за слепоты.

И в то же время она не желала обзаводиться новым мужем: ведь он отберет у нее власть и станет указывать, что делать. Если бы Улисс не был рабом, то смог бы действовать от ее имени. Да, он может быть ее глазами и ушами, но не руками.

А вот Джейми в этом отношении идеален. Сильный, опытный человек, способный завоевать уважение общества, добиться послушания от подчиненных. Умеющий управлять землями и людьми. Более того, связанный с Иокастой узами родства и долга, то есть исполняющий ее приказы, но не имеющий реальной власти. Иокаста поработит Джейми своей щедростью и богатствами, и этот долг не придется отдавать, пока она не покинет мир земной.

В горле встал ком. Я безуспешно пыталась подобрать слова. Нет, я не выдержу такой жизни. Однако и другой путь для меня был закрыт – я не вправе просить Джейми отказать Иокасте. Тогда ему придется отправиться в Шотландию, навстречу смерти.

– Я не могу тебе советовать, что делать, – пробормотала я едва слышно за мерной работой весел.

Впереди показалась небольшая заводь – огромное дерево рухнуло в

реку, и весь мусор, плывший по течению, цеплялся за его ветви. Джейми направил лодку в ту сторону и отпустил весла, когда мы очутились в спокойной воде, а затем вытер со лба пот, тяжело дыша.

Ночную тишину нарушал лишь тихий плеск воды да скрип веток, задевающих дно лодки. Наконец Джейми протянул руку и коснулся моего подбородка.

– Ты – мое сердце, саксоночка, – мягко проговорил он, – а твоя любовь – моя душа. Но ты права, ты не можешь стать моей совестью.

Несмотря на все невзгоды, я вдруг воспрянула духом, как будто некая ноша свалилась с плеч.

– О, замечательно, – возрадовалась я, – иначе мне пришлось бы ужасно тяжело.

– М-да? – немного удивился Джейми. – Думаешь, я такой злодей?

– Ты самый лучший. Просто... представь, каково это – жить за двоих. Одно дело – дети, с ними приходится так поступать, и все равно это тяжкий труд. А другое – ты. Это неправильно.

Джейми молчал, отвернувшись.

– Ты правда думаешь, что я хороший? – наконец произнес он со странной, непонятной мне ноткой в голосе.

– Да, – твердо ответила я и добавила слегка шутливо: – А ты сам так не считаешь?

Вновь повисла долгая пауза.

– Нет, не считаю, – серьезно отозвался Джейми.

Я уставилась на него, потеряв дар речи.

– Я жесток, и прекрасно это понимаю, – тихо пояснил Джейми. Он уперся в колени ладоням – крупными, способными играючи справляться с мечом и кинжалом или вовсе задушить человека. – Как и ты должна понимать.

– Ты делал лишь то, что был вынужден!

– Разве?

– Я уверена, что ты хороший, – заявила я, но в словах тенью промелькнуло сомнение. Любой подобный поступок, неважно почему совершенный, оставит в душе след, верно?..

– И ты не станешь сравнивать меня со, скажем, Стивеном Боннетом? Он тоже может говорить, что был вынужден так действовать.

– Даже думать не смей, что у тебя есть хоть что-то общее со Стивеном Боннетом, – отчеканила я.

Джейми пожал плечами и беспокойно заерзал.

– А чем мы отличаемся? Разве что у меня есть понятие о чести. Что

еще не дает мне стать таким же вором? – спросил он. – Что мешает грабить людей? А ведь это у меня в крови... Один дед построил Леох, награбив достаточно золота на горных дорогах. Другой сколотил состояние на телах женщин, которых брал силой из-за их титулов и богатств.

Джейми потянулся. Мощные плечи заслонили блестевшую в лунном свете воду. А потом он вдруг швырнул весло на дно лодки. Я подскочила от грохота.

– Я уже не юный мальчик! – воскликнул Джейми. – Пора бы уже где-то осесть, а? Обзавестись домом, землей, чтобы прокормиться, и откладывать понемногу деньги хотя бы на старость. – Джейми глубоко вздохнул. Затянутая в белую рубашку грудь поднялась и опала. – А у меня ни дома, ни земли, ни денег. Ни фермы, ни грядки, ни захудалой коровы, овцы или козы! Даже крыши над головой нет или чертова ночного горшка! – Он двинул кулаком по банке, и вся лодка дрогнула. – Даже одежда, в которой я сейчас сижу, мне не принадлежит!

Воцарилась долгая тишина, которую нарушало лишь тихое пение сверчков.

– У тебя есть я, – еле слышно сказала я, сама понимая, как это ничтожно.

Джейми то ли хмыкнул, то ли всхлипнул.

– Да. – Его голос слегка дрогнул, но я не смогла понять, от страсти или веселья. – В том-то и дело, черт возьми.

– В смысле?

Джейми нетерпеливо взмахнул рукой.

– Если бы я был один, то какая разница? Жил бы, как Майерс, в лесу, охотился да рыбу ловил, а в старости лег бы в тени дерева и умер, и лисицы обглодали бы мои кости. Кому какое дело? – Джейми передернул плечами, словно рубашка вдруг стала ему мала. – Но я не один. Есть ты, Иэн, Дункан, Фергус, Марсали... Прости господи, даже Лири! И обо всех я должен позаботиться.

– Джейми, не надо.

– Как ты не понимаешь? – почти в отчаянии произнес он. – Я швырнул бы весь мир к твоим ногам, Клэр... но у меня ничего нет!

Он и правда думал, что мне это важно. А я все смотрела на него и пыталась подобрать слова. Джейми отвернулся, поникнув.

За жалкий час я успела перейти от гнетущей тоски из-за мысли о его смерти в Шотландии до страстного желания заняться с ним любовью прямо среди цветов, а оттуда к жгучей потребности двинуть его веслом по голове. Теперь меня вновь заполнила нежность.

Наконец я взяла его большую мозолистую руку в свои и скользнула вниз, на колени, устраиваясь между его разведенных бедер. Я положила голову Джейми на грудь, чувствуя его дыхание на волосах. Слов у меня так и не нашлось, но свой выбор я сделала.

– Куда ты пойдешь, туда и я пойду. Где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду. Хоть на шотландском холме, хоть в южном лесу. Делай то, что должен. Я с тобой.

Ближе к середине речки дно оказалось неглубоким, а течение стало сильнее. Под сверкающей поверхностью, совсем близко, чернели камни. Джейми тоже их заметил и сильным движением направил лодку к противоположному берегу, к корням огромной ивы.

Я думала, что мы вернемся к поместью, но, очевидно, мы не просто сбежали передохнуть от гостей. Мы забрались далеко вверх по течению.

Оставшись наедине с мыслями, я прислушивалась к свистящему дыханию Джейми и гадала, что же он предпримет. Если захочет остаться... ну, может, все сложится не так плохо. Я, конечно, представляла, на что способна Иокаста Кэмерон, но и Джейми знала отлично. Колум и Дугал Маккензи тоже пытались подчинить его своей воле... и оба остались ни с чем.

Меня на миг затошнило, когда перед глазами встала картина последних мгновений Дугала – как он сыпал беззвучными проклятиями, захлебываясь собственной кровью, а кинжал Джейми торчал у него из горла. «Я жесток, – сказал Джейми, – ты сама это понимаешь».

И все же он не прав. Между ним и Стивеном Боннетом огромная разница, думала я, наблюдая за движениями его тела, как он с силой и определенной грацией налегал на весла. Нет, дело не только в чести. Джейми добрый, смелый и... у него есть совесть.

Я поняла, куда мы направлялись, когда Джейми развернул лодку к устью речки, заросшему осинами. Я еще никогда не добиралась туда по воде, хотя Иокаста упоминала, что плыть недалеко.

Что ж, если Джейми сегодня решил взглянуть в глаза своим внутренним демонам, то лучше места и не сыскать. Над устьем темнела непривычно тихая лесопилка. За ней, у самого леса, слабо светились хижины рабов. Нас окружали самые обычные ночные звуки – шелест листвы, кваканье лягушек, плеск воды, но все равно царила какая-то странная тишина. Огромная постройка словно отбрасывала тень... Очевидно, это всего лишь разыгралось мое воображение.

– Людные днем места ночью кажутся особенно зловещими, – проговорила я, стараясь нарушить тишину.

– Правда? – рассеянно отозвался Джейми. – Мне и днем тут не очень-то понравилось.

Я содрогнулась, вспомнив.

– И мне. Я о том, что...

– Бирнс мертв. – Джейми смотрел в сторону лесопилки, почти отвернувшись от меня. На его лицо падала тень от дерева.

– Надсмотрщик? Когда? – изумилась я, пораженная скорее внезапностью, чем самим известием. – И как?

– Днем. Младший сын Кэмпбелла появился с новостью перед самым закатом.

– Как? – снова спросила я, стиснув светлый шелк платья в пальцах.

– От столбняка, – спокойно ответил Джейми. – Паршивая смерть.

Тут он прав. Я никогда не видела умирающих от столбняка своими глазами, но отлично знала симптомы: возбужденное состояние, сложности при глотании и дальнейшее оцепенение, когда мышцы рук и ног начинают сокращаться сами по себе. Судороги усиливаются, пока тело больного не становится твердым, как дерево. Он выгибается дугой от мучительной боли, что приходит и уходит, а в конце возвращается последним спазмом, который может остановить лишь смерть.

– Ронни Кэмпбелл сказал, что Бирнс умер с улыбкой на лице. Правда, сомневаюсь, что она была счастливой, – мрачно пошутил Джейми, однако веселья в его голосе звучало мало.

Я выпрямилась. По спине пробежал холодок.

– Умирал он медленно. – Подозрение охватило меня ледяными щупальцами. – Столбняк убивает за несколько дней.

– За пять, в случае Дэйви Бирнса, – заметил Джейми уже без тени смеха.

– Ты был у него! – Огонек гнева растопил внутренний холод. – И ничего мне не сказал?!

После того как я перевязала рану Бирнса – страшную, но для жизни неопасную, – меня заверили, что его временно спрячут, пока беспорядки из-за показательного линчевания не улягутся. Потрясенная всем случившимся, я так и не расспросила никого о дальнейшей судьбе надсмотрщика. А теперь ужасно злилась на себя за это упущение. Однако осознание вины не принесло мне облегчения.

– Разве ты могла что-то сделать? Сама же говорила, что такому больному и в вашем времени ничем не помочь. – Джейми не смотрел в мою

сторону. Голова, повернутая к лесопилке, темнела на фоне светлой листвы.

Я заставила себя выпустить юбку из пальцев и расправила скомканную ткань.

– Да, – с трудом признала я, – ничто его не спасло бы. Но я должна была его осмотреть, может, удалось бы облегчить страдания.

Теперь Джейми взглянул на меня – я ощутила движение тела.

– Может, – ровно согласился он.

– А ты даже не... – Я запнулась, вспомнив, как Джейми исчезал всю неделю и уклончиво отвечал, когда я спрашивала, куда же он отправляется.

В голове слишком ярко возникла картина. Крошечная комнатуха под самой крышей дома Фаркуарда Кэмпбелла, где я перевязывала Бирнса. Корчащийся на постели мужчина, медленно умирающий под холодными взглядами тех, кого закон сделал его союзниками поневоле. Умирающий, зная, что его презирают. По коже снова пробежали мурашки.

– Да, я не позволил Кэмпбеллу послать за тобой, – тихо сказал Джейми. – Есть закон, саксоночка... и есть справедливость. Я отлично знаю разницу.

– А еще есть милосердие.

Спроси меня кто – я назвала бы Джейми Фрейзера милосердным. Когда-то он таким был. Однако с тех пор минуло много тяжких лет, а на сострадании слишком легко сыграть врагам. Я думала, он сохранил в себе ту доброту, и сердце обожгло странной болью от мысли, что ее больше нет.

Лодка слегка развернулась на воде, и ветвь ивы разделила нас своей завесой. Джейми хмыкнул где-то там, за листвой.

– Блаженны милостивые, – произнес он, – ибо они помилованы будут. Бирнс милостивым не был и получил по заслугам. Раз Господь его наказал, то кто я такой, чтобы вмешиваться?

– Ты думаешь, это Бог наслал на него столбняк?!

– А кто еще на такое способен? Да и вообще, – продолжил Джейми вполне логично, – к кому же еще обращаться за справедливостью?

Я отчаянно пыталась подобрать слова. Меня слегка замутило. Сдавшись, я решила прибегнуть к последнему аргументу:

– Ты должен был мне сказать. Даже если знал, что помочь ничем нельзя, не тебе решать, что...

– Я не хотел, чтобы ты там появлялась, – произнес Джейми тихо, но с ноткой стали.

– Знаю я! Но какая разница, заслуживал Бирнс...

– Да не из-за него!

Лодка резко качнулась от движения Джейми, и мне пришлось

схватиться за борт.

– Мне плевать, как он умирал, легко или тяжело, но я все же не чудовище, – жестко продолжил Джейми. – Я тебя убереечь хотел, а не его заставить страдать!

Я вздохнула бы с облегчением, услышав это, однако вновь вспыхнула от злости, когда поняла, почему он так поступил.

– А это не твое дело! Если я не могу быть твоей совестью, то и ты моей не станешь!

Я раздраженно отдернула ивовый занавес, чтобы взглянуть на Джейми. Сквозь листву вдруг прорвалась рука и схватила меня за запястье.

– Мое дело – беречь тебя от опасности!

Я попыталась освободить руку, но Джейми держал крепко.

– Слушай, я не маленькая девочка, чтобы меня защищать, и уж точно не идиотка! Если мне чего-то нельзя, то объясни, и я пойму. Но не смей решать, что мне делать и где быть, даже не поговорив со мной!..

Лодка вновь накренилась, и в шуршащей листве показалась голова Джейми.

– Да я не пытаюсь решать, где тебе быть!

– Ты решил, где мне нельзя появляться, а это одно и то же!

Ивовые ветви соскользнули с его плеч. От яростного движения лодка сдвинулась с места, и мы выплыли из тени дерева.

Джейми вырос передо мной, огромный, как лесопилка за его спиной. Длинный прямой нос едва ли не ткнулся в мой, синие глаза сузились.

Я моргнула. Джейми – нет.

Запястье он выпустил, когда прошел сквозь завесу из листьев. Теперь он схватил меня за обе руки выше локтей. Я чувствовала жар его ладоней, огромных и твердых, и от этого вдруг осознала, насколько хрупки мои собственные кости. *Я жесток...*

Когда-то раньше ему удавалось встряхнуть меня пару раз. Мне не понравилось. Поэтому теперь я, на всякий случай, успела просунуть колено между его ног, готовая врезать по самому уязвимому месту.

– Я был не прав, – произнес Джейми.

Охваченная напряжением, я уже занесла колено и только потом расслышала его слова. Однако Джейми успел сжать мою ногу бедрами.

– Сказал же, саксоночка, я был не прав, – повторил он нетерпеливо. – Что не так?

– А... ничего, – отозвалась я, чувствуя себя немного глупо. – Отпусти, пожалуйста, а? – вежливо попросила я. Сердце еще колотилось как бешеное.

– Нет уж. Теперь ты меня выслушаешь?

– Думаю, да, – смиренно согласилась я. – Других дел у меня пока не намечается.

У Джейми дернулся уголок рта. Хватка стала сильнее, однако потом он меня отпустил.

– Очень глупая ссора вышла, ты понимаешь.

– Нет, не понимаю. – Злости у меня поубавилось, однако просто так оставлять тему я не собиралась. – Для тебя это, может, и не важно, а вот для меня – да. И это не пустяк, сам знаешь, иначе не признавал бы свою неправоту.

Губы Джейми дрогнули еще заметнее. Он глубоко вздохнул и уронил руки.

– Что ж, согласен, наверное, следовало сказать тебе про Бирнса. Но ты все равно к нему отправилась бы, даже предупреди я тебя о столбняке. Ты ведь поехала бы, зная, что ничем не сможешь помочь, верно?

– Да. Даже если... да, поехала бы.

Я и в самом деле ничего не сумела бы сделать. То «обезболивающее», что вырубил Майерса, при столбняке не помогло бы. Спазмы способен ослабить лишь укол кураре. Поэтому Бирнса я смогла бы лишь утешить своим присутствием. Правда, сомневаюсь, что он оценил бы или вообще меня заметил.

– Я врач, – произнесла я уже мягче. – Разве ты не понимаешь?

– Понимаю, – буркнул Джейми. – Думаешь, я тебя совсем не знаю, саксоночка?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– О случившемся на лесопилке пошли разговоры... естественно. Когда у тебя на руках умер... ну, прямо никто не говорил, что ты убила его намеренно. Но эти мысли легко прочесть на лицах окружающих. Даже не про убийство, а что ты могла позволить ему умереть, чтобы спасти от петли.

Я уставилась на свои руки, настолько бледные, что они почти сливались с атласом платья.

– А я думала об этом.

– Знаю, – сухо отозвался Джейми. – Прочел по глазам, саксоночка.

Я глубоко вздохнула, будто хотела удостовериться, что в воздухе больше не витает запах крови. Ноздри лишь щекотал терпкий аромат соснового леса. Я вдруг живо вспомнила больницу и хвойное обеззараживающее средство, которое перебивало, но не могло избавить помещение от въевшихся в стены запахов болезни.

Еще один вздох, и я подняла взгляд на Джейми.

– Ты думал, убила ли я его намеренно?

Джейми слегка удивленно глянул в ответ.

– Ты поступила бы, как сочла нужным. – Вопрос самого убийства он опустил. – Лучше бы тебе не связываться с обеими смертями, если ты понимаешь, о чем я.

Я понимала. И уже не в первый раз убедилась, что Джейми – часть невидимых хитросплетений, которые мне никогда не постигнуть. Эти земли для него чужие, как и для меня, но он знает не только, что люди вокруг говорят, – это легко выяснить, стоит лишь заглянуть в таверну или пройти по рынку. Джейми знает, как люди мыслят.

А еще больше меня раздражало, что он знает, как мыслю я.

– Так вот, – продолжил он, – я видел, что Бирнс умирает и что ты ничем ему не поможешь. Узнай ты о его болезни, то сразу же отправилась бы к нему. А после его смерти... люди, может, и не стали бы обсуждать, мол, странно, что оба умерли, так сказать, на твоих руках, но...

– Они бы об этом думали, – закончила я.

Джейми криво усмехнулся.

– Тебя сложно не заметить, саксоночка.

Я закусила губу. Не знаю, хорошо это или плохо. Такое внимание уже не раз могло стоить мне жизни.

Джейми встал. Придерживаясь за ветку, он шагнул на землю и накиннул на плечо плед.

– Сказал миссис Бирнс, что заберу пожитки ее мужа с лесопилки. Можешь подождать здесь.

Лесопилка мрачно вздымалась на фоне звездного неба. Зловещей некуда. *Куда ты пойдешь, туда и я пойду...*

Вот чего он хочет. Осмотреться, прежде чем принять решение. Увидеть все, сознавая, что оно может принадлежать ему. Пока мы гуляли по садам, плыли по реке мимо сосен и теперь добрались до лесопилки, Джейми изучал предложенные земли, взвешивая и оценивая, желая оценить, с какими сложностями придется столкнуться, и сможет ли он принять этот вызов.

В конце концов – промелькнула горькая мысль – Дьявол так настойчиво показывал Иисусу то, что Он отвергал, возвел его на вершину Храма, чтобы Он взглянул на все города мира. Увы, в нашем случае, если Джейми решит сигануть вниз, вряд ли неподалеку окажется ангельское войско, которое не позволит ему переломать ноги – и все остальное – о шотландский гранит.

Только я.

– Погоди, – промолвила я, выбираясь из лодки. – Я с тобой.

Во дворе лесопилки по-прежнему высились кипы бревен. Ночь скрадывала расстояние, и груды свежей древесины будто парили над невидимой землей то где-то вдалеке, то совсем рядом. Пахло елью и опилками.

Из-за темноты и собственных пышных юбок я совершенно не видела, куда ступаю. Джейми придерживал меня под руку. Сам он, конечно, никогда не спотыкался. Прожив почти всю жизнь там, где вне стен дома после заката не бывает ни лучика света, он выработал некое чутье, как у летучей мыши.

Среди хижин рабов горел одинокий костер. Наверняка там спят, час поздний. В Ост-Индии всю ночь гремели бы барабаны, всю неделю рабы громко оплакивали бы покойного собрата. Здесь же стояла тишина, лишь поскрипывали на ветру ветви сосен да мигал слабый огонек у самого края леса.

– Они боятся, – негромко сказал Джейми, замерев и прислушавшись.

– Неудивительно, – буркнула я себе под нос, – я тоже.

Джейми хмыкнул.

– И я. Только не призраков, – пробормотал он и распахнул боковую дверь лесопилки.

Тишина внутри была осязаемой. Сперва она показалась мне зловещей, подобно той, что охватывает поле битвы после сражения. Потом я поняла: здесь тишина была живой.

Я глубоко вдохнула и похолодела от ужаса. Пахло кровью. Свежей. Я вцепилась в руку Джейми. Он тоже почуял неладное – мышцы под моей ладонью напряглись, – молча высвободился и исчез в темноте.

На мгновение мне почудилось, что он и в самом деле исчез. Я попыталась его коснуться, но пальцы схватили лишь воздух, и я чуть было не ударилась в панику. Однако потом сообразила – Джейми попросту накинул на голову темный плед, скрыв под ним светлое лицо и рубашку. Послышались шаги, быстрые и легкие; затем они стихли.

Неподвижный горячий воздух пропах кровью. Омерзительной, сладковатой вонью, от которой на языке оставался металлический привкус. Прямо как неделю назад. Перед глазами тут же возникли видения. Я рывком развернулась и, охваченная липким страхом, уставилась на дальний конец просторного помещения. Мне мерещилось, что из темноты вот-вот выступят образы, вьевшиеся в память. Натянута веревка, огромный крюк,

стонущая жертва...

В тишине раздался стон. Крик комом встал в горле – от опрометчивых звуков меня удерживал страх привлечь чужое внимание.

Где же Джейми? Я отчаянно хотела его позвать, но не осмеливалась. Глаза привыкли к темноте, и я уже различала очертания пилы – нечеткое пятно неподалеку, – однако дальнюю стену по-прежнему скрывала черная пелена. Я напрягла глаза, запоздало сообразив, что меня саму очень легко рассмотреть из-за светлого платья.

Стон повторился, и я подскочила. Ладони взмокли. Нет, твердо сказала я себе. Нет, не может быть!

Оцепенев от страха, я не сразу поняла, что звук донесся не из темноты, где стоял подъемник с крюком, а откуда-то сзади. Я развернулась – и ничего не увидела, кроме белеющего прохода открытой двери. Я быстро шагнула к ней, готовая рвануть прочь, подальше от этого проклятого места, но замерла. Я не могла бросить Джейми.

Опять этот полный муки всхлип, словно от боли жертва уже не в состоянии позвать на помощь. А вдруг это... Джейми?

Наплевав на предосторожность, я громко выкрикнула его имя. Звук отразился эхом от высокого полотка.

– Джейми! Да где же ты?!

– Здесь, саксоночка, – раздался откуда-то слева его взволнованный голос. – Подойди-ка сюда, а?

С ним все в порядке! Я едва не разрыдалась от счастья и побрела сквозь тьму. Плевать, кто там издает эти звуки, главное, что не Джейми.

Ладонь уткнулась в деревянную стену. Я слепо зашарила по ней, пока не нащупала открытую дверь. Жилище надсмотрщика!

Внутри воздух был плотнее, жарче, чем в самой лесопилке. Деревянный пол скрадывал шаги. Запах крови усилился.

– Где ты? – снова позвала я, теперь уже шепотом.

– Тут, – отозвался Джейми совсем рядом. – У постели. Помоги, здесь девчонка.

Я обнаружила их на ощупь в крошечной спальне без окон: Джейми на коленях у узкой кровати, а на ней – тело.

Дотронувшись, я сразу поняла, что это женщина, как Джейми и сказал. А еще, что она истекает кровью. Щека, которой я коснулась, была прохладной и липкой. Все остальное – теплым и влажным. Даже юбка намокла, когда я опустилась на пол.

Пульс на шее я не нашла. О том, что девушка жива, говорили заметно вздымающаяся грудь и еле слышное дыхание.

– Все хорошо, – услышала я свой голос словно со стороны, ровный и спокойный, без следа паники. Хотя сейчас для нее было самое время. – Ты не одна, мы рядом. Что с тобой?

Мои руки сами собой скользили по ее голове, шее, груди и животу, сдвигали насквозь вымокшую одежду в поисках раны, но ничего не находили. Ни разорванной артерии, ни пореза. И все время я слышала тихое *кап-кап, кап-кап*, как будто рядом топали крохотные ножки.

– Скажи... те... – послышалось даже не слово, а выдох.

– Кто это с тобой сделал, милая? – прозвучал бестелесный голос Джейми, негромкий, но настойчивый. – Кто?

– Скажи... те...

Я проверила все места, где под кожей пролегали крупные сосуды. Они оказались целы. Приподняла девушку за безвольную руку и прощупала спину, где сосредоточилось все тепло ее тела. Корсаж вымок от пота, однако и там крови не было.

– Все хорошо, – повторила я. – Ты не одна. Джейми, возьми ее за руку.

Меня охватило отчаяние – я начинала понимать, в чем дело.

– Уже, – сообщил Джейми и снова обратился к несчастной: – Не волнуйся, все будет в порядке, слышишь?

Кап-кап... кап-кап... Крошечные ножки замедлили шаг.

– Скажи... те...

Ничего не поделаешь. Я вновь скользнула ладонью под юбку, на этот раз – между разведенных бедер. Там все еще было тепло. Кровь мягко хлынула по пальцам, горячая и липкая, как воздух вокруг нас, и неукротимая, как поток, вращающий водяное колесо мельницы.

– Я... умираю...

– Тебя убили, милая, – произнес Джейми. – Скажи кто, а?

Из ее горла вырвался хрип. *Кап-кап. Кап...* Теперь ножки едва слышно шагали на цыпочках.

– Сер... жант... Скажи... те... ему...

Я убрала руку из-под юбки и сжала вторую ладонь девушки, не боясь испачкать ее кровью. Едва ли это имело значение.

– Скажи!.. – раздалось с неожиданной силой, и воцарилась тишина.

Тяжелый вздох – и снова тишина, теперь дольше. Еще вздох.

– Хорошо, – отозвался Джейми шепотом. – Я ему расскажу, обещаю.

Кап.

Кап.

В горах Шотландии это называют «каплей смерти» – звук капающей воды в доме, где вот-вот умрет кто-то из обитателей. Здесь была не вода, но

знак оставался знаком.

Теперь из темноты не доносилось ни звука. Я почувствовала, как Джейми наклонился.

– Господь тебя помилует, – шепнул он. – Покойся с миром.

Я расслышала жужжание, как только мы следующим утром шагнули в жилище надсмотрщика. Огромная пыльная лесопилка поглощала все звуки, однако здесь, в отдельных комнатках, стены отражали каждый шорох. Я почувствовала себя мухой, застрявшей внутри барабана. Меня чуть не охватил приступ клаустрофобии в узком проходе, учитывая, что я еще и шла между двумя мужчинами.

Жилище надсмотрщика состояло из двух помещений, разделенных коридорчиком, который вел наружу. Справа располагалась комната побольше, служившая Бирнсам гостиной и кухней, а слева – спальня, откуда и доносился звук. Глубоко вздохнув, Джейми прижал к лицу край пледа и толкнул дверь.

На кровать словно набросили покрывало – свинцовое, с зеленоватым отливом. А потом Джейми сделал шаг, и мухи взвились, с негодованием жужжа, что кто-то осмелился прервать их трапезу.

Я едва успела закусить губу, чтобы не вскрикнуть от омерзения, и замахала руками. Жирные мухи врезались в меня, лениво кружа в душном пространстве. Фаркуард Кэмпбелл фыркнул с крайним отвращением и протолкнулся мимо, сощурившись и плотно сжав губы. Ноздри у него побелели от напряжения.

Крошечная спальня размерами напоминала гроб. Окон в ней не было, а тусклый свет пробивался лишь сквозь щели в досках. Стояла жара и влажность, как в тропической оранжерее. По коже миглом заструился пот, щекотный, как лапки мух. Нестерпимо воняло сладковатой гнилью – разложением. Я старалась дышать только ртом.

Под простыней, которую мы приличия ради накинули на нее ночью, мертвая девушка казалась почти незаметным бугорком. Голова выглядела несоразмерно огромной по сравнению со съежившимся телом, словно на детском рисунке – круг и конечности-палочки.

Джейми смахнул несколько чересчур обожравшихся мух и откинул простыню. Она, как и все вокруг, была покрыта пятнами засохшей крови, а в ногах – и вовсе по-прежнему влажной. Человеческое тело содержит в среднем восемь пинт крови; порой кажется, что ее намного больше.

Ночью я лишь мельком успела увидеть лицо девушки. Теперь оно, пожелтевшее и заострившееся, смотрело на меня из-под копны каштановых

волос. Возраст определить я не смогла, хотя покойная была достаточно молода. Красивой я ее не назвала бы, но когда-то розовые округлые щеки и блеск в глазах явно привлекали мужчин. Одного уж точно.

Джейми негромко переговаривался с Кэмпбеллом. Тот повернулся ко мне; лицо, обрамленное парадным париком, хмурилось.

– Миссис Фрейзер, вы уверены в причине смерти?

– Да. – Стараясь лишний раз не вдыхать смрад, я отбросила простыню с ног трупа. Ступни успели посинеть и начали раздуваться. – Пришлось задрать юбку, остальное я не трогала, – пояснила я, повторяя свои действия.

Мышцы живота напряглись, когда я коснулась трупа. Я много раз видела мертвецов, причем куда в худшем состоянии, однако в здешнем жарком климате и замкнутом пространстве тело не остыло. Бедро казалось теплым, почти как мои пальцы, разве что неприятно дряблым.

Я оставила его там, где нашла, – на постели между ног девушки. Кухонный вертел, чуть больше фута длиной, покрытый засохшей кровью.

– Я... не смогла найти рану на самом теле, – как можно деликатнее выразилась я.

– Ясно. – Лицо Кэмпбелла слегка просветлело. – По крайней мере, теперь ясно, что это не преднамеренное убийство.

Я открыла было рот для ответа, однако заметила предупреждающий взгляд Джейми. Кэмпбелл тем временем продолжал:

– Остается вопрос, сделала ли бедняжка все сама или ей помогли. Как считаете, миссис Фрейзер?

Мы уже обсуждали план действий ночью и сами пришли к выводам. Например, что нашим мнением не стоит делиться с представителями закона и правопорядка в Кросс-Крике, по крайней мере пока. Поэтому я слегка зажала нос, якобы спасаясь от ужасной вони, а на самом деле скрывая выражение лица. Я категорически не умела врать.

– Уверена, несчастная сделала все сама, – твердо отозвалась я. – От такой раны быстро истекают кровью. Как Джейми вам сообщил, она была еще жива, когда мы ее обнаружили. До того мы некоторое время беседовали у лесопилки, так что никто не мог выйти незамеченным.

С другой стороны, у неизвестного была возможность спрятаться во второй комнате и тайком прокрасться под покровом тьмы, пока мы утешали умирающую. Правда, если Кэмпбелл сам не сообразил, то зачем ему на это указывать?

Он повернулся к Джейми, и тот мигом изобразил на лице приличествующее мрачное выражение. Кэмпбелл печально покачал

головой.

– Бедная девчонка!.. Что ж, мы можем вздохнуть с облегчением, что никто не разделил с ней этот грех.

– А как же мужчина, зачавший ребенка, от которого она пыталась избавиться? – достаточно ядовито промолвила я.

Кэмпбелл изумился, но быстро взял себя в руки.

– Мм... что ж... – Он кашлянул. – Мы, конечно, не знаем, была ли она замужем...

– То есть, сэр, вы не знаете, кто она? – вставил Джейми, прежде чем я снова не брякнула что-нибудь.

Кэмпбелл покачал головой.

– Она точно не из слуг мистера Бьюкенена или Макнилов. И не судьи Элдердайса. Это владельцы ближайших плантаций, откуда она могла прийти. Однако тут я начинаю задаваться вопросом: отчего она пришла именно сюда, дабы совершить столь отчаянный поступок?..

Мы с Джейми тоже уже успели об этом подумать. Прежде чем Кэмпбелл успел продолжить мысль, Джейми заговорил вновь:

– Из последних сил она упомянула некоего сержанта. «Скажите сержанту», если точнее. Кого она имела в виду?

– Кажется, охраной королевских складов заведует какой-то сержант. Да, точно. – Мистер Кэмпбелл оживился. – Ага! Девушка, без сомнения, как-то связана с военным ведомством. Впрочем, мне все же любопытно, почему она...

– Мистер Кэмпбелл, прошу меня простить... боюсь, я неважно себя чувствую, – перебила я, коснувшись его руки.

Даже не пришлось врать – ночью я так и не сомкнула глаз, а за завтраком не проглотила ни крошки. От жары и вони кружилась голова, и я наверняка порядком побледнела.

– Не могли бы вы проводить мою жену наружу, сэр? – обратился к Кэмпбеллу Джейми и кивнул на постель со скорчившейся покойницей. – А я вынесу бедняжку.

– Мистер Фрейзер, не стоит беспокоиться, умоляю, – запротестовал тот, сопровождая меня к выходу. – Мой слуга заберет тело.

– Это лесопилка моей тетушки, значит, беспокоиться стоит, – вежливо, но твердо отозвался Джейми. – Чем я и займусь.

Федра ждала снаружи, у повозки.

– Говорила же вам, что там полно привидений. – Она оглядела меня с мрачным удовлетворением. – Вы бледная как полотно, мэм. – Федра

вручила мне флягу вина с пряностями и изящно сморщила носик. – А пахнете еще хуже, чем вчера, и выглядите, будто вышли со скотобойни. Присядьте тут в тени, выпейте.

Она уставилась на что-то за моим плечом. Я оглянулась и увидела, что Кэмпбелл уже стоит у платанов, растущих на берегу реки, и оживленно беседует со слугой.

– Нашла ее, – шепнула Федра. Взгляд девушки метнулся к горстке хижин, едва заметных с этой стороны лесопилки.

– Уверена? У тебя было мало времени.

Я подержала вино во рту. Резкий букет, к моему вящему удовольствию, помогал избавиться от гадкого привкуса смерти.

Федра кивнула и снова глянула на мужчин в тени деревьев.

– А много и не надо. Прошлась по домишкам, в одной дверь была открытой, и все разбросано, будто кто-то спешил. Наткнулась на негритенка и спросила, кто там живет. Он сказал, что Поллианна, но она ушла, и он не знает, куда. Спросила, когда она ушла, а он и говорит, что на ужине была, а утром ее уже никто не видел. – Глаза Федры потемнели от любопытства. – Теперь вы знаете, что делать?

Чертовски хороший вопрос, только как на него ответить? Я проглотила вино, а заодно и страх, комом вставший в горле.

– Рабам наверняка известно, что она пропала. Как скоро узнают остальные? Кто за это все должен отвечать, после смерти Бирнса?

Федра грациозно приподняла плечо.

– Кто спросит, тот сразу узнает. Но кто должен задавать вопросы? – Она кивнула на лесопилку. В открытой двери показался Джейми с завернутой в простыню ношей на руках. – Кажется, он.

«Я уже вмешался». Без всяких объявлений, без приглашений и согласий, он просто занял свое место, как недостающий кусочек мозаики. Он уже стал хозяином поместья, независимо от его желаний.

Слуга Кэмпбелла поспешил на помощь. Джейми бережно опустил свою ношу на землю, у лесоспуска. Я с благодарным кивком вернула флягу Федре.

– Захвати вещи, ладно?

Федра молча принялась доставать все необходимое – подстилку, ведро, чистые тряпки и кувшин с травами, – а я направилась к Джейми.

Он стоял на коленях и мыл руки в реке, чуть выше по течению от места, где оставил труп. Глупо отмываться перед работой, но привычка была сильнее меня. Я присоединилась к Джейми и макнула руки в воду. Прохладное течение уносило прочь воспоминания о липкой мертвой плоти

под пальцами.

– Я права, – шепнула я. – Женщину зовут Поллианна, сбежала она ночью.

Скорчив гримасу, Джейми оглянулся через плечо. Кэмпбелл стоял возле покойницы. На его лице по-прежнему читалось легкое отвращение. Нагнувшись, Джейми как следует умылся, а затем затряс головой, разбрызгивая капли, как мокрый пес. Потом кивнул мне и встал, вытираясь краем грязного пледа.

– Займись нашей бедняжкой, ладно?

Джейми решительно зашагал к мистеру Кэмпбеллу.

Одежда покойнице была ни к чему, поэтому я просто-напросто ее срезала. Раздетая, девушка выглядела лет на двадцать. Тощая, с торчащими ребрами и тоненькими, как прутики, ручками-ножками. Однако она оказалась на удивление тяжелой, да и трупное окоченение добавляло нам сложностей. Мы с Федрой успели порядком вспотеть, пока трудились.

По крайней мере, это занятие мешало разговорам, и я могла спокойно подумать. Хотя спокойными мои мысли назвать было сложно.

Если женщина хочет, как выразился Джейми, «вытравить ребеночка» самостоятельно, она делает это в собственной постели. Значит, единственная причина, чтобы забраться так далеко, – встретиться с кем-то, кто предложил свои услуги, а к ней попасть не может.

Я уже говорила, что надо искать среди рабов, живущих на лесопилке. Женщину, известную, как повитуха, например. О ком другие женщины говорят только между собой и шепотом.

То, что я, по всей видимости, была права, несколько меня не радовало. Повитуха сбежала, испугавшись, что умирающая успела о ней рассказать. Если бы Поллианна осталась и просто промолчала, Фаркуард Кэмпбелл поверил бы мне на слово, что несчастная истекла кровью по своей вине. А вот если побег Поллианны обнаружится – само собой! – ее поймут, допросят, и вся правда выплывает наружу. И что тогда?

Интересно, применяют ли и здесь закон о пролитой крови? «Наверняка», – мрачно размышляла я, выливая очередное ведро воды на безвольное мертвое тело.

Чертова идиотка, обругала я покойницу, стараясь заглушить бесполезную жалость злостью. Чем я могу ей помочь? Да ничем, разве что разобраться с той кашей, которую она заварила. И, наверное, попытаться спасти еще одну участницу трагедии, злополучную повитуху, которая невольно стала убийцей, хотя всего лишь хотела помочь. А теперь должна

заплатить за эту ошибку собственной жизнью.

Я заметила флягу в руках Джейми. Они с Кэмпбеллом время от времени к ней по очереди прикладывались и оживленно беседовали, то и дело указывая на лесопилку или на город вдали.

– Мэм, у вас есть гребень? Ее расчесать бы.

Вопрос вернул меня в реальность. Федра сидела на корточках у трупа, стараясь распутать каштановые пряди пальцами.

– Нельзя же бедное дитя хоронить в таком виде, – покачала она головой.

«Дитя» из уст Федры, которая выглядела немногим старше покойницы, прозвучало странно, да и трупу уже было все равно, каким его положат в могилу. Однако я извлекла из кармана гребешок из слоновой кости, и Федра принялась за работу.

Мистер Кэмпбелл готовился к отбытию. Лошади нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Скрипнули козлы – кучер занял свое место. Поймав мой взгляд, Кэмпбелл снял шляпу и учтиво поклонился. Я быстро присела в ответном реверансе и вскоре уже с облегчением смотрела вслед экипажу. Федра тоже оставила свое занятие. Она что-то пробормотала вполголоса и сплюнула в пыль – не со зла, а защищаясь от недобрых сил, я уже видела такой «ритуал».

– Лучше бы мистер Джейми нашел эту Поллианну до заката. В лесу полно диких зверей, а мистер Улисс говорит, она двести фунтов стоила, когда мисс Йокаста ее покупала. Леса эти Поллианна не знает, она прямиком из Африки, здесь только с год, – проговорила Федра и вернулась к работе. Темные пальцы, как пауки, быстро и ловко заскользили по гладким волосам трупа. Я тоже наклонилась, пораженная внезапным открытием – цепочка событий, которая втянула Джейми во все это, ухватила и меня. Я больше не стояла в стороне, как думала раньше. И не смогу отойти в сторону, как бы мне того ни хотелось.

Федра помогла мне с Поллианной не из доверия или симпатии, а потому, что я жена хозяина. Поллианну надо найти и спрятать. Джейми, как полагала Федра, именно это и сделает, ведь рабыня – его собственность. Ну, или Йокасты, что в глазах Федры одно и то же.

Наконец мы уложили незнакомку, чистую и расчесанную (Федра даже заплела ей косы), на старую простыню, которую я захватила для савана. Травы я прихватила скорее по привычке, но теперь была этому рада. Не столько потому, что они могли замедлить процесс разложения, сколько ради единственного доступного нам – и необходимого – элемента ритуала.

Гниющий кусок плоти никак не вязался с той прохладной ладошкой,

которая стискивала мою, с полным боли шепотом, едва слышным в удушающей тьме. И все же ощущение горячей крови на руках казалось мне куда более реальным, чем печальное зрелище перед глазами – пустая оболочка, обнаженная перед незнакомцами.

Ближайший священник жил в Галифаксе, так что несчастную похоронят без отпевания... да и к чему ей оно? Все эти обряды существуют лишь для утешения живых, скорбящих об утрате. Вряд ли кто-то будет горевать по этой девушке, ведь если бы у нее был близкий человек – родственник, муж, да хоть любовник, – она не умерла бы.

Для меня она никто, и вскоре я о ней позабуду, но сейчас я скорбела и о самой девушке, и о ее ребенке. Поэтому, скорее ради себя, чем ради них, я опустилась на колени и принялась раскладывать травы – душистые и горькие, листья руты и цветы иссопа, розмарин, тимьян и лаванду. Некое подношение, дань памяти мертвой – от живой.

Федра молча наблюдала, тоже стоя на коленях. А потом осторожно накрыла лицо покойницы саваном. Подошедший Джейми поднял тело и отнес к повозке.

Он не проронил ни слова до тех пор, пока я не уселась с ним рядом на козлах. Джейми стегнул лошадей вожжами и щелкнул языком.

– А теперь – искать сержанта, – сказал он.

Сперва, конечно, нам пришлось заняться другими делами. Мы вернулись в поместье и оставили Федру. Джейми скрылся в доме, а я отправилась навестить своего пациента и рассказать Иокасте об утренних событиях.

Однако выяснилось, что беспокоилась я зря. Фаркуард Кэмпбелл уже потягивал чай в компании Иокасты в небольшой столовой. Джон Майерс, закутавший филейную часть в плед цветов Кэмеронов, возлежал на обтянутой зеленым бархатом кушетке и бодро уминал лепешки. Судя по непривычной чистоте голых ног, кто-то воспользовался его временной бессознательностью и хорошенько отмыл.

– Дорогая, – повернулась ко мне Иокаста с улыбкой. – Присядьте, дитя мое, перекусите. Ночь у вас выдалась беспокойная, да и утро, как вижу, под стать.

Обычно обращение «дитя» звучало для моих ушей то ли забавно, то ли оскорбительно, но сегодня оно странным образом меня утешило. Я благодарно опустилась в кресло. Пока Улисс наливал чай, я все гадала, чем Кэмпбелл успел поделиться с Иокастой – и что он сам вообще знал.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась я у Майерса.

Выглядел он на удивление жизнерадостным, учитывая, сколько алкоголя выпил накануне. Цвет кожи был нормальным, а аппетит вполне здоровым, судя по количеству крошек на тарелке рядом.

Майерс радушно кивнул, чавкая, и с усилием сглотнул.

– Поразительно чудесно, мэм, сердечно вас благодарю! Побаливает вот тут, конечно, – он осторожно погладил упомянутое место, – но как чудно вы там сшили! Мистер Улисс подсобил и принес мне зеркало, – пояснил Майерс, качнув головой в некоем благоговении. – Никогда не видел себя с той стороны. Ух сколько у меня там волос, будто папка мой медведем был!

Он от души расхохотался, а Фаркуард Кэмпбелл спрятал улыбку в чашке чая. Улисс отвернулся к подносу, но я успела заметить, как у него дернулся уголок рта.

Иокаста тоже громко рассмеялась, весело сощулив слепые глаза.

– Говорят, что мудрое дитя должно знать своего отца, Джон Куинси. Я вот отлично знала твою мать и могу с уверенностью заявить, что с медведями она не водилась.

Майерс покачал головой.

– Ну, матушка обожала волосатых мужчин. Говорила, с ними на редкость хорошо проводить холодные зимние ночи. – Он с явным удовольствием глянул на поросль на своей груди, видневшуюся в распахнутом вороте рубахи. – Может, оно и правда так. Индианкам, кажется, это тоже по душе... а может, просто в новинку. У их мужиков-то даже на яйцах ничего толком не растет, что уж говорить о заднице.

Мистер Кэмпбелл подавился лепешкой и громко закашлялся, прикрывая рот салфеткой. Тайком улыбнувшись, я сделала большой глоток из чашки. Крепкая и ароматная индийская чайная смесь пришлась как нельзя кстати, несмотря на утреннюю жару. Хотя на лице выступили бисеринки пота, чай приятным теплом оседал в растревоженном желудке. Запах чая избавлял от трупной вони, засевшей в носу, а веселый разговор заставлял забыть о мрачных событиях.

Я с тоской глянула на мягкий каминный коврик. Сейчас бы лечь... С неделю проспала бы, не меньше.

В столовую вошел Джейми, гладко выбритый и расчесанный. Он сменил грязные вещи на темный сюртук и чистую рубашку. Джейми кивнул Кэмпбеллу, ничуть не удивившись его присутствию. Должно быть, еще в коридоре услышал голос.

– Тетушка... – Джейми приветственно поцеловал Иокасту в щеку, а потом улыбнулся Майерсу. – Как ты, друг? Или скорее спрошу: как они?

– Целы и невредимы, – заверил его Майерс и задумчиво потер рукой

между ног. – Правда, думаю, еще пару дней я на лошадь не сяду.

– Наверняка, – согласился Джейми. – Тетушка, вы сегодня утром видели Дункана? – повернулся он к Иокасте.

– Я дала ему небольшое поручение, так что он уехал вместе с мальчонкой. – Иокаста с улыбкой стиснула запястье Джейми. – Мистер Иннес – такой замечательный, такой любезный. И вдобавок способный, благоразумный. Беседовать с ним – сплошное удовольствие. Разве ты так не считаешь, племянник?

Джейми с любопытством посмотрел на тетушку и мельком взглянул на Кэмпбелла. Тот попивал чай и якобы внимательно изучал большую картину над каминной полкой.

– Безусловно, – сухо отозвался Джейми. – Дункан – очень полезный человек. И Иэн отправился с ним?

– Да, забрать для меня кое-какую посылочку, – безмятежно сообщила Иокаста. – А Дункан тебе нужен прямо сейчас?

– Нет, – медленно отозвался Джейми. – Подожду.

Иокаста наконец выпустила его рукав из пальцев и потянулась за чашкой. Та как всегда стояла наготове.

– Вот и хорошо. Позавтракаешь? И, Фаркуард... еще лепешку?

– О, нет, благодарю. Дела в городе не ждут. – Кэмпбелл поставил чашку на стол и, поднявшись, отвесил Иокасте и мне поклоны. – Всегда к вашим услугам, леди. Мистер Фрейзер, – кивнул он Джейми, а затем вышел из столовой вслед за Улиссом.

Джейми, напротив, сел и потянулся за гренкой.

– Поручение... Тетушка, Дункан ищет рабыню?

– Да. – Иокаста, слегка хмурясь, обратила взор слепых глаз на племянника. – Ты не против? Я знала, что Дункан – твой человек, а дело срочное.

– Что рассказывал Кэмпбелл?

Я догадывалась, о чем думает Джейми. Несгибаемый и прямолинейный, мистер Кэмпбелл, представитель правосудия, который и пальцем не пошевелил, когда мог предотвратить чудовищное линчевание, вряд ли будет участвовать в заговоре, чтобы спасти рабыню, вдобавок незаконно делающую аборт. И все же... может, так он захочет загладить вину за то, что не смог предотвратить?

Иокаста едва заметно пожала изящными плечами. Уголок рта дернулся.

– Я знаю Фаркуарда Кэмпбелла уже двадцать лет, дорогой племянник. И лучше слышу и понимаю то, что он скрывает, чем говорит прямо.

– Не скажу, что мой слух настолько хорош, – подал голос Майерс, который с интересом следил за разговором. – Я-то всего лишь услышал рассказ о бедняжке, что случайно себя убила на лесопилке, когда пыталась избавиться от бремени. Мистер Кэмпбелл сказал, что не знает девчонку.

– То есть она нездешняя, – заметила Иокаста. – Фаркуард знает всех живущих вдоль реки и городских так же отлично, как я своих. Это не чья-то дочь или служанка. – Иокаста поставила чашку на место и со вздохом откинулась на спинку кресла. – Ладно. Поешь-ка, дорогой. Ты, должно быть, умираешь с голоду.

Джейми устался на тетушку, держа нетронутую гренку. А потом и вовсе уронил ее обратно на блюдо.

– Что-то у меня аппетита нет, тетушка. Подташнивает от мертвых девиц. – Он встал и оттряхнул полы сюртука. – Может, она ничья дочь или слуга, но сейчас она лежит во дворе и над ней вьются мухи. Прежде чем мы ее похороним, я узнаю, как зовут несчастную.

Джейми развернулся на пятках и вышел. Я осушила чашку и с тихим стуком опустила ее на стол.

– Простите, – извиняющимся тоном сказала я. – Я тоже не голодна.

Иокаста не шевельнулась. Выражение ее лица оставалось прежним. Покидая столовую, я заметила, как Майерс аккуратно сцапал последнюю лепешку.

К королевским складам в конце Хэй-стрит мы добрались примерно к полудню. Они стояли неподалеку от города, на северной стороне реки, где обнаружился даже причал для разгрузки товара. Казалось, приставлять туда охрану совершенно незачем – около строения не было ни души. Только желтоватые бабочки, которым нипочем жара и духота, без усталости порхали над цветущими кустами.

– А что здесь хранят?

Я с любопытством уставилась на здоровенный склад. Огромные двойные двери были закрыты на засов, перед ними оловянным солдатиком застыл часовой в красном мундире. Рядом виднелась постройка куда меньшего размера, с поникшим на безветрии британским флагом. Скорее всего, там и обитал искомый сержант.

Джейми пожал плечами и отмахнулся от назойливой мухи. Их вокруг нас собиралось все больше и больше, даже несмотря на движущуюся повозку. Я тайком принюхалась, но уловила лишь едва заметный аромат тимьяна.

– Все, что Корона считает ценным. Меха из глубины страны, военно-

морские припасы – деготь и терпентин. Но охраняют склад из-за спиртного.

В каждой таверне варили свое пиво, в каждом доме был свой рецепт яблочного бренди и вишневого вина. Однако более крепкие напитки оставила за собой Корона: обычный бренди, виски и ром ввозили в колонии крошечными партиями и под усиленной охраной, а потом продавали за огромные деньги по королевской лицензии.

– Что-то у них немного запасов, – кивнула я на одинокого стража.

– Да, корабли со спиртным приходят из Уилмингтона раз в месяц. Кэмпбелл говорит, что дни отправки постоянно разные, чтобы уменьшить риск ограбления, – рассеянно произнес Джейми. На его лбу залегла морщинка.

– Думаешь, Кэмпбелл нам поверил? Что она сама себя убила? – Я неосознанно оглянулась.

Джейми фыркнул.

– Конечно, нет, саксоночка, он не дурак. Но он добрый друг моей тетушки и не станет мутить воду, если его не вынудят. Будем надеяться, что никто шум не поднимет.

– Как хладнокровно, – тихо заметила я. – Раньше ты думал иначе... Хотя ты прав: если бы у нее был близкий человек, она не умерла бы.

Джейми уловил горечь в моем голосе и обернулся.

– Не хочу казаться жестоким, саксоночка, – мягко сказал он, – но бедняжка уже мертва. И я ничего не могу для нее сделать, разве что достойно похоронить. Я должен заботиться о живых, понимаешь?

Я вздохнула и коротко сжала его руку. Объяснить, что я чувствовала, мне не удалось бы в любом случае. Слишком сложно. Я застала эту девчонку еще живой, за считанные минуты до смерти, которую было никак не предотвратить. Несчастная умерла у меня на руках, и теперь душу раздирает тщетный гнев: где-то я допустила ошибку, черный ангел смерти меня обхитрил. Девчонка была почти одного возраста с Брианной, у которой в подобной ситуации тоже никого не будет рядом.

– Знаю. Просто... я как будто несу ответственность за нее в каком-то смысле.

– И я. Не бойся, саксоночка. Мы проследим, чтобы с ней обошлись как должно.

Джейми остановил лошадей под каштаном и, спрыгнув на землю, протянул мне руку.

Казарм рядом не оказалось. Кэмпбелл говорил Джейми, что десять

солдат, прикрепленных к складу, живут в городе. Секретарь, который сидел в служебном кабинете, отправил нас в дом напротив, с изображением золотого гуся, где сержант, скорее всего, изволит обедать в данный момент.

Сержанта я увидела, стоило мне перешагнуть порог таверны, – он сидел за столом у окна. Шейный платок свободно болтался, мундир был расстегнут – доблестный воин явно наслаждался покоем в обществе кружки эля и остатков корнуолльской выпечки.

Джейми вошел вслед за мной, и его тень тут же заслонила солнце, чьи лучи пробивались сквозь открытую дверь. Сержант поднял голову. Даже в полумраке таверны я рассмотрела изумление на его лице. Джейми замер за моей спиной и буркнул что-то на гэльском. Непристойно выругался, насколько я поняла. Однако в следующий миг он уже шагнул вперед безо всяких колебаний.

– Сержант Мурчисон, – слегка удивленно произнес Джейми, будто встретил давнего знакомого, – не думал, что снова вас увижу... по крайней мере на этом свете.

Сержант явно придерживался того же мнения. Кровь прилила к мясистым, покрытым оспинами щекам, и Мурчисон резко встал. Деревянная скамья скрипнула по полу.

– Ты! – воскликнул сержант.

Джейми снял шляпу и вежливо наклонил голову.

– К вашим услугам, сэр.

Я наконец рассмотрела его лицо – спокойное на вид. Он был насторожен и потрясен, хоть и не так явно, как сержант.

Мурчисон постепенно взял себя в руки. Изумление сменилось легким презрением.

– Фрейзер... О, прошу меня простить, теперь ты мистер Фрейзер, так?

– Так, – ровным голосом согласился Джейми.

Что бы между ними ни приключилось в прошлом, сейчас лишние конфликты были ни к чему. Особенно когда в повозке, стоявшей снаружи, лежал страшный груз. Я тайком вытерла взмокшие ладони о юбку.

Сержант принялся медленно застегивать мундир, не сводя с Джейми глаз.

– Слышал, что сюда прибыл некий Фрейзер и теперь сидит на шее у госпожи Кэмерон из «Горной реки». – Он скривил пухлые губы. – Значит, ты?

Настороженность в глазах Джейми превратилась в сверкающий лед, но сам он продолжал приятно улыбаться.

– Госпожа Кэмерон – моя родственница. Я прибыл от ее имени.

Сержант запрокинул голову и смачно почесал шею. На бледной жирной коже проявилась глубокая красная полоса, словно кто-то пытался удушить его гарротой.

– Родственница, ха. Так может любой дурак сказать. Говорят, дамочка-то слепая, как летучая мышь. Мужа у нее нет, как и сыновей. Легкая добыча для прохвоста, который заявится и сообщит, что он родня. – Сержант ухмыльнулся и, мельком взглянув на меня, злобно уколол: – А это твоя шлюха?

– А это – моя жена, госпожа Фрейзер.

Джейми коротко стиснул пальцами подол камзола, ничем иным не выдав свои чувства. Он вскинул брови, изучая сержанта с бесстрастным любопытством.

– Сэр, а вы который из? Прошу прощения за свою далеко не идеальную память, но вынужден признать, что никогда не мог различить вас с братом.

Сержант, поправлявший платок, замер, словно его подстрелили.

– Черт тебя дери! – выплюнул он и побагровел так, что мне захотелось напомнить ему про артериальное давление. Однако я промолчала.

В этот момент сержант заметил, что все посетители таверны с интересом за ним наблюдают. Яростно зыркнув по сторонам, он схватил шляпу и затопал на выход, по пути ухитрившись пихнуть меня так, что я едва устояла на ногах.

Джейми успел подхватить меня под руку, а потом тоже нырнул в дверь. Я рванула следом. Джейми как раз окликал сержанта:

– Мурчисон! На пару слов!

Тот резко развернулся, сжав кулаки по обе стороны красного мундира. Солдатская форма на удивление была ему к лицу. Глаза угрожающе вспыхнули.

– Слов? И что же ты собираешься мне сказать... мистер Фрейзер?

– Кое-что, напрямую связанное с вашим служебным долгом, сержант, – с прохладцей отозвался Джейми и кивнул на повозку, которую мы оставили в тени ближайшего дерева. – Мы привезли вам труп.

Во второй раз на лице Мурчисона застыло изумление. Он с недоверием посмотрел на повозку. Над ней лениво вились стайки мух и мошек.

– Вот как.

Все же сержант знал свои обязанности. Дружелюбней он, конечно, не стал, однако кровь отхлынула от его лица, да и кулаки разжались.

– Труп? Чей?

– Понятия не имею, сэр. Надеюсь, что вы нам это скажете. Взглянете?

После секундной заминки Мурчисон кивнул и шагнул к повозке. Я поспешила к ним и как раз успела увидеть потрясение, мелькнувшее на его лице, когда он откинул верх импровизированного савана. Мурчисон совершенно не умел скрывать чувства. Впрочем, зачем это солдату?

– Вы ее узнали, не так ли? – Джейми тоже отлично рассмотрел выражение лица сержанта.

– Я... она... то есть... да.

Мурчисон захлопнул рот, словно боялся выдать что-то еще, и уставился на мертвую девушку, медленно цепенея.

Вслед за нами из таверны вышли несколько человек. Они держались поодаль, но некоторые любопытно вытягивали шеи в нашу сторону. Скоро вся округа узнает о случившемся на лесопилке. Хоть бы Дункан с Иэном поспешили...

– Что с ней произошло? – наконец спросил Мурчисон, столь же бледный, как тело перед нами.

Джейми внимательно за ним следил.

– То есть вы ее знаете? – повторил он вопрос.

– Она... была прачкой. Лисса... ее звали Лисса Гарвер. – Сержант отвечал машинально, не в силах оторвать взгляд от повозки. Его лицо застыло, губы побелели, а кулаки вновь сжались. – Что произошло?

– У нее есть семья в городе? Может, муж?

Вопрос был уместным, но Мурчисон вскинул голову, будто Джейми его ударил.

– Не твое дело, ясно? – Он оскалил зубы в подобии вежливой улыбки. – Говори, что случилось.

– Она хотела избавиться от ребенка. Неудачно, – тихо ответил Джейми. – Если у нее есть муж, то он должен знать. Если нет... если у нее нет семьи, то мы сами обеспечим ей достойные похороны.

Мурчисон снова заглянул в повозку.

– Есть у нее кое-кто, не беспокойся. – Он отвернулся и яростно потер лицо рукой, словно хотел стереть с него все чувства. – Ступай в мой кабинет, – приглушенно продолжил Мурчисон. – Оставишь заявление... секретарь все сделает. Пошел, давай!

В кабинете мы никого не застали. Секретарь наверняка тоже ушел обедать. Я присела, а вот Джейми принялся беспокойно мерить шагами небольшую комнату. Взгляд его метался то по флагам на стене, то по шкафу с выдвижными ящиками в углу позади стола.

– Вот так везение, – буркнул Джейми себе под нос. – Занесло же сюда Мурчисона.

– Похоже, ты хорошо знаешь сержанта?

Джейми глянул на меня с кривой усмешкой.

– Достаточно. Он служил в гарнизоне Ардсмурской тюрьмы.

– Ясно. – Что ж, мягко скажем, они друг друга недолгобливают. В крошечном кабинете стояла духота, и я промокнула струйку пота. – Как думаешь, что он здесь делает?

– Это я как раз знаю наверняка. Его отправили охранять заключенных, которых перевозили на продажу в качестве рабов. А возвращать своих людей в Англию Короне незначит, солдаты нужны и здесь.

– А что за история с его братом?

Джейми хмыкнул – коротко и невесело.

– Их было двое близнецов. Мы их звали Малыш Билли и малыш Бобби. Как две капли воды похожие, и не только на вид.

Джейми помолчал, собираясь с мыслями. Он нечасто рассказывал об Ардсмуре, и сейчас по его лицу заскользили тени воспоминаний.

– Знаешь, есть такие люди, которые сами по себе вполне порядочные, но стоит им сойтись с себе подобными, как сразу превращаются в волков?

– Не оскорбляй волков, – улыбнулась я. – Вспомни нашего Ролло. Да, понимаю, о чем ты.

– Тогда в свиней. В общем, в тварей. Таких в армии хоть отбавляй. Толпой мужчины будут творить такое, о чем даже не задумывались сами по себе.

– А Мурчисоны всегда держались вместе? – медленно произнесла я.

Джейми кивнул.

– Именно. И если у одного еще могла проснуться совесть, то на пару им было все нипочем. Когда кто-то из них влипал... что ж, все равно никто не мог сказать, который виноват. – Джейми, метавшийся туда-сюда, как пантера в клетке, замер у окна. – Я... Все узники жаловались на дурное обращение, но офицеры не могли наказать обоих за грехи одного, а пострадавший редко мог сказать, который из Мурчисонов лупил его ногами по ребрам или подвесил на крюк за кандалы и оставил так, пока несчастный не обмочился на потеху всему гарнизону.

Джейми не сводил взгляда с чего-то снаружи, перестав контролировать выражение лица. Он говорил о тварях – и воспоминания пробудили зверя в нем самом. Синие, как сапфиры, глаза не мигали.

– А здесь оба брата? – спросила я, скорее желая сбить этот пугающий настрой, чем узнать ответ.

Сработало – Джейми резко отвернулся от окна.

– Нет, – коротко бросил он. – Это Билли. Малыш Бобби умер в Ардсмуре.

Джейми коротко дернул клетчатую ткань. Я вдруг задумалась: почему этим утром он остался в килте, а не сменил его на бриджи? Вот так щеголять перед английскими солдатами – все равно, что размахивать красной тряпкой перед носом у быка. Теперь я поняла.

Однажды право ношения килта уже отобрали у Джейми, чтобы лишить гордости и мужественности. Но все усилия оказались напрасными, и Джейми подчеркивал их неудачу – причем плевать, насколько это разумно. Разумность вообще слабо вязалась с упрямой гордостью, которая пережила столько лет унижений.

– Судя по реакции сержанта, умер он не от естественных причин.

– Да. – Джейми вздохнул и слегка повел плечами, затянутыми в камзол. – По утрам нас отвозили на каменоломню. Возвращались мы уже в сумерках. К каждой повозке приставляли по два-три стражника. Однажды малыша Бобби назначили командовать стражей. Утром он выехал с нами... а вечером не вернулся. – Джейми снова выглянул в окно. – На дне карьера был очень глубокий водоем.

Его бесстрастный тон так же леденил душу, как и жестокий рассказ. У меня по спине пробежал холодок, несмотря на духоту.

– А ты... – начала я, но Джейми приложил палец к губам и вскинул голову в сторону двери. Через миг я тоже расслышала шаги.

Однако вошел не секретарь, а сержант. Он тяжело дышал, по лицу, обрамленному париком, стекал пот, да и вообще цветом оно напоминало свежую говяжью печень.

Сержант устоял на пустое место за столом и злобно хмыкнул. Я содрогнулась, словно была тем самым отсутствующим секретарем, а сержант попросту смахнул со стола все бумаги. Затем схватил чистый лист и с грохотом припечатал его об стол оловянной чернильницей.

– Пиши. Где нашел, что произошло. – Сержант сунул Джейми грязное гусиное перо. – Дата, подпись.

Джейми прищурился, но перо не взял. У меня внутри что-то оборвалось. Джейми левша, его насильно приучили писать правой рукой, которая теперь искалечена. Буквы он выводил медленно и с огромным трудом, сминая покрытые кляксами и пятнами пота листы. Да и сам он оказывался не в лучшем состоянии. Ни за что на свете Джейми не станет так унижаться в присутствии Мурчисона.

– Сядь. Пиши, – процедил сержант.

Глаза Джейми совсем превратились в щелки, но, прежде чем он успел заговорить, я выхватила у сержанта перо.

– Я тоже там была, я напишу.

До чернильницы дотянуться я не успела – Джейми обхватил мое запястье ладонью, выдернул перо из моих пальцев и бросил на середину стола.

– Ваш секретарь сможет найти меня позже, в доме моей тетушки, – сообщил он Мурчисону. – Пойдем, Клэр.

Не дожидаясь ответа от сержанта, Джейми сжал мой локоть и едва ли не вздернул меня на ноги. Мы оказались снаружи так быстро, что я не успела ничего сообразить. Повозка стояла на прежнем месте. Пустая.

– Ну, пока что она в безопасности. Слушай, Макдью, что нам вообще, черт возьми, делать с этой женщиной?

Дункан поскреб щетину на подбородке. Они с Иэном провели три дня в лесу – искали рабыню по имени Поллианна.

– Перевозить ее будет сложно, – влез Иэн, утягивая с тарелки кусок бекона, который сразу разделил пополам и отдал часть Ролло. – Бедная леди чуть не умерла от страха, когда Ролло ее обнюхал, так что мы черт знает сколько пытались поднять ее на ноги. И на лошадь усадить не получилось... В общем, мне пришлось идти пешком и всю дорогу ее поддерживать.

– Надо отвезти Поллианну куда-нибудь подальше, – нахмурилась Иокаста, в задумчивости прикрыв слепые глаза. – Мурчисон вчера утром снова нагрянул на лесопилку и всех там достал. А вечером Фаркуард Кэмпбелл прислал весточку: Мурчисон объявил смерть девушки убийством и приказал прочесать местность и найти виновную рабыню.

– Вы думаете, она могла? – Иэн перевел взгляд с Джейми на меня. – Ну, случайно, в смысле?

Я содрогнулась, вспоминая, как взяла в руки металлический вертел.

– Есть три варианта: несчастный случай, убийство или самоубийство. И есть масса других, куда более простых способов покончить с собой, уж поверьте. Для обычного убийства нет причин, по крайней мере, мы о них не знаем.

– Неважно, что там случилось, – присоединился к разговору Джейми. – Если рабыня попадет Мурчисону в руки, он либо ее сразу повесит, либо заперет до смерти. Суда не будет. Нет, мы должны ее вывезти. Я уже договорился с нашим другом, Майерсом.

– О чем это ты с ним договорился? – резко спросила Иокаста, заглушая

раздавшиеся восклицания и вопросы.

Прежде чем заговорить, Джейми тщательно намазал гренку маслом и протянул Дункану.

– Мы отвезем рабыню в горы. Майерс говорит, индейцы ее примут, и он знает подходящее местечко, где малыш Билли Мурчисон ее не достанет.

– Мы? – вежливо поинтересовалась я. – Кто это мы?

Джейми усмехнулся в ответ.

– Майерс и я, саксоночка. Мне нужно отправиться в глубь страны и посмотреть, что там да как, пока не ударили холода, а это отличная возможность. Лучше, чем Майерс, проводника я не найду.

Он предпочел умолчать, что ему тоже было бы неплохо временно исчезнуть из поля зрения Мурчисона.

– Ты же возьмешь меня с собой, дядюшка? – Иэн смахнул с возбужденного лица спутанные волосы. – Тебе потребуется помощь, поверь! Рабыня огромная, как бочка черной патоки!

Джейми улыбнулся племяннику.

– Хорошо, Иэн. Думаю, нам пригодятся лишние руки.

– Кхм! – Я недобро уставилась на Джейми.

– ...чтобы приглядывать за твоей тетушкой, по крайней мере, – продолжил он, ответив мне аналогичным взглядом. – Отправимся через три дня, саксоночка... если Майерс к тому времени сможет сидеть верхом.

Я приготовила дорожную сумку с лекарствами и инструментами, а седельные мы набили едой, одеялами и кухонными принадлежностями. Оставался лишь небольшой вопрос, связанный с одеждой.

Я обмотала длинную полосу шелка крест-накрест вокруг груди и завязала спереди на изящный бантик, а потом придирчиво изучила результат в зеркале.

Неплохо. Я вытянула руки и подвигалась из стороны в сторону, проверяя. Да, сойдет. Хотя, если обернуть еще раз, прежде чем скрещивать...

– Чем это ты тут занимаешься, саксоночка? И что ты, прости господи, надела?

Прислонившись к дверному косяку, Джейми не сводил с меня удивленного взгляда.

– Пытаюсь соорудить бюстгальтер, – с достоинством объяснила я. – Я не намерена разъезжать по горам на дамском седле в платье, а без корсета грудь будет всю дорогу болтаться. Мне это совсем уж ни к чему. Ужасно неудобно.

– Могу представить. – Джейми немного приблизился и осторожно меня обошел, держась на расстоянии. – А это что? – с интересом глянул он на мои нижние конечности.

– Нравится?

Я положила руки на бедра, демонстрируя кожаные штаны на завязках, что соорудила для меня Федра (нервно посмеиваясь в процессе) из мягкой оленьей шкуры, которую предоставил кто-то из товарищей Майерса в Кросс-Крике.

– Нет, – прямо ответил Джейми. – Тебе нельзя расхаживать в... в... – Он махнул рукой на мои ноги, потеряв дар речи.

– В штанах, – закончила за него я. – Конечно же, можно. В Бостоне я их все время носила. Очень удобно.

Джейми молча на меня уставился, а потом снова медленно обошел.

– Ты носила их вне дома? – наконец раздался недоверчивый голос из-за моей спины. – На людях?

– Да, – сердито бросила я. – Как и большинство женщин. Что в этом такого?

– Что в этом такого?! – поразился Джейми. – Господи, видно же твою задницу, саксоночка!

– Ну и твою видно, и что? – заметила я, повернувшись к нему лицом. – Я ее в бриджах наблюдаю месяцами напролет, но сие зрелище лишь время от времени побуждает меня на непристойные действия.

Джейми шевельнул губами, не уверенный, стоит ли смеяться. Воспользовавшись замешательством, я быстро шагнула вперед и уверенно схватила его за зад.

– Вообще-то, как раз килт вызывает у меня желание завалить тебя на пол и изнасиловать, – сообщила я. – Но в бриджах ты тоже хорош.

Джейми все-таки рассмеялся и глубоко меня поцеловал, осторожно поглаживая обтянутые кожаными штанами ягодицы. Он мягко сжал их, и я непроизвольно обняла его крепче.

– Снимай, – заявил он.

– Но я...

– Снимай, саксоночка, – твердо повторил Джейми. Он отстранился и потянул за тугой шнурок у себя на ширинке. – Потом снова наденешь. Если тут и произойдет насилие, то совершу его я, поняла?

Часть пятая

Да здравствуют земляничные поля

Глава 14

Побег от грядущего гнева

Август 1767-го

Рабыню спрятали в сушильном сарае на самом краю владений Фаркуарда Кэмпбелла. Вряд ли нас заметили бы, разве что рабы самого Кэмпбелла, но они и так знали, – однако мы приехали за ней, как только стемнело, и лиловый закат сменился серыми тонами.

Женщина выскользнула наружу, будто призрак, закутанная в плащ с капюшоном, и ее взгромоздили на запасную лошадь, торопливо, как контрабанду на борт корабля. Что, собственно, было недалеко от правды. Рабыня поджала ноги и вцепилась в седло обеими руками, сторбившись от страха. Она явно никогда не ездила верхом.

Майерс попытался передать ей поводья, но она даже не заметила и лишь сильнее скрючилась, постанывая от ужаса. Мужчины начинали тревожно вглядываться в пустые поля, словно ожидали, что вот-вот из-под земли выскочит Мурчисон с приспешниками.

– Пусть со мной едет, – предложила я. – Может, так ей будет спокойнее.

Женщину с трудом оторвали от ее лошади и усадили на круп моей, сразу за седлом. От рабыни одуряюще остро пахло свежими листьями табака и еще чем-то мускусным. Она тут же обхватила мою талию. Я похлопала ее по руке, и рабыня прижалась сильнее.

Не удивительно, что она до смерти напугана. Я повернула лошадь, следуя за Майерсом. Может, рабыня и не знала про шумиху, которую Мурчисон поднял в округе, но явно не сомневалась в том, что ее ждет в случае поимки. Она наверняка была в той толпе, когда линчевали ее собрата.

Здесь рабыню ждала неминуемая смерть. Оказаться в руках краснокожих дикарей было, наверное, все же лучшей участью. Правда, ненамного, судя по дрожи женщины. Хотя погода стояла далеко не прохладная, рабыня тряслась как осиновый лист.

Она меня чуть не придушила, когда из кустов, словно лесной демон, вылетел Ролло. Лошади он тоже не понравился – она попятилась, фыркая, и попыталась вырвать у меня повод. Стоит признать, что выглядел пес

достаточно грозно, даже будучи вполне благодушно настроенным – Ролло обожал походы. Однако он все равно оставался зловещим: оскаленные зубы, прищуренные глаза, да и вдобавок из-за расцветки пес почти сливался с сумеречными тенями. Можно подумать, что он возникает из ниоткуда, словно воплощение Голода.

Ролло промчался мимо, и рабыня всхлипнула. Шею обдало ее горячим дыханием. Я снова похлопала женщину по руке и попыталась заговорить, однако ответа не дождалась. Дункан упоминал, что рабыня родилась в Африке и почти не знает английского. Впрочем, должна же она понимать самые простые слова?

– Все будет хорошо, – повторила я. – Не бойся.

Слишком занятая лошадью и спутницей, я заметила Джейми, только когда он вдруг возник у моего стремени.

– Как дела, саксоночка? В порядке?

– Пока да. – Я кивнула на руки, крепко обхватившие талию. – Если не умру от недостатка воздуха.

Джейми улыбнулся.

– Ну, по крайней мере, она не свалится.

– Хорошо бы с ней поговорить, успокоить. Бедняжка отчаянно боится. Как считаешь, она вообще понимает, куда мы ее везем?

– Вряд ли. Даже я этого не знаю.

Сегодня Джейми надел бриджи для верховой езды, но все равно обернул вокруг них плед, свободный конец перекинув через плечо. Темная ткань сливалась с лесными тенями, как когда-то с шотландским вереском, и я различала лишь белое пятно рубашки и светлый овал лица.

– Ты не знаешь каких-нибудь словечек из таки-таки? – спросила я. – Правда, она их тоже вряд ли поймет, если ее привезли не из Ост-Индии.

– Хм. – Джейми задумчиво глянул на мою спутницу. – Есть словечко, которое они все знают, неважно, откуда они родом. – Он твердо сжал колено рабыни. – Свобода, – сказал он и помолчал. – *Saorsa*. Ты меня понимаешь?

Рабыня не ослабила хватку, но я ощутила ее кивок.

Лошади шли одна за другой, следуя за Майерсом, даже не по дороге – по ухабистой тропе. Я сомневалась, что гнев Мурчисона достигнет нас в таких далеких краях – если сержант вообще будет нас преследовать, – но не могла избавиться от ощущения, что нам нужно бежать. Мы все одинаково беспокоились, пусть никто не заговаривал об этом вслух, и единогласно пришли к решению – уехать как можно дальше.

К ночи моя спутница либо постепенно привыкла и уже не боялась, либо просто слишком устала. После короткого привала она без лишних возражений позволила Иэну и Майерсу взгромоздить ее верхом. Хватку вокруг моей талии она не ослабила, но временами дремала, уткнувшись лбом мне в плечо.

Меня тоже то и дело клонило в сон из-за усталости, убаюкивающего перестука копыт и бесконечного шелеста ветвей над головой. Мы по-прежнему пробирались сквозь лес, и нас окружали высоченные и прямые, словно мачты давно затонувших кораблей, сосны.

В голове смутно крутились строки древней шотландской песни: «Полно ль земляники в соленых морях?.. Полно ль кораблей в зеленых лесах?..»

Любопытно, бродил ли автор по таким же местам, неземным в свете звезд и полумесяца, когда стираются все границы... Мы словно плыли, покачиваясь на волнах, а шорох ветвей звучал, как ветер, наполняющий паруса...

Остановились лишь на рассвете. Расседлали лошадей, стреножили их и отпустили пастись на лугу. Я тут же свернулась в клубок под боком у Джейми. Последним, что я услышала, был мерный хруст травы на лошадиных зубах.

Мы крепко проспали весь день и проснулись незадолго до заката – одеревеневшие, умирающие от жажды и покрытые клещами. Я искренне порадовалась, что эти паразиты, как и комары, мной брезговали. А вот Джейми и остальных я еще во время путешествия на север привыкла осматривать после каждой ночевки. И каждый раз находила незваных гостей.

– Фу, – выдохнула я, рассматривая особенно крупный, размером с виноградину, экземпляр. Он притаился у Джейми под мышкой, среди мягких рыжеватых волосков. – Черт, боюсь его вытаскивать, он может лопнуть.

Джейми пожал плечами, деловито ощупывая голову.

– Оставь, разберись пока с остальными, – предложил он. – Может, сам отвалится.

– Да, так и сделаю, наверное, – неохотно согласилась я.

Я уже сталкивалась с инфекциями, которые заносят, выдрав клеща, и мне совсем не хотелось лечить их прямо посреди леса. С собой я прихватила только основные лекарства и инструменты. К счастью, среди них был отличный пинцет из набора доктора Роулингса.

Майерс и Иэн, раздетые по пояс, справлялись сами. Огромный, как

черный бабуин, Майерс навис над мальчишкой и деловито копошился в его волосах.

– Вот тут еще мелкий. – Джейми наклонил голову и раздвинул пряди.

За ухом я увидела черное пятнышко и уже принялась аккуратно вытаскивать клеща, как почувствовала рядом чье-то присутствие. Пока мы разбивали лагерь, мне недосуг было следить за нашей беглянкой. Все-таки она не осмелилась бы ускользнуть в дикий и незнакомый лес одинешенька. Однако до ближайшего ручья она дошла и вернулась с ведром воды.

Опустив ношу на землю, рабыня зачерпнула пригоршню воды и набрала ее в рот. Потом зачем-то принялась яростно жевать с надутыми щеками. А после она подняла руку удивленного Джейми и резко выплюнула воду ему под мышку.

Рабыня осторожно пощекотала клеща, а заодно и Джейми, который щекотки боялся. Он тут же покраснел и вздрогнул. Поллианна удержала его за запястье, а уже через несколько мгновений раздувшаяся тварь упала ей на ладонь. Поллианна с отвращением сбросила клеща в траву и повернулась ко мне, довольная.

В плаще она напоминала мне шарик; без плаща, как оказалось, тоже. Роста она была очень маленького, не больше четырех футов, и такая же вширь. Коротко стриженная голова смахивала на пушечное ядро с настолько пухлыми щеками, что глаза превращались в крошечные щелки.

Рабыня как две капли воды была похожа на африканские резные фигурки плодородия, которые я видела в Ост-Индии. Пышная грудь, массивные бедра и влажная от пота кожа насыщенного цвета кофе, безупречная, как гладкий камень. Рабыня протянула мне на ладони несколько горошин, похожих на сушеную лимскую фасоль.

– Пау-пау, – сказала она таким глубоким голосом, что даже Майерс изумленно повернул голову.

Голос прозвучал сочно и гулко, как барабан. Заметив мою реакцию, рабыня смущенно улыбнулась и проговорила нечто непонятное. Впрочем, я узнала гэльский.

– Она говорит, что семена нельзя глотать, они ядовитые, – перевел Джейми. Он вытер подмышку краем пледа, с опаской наблюдая за рабыней.

– Аха, – согласилась Поллианна, яростно кивая, – йеда-вита!

Зачерпнув еще воды, она тщательно прополоскала рот и шумно сплюнула.

– А ты опасная, – улыбнулась я.

Рабыня явно уловила доброжелательный тон и улыбнулась в ответ.

Затем она снова сунула в рот пару семян пау-пау и поманила Майерса.

Когда мы покончили с ужином и снова собрались в путь, Поллианна осторожно изъявила желание попытаться ехать самостоятельно. Джейми уговорил ее подойти к лошади и объяснил, что первым делом нужно дать животному тебя обнюхать. Рабыня затряслась, когда ее коснулся огромный нос. Лошадь фыркнула, и Поллианна подпрыгнула на месте, захихикав глубоким голосом. А потом все же позволила Джейми с Иэном усадить ее в седло.

Мужчин Поллианна по-прежнему стеснялась, однако достаточно осмелела и уже заговаривала хотя бы со мной на странной смеси гэльского, английского и своего родного языка. Я узнавала, наверное, одно слово из десяти, но лицо и жесты Поллианны были настолько выразительны, что я зачастую обо всем догадывалась. Жаль, правда, что моя мимика не столь богата – Поллианна не понимала большинство моих вопросов и фраз. Мне приходилось дожидаться привала и доставать Джейми с Иэном, чтобы они помогли хотя бы с гэльским.

Рабыня избавилась – по крайней мере временно – от страха и потихоньку привыкала к нашему обществу. Все это помогло высвободиться ее яркой натуре, и она самозабвенно болтала всю дорогу, даже не обращая внимания, понимаю я или нет. То и дело Поллианна принималась хохотать, и этот гулкий звук напоминал ветер, ворвавшийся в пустую пещеру.

Онса поникла лишь однажды – когда мы проезжали по огромной поляне, где трава вздымалась странными холмиками, словно под землей покоился великий змей. Поллианна притихла, стоило ей их увидеть, и попыталась поторопить лошадь, но случайно натянула повод, так что животное замерло. Я вернулась, чтобы ей помочь.

– *Droch aite*, – буркнула рабыня и покосилась на холмики. Плохое место. – *Djudju*^[11], – нахмурилась она, делая некий жест рукой. Наверное, прогоняла злые силы.

– Это кладбище? – спросила я Майерса, который вернулся проверить, что у нас там стряслось.

Холмики располагались по краю поляны. Впрочем, для могил они были великоваты. Разве что это могильники, которые возводили древние шотландцы, или братские... я содрогнулась, вспомнив Каллоден.

– Не совсем кладбище... – ответил Майерс, сдвинув шляпу на затылок. – Раньше тут была деревня. Племена тускарора, кажется. Вот эти штуки, – он махнул рукой, – остатки домов. Что побольше размером, в стороне – дом вождя. Быстро травой поросло. А на вид будто давным-давно.

– А что случилось с деревней?

К нам подъехали Иэн с Джейми. Майерс задумчиво поскреб бороду.

– Даже не знаю. Может, от болезни погибли, или всех вырезали чероки или крики, хотя мы сейчас чуток севернее земель чероки. Наверное, это все во время войны случилось. – Майерс яростно покопался в бороде и выдрал останки клеща. – Я бы тут не стал задерживаться.

Поллианна явно придерживалась того же мнения, и мы отправились дальше. К вечеру мы окончательно выбрались из соснового леса и миновали поросшее кустарниками подножие гор. На подъеме деревья стали меняться. Мы проезжали каштановые рощи и места, где высятся дубы и гикори, а между ними разбросаны кизил и хурма, карликовые каштаны и тополя.

Воздух тоже стал иным. Удушающий, горячий запах смолы рассеялся. Пахло листвой и цветами, которые росли во всех горных расщелинах. Было по-прежнему влажно, но уже не так жарко. Пропало ощущение, что сверху кто-то набросил плотное одеяло. Теперь мы дышали легко и свободно, наслаждаясь ароматами прогретой солнцем зелени.

К закату шестого дня мы уже порядком забрались в горы, и стал слышен шум воды. Ручьи пробегали сквозь долины и стекали с обрывов, обрамленных зеленым мхом, словно кружевом. А когда мы обогнули невысокую, но крутую вершину, я замерла в изумлении. Со склона дальней горы в ущелье ниспадал водный поток.

– Вы только гляньте! – Пораженный Иэн разинул рот.

– Ага, неплохо, – снисходительно согласился Майерс с неким самодовольством, словно хвастал своими владениями. – Хотя видел я водопады и побольше.

Иэн повернулся к нему, ошеломленно распахнув глаза.

– А что, есть еще больше?

Майерс хохотнул – тихо, словно выдохнул, как истинный житель гор.

– Ох, мальчишка, ты и не представляешь.

На ночь мы остановились в пещере возле достаточно глубокого ручья – там водилась форель. Джейми с Иэном, вооруженные удочками из прутьев черной ивы, устроили ловлю. Я очень надеялась, что им повезет, – наши припасы проходили к концу, только кукурузной муки еще оставалось полно.

Поллианна вернулась с ведром воды, чтобы замесить тесто на лепешки – эдакие продолговатые галеты, которые удобно готовить в пути, вкусные, пока свежие и горячие, и съедобные на следующий день. Правда, уже на четвертый день они напоминали обломки засохшего цемента. Зато их было

удобно везти, и они не плесневели, поэтому их часто брали с собой в дорогу наряду с вяленой говядиной и солониной.

Жизнерадостность Поллианны, казалось, поутихла. Круглое лицо помрачнело. Удивительной чертой были ее тончайшие, почти незаметные брови. Когда она болтала, они только подчеркивали мимику, но в спокойном состоянии – стирали все чувства. Поллианна могла выглядеть абсолютно равнодушной, стоило ей того захотеть. Полезное умение для раба.

Наверное, она переживала, ведь после этой ночи нам предстояло разлучиться. Мы достигли окраины штата, где кончались королевские земли. Завтра Майерс повернет на север и увезет Поллианну за горный хребет, в земли индейцев.

Поллианна склонила темную голову над большой деревянной миской, где смешивала муку с водой и смальцем. Я сидела на корточках неподалеку и подкладывала веточки в разгорающийся костер. Рядом лежал уже смазанный жиром противень. Майерс отошел в сторону, чтобы выкурить трубку. Где-то вниз по течению ручья Джейми звал Иэна, и доносился ответный смех мальчишки.

Сумерки сгущались. Над ущельем со всех сторон нависали горы, и тьма будто сползала с них и заполняла все пространство. Я понятия не имела, как выглядят родные края Поллианны, леса там или джунгли, берег моря или пустыня, но вряд ли там было что-то похожее на это место.

Что творится у нее в голове? Поллианна пережила путь из Африки и рабство. Что бы ее ни ждало впереди – хуже не будет. Однако будущее оставалось туманным – каково это, отправиться в дикие земли, бескрайние, готовые поглотить тебя без остатка? Наш костер – крошечная искорка по сравнению с бесконечной тьмой.

В круг света от огня вышел Ролло. Он отряхнулся, разбрызгивая капли во все стороны, и костер зашипел. Кажется, пес тоже принял участие в рыбалке.

– Уйди, гадкая псина, – буркнула я.

Ролло, конечно, не послушал, а подошел и самым наглым образом меня обнюхал, чтобы убедиться, что я – все еще я, а потом повернулся с той же целью к Поллианне.

Не меняя выражения лица, она плюнула ему прямо в глаз. Ролло взвизгнул и попятился, а затем удивленно затряс головой. Поллианна глянула на меня и весело усмехнулась. На фоне темного лица сверкнули белоснежные зубы.

Я рассмеялась. Что ж, беспокоиться не стоит. Та, кто может плюнуть в

глаз волку, явно справится и с индейцами, и с дикими землями, и со всем сопутствующим.

Миска почти опустела. На противне ровными рядами жарились лепешки. Поллианна вытерла пальцы о горсть травы, наблюдая, как желтое тесто шипит и становится коричневым. От костра вкусно повеяло выпечкой, и мой желудок отозвался тихим нетерпеливым бурчанием. Огонь успел как следует разгореться, и его тепло держало тьму на расстоянии.

Так ли на родине Поллианны? Разгоняет ли огонь тьму? Отпугивает леопардов, а не медведей, как здесь? Дарит ли свет и чье-то общество, уют и призрачную надежду, что ты в безопасности?.. Призрачной, да, и только: огонь не защитил ее ни от людей, ни от тьмы. Спросить Поллианну я не могла. Я не знала слов.

– В жизни такой рыбалки не видел, – в четвертый раз повторил Джейми, с блаженством разломив дымящуюся форель, которую мы обжарили в муке. – Они просто кишмя кишат в воде, скажи, Иэн!

Мальчишка кивнул с таким же мечтательным видом.

– Папа бы вторую ногу отдал, чтобы такое увидеть! – сказал он. – Рыба сама на крючок прыгала, тетушка, честно!

– Индейцы хитрые, они не будут возиться с крючками и удочками, – влез Майерс, аккуратно разделявая свою рыбину ножом. – Они ставят силки и ловушки, а иногда даже перегородят ручей ветками или еще чем, чтобы рыба не могла уплыть, и просто накалывают ее на острые палки.

Едва слышав об индейцах, Иэн вновь разразился бесконечным потоком вопросов. Исчерпав тему рыбалки, он вспомнил и о заброшенной деревушке, что мы проезжали по пути.

– Вы сказали, это могло случиться во время войны, – проговорил Иэн, доставая из жареной форели кости, и потряс обожженными пальцами. Потом он отдал очищенную часть псу, который в мгновение ока справился с угощением, не обратив внимания на температуру. – С французами, что ли? Не знал, что сражения были и так далеко на юге.

Майерс покачал головой и проглотил кусок форели.

– Не-а. Я говорил про Тускарорскую войну. Ну, так ее называет белая сторона.

Эта краткая, но кровопролитная война, как объяснил Майерс, произошла лет пятьдесят назад, после нападения на жителей окраин колонии. В отместку тогдашний губернатор отправил солдат в поселения индейцев. После нескольких жестоких стычек, в которых легко победили гораздо лучше вооруженные переселенцы, племя тускарора было

практически уничтожено.

Майерс кивнул в темноту.

– Теперь у них осталось деревушек семь... да и то в самой большой живет душ сто, если не пятьдесят.

После разгрома остатки тускарора могли быстро пасть жертвами других племен и навеки исчезнуть с лица земли. Однако они перешли под покровительство могавков и, таким образом, стали частью могущественной Лиги ирокезов.

К костру вернулся Джейми с бутылкой – подарком Иокасты, – которую прихватил из седельной сумки. Джейми налил виски себе в кружку и протянул полупустую бутылку Майерсу.

– А разве земли могавков не далеко на севере? Как они могут защищать своих здесь, когда кругом полным-полно враждебных племен?

Майерс сделал глоток и с довольным видом подержал виски во рту.

– Хм-м. Отличный напиток, друг Джеймс. О, могавки живут очень неблизко, да. Но с ирокезами считаются все, а из шести их народов могавки – самые свирепые. Никто – ни краснокожий, ни белый – просто так с ними связываться не станет.

Я слушала как зачарованная. И очень обрадовалась, что могавки от нас далеко-далеко.

– Зачем тогда им брать под свое крыло тускарора? – Джейми удивленно вскинул бровь. – Зачем им союзники, если они такие свирепые?

Майерс мечтательно прикрыл карие глаза – сказывался хороший виски.

– Свирепые, ага... но смертные. Индейцы жестокие и кровавые, но никто не сравнится с могавками. Они люди чести, имейте в виду, – Майерс назидательно поднял толстый палец, – вот только причины для убийства у них свои. Друг на друга нападают, понимаете, или мстят. Ничто не остановит могавка, решившего отомстить, разве что смерть. И тогда на его место все равно придет брат, сын или племянник. – Он задумчиво облизнул губы, наслаждаясь вкусом виски. – Иногда индейцы могут убить из-за сущего пустяка. Особенно когда дело касается спиртного.

– Похоже на шотландцев, – буркнула я, обращаясь к Джейми, и получила в ответ ледяной взгляд.

Майерс взял бутылку и медленно перекатил в ладонях.

– Любой может хватить лишку и творить черт знает что, но для индейца хватит и глотка. Я не раз слышал о резне, которой могло и не случиться, если бы кто-то не был вусмерть пьян. – Он покачал головой, возвращаясь к теме. – В общем, жизнь у них тяжелая и кровавая.

Некоторые племена исчезают насовсем, а лишних людей нигде не бывает. Так что они принимают чужих в свое племя, вместо убитых или умерших от болезней. Иногда берут и пленников... делают их частью семьи, обращаются как с равными. Так поступят и с нашей миссис Полли, – кивнул он на рабыню, которая тихонько сидела у костра. – Так пятьдесят лет назад могавки приняли к себе всех уцелевших тускарора. Немногие племена говорят на похожих языках, – пояснил Майерс. – Но есть и достаточно близкие. Язык тускарора больше похож на могавкский, чем, например, язык криков или чероки.

– А вы умеете говорить на могавском, мистер Майерс? – Иэн весь обратился в слух с самого начала рассказа. Он был готов восхищаться любым камнем, деревом или птичкой, которые нам встречались в дороге, но больше всего его интересовали индейцы.

– Понимаю чуток, – скромно пожал плечами Майерс. – Любой торговец то тут, то там нахватается словечек. Пшел вон, псина!

Ролло, сунувший было нос к последней рыбине Майерса, дернул ухом, однако с места не сдвинулся.

– То есть ты отвезешь госпожу Полли к тускарора? – спросил Джейми, разламывая лепешку.

Майерс кивнул, осторожно пережевывая. Зубов у него осталось мало, и даже свежая и мягкая лепешка была тем еще испытанием.

– Ага. Четыре или пять дней пути. – Он повернулся ко мне с ободряющей улыбкой. – Не переживайте, миссис Клэр, я ее хорошо пристрою.

– Интересно, а что о ней подумают индейцы? – спросил Иэн и с любопытством глянул на Поллианну. – Они видели чернокожих женщин?

– Парень, многие тускарора и белых-то людей в жизни не видывали! – расхохотался Майерс. – Так что миссис Полли поразит их не более, чем твоя тетушка. – Майерс набрал полный рот воды и прополоскал его, задумчиво глядя на Поллианну. Она внимательно уставилась в ответ. – Думаю, они почитают ее красавицей. Индейцы любят милашек в теле.

Очевидно, разделяя их вкусы, Майерс не сводил с Поллианны восхищенного и чуточку похотливого взгляда. Она это заметила и вдруг поразительно преобразилась. Едва шевельнувшись, она будто развернулась к Майерсу. Глаза, темные и бездонные, поблескивали в свете костра. Сама по себе низкорослая и пухлая, Поллианна вдруг ухитрилась одной лишь позой превратиться в живое воплощение разврата.

Майерс шумно сглотнул.

Я отвернулась от этой немой сцены и увидела, что Джейми тоже

наблюдает то ли с весельем, то ли с беспокойством. Ненавязчиво ткнув его, я изо всех сил постаралась изобразить на лице выражение, говорящее: «Да сделай ты что-нибудь!»

Джейми вопросительно прищурил один глаз.

Я распахнула оба и выразительно глянула: «Не знаю, но сделай!»

– Кхм...

Джейми прочистил горло и коснулся руки Майерса, чем вывел человека-гору из кратковременного транса.

– Не хотелось бы, чтобы эту женщину кто-нибудь обидел, – вежливо произнес Джейми, но чисто по-шотландски выделил последнее слово и сжал пальцы. – Вы обещаете следить за ее сохранностью, мистер Майерс?

Майерс ответил ему отсутствующим взглядом, однако затем в налитых кровью карих глазах мелькнуло понимание. Человек-гора медленно высвободил руку, залпом допил виски из кружки и, кашлянув, вытер губы. Может, он и покраснел, но за бородой ничего не было видно.

– О нет. То есть, в смысле, о да. Честное слово. И у могавков, и у тускарора женщины сами выбирают, с кем хотят разделить постель, даже за кого выйти замуж. Изнасилований вообще не водится, нет у них такого. Нет-нет, сэр, никто ее не обидит, даю слово.

– Что ж, рад это слышать.

Джейми расслабленно откинулся назад и мельком глянул на меня, словно говоря: «Надеюсь, ты довольна». Я скромно улыбнулась.

Иэну, конечно, еще не стукнуло и шестнадцати, но он был весьма наблюдательным и все это от него не ускользнуло. Парнишка многозначительно кашлянул.

– Дядюшка, мистер Майерс любезно пригласил меня отправиться с ним и миссис Полли, чтобы я увидел индейскую деревню. Я прослежу, как ее там устроят, не волнуйся.

– Ты... – начал было Джейми и умолк.

Он пристально уставился на племянника, сидевшего с другой стороны костра. Я буквально видела, как в голове Джейми бешено закружились шестеренки.

Иэн не спросил разрешения. Он просто объявил, что отправится с ними. Если Джейми собирается ему запретить, то он должен хорошенько обосновать свои слова. Едва ли он сможет говорить об опасности, ведь это будет означать, что он заведомо подвергает риску жизнь рабыни, не доверяет Майерсу и его дружбе с местными индейцами. Джейми попал в ловушку, причем весьма ловкую.

Он шумно выдохнул через нос. Иэн расплылся в улыбке.

Я оглянулась – Поллианна сидела на том же месте не шевелясь. Она по-прежнему не сводила глаз с Майерса, однако теперь на ее губах играла призывная улыбка. Поллианна медленно подняла ладонь и якобы рассеянно провела ею по массивной груди.

Майерс таращился в ответ с хищным огоньком в глазах.

«Поступила бы я иначе? – думала я, прислушиваясь к шуршанию и тихим стонам, которые доносились со стороны одеял Майерса. – Если бы знала, что моя жизнь зависит от мужчины? Стала бы я делать все, что в моих силах, добиваясь его расположения?»

Из кустов донесся шорох. Громкий. Я напряглась, Джейми тоже. Он медленно высунул руку из-под моей рубашки и потянулся к кинжалу, однако сразу расслабился. Мы оба уловили уже знакомую скунсову вонь.

Джейми вновь сжал мою грудь и быстро провалился в сон, согревая шею теплым дыханием.

Не такая уж между нами разница, наверное. Разве мое будущее определено? Разве моя жизнь не зависит от мужчины, связанного со мной – по крайней мере отчасти – плотскими желаниями?

Над деревьями пронесся легкий ветерок, и я натянула одеяло повыше. Костер догорел, а в горах после захода солнца прохладно. Луна скрылась, однако ночь стояла ясная, и ярко светили звезды, вырисовывая контуры вершин.

Нет, разница есть. Пусть мое будущее неизвестно, мне есть с кем его разделить, и узы между мной и моим мужчиной куда крепче, чем плотская связь. И есть еще одно, главное отличие – я сама выбрала свою судьбу.

Глава 15

Благородные дикари

Утром мы попрощались. Джейми с Майерсом выбрали место нашей новой встречи через десять дней. Вокруг простирались бесконечные горы и леса... как здесь ориентироваться? Мне оставалось лишь довериться чутью Джейми.

Они повернули на север, мы – на юго-запад и двинулись по течению ручья, у которого разбивали лагерь. В наступившем молчании я испытывала странное одиночество, но вскоре привыкла и расслабилась, с интересом изучая округу. В конце концов, эти края могут стать нашим домом.

Эта мысль меня пугала. Да, здесь невероятно красиво, но где в столь дикой природе место для людей? Однако я не стала делиться размышлениями с Джейми, а просто следовала за его лошадью все глубже и глубже в горы. Остановились мы лишь ближе к вечеру – разбили небольшой лагерь и наловили рыбы.

Солнечные лучи медленно таяли, отступая за деревья. Толстые, поросшие мхом стволы окутались тенями, хотя на листве еще играли отблески закатного света.

Неподалеку, в траве, вдруг загорелся крошечный огонек, холодный и яркий. А потом еще и еще... Вскоре они покрыли всю окраину леса и лениво порхали в сумерках.

– Знаешь, я никогда не видела светлячков, пока не стала жить в Бостоне, – проговорила я, наслаждаясь зрелищем. Словно кто-то рассыпал изумруды и топазы. – В Шотландии их нет, правда?

Джейми покачал головой и развалился на траве, подложив руку под голову.

– Симпатичные малыши, – заметил он. – Люблю это время суток. Когда я жил в пещере, после Каллодена, то каждый день выходил на закате и сидел на камне, ждал темноты.

Джейми наблюдал за светлячками сквозь полуопущенные веки. Тени стали длиннее, ночь потихоньку вступала в свои права. Только что свет, падающий сквозь листву, делал Джейми пятнистым, словно олененка, а теперь исчез, оставив его лежать в матовой зелени.

– Вот-вот появится мелочь: мошки, комары... все кусачие твари, что выются стайками над водой. Ласточки станут их ловить, потом туда-сюда

заснут летучие мыши. А по воде пойдут круги – выплывет лосось.

Джейми смотрел, как покачивается на ветру высокая трава на склоне, но я знала, что на самом деле перед его глазами крошечное озеро возле Лаллиброха, покрытое рябью, живое.

– Такой краткий миг – а кажется, будто он длится вечность. Странно, правда? – задумчиво произнес Джейми. – Видишь, как свет угасает... – Он обвел рукой поляну, окруженную дубами, и долину внизу, уже затопленную тьмой.

– Ага.

Я прилегла рядом. Внизу, под деревьями, воздух казался густым и прохладным, как в церкви, заполненной ароматами ладана.

– Помнишь отца Ансельма из аббатства? – Я подняла взгляд. Листва словно лишалась цвета, из зеленой она стала серебристо-серой, как мышьяная шерстка. – Он говорил, что в каждом дне есть час, когда время будто замирает... У каждого человека он свой. Отец Ансельм думал, это и есть час рождения. – Я глянула на Джейми. – А ты знаешь, когда ты родился? В смысле, в котором часу?

Он улыбнулся, разворачиваясь ко мне.

– Знаю. Может, отец Ансельм и прав, ведь я родился во время ужина, как раз в сумерках первого мая. – Джейми с усмешкой отмахнулся от светлячка. – Я разве не рассказывал? Матушка только поставила в печь горшок с овсяной похлебкой, как начались схватки. Про готовку она и думать забыла. Остальные тоже, пока не почуяли запах горелого. В общем, все остались и без ужина, и без горшка. Пришлось им есть здоровый такой пирог. Правда, его готовила новая кухарка и начинила незрелым крыжовником, поэтому все, кроме матушки и меня, конечно же, всю ночь промаялись от несварения.

Джейми покачал головой, по-прежнему улыбаясь.

– Отец говорил, что еще много месяцев не мог на меня смотреть без рези в кишках.

Я рассмеялась. Джейми достал прошлогодний листок из моих волос.

– А в котором часу родилась ты, саксоночка?

– Понятия не имею, – ответила я с привычным отголоском боли по утраченной семье. – В свидетельстве о рождении об этом не сказано, а дядя Лэм если и знал, то мне не говорил. Зато я знаю, когда родилась Брианна. Ночью, в три минуты четвертого. В родильной палате на стене висели огромные часы.

Несмотря на сумерки, я заметила удивление на лице Джейми.

– Ты не спала? Ты вроде бы говорила, что у вас женщин погружают в

сон, чтобы не было боли?

– Я отказалась.

Вокруг нас сгустились тени.

– Почему, черт возьми? – недоверчиво воскликнул Джейми. – Никогда не видел, как женщины рожают, зато слышал достаточно часто. И будь я проклят, если пойму, почему женщина в здравом уме пойдет на такие муки, если можно их избежать!

– Ну... – Я помолчала. Казаться чересчур мелодраматичной не хотелось. Впрочем, что было, то было. – Ну, – снова начала я, теперь уже с вызовом, – я думала, что меня ждет смерть, и не хотела умирать во сне.

Джейми вскинул бровь и насмешливо фыркнул.

– А почему бы и нет?

– А ты хотел бы?

Я удивленно глянула на него. Джейми потер переносицу, все еще посмеиваясь.

– Да. Наверное. Я уже стоял на виселице, и как-то мне не понравилось. Несколько раз меня чуть не убили в битве, но там, как понимаешь, некогда было размышлять. А вот когда я едва не умер от ран и лихорадки, было настолько больно, что смерть казалась желанным избавлением. В целом если я мог бы выбирать, то умереть во сне – не самый плохой вариант. – Он наклонился ко мне и поцеловал. – Желательно в постели, с тобой под боком. В весьма почтенном возрасте, имей в виду. – Он легонько коснулся моих губ языком и встал, стряхивая сухие дубовые листья с бриджей. – Займусь-ка я костром, пока хоть что-то видно. Принесешь рыбешек?

Я оставила его возиться с кремнем и растопкой, а сама спустилась к ручью, где мы оставили выпотрошенную форель. Когда я вернулась, было уже настолько темно, что я видела только силуэт, сидящий на корточках у крошечного костерка. Между рук, словно благовоние, поднималась светлая струйка дыма.

Положив рыбу в траву, я присела рядом с Джейми и стала смотреть, как он подкладывает новые веточки в костер, терпеливо выстраивая его, словно защиту против надвигающейся ночи.

– Как думаешь, каково это? – вдруг спросила я. – Умереть?

Джейми уставился в огонь. Горящий прутик хрустнул, рассыпая сноп искр; они взмыли вверх и погасли.

– Ибо всякая плоть – как трава... засохла трава, и цвет ее опал, – тихо процитировала я Библию. – Как думаешь, после смерти ничего не будет?

Джейми покачал головой и перевел взгляд туда, где среди темных стволов мигали яркие искорки-светлячки.

– Не знаю, – негромко отозвался он и коснулся моего плеча своим. Я опустила на него голову. – Есть слова Церкви... – Он не сводил глаз с пляшущих в траве огоньков. – Нет, не знаю. Думаю, все там будет хорошо.

Джейми на миг прижался щекой к моим волосам, а потом встал и взялся за кинжал.

– Костер готов.

С приходом сумерек спала и жара. Легкий ветерок сдувал влажные пряди с моего лица. Я сидела с закрытыми глазами, опустив голову и наслаждалась приятной прохладой.

Джейми чем-то шуршал у костра. Затем раздались другие тихие звуки – он остругивал дубовые веточки, чтобы потом зажарить рыбу.

Думаю, все там будет хорошо. Я тоже. Та сторона окутана тайной, но порой были такие часы, когда время замирало, а я сидела без мыслей, спокойная, и вглядывалась... во что? Нет ни имени, ни лица, доброе, мирное. Если смерть такая...

Рука Джейми зацепила мое плечо, и я улыбнулась, не открывая глаз.

– Черт! – раздалось с другой стороны костра. – Порезался, болван неуклюжий!

Я распахнула глаза. Джейми, в добрых восьми футах, посасывал небольшой порез на костяшке большого пальца. У меня по спине пробежали мурашки.

– Джейми. – Собственный голос показался мне странным, а на шее сзади будто вдруг возникла мишень.

– А?

– Кто-то... – Я сглотнула, чувствуя, как волоски на руке становятся дыбом. – Джейми... кто-то... у меня... за спиной...

Он глянул на тени за моим плечом, и его зрачки расширились. Оборачиваться я не стала – бросилась плашмя на землю, чем и спасла себе жизнь.

Раздалось громкое «Уфф!», и вдруг резко запахло аммиаком и рыбой. Что-то ударило меня в спину, да так, что вышибло весь воздух из легких, а потом тяжело наступило мне на голову, вдавливая лицо в землю.

Я вскочила, хватая воздух ртом и смахивая с лица прилипшие листья. По поляне, вереща, как кошка, рыскал огромный черный медведь.

Сперва, ослепленная грязью, я не заметила, где Джейми. А потом увидела его... под зверем. Джейми обхватил огромную шею рукой, уткнувшись лбом в плечо, как раз под раззявленной слюнявой пастью.

Из-под туши вылетела нога – Джейми отчаянно пытался поймать опору. Ботинки и чулки он снял, когда мы разбивали лагерь, и я испуганно

вздохнула, когда босая ступня прошла по остаткам костра, поднимая сноп искр.

Предплечье Джейми, почти утонувшее в густой шерсти, напряглось от усилий. Свободная рука раз за разом наносила удары. Он не выронил кинжала! Одновременно Джейми изо всех сил давил на шею зверя.

Медведь упирался и бил лапой, пытаясь стряхнуть надоедливую ношу, а потом потерял равновесие и со злобным рычанием рухнул мордой вперед. Я расслышала сдавленное «Уфф!», которое на этот раз вряд ли издал медведь, и лихорадочно стала озираться в поисках какого-нибудь оружия.

Зверь с трудом встал на лапы, яростно отряхиваясь. Мелькнуло искаженное от усилий лицо Джейми. Он вытаращил глаза, заметив меня, и выплюнул изо рта шерсть.

– Беги!

А потом медведь вновь рухнул, и Джейми скрылся под огромной тушей.

Смутно припоминая Маугли с его Красным Цветком, я бешено зашарила руками по сырой земле, но находила лишь горелые ветки и тлеющие угли, которые обжигали пальцы, но все равно были слишком малы.

Я всегда считала, что медведи от злости рычат. Этот шумел ого-го как, однако звуки скорее напоминали поросычий визг. Джейми тоже не молчал, что, учитывая обстоятельства, меня радовало.

Вдруг я нащупала нечто холодное и скользкое – рыбину, которая отлетела в сторону от костра.

– К черту Красный Цветок, – буркнула я.

Схватив форель за хвост, я рванула вперед и что было сил треснула медведя рыбиной по носу.

Зверь изумленно закрыл пасть. А потом бросился на меня, причем куда быстрее, чем я ожидала. Я оступилась и упала прямым на задницу, но ухитрилась еще раз двинуть форелью по морде медведя.

И словно попала в мясорубку: на миг воцарился хаос – беспорядочные удары и ощущение, что меня душит вонючее меховое одеяло. Затем все кончилось. Я, вся в синяках и провонявшая медвежьей мочой, осталась лежать на спине и оторопело моргала, глядя на безмятежно сияющие в небе звезды.

На земле дела обстояли хуже. Я перекатилась на четвереньки и крикнула: «Джейми!», в сторону деревьев, где различила огромный, бесформенный клубок, катавшийся туда-сюда под мешанину из рычания и гэльской ругани.

Ночь уже полностью окутала лес, но света звезд хватило, чтобы различить упавшего медведя. Зверь катался на спине, стараясь отодрать соперника от себя задними лапами. Медведь занес переднюю и ударил. Раздался громкий стон, явно не медвежий. Запахло кровью.

– Джейми! – вскрикнула я.

Он не ответил. Ком из тел покатился в глубь леса. Рычание и крики утихли и превратились в тяжелые вздохи и повизгивание.

– Джейми!!!

Треск веток смолк. Под деревьями что-то шевельнулось. А затем очень медленно, задыхаясь, на поляну выполз Джейми.

Я бросилась к нему, забыв про собственные синяки, и упала на колени рядом.

– Господи, Джейми! Ты в порядке?

– Нет, – кратко сообщил он и рухнул на землю.

В свете звезд его лицо выглядело бледным пятном. Остальное тело было настолько темным, что казалось невидимым. Я поняла почему, когда быстро его ощупала. Одежда настолько вымокла от крови, что прилипла к коже. Рубашка противно чавкнула, когда я ее слегка оттянула.

– От тебя несет как от скотобойни, – сообщила я, проверяя пульс под подбородком. Быстрый – неудивительно, – однако сильный. Меня переполнило облегчение. – Это твоя кровь или медведя?

– Была бы моя, саксоночка, я был бы мертв, – проворчал Джейми, открыв глаза. – И твоей заслуги здесь никакой, учти. – Он неловко повернулся на бок и со стоном встал на четвереньки. – Какой бес тебя попутал, женщина, что ты двинула мне рыбиной по голове, когда я сражался за свою жизнь?!

– Не дергайся, бога ради! – Если Джейми пытается удрать, значит, ранен не так уж сильно. Я остановила его, схватив за бедра, и бережно провела руками по бокам. – Ребра сломаны?

– Целы. Только не щекочи, саксоночка, не люблю, – ответил он, хватая воздух между словами.

– Не буду, – пообещала я и как можно нежнее прошлась пальцами по ребрам.

Ни торчащих обломков, ни пугающих вмятин. Может, есть трещины, но вроде ничего не сломано.

Джейми вдруг взвыл и дернулся.

– Тут больно?

– Да, – буркнул он сквозь зубы.

Я поспешила за пледом, который накинута ему на плечи.

– Я в порядке, саксоночка, – отмахнулся Джейми от попыток помочь ему сесть. – Проверь лучше лошадей, они нервничают.

Мы оставили их стреноженными неподалеку от поляны. Однако они, до смерти перепуганные, успели довольно далеко забраться, судя по приглушенному топоту и жалобному ржанию.

Из-под деревьев по-прежнему доносились тихие свистящие стоны, настолько напоминающие человеческие, что у меня чуть волосы не встали дыбом. Осторожно обогнув злополучное место, я разыскала лошадей в березовой роще в паре сотен ярдов от нас. Животные тревожно всхрапывали, обнюхивая меня. Неудивительно.

Когда я наконец успокоила и привела их поближе к нам, жалкие звуки уже стихли. На поляне я заметила огонек – Джейми сумел снова развести костер.

Он скорчился над крошечным пламенем, закутанный в плед и дрожащий. Я подложила в огонь побольше веточек, и повернулась к Джейми.

– Ты точно не сильно ранен? – взволнованно спросила я.

– Переживу, – криво усмехнулся он. – Неплохо получил лапой по спине. Глянешь? – Джейми выпрямился, морщась, и мягко ощупал бок, пока я заходила ему за спину. – Интересно, почему он напал? Майерс говорил, черные медведи редко нападают, если их не потревожить.

– Может, кто-то его потревожил, – задумалась я. – А потом вполне разумно сбежал.

Я подняла плед и присвистнула себе под нос. Рубашка на спине висела клочьями, покрытая грязью, пеплом и кровью. На этот раз – не медвежьей. К счастью, ее было немного. Я осторожно разорвала остатки рубашки, обнажая изгиб спины. От лопатки до подмышки красовались четыре длинных и глубоких борозды от когтей.

– Ого, – сочувственно вздохнула я.

– Ну, на мою спину и так смотреть не очень-то приятно, – пошутил Джейми. – Что, все так плохо? – Он извернулся было, чтобы посмотреть через плечо, но замер от боли в ребрах.

– Нет. Правда, грязно. Придется промывать.

Кровь уже начала сворачиваться, раны надо было срочно обработать. Я снова накинула плед на спину Джейми и поставила на огонь котелок с водой, размышляя, что еще у меня есть в запасе.

– Видела у ручья стрелолист, думаю, смогу найти по памяти. – Я вручила Джейми бутылку эля, которую достала из седельной сумки, и взяла кинжал. – Продержишься?

Джейми был очень бледен и по-прежнему дрожал. Свет костра играл на его лице, заостряя черты.

– Ничего. – Джейми слабо улыбнулся. – Не переживай, саксоночка. Мысль о том, чтобы умереть во сне в собственной постели, нравится мне еще больше, чем час назад.

Над деревьями ярким серпом поднималась луна, и я без труда нашла нужное место. Ручей блестел холодным серебром и леденил ступни и руки, пока я стояла по щиколотку в воде и собирала клубни стрелолиста. Вокруг нестройным хором пели лягушки. Плотные листья рогоза тихо шелестели на ночном ветерке. Кругом царило полное умиротворение – и вдруг я затряслась так сильно, что пришлось посидеть на берегу.

В любой момент. Смерть может прийти в любой момент, внезапно. Я даже не понимала, что мне казалось более нереальным – схватка с медведем или эта спокойная летняя ночь, полная смутных обещаний.

Я уткнулась в колени, ожидая, когда пройдет тошнота – послевкусие шока. Причем смерть может прийти не просто в любой момент, но и где угодно. Болезнь, авария, шальная пуля... Не спасется никто, однако я, как и большинство людей, ухитрялась об этом почти не задумываться.

Я содрогнулась, вспоминая следы когтей на спине Джейми. Если бы не его реакция и сила... если бы раны оказались самую малость глубже... И все же остается огромная опасность – заражение. Но хотя бы с ней я могу бороться.

Эта мысль привела меня в чувство, и я вновь ощутила тяжесть влажных листьев и клубней в руке. Я умылась холодной водой и побрела обратно к костру.

Между тонкими стволами молодых деревьев мелькнул Джейми. Он сидел очень ровно, четко видный в свете костра. Наверняка ему больно держать спину так прямо.

Я замерла, охваченная тревогой, как раз когда он заговорил:

– Клэр? – Джейми не обернулся, хотя его голос прозвучал спокойно. Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Подойди ко мне сзади и вложи кинжал мне в левую руку. И оставайся на месте.

Сердце бешено колотилось. Я сделала три шага и смогла глянуть через плечо Джейми. На дальнем конце поляны, сразу за кромкой света, стояли три индейца, вооруженные до зубов. Очевидно, медведя все-таки потревожили.

Индейцы рассматривали нас с живым интересом. Трое: мужчина постарше, у которого в пучке украшенных перьями волос виднелись седые

пряди, и двое молодых, лет по двадцать, наверное. Отец с сыновьями? Я заметила в них некое сходство, скорее в телосложении, чем в лицах. Все трое были довольно низкорослыми, широкоплечими, кривоногими и с длинными, сильными руками.

Я тайком присмотрелась к их оружию. Старший держал ружье на изгибе руки. Старинное французское кремневое ружье с заржавевшим стволом выглядело так, будто тут же взорвется, если индеец вздумает выстрелить. Я очень надеялась, что он не станет.

Один из младших сжимал лук с небрежно натянутой тетивой и стрелой на ней. У всех троих на поясах висели зловещего вида томагавки и ножи для свежевания. Кинжал Джейми, несмотря на длину, явно им проигрывал.

Джейми, очевидно, пришел к тому же выводу и осторожно опустил кинжал перед собой на землю. А потом развел пустые ладони и пожал плечами.

Индейцы захихикали. Звук был настолько мирным, что я неожиданно улыбнулась в ответ, хотя внутри все сводило от страха. Джейми слегка расслабил плечи. Значит, наши дела не так уж плохи.

– *Bonsoir, messieurs*, – заговорил он. – *Parlez-vous français?*^[12]

Индейцы снова захихикали, смущенно переглянувшись. Старший мужчина осторожно шагнул ближе и наклонил голову. Бусины, вплетенные в волосы, звякнули.

– Франци... не, – произнес он.

– Английский? – с надеждой сказала я.

Индеец глянул с любопытством, но покачал головой. Он обратился к одному из сыновей через плечо, а тот ответил на таком же непонятном языке. Мужчина снова посмотрел на Джейми и спросил что-то, вопросительно вскинув брови.

Джейми непонимающе покачал головой, и в круг света шагнул уже младший. Он согнул колени, вытянул голову вперед и, щурясь, закачался из стороны в сторону. Индеец так похоже изобразил медведя, что Джейми расхохотался. Остальные индейцы тоже засмеялись.

Молодой человек выпрямился и с вопросительным звуком указал на окровавленный рукав Джейми.

– А, да, он там. – Джейми указал на деревья.

Трое индейцев тут же скрылись в темноте, откуда вскоре раздались восхищенные возгласы и бормотание.

– Все в порядке, саксоночка. Они ничего нам не сделают. Простые охотники. – Джейми на миг прикрыл глаза, и я заметила, как его лицо

поблескивает от пота. – И это хорошо, потому что я, кажется, сейчас грохнусь в обморок.

– Даже не думай! Только посмей потерять сознание и оставить меня с ними!

Неважно, какие там намерения у дикарей, но от мысли, что мне придется иметь с ними дело в одиночку, пока Джейми лежит без чувств, внутренности снова свело от страха. Я надавила на затылок Джейми и заставила его опустить голову как можно ниже.

– Дыши, – скомандовала я, выжимая мокрый и холодный платок ему на шею. – Потом будешь в обмороки падать.

– А поблевать можно? – приглушенно поинтересовался Джейми, уткнувшийся носом в килт.

Я расслышала в его голосе насмешку и с облегчением выдохнула.

– Нет. Сядь ровно, они идут.

Индейцы действительно возвращались и тащили за собой медвежью тушу. Джейми выпрямился и вытер лицо влажным платком. Хотя ночь стояла теплая, Джейми по-прежнему дрожал от пережитого шока. Впрочем, сидел он достаточно непринужденно.

Старший индеец вновь приблизился, вскинул брови и указал сперва на кинжал у ног Джейми, а потом на убитого медведя. Джейми скромно кивнул.

– Правда, пришлось нелегко, – заметил он.

Брови индейца поползли еще выше. Он наклонил голову и развел руки в уважительном жесте. Затем подозвал сына, который на ходу отвязал от пояса кисет.

Бесцеремонно отодвинув меня в сторону, молодой индеец разорвал горловину рубашки Джейми и стянул ее. Прищурившись, он высыпал в ладонь комковатое, похожее на пудру вещество, щедро в него поплевал, затем превратил все это в вонючее месиво и обильно смазал раны.

– А вот сейчас меня и правда стошнит, – пробормотал Джейми, вздрагивая от отнюдь не нежной помощи. – Что это за дрянь?

– Кажется, сушеный триллиум с давно прогорклым медвежьим жиром, – ответила я, стараясь не дышать. – Не думаю, что это смертельно. Ну, надеюсь.

– Ага, я тоже, – буркнул Джейми. – Не-не, хватит, спасибо вам огромное, – с вежливой улыбкой отделался он от индейца.

Несмотря на шутливый тон, губы у него оставались белыми, что было заметно даже в тусклом свете костра. Я коснулась здорового плеча, чувствуя, насколько напряжены его мышцы.

– Принеси-ка виски, саксоночка. Позарез нужно.

Один из индейцев попытался выхватить бутылку, стоило мне ее достать из седельной сумки, но я грубо его отпихнула. Он удивленно хрюкнул, поднял сумку и принялся копать, словно кабан в поисках трюфелей. Я торопливо отнесла Джейми огненную воду.

Он сделал маленький глоток, потом еще, уже побольше, и открыл глаза. Потом пару раз глубоко вздохнул, снова отпил и вытер губы. И протянул бутылку старшему индейцу.

– Думаешь, стоит? – тихо спросила я, вспоминая жуткие рассказы Майерса.

– Либо я с ними поделюсь, либо они отнимут, саксоночка, – слегка раздраженно отозвался Джейми. – Их же трое, ну.

Старший индеец понюхал горлышко – и его ноздри затрепетали, будто он оценил редкий букет напитка. Даже я со своего места чуяла запах спиртного и удивилась, как индеец не обжег себе слизистую носа.

На грубом лице расплылась блаженная улыбка. Он бросил сыновьям нечто похожее на «Харуу!», и тот, что копался в нашей сумке, поспешил к брату, сжимая в кулаке пару лепешек.

Старший индеец встал с бутылкой в руке, но пить не стал, а подошел к туше медведя, чернеющей на земле. С огромной осторожностью он накапал немного виски в ладонь и вылил в полуоткрытую пасть зверя. Затем неторопливо повернулся кругом, церемонно стряхивая с пальцев капли. На свету они вспыхивали золотом и янтарем и шипели, попав в огонь.

Джейми выпрямился, увлеченно наблюдая.

– Ты только посмотри...

Один из младших вытащил маленький украшенный бусинами кисет с табаком. Бережно набив чашку небольшой трубки, индеец разжег ее сухим прутиком от нашего костра и сильно затянулся. Табак вспыхнул и задымил. По поляне разнесся богатый аромат.

Джейми прислонился ко мне, прижавшись здоровым плечом к бедру. Я чувствовала, что дрожь потихоньку отступает перед силой виски. Да, Джейми несильно пострадал, но напряжение после схватки со зверем и необходимость держаться настороже делали свое дело.

Старший индеец взял трубку и сделал пару глубоких затяжек. Затем он опустил на колени и, набрав полные легкие, осторожно вдул дым в нос мертвого медведя. Индеец повторил ритуал еще несколько раз, что-то бормоча.

Потом легко поднялся на ноги и вручил трубку Джейми. Тот повторил за индейцами – пару раз церемонно вдохнул дым – и передал ее мне.

Я поднесла трубку к губам и очень осторожно затянулась. Обжигающий дым полез в глаза и нос, горло сжалось от желания закашляться. Я с трудом подавила этот позыв и торопливо сунула трубку обратно Джейми. Я даже вся покраснела, чувствуя, как дым лениво пробирается вниз, к легким.

– Не надо было глубоко вдыхать, саксоночка, – пробормотал Джейми. – Просто подержала бы во рту и выдохнула через нос.

– А раньше... объяснить... не мог?! – кое-как выдавила я.

Индейцы наблюдали за мной, округлив глаза. Старший наклонил голову к плечу, хмурясь, словно пытался разгадать какую-то загадку. Он вдруг взвился на ноги и с любопытством присел рядом со мной на корточки, причем так близко, что я уловила странный, закоптелый аромат его кожи. На индейце не было ничего, кроме набедренной повязки и некоего подобия кожаного фартука, зато с шеи свисало огромное вычурное ожерелье с ракушками, камешками и клыками крупных животных.

А потом он неожиданно протянул ладонь и сжал мою грудь. В этом жесте не было ни капли похоти, но я все равно подпрыгнула. Как и Джейми, который тут же схватился за кинжал.

Индеец спокойно откатился на пятки и помахал рукой, мол, ничего такого. Хлопнув себя по плоской груди, он изобразил на ней выпуклость, затем указал на меня. Индеец действительно не хотел никого обидеть, а лишь хотел убедиться, что я женщина. Он перевел взгляд с меня на Джейми и вопросительно вскинул бровь.

– Да, она моя, – кивнул Джейми. Он опустил кинжал, по-прежнему держа его в руке и хмуро глядя на индейца. – Веди себя прилично, ага?

Ничуть не интересовавшийся этой сценой молодой индеец что-то произнес и нетерпеливо махнул на медвежью тушу. Его отец, не обращая внимания на раздраженного Джейми, ответил и снял с пояса нож для свежевания.

– Эй... это мое.

Индейцы удивленно повернулись. Джейми поднялся на ноги и указал острием кинжала сперва на тушу, а потом уверенно – на себя.

Не дожидаясь реакции, он опустился на колени рядом с медведем. Перекрестился, забормотав по-гэльски, и занес кинжал над неподвижным телом. Я уже видела, как он так делал, когда убил оленя по дороге из Джорджии.

Это была особая молитва для свежевания, которую он выучил еще мальчишкой, пока учился охотиться в горах Шотландии. Он рассказывал, что она очень древняя. Настолько, что некоторые слова давно никто не

использует, поэтому она так странно звучит. Однако охотник обязательно должен ее прочесть над любым убитым животным, если оно крупнее зайца, – прежде чем разрезать его горло или вспороть брюхо.

Без малейших колебаний Джейми сделал неглубокий надрез на груди – выпускать кровь уже не было необходимости, сердце давным-давно замерло. А потом вспорол шкуру между лап. Сквозь узкую щель в черной шерсти показались светлые кишки, блеснувшие в свете костра.

Чтобы разрезать и снять шкуру, не повредив ткани и сохранив внутренности на месте, требовались немалая сила и опыт. Я, вскрывавшая куда более мягкие человеческие тела, увидела в действиях Джейми хирургическую точность. Как и индейцы, за ним наблюдавшие.

Правда, их внимание привлекли не умения Джейми, таким тут могли похвалиться многие; нет, их заинтересовала молитва. Глаза старшего индейца даже расширились, и он бросил взгляд на сыновей, когда Джейми опустился на колени возле медведя. Может, индейцы не поняли ни слова, но, судя по выражению их лиц, они точно знали, что он делает. И это их одновременно и поразило, и приятно удивило.

По шее Джейми стекла капелька пота. В свете костра она показалась алой. Свежевание – работа тяжелая, и на остатках грязной рубашки то и дело проступали свежие пятна крови.

Прежде чем я успела предложить помощь, Джейми отстранился и рукоятью вперед протянул кинжал молодому индейцу.

– Давай, – кивнул Джейми на полуободранную тушу. – Вы же не думаете, что я один все это буду есть, правда?

Индеец без колебаний взялся за кинжал и, встав на колени, продолжил свежевать медведя. Остальные глянули на Джейми. Он кивнул, и они тоже приступили к работе.

Джейми позволил мне снова усадить его на полено, чтобы тайком промыть и перевязать плечо. Сам он в это время наблюдал, как индейцы быстро разделявают тушу.

– А что он делал с виски? – тихо спросила я. – Ты знаешь?

Джейми рассеянно кивнул, не сводя глаз с кровавого действия.

– Это заклинание. Как окропление святой водой всех сторон света, чтобы защититься от зла. Думаю, виски – очень недурственная замена, учитывая обстоятельства.

Я глянула на индейцев, руки которых по локоть покрывала кровь. Мужчины как ни в чем не бывало переговаривались между собой. Один уже строил некое подобие помоста возле костра – неровный слой веток поверх камней, выложенных квадратом. Второй разрезал мясо на куски и

насаживал на оструганные палочки, чтобы зажарить.

– От зла? То есть они нас боятся?!

Джейми улыбнулся.

– Вряд ли мы такие уж грозные, саксоночка. Нет, от злых духов.

Я была в ужасе, когда появились индейцы, и никогда бы не подумала, что они точно так же могли испугаться нас. Глянув на Джейми, я поняла, что грех их за это винить.

Сама я к нему давным-давно привыкла и редко осознала, каким его видят остальные. Даже уставшим и раненым он выглядел внушительно. Прямая спина, широкие плечи, чуть раскосые глаза, которые ловят отсветы огня... Сейчас он сидел расслабленно, опустив руки на колени. Однако это было спокойствие огромной кошки, чьи глаза, несмотря ни на что, внимательно следят за происходящим. Кроме роста и стремительности, Джейми чем-то еще неуловимо напоминал дикаря. Лес казался его родным домом, как и тому медведю.

Англичане всегда считали шотландских горцев варварами. Я раньше не задумывалась, что и другие могут так полагать. Но индейцы увидели перед собой яростного дикаря и приблизились к нему с осторожностью и оружием наготове. А Джейми, заранее напуганный рассказами о свирепых краснокожих, по ритуалам, похожим на его собственные, признал в них таких же охотников, как он сам, цивилизованных людей.

Даже теперь он довольно легко с ними общался, размашистыми жестами поясняя, как медведь напал и как оказался убит. Индейцы жадно внимали, порой понимающе восклицая. Когда Джейми подхватил смятые останки рыбы и описал мою роль во всей этой истории, индейцы обернулись ко мне и захихикали. Я уставилась на всю четверку.

– Ужин, – громко объявила я. – К столу.

Мы разделили трапезу из полупрожаренной медвежатины, кукурузных лепешек и виски под мертвым взглядом головы медведя, которую церемонно водрузили на помост.

Вымотавшись, я откинулась на полено и вполуха прислушивалась к разговору. Понимала я, конечно, мало. Младший индеец, явно прирожденный актер, вдохновенно изображал великих охотников прошлого, поочередно исполняя роли то охотников, то их добычи. Он был столь искусен, что даже я с легкостью могла сказать, где олень, а где пантера.

Мы познакомились так близко, что даже называли друг другу свои имена. Мое звучало на языке индейцев как «Клаа», что они нашли весьма забавным. «Клаа, – повторяли они, указывая на меня, – Клаа-Клаа-Клаа-

Клаа-Клаа!» А потом громогласно хохотали, разгоряченные огненной водой. Может, я и ответила бы, если бы могла хотя бы раз безошибочно произнести «Накогнавето».

Индейцы принадлежали – по крайней мере, так сказал Джейми – к тускарора. С его даром мгновенно усваивать новые языки, он уже принялся тыкать в разные предметы и называть их по-индейски. «Без сомнений, к рассвету Джейми будет травить с индейцами похабные байки», – сонно размышляла я.

– Эй, – потянула я его за краешек пледа. – Ты как? А то у меня глаза слипаются и следить за тобой я больше не могу. Не упадешь в обморок прямо в костер?

Джейми рассеянно погладил меня по голове.

– Все будет хорошо, саксоночка, – сказал он.

Как следует подкрепившись едой и виски, Джейми, похоже, совсем забыл про раны и ушибы. А вот каково ему будет с утра – другой вопрос.

Однако мне уже было не до этого... и не до чего другого. Голова кружилась от пережитого за день, от виски и табака, и я отползла в сторонку за одеялом. Свернувшись у ног Джейми, я медленно погружалась в сон на волнах священного дыма и спиртных паров, под безжизненным взглядом медведя.

– Прекрасно тебя понимаю, – сообщила я ему... и заснула.

Глава 16

Первый закон термодинамики

Я резко проснулась на рассвете, почувствовав странную боль в макушке. Удивленно моргнула и потянулась проверить. Движение спугнуло больную серую сойку, которая старательно выдергивала у меня волосинки. Птица с истерическим щебетом взмыла вверх и врезалась в ближайшую сосну.

– Так тебе и надо, – буркнула я, потирая голову, хотя на губах все равно играла улыбка.

Мне часто говорили, что по утрам мои волосы похожи на птичье гнездо. Похоже, не без оснований.

Индейцы исчезли. К счастью, медвежья голова – вместе с ними. Я осторожно ощупала собственную. Кожу немного покалывало после налета сойки, но в остальном все оставалось в порядке. Либо виски был замечательный, либо ночью голова гудела скорее от адреналина и табака, чем от спиртного.

Гребень остался в небольшом кисете, где я хранила личные мелочи и некоторые лекарства, что лучше держать при себе. Я осторожно села, стараясь не разбудить Джейми. Он спал неподалеку, на спине, со скрещенными на груди руками. Умиротворенный, как маска саркофага.

А еще к его коже вернулся цвет. Джейми лежал в тени, но лучик солнца потихоньку подбирался все ближе, едва касаясь рыжих прядей. В холодном утреннем свете Джейми напоминал Адама, только-только явившегося миру из-под рук Творца.

Впрочем, выходил весьма помятый Адам, после падения с Небес. В нем не было хрупкого совершенства созданного из глины дитяти, не было и нетронутой юной красоты любимца Господня. Нет, я видела перед собой зрелого, могучего мужчину, закаленного борьбой, способного завоевать весь мир и поставить его на колени.

Я очень медленно потянулась за кисетом. Будить Джейми не хотелось – мне редко выпадала возможность увидеть, как он спит: словно кот, готовый вскочить при малейшей опасности. Обычно Джейми вставал с первыми лучами солнца, пока я еще досматривала последние сны. Либо Джейми вчера прилично опьянел, либо погрузился в исцеляющий сон, чтобы тело скорее зажило.

Костяной гребень гладко скользил по волосам. Наконец-то мне не

приходилось спешить. Не надо кормить младенца, или собирать ребенка в школу, или самой плестись на работу. Никаких пациентов, никакой бумажной волокиты.

Ничто так не отличается от стерильных больничных палат, как это место. Ранние пташки искали червяков и радостно щебетали на весь лес. Поляну обдувал легкий ветерок. Слегка пахло засохшей кровью и остывшей золой вчерашнего костра.

Наверное, как раз кровь и напомнила мне про больницу. С тех самых пор, как я в нее вошла, я знала, что она для меня станет не просто работой, а родным домом. И все же здесь, посреди дикой природы, я тоже не была лишней. Странно.

Концы расчесанных прядей приятной щекоткой коснулись обнаженных лопаток. От прохладного ветерка по коже пробежали мурашки, а соски затвердели. Значит, я не навоображала?.. Я мысленно улыбнулась. Спать-то я ложилась в одежде, это точно.

Я стянула плотное льняное одеяло и увидела следы засохшей крови на бедрах и животе. Между ног было влажно, и я провела там пальцем. Мускус... нет, не мой запах.

Этого хватило – я смутно припомнила сон... или то, что я сочла сном. Как надо мной навис огромный медведь, заслоняя звездное небо, как ужас не давал мне пошевелиться. И я лежала, притворяясь мертвой, пока зверь ерзал, обдавая меня горячим дыханием и прижимаясь мягким мехом к груди. Слишком нежный для зверя.

Краткий миг сознания: холод, затем жар, когда голая кожа – не шкура – коснулась моей. И я снова погрузилась в пьяные грезы, пока он медленно, мощно брал меня... и оргазм, перешедший в очередной сон. И тихое рычание на шотландском где-то над ухом.

На плече я заметила розоватый полумесяц-укус.

– Теперь ясно, почему ты до сих пор дрыхнешь, – укоризненно сказала я.

Солнце наконец коснулось щеки Джейми, осветив рыжую бровь. Будто спичка вспыхнула. Джейми не открыл глаз, но на лице его расплзлась сладкая улыбка.

Индейцы оставили нам часть медвежатины, тщательно завернутой в кусок промасленной кожи. Они повесили его на ветку, чтобы не привлекать внимания енотов и скунсов. Позавтракав и наскоро вымывшись в ручье, Джейми определил наше дальнейшее направление по солнцу и горам.

– Туда, – кивнул он на дальнюю вершину. – Видишь перевал и

вершину чуть поменьше? На другой стороне – земли индейцев. По новому договору граница проходит по хребту.

– А кто-то вообще может пережить переход через него? – Я недоверчиво уставилась на зубчатый, похожий на пилу хребет.

Перед нами вздымались бесконечные горы, будто миражи, возникшие в заполненных туманом долинах. Зелено-черные, синие и лиловые. Дальние пики, словно черные иглы, протыкали ясное небо.

– Ага. – Джейми вскочил в седло и развернул лошадь так, что солнце осветило его плечо. – Пришлось, чтобы определить, какие земли можно заселять. Я узнал про границы еще в Уилмингтоне, и Майерс подтвердил – эта сторона самого высокого хребта. Еще хотел расспросить наших вчерашних знакомых. Ну, чтобы убедиться, что они тоже так считают. – Джейми усмехнулся. – Готова, саксоночка?

– Всегда готова, – заверила его я и направила свою лошадь за ним.

Джейми прополоскал рубашку – точнее то, что от нее осталось, – в ручье. Окровавленные ошметки ткани сохли на крупе лошади, а Джейми ехал полуобнаженным, в одних лишь кожаных бриджах. Плед он небрежно набросил на пояс. Длинные царапины от медвежьих когтей казались почти черными на светлой коже, но явного воспаления я не заметила. А учитывая легкость, с которой Джейми держался верхом, очевидно, раны его не беспокоили.

Как и все остальное, насколько я поняла. Конечно, в нем чувствовалась легкая настороженность, однако с его плеч словно свалился некий груз. Наверное, дело было во встрече с тремя охотниками. Первая встреча с дикарями нас обоих основательно обнадежила и явно помогла Джейми перестать видеть за каждым деревом каннибалов с томагавками наголо.

Или, может, его успокоили сами деревья. Или горы. Настроение Джейми улучшалось с каждым шагом вверх. А я не могла не разделить его радость... и в то же время во мне рос страх – к чему она может привести?

Ближе к полудню мы подъехали к склону, покрытому таким густым лесом, что продолжать путь верхом стало невозможно. Глянув на почти вертикальную скалу, возвышающуюся над темной путаницей из веток, я позавидовала лошадям, которым предстояло остаться внизу. Мы стреножили их возле ручья, берега которого поросли сочной травой, а сами зашагали дальше, все выше и выше, все глубже и глубже в чертов первобытный лес.

Нас окружали сосны и, кажется, тсуги. Вроде так они называются, размышляла я, перелезая через узловатое поваленное дерево. Огромные стволы вздымались так высоко, что нижние ветви начинались лишь в

двадцати футах над моей головой. Лонгфелло о таком и не слыхивал.

Воздух был прохладным и влажным, дышалось легко. Туфли беззвучно утопали в многовековом черном слое перегнивших сосновых иголок. Мой отпечаток в мягкой грязи на берегу ручья выглядел странным, как след динозавра.

Мы достигли вершины хребта... и увидели следующий, а за ним еще один. Я не знала, что мы вообще ищем, или как мы пойдем, что что-то нашли. Джейми без усталости шел вперед привычной походкой горца и изучал обстановку. Я тащила за ним, наслаждаясь видом. Временами я срывала полезные растения или выкапывала корешки, а потом складывала эти сокровища в кисет на поясе.

Двинувшись вдоль хребта, мы уткнулись в заросли вереска. Местечко, издали смотревшееся светлым пятном на фоне темных хвойных деревьев, вблизи оказалось непроходимым переплетением колючих ветвей.

Мы вернулись назад и начали спуск, постепенно выбираясь из-под громадных ароматных сосен. Миновали склоны, покрытые пожелтевшей на солнце оленьей травой и наконец вышли к обрыву. Внизу текла безымянная речушка.

Под тенью деревьев было прохладно, и я с облегчением выдохнула, приподнимая волосы над шеей, чтобы проветриться. Джейми оглянулся, улыбаясь, и придержал для меня ветку.

Говорили мало, будто горы отнимали не только дыхание, но и способность к общению. Полные зеленых убежищ, они казались юными отпрысками шотландских гор, только гуще заросшие лесом и в два раза выше черных родительских скал. Однако в воздухе витал тот же приказ молчать, то же обещание чудес и тайн.

Землю здесь покрывал глубокий слой опавшей листвы, которая мягко пружинила под ногами. Пустота между огромными мшистыми деревьями словно обретала волшебные свойства – пройдешь и окажешься в другом измерении.

Волосы Джейми вспыхивали огнем, когда на них падали случайные лучики солнца, – и он словно факел вел меня сквозь лесные тени. Рыжим прядям, немного потемневшим за последние годы, солнце вернуло огненную медь. Джейми успел потерять ремешок, который стягивал волосы; он остановился и отбросил влажные пряди с лица. Мелькнула седина – над самым виском, напоминание о пуле, полученной в пещере Абандаве.

Я слегка содрогнулась. Хорошо бы забыть Гаити и его жестокие тайны, но вряд ли удастся. Я и сейчас порой слышу, на грани сна,

завывание ветра в пещере.

Мы взобрались на гранитный выступ, покрытый мхом и вездесущей влагой, а потом пошли вдоль ручья, продираясь сквозь высокую траву и уклоняясь от низких веток. Вокруг развернулись настоящие чудеса. Крошечные орхидеи и хрупкие грибы, дрожащие, как желе, на поваленных стволах. Стрекозы, порхающие над водой, словно драгоценные камешки. Поглощающий все туман.

Богатство природы поражало. На лице Джейми застыло блаженное выражение, как у человека, который знает, что спит, но не хочет просыпаться. Как ни странно, чем лучше я себя чувствовала, тем хуже мне становилось. Я была бесконечно счастлива – и столь же отчаянно напугана.

Привал мы сделали уже после полудня, чтобы отдохнуть и напиться воды из небольшого родника на краю поляны. Землю вокруг, под кленами, покрывал густой ковер зеленой листвы... среди которой я вдруг заметила знакомое красное пятнышко.

– Земляника!

Ягодки были темными, размером примерно с ноготь моего большого пальца. По меркам садоводства, в моем мире их посчитали бы чересчур кислыми, почти горькими. Но в сочетании с недожаренной холодной медвежатиной и твердыми как камень лепешками они показались настоящим деликатесом, приятной свежестью, разбавившей вкус во рту.

Я собирала их целыми пригоршнями и складывала в плащ. Плевать на пятна – какое мне дело до капельки земляничного сока, когда там красуются следы смолы, сажки, раздавленной травы и самой обыкновенной грязи? Когда я закончила, мои пальцы липли друг к другу, желудок был набит, а небо и язык будто кто-то натер наждачкой – из-за ужасно кислых ягод. Однако я все равно не могла устоять и тянулась за следующими.

Джейми прислонился плечом к платану, сощулив глаза от бьющего в них солнца.

– Как тебе эти места, саксоночка? – спросил он.

– Здесь очень красиво, правда?

Джейми кивнул, глядя туда, где между деревьями виднелся склон, поросший степными травами, и вновь вздымались деревья – ивы, обрамляющие берег реки.

– Я вот думаю... В лесу сейчас весна. Вон луг... – Он махнул рукой в сторону ольхи на дальнем краю склона. – Его на первое время хватит нескольким животинам, а землю у реки можно расчистить под засев. По склону будет легко отвести воду. А здесь, смотри...

Джейми встал, охваченный мечтами.

Окрестности, на мой взгляд, ничем не отличались от всех склонов и маленьких долин, которые мы прошли за последние дни. Однако для Джейми, с его опытным фермерским глазом, дома, загоны и поля возникали как волшебные грибы в тени деревьев. Он буквально лучился от счастья. А вот у меня сердце налилось тяжестью.

– Думаешь, мы можем тут осесть? Принять предложение губернатора? Джейми уставился на меня, осекшись на полуслове.

– Можем. Если...

Он замолчал. Солнце опалило его кожу, и я не могла понять, отчего Джейми покраснел.

– Скажи, саксоночка... ты веришь в знаки?

– Какие знаки? – насторожилась я.

Вместо ответа Джейми сорвал какое-то растение и положил мне в ладонь – темно-зеленые листочки, похожие на китайские веера, белоснежный цветок на тонком стебельке, а на другом – полуспелая ягода с ярко-красным кончиком.

– Вот этот. Это наше, понимаешь?

– Наше?

– Фрейзеров, в смысле. – Джейми мягко коснулся ягодки грубым пальцем. – Земляника всегда была символом нашего клана... В общем-то, наше имя ее и означало, когда мсье Фрезельер прибыл из Франции с королем Вильгельмом и за свои заслуги получил земли в Шотландских горах.

Вот оно как... король Вильгельм. То есть Вильгельм Завоеватель. Может, Фрейзеры – и не древнейший клан, но родословная у них неплохая.

– Воины с самого начала, так ведь?

– И земледельцы. – Сомнение в глазах Джейми сменилось улыбкой.

Я не рассказала ему о своих мыслях, однако отлично знала, что он думает о том же. Клана Фрейзеров больше не существовало – лишь жалкие остатки, кто выжил благодаря хитрости или удаче. И все же вот он, передо мной, в тартане, высокий и стройный, с темной сталью кинжала на поясе. Воин и земледelec. И пусть земля под его ногами была не шотландской, он дышал воздухом свободы, а горный ветер трепал волосы, поднимая медные пряди ввысь, к летнему солнцу.

– Мсье Фрезельер? – улыбнулась я, изо всех сил стараясь забыть о растущих страхах. – Мистер Земляника? Он их выращивал или просто любил есть?

– Ну, одно из двух. Или и то и другое, – сухо отозвался Джейми. – Или дело было в рыжих волосах?

Я рассмеялась, и Джейми присел рядом на корточки, расстегивая плед.
– Такие растения встречаются редко. – Он тронул веточку на моей ладони. – Чтобы и цветок, и плод, и листва... Белый цветок – это честь, красная ягода – храбрость... а зеленый лист – непреклонность и постоянство.

В горле встал ком.

– Верно, – шепнула я.

Джейми обхватил мою ладонь своей и аккуратно сжал веточку моими пальцами.

– А сама ягода – в форме сердца, – тихо проговорил он и поцеловал меня.

К глазам подступили слезы, одна даже скатилась по щеке. Джейми стер ее, а затем поднялся и расстегнул пояс. Плед складками упал к ногам. Затем Джейми стянул рубашку с бриджами и усмехнулся, глядя на меня сверху вниз, обнаженный.

– Здесь никого, – произнес он. – Никого, кроме нас.

Множество дней нас окружали бескрайние просторы, полные опасностей, глушь, которая начиналась уже за гранью света от костра. Но здесь мы были лишь вдвоем, неразрывно связанные с этим местом, где даже при свете дня не нужно сдерживать бушующие страсти.

– В древние времена мужчины так благословляли поля, – проговорил Джейми, подавая мне руку.

– Что-то я не вижу здесь полей.

И я не знала, хочу ли я вообще их здесь увидеть. Однако я все же стянула кожаную рубашку и развязала самодельный бюстгальтер. Джейми не сводил с меня восхищенных глаз.

– Ясное дело, сперва мне придется срубить несколько деревьев...

Мы расстелили плед поверх плащей и устроились на этом подобии ложа, прижимаясь друг к другу обнаженной кожей, среди желтой травы и ароматов бальзамина и земляники. Я отогнала все те мысли, что терзали меня по пути сюда, желая разделить радость Джейми, покуда он ее испытывает. Я крепко его обняла, а он глубоко вздохнул и прижался еще сильнее.

– Каким был бы Рай без змия? – пробормотала я, поглаживая Джейми.

– А ты бы отведала со мной плод, душа моя? – прищурился он. – С древа познания добра и зла?

В ответ я легонько провела кончиком языка по его нижней губе. Джейми вздрогнул.

– Я готова, – произнесла я, – мсье Фрезельер.

– Мадам Фрезельер... – шепнул Джейми. – Я весь к вашим услугам.

А потом мы разделили этот сладкий плод греха, скрытые зеленой листвой.

Мы лежали в объятиях друг друга, сонные, шевелясь лишь для того, чтобы отогнать назойливых насекомых, пока вечерние тени не коснулись наших ног. Джейми тихо встал и укрыл меня плащом, думая, что я заснула. Я расслышала шорох одежды, потом шелест листвы. Джейми куда-то отошел.

Я перекатилась и увидела его в стороне. Джейми стоял у края леса, глядя с обрыва на реку.

Он надел лишь плед – повязал вокруг пояса, мятый и окровавленный. Со спутанными волосами, лежащими на плечах, Джейми выглядел самым настоящим диким горцем. То, что мне казалось ловушкой – семья, клан, – было его силой. А то, что я считала своей – одиночество, отсутствие уз, – было моей слабостью.

Познав близость, добро и зло, Джейми сумел все оставить и шагнуть дальше в одиночку. А я, когда-то так гордившаяся своей самодостаточностью и независимостью, теперь не выносила и мысли, что вновь останусь одна.

Когда-то я решила молчать, жить мгновением, принимать все, что уготовано мне судьбой. Но вот оно, это мгновение, и я не могу его принять. Когда перед глазами одновременно и Джейми, склонивший голову в раздумье, и имя на холодной каменной плите. Меня охватили отчаяние и ужас.

Будто услышав отголосок моего внутреннего крика, Джейми повернулся. Не знаю, что он прочел на моем лице, но он мигом очутился рядом.

– Что случилось, саксоночка?

Врать ему в глаза было бессмысленно.

– Мне страшно, – выпалила я.

Джейми завертел головой в поисках опасности и потянулся за кинжалом.

– Нет, Джейми... обними меня.

Он тут же прижал меня к себе, обернув в плащ. Я дрожала, хотя вечерняя прохлада еще не вступила в свои права.

– Все в порядке, моя красавица, – пробормотал Джейми. – Я с тобой. Что тебя напугало?

– Ты. – Я обхватила его руками. Сердце Джейми билось прямо под

моим ухом, ровно и сильно. – Это место. Мне страшно думать, как ты здесь будешь, как мы будем...

– Страшно? – переспросил Джейми. – Почему, саксоночка? – Он обнял меня крепче. – Я ведь говорил, когда мы поженились, что всегда буду о тебе заботиться, верно? – Джейми устроил мою голову на своем плече. – В тот день я дал тебе три вещи: свое имя, семью и клятву защищать тебя своим телом. И так будет всегда. Неважно, где мы окажемся. Я не позволю тебе голодать или замерзать. Я не позволю никому и ничему причинить тебе вред.

– Да не боюсь я этого всего! – снова выпалила я. – Я боюсь, что ты умрешь, а я этого не вынесу, Джейми, правда не вынесу!

Он слегка отстранился, изумленный, и заглянул мне в лицо.

– Ну, я все для тебя сделаю, саксоночка, но, как ты знаешь, тут последнее слово может быть не за мной.

Джейми оставался серьезным, однако уголок его рта пополз вверх. И это зрелище меня доконало.

– А ну не смейся! – воскликнула я в ярости. – А ну не смей, слышишь!

– Да не смеюсь я, – заверил он, пытаюсь сохранить спокойное выражение лица.

– Смеешься!

Я стукнула его по груди, и тут он действительно расхохотался. Я снова ударила, сильнее, и, прежде чем успела сообразить, что творю, уже вовсю колотила его кулаками. Джейми перехватил мое запястье, но я извернулась и цапнула его за палец. Джейми вскрикнул и тут же одернул руку.

Он внимательно глянул на отпечатки зубов, затем посмотрел на меня, вскинув бровь. Несмотря на веселье в глазах, этот гад хотя бы перестал ржать как конь.

– Саксоночка, ты меня сколько раз видела при смерти и ухом не вела? Так что это с тобой сейчас, когда я даже не болен?

– Даже ухом не вела?! – рявкнула я, вытаращившись в изумлении. – Так ты думаешь, меня это ничуть не волновало?!

Джейми потер губы костяшками пальцев, глядя на меня с некой насмешкой.

– Хм. Конечно, я знал, что тебе не все равно. Но особо не задумывался.

– Ну разумеется! А даже если бы задумался, какая разница?.. Да ты... ты... неотесанный шотландец!

Хуже я все равно ничего не смогла придумать. И, не найдя больше слов, развернулась и пошла прочь.

К сожалению, топать босиком по заросшему травой лугу очень

нелегко. Я сразу наступила на что-то острое и взвизгнула.

В ступне торчало с дюжину острых шипов – то ли дурнишник попался, то ли еще что. Из крошечных ранок сочилась кровь. Я, с трудом пытаюсь устоять на одной ноге и ругаясь под нос, принялась вытаскивать чертовы колючки.

Покачнувшись, я все же не удержала равновесие и чуть было не шлепнулась в траву, однако чужая ладонь успела подхватить меня под руку. Стиснув зубы, я избавилась от шипов, а потом выдрала локоть из хватки Джейми и вернулась – теперь осторожнее – туда, где оставила вещи.

Сбросив с плеч плащ, я начала одеваться, пытаюсь сохранить при этом остатки достоинства. Джейми молча наблюдал, скрестив руки на груди.

– Когда Господь вышвырнул Адама из Рая, Ева, по крайней мере, отправилась с ним, – пробормотала я, обращаясь к своим пальцам, которые как раз завязывали тесьму на штанах.

– Да, твоя правда. – Джейми выдержал осторожную паузу и покосился на меня – очевидно, прикидывал, наброшусь я на него снова или нет. – Слушай, саксоночка, а ты часом не пробовала те травы, которые собирала утром? Нет-нет, я ничего такого не подумал, – поспешно добавил он, заведя выражение моего лица, – просто спросил! Майерс говорит, что некоторые здешние растения могут те еще кошмары наслать.

– Нет у меня кошмаров, – огрызнулась я, и слишком резкий тон все же выдал ложь.

Джейми вздохнул.

– Саксоночка, ты скажешь мне прямо, в чем дело, или намерена меня помучить?

Я уставилась на него, как всегда не в состоянии решить, хочу я смеяться или двинуть ему чем-нибудь тяжелым. Но затем оба этих желания пали перед накатившим на меня отчаянием. Я обессиленно ссутулилась.

– Я говорю о тебе.

– Обо мне? Почему?

– Потому что ты чертов горец, у тебя на уме только гордость, храбрость и постоянство, и я знаю, что тебя уже не переделаешь, да и не надо мне такого, просто... черт возьми, просто это все заведет тебя обратно в Шотландию, где тебя убьют, и я тут бессильна!

– В Шотландию? – недоверчиво распахнул глаза Джейми.

– В Шотландию! Там твоя чертова могила!

Джейми медленно взъерошил свои волосы.

– Вот как, – наконец сказал он. – Ясно. Ты думаешь, что если я отправлюсь в Шотландию, то умру, раз уж там меня должны похоронить?

Так?

Я кивнула, слишком удрученная, чтобы говорить вслух.

– Хм-м. А с чего ты взяла, что я туда отправлюсь? – осторожно поинтересовался Джейми.

Я раздраженно глянула на него и взмахнула рукой, указывая на бескрайнюю глушь вокруг.

– А где еще, черт побери, ты собрался искать переселенцев на эти земли? Конечно же, в Шотландии!

Джейми ответил мне не менее раздраженным взглядом.

– А как, бога ради, ты думаешь, я ухитрюсь это сделать, а? Мог бы, когда у меня были драгоценности. А сейчас? В кармане едва десять фунтов наберется, да и те взял займы. Что я, как птичка туда полечу? А людей за собой обратно по воде вести буду?

– Ты что-нибудь придумаешь, – несчастным голосом ответила я. – Как всегда.

В глазах Джейми мелькнуло что-то странное, а потом он и вовсе отвернулся.

– Не знал, что ты меня считаешь всемогущим Господом, саксоночка, – сказал он после недолгого молчания.

– Скорее Моисеем.

Несмотря на явно насмешливые фразы, мы отнюдь не шутили. Джейми отошел, сцепив руки за спиной.

– Осторожно, колючки, – окликнула я его, заметив, что он идет в сторону, где со мной уже приключилось несчастье.

Джейми послушно сменил направление и принялся бродить туда-сюда по поляне, в раздумье склонив голову. Наконец он вернулся и замер передо мной.

– Я не могу жить здесь в одиночку, ты права. Но зачем мне ехать за переселенцами в Шотландию?

– А куда еще?

– Мои люди... те, кто был со мной в Ардсмуре, – ответил Джейми, – уже здесь.

– Ты ведь понятия не имеешь, где именно, – возразила я. – Да и вообще, они переселились давным-давно! С какой стати им сниматься с насиженного места и идти за тобой на край земли?

Джейми криво усмехнулся.

– Ты же пошла, саксоночка.

Я глубоко вздохнула. Страх, который терзал мое сердце последние несколько недель, слегка отступил. Однако теперь в моих мыслях

появилось пространство для размышлений об ужасных сложностях пути, на который намеревался встать Джейми. Разыскать людей, разбросанных по трем колониям, уговорить их присоединиться – и одновременно найти немало денег, чтобы расчистить землю и взрастить поля. Не говоря уже о том, сколько усилий придется вложить, дабы вырвать у дикой, первозданной природы хоть клочок земли...

– Я что-нибудь придумаю, – едва заметно улыбнулся Джейми, заведя тень сомнения на моем лице. – Как всегда, так?

Я резко выдохнула.

– Так, – согласилась я. – Джейми... ты уверен? Твоя тетушка Иокаста...

Джейми лишь отмахнулся:

– Нет. Никогда.

Я по-прежнему колебалась, чувствуя себя виноватой.

– Ты ведь не... не из-за меня? Из-за моих слов о рабах?

– Нет. – Джейми помолчал. Я заметила, как у него дрогнули искривленные пальцы на правой руке. – Я уже был рабом, Клэр, – тихо сказал он, опустив голову. – И не смогу жить, зная, что в мире есть человек, который ненавидит меня так же, как я ненавидел тех, кто считал себя моими хозяевами.

Я накрыла его искаленную ладонь своей. По моим щекам заструились слезы, теплые, как летний дождь.

– Ты меня не оставишь? – наконец спросила я. – Ты не умрешь?

Джейми покачал головой и крепко сжал мою руку.

– Ты – моя смелость, а я – твоя совесть, – прошептал он. – Ты – мое сердце... а я – твое сострадание. Мы – единое целое, мы не можем быть порознь. Разве ты сама не знаешь, саксоночка?

– Знаю. – Голос дрогнул. – Поэтому мне так страшно. Я не хочу вновь стать лишь половинкой целого, я этого не вынесу.

Джейми убрал прядь с моей влажной щеки и притянул меня к себе; я чувствовала, как от каждого вздоха вздымается и опадает его грудь. Такой осязаемый, такой живой, рыжие завитки отливают золотом на обнаженной коже... И тем не менее я уже теряла его – однажды.

Он коснулся моей щеки.

– Разве ты не видишь, как мало значит смерть, когда мы вместе? – шепнул Джейми.

Мои руки сами собой сжались в кулаки. Нет, не мало!

– Все то время, когда ты меня оставила, после Каллодена... Я был мертв, разве нет?

– Я думала, ты умер. Поэтому и... ох.

Я прерывисто вздохнула. Джейми кивнул.

– Через двести лет я и подавно буду мертв, саксоночка, – криво усмехнулся он. – И не важно, что меня прикончит – индейцы, дикие звери, чума, виселица или возраст. Меня не станет.

– Да.

– А пока ты была там – в своем времени, – я был мертв, правда?

Я кивнула, не находя слов. Даже сейчас я легко вспоминала чудовищную бездну отчаяния, затянувшую меня после расставания, из которой так медленно, дюйм за дюймом, я с болью выкарабкивалась.

Джейми сорвал пучок травы и сжал в ладони.

– Дни человека – как трава, – тихо процитировал он, мягко коснувшись зеленью моих костяшек, лежавших на его груди, – как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его.

Джейми коснулся травинки губами, потом поднес к моим.

– Я был мертв, саксоночка моя... и в то же время не переставал тебя любить.

Я закрыла глаза, чувствуя, как травинки едва заметно щекочут губы.

– И я не переставала тебя любить, – прошептала я. – И никогда не перестану.

Травинки исчезли. Не открывая глаз, я ощутила, как Джейми наклонился, а затем накрыл мои губы своими, теплыми, как солнечный свет.

– Пока наши тела живы – мы одна плоть, единое целое, – шепнул Джейми.

Его пальцы касались меня – волос, лица, шеи, груди, – а я дышала его дыханием, изо всех сил прижимаясь.

– А когда мое тело умрет, с тобой останется моя душа. Клэр, клянусь своей надеждой на рай – я тебя не оставляю.

Ветер шелестел листвой каштана. В воздухе витали богатые ароматы позднего лета – сосен, травы, земляники, нагретых солнцем камней, прохладной воды... И резкий, мускусный запах мужчины, держащего меня в объятиях.

– Ничего не уходит безвозвратно и не исчезает, саксоночка. Просто меняется.

– Это первый закон термодинамики, – пробормотала я, вытирая нос.

– Нет, – твердо сказал Джейми. – Это вера.

Часть шестая
Я тебя люблю

Глава 17

Домой на каникулы

Инвернесс, Шотландия, 23 декабря 1969-го

Роджер в десятый раз проверил расписание поездов и вновь принялся мерить шагами гостиную пасторского дома, слишком взволнованный, чтобы усидеть на месте. Ждать оставалось еще час.

В гостиной царил беспорядок – на всех поверхностях громоздились картонные коробки. Роджер обещал увезти все до Нового года, кроме вещей, которые Фиона хотела оставить.

Он прошел по холлу и оказался на кухне. Заглянул в недра древнего холодильника, потом решил, что не голоден, и закрыл дверцу.

Роджер жалел, что миссис Грэхем и преподобный отец так и не встретились с Брианной. Он улыбнулся пустому кухонному столу, вспоминая, как в юности разговаривал с пожилой парой, когда был охвачен безумной – и неразделенной – страстью к дочери табачника, и спрашивал, как узнать, любишь ли ты на самом деле.

– Если ты задаешь себе такие вопросы, парень, значит, не любишь, – заверила миссис Грэхем, для убедительности постукивая ложечкой по краю миски. – И держи лапы подальше от малышки Мэвис Макдауэлл, иначе ее папаша тебя прикончит.

– Когда полюбишь, Родж, сам поймешь, – добавил преподобный, обмакивая палец в тесто. Он в шутку увернулся, когда миссис Грэхем пригрозила ему ложкой, и рассмеялся. – И действительно, поосторожней с юной Мэвис, парень. Я еще не настолько стар, чтобы стать дедом.

Они оказались правы. Он сам понял, стоило ему увидеть Брианну Рэндалл. Вот только не знал, разделяет ли она его чувства.

Ожидание было невыносимо. Роджер хлопнул по карману, проверяя ключи, потом сбежал вниз по лестнице и устремился на улицу, под противный зимний дождь, который зарядил еще утром. Говорят, холодный душ – полезная штука. Впрочем, в случае с Мэвис он так и не помог.

24 декабря 1969-го

– Сливовый пудинг ставишь в разогретую духовку, крем в

кастрюльке, – отдавала последние указания Фиона, натягивая красную шерстяную шапку. В ней низкорослая Фиона напоминала садового гнома. – Не прибавляй огонь слишком сильно и не выключай его совсем, а то в жизни не включишь обратно. Вот, смотри, я написала, что завтра делать с птицей. Она уже в кастрюле, засыпь туда нарезанные овощи, они в большой желтой миске в холодильнике, и... – Фиона достала из кармана джинсов исписанный листок и сунула Роджеру в руку.

Он легонько похлопал Фиону по макушке:

– Не волнуйся. Мы не сожжем дом, честно. И с голоду не умрем.

Фиона нахмурилась, задержавшись на выходе. Ее жених нетерпеливо завел двигатель.

– Ну, ладно. Вы точно не хотите с нами поехать? Мама Эрни против не будет, да и вообще я уверена, что ей не очень-то по душе, что вы одни тут остаетесь, Рождество...

– Не волнуйся, Фиона, – сказал Роджер, мягко подталкивая ее к двери. – Мы управимся. Наслаждайся праздником с Эрни, а о нас не беспокойся.

Она вздохнула, неохотно сдаваясь.

– Ладно уж, управитесь.

Раздался короткий гудок, и Фиона недовольно уставилась на машину.

– Да иду я, не видишь, что ли? – возмутилась она.

Фиона вновь повернулась к Роджеру и, вдруг просияв, обняла его, а потом крепко поцеловала в губы. Для этого ей пришлось привстать на цыпочки.

Отстранившись, Фиона заговорщически подмигнула, хитро сморщив круглое личико.

– Пусть наш Эрни знает, как сигналить, – шепнула она. – Счастливого Рождества, Родж!

Весело махнув рукой, Фиона соскочила с крыльца и лениво направилась к жениху. При этом она даже слегка покачивала бедрами. Едва Фиона захлопнула за собой дверцу, машина, взревев, сорвалась с места. Роджер помахал им вслед.

– Ты что тут делаешь без пальто? – поинтересовалась Брианна, показавшись в дверях. – Такая холодина!

Роджер колебался. Может, рассказать?.. В конце концов, с Эрни это явно сработало. Но сейчас канун Рождества. Несмотря на хмурое небо и мороз, ему было тепло, даже жарко.

– Провожал Фиону, – улыбнулся он, закрывая за собой дверь. – Ну, попробуем приготовить что-нибудь и не взорвать кухню?

Бутерброды они сделали без происшествий и, перекусив, отправились в кабинет. Комната уже почти пустовала – оставалось разве что несколько полок с книгами, которые предстояло разобрать и упаковать.

С одной стороны, Роджер ужасно радовался, что работа подходила к концу. С другой – ему было грустно видеть, как уютный, вечно чем-то забитый кабинет превратился в пустую оболочку.

Большой письменный стол преподобного отца унесли в гараж. Книжные стеллажи, возвышающиеся до самого потолка, лишили их ноши – множества книг. Со стены, обитой корой пробкового дерева, сняли все шелестящие листы. Весь этот процесс напоминал Роджеру ощипывание курицы, а результат – охладелую и жалкую тушку, от которой хотелось отвести взгляд.

На стене по-прежнему висел один квадратный листок. Роджер собирался снять его в последнюю очередь.

– А с этими что делать? – Брианна вопросительно ткнула метелкой для смахивания пыли в небольшую стопку книг на столике.

У ног девушки стоял ряд открытых коробок, наполовину заполненных и ожидающих передачи в разные места – библиотеки, общества антикваров, друзьям преподобного, самому Роджеру.

– Они подписаны, но без имен, – произнесла Брианна, передавая ему верхнюю. – У тебя есть те, что он подписал для твоего отца, а эти тебе нужны? Первые издания, кстати.

Роджер повертел книгу в руках. Ее написал Фрэнк Рэндалл. Красивый переплет и оформление идеально сочетались с изысканным, истинно научным содержанием.

– Лучше ты их заberi, – сказал Роджер. Не дожидаясь ответа, он бережно опустил книгу в небольшую коробку, стоявшую в кресле. – Все же это работа твоего отца.

– У меня уже есть, – возразила Брианна. – Полным-полно. Целые ящики.

– Только без автографов, правда?

– Ну... да.

Брианна подхватила еще одну книгу и открыла на закладке, где увидела четкие, слегка наклонные буквы: «*Tempora mutantur nos et mutamur in illis. F.W. Randall*». Девушка с нежностью коснулась подписи кончиком пальца.

– Времена меняются, и мы с ними... Роджер, ты точно не хочешь забрать эти книги?

– Точно, – улыбнулся он и обвел рукой завалы книг вокруг. – Не волнуйся, мне с головой хватит.

Брианна рассмеялась и отложила их в свою коробку, а потом вновь принялась за работу: она вытирала пыль с переплетов, прежде чем упаковывать. Большинство стояли нетронутыми лет сорок, так что Брианна уже и сама по уши перепачкалась в пыли, а длинные пальцы и манжеты белой блузы будто покрывала сажа.

– Не будешь скучать по дому? – Брианна смахнула с лица прядь волос и кивнула на просторную комнату. – Ты ведь здесь вырос, да?

– Да, и еще раз да, – ответил Роджер, взгромождая очередную полную коробку на гору тех, что отправятся в университетскую библиотеку. – Но выбора у меня мало.

– Ага, думаю, ты не смог бы здесь жить, – с сожалением согласилась Брианна. – Тебе почти все время надо быть в Оксфорде. А обязательно продавать дом?

– Я не могу его продать. Он мне не принадлежит.

Роджер нагнулся за особенно здоровой коробкой и медленно выпрямился, кряхтя от натуги. Пошатываясь, он пересек комнату и почти что уронил свою ношу на другие коробки. От удара в воздух взвились облачка пыли.

– Уф! – выдохнул Роджер, усмехаясь. – Бог в помощь антикварам, когда они будут поднимать эту тяжесть.

– Погоди. В смысле, не принадлежит?

– В прямом, – как ни в чем не бывало отозвался Роджер. – Дом не мой. Он, как и земля, принадлежит церкви. Отец прожил здесь почти пятьдесят лет, но владельцем он не был. Все принадлежит приходскому совету. Новому священнику дом не нужен, у него полно денег и жена, которая любит современные удобства. Так что совет сдает его внаем. Здесь будут жить Фиона и Эрни, да помогут им небеса.

– Только вдвоем?

– Арендная плата невысокая. И тому есть причины, – добавил Роджер с иронией. – Фиона хочет кучу детишек, а тут хватит места на целую армию, уж поверь.

Дом построили еще в викторианские времена, рассчитывая на многочисленные семьи священников, так что комнат было двенадцать... не считая древнюю и ужасно неудобную ванную комнату.

– В феврале у них свадьба, поэтому мне нужно вывезти все до Рождества, чтобы хватило времени на ремонт. Извини, что приходится заставлять тебя работать на каникулах. Может, в понедельник съездим в

Форт-Уильям?

Брианна взяла очередную книгу.

– Значит, ты навсегда прощаешься с домом? – медленно произнесла она. – Это как-то неправильно... хотя я рада, что Фиона будет здесь жить.

Роджер пожал плечами:

– Я все равно не собирался оседать в Инвернессе. И это не дом моих предков, так что... – Он махнул на растрескавшийся линолеум, грубую эмаль на мебели и древний абажур над головой. – Достопримечательность по два фунта с носа за просмотр из этого места не сделаешь.

Брианна улыбнулась и продолжила разбирать книги. Однако она казалась задумчивой. Между густыми рыжими бровями залегла морщинка. Наконец девушка положила последнюю книгу в коробку и со вздохом потянулась.

– У преподобного было почти столько же книг, как у моих родителей, – сказала она. – Мама с ее медицинскими справочниками и папа с его историческими трудами смогли бы целую библиотеку открыть. Наверное, полгода уйдет, чтобы разобрать, когда я вернусь... – Брианна прикусила губу и потянулась за скотчем. – Сказала агенту по недвижимости, что к лету дом можно выставить на продажу.

– Так вот что тебя тревожит, – медленно произнес Роджер. – Мысли, что ты потеряешь свой дом... родной дом навсегда?

Брианна дернула плечом, упорно пытаясь поддеть краешек непослушного скотча.

– Если ты переживешь, то и я, наверное. Кроме того, мама почти обо всем позаботилась. Она нашла человека, который снял дом на год, поэтому у меня было время подумать и не волноваться о том, что он пустует. Глупо его оставлять, он слишком огромный для меня одной.

– Ты можешь выйти замуж, – брякнул Роджер, не подумав.

– Наверное, – согласилась Брианна. Она глянула искоса, и уголок ее рта весело дрогнул. – Однажды. А если мой муж не захочет жить в Бостоне?

Роджера осенило, что, возможно – лишь возможно! – Брианна не хочет, чтобы он навсегда покидал этот дом потому, что представляла, как сама в нем живет.

– А ты хочешь иметь детей? – вдруг спросил он. Раньше вопрос не приходил ему в голову, но Роджер чертовски надеялся, что она ответит «да».

Брианна удивленно на него посмотрела, затем рассмеялась.

– Единственный ребенок всегда хочет большую семью, не так ли?

– Не знаю, – отозвался Роджер. – Я хочу.

Он перегнулся через коробки и поцеловал ее.

– Я тоже, – сказала Брианна.

Она улыбнулась, слегка прищулив глаза, однако взгляд не отвела. Лишь немного порозовела.

Да уж, иметь детей Роджер хотел, но пока ему куда больше хотелось их непосредственно делать.

– Может, сперва закончим уборку?..

– А? – Смысл слов дошел до Роджера далеко не сразу. – А-а... Да. Точно, давай.

Он снова поцеловал Брианну, на этот раз не спеша. У нее были прекрасные губы – широкие, пухлые, словно чересчур большие для ее лица, и все же не слишком.

Роджер обнял Брианну за талию одной рукой, а пальцы второй запустил в шелковистые волосы. Брианна слегка вздрогнула, приоткрывая рот настолько покорно, что ему мгновенно захотелось подхватить ее на руки, отнести на ковер перед камином и...

Резкий стук заставил Роджера вскинуть голову и буквально отскочить от девушки.

– Да кто там еще?! – воскликнула Брианна, прижав руку к сердцу.

К стеклу огромного, от пола до потолка, окна – преподобный занимался живописью – прижималась большая усатая физиономия.

– Почтальон, Макбет, – процедил сквозь зубы Роджер. – Что вообще старый черт тут забыл?

Будто расслышав вопрос, мистер Макбет сделал шаг назад и радостно взмахнул письмом, которое вытащил из сумки.

– Письмо! – старательно выговорил он одними губами, задумчиво глядя на Брианну. Потом его взгляд метнулся к Роджеру, а брови хитро поднялись.

Когда Роджер открыл входную дверь, почтальон ждал на крыльце.

– Господи, ну почему ты просто не опустил его в ящик, а? – возмутился Роджер. – Давай уже сюда.

Мистер Макбет отдернул руку с письмом, изображая оскорбленную невинность. Вышло, правда, не очень, ведь он одновременно пытался рассмотреть Брианну у Роджера за плечом.

– Оно слишком важное, ясно? Из самих Штатов – вот почему. И вообще оно не для тебя, парень, а для юной леди. – Почтальон скривил лицо в неприятной гримасе, пытаясь подмигнуть, и ужом прошмыгнул мимо Роджера. – Мэм, – протянул он руку Брианне. Под усами расплылась

глупая улыбочка. – С наилучшими пожеланиями от почты ее величества!

– Благодарю, – уверенно улыбнулась Брианна. На ее щеках по-прежнему розовел румянец, но волосы она успела пригладить.

Она взяла письмо, однако открывать не стала. Роджер заметил подпись, сделанную от руки, и красные почтовые отметки.

– В гости приехали, мэм? – сердечно поинтересовался Макбет. – И вы тут вдвоем, одни-одинешеньки? – Он поворачивал глазами, с откровенным интересом разглядывая девушку.

– Нет-нет, – отозвалась Брианна, не меняясь в лице. Она сложила письмо пополам и сунула в задний карман джинсов. – С нами Дядюшка Энгус, он спит наверху.

Роджер закусил щеку, чтобы не расхохотаться. Дядюшкой Энгусом звали изъеденного молью шотландского терьера, его детскую игрушку, которую как раз обнаружили во время уборки. Брианна, очарованная псом, стряхнула пыль с клетчатой шапочки Дядюшки и усадила его на свою постель в гостевой спальне.

Почтальон вскинул густые брови.

– А-а, – туповато выдал он. – Понятно. Что, тоже американец, этот ваш Дядюшка Энгус?

– Нет, он из Абердина.

У Брианны разве что порозовел кончик носа, лицо по-прежнему оставалось донельзя простодушным.

Мистер Макбет пришел в восторг.

– О, в вашей семье течет шотландская кровь! Мне следовало бы догадаться, с вашими-то волосами. Красавица, ох красавица, точно-точно! – Почтальон восхищенно покачал головой, а блудливый взгляд сменился на эдакий покровительственный, что Роджеру тоже, в общем-то, не понравилось.

– Ладно. – Роджер многозначительно кашлянул. – Не будем отрывать тебя от работы, Макбет.

– Ой, да ничего страшного, – заверил его почтальон, вытягивая шею, чтобы напоследок увидеть Брианну. – Покой нам только снится, да, милая?

– После смерти отоспишись, – с нажимом буркнул Роджер, открывая дверь. – Хорошего дня, Макбет.

– Вам тоже, мистер Уэйкфилд, хорошего дня. – Почтальон пихнул его локтем под ребра и хрипло шепнул: – И удачной ночи, если ее дядюшка спит крепко!

– Ну что, письмо читать будешь? – Роджер взял конверт со стола и

протянул Брианне.

Она слегка порозовела, но письмо забрала.

– Там ничего важного. Потом гляну.

– Я пока на кухню схожу, если там личное.

Брианна покраснела еще сильнее.

– Да нет. Пустяки.

Роджер вскинул бровь. Нетерпеливо дернув плечами, Брианна резко вскрыла конверт и вытащила листок.

– Сам посмотри, если хочешь. Говорю же, ничего важного.

«Да ладно?» – подумал Роджер, но предложенный лист взял молча.

Там и в самом деле не оказалось ничего такого: просто уведомление из университетской библиотеки, что запрошенные материалы, к сожалению, не доступны по межбиблиотечному обмену; их можно просмотреть, если обратиться к частному собранию документов о Стюартах в Королевском корпусе Эдинбургского университета.

Брианна наблюдала, скрестив руки на груди и сжав губы. В глазах горел вызов.

– Почему мне не сказала, что ты его ищешь? – тихо спросил Роджер. – Я помог бы.

Она приподняла плечо и тяжело сглотнула.

– Я и сама умею проводить исторические исследования. Я раньше помогала отцу... – Брианна умолкла, прикусив губу.

– Ага, ясно.

Роджер действительно все понял. Он взял Брианну за руку и потащил на кухню, где усадил в кресло у видавшего виды старого стола.

– Поставлю чайник.

– Я не люблю чай, – возразила Брианна.

– Тебе нужен чай, – твердо заявил Роджер.

Газовая горелка вспыхнула, яростно свистнув. Роджер достал из шкафчика чашки с блюдцами. А потом, подумав, снял с верхней полки бутылку виски.

– И виски я не люблю, – буркнула Брианна.

Она попыталась встать из-за стола, однако Роджер опустил руку ей на плечо.

– А я люблю, но терпеть не могу пить в одиночку. Посидишь со мной, а?

Роджер улыбнулся, отчаянно надеясь вызвать ответную улыбку. Наконец Брианна неохотно усмехнулась. Он сел напротив и налил себе полчашики янтарной жидкости. Затем с наслаждением вдохнул аромат и не

спеша отпил, чувствуя, как напиток приятно обжигает горло.

– Ох, «Гленморанж». Точно не хочешь? Может, капельку в чай?

Брианна покачала головой. Когда чайник засвистел, она сняла его с огня и залила кипятком заварник. Подошедший сзади Роджер обнял ее за талию.

– Здесь нечего стыдиться, – мягко сказал он. – Ты имеешь право знать правду, если сможешь ее раскопать. Все-таки Джейми Фрейзер был твоим отцом.

– Он не был... не по-настоящему.

Роджер глядел на непослушный завиток на макушке склоненной головы Брианны.

– У меня был отец, – чуть задыхаясь, продолжила она. – Папа... Фрэнк Рэндалл – вот мой отец, и я его люблю... любила. Это неправильно... искать кого-то другого, будто его было недостаточно, будто...

– Но это не так, и ты сама прекрасно понимаешь. – Роджер развернул Брианну к себе и приподнял ее лицо за подбородок. – Это не имеет никакого отношения ни к Фрэнку Рэндаллу, ни к твоим чувствам к нему. В желании знать нет ничего противоестественного.

– А ты хотел знать?

Роджер глубоко вздохнул, радуясь, что успел выпить.

– Да. Хотел. И тебе нужно, по-моему. – Он притянул Брианну к столу. – Сядь, я расскажу.

Роджер знал, каково это – не иметь отца. Какое-то время, когда он только пошел в школу, он часами разглядывал отцовские медали, повсюду таскал за собой небольшую бархатную коробочку, бесконечно хвастался перед друзьями его героизмом...

– Рассказывал о нем разные истории, все выдуманные, – проговорил Роджер, вглядываясь в чашку, наполненную ароматным виски. – Потом мне доставалось за надоедливость, за вранье. – Он перевел взгляд на Брианну и с горечью улыбнулся. – Я должен был сделать его настоящим, понимаешь?

Брианна кивнула. Глаза ее потемнели – она понимала. Роджер снова глотнул из чашки, уже не смакуя.

– К счастью, папа... то есть преподобный, смекнул, что происходит. Он стал рассказывать мне об отце, на этот раз правду. Ничего особенного или героического. Рассказывал о его детстве. Как он построил домик для ласточки, но проделал слишком большое отверстие, и там поселилась кукушка. Как забивал карманы улитками, а потом забывал про них, и брюки было уже не отстирать от вони... – В горле встал ком, и Роджер помолчал. – Преподобный сделал моего отца реальным, настоящим. И я

начал скучать по нему как никогда сильно. Ведь я понял, что потерял... Но я должен был все узнать.

– Говорят, что нельзя скучать по тому, чего у тебя не было... что лучше совсем не знать. – Брианна поднесла чашку к губам, не сводя глаз с Роджера.

– Дураки это говорят. Или трусы.

Он снова плеснул себе виски и наклонил бутылку, вопросительно приподняв бровь. Брианна молча подала чашку, а потом отпила из нее и поставила на стол.

– А мать?

– Я немного ее помню, мне было почти пять, когда она умерла. И в гараже стоят коробки... – Роджер кивнул на окно. – Там ее вещи, письма. Как говорил папа: «Каждый должен знать свою историю». Моя хранилась здесь. – Он задержал взгляд на Брианне. – Ты по ней сильно скучаешь? По Клэр?

Брианна коротко кивнула и протянула пустую чашку.

– Я... я боюсь... боялась искать, – пробормотала она, разглядывая льющийся виски. – Дело не только в нем... в ней тоже. В смысле, я слышала множество историй о Джейми Фрейзере, мама рассказывала. Куда больше, чем я найду в исторических источниках, – добавила Брианна, стараясь улыбнуться. – Но мама... сперва я притворялась, что она просто уехала, как в путешествие, например. Потом старалась поверить, что она умерла.

Брианна шмыгнула носом, то ли от переизбытка чувств, то ли от виски или горячего чая. Роджер протянул ей полотенце, висевшее над плитой.

– Но она не мертва. – Брианна яростно потеряла нос. – В том-то и проблема! Я так по ней скучаю, никогда ее не увижу вновь, и при этом она жива! Как я могу скорбеть по ней, когда думаю... надеюсь, что она счастлива там, куда я же ее и отправила?

Она залпом осушила чашку и слегка закашлялась.

– Поэтому я хочу узнать, ясно? Хочу найти ее... их. А потом думаю – может, не стоит? Что, если она не в порядке, что, если я узнаю нечто ужасное? Что она умерла, или он... ну, здесь без разницы, потому что теперь он все равно уже мертв, или тогда был мертв, или... Короче, мне надо знать, понимаешь, надо!

Брианна стукнула чашкой по столу.

– Еще.

Роджер открыл было рот, собираясь сказать, что ей хватит, однако глянул на лицо девушки и молча налил.

Добавки чая она дожидаться не стала, а поднесла чашку к губам и сделала большой глоток, потом еще один.

– Вот я и ищу. Или искала. Когда увидела папины книги, его почерк... тогда все это показалось мне неправильным. Думаешь, не надо? – Брианна печально уставилась на Роджера, взмахнув влажными ресницами.

– Нет, солнышко, – мягко ответил он. – Здесь нет ничего неправильного. Ты имеешь право узнать, честно. И я тебе помогу. – Роджер встал и, поддерживая Брианну под руки, помог ей подняться. – А сейчас тебе лучше прилечь, да?

Он повел ее вверх по лестнице. На полпути Брианна вдруг вырвалась из его рук и метнулась в ванную. Роджер прислонился к стене снаружи, терпеливо ожидая. Наконец Брианна вышла, пошатываясь. Лицо ее цветом напоминало гипсовую лепнину над деревянными панелями.

– Только зря «Гленморанж» перевел, – вздохнул Роджер, помогая Брианне добраться до спальни. – Если б знал, что имею дело с такой пьянчужкой, налил бы тебе чего подешевле.

Брианна рухнула на постель, а когда Роджер снял с нее туфли, перевернулась на живот, приобняв рукой Дядюшку Энгуса.

– Я же говорила, что не люблю чай, – пробормотала Брианна. И заснула.

Еще час-другой Роджер в одиночестве перебирал и упаковывал книги. День выдался пасмурный и тихий – лишь дождь тихо барабанил по крыше да изредка шуршали шины проезжающих мимо машин. Когда стало темнеть, Роджер включил лампы и спустился в кухню, чтобы смыть с рук книжную пыль.

На плите бурлил куриный бульон с луком-пореем. Что там Фиона говорила? Прибавить огня? Выключить? Что-то добавить? Роджер с сомнением уставился на огромную кастрюлю и решил оставить как есть.

Он убрал со стола следы «чаепития»: сполоснул и аккуратно повесил чашки на крючки в шкафчике. Из старого сервиза – Роджер помнил его столько, сколько самого себя, – остались лишь эти две, с изображением бело-синих деревьев и пагоды, остальные чашки представляли собой странную смесь, купленную на распродажах.

Фиона, конечно, захочет все новое. Она уже заставляла их с Брианной смотреть журналы с фарфором, хрусталем и всяческими кухонными приборами. Брианна время от времени, как положено, восхищалась, а Роджер маялся от скуки. Что ж, старые вещи вполне могут оказаться на очередной распродаже – по крайней мере, так они еще кому-нибудь

послужат.

Поддавшись внезапному порыву, он завернул две чашки, которые только что вымыл, в чистое полотенце и отнес в кабинет, где сунул в свою коробку. Потом еще раз окинул взглядом пустой кабинет – оставался разве что тот листок на стене.

Значит, ты навсегда прощаешься с домом. Ну, когда-то же он его покинул?

И все же Роджер переживал. Куда сильнее, чем он признался Брианне. Поэтому он так чертовски долго тянул с вещами, если говорить начистоту. Конечно, работы тут было чудовищно много. В Оксфорде куча дел, а здесь тысячи книг, которые нужно было тщательно перебрать... но на самом деле Роджер мог справиться, и побыстрее. Если бы только захотел.

Если бы дом оставался пустовать, Роджер, наверное, никогда бы не довел дело до конца. Однако его подталкивала Фиона, манила к себе Брианна... Он улыбнулся, представляя их двоих рядом: темноволосую кудрявую малышку и высокую огненноволосую валькирию. Да уж, женщины сумеют заставить мужчину поработать.

Впрочем, пора заканчивать.

С некой мрачной торжественностью Роджер снял последний пожелтевший от времени листок со стены: его собственное семейное дерево, записанное аккуратным округлым почерком преподобного.

Маккензи, целые поколения Маккензи. Роджер уже задумывался, почему бы не взять эту фамилию насовсем, не только для сцены. Ведь после смерти отца он не собирался часто появляться в Инвернессе, где его знают как Уэйкфилда. В этом весь смысл листка с генеалогическим древом – чтобы Роджер не забыл, кто он такой.

Отец кое-что знал, в основном – лишь имена большинства этих людей. А Роджер не знал ничего, кроме самого важного – женщины, чьи зеленые глаза он каждое утро видел в зеркале. Ее на листке не было, и неудивительно.

Роджер провел пальцем по дереву и остановился вверху листка. Вон он, подкидыш – Уильям Баклей Маккензи, которого отдали на воспитание приемным родителям. Незаконнорожденный сын военачальника клана и ведьмы, приговоренной к сожжению, Дугала Маккензи и Гейлис Дункан.

Ведьмой она, конечно, не была, но оставалась не менее опасной. У Роджера ее глаза – так говорила Клэр. Может, он еще что-то от нее унаследовал? Может, страшная способность путешествовать сквозь камни передалась ему, никем доселе не замеченная, через поколения порядочных лодочников и пастухов?

Теперь Роджер думал об этом каждый раз, когда видел семейное древо. И поэтому старался на него не смотреть. Он понимал сомнения Брианны, понимал острую как бритва грань между любопытством и ужасом.

Роджер мог помочь Брианне. А вот себе...

Он сунул листок в папку, а папку – к своим книгам. Потом закрыл коробку и на всякий случай крест-накрест заклеил ее скотчем.

– Вот и все, – сказал Роджер вслух и вышел из опустевшего кабинета.

Роджер ошеломленно замер у лестницы.

Брианна успела принять ванну, выдержав схватку с древней газовой колонкой, у которой потрескалась вся эмаль, а пламя то и дело норовило погаснуть, и вышла в коридор в одном лишь полотенце.

Девушка шла, не замечая Роджера. Он стоял очень тихо, слыша лишь удары собственного сердца. Ладонь, сжимавшая перила, взмокла.

Тело Брианны было вполне пристойно прикрыто. Роджер видел ее куда более обнаженной в топах и коротких шортах, которые она надевала в жару. Нет, его возбуждала уязвимость, хрупкость. Осознание, что он может раздеть Брианну, лишь потянув за краешек полотенца. И то, что они в доме одни.

Как на бочке с порохом.

Роджер шагнул за Брианной, но остановился. Она услышала его и тоже застыла на месте. Однако повернулась не сразу.

Брианна молча взглянула на Роджера потемневшими, чуть прищуренными глазами. Она стояла перед высоким окном в конце коридора – темный силуэт на фоне тусклого дневного света. Роджер знал, какой на ощупь будет ее кожа. Разгоряченной после ванны и чуть влажной. Пахнущей шампунем и мылом, призраками цветов, которые перебивают ее собственный запах.

Следы босых ног Брианны на потрепанной дорожке соединяли их хрупкой цепочкой. Роджер сбросил туфли и ступил босой ногой на такой след. Он оказался прохладным.

На плечах Брианны оставались капли воды – как те, что стекали по окну за ее спиной, словно она только что шагнула из дождя, льющего за стеклом. Когда Роджер приблизился, Брианна тряхнула головой, сбрасывая с волос платок.

Блестящие бронзовые пряди зазмеились вниз. Она напоминала... нет, не Горгону, а водного духа, что обратился из змеегривого коня в женщину.

– Келпи, – шепнул Роджер, касаясь губами ее порозовевшей щеки. – Ты будто вышла напрямиком из горной реки...

Брианна обняла его за шею, отпустив полотенце, и оно не упало лишь потому, что оказалось зажато меж их тел. Спина девушки была обнаженной, а от окна тянуло сквозняком, и Роджеру мгновенно захотелось посильнее укутать Брианну, защитить ее от холода. Но в то же время он жаждал сорвать с нее это чертово полотенце, а с себя – одежду и греть ее жаром своего тела, прямо здесь, в стылом и сыром коридоре.

– Да от тебя пар идет, – прошептал Роджер. – Честное слово, пар...

Брианна улыбнулась, почти касаясь его губ своими.

– Как и от тебя, а ты-то в ванной не был...

Она открыла рот, но продолжить не смогла – Роджер поцеловал ее, чувствуя, как рубашка пропитывается потом. Брианна прижалась к нему грудью. Махровая ткань скрывала округлые полушария, но воображение Роджера буйствовало вовсю. Он словно наяву видел их – безупречные, гладкие, мягкие.

Роджер опустил руку ниже, обхватывая ладонью обнаженную ягодицу. Брианна дернулась от неожиданности и потеряла равновесие; они упали, цепляясь друг за друга в попытке удержаться на ногах. Роджер ударился коленями об пол и тут же утянул Брианну на ковровую дорожку. Девушка растянулась на спине, хохоча.

– Эй! – Она попыталась подтянуть полотенце, однако сдалась, когда Роджер навис над ней и вновь поцеловал.

Грудь он представлял верно. Та, что оказалась в его руке обнаженной, была полной и мягкой. Сосок твердой горошиной уперся в середину ладони.

Точно бочка с порохом. И фитиль подожжен.

Вторая ладонь скользнула по бедру под полотенце так далеко, что пальцы едва не коснулись влажных завитков. Боже, какого же они цвета?.. Темно-рыжие, как он и представлял? Медные с бронзовым отливом, как пряди на голове?

Не в силах сдержаться, он двинул рукой дальше, отчаянно желая приласкать скользкий бугорок меж бедер Брианны. Однако сделав усилие, от которого потемнело в глазах, сумел остановиться.

Брианна коснулась его руки, подталкивая продолжить.

– Прошу... – шепнула она. – Прошу тебя, давай...

Роджер казался себе пустым и звонким внутри, словно колокол. Сердцебиение отдавалось в ушах, грудь и – почти что болезненно – в паху. Роджер закрыл глаза и вжал ладони в грубую дорожку, стараясь стереть с них ощущение кожи Брианны.

– Нет, – прохрипел он. – Нет, не здесь, не так.

Брианна села, набрасывая на бедра темно-синее полотенце, от чего стала похожа на русалку, вынырнувшую из глубин. Кожа успела остыть, стала белой, как мрамор, по ней пробежали мурашки.

Роджер снова ее коснулся, обвел губы кончиками пальцев. Он еще помнил вкус поцелуя – вкус зубной пасты и чистоты – и ее сладкий, мягкий язык.

– Лучше, – шепнул Роджер в ответ. – Хочу, чтобы было лучше... это ведь первый раз.

Они встали на колени, глядя друг на друга. Воздух заискрился от несказанных слов. Запах все еще тлел. Роджеру казалось, что его пригвоздило к месту. Наверное, сравнение с горгоной все же было верным.

Но когда снизу донесся запах гари, они оба подскочили.

– Что-то горит! – воскликнула Брианна.

Кое-как натянув полотенце, девушка рванула к лестнице, однако Роджер успел поймать ее за руку. Теперь совсем холодную на ощупь, остывшую насквозь.

– Я разберусь. А ты оденься.

Мельком глянув на него, Брианна исчезла в спальне. Дверь со щелчком захлопнулась, а Роджер побежал вниз по ступенькам, чувствуя, как по-прежнему горит ладонь – та, которой он коснулся Брианны.

Роджер вытирал выкипевший суп и чертыхался. Ну что на него нашло? Зачем так к ней бросился, словно обезумевший лосось к нерестилищу? Сорвал полотенце, завалил на пол... Господи, да она теперь наверняка считает его, Роджера, едва ли не насильником!

И в то же время грудь наполнял жар, не связанный ни со стыдом, ни с горячей плитой, которую Роджер мыл. Это был жар Брианны, который по-прежнему согревал изнутри. «Прошу тебя, давай...»

Роджер достаточно хорошо понимал язык телодвижений, чтобы отличить истинное желание от готовности уступить. Однако то, что он ощутил в краткий миг, когда тело Брианны отозвалось на прикосновения, оказалось куда большим. словно Вселенная вдруг сдвинулась с тихим, но решительным щелчком. Его отголосок еще отдавался внутри, в костях.

Роджер хотел Брианну. Целиком и полностью, не только тело, не только в постели. Он хотел ее всю, навсегда. Внезапно библейское выражение «плоть едина» стало необычайно понятным, единственно верным. Они почти стали ею там, на полу коридора, однако Роджер остановился, вдруг почувствовав себя ужасно уязвимым... Он уже не был цельной личностью, он превратился в половинку того, что еще не создано.

Остатки испорченного супа пошли в раковину. Неважно, поужинать можно и в пабе. Так даже лучше – подальше от дома, от соблазна.

Ужин, непринужденная болтовня, прогулка у реки... Брианна хотела сходить на церковную службу в канун Рождества. А потом...

Что ж, потом они вернутся в дом, темный и укромный. Останутся среди таинства священной ночи наедине с едва рожденной любовью. И он отнесет Брианну на руках наверх, ведь в эту ночь лишение невинности будет не утратой чистоты, а рождением вечного счастья...

Выключив свет, Роджер вышел из кухни. За его спиной, на плите остался гореть забытый огонек, ровный и горячий, как пламя любви.

Глава 18

Недостойная похоть

Преподобный Уэйкфилд, человек дружелюбный, отстаивал единство христианских церквей и терпимо относился к любым религиозным убеждениям. Он даже был готов принять те вероучения, которые его паства посчитала бы возмутительными, если не откровенно кощунственными.

Однако суровое шотландское пресвитерианство подозрительно относилось ко всему папистскому. Поэтому на входе в католическую церковь Роджер испытал некую неловкость – будто его тут же схватят и насильно окрестят странно одетые слуги Животворящего Креста.

Ничего подобного, правда, не произошло, когда он проследовал за Брианной в недра небольшой каменной церквушки. У дальнего конца нефа мальчишка в длинной белой рясе мирно зажигал четыре высоких свечи, украшающие алтарь. В воздухе витал незнакомый легкий аромат. Роджер незаметно вдохнул поглубже. Ладан?..

Покопавшись в сумочке, Брианна вытащила круглую кружевную штучку и приколола заколкой к волосам.

– Что это?

– Не знаю, как у вас это называется, – ответила Брианна. – Нужно носить в церкви, если не хочешь надевать шляпку или вуаль. Теперь такое совсем необязательно, я с детства привыкла. Видишь ли, раньше женщинам запрещали входить в католическую церковь с непокрытой головой.

– Почему?

– Наверное, из-за апостола Павла. – Брианна достала расческу, чтобы привести в порядок кончики волос. – Он считал, что женщины должны прятать волосы, чтобы не пасть жертвами чужой похоти. Старый ворчун с приветом, – добавила она, пряча расческу. – Мама всегда говорила, что он просто боялся женщин. Считал их опасными, – широко усмехнулась Брианна.

– А они опасны.

Поддавшись порыву, Роджер поцеловал Брианну. Она удивилась, однако привстала на цыпочки и поцеловала его в ответ, нежно и быстро. Со стороны наблюдавших за ними людей донеслось недовольное «Кхм!».

– В церкви! Да еще и в канун Рождества! – раздалось откуда-то сзади шипение.

– Ну, не совсем в церкви, Анни, это же только притвор.

– Да он же вообще сын священника!

– Анни, ты ведь знаешь пословицу про сапожника без сапог? Проповедник недосмотрел, что его сын угодил в лапы к дьяволу... Пойдем уже внутрь, давай.

Голоса удалились под громкий стук женских каблучков и более мягкий звук мужских шагов. Брианна с усмешкой глянула на Роджера.

– Ты угодил в лапы к дьяволу?

Он улыбнулся и погладил ее по щеке. В честь Рождества Брианна надела бабушкино ожерелье, а ее кожа сияла не хуже жемчужин.

– Если я ему зачем-то нужен.

Ответить Брианна не успела – в открывшуюся дверь ворвался пропитанный туманом воздух.

– О, мистер Уэйкфилд, вы ли это?

Роджер обернулся. На него уставились две пары горящих любопытством глаз. Они принадлежали двум пожилым низкорослым дамочкам, которые стояли под ручку. Из-под фетровых шляпок выбивались седые пряди.

– Миссис Макмердо, миссис Хэйз! Счастливого Рождества! – улыбнулся им Роджер.

Миссис Макмердо жила через два дома от преподобного и каждое воскресенье ходила в церковь пешком на пару со своей подругой миссис Хэйз. Роджер с самого детства был знаком с ними обеими.

– Перешли на сторону Римско-католической церкви, мистер Уэйкфилд? – поинтересовалась Крисси Макмердо.

Джесси Хэйз хихикнула. Красные вишенки на ее шляпке подпрыгнули.

– Пока еще нет, – по-прежнему улыбаясь, отозвался Роджер. – Сопровождаю подругу на службу. Вы знакомы с мисс Рэндалл?

Он вывел Брианну вперед и представил всех друг другу, посмеиваясь про себя. Старушки разглядывали Брианну со слишком явным интересом.

Для миссис Макмердо и миссис Хэйз появление Роджера здесь так красноречиво говорило о его серьезных намерениях, как будто он дал объявление на всю страницу вечерней газеты. Жаль, Брианна этого не понимала.

Или понимала?.. Девушка тайком улыбнулась и чуть сильнее сжала руку Роджера.

– Ох, смотри, уже парнишка с кадилом вышел! – воскликнула миссис Хэйз, заметив второго мальчика в белой рясе, который появился у алтаря. – Пойдем скорее, Крисси, а то нам места не останется!

– Приятно с вами познакомиться, дорогая, – обратилась миссис

Макмердо к Брианне, наклонив голову так низко, что шляпа вот-вот была готова соскользнуть. – Ох, какая высокая красавица! – Она глянула на Роджера с блеском в глазах. – Повезло найти парня под стать, а?

– Крисси!

– Иду, Джесси, иду! Чего так бояться, есть еще время...

Поправив шляпку, украшенную по краям перьями, миссис Макмердо неторопливо последовала за подругой.

Сверху донесся колокольный звон. Роджер взял Брианну за руку. Джесси Хэйз вовремя глянула через плечо, и на ее лице расплылась хитрая, понимающая усмешка.

Брианна обмакнула пальцы в небольшую каменную чашу, установленную в стене у дверей, и перекрестилась. Роджеру этот жест показался странным образом знакомым, несмотря на его католические истоки.

Много лет назад, во время прогулки по холмам, они с преподобным наткнулись на священный источник, спрятанный в роще. У крошечного ручья стоял плоский камень. Время почти стерло с него вырезанные линии – осталась лишь тень человеческой фигуры.

Над темным прудиком, в который впадал источник, витали древние тайны. Роджер с преподобным молча постояли там, а затем преподобный зачерпнул горсть воды и вылил у подножия камня. Следующей он умыл лицо. Лишь потом они оба опустились на колени у источника, чтобы напиться прохладной воды.

Когда преподобный наклонился, Роджер заметил обрывки ткани, привязанные к веткам дерева. Обеты, молитвы, которые оставляли те, кто посещал древнее святилище.

Столько тысячелетий люди осеняют себя водой, прежде чем высказать потаенные желания?.. Роджер макнул пальцы в чашу и неловко коснулся лба и сердца, произнеся про себя нечто похожее на молитву.

Они с Брианной нашли места в восточном трансепте, где устроились рядом с неугомонным семейством. Взрослые рассаживали сонных детей и постоянно передавали туда-сюда верхнюю одежду, сумки и детские бутылочки под аккомпанемент невидимого органа. Играли «О малый город Вифлеем».

Потом музыка смолкла. Воцарилась тишина – все замерли в ожидании. Послышались громкие ноты рождественского гимна «Придите, верные».

Роджер поднялся вместе с паствой, когда процессия двинулась по центральному проходу. Вновь показались послушники в белых рясах. Один помахивал кадилом, которое обдавало людей пахучим дымом, другой нес

книгу, а третий – большое распятие. Жуткая фигура на нем была измазана красной краской, чье кровавое эхо перекликалось с ало-золотым одеянием священника.

Роджер невольно почувствовал отвращение. Смесь варварской помпезности и нестройных песнопений на латинском совершенно не вязалась с его представлениями о церкви. Однако по мере продолжения мессы ситуация менялась. Священник читал Библию, знакомую Роджеру, а потом его охватила привычная для службы скука. Разносились типичные пожелания мира, добра и любви, и слова эти всплывали на поверхности его мыслей безмятежными белыми лилиями.

К тому времени как паства опять поднялась, Роджер уже не видел ничего странного. Его окружала знакомая церковная духота, смешанная с запахами влажных шерстяных вещей, воска и – едва заметного – виски, которым угощались некоторые прихожане. Благодаря этому всему Роджер почти перестал различать сладковатый ладан. Однако, глубоко вдохнув, он уловил легкий аромат свежей луговой травы, исходящий от волос Брианны.

Они поблескивали в тусклом свете, густые и мягкие; темно-фиолетовый свитер только подчеркивал их цвет. Медных искр было не видать, но Роджер с наслаждением вглядывался в глубокий рыжий оттенок, так напоминающий окрас благородного оленя. Его вдруг охватили та отчаянная тоска и желание, которые он испытал, когда вдруг увидел зверя в горах.

Апостол Павел явно знал, что делал, когда запрещал женщинам открывать волосы. Похоть?.. Роджер вдруг вспомнил пустой коридор и пар, исходивший от кожи Брианны, прохладные пряди, похожие на змей, на ее плечах... Он поспешно уставился на алтарь: священник поднимал плоское блюдо с хлебом, а мальчишка рядом с ним яростно тряс колокольчиком.

Наблюдая за Брианной, когда та пошла принимать Святое Причастие, Роджер с тревогой осознал, что уже давно бессловесно молится. Он слегка успокоился, поняв суть своих чаяний. Не низменное «пусть она станет моей», отнюдь. А более скромное – и приемлемое, как он надеялся, – «пусть я стану ее достоин, пусть я научусь ее любить, позволь мне о ней заботиться». Роджер вдруг почувствовал на себе любопытный взгляд мужчины, сидящего рядом, и выпрямился, смущенный, будто кто-то подслушал его очень личный разговор.

Брианна вернулась. Ее глаза были широко открыты, на губах играла мечтательная улыбка. Девушка преклонила колени, и Роджер опустил за ней.

Она казалась очень трогательной, хотя обычно ее лицо сложно назвать

нежным. Прямой нос, густые рыжие брови. Скулы и подбородок будто кто-то высек из мрамора. А вот рот мог изменять Брианну до неузнаваемости – от мягкой и отзывчивой девушки до суровой средневековой аббатисы, чьи губы сжаты с каменным целомудрием.

Низкий голос с произношением уроженца Глазго вдруг затянул «Вот волхвы с Востока идут», оторвав Роджера от созерцания как раз вовремя, чтобы увидеть священника, шествующего обратно в окружении слуг в торжественных клубах дыма.

– Вот три волхва с Востока идут... – тихонько напевала Брианна, прогуливаясь с Роджером по набережной. – Большую сигару с собою несут... Огонь поднесли, сигару зажгли... Слушай, ты точно выключил газ?

– Да, – заверил Роджер. – Не волнуйся. Если при такой плите и колонке дом до сих пор не взлетел на воздух, то его явно хранит кто-то свыше.

Брианна рассмеялась.

– Пресвитерианцы верят в ангелов-хранителей?

– Нисколько. Это все папистские суеверия.

– Надеюсь, я не обрекла тебя на вечные муки, приведя на мессу. А пресвитерианцы верят в ад?

– В него верим, – кивнул Роджер. – Как и в рай.

У реки еще сильнее клубился туман. Роджер был рад, что не поехали на машине, – белая завеса скрывала все вокруг.

Они бродили, взявшись за руки, вдоль реки Несс. Город терялся в молочной пелене, словно его и вовсе не существовало. Остальных прихожан Роджер с Брианной обогнали и остались совершенно одни.

Роджер чувствовал себя странно уязвимым, замерзшим, словно кто-то отнял у него то тепло и защищенность, которую он испытывал в церкви. Это просто нервы, решил он и крепче сжал руку Брианны. Время пришло. Он глубоко вздохнул.

– Брианна.

Он развернул ее к себе, и длинные пряди взметнулись в тусклом свете фонаря. Осевший туман превратился в капельки воды, которые блестели, словно бриллианты, на коже и волосах Брианны. Роджера на миг охватило воспоминание о ее жаркой плоти.

Глаза Брианны расширились. Темные, как озера в горах Шотландии, полные тайн, скрытых под гладкой поверхностью. Точно келпи, водяная лошадка с развевающейся гривой и блестящей кожей. А человек, ее коснувшийся, не в силах разорвать прикосновение, и она утянет его на дно озера, которое зовет домом.

Роджер вдруг испугался, но не за себя, а за Брианну. Будто что-то и в самом деле может выплыть на поверхность реки и утянуть ее в глубины, забрать. Роджер сжал ее ладонь. Пальцы оказались холодными и влажными, в отличие от его – теплых.

– Я хочу тебя, Брианна, – тихо произнес Роджер. – Других слов я не найду. Я тебя люблю. Ты выйдешь за меня замуж?

Брианна изменилась в лице, словно в воду кто-то бросил камень, и пошли круги. Роджер увидел ответ так ясно, как если бы смотрел на свое отражение в горном озере.

– Ты не хотела, чтобы я это сказал? – В груди сгустился туман. Ледяные иголки вонзались в сердце и легкие с каждым вдохом. – Ты не хотела это слышать, правда?

Брианна, потеряв дар речи, качала головой.

– Ясно. Ну, – Роджер с усилием заставил себя отпустить ее руку, – ничего страшного, – произнес он и сам удивился своему спокойному голосу. – Не обращай внимания, ладно?

Он уже было снова шагнул вперед, но Брианна схватила его за рукав.

– Роджер.

Посмотреть на нее стоило ему огромных усилий. Роджер не желал слышать пустые утешения и жалкое «давай останемся друзьями». Он даже не знал, сможет ли поднять на нее взгляд, настолько всепоглощающей была его потеря. Однако он все же повернулся, и Брианна обхватила его голову холодными ладонями, а затем крепко прижалась к его губам своими – не столько в поцелуе, сколько в слепом, безумном отчаянии.

Роджер схватил ее за запястья и оттолкнул от себя.

– Бога ради, что за игры ты затеяла?! – заорал он. Лучше злость, чем пустота внутри.

– Это не игры! Ты же сказал, что меня хочешь. – Брианна сглотнула. – Я тоже тебя хочу. Разве я не это говорила днем в коридоре?

– Черт побери, объяснись, – уставился на нее Роджер.

– В смысле... я хочу с тобой спать, – выпалила она.

– А замуж за меня ты не хочешь?

Брианна, белая как простыня, покачала головой. Внутри Роджера закипела ярость вперемешку с тошнотой.

– То есть замуж ты не пойдешь, а трахаться хочешь? Да как у тебя вообще язык повернулся?!

– Не смей при мне так выражаться!

– Выражаться?! Значит, ты можешь такое говорить, а мне нельзя выразиться? Да меня в жизни так не оскорбляли!

– Я не хотела тебя обидеть, – пробормотала дрожащая Брианна. – Я только думала, что ты...

Роджер схватил ее за руки и рывком притянул ближе.

– Если бы я просто хотел тебя трахнуть, то завалил бы уже раз десять еще прошлым летом!

– Черта с два! – Брианна вырвала руку и изо всех сил врезала ему в челюсть.

Изумленный Роджер поймал ее запястье и, прижав Брианну к себе, поцеловал, грубо и глубоко, как еще не делал. Да, Брианна высокая, сильная и злая. Но он выше, сильнее и куда злее. Она вовсю брыкалась, а Роджер все целовал ее, пока ему не полегчало и он наконец смог остановиться.

– Завалил бы, черт возьми, – выдохнул он.

Отшатнувшись, Роджер вытер рот дрожащей рукой и заметил кровь. Брианна его укусила.

Брианну тоже трясло. На бледном лице были видны лишь сверкающие яростью темные глаза.

– Но я не стал, – продолжил Роджер, переводя дух. – Потому что не этого я хотел и хочу по сей день. А если тебе настолько плевать, что ты не хочешь видеть меня своим мужем, то я не хочу видеть тебя в своей постели!

– Мне не плевать!

– Черта с два.

– Мне совсем не все равно, если я за тебя замуж выйду, гад ты эдакий!

– Чего?!

– Потому, что, если я за тебя выйду... если я за кого угодно выйду... это навсегда, понимаешь? Если я принесу такую клятву, я ее сдержу, и неважно, чего мне это будет стоить!

По щекам Брианны катились слезы. Роджер достал из кармана носовой платок.

– Высморкайся, вытри лицо и внятно, черт побери, скажи мне, что ты несешь.

Брианна послушно взяла платок, убирая назад влажные пряди волос. Глупый клочок кружев свалился с макушки и повис на заколке. Роджер снял его и смял в руке.

– Когда ты переживаешь, у тебя появляется шотландский акцент, – пробормотала Брианна, пытаясь улыбнуться, и вернула скомканный платок.

– Интересно, с чего бы, – фыркнул Роджер в сердцах. – А теперь рассказывай, только четко и ясно, пока я вообще по-гэльски не заговорил.

– А ты умеешь? – Брианна потихоньку приходила в себя.

– Да, – кивнул Роджер, – и если ты не хочешь прямо сейчас выучить кучу гэльской ругани... то давай начинай. Это что за предложение такое ты мне сделала... ты, примерная девочка-католичка, только что с мессы! Я-то думал, ты девственница.

– Я и есть! При чем здесь это?

Прежде чем Роджер успел ответить на возмутительную реплику, Брианна выдала очередную:

– Вот только не говори, что не спал с девушками, я знаю, что спал!

– Да, и что? Я не хотел на них жениться, они не хотели выходить за меня замуж. Я их не любил, а они не любили меня. А тебя я, черт побери, люблю!

Брианна прислонилась к фонарю, спрятав руки за спину, и глянула Роджеру прямо в глаза.

– Кажется, я тебя тоже люблю.

Роджер не сразу понял, что затаил дыхание, и поспешил вдохнуть.

– Хм. Вот как. – По шее стекли ледяные капельки. – Хорошо, а ключевое слово здесь «кажется» или «люблю»?

Брианна расслабилась – самую малость – и сглотнула.

– Оба. – Она вскинула ладонь, когда Роджер было снова заговорил, и продолжила: – Люблю... кажется. Но... но я не могу не думать о том, что случилось с мамой. Я не хочу, чтобы такое случилось и со мной.

– При чем здесь твоя мать? – После обычного удивления Роджера охватила новая вспышка гнева. – Ты думаешь о чертовом Джейми Фрейзере?! Думаешь, тебе не хватит скучного историка, что тебе нужна... нужна великая страсть, и куда мне до того, что у твоей матери было с этим Фрейзером?

– Нет! Дело не в Джейми Фрейзере! А в моем отце!

Брианна сунула руки в карманы куртки и снова тяжело сглотнула. Плакать она уже перестала, хотя слезинки еще виднелись на слипшихся ресницах.

– Она искренне клялась, когда выходила за него... я видела на фотографиях, которые ты мне отдал. Она сказала «в радости и горе, в богатстве и бедности»... и она была честна. А потом... потом она встретила Джейми Фрейзера, и клятвы утратили всю силу. – Брианна шевельнула губами, подбирая слова. – Я... я ее не виню, больше не виню, ведь я много об этом размышляла. Она просто не смогла устоять, и я... когда мама о нем рассказывала, я чувствовала ее любовь к нему... Неужели не понимаешь, Роджер? Она любила и моего отца... но потом что-то

случилось. Мама этого не ожидала, и это не ее вина... но все это заставило ее нарушить клятвы. Я никогда так не поступлю, ни за что.

Брианна вытерла нос ладонью и сморгнула выступившие вновь слезы. Роджер протянул ей платок.

– Еще целый год, прежде чем мы сможем быть вместе. Ты не можешь оставить Оксфорд, я не могу уехать из Бостона, пока не получу диплом.

Роджеру хотелось сказать, что он уволится, что она может бросить учебу... однако промолчал. Брианна права, никого такой выход не устроит.

– Вдруг я сейчас скажу «да», а потом что-нибудь произойдет? Вдруг... вдруг я кого-нибудь встречу? Или ты? – По ее щеке снова скатилась слезинка. – Я не хочу так рисковать.

– Но сейчас ты меня любишь? – Роджер мягко коснулся влажной щеки. – Бри, ты меня любишь?

Брианна шагнула вперед и без слов принялась расстегивать пальто.

– Что ты творишь?

К страшной мешанине чувств прибавилось еще и ошеломленное изумление, когда длинные бледные пальцы потянули молнию вниз.

Подул ледяной ветер, но Роджер не обратил на него внимания – Брианна прижалась к нему, крепко обняв под курткой. От рыжих волос пахло сладостью – не успевшим выветриться ладаном вперемешку с ароматами луговой травы и жасмина. Блеснула заколка, бронзовая искорка в медных прядях.

Брианна не произнесла ни слова. Молчал и Роджер. Он ощущал ее тело сквозь тонкие слои одежды, и желание вновь горячо пронеслось по венам, будто он коснулся оголенного провода. Роджер приподнял лицо Брианны за подбородок и поцеловал ее.

– ...ох, ты видела новый меховой воротник Джекки Мартин?

– И где она только денег на него нашла, когда ее муженек уже с полгода не работает? Говорю тебе, Джесси, эта дамочка... Ох!

Цокот каблуков стих, затем последовало такое громкое «кхе-кхе!», что и мертвого бы разбудило.

Роджер крепче прижал к себе Брианну. Та в ответ обняла его сильнее и улыбнулась ему в губы.

– Кхм!

– Крисси, ну будет тебе, – расслышал Роджер шепот у себя за спиной. – Оставь их в покое. Не видишь, они заняты?

– Кхм... – раздалось вновь, но уже тише. – Хм. Что ж... – Донесся долгий вздох, исполненный ностальгии. – Ах, молодость... это так прекрасно, верно?

Две пары каблучков продолжили цокать, и вскоре звук растворился в тумане.

Роджер стоял, не в силах отпустить Брианну. Ведь если человек коснется гривы водяной лошадки, оторваться уже не выйдет. На ум пришел древний стишок про келпи:

Держись крепче, Джанет,
Скачи вперед, Дэйви,
Но конь ваш встанет
Лишь на дне Лох-Кэйви.

– Я дождусь, – сказал Роджер и наконец выпустил Брианну из объятий, но взял ее за руки, вглядываясь в глаза, теперь спокойные и прозрачные. – Главное, услышь меня, – тихо произнес он. – Я хочу тебя всю, целиком... или никак.

«Пусть я научусь ее любить», – молился он в церкви. Разве недостаточно часто втолковывала ему миссис Грэхем: «Будь осторожен с желаниями, парень, они могут сбыться»?

Роджер обхватил ладонью грудь Брианны, мягкую даже под свитером.

– Я хочу не только твое тело... пусть, видит Бог, я безумно его желаю. Ты станешь моей женой, на меньшее я не согласен. Выбор за тобой.

Брианна смахнула с его лба пряди волос. Ее пальцы были настолько холодными, что прикосновение обожгло.

– Понимаю, – шепнула она.

С реки вновь подул ледяной ветер. Роджер потянулся, чтобы застегнуть куртку Брианны, и зацепил собственный карман, где лежал маленький сверточек. Роджер собирался вручить его Брианне за ужином.

– Держи, – достал он подарок. – Счастливого Рождества. Купил прошлым летом, – добавил он, наблюдая, как Брианна неуклюже разворачивает оберточную бумагу замерзшими пальцами. – Словно предвидел.

Роджер надел серебряный браслет с гравировкой Брианне на запястье. Она медленно провернула украшение, читая:

– *Je t'aime... un peu... beaucoup... passionnément... pas du tout.*

Я тебя люблю... немного... очень... страстно... совсем не люблю.

Роджер провернул браслет, замыкая цикл.

– *Je t'aime*, – произнес он и, ловко шевельнув пальцами, раскрутил браслет на запястье Брианны.

Она коснулась украшения ладонью и остановила вращение.

– *Moi aussi*, – тихо отозвалась Брианна, глядя уже не на браслет, а на Роджера. – *Joyeux Noel*.

И я тебя. Счастливого Рождества.

Часть седьмая

На горе

Глава 19

Благословение очага

Сентябрь 1767-го

Спать под светом луны и звезд, в объятиях обнаженного любовника на ложе из мехов и мягкой листвы, под убаюкивающий шелест кленов и далекий шум водопада... что может быть романтичнее? А вот спать в наскоро сооруженном шалаше, втиснувшись между огромным мокрым мужем и не менее огромным и мокрым племянником, прислушиваясь к стуку дождя и бесконечно отпихивая от себя здоровенного и точно так же насквозь мокрого пса – совсем не романтично.

– Воздуха, – буркнула я и кое-как села, в сотый раз смахнув с лица хвост Ролло. – Дышать не могу.

Внутри стояла нестерпимая вонь, как в клетке с самцами какого-нибудь зверя, мускусная и тошнотворная. И вдобавок несло влажной шерстью и рыбой.

Я встала на четвереньки и осторожно поползла наружу. Джейми заворчал во сне. Ощувив, что тепло моего тела исчезло, он свернулся в большой клетчатый клубок. Иэн и Ролло сплелись в некую массу из меха и одежды, и их дыхание вырывалось легким облачком в предрассветной прохладе.

Снаружи было свежо. Настолько, что я чуть не закашлялась, когда вдохнула его полной грудью. Дождь закончился, однако с деревьев по-прежнему падали капли, а воздух состоял из водных испарений и чистого кислорода, приправленного острыми ароматами растений.

Я спала в запасной рубашке Джейми. Мои кожаные вещи спрятали в седельную сумку, чтобы те не намокли, и я вся покрылась гусиной кожей и дрожала, пока переодевалась. К счастью, согрелась я быстро.

Босиком, с замерзшими ступнями осторожно побрела к ручью с котелком под мышкой. Солнце еще не встало, и лес был полон тумана и сероватого, таинственного полусвета, который показывается в начале и конце дня. Сумеречный час, когда мелкие существа выползают из своих нор.

Из ветвей временами доносилось неуверенное чириканье, непохожее на привычный пронзительный хор. Сегодня пернатые не спешили

просыпаться. По небу до сих пор бродили тучи, черные на западе и голубоватые на восходе, где вот-вот собиралось подняться солнце. Я с неким удовольствием отметила, что уже помню, когда должны просыпаться птицы, и заметила разницу.

Джейми был прав, когда предложил остаться в горах, а не возвращаться в Кросс-Крик. Стояло начало сентября. По расчетам Майерса, у нас в запасе еще пара месяцев хорошей погоды – относительно хорошей, поправила я себя, глядя на тучи, – прежде чем придется сооружать более надежное жилище. Времени достаточно – наверное, – чтобы построить небольшую хижину и поохотиться, чтобы собрать запасы на зиму.

«Работа будет чертовски трудная, – сказал Джейми, сидя на большом камне и глядя на простирающуюся внизу долину. Я стояла меж его разведенных колен. – И опасная. У нас ничего не выйдет, если снег выпадет рано или если я не добуду достаточно мяса. Я не стану за это браться, если ты скажешь «нет», саксоночка. Ты не побоишься?»

«Побоишься» – еще слабо сказано. От одной мысли у меня от страха сводило кишки. Когда я согласилась осесть здесь, на горном хребте, я думала, что зиму мы проведем в Кросс-Крике.

Мы не спеша собрали бы припасы и вернулись сюда весной уже вместе с переселенцами, чтобы дружно расчищать землю и строить дома. А теперь мы застрянем здесь одни, в нескольких днях пути от ближайшего крошечного поселения европейцев. Одни в глуши посреди зимы.

Из инструментов и припасов у нас почти ничего не было. Разве что топор, пара ножей, котелок, противень да мой небольшой запас лекарств. А вдруг что-то случится? Вдруг Иэн или Джейми заболеют или пострадают? Что, если мы умрем от голода или холода? Вдобавок если Джейми был уверен, что наши индейские знакомцы против нас ничего не имеют, то я его оптимизм не разделяла – можно повстречаться с менее дружелюбным народом.

Так что – да, я чертовски боялась. С другой стороны, опыт подсказывал: страх сам по себе – это не смертельно. А вот медведь или дикарь...

Впервые я осознала, что скучаю по поместью. По горячей ванне, теплой постели и нормальной еде, по чистоте, порядку... и безопасности.

Мне было предельно ясно, почему Джейми не хочет возвращаться. Проживи он еще несколько месяцев за счет Иокасты, и он окажется так глубоко в долгу, что уже не сможет не поддаться на ее уговоры.

Джейми отдавал себе отчет, даже лучше меня, что Иокаста –

урожденная Маккензи. Я уже насмотрелась на ее братьев, Дугала и Колума, так что серьезно опасалась этой семейки. Маккензи из Леоха не сдавались на пути к цели и совершенно не брезговали заговорами и интригами ради ее достижения. А слепой паук может плести свою сеть ничуть не хуже, полагаясь лишь на осязание.

Еще хватало отменных причин держаться подальше от сержанта Мурчисона, который явно был из тех, кто долго таит обиду. И наконец, оставались Фаркуард Кэмпбелл, плантаторы и регуляторы, рабы и политика... Нет, ясно, почему Джейми не хочет возвращаться ко всей этой путанице и сложностям, не говоря уже о маячащей впереди войне. И в то же время я была уверена, что Джейми принял решение отнюдь не из-за всего этого.

«Дело ведь не просто в том, что ты не хочешь вернуться в поместье?» – спросила я тогда, прижавшись к его телу, такому теплому в вечерней прохладе. Осень еще не пришла, стояло позднее лето, и в воздухе витали ароматы нагретой солнцем листвы и ягод, хотя в горах ночи были холодными.

Джейми хмыкнул. Моего уха коснулось теплое дыхание.

«Это слишком просто?»

«Да, – кивнула я, развернувшись так, что уткнулась в лоб Джейми своим, и наши глаза оказались напротив. У Джейми они были темно-синими, как вечернее небо над горными перевалами. – Сова!»

Джейми удивленно рассмеялся и моргнул – длинные рыжие ресницы быстро двинулись вниз-вверх.

«Что?» – спросил он, отстраняясь.

«Ты проиграл, – объяснила я. – Игра называется «Сова». Кто первый моргнет – проиграл».

«Хм. – Джейми обхватил мою голову ладонями и мягко притянул обратно, лоб ко лбу. – Сова так сова. Кстати, ты знаешь, что у тебя глаза как у совы, а?»

«Нет, – ответила я. – Совсем не такие».

«Ясные и золотистые. И очень мудрые».

Я не моргнула.

«Тогда скажи, почему мы здесь остаемся».

Его грудь приподнялась под моей ладонью – он глубоко вздохнул.

«Как же тебе объяснить, что мне нужно свое место? – тихо проговорил он. – Нужно чувствовать снег под ногами. Дыхание гор, которое они передают мне, как Господь вдохнул жизнь в Адама. Чувствовать шероховатость скалы ладонями, когда карабкаешься вверх, видеть

лишайники, которым нипочем солнце и ветра».

Он умолк – не хватило воздуха, и вдохнул снова, держа меня за голову, лицом к лицу с собой.

«Если я хочу жить как мужчина, то должен жить в горах, – просто сказал Джейми. Его широко открытые глаза искали понимание. – Ты мне доверишься, саксоночка?»

Он прижался носом к кончику моего, но так и не моргнул. Как и я.

«Всей своей жизнью», – ответила я и почувствовала, как он улыбнулся.

«И всем сердцем?»

«Всегда», – шепнула я и, закрыв глаза, поцеловала Джейми.

Так мы и договорились. Майерса отправили обратно в Кросс-Крик – передать указания Дункану, заверить Иокасту, что у нас все хорошо, и раздобыть столько припасов, сколько позволят остатки наших сбережений. Если успеет до первого снега, то привезет припасы. А если нет – придется ждать его уже весной. Иэн остался с нами – помогать строить хижину и охотиться.

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день, – думала я, проталкиваясь сквозь кусты, растущие вдоль ручья, – и не введи нас в искушение».

Впрочем, искушение нам пока не грозило. «Горную реку» мы не увидим еще как минимум год. А вот хлеб насущный пока сыпался на нас, словно манна небесная. В это время года вокруг полно спелых фруктов, ягод и орехов, которые я неумоимо собирала не хуже любой белки. И надеялась, что через два месяца, когда листва облетит с деревьев, а ручьи замерзнут, Господь все же расслышит наши молитвы за завыванием ветра.

Ручей заметно раздался после дождя. Вода поднялась, наверное, на фут. Я опустилась на колени, слегка кряхтя. После сна на твердой земле по утрам тело костенело. Я умылась холодной водой, прополоскала рот и попила, чувствуя, как щеки и пальцы покалывает от холода.

Подняв влажное лицо, я увидела двух оленей, что пили из лужицы на другом берегу. Я замерла, чтобы не потревожить зверей, однако они совершенно не обращали на меня внимания. В тени берез животные казались голубоватыми, как скалы и деревья вокруг, похожими на тени. Но в то же время каждый изгиб их тел был идеально очерчен, словно на японском рисунке тушью.

А потом олени вдруг пропали. Я моргнула раз, два... я даже не заметила, как они шевельнулись. Несмотря на их неземную красоту, я твердо знала, что они мне не примерещились. В грязи остались отпечатки копыт.

Я ничего не увидела и не услышала, однако волосы на теле вдруг встали дыбом, по коже словно пронесся разряд тока. Я вновь застыла, отчаянно пытаюсь найти взглядом источник опасности. Где же он?.. Что там?..

Уже почти рассвело. Верхушки деревьев заиграли зеленой листвой, а горы озарились, оживая под теплыми лучами. Птицы по-прежнему молчали. Ничто не двигалось, кроме течения.

Он стоял совсем рядом, почти невидимый за кустом, и лакал воду. Большая голова приподнялась, ухо с кисточкой повернулось в мою сторону, хотя я не издала ни звука. Неужели он услышал мое дыхание?

Солнце коснулось рыжевато-коричневой шкуры. Золотистые глаза вспыхнули, когда зверь уставился на меня со странным спокойствием. Подул ветерок, и я уловила слабый кошачий запах вперемишку с более сильным – запахом крови. Зверь поднял темную пятнистую лапу и принялся тщательно ее вылизывать, прикрыв глаза.

Он несколько раз потер лапой за ухом, а затем лениво потянулся в лучах солнца – господи, да в нем же футов шесть! – и не спеша побрел прочь.

Я не успела испугаться – просто примерзла к месту; наверное, инстинкт самосохранения сработал. Полное изумление – как от красоты огромной кошки, так и от ее близости, – не дало мне и пальцем шевельнуть. Зато когда зверь ушел, моя нервная система оттаяла и развалилась на куски. Я не ругалась вслух, как это обычно бывало, но порядком тряслась – с колен смогла подняться лишь спустя некоторое время.

Руки дрожали так, что я три раза уронила котелок, пока пыталась набрать в него воды. Довериться, говорил Джейми. Конечно, доверюсь... Вот только какой в этом толк, если в следующий раз он не закроет меня спиной?!

Закрыв глаза, я вдыхала чистый утренний воздух. Я чувствовала каждую клеточку тела, ощущала, как кровь несется по венам. Солнечные лучи согрели холодную кожу.

Я открыла глаза. Передо мной все пестрело зеленым, желтым, голубым – начался день. Пели птицы.

Я пошла по тропинке обратно к поляне, изо всех сил стараясь не оборачиваться.

Накануне Джейми с Иэном свалили несколько высоких ровных сосен, затем разрубили их и скатили вниз по склону. Теперь бревна лежали у края

поляны, шершавая кора блестела после дождя.

Когда я вернулась с котелком воды, Джейми что-то мерил шагами, вытаптывая влажную траву. Иэн развел костер на большом плоском камне. Мальчишка научился у Джейми хитрости – всегда держать в спорране немного сухих щепок для растопки вместе с кремнем и огнивом.

– Получится небольшая хижинка. – Джейми сосредоточенно нахмурился, глядя на землю. – Просто чтобы было где спать, если вдруг снова дождь пойдет. Не нужно строить особо тщательно. Зато будет на чем попробовать силы, да, Иэн?

– А зачем она, кроме этого? – спросила я.

Джейми поднял голову и улыбнулся.

– Доброе утро, саксоночка. Хорошо спалось?

– Нет, конечно. Так зачем хижинка?

– Для мяса, – ответил Джейми. – Сзади выкопаем яму, заложим угли, чтобы его коптить. А еще сделаем каркас, чтобы в нем вялить мясо. Иэн видел такие штуки у индейцев, они так делают джерки. Нужно соорудить место, где до наших припасов не доберется зверье.

Звучало неплохо, особенно учитывая, какие животные бродят по округе. А вот насчет копчения я сомневалась. Я уже видела, как это делают в Шотландии, и знала, что процесс требует немалого внимания. Кто-то должен постоянно следить за огнем, который не должен ни разгореться слишком сильно, ни потухнуть. Мясо нужно постоянно переворачивать и смазывать жиром, чтобы оно не пригорело и не пересохло.

Ясно, кого приставят к этой работе. Вот только проблема заключалась в том, смогу ли я все правильно сделать, или мы отравимся и умрем.

– Ладно, – нехотя согласилась я.

Джейми уловил мой тон и усмехнулся.

– Это будет первая хижина. Вторая – твоя.

– Моя? – Я изумленно вскинула голову.

– Для твоих травок и прочей растительности. Насколько я помню, они занимают немало места. – Джейми с огнем маньяка-строителя в глазах кивнул на другой конец поляны. – А там... там мы построим домик для зимовки.

К моему удивлению, стены для первой хижины они возвели уже к концу второго дня. Даже соорудили временную крышу из веток. Стены состояли из неочищенных от коры бревен. Между ними оставались заметные расщелины, но внутри было достаточно места для нас троих и Ролло. А у стены, в выложенной камнями яме, горел огонь, так что жилище вышло вполне уютным.

С крыши сняли немного веток, чтобы выпускать дым, и я смотрела на вечерние звезды, устроившись под боком у Джейми и слушая, как он разносит в пух и прах свои же труды.

– Только посмотри. – Он сердито мотнул головой в дальний угол. – Взяли кривое бревно, и теперь вся стена кривая.

– Вряд ли куски оленины сильно расстроятся, – пробормотала я. – Дай лучше руку посмотрю.

– И крыша... С одного края она на добрых шесть дюймов ниже, чем с другого, – упрямо продолжил он, но левую руку все же протянул.

Обе его ладони покрывал слой мозолей, плюс царапины и порезы, а еще там красовалось столько заноз, что кожа стала колючей на ощупь.

– Ты как дикобраз. – Я легонько погладила его пальцы. – Двигайся к огню, а то я не вижу, что доставать.

Джейми послушно передвинулся, ползком обогнув Иэна. Мальчишка успел самостоятельно избавиться от заноз и спокойно спал, положив голову на мохнатый бок Ролло. К несчастью, смена позиции открыла придирчивому глазу Джейми новые недостатки постройки.

– Ты ведь никогда раньше не строил хижину из бревен, правда? – перебила я его тираду о двери, аккуратно вытаскивая пинцетом обломок щепки из большого пальца.

– Ай! Нет...

– И ты построил чертову хижину за два дня при помощи лишь топора и ножа. В ней ни одного гвоздя! С какой радости ты ожидаешь тут увидеть Букингемский дворец?!

– Никогда его не видел, – спокойно отозвался Джейми и помолчал. – Но я понял, о чем ты, саксоночка.

– Хорошо.

Я наклонилась над его ладонью, щурясь, чтобы обнаружить все черные точки, засевшие в коже.

– По крайней мере, она не должна рухнуть, – наконец сказал Джейми.

– Естественно.

Я смочила кусочек ткани из бутылки бренди и протерла его ладонь, а потом принялась за правую руку.

Джейми молчал. В тишине было слышно, как потрескивает огонь, изредка вспыхивая, когда сквозь щели просачивался сквозняк.

– Дом построим наверху хребта, – вдруг произнес Джейми. – Где растет земляника.

– Правда? – буркнула я. – В смысле, домик на зиму? А я думала, что он будет на той стороне поляны.

Я вытащила все занозы, которые сумела. Остались лишь засевшие совсем глубоко; ими придется заняться позже, когда они сами протолкнутся ближе к поверхности.

– Нет. Нормальный дом, – тихо сказал Джейми. Он откинулся спиной на грубые бревна и уставился поверх костра на темнеющие щели. – С лестницей и стеклянными окнами.

– Будет великолепно. – Я положила пинцет на место и закрыла ящичек с инструментами.

– С высокими потолками и дверным проходами, чтобы я не задевал их головой.

– Чудесно.

Я устроилась рядом и прилегла Джейми на плечо. Где-то вдалеке завыл волк. Ролло тихо рыкнул и прислушался, потом со вздохом опустил голову.

– С кладовой для тебя и кабинетом для меня. Там будут полки для моих книг.

– М-м...

В данный момент Джейми располагал лишь одной книгой – «Природой Северной Каролины», изданной в 1733 году, – которую он взял с собой как справочник.

Огонь притих. Ничего, угли дадут достаточно тепла ночью, а на рассвете мы разожжем костер заново.

Джейми обхватил меня за плечи рукой и потянул на кипу опавших листьев, которая служила нам постелью.

– И кровать, – сказала я. – Ты сможешь сделать кровать?

– Не хуже, чем в Букингемском дворце, – заверил Джейми.

Майерс, благослови Господь его доброе сердце и преданную натуру, действительно вернулся через месяц. С собой он привел не только трех мулов, нагруженных инструментами, небольшими домашними вещами и необходимыми мелочами вроде соли, но и Дункана Иннеса.

– Здесь? – Дункан с любопытством оглядел наше крошечное хозяйство, потихоньку вырастающее на горном хребте.

Мы успели соорудить две прочные хижины и загон для лошадей и прочей скотины, которой мы можем разжиться.

В данный момент эту скотину представлял белый поросенок – Джейми раздобыл его в моравском поселении в тридцати милях отсюда. Выменял за мешок батата, собранного мною в горах, и несколько метел, изготовленных из ивовых прутьев. Поросенок был пока мелковат для загона, поэтому жил

с нами в хижине и быстро подружился с Ролло. Мне новый сосед нравился не очень.

– Да. Хорошая земля, много воды. В лесу есть источники, и мимо протекает ручей.

Джейми провел Дункана к месту, откуда можно было рассмотреть западные склоны. Там находились естественные проплешины в лесах, сейчас поросшие дикой травой, но в целом пригодные для земледелия.

– Видишь? – Джейми обвел рукой склон, который плавно спускался к обрыву, где внизу, около ряда платанов, блестела река. – Тут можно разместить тридцать участков. Потом придется вырубать лес, но есть откуда начать заселение. Любой достойный арендатор прокормит семью и с небольшого клочка, такая плодородная тут земля.

Дункан был рыбаком, а не земледельцем, однако покорно кивнул, не сводя глаз с местности, где Джейми в своем воображении уже рисовал будущие дома.

– Я тут все измерил шагами, – продолжал он, – хотя нужно тщательно зафиксировать, как только появится возможность. У меня есть план... Слушай, ты часом не захватил бумагу и чернила?

– Захватил. И не только. – Дункан улыбнулся мне, и его вытянутое печальное лицо мигом преобразилось. – Мисс Йо прислала перину. Подумала, что вам пригодится.

– Перину? Seriously? Замечательно! – обрадовалась я.

Все обиды, которые я затаила на Йокасту Кэмерон, мигом испарились. Джейми, конечно, соорудил нам отличную постель из дуба и натянул на нее искусно сплетенную сетку из веревок. Однако положить на нее пришлось кедровые ветви, душистые, но неприятно узловатые.

Мечты о шикарном отдыхе на новой перине прервали Иэн и Майерс, вышедшие из-за деревьев. На поясе последнего висела связка пойманных белок. Иэн гордо вручил мне нечто огромное и черное, в чем я узнала индейку, основательно отъевшуюся на осенних кормах.

– У парня острый глаз, миссис Клэр, – сообщил Майерс, одобрительно кивая. – Хитрые птицы, эти индейки. Даже краснокожим не всегда легко их поймать.

До Дня благодарения еще было рано, но птица меня очень даже порадовала, ведь ничего столь существенного в нашей кладовой еще не водилось. Джейми тоже просиял, хотя его больше интересовали перья в хвосте, из которых он хотел сделать письменные принадлежности.

– Я должен сообщить губернатору, – пояснил Джейми за обедом, – что согласен на предложение, и выслать план земель. – Он рассеянно откусил

пирога.

– Осторожно, может попасться скорлупа, – нервно предупредила я. – Ты же не хочешь зуб сломать?

Обед состоял из жареной форели, печеного батата, слив и странного пирога. Его я состряпала на муке из орехов гикори, которые размолота в ступке. Питались мы в основном рыбой и той съедобной растительностью, что мне удавалось разыскать, ведь Иэн и Джейми слишком увлеклись строительством, и времени на охоту совсем не было. Я очень надеялась, что Майерс погостит у нас еще немного – чтобы помочь запастись олениной. Перспектива зимовать на одной сушеной рыбе меня пугала.

– Не волнуйся, саксоночка, – пробормотал Джейми с набитым ртом. – Хороший пирог, – улыбнулся он и глянул на Дункана. – Когда покончим с едой, может, сходишь со мной к реке и выберешь себе местечко?

Дункан вдруг побледнел, а потом уставился на Джейми со смесью радости и смятения.

– Местечко? Макдью, ты о земле? – Он невольно приподнял плечо, где отсутствовала рука.

– Ага, о ней. – Джейми наколот горячий клубень батата на заостренную палочку и принялся осторожно чистить, не поднимая глаз. – Ты мне нужен, Дункан. Станешь моим доверенным лицом... если захочешь. Так ты сможешь честно зарабатывать деньги. И вот что я думаю... если ты, конечно, согласишься. Я подам от твоего имени запрос на участок, но раз уж ты будешь в разъездах и сам работать на нем не сможешь, мы с Иэном засеем часть твоей земли и соорудим домишко. А когда придет время, у тебя будет где осесть и немного урожая на черный день. Как тебе?

Пока Джейми говорил, на лице Дункана мелькали самые разные чувства, от растерянности до изумления и робкого счастья. Ему и в голову не приходило, что однажды он сможет владеть землей. Без копейки за душой и неспособный заработать на хлеб своими руками, в Шотландии он просил бы милостыню... если бы вообще выжил.

– Но... – Он замолчал и сглотнул. Кадык судорожно дернулся. – Отлично, Макдью. Доверенное лицо... – Дункан снова сглотнул и потянулся к бутылкам эля, которые привез с собой. – Что мне надо будет делать?

– Два поручения, ты с ними справишься. Первое – найти мне переселенцев. – Джейми махнул рукой на фундамент нашего будущего домика и плиту темного сланца, что мы приготовили для очага. – Сам я отсюда уехать пока не могу. Поэтому хочу, чтобы ты разыскал как можно

больше людей, которых перевезли сюда из Ардсмур. Они могут быть где угодно, но прибыли они в Уилмингтон, так что большинство ты, скорее всего, найдешь в Северной и Южной Каролине. Разыщи всех, кого сумеешь, и посвяти в мой план. А весной привези желающих сюда.

Дункан медленно кивал, сжав губы под обвисшими усами. Я почти не встречала мужчин с подобным украшением на лице, но ему они шли. Дункан становился похож на благодушного моржа.

– Хорошо, – сказал он. – А второе?

Джейми глянул на меня, потом на Дункана.

– Моя тетушка. Поможешь ей? Она ужасно нуждается в верном человеке, который сможет приструнить этих военно-морских ублюдков и выступать от ее имени в переговорах.

Дункан и глазом не моргнул, когда соглашался прочесать всю немалую колонию в поисках переселенцев. А вот упоминание о военно-морских ублюдках заставило его серьезно поколебаться.

– В переговорах? Я ни черта в них...

– Не волнуйся, – улыбнулся Джейми, и его чары подействовали на Дункана так же, как и на меня. Сомнения в глазах Иннеса потихоньку расселись, а я в стотысячный раз задумалась, как же Джейми это удастся. – Ты справишься, – мягко продолжил он. – Тетушка сама прекрасно знает, что надо сделать. Ей просто нужен исполнитель. Я напишу ей письмо, скажу, что ты сочтешь за честь действовать от ее имени.

Во время разговора Иэн с любопытством копался в мешках, которые сняли с мулов. Теперь мальчишка извлек на свет некий предмет и с интересом на него уставился.

– Что это? – спросил он и показал нам плоскую железку с намеком на крестовину, заостренную с одного конца, как нож. Она смахивала на небольшой кинжал, попавший под паровой каток.

– Для вашего очага. – Дункан забрал у Иэна железку и передал ее Джейми рукоятью вперед. – Идея мисс Ио.

– В самом деле? Тетушка очень добра.

Лицо Джейми загорело до глубокого бронзового оттенка из-за долгих трудов под солнцем, но я разглядела легкий румянец. Джейми провел пальцем по гладкой поверхности и протянул ножичек мне.

– Сохрани его, саксоночка. Благословим наш очаг перед отъездом Дункана.

Джейми был явно тронут подарком. Я не понимала, почему, пока Иэн не объяснил: под новым очагом нужно заложить железо, чтобы защитить дом.

Иокаста таким образом благословила нашу затею, смирилась с решением Джейми и простила его за то, что он ее оставил. Иокаста проявила далеко не просто щедрость. Я осторожно завернула железку в носовой платок и спрятала в карман.

Мы благословили очаг два дня спустя, посреди домика, по-прежнему лишенного стен. Майерс в знак уважения снял шляпу, а Иэн хорошенько умылся. Ролло тоже присутствовал, как и свинка, которая олицетворяла наши «стада», хотя и была от этого совсем не в восторге. Мало того, что ей пришлось участвовать в непонятном ритуале без еды, так ее еще и от вкусных желудей оторвали.

Не обращая внимания на пронзительные, полные недовольства повизгивания свинки, Джейми взял железный ножичек за кончик, словно крест, и произнес:

Благослови, Господь, весь мир и все сущее.
Благослови, Господь, мою супругу и детей.
Благослови, Господь, глаза мои, чтобы были остры,
И благослови руки, чтобы силу имели.
Благослови час, когда я просыпаюсь ото сна рано поутру
И когда ложусь в постель уже затемно.

Джейми коснулся меня, потом Иэна и – с усмешкой – Ролло и поросенка этим подобием креста.

Господи, защити мой дом и семью.
Господи, освяти будущих детей и мать их.
Господи, не дай сбиться с пути ни людям, ни скоту,
И пребудь с ними, и заботься о них
В час, когда стада пасутся на холмах,
Час, когда я отхожу ко сну,
Час, когда стада пасутся на холмах,
Час, когда я мирно отхожу ко сну.
Пусть пламя Твоего благословения вечно горит
над нами, Господи!

Опустившись на колени, Джейми положил ножик в заранее

подготовленную ямку и тщательно его закопал. Потом мы с ним, взяв каменную плиту, заложили основу нашего очага.

Наверное, я должна была чувствовать себя очень глупо. Я стояла в доме без стен, в компании волка и свиньи, посреди глуши, слушая, как в небе ехидно кричат пересмешники, и принимала участие, по сути, в языческом ритуале. Однако мне было хорошо.

Джейми притянул меня за руку к себе. Я уставилась на плиту и вдруг вспомнила брошенный дом, который мы видели по пути на север. Осыпавшуюся крышу, проросший сквозь трещину остролист. Благословили ли свой очаг жители того дома?.. Несчастье все равно постучалось в их дверь... Джейми сжал мою ладонь, словно желая приободрить.

Дункан развел небольшой костер на плоском камне неподалеку. Майерс помогал – держал огниво. Огонек ярко вспыхнул, и Дункан взял горящую головню единственной рукой и стал обходить фундамент по часовой стрелке, громко распевая на гэльском. Джейми переводил для меня.

Да защитит тебя Финн Маккул,
Да защитит тебя Кормак Прекрасный,
Да защитят тебя Конн и Кулл
От волков и стай хищных птиц,
От волков и стай хищных птиц.

Дункан прерывал напев, когда останавливался с каждой стороны света и, поклонившись, взмахивал своим факелом. Ролло, явно не одобрявший забавы с огнем, глухо зарычал, но Иэн тут же на него шикнул.

Да будет с тобой щит короля Фианы,
Да будет с тобой щит короля солнца,
Да будет с тобой щит короля звезд,
При любой напасти и в любой нужде,
При любой напасти и в любой нужде.

Куплетов было множество. Дункан сделал три круга. Только когда он наконец замер у будущего очага, я поняла: Джейми рассчитал все так, что очаг оказался на севере. Утреннее солнце согревало мое левое плечо и тянуло наши сплетенные тени на запад.

Найдешь ты прибежище у царя царей,
Найдешь ты прибежище у Иисуса Христа,
Найдешь ты прибежище у Святого Духа
От злых деяний и раздора,
От дурного пса и красного пса.

Покосившись на Ролло, Дункан передал головню Джейми, а тот поджег заранее заготовленную кучу сухих веток. Иэн радостно гикнул, и все дружно захлопали в ладоши.

Позже мы проводили Дункана и Майерса в дорогу. Они направлялись не в Кросс-Крик, а в Мон-Геликон. Каждую осень там собирались местные шотландцы, чтобы вознести благодарность за богатый урожай, обменяться новостями и обговорить дела, отпраздновать свадьбы и крестины, да и вообще повидать весь клан и дальнюю родню.

Иокаста тоже намеревалась посетить этот сбор, как и Фаркуард Кэмпбелл с Эндрю Макнилом. Лучшего места, чтобы найти бывших заключенных Ардсмур, и не придумаешь – в Мон-Геликон съезжались все шотландцы еще из Южной Каролины и Вирджинии.

– Я вернусь весной, Макдью, – пообещал Дункан, уже сидя верхом. – Приведу всех, кого смогу. И передам письма, не сомневайся. – Он похлопал седельную сумку и надвинул шляпу на глаза, спасаясь от яркого солнца. – Ничего не передашь своей тетушке?

Джейми задумался – письмо Иокасте он написал, но все ли упомянул?..

– Скажи тетушке, что я не смогу встретиться с ней на сборище этой осенью и даже следующей. Зато через два года я появлюсь уже со своими людьми. С Богом, Дункан!

Джейми хлопнул его лошадь по крупу и встал рядом со мной. Мы махали всадникам вслед, пока те не скрылись из виду. Их отъезд поселил у меня в душе странное одиночество. Дункан был последней ниточкой, связывавшей нас с внешним миром. Теперь мы с Джейми действительно остались одни.

Ну, не совсем, поправила я себя. У нас есть Иэн. Не говоря уже о Ролло, поросенке, трех лошадях и двух мулах, которых Дункан оставил, чтобы весной мы смогли вспахать землю. Неплохое хозяйство. Я несколько воспрянула духом. Через месяц будет готов наш домишко, и над головой появится крепкая крыша. А потом...

– Беда, тетушка, – раздался у меня над ухом голос Иэна. – Свинка стрескала твою муку из орехов!..

Глава 20

Белая ворона

Октябрь 1767-го

– «Тело, душа, разум, – вещал Джейми, склоняясь вперед и хватая отесанное бревно, – тело – ощущения, душа – побуждения, разум – убеждения. Даже буйвол в загоне способен ощущать; побуждениям следуют и скоты, и люди недостойные, даже те, кто в богов не верит, предает родину или...» Ой, осторожно!

Иэн, внявший предупреждению, ловко перепрыгнул через рукоятку топора, подался влево и схватил другой конец бревна, водрузив его на место – в полусложенную стену деревянной хижины.

– «...или всякое злодейство втихаря творит, есть разум, способный вернуть его на путь истинный, – пересказывал Джейми «Размышления» Марка Аврелия. – Исходя из сказанного...» Шаг вперед! Ага, вот так, хорошо... «Исходя из сказанного, все перечисленное свойственно в том числе особям примитивным, единственное, что остается человеку достойному, – отважно принимать превратности судьбы, не осквернять высокий дух, заключенный в его груди, и не смущать его соблазнами...» Теперь отлично! Раз-два, взяли!..

Лицо Джейми покраснело от напряжения. Не в силах больше разглагольствовать о размышлениях императора, он давал указания племяннику кивками и односложными командами. Бревно водрузили в пазы, специально выщербленные в поперечных бревнах.

– Побуждения, значит? Ну-ну. – Иэн локтем отвел прядь волос со вспотевшего лба. – Мои побуждения, например, велят мне пописать. Выходит, что я – человек недостойный, так, что ли?

– Думаю, ничего страшного, коли ты внемлешь зову тела, – великодушно разрешил Джейми, слегка усмехнувшись, в то время как они пытались загнать бревно в паз. – Чуть левее.

Бревно наконец стало как надо, и оба отступили назад со вздохом удовлетворения. Иэн ухмыльнулся дяде.

– Небось проголодался, а?

Джейми ответить не успел – Ролло, насторожившись, повел ушами и зарычал. Иэн как раз утирал пот со лба краем рубашки, однако замер и

повернул голову.

– Дядя, их много, – сказал он, кивнув в сторону леса.

Джейми замер. Но еще до того, как он схватился за ружье, я узнала людей, которых Ролло с Иэном углядели в скудных лучах света, пробивающегося сквозь кроны деревьев.

– Без паники, – весело заметила я. – Это ваши старые собутыльники, просто принарядились, идя в гости. Небольшие превратности, заготовленные судьбой для отважного преодоления, полагаю.

Накогнавето почтительно выждал в тени каштанов, покуда не удостоверился, что мы его заметили. На этот раз за ним шли не сыновья, а три женщины; две из них тащили на спине какие-то вязанки.

Первая – совсем девчушка, лет тринадцати, вторая – очевидно, ее мать, женщина чуть за тридцать. Третья была значительно старше – даже не бабушка, подумала я, глядя на ее согбенную фигуру и седые волосы, – скорее, прабабушка.

Они и в самом деле приоделись для встречи; Накогнавето щеголял в широких укороченных муслиновых штанах, из которых торчали голые ноги в кожаных сандалиях, и в свободной розовой холщовой рубаше с шикарным поясом, отделанным иглами дикобраза и белыми и сиреневыми ракушками; поверх рубашки сидел расшитый жилет. На распущенных волосах красовалась хлопковая голубая повязка, сбоку он засунул под нее два вороньих пера. Ко всему прочему индеец добавил украшения из ракушек и серебра: в ухе блестела сережка, на шее – несколько ожерелий. Образ завершали изящная пряжка и тонкие ленты, вплетенные в волосы.

Женщины смотрелись немного скромнее, хотя тоже принарядились – на них были свободные длинные платья, достигающие до колен, из-под платьев торчали ноги в обтягивающих штанах из кожи, обутые в мягкие мокасины. Поверх платьев они повязали фартуки из оленьей кожи с выписанными краской узорами; женщины помоложе накинули расшитые жилетки. Они шли друг за другом и, дойдя до середины расчищенной поляны, остановились.

– Боже правый, – буркнул Джейми, – посольская делегация!

Он вытер лицо рукавом и подтолкнул в бок Иэна.

– Принимай гостей, я скоро вернусь.

Слегка обескураженный, Иэн шагнул вперед, церемонно приветствуя индейцев широким жестом. Джейми схватил меня за руку и утянул за угол наполовину выстроенной хижины.

– Ты что...

– Переоденься, – перебил Джейми, подталкивая ко мне сундук с

одеждой. – Нарядись попраздничнее, ладно? Иначе нехорошо выйдет.

Нарядиться «попраздничнее» было весьма затруднительно, учитывая тот скромный гардероб, которым я располагала, но я сделала все, что было в моих силах, затянув вокруг талии желтую льняную юбку и сменив белый вылинявший платок на вышитый вишенками, который прислала мне Иокаста. Надеюсь, сойдет, тем паче что, по всей вероятности, мне лишь предстоит наблюдать за мужскими играми.

Джейми скинул бриджи и молниеносно обернул вокруг талии темно-красный клетчатый плед, закрепив его небольшой бронзовой пряжкой, достал из-под кровати бутылку и вышел через недостроенную стену раньше, чем я успела привести в порядок волосы. Оставив напрасные попытки, я поспешила за ним.

Женщины взирали на меня с тем же восхищением, с каким и я глядела на них, но они отступили назад, пока Джейми с Накогнавето вершили обязательный приветственный обряд, во время которого следовало разлить бренди и сделать по глотку. Иэна привлекли к обряду. После того, следуя повелительному жесту Накогнавето, вперед вышла вторая из женщин, скромно склонив голову.

– *Bonjour, messieurs, madame*^[13], – негромко сказала она, переводя глаза с одного на другого. Ее взгляд остановился на мне, и она принялась разглядывать меня с неподдельным любопытством, не упуская ни малейшей детали, так что я, не испытывая ни капли смущения, сделала то же самое. Метиска, подумала я, возможно, есть примесь французской крови.

– *Je suis sa femme*^[14], – сказала она, изящно кивнув в сторону Накогнавето. Ее речь подтвердила мою догадку насчет происхождения женщины. – *Je m'appelle Gabrielle*^[15].

– М-м... *je m'appelle Claire*^[16], – сказала я. – *S'il vous plait...*^[17]

Я повела рукой в сторону груды сложенных бревен, приглашая гостей присесть, про себя прикидывая, хватит ли на всех жаркого из белки.

Тем временем Джейми со смесью любопытства и раздражения разглядывал Накогнавето.

– Ах, «франци – не»? – спросил он. – Так ты сказал?

Индеец отрешенно взглянул на него и кивнул жене, предлагая продолжить знакомство.

Пожилую леди звали Найавенна. Скорее всего, она приходилась прабабушкой не Габриэль, а Накогнавето, решила я. Старушка была хрупкой и сухонькой, ее слегка согнуло от ревматизма, но взгляд был ясен,

и повадками она сильно напоминала воробьишу. На шее у нее висел кожаный мешочек, украшенный шершавым зеленым камнем, пробитым посередине, чтобы можно было продеть шнурок, и перьями из хвоста дятла. На поясе висел мешок побольше, из сукна. Старушка заметила, что я разглядываю зеленоватые пятна на грубом сукне, и улыбнулась, обнажив два желтых зуба, сильно торчащих вперед.

Девочка оказалась дочерью Габриэль, как я и предполагала, но явно не от Накогнавето; она была совсем на него не похожа и заметно перед ним робела. Ей не очень шло имя Берта, и еще больше, чем у матери, бросалась в глаза примесь неиндейской крови. У нее были темные и гладкие волосы, скорее каштановые, чем эбеново-черные, круглое румяное лицо с европейской светлой кожей, однако раскосые, как у индейцев, глаза.

Когда с представлениями было покончено, Накогнавето подал знак Берте, и та послушно сняла с плеч большую корзину. Девочка подняла крышку, и моему взору предстали апельсины, полосатые зеленые кабачки, связки сушеной рыбы, корзина поменьше, наполненная ямсом, и груды маисовых зерен.

– Боже мой, – я тихо выдохнула, – Сквонто вернулся!

Все недоуменно на меня уставились, и я поспешила рассыпаться в благодарственных охах и ахах. На всю зиму припасов, наверное, не хватило бы, но еды было достаточно, чтобы разнообразить наше меню на добрых два месяца.

Через Габриэль Накогнавето пояснил, что это лишь незначительная благодарность за то, что Джейми одарил их медвежьей тушей, вся деревня приняла ее с восторгом, там только и говорили, что о его храбром поступке (тут женщины покосились на меня и захихикали; очевидно, им была известна история с рыбой).

Джейми, давно привыкший к подобного рода дипломатии, скромно отклонил похвалы его доблести, списав результат поединка на чистую случайность.

Пока Габриэль работала переводчиком, пожилая леди, не считая нужным выслушивать обоюдный обмен любезностями, бочком подобралась ко мне. Она бесцеремонно ощупала меня с ног до головы: потрогала одежду, приподняла край юбки, чтобы рассмотреть обувь, при этом тихо бормоча что-то себе под нос сирым голосом.

Бормотание сделалось громче, в нем явно слышалось удивление, когда она добралась до волос. Я любезно вытаскала шпильки, и кудри рассыпались по плечам. Она потянула за завиток и резко выпустила; он спружинил, а старушка разразилась громогласным хохотом.

Джейми решил продемонстрировать Накогнавето наш будущий дом. Очаг из камня был уже сложен, фундамент тоже, в доме был пол, однако стены из отесанных бревен, каждое дюймов около восьми в диаметре, доставали пока только до плеч. Джейми заставил Иэна показать, как нужно отесывать бревна: тот подрубил кору и, мелко ступая, стал пятиться параллельно бревну, ведя за собой топор.

Мужские разговоры такого рода не нуждаются в переводе. Габриэль осталась без дела и подошла ко мне, чтобы поболтать; хотя она говорила по-французски со странным акцентом и пересыпала речь диковинными выражениями, мы без труда понимали друг друга.

Очень скоро я выяснила, что Габриэль была дочерью французского торговца пушниной и индианки из племени гуронов, а еще второй женой Накогнавето, который, в свою очередь, был ее вторым мужем – первый муж, отец Берты, француз, был убит в войне между французами и индейцами десять лет назад.

Жили они в деревне под названием Анна-Ука (я прикусила щеку, чтобы сохранить невозмутимый вид; ясное дело, название Нью-Берн прозвучало бы для них довольно странно), примерно в двух днях пути на северо-восток – направление Габриэль указала изящным кивком головы.

Пока я разговаривала с Бертой и Габриэль, сопровождая беседу бурной жестикуляцией, я постепенно поняла, что у меня одновременно шел и другой разговор – со старушкой-индианкой.

Она ничего не говорила напрямую, но то и дело шептала Берте в ухо, очевидно, требуя от той перевести, что я сказала. Ее темные пронзительные глаза не отрывались от меня ни на минуту, мне даже стало не по себе от такого внимания.

Я видела, как на другой стороне поляны Джейми предлагает Накогнавето то, что осталось в бутылке с бренди; наверное, пришло время ответных даров. Я отдала Габриэль вышитую косынку, а Берте – заколку для волос, украшенную бриллиантами. Обе охнули от восторга. Но для Найавенны у меня было кое-что особенное.

Неделей раньше мне посчастливилось найти четыре женшечных корня. Я достала все четыре из моего сундучка с лекарствами и вручила ей, улыбаясь. Старушка усмехнулась и протянула мне снятый с пояса мешочек. Можно было не открывать – через ткань я нащупала четыре длинных бугорчатых отростка.

Я улыбнулась в ответ; определенно, мы говорили на одном языке!

Переборов страх нарушить этикет, я спросила Габриэль, что за амулет у старушки на шее.

– *Grandmère est...*^[18] – Она запнулась, подыскивая нужное французское слово, но я уже поняла.

– *Pas docteur*, – подсказала я, – *et pas sorcière, magicienne. Elle est...*^[19]
– Я тоже запнулась; да и подходящего слова во французском попросту не было.

– Мы говорим, что она поет, – смущенно пояснила Берта по-французски. – Мы зовем их шаманами; ее имя означает «Это может быть»; «Это произойдет».

Старушка что-то сказала, кивнув на меня; две молодые женщины изумленно воззрились на нее. Найавенна наклонила голову, сняла с шеи небольшой мешок и вложила его в мою руку.

Он оказался таким тяжелым, что мое запястье дрогнуло. Удивленная, я накрыла его второй рукой. Мешочек был еще теплым, нечто округлое внутри идеально легло в мою ладонь. На мгновение мне показалось, что там что-то живое.

Должно быть, на моем лице отразилось изумление, потому что старушка расхохоталась еще громче. Она протянула руку, и я поспешно вернула ей амулет. Габриэль вежливо сообщила, что бабушка мужа с удовольствием покажет полезные растения, что растут в округе, если мне будет угодно пройти с ней.

Я с готовностью приняла приглашение, и пожилая дама устремилась по тропинке в лес с проворством, весьма неожиданным для ее лет. Я наблюдала, как мелькают сухонькие ноги в мокалинах из мягкой кожи, и надеялась, что в ее возрасте тоже смогу прошагать через лес два дня, а потом еще гореть желанием кому-то что-то показывать.

Мы брели вдоль ручья, на почтительном расстоянии за нами следовали Габриэль с Бертой – на случай, если понадобится переводчик.

– Каждое растение лечит от какой-нибудь болезни, – объясняла старушка через Габриэль. По пути она отломила ветку от куста и вручила ее мне, смерив меня взглядом. – Если бы мы только знали, что и от чего!

По большей части мы прекрасно обходились жестами, но у обширной заводи, где Джейми с Иэном часто ловили форель, Найавенна остановилась и снова подозвала Габриэль. Старушка сказала ей что-то, и та в удивлении обернулась ко мне.

– Бабушка мужа говорит, что видела вас во сне – в полнолуние, две луны тому назад.

– Меня?

Габриэль кивнула.

Найавенна приблизилась и внимательно глянула мне в лицо, словно пытаюсь увидеть, какое впечатление произвели слова Габриэль.

– Она рассказывала нам сон, что видела женщину с... – Губы женщины дрогнули и поспешно сомкнулись, она осторожно дотронулась до кончиков собственных длинных и прямых волос. – А тремя днями позже вернулись муж и сын и рассказали, что в лесу встретили вас и Убийцу медведя.

Берта тоже смотрела на меня с неподдельным интересом, накручивая на указательный палец прядь прямых волос.

– Та, кто лечит, сказала, что должна вас увидеть, и когда мы услышали, что вы здесь...

Тут я постепенно начала прозревать; вряд ли за нами следили, я бы почувствовала, однако кто-то, похоже, заметил в горах следы нашего присутствия и передал новость Накогнавето.

Потеряв терпение из-за всех этих лишних подробностей, Найавенна подтолкнула невестку и что-то промолвила, рукой указав на воду у наших ног.

– Бабушка мужа говорит, что в ее сне вы были здесь. – Габриэль указала на заводь и подняла на меня серьезные глаза. – Дело происходило ночью. В воде блестела луна. Вы превратились в белую ворону – полетели над водой и проглотили луну.

– Надо же. – Я надеялась, что это не дурной знак.

– Вскоре белая ворона вернулась и отложила яйцо ей в ладонь. Яйцо треснуло, и внутри показался сияющий камень. Бабушка моего мужа поняла, что это – великое чудо, ибо камень способен лечить болезни.

Найавенна кивнула несколько раз и, вновь сняв амулет с шеи, сунула его мне в руку.

– На следующий день бабушка моего мужа отправилась на поиски одного корня и по пути вдруг заметила у берега что-то синее.

Найавенна вытянула что-то маленькое и невзрачное и опустила мне на ладонь. Это был камень, неограниченный, но, несомненно, драгоценный. С краю на нем оставались кусочки горной породы, однако сердцевина камня была темно-синей.

– Боже, да ведь это сапфир, правда?

– Сапфир? – Габриэль подержала слово во рту, пробуя на вкус. – Мы зовем его... – Она помедлила, подыскивая верное слово по-французски, – *pierre sans peur*.

«*Pierre sans peur*»? Бесстрашный камень?

Найавенна кивнула и вновь заговорила. На этот раз Берта опередила

мать с переводом:

– Бабушка моего отца говорит, что такой камень делает людей бесстрашными и укрепляет дух, так что они скорее исцеляются. Этот камень уже исцелил двоих от жара, а моего младшего брата от рези в глазах.

– Бабушка моего мужа благодарит вас за подарок. – Габриэль снова перехватила нить беседы.

– Ах, скажите ей «пожалуйста». – Я сердечно кивнула старушке и вернула ей синий камень.

Она опустила его в мешочек, а мешочек повесила на шею, накрепко затянув ремешок. Подойдя ближе, Найавенна потянула меня за локон и стала вертеть его между пальцев.

– Бабушка моего мужа говорит, что способность врачевать есть у вас и теперь, но сила еще прибудет. Когда ваши волосы станут седыми, как у нее, вот тогда и наступит ее расцвет.

Старушка выпустила мой локон и заглянула в глаза. Мне показалось, что в складках ее лица таится глубокая печаль, и я непроизвольно сделала шаг навстречу, чтобы ободрить ее прикосновением.

Она отступила назад и что-то сказала.

– Она говорит, чтобы вы не терзали себя; болезни шлют боги. Вашей вины в том не будет.

Я в удивлении воззрилась на Найавенну.

– В чем не будет моей вины? – переспросила я, однако старуха отвернулась и замолчала.

Глава 21

Ночь на заснеженной вершине

Декабрь 1767-го

Зима немного задержалась в пути, но в ночь на 28 ноября выпал снег; мы проснулись и обнаружили, что мир изменился. Заиндевела каждая иголка на величественной голубой ели, что росла за хижинкой, сплетенные клубком ветки дикого малинника украсились ледяной бахромой.

Снег лишь слегка припорошил землю, но с его появлением уклад нашей жизни полностью изменился. Я больше не бродила в поисках припасов днями напролет, только ненадолго отлучалась к ручью, чтобы набрать воды и вырвать у берега пучок-другой свежей зелени из мутной жижи, покрывшейся ледяной коркой. Джейми с Иэном бросили рубить деревья, чтобы расчистить поле, и занялись утеплением крыши. Зима потеснила нас; в свою очередь, мы отпрянули от холода и укрылись в доме.

У нас не было свечей, только масляные лампы и лучины, а еще огонь, который постоянно теплился в очаге. Мы поднимались на рассвете и ложились сразу после ужина, в том же ритме, что вся живность в окружавшем нас лесу.

Мы еще не разжились овцами, поэтому у нас не было ни шерсти, чтобы вычесывать и прясть, ни сукна, чтобы ткать и красить. Не было у нас пока и ульев, и, следовательно, воска, чтобы плавить и делать из него свечи. Не было стада, чтобы обихаживать, только лошади и мул, а еще поросенок, который значительно подрос и по этой причине был выселен в отдельный загон, сооруженный в углу грубовато сколоченного хлева, который наспех соорудил Джейми.

Майерс привез небольшой, но полезный набор инструментов: в мешке позвякивали железяки, к которым нужно было приладить деревянные ручки, – хорошо, материала для них было предостаточно, до леса рукой подать. У нас появились топор, лемех для плуга, чтобы вспахать поле весной, ручной бур, рубанок и долото, маленькая коса для травы, два молотка и ручная пила, странная штуковина под названием «твибль» – топорик с двумя лезвиями, – Джейми сказал, им долбят пазы, «скобель» – изогнутое дугой лезвие с ручками по бокам, необходимое, чтобы шлифовать и обрезать бревна, два острых ножа, тесак, нечто похожее на

орудие средневековых пыток, оказавшееся гвоздильней, и колун для рубки щепок.

Между тем Джейми с Иэном успели сделать крышу хижины до того, как выпал снег, а достроить сарай можно было и потом. В доме у очага всегда наготове лежало полено с воткнутым в него колуном, чтобы любой, кому вздумается, мог подбросить в пламя несколько щепок. Один угол оставили для древесных заготовок; Иэн с грехом пополам сколотил скамью; мы поставили ее под одним из окон, чтобы на сидящего падал свет, а оставшиеся щепки извели на огонь, который горел днем и ночью.

Майерс привез и орудия женского труда: корзину для шитья с разнокалиберными иглками, булавками, ножницами и разноцветными нитками, а еще отрезы хлопка, муслина и шерсти. Шитье не относилось к числу моих любимых занятий, так что особой радости при виде всего перечисленного я не выказала. Тем более Джейми с Иэном постоянно рыскали по чашобе и на локтях и коленях у них постоянно зияли прорехи.

– Ну, вот опять. – Джейми резко сел в кровати справа от меня.

– Что там такое? – сонно пробормотала я, приоткрыв один глаз. В хижине было темно, лишь в углу тихо тлели угли в очаге.

– Опять крыша течет, черт возьми! Прямо в ухо капнуло!

Он соскочил с постели, подошел к огню и сунул в него ветку. Как только она занялась, Джейми вернулся, встал на кровать и, подсвечивая себе факелом, начал всматриваться в крышу в попытке обнаружить злодейскую течь.

– Мммм? – Иэн, спавший внизу на выдвижном ярусе кровати, повернулся на другой бок и вопросительно замычал. Ролло, деливший с ним постель, коротко вздохнул, сбился в комок серого меха и снова оглушительно захрапел.

– Крыша течет, – пояснила я Иэну, не сводя глаз с факела Джейми. Мне вовсе не хотелось, чтобы моя чудная постель, набитая птичьим пухом, загорелась от случайной искры.

– А-а, – протянул Иэн, локтем заслонившись от света. – Опять снег пошел?

– Наверное. – Окна были затянуты квадратиками из промасленной оленьей шкуры, и снаружи не доносилось ни звука, однако воздух пах поснежному.

Снег укрывал крышу, а затем, подтаяв от тепла, шедшего изнутри, скользил вниз, и на карнизе вырос серебряный частокол из сосулек. Время от времени растаявший снег просачивался в зазоры и трещины и, пробираясь через крышу, тянул к нам свои ледяные пальцы.

Джейми воспринимал подобные наскоки как личный вызов и, не медля ни минуты, вступал в борьбу со стихией.

– Смотри-ка, вон она! Видишь?

Я отвела остекленевший взгляд от волосатых лодыжек, что торчали из-под рубашки прямо у меня перед носом, и посмотрела наверх. И верно, в свете факела было заметно, что в одной из дранок, разбухшей от сырости, темнела трещина. Под моим взглядом тяжелая капля, бликующая красным в свете факела, набухла и сорвалась вниз, звонко плюхнувшись рядом со мной на подушку.

– Может, немного сдвинем кровать? – предложила я, правда, без особой надежды. Это мы уже проходили. Все доводы о том, что крышу лучше чинить при солнечном свете, натыкались на недоуменное молчание; мне давали понять, что настоящий мужчина не станет считаться с такими мелочами.

Джейми слез с кровати и пнул Иэна в бок.

– Поднимайся, парень, и постучи там, где течет. А я снаружи все заделаю. – Схватив новую дранку, молоток, топор и мешочек с гвоздями, он направился к двери.

– Давай ты в этом на крышу не полезешь! – воскликнула я и резко села в постели. – Шерстяная рубашка совсем новая!

Джейми застыл в дверях, смерив меня недовольным взглядом, а затем с укоризненным взором христианского мученика положил инструменты, развязал рубашку, скинул ее на пол, подобрал инструменты и величественно выплыл из дома заделывать течь, обличительно сверкая голыми ягодицами.

Я закрыла ладонью припухшее от сна лицо и тихо простонала.

– Да ничего с ним не станется, тетя! – заверил меня Иэн. Он широко зевнул, не позаботившись о том, чтобы прикрыть рот, и неохотно выкатился из теплой постели.

Глухие тяжелые шаги по крыше – явно не цокот от копыт восьми северных оленей – возвестили о том, что Джейми на месте. Я поднялась с постели, чтобы не мешать, уступив место Иэну, который влез на кровать с лучиной в руке и стучал по сырым пластинкам изнутри, чтобы Джейми снаружи мог определить, где течет.

Сверху раздался стук – Джейми извлек треснувшую дранку и заменил на новую. Течь исчезла, лишь комочек снега провалился в дыру от вынутой дранки.

Вернувшись в постель промерзшим насквозь, Джейми обнял меня, прижав к ледяной груди, и тут же уснул, полный удовлетворения от

выполненного мужского долга – он защитил очаг и дом от всех напастей.

Мирок у подножия горы, в котором мы обитали, был хрупким и шатким. Мы почти не ели мясо – охотиться было не на кого, за исключением белок и кроликов, остальные грызуны впали в зимнюю спячку, – но у нас оставалось еще прилично сушеных овощей, от ямса до дикого лука с чесноком, бушель-другой земляных орехов и запас трав, которые я собрала и засушила. Рацион не блистал разнообразием, однако при разумном расходе до весны продержаться хватит.

Количество повседневных хлопот во дворе сократилось, оставалось время для прогулок, разговоров, мечтаний. Помимо полезной утвари вроде чашек-ложек, Джейми выстругал из дерева шахматные фигуры и подговаривал меня или Иэна сыграть с ним партию.

Иэн с Ролло – обоим неважно было сидеть в душной хижине – часто выбирались в Анна-Уку, а порой уходили на долгую охоту вместе с парнями из деревни.

– Мальчишка лопочет на языке индейцев куда лучше, чем по-гречески или по-латыни, – заметил Джейми с некоторой долей суровости, наблюдая, как Иэн препирается с одним из охотников на подобной вылазке.

– Знаешь, если бы Марк Аврелий писал о том, как выследить дикобраза, ему бы внимали гораздо внимательнее, – успокаивающе изрекла я.

Я прекрасно относилась к Иэну, но мне по душе были его частые отлучки. В жизни есть моменты, когда третий, что называется, лишний.

Нет в мире ничего лучше пуховой постели и открытого огня. Когда Иэн уходил, мы не утруждались разжиганием лучины, а ложились в постель, окруженные тьмой, обнимались, грея друг друга, болтали до поздней ночи, смеялись, делились историями из прошлого, строили планы на будущее и прерывали разговор лишь для того, чтобы без слов насладиться настоящим.

– Расскажи о Брианне. – Джейми больше всего любил истории о ее детстве. Что она говорила, во что была одета, что делала.

– Я тебе не рассказывала, как меня позвали в школу, чтобы поделиться опытом врача?

– Нет. – Он слегка отодвинулся, устраиваясь поудобнее, повернулся на бок и прижался ко мне. – А что они от тебя хотели?

– В школе устроили день профориентации, и учителя пригласили множество разных специалистов, чтобы те объяснили, чем занимаются. Дети должны таким образом получить представление о работе юриста, или,

например, пожарного...

– Думаю, уж это и так понятно.

– Слушай внимательно! Или ветеринара – это доктор, который лечит животных, или дантиста, специального врача, который лечит только зубы...

– Зубы? Да как их можно вылечить, разве только вырвать?

– Ты не поверишь. – Я откинула волосы назад, убрав пряди с лица. – А вообще они каждый раз просили, чтобы пришла я, потому что в те времена женщина-врач была явлением не слишком-то привычным.

– Думаешь, сейчас это дело привычное? – Джейми расхохотался, и я шутливо пнула его в голень.

– Вообще-то, вскоре так и стало. Но в то время было иначе. А когда я закончила рассказывать и поинтересовалась, не хочет ли кто-нибудь задать вопрос, один мерзкий мальчишка заявил, что, по словам его матери, работающие женщины ничем не лучше проституток, им бы дома сидеть с семьей, а не отнимать работу у мужчин.

– Сомневаюсь, что его мать в жизни видела хоть одну проститутку.

– Да, трудно себе представить... Тогда Брианна встала и сказала очень громко: «Знаешь, очень хорошо, что моя мама – доктор, тебе он скоро понадобится». И стукнула его по голове задачником, а когда он свалился, надела на него и отхлестала по губам.

Я спиной почувствовала, как затряслись у Джейми грудь и живот.

– Какая храбрая девчонка! Надеюсь, учитель ее за это не высек?

– Теперь в школах детей не секут. Ей нужно было написать покаянное письмо маленькому гаденышу, но ему следовало написать такое же мне, и дочь решила, что это по-честному. Самое удивительное другое: позже выяснилось, что отец парня тоже работал врачом, он был одним из моих коллег в больнице.

– И тебе дали работу, на которую рассчитывал он?

– Как ты догадался?

– Хм. – Теплое дыхание Джейми защекотало мне шею. Я обернулась и погладила длинные, покрытые волосами бедра, с наслаждением ощущая под пальцами бугорки мышц.

– Ты сказала, она в университете училась, изучала историю, как Фрэнк Рэндалл. А ей никогда не хотелось стать доктором, как ты? – Крупная ладонь легла мне на задницу и принялась нежно поглаживать.

– Хотела, когда была маленькой. Я иногда брала ее с собой в больницу, и ей жутко нравились инструменты. Она играла с моим стетоскопом и отоскопом – это штука, чтобы заглядывать в уши, – но потом она передумала. С детьми часто так происходит.

– Правда? – Для Джейми это звучало как сказка. Большинство детей того времени просто-напросто перенимали профессию отца или шли в подмастерья к тому, на кого укажут родители.

– Да, правда. Вот смотри... Сначала она хотела стать балериной, как большинство девочек. Это такая танцовщица, которая танцует на цыпочках, – пояснил я, и Джейми удивленно хмыкнул. – Потом ей захотелось водить мусоровоз, потому что наш мусорщик как-то прокатил ее в своем грузовике, а потом аквалангистом, а потом почтальоном, а еще...

– О боже, кто такой аквалангист? А мусорщик?

К тому времени, как я вкратце перечислила популярные профессии из двадцатого века, мы лежали лицом друг к другу, переплетаясь ногами, и я с восхищенным интересом наблюдала, как его сосок твердеет под подушечкой моего большого пальца.

– Я не знаю, в самом деле ей так хотелось изучать историю, или она пошла туда, чтобы порадовать Фрэнка. Она очень его любила. А он ею гордился... – Я на минуту умолкла, пока Джейми гладил меня по спине ладонью. – Брианна стала ходить в университет на занятия по истории, еще когда училась в старших классах... Я же рассказывала тебе про школьную систему? А потом, когда Фрэнк умер... По-моему, она решила продолжать с историей, потому что считала, что он бы этого хотел.

– Верная.

– Да. – Я запустила пальцы в его шевелюру. – Даже не знаю, от кого у нее эта черта.

Джейми коротко вздохнул и притянул меня к себе.

– Не знаешь? – Не дожидаясь ответа, он продолжил: – А не может случиться, что она как-нибудь наткнется на нас? В смысле, вдруг где-то что-то написано?

Честно говоря, такая мысль впервые пришла мне в голову, и несколько минут я лежала задумавшись. Затем я слегка потянулась и положила голову на плечо Джейми, невесело улыбнувшись.

– Вряд ли. По крайней мере, до тех пор, пока мы не сотворим что-нибудь значительное. – Я махнула рукой на стену хижины и необъятную даль, что простиралась за ней. – Боюсь, на это шансов мало. Да и не станет она специально искать.

– Не станет?

Я помолчала немного, вдыхая его терпкий, мускусный аромат.

– Надеюсь, что нет, – в конце концов тихо проронила я. – У Брианны должна быть своя жизнь, не стоит все время оглядываться в прошлое.

Джейми ничего на это не ответил, лишь взял мою руку и положил ее

между нами, вздохнув, когда я попыталась его обнять.

– Ты такая умная, саксоночка, а дальше своего носа не видишь. Или притворяешься из скромности?

– С чего ты решил? – спросила я с легкой досадой.

– Ты сказала, девочка отличается верностью. Она так любила отца, что строит свою жизнь согласно его желаниям даже после того, как тот умер. Считаешь, что тебя она любит меньше?

Я отвернулась. Локоны упали мне на лицо.

– Нет, – наконец прогудела я в подушку.

– Что ж. – Джейми схватил меня за бедра и повернул к себе, медленно надвинувшись на меня сверху. Больше мы не говорили, и расплывчатые границы между нашими телами вовсе пропали. Я поставила ступню ему на лодыжку, чувствуя и гладкость кожи, и плотную волосяную поросль, мозолистую ладонь и нежную плоть, нож и ножны в одно и то же время. Ритм наших движений слился с биением сердца.

Огонь медленно догорал, отбрасывая красно-желтые блики на деревянные стены нашего укромного прибежища. Мы мирно лежали, не заботясь о том, где чьи ноги и руки. Меня клонило в сон, и я почувствовала теплое дыхание Джейми у себя на щеке.

– Она станет искать, – уверенно произнес он.

Двумя днями позднее случилась короткая оттепель, и Джейми, сам несколько утомленный царившей в хижине духотой, решил воспользоваться благосклонностью природы и пойти на охоту. На земле нараставшими островками еще лежал снег, однако таких островков оставалось совсем чуть-чуть; спуститься будет нетрудно, решил он.

Я все же засомневалась в этом, когда позже тем утром сгребала снег в корзину, чтобы получить немного талой воды. Под кустами снег лежал толстым слоем, хотя на открытых участках он и впрямь подтаял. Я надеялась, что Джейми прав, тем более что припасы наши подошли к концу и уже больше недели мы обходились совсем без мяса; капканы, которые расставил Джейми, замело снегом.

Я занесла в дом корзину со снегом и опрокинула содержимое в бак, при этом, как всегда, чувствуя себя колдуньей.

– Пламя, прядай, клокочи! Зелье, преи! Котел, урчи! – забормотала я на манер макбетовских ведьм, глядя, как комочки снега с шипением растворяются в мутной воде.

У меня в хозяйстве имелся огромный бак, доверху наполненный водой, постоянно бурлящей на слабом огне. Она была нужна не только для мытья,

но и для того, чтобы варить все, что нельзя пожарить. Я складывала нарезанное мясо или другие продукты, которые хотела приготовить, в выдолбленную тыкву или в глиняный кувшин, плотно запечатывала горлышко и на веревках спускала в бурлящие глубины котла, время от времени выуживая, чтоб проверить на готовность. Одного котла хватало, чтобы приготовить еду на день, а после оставалась еще и горячая вода для стирки.

Вторую корзину со снегом я перевернула в деревянную лохань и оставила медленно таять – запас питьевой воды на день. Больше никаких срочных дел не было, так что я уселась читать медицинский журнал Дэниэла Роулингса и штопать чулки, блаженно вытянув ноги к огню.

Сперва я не слишком беспокоилась, что Джейми не вернулся. Но в конце концов меня одолела тревога – я всегда волновалась, когда он надолго отлучался, однако старалась скрывать это от самой себя. Тени на снегу постепенно сгущались, а солнце медленно утонуло за горизонтом, и я начала прислушиваться все внимательней.

Я занималась своими делами и в то же время ждала, что вот-вот раздастся звук его шагов и приветственный оклик, готовая сорваться с места и протянуть руку за подстреленной индейкой, которую следовало ощипать, или еще чем съедобным, что нужно бы помыть. Поглядывая на гору, я накормила и напоила мулов и лошадей. Вместе с угасающим дневным светом таяли и мои ожидания, превращаясь в призрачную надежду.

В хижине стало зябко, и я вышла за дровами. Наверное, часа четыре, не больше, подумала я, хотя под кустами черники лежала уже темная холодная тень. Через час сгустятся сумерки, а через два станет темно, хоть глаз выколи.

Поленницу припорошило снегом, верхние бревна отсырели. Я с опаской вытянула несколько бревен из орешника, желая добраться до сухих поленьев, – памятуя, что вполне может попасться змея, скунс или еще какая живность, которая облюбовала сей укромный закуток.

Я вздохнула и пригляделась, а потом в виде последней предосторожности сунула в поленницу длинную палку и потыкала ею внутри. Не почувствовав сопротивления и не услышав шипения либо еще каких подозрительных звуков, я уверенно протянула руку и пошарила среди бревен, пока не нащупала шершавое полено из доброй сосны. Мне хотелось разжечь настоящий большой огонь, ведь после целого дня на охоте в снегу Джейми наверняка насквозь промерз.

Доброе сосновое полено я положу в самое сердце очага, а по краям

устрою три деревяшки поменьше из орешника, который горит медленней. Я положила их сверху, чтобы просушились, тем временем закончила с приготовлением ужина. После, когда мы уляжемся спать, я подброшу в огонь отсыревший орешник, он протлеет до самого утра.

Тени приняли оттенок индиго и утонули в сером зимнем полумраке. Темно-фиолетовое небо было покрыто густыми снежными тучами. Резко похолодало, и пошел снег.

– Где ж тебя носит, – сказала я вслух, – неужели лося подстрелил?

Мой голос прозвучал еле слышно в тяжелом влажном воздухе, но от самой мысли мне стало полегче. Наверное, Джейми и в самом деле к вечеру попалась крупная добыча, и он решил остаться возле туши; разделать крупное животное – дело долгое и сложное, а мяса можно было запросто лишиться, оставив его на милость хищников.

На огне кипело овощное рагу, хижина наполнилась славным ароматом лука и дикого чеснока, но аппетит у меня пропал. Я повесила котел на крючок сбоку от очага – снова подогрею, когда Джейми вернется. Перед глазами мелькнуло какое-то зеленое пятно, и я замерла, чтобы рассмотреть, что там такое. Небольшая ящерка, спасаясь от зимней стужи, проскользнула в стенную щель.

Она была черно-зеленой и блестела, как драгоценный камень. Я схватила ее, чтобы та с испугу не угодила в огонь, и вынесла бедную кроху, которая как полоумная вырывалась из рук, обратно на улицу. Я отнесла ее к поленнице и опустила на землю.

– Смотри! – наказала я. – Вдруг в следующий раз не повезет.

Уже совсем стемнело, но все еще различимы были стволы деревьев, обрамлявшие расчищенную поляну, серо-белые по сравнению с черным и мрачным горным хребтом на заднем плане. С неба срывались мокрые хлопья снега, которые таяли, едва коснувшись голой земли.

Я захлопнула дверь и немного перекусила, не почувствовав вкуса еды, затем бросила в очаг отсыревшие ореховые поленья и легла спать. Должно быть, Джейми встретил охотников из Анна-Уки и заночевал с ними.

Воздух наполнился запахом орешника, над очагом вился белый дымок. Стропы под потолком уже закоптились, хотя мы соорудили очаг всего пару месяцев назад. Из бревна над моей головой до сих пор сочилась смола, на нем выступили золотистые капли, которые блестели, как мед, и сильно пахли скипидаром. При вспышках огня на бревне различимы были засечки от топора, и внезапно перед моими глазами возникло воспоминание: широкая мускулистая спина Джейми в капельках пота, он заносит над головой топор, движения ритмичны, как маятник в часах. Когда

обрушивается удар, лезвие топора сверкает в нескольких дюймах от ноги. Промаяхнуться было легче легкого. Рубя дрова для костра, он вполне мог оттяпать себе руку или ногу. Живое воображение тут же подсунило мне ясную картину: темно-красная артериальная кровь на белом снегу.

Я резко повернулась на бок. Джейми отлично знает, что нужно делать, когда ночуешь под открытым небом. Господи боже ты мой, да он семь лет прожил в пещере!

«В Шотландии», – ехидно шепнула мне память. Где самые опасные хищники – кошки размером с домашнюю. А из людей – английские солдаты.

– Что за вздор! – воскликнула я и повернулась на спину. – Он взрослый человек и вооружен до зубов.

Что же он делал? Я попыталась представить. Нашел или соорудил укрытие. Я вспомнила грубый навес, который Джейми сделал для нас, когда мы впервые заночевали в горах, и немного приободрилась. Если он не поранился, то не замерзнет.

Если не поранился. Если его не ранили. Предположим, сытые медведи бродят полусонными, зато волки зимой не спят, к тому же там водятся дикие кошки; я вспомнила одну, что встретила у ручья, и задрожала в теплой пуховой постели.

В хижине было тепло, а в постели еще теплее, но руки и ноги у меня были ледяными. Я нутром волновалась о Джейми, хотя для этого и не было никаких видимых причин. Остаться вдвоем с Джейми было приключением, блаженством. Остаться без него значило... остаться одной.

За промасленной шкурой, которой было закрыто окно, я снова различила звук падающего снега. Если так пойдет и дальше, к утру следы заметет. А если с ним что-то случилось...

Я отбросила одеяла и встала. Быстро оделась, особо не размышляя о том, что делаю; я и так слишком много думала. Натянула короткую шерстяную юбку, две пары чулок и штаны из оленьей кожи. Слава богу, ботинки не так давно смазали жиром выдры; пусть они пахнут рыбой, зато долго не станут пропускать влагу.

Джейми унес с собой топорик, и мне пришлось расщепить молотком кусок соснового бревна, вставляя в него клин, при этом я проклинала собственную медлительность. Теперь, когда я решилась действовать, даже короткая проволочка невыносимо раздражала. Все же дерево легко поддавалось; у меня получилось пять хороших поленьев. Четыре из них я связала кожаным шнуром, конец пятого опустила в огонь и обожгла со всех сторон, чтобы он заострился.

Затем я повязала на пояс мешочек с лекарствами, проверив, что в нем лежат кремьень и хворост, взвалила на плечи вязанку и фонарь и вышла наружу.

Было не так уж и холодно, как я опасалась, и в движении я согрелась. Вокруг было спокойно, ветер утих, и шепот падающего снега поглотил все привычные ночные шорохи.

Насколько я знала, Джейми собирался пойти проверить ловушки. Старый снег лежал тонким дырявым покровом, но земля была влажной, а Джейми – огромный мужчина; я была уверена, что смогу пойти по его следам, если вдруг на них набреду. А если я набреду на него самого, приютившегося на ночлег, тем лучше. Вдвоем спать гораздо теплее.

Пройдя мимо обнаженных каштанов, что росли вокруг нашей поляны, я повернула в гору. Джейми научил меня запоминать дорогу по крупным и неподвижным приметам. Я взглянула на водопады; издали они казались всего лишь белым пятном. Их шума не было слышно, значит, ветер дул в другую сторону.

– Когда охотишься, нужно, чтобы ветер дул навстречу, ясно? – объяснял Джейми. – Так олень или заяц тебя не учует.

Я поежилась, представив, что будет, если кто-то грозный в темноте меня учует... Факел – вот и все мое оружие. Красноватые отблески огня отражались на корке лежалого снега и на ветках окрестных деревьев, покрытых льдом. Джейми должен заметить меня где-то за четверть мили.

Первый капкан стоял в небольшой ложине, меньше чем в двухстах ярдах в гору от хижины, между елью и тсугой. Я сопровождала Джейми, когда он его ставил, но это было днем; ночью все выглядело странным и незнакомым.

Я старалась светить ближе к земле. Пришлось побродить по ложине взад и вперед, прежде чем я нашла, что искала – большой человеческий след на снежном острове между двумя елями. Чуть погодя я нашла и капкан. Либо ничего не попало, либо Джейми забрал добычу и вернул его на место.

Следы удалялись от хижины вверх и исчезали на небольшой поляне, укрытой мертвой опавшей листвой. И больше ничего – толстый мягкий ковер из листьев не выдавал своих тайн. А это что?.. Да, точно, перевернутый ствол; вот темная сырая борозда в том месте, где он лежал, а вот потертый мох сбоку. Иэн говорил, что белки и бурундуки иногда зимуют в ямках под бревнами.

Постоянно теряя след, кружа и возвращаясь, чтобы отыскать его снова, я медленно шла путем Джейми от одной ловушки к другой. Снег валил все

гуще и быстрее, и в душе росла тревога. Если следы заметет до того, как я его встречу, как же я вернусь в хижину?

Я обернулась. Сзади оставался лишь длинный коварный уклон, покрытый нетронутым снегом. Ни славного аромата дымка, ни искр от нашего дымохода. Водопадов тоже не видно.

– Отлично, – буркнула я себе под нос. – Заблудилась... И что теперь?

Меня кольнул острый приступ страха, и я остановилась, чтобы подумать. Все же я не совсем заблудилась. Я не знала, где нахожусь, но это не одно и то же. Ориентиром была – или могла быть – ловушка Джейми, пока ее не занес снег. А еще я могла встретить его самого, а он точно знал, как добраться до хижины.

Факел почти догорел; жар подбирался к руке. Я вытянула из-под пальто другое полено и подожгла его от первого.

Интересно, я удалялась от хижины или шла кругами? Я знала, что ловушки расставлены по кругу, но не имела понятия, сколько их. Пока я нашла только три, все пустые.

Однако в четвертую все же попалась добыча. В огне факела сверкнули застывшие льдинки на пушистой шкуре большого зайца, растянувшегося под кустом. Я перевернула его и сняла петлю с шеи. Тушка окоченела. Итак, животное угодило в ловушку давно, но где же Джейми?

Я пораскинула мозгами, не обращая внимания на то, что ногам в ботинках становилось все холоднее, а лицо и пальцы совсем онемели. Я разглядела на снегу отпечатки заячьих лап и следы предсмертной агонии. Следов Джейми нигде не было. Что ж, выходит, он здесь не проходил.

У головы кружили легкие облачка пара от моего дыхания. Я чувствовала, как заledenели ноздри – в лесу резко похолодало. Значит, где-то между предыдущей и этой ловушкой Джейми свернул с пути. Где же именно? И куда он пошел?

Я поспешно вернулась назад, чтобы отыскать последний отпечаток его ноги, что мне встретился. Искала я долго, потому что голую прежде землю с тонкой ледяной коркой почти замело снегом. Второй факел почти наполовину сгорел, когда я его нашла. Вот он, почти неприметный след в слякоти у берега ручья. Джейми ступил в грязь и ушел... Куда?

– Джейми! – позвала я. Я крикнула несколько раз и прислушалась, однако услышала только журчание полузамерзшего ручья под ногами.

Позади его не было, впереди тоже, значит, справа или слева?

– Четыре-пять, иду искать, – промолвила я и устремилась вниз по холму, потому что спускаться было легче.

Время от времени я останавливалась, звала и прислушивалась.

Неужели кричат в ответ? Поднялся ветер, и ветки над головой громко заскрипели.

Нога поехала вперед на скользком камне, я не удержалась, упала и покатилась по слякоти под уклон. Заросли леуконоэ замедлили падение, я уцепилась за обледеневшие ветки и смогла остановиться. Сердце колотилось как бешеное.

Под моими ногами оказался каменистый обрыв. Цепляясь за кустарник, я медленно сползла к самому краю и заглянула вниз.

Оказалось, что это не обрыв, а ущелье глубиной не более пяти футов. И сердце забилося у самого горла не от созерцания бездны, а от того, что я разглядела в ложбине среди опавшей листвы.

В переворошенных, разбросанных листьях явственно читались знаки предсмертной борьбы, похожей на ту, что незадолго до того вел мертвый кролик, висевший у меня на поясе. Но там, внизу на земле, бился кто-то крупный... А потом его утянули. Широкая борозда пролегла в ворохе опавших листьев и терялась в темноте.

Безрассудно отпустив опору, я заскользила вниз по склону ущелья по направлению к глубокой борозде, оставленной телом. Я пошла вдоль нее, отодвигая рукой низко нависшие еловые ветки. Борозда вела в обход каменной груды, я брела по ней в неясном свете тлеющего факела, пробираясь сквозь колючие заросли, как вдруг...

Джейми лежал у подножия большого рассеченного валуна, наполовину зарытый в листве, как будто кто-то пытался схоронить его тело. Он не свернулся в клубок, чтобы согреться, а лежал вниз лицом, ровно и неподвижно. Его изрядно засыпало снегом.

Я выронила факел и бросилась вперед, воя от ужаса.

Джейми испустил стон, от которого кровь свернулась в жилах, и вздрогнул. Я отшатнулась, от сердца немного отлегло, но все еще было страшно. Он ранен. Куда и серьезно ли?

— Куда? — требовательно спросила я. — Куда ты ранен? Кровь идет? Что-нибудь сломано?

В панике я выронила факел, который в сырой листве тут же потух. Небо слегка розовело, падающие снежинки бликовали в неясном свете, но разглядеть что-нибудь было непросто.

Джейми был пугающе холодным, даже по сравнению с моими промерзшими руками. Он слабо пошевелился и издал еле слышный стон. Мне послышалось, он бормочет: «Сзади». Стянув с него пальто, чтобы не мешало, я резко потянула рубашку, вытащив ее из штанов.

От этого он застонал громче, и я беспокойно запустила руки под ткань, пытаюсь нащупать рану от пули. Наверное, ему стреляли в спину; крови от раны немного, но прошла пуля навывлет или засела внутри? В голове подспудно зашевелилась мысль о том, кто стрелял и где враг теперь; что, если неподалеку?

Ничего. Я ничего не нашла. Тело было холодным, как кусок мрамора, и покрыто старыми шрамами, но свежих ран нет. Я попыталась снова, на этот раз медленнее, в уме представляя себе его спину. Ощупала все. Раны нет.

Может быть, ниже? На штанах у него темнели пятна, я думала, что грязь. Я просунула руку ему под живот и развязала пояс, затем спустила штаны.

Да, штаны были просто грязными. Ягодицы Джейми, белые, замечательно округлые, без единой царапины мерцали в неярком серебристом свете. Невольно я сжала их.

– Это ты, саксоночка? – сонно спросил он.

– Представь себе, я! А с тобой что стряслось? – возмущенно спросила я, давая выход негодованию. – Ты сказал, что ранен в спину.

– Не говорил. Не мог так сказать, потому что не ранен, – заключил он логически. У Джейми был спокойный и очень сонный голос. – Ветер холодный, прямо в спину дует. Саксоночка, может, обнимешь меня?

Я резко дернула вверх его штаны. Джейми опять застонал.

– Да что с тобой такое, черт побери? – воскликнула я.

Джейми наконец повернул ко мне голову. Движение далось ему с трудом.

– А, да ничего особенного. Просто двигаться трудно.

Я уставилась на него.

– Почему? Ты ногу подвернул? Или сломал?

– Да нет, – протянул он смущенно. – Спину прострелило.

– Что-что?

– Уже было такое, ничего страшного, – заверил меня Джейми. – День-другой поболит и пройдет.

– А ты не думал, что, пока ты будешь лежать здесь день или два, тебя занесет снегом?

– Думал, – вяло парировал Джейми, – но что же тут поделаешь.

Я довольно скоро сообразила, что тоже особо ничем не могу помочь. Джейми весил больше меня на добрых шестьдесят фунтов, так что донести его я не в силах. Дотянуть тоже, особенно по камням и оврагам. Лошадь здесь не пройдет – склон слишком крутой; может, получится привести

мула, если сперва я в темноте отыщу дорогу назад к хижине, а потом вернусь назад в гору, опять в темноте. Между тем, похоже, надвигалась снежная буря. Соорудить сани из веток?

– Возьми себя в руки, – сказала я вслух, вытерла нос рукавом и стала прикидывать, как быть дальше.

Я поглядела вверх – снежинки кружились на ветру у вершины большого камня, у подножия которого мы и приютились, но здесь, внизу, было безветренно, всего лишь несколько снежных хлопьев опустились мне на лицо, пока я стояла, задрав вверх голову.

Волосы и плечи Джейми припорошил снег, снег ложился и на его ноги. Я прикрыла их, потянув за край пальто, затем смахнула снежинки с его лица. По цвету оно почти сравнялось с крупными сырыми хлопьями и совсем окоченело.

Новая тревожная мысль пронзила меня насквозь – он мог замерзнуть насмерть скорее, чем я думала. Глаза были полузакрыты, и Джейми ни капли не дрожал, хотя было очень холодно. Вот это чертовски опасно – он не двигался, следовательно, мышцы не вырабатывали энергию, и тело потихоньку отдавало тепло.

– Проснись! – Я отчаянно затрясла его за плечо.

Он открыл глаза и слабо улыбнулся.

– Вставай! – попросила я. – Надо двигаться!

– Не могу, я же сказал тебе, – очень спокойно ответил Джейми и снова закрыл глаза.

Я изо всех сил ущипнула его за мочку уха, впившись ногтями в чувствительную плоть. Он охнул и затряс головой.

– Проснись! – потребовала я голосом, не терпящим возражений. – Слышишь? Проснись немедленно! Вставай! Давай руку.

Я не стала ждать, когда он послушается, и потянула его за ладонь.

– Все в порядке, – протянул Джейми. – Просто устал, ясно?

– Двигай руками, – велела я. – Давай, вверх и вниз. Ногами хотя бы пошевелить можешь?

Он тяжело вздохнул, словно ему приходилось тянуть самого себя из вязкого болота, и что-то пробормотал по-гэльски себе под нос, однако начал медленно разминать руки. Ему с трудом удалось разогнуть колени; пускай неохотно, но он все же пошевелил стопами.

Хотя Джейми до ужаса смахивал на лягушку, что пыталась научиться летать, мне было не до смеха. Я не знала, насколько реальной была опасность замерзнуть, однако рисковать не хотелось. Я заставляла его двигать конечностями, сопровождая увещевания чувствительными

пинками до тех пор, пока Джейми окончательно не проснулся и не задрожал.

– Давай дальше. – Я с трудом поднялась – тело затекло от долгого лежания на земле рядом с Джейми. – Шевелись, кому говорят! – Я повысила голос, ибо он сразу замедлил движения. – Если прекратишь, встану тебе на спину, честное слово!

Я оглянулась по сторонам несколько замутненным взглядом. По-прежнему шел снег, и округу было видно лишь на нескольких футов. Нужен навес, одного камня мало.

– Тсуга, – пробормотал Джейми. Я опустила на него взгляд, и он махнул головой на рощицу неподалеку. – Возьми топор... Большие... ветки. Шесть футов. Сруби четыре.

Он тяжело дышал; на лице проступил румянец. Джейми перестал двигаться, несмотря на мои угрозы, но стиснул зубы, чтобы они не стучали. Хороший знак. Я нагнулась и снова полезла ему под пальто, желая достать топор, что висел у него на поясе, потом запустила руку под воротник шерстяной рубашки. Тепло! Слава богу, от него еще шло тепло. Грудь, конечно, замерзла, потому что он долго пролежал на земле, но все равно была теплее, чем мои пальцы.

– Точно. – Я вытащила руку и поднялась с топором. – Тсуга. Шестифутовые ветки ты имел в виду?

Джейми кивнул, сотрясаясь от дрожи, и я тут же бросилась к деревьям, на которые он указывал.

В затишье рощи меня окутал хвойный аромат с привкусом смолы и мороза, бодрящий и вселяющий надежду. Большинство деревьев были просто огромными, нижние ветви росли высоко над моей головой, однако тут и там росли деревья пониже. Я тотчас оценила одно из них по достоинству – под его ветвями не было снега, пышные, раскинувшиеся веером ветви стояли на пути у снежинок, совсем как зонт.

Я принялась рубить нижние ветви, терзаемая и желанием поскорее справиться с делом, и осязательным страхом случайно оттяпать себе пару пальцев, ведь руки онемели от холода.

Ствол дерева оказался зеленым и гибким, понадобилась целая вечность, чтобы срубить несколько непокорных ветвей. В конце концов мне удалось добыть четыре хорошие ветки, густо поросшие иголками, которые могли укрыть нас от непогоды. Ветки походили на веер из мягких пуховых перьев, они темнели на фоне только что выпавшего снега; странно было дотронуться до них и ощутить под пальцами твердые колючие иголки.

Я оттащила ветки к камню и обнаружила, что Джейми удалось сгрести

к себе побольше листвы. Теперь он почти скрылся под темно-серой кучей опавших листьев у каменного подножия.

Следуя скупым указаниям, я воткнула ветки под углом в землю, распушив их веером. Вышло нечто наподобие треугольного навеса. Затем я снова взяла топор и нарубила мелких сосновых и кедровых веточек, нарвала несколько охапок сухой травы и уложила это все поверх больших тсуговых ветвей. И наконец, обессиленная, забралась к Джейми под навес.

Я угнездилась между ним и камнем, накрыла нас обоих своим пальто и обвила Джейми руками, тесно прижавшись к нему. Меня трясло. Не от холода, пока нет, но от отчаяния, смешанного с тревогой.

Джейми почувствовал, что я дрожу, и подался назад, чтобы приободрить меня.

– Все будет хорошо, саксоночка. Теперь нас двое, мы справимся.

– Знаю, – ответила я и уткнулась лбом ему в лопатку. – Сколько ты уже здесь? В смысле, на земле лежишь?

Он попытался пожать плечами и тут же застонал.

– Прилично. Где-то в полдень я спрыгнул с камня. Он был высотой всего несколько футов, но я приземлился на одну ногу, и в спине что-то хрустнуло. А потом я очнулся, лежа лицом в земле. Ощущение такое, будто нож в позвоночник всадили.

В нашем убежище было отнюдь не жарко, листья пропитались сыростью, а от камня за моей спиной шел холод, словно от очага, только наоборот. Конечно, снаружи было холоднее. Но я снова начала дрожать – чисто физическая реакция.

Джейми прохрипел:

– Сможешь вытянуть из-под меня пальто, саксоночка? Накройся.

Мне пришлось немного постараться, и Джейми пару раз сдавленно охнул, пытаясь перекатиться с бока на бок, но в конце концов я извлекла пальто и укрыла им нас обоих. Я сползла чуть вниз, осторожно забралась ему под рубашку и положила ладонь на холодную нагую спину.

– Скажи, где болит, – попросила я. Хоть бы он не повредил диск, ради всего святого; страшная мысль о том, что он может навсегда охрометь, молнией сверкнула в сознании. В голову полезли рассуждения о том, как спускать его вниз, даже если впоследствии он хромать не будет. Оставить Джейми здесь и ходить за едой, пока он не поправится?

– Прямо тут, – прошипел Джейми. – Ай, вот тут, да. Проклятый кинжал... а когда двигаюсь, в ногу отдает, словно огонь пробегает.

Я бережно ощупала его обеими руками, заставила по очереди приподнять правую ногу, теперь колено... нет?

– Нет, – заверил Джейми. – Не волнуйся, саксоночка. Со мной уже так было. Пройдет.

– Да ты говорил. А тогда что случилось?

Он коротко вздохнул и подвинулся назад, навстречу моим ладоням, при этом застонав от боли.

– Ох, черт, как больно... В тюрьме.

– Болит в том же месте?

– Ага.

Я нащупала твердый бугорок справа у него на спине, прямо под почкой, и узел в *erector spinae* – мышце, выпрямляющей позвоночник. Судя по рассказу Джейми, у него сильный мышечный спазм. Первые показания при подобном диагнозе – тепло, покой и противовоспалительные таблетки.

Только где ж я их достану в таких условиях...

– Можно попробовать иглоукалывание, – размышляла я вслух. – У меня с собой иголки мистера Уиллоби, и...

– Саксоночка, – сдержанно изрек Джейми, – мне и так больно, холодно и есть хочется; я терплю и не жалуясь. Но чтобы родная жена мне в спину иголками тыкала... Просто обними меня и пожалей.

Я рассмеялась и обняла Джейми, крепко прижавшись к нему. Моя рука сползла вниз по его животу и замерла, остановившись гораздо ниже пупка.

– А что значит пожалеть?

Джейми поспешно схватил меня за руку, избегая дальнейших вторжений.

– Не так, – буркнул он.

– Может, отвлечешься, не так больно будет... – Я соблазнительно погладила его пальцами.

Джейми тотчас затянул потуже пояс.

– Ты считаешь? – сухо спросил он. – Вот что я скажу, саксоночка. Если б мы лежали дома в теплой постели, а изнутри меня грел ужин, твоя идея пришлась бы вполне кстати. А теперь при одной даже мысли... Господи, женщина, ты сама-то хоть знаешь, до чего у тебя руки холодные?

Я прижалась щекой к его спине и засмеялась. Я почувствовала, как клоочет от смеха и у него внутри, хотя рассмеяться в голос ему было больно.

Теперь мы лежали молча, прислушиваясь к шепоту падающего снега. Под тсуговыми ветвями царил полумрак, но мои глаза скоро привыкли к темноте, и сквозь просветы в иголках я наблюдала за таинственным мерцанием снега над головой. Мелкие снежинки пробирались меж иголок, туманясь под навесом белым облачком, и время от времени щеку

покалывало от холода.

Джейми превратился в темный сгорбленный силуэт, но так как глаза постепенно стали видеть в темноте, я различила бледную полосу шеи между воротником рубашки и спутанными волосами. Его кудри, мягкие и прохладные, лежали у моего лица; немного повернув голову, я дотянулась до них губами.

– Как думаешь, который час? – спросила я, потому что сама не имела никакого представления. Я ушла из дома уже после того, как стемнело, и целую вечность блуждала в горах.

– Поздно, – ответил Джейми. – И до рассвета далеко, – добавил он, поняв, о чем я спрашивала на самом деле. – Едва минуло равноденствие, сегодня одна из самых долгих ночей в году.

– Прелестно. – Было ужасно холодно, я все еще не чувствовала пальцев на ногах, но дрожать перестала. Меня охватила пугающая сонливость, тело расслабилось после тяжелой работы и начало остывать. Перед глазами проносились картины – мы оба тихо замерзли, свернувшись в кучу, как дикобразы. Скажут, это была легкая смерть... Тем не менее меня такой исход не привлекал.

Джейми дышал глубже и медленнее.

– Не спи, – сказала я, ущипнув его под мышкой.

– Ай! – Он прижал руку к боку, чтобы унять боль. – Почему?

– Нельзя спать, мы замерзнем.

– Не замерзнем. Идет снег, он нас укроет.

– Я знаю, – сварливо огрызнулась я. – И что с того?

– Снег холодный, если дотронуться, – терпеливо объяснял Джейми. – Но внутри он холод не пускает, ясно? Как одеяло. В доме, который замело снегом, намного теплее, чем если бы он стоял на ветру. Почему медведи не замерзают? Спят всю зиму.

– У них толстая жировая прослойка, – возразила я. – Я думала, им поэтому тепло.

– Ха-ха. – Джейми хохотнул и тяжело подался назад, облапив мои бедра. – Чего ж ты тогда волнуешься?

Испытывая большое облегчение, я потянула вниз воротник его рубашки и лизнула сзади в шею до самого затылка.

– О-оооо. – Джейми весь содрогнулся, стряхнув снег с укрывавших нас ветвей, отпустил мои бедра и потер шею. – Вот зачем ты так жестоко? – пожаловался он. – Я же валяюсь тут беспомощный, как бревно.

– Да ладно, притворщик! – воскликнула я и подвинулась ближе, чувствуя себя уверенней. – То есть насмерть мы не замерзнем?

– Вроде бы не должны, – ответил он. – Хотя ручаться не стал бы.

– Слушай, – нахмурилась я, почувствовав себя куда менее уверенно, – может, тогда еще чуть-чуть не поспим? На всякий случай.

– Больше не буду тебя обнимать, – веско произнес Джейми. – Мы не дома. А если еще раз сунешь свою ледяную лапу мне в штаны, я тебя точно задушу, и плевать, что спина болит.

– Ладно-ладно, – поспешно согласилась я. – Рассказать тебе что-нибудь?

Все горцы любят разные истории, и Джейми не был исключением.

– О, давай! – Его голос звучал куда радостней. – А что за история?

– Рождественская история, – таинственно сообщила я. – Об одном скряге по имени Эбенезер Скрудж.

– Небось англичанин?

– Да. Только, чур, слушать молча.

Когда я говорила, видны были облачка пара, вырывавшиеся у меня изо рта в сумеречной прохладе. Снаружи снегопад набирал силу; умолкая, я слышала, как шуршат снежинки на иглах ветвей тсуги и завывает вдали ветер.

Саму сказку я помнила очень хорошо, она была частью нашей рождественской традиции – Фрэнка, Брианны и моей. Бри исполнилось пять или шесть, и с той поры из года в год за неделю или за две до Рождества начиналась «Рождественская история». Мы с Фрэнком по очереди читали дочери вслух по несколько страниц перед сном.

– «Я Дух Нынешних Святых, – сказал Призрак»... [\[20\]](#)

До смерти я, может, и не замерзну, но на меня нашло странное оцепенение. Ощущение того, что мне невыносимо холодно, исчезло, и я почти не чувствовала тела. Я понимала, что руки-ноги у меня ледяные, а тело почти остыло, однако меня это больше не тревожило. Я мирно плыла в молочно-белом тумане, а слова, подобно снежинкам, порхали вокруг моей головы.

– «Пришла миссис Физзиуиг – сплошная улыбка, самая широкая и добродушная на свете»...

Может, я медленно оттаивала, а может, наоборот, превращалась в ледышку. Мысленно я отдавала себе отчет в том, что накатила слабость, в то же время со мной случился приступ дежавю: однажды меня уже похоронило под снегом, словно в могиле.

Я машинально повествовала о том, как Боб Крэтчит купил тощего гуся. Слова лились сами собой, в то время как в воспоминаниях я сидела на переднем сиденье «Олдсмобиля» 1956 года, лобовое стекло которого

заносило снегом.

Мы ехали на север штата Нью-Йорк в гости к каким-то пожилым родственникам Фрэнка. На полпути внезапно начался снегопад, порывистый ветер швырял густо валивший снег на заледеневшее шоссе. Прежде чем мы поняли, что случилось, машина наполовину оказалась в придорожной канаве, и дворники на лобовом стекле не справлялись с яростной снежной атакой.

Мы ничего не могли поделать, оставалось только дожидаться утра, а вместе с ним и помощи. У нас была корзина с припасами для пикника и несколько старых одеял. Мы посадили Брианну между нами на переднее сиденье, накрылись одеялами и пальто и прихлебывали чуть теплое какао из термоса, обмениваясь шутками, чтобы девочка не боялась.

Позже, когда стало холодней, мы сгрудились ближе друг к другу, и Фрэнк начал по памяти рассказывать «Рождественскую песнь», чтобы отвлечь дочку; если он что-то упускал, на помощь приходила я. Кто-то один не справился бы, но вместе у нас получилось хорошо. К тому времени, как появился злой Дух Будущих Святков, Брианна мирно посапывала под грудой из пальто, прижавшись ко мне теплым, почти невесомым тельцем.

Можно было дальше не рассказывать, однако все же мы закончили. Я запомнила большую теплую руку Фрэнка, лежавшую на моей; он поглаживал мою ладонь, бездумно перебирал пальцы. Ему всегда нравились мои руки.

В машине скопился пар от дыхания, по стеклу побежали капли. Профиль Фрэнка, подобно камее, темнел на белом фоне. Нос и щеки у него остыли, но губы, столь близкие к моим, были теплыми. Он прошептал заключительные слова.

– «Да осенит нас всех Господь Бог своею милостью!» – Я закончила рассказ и замолчала. В сердце впилась острая иголочка горя.

Джейми повернулся и положил ладонь мне на бедро.

– Сунь руки мне под рубашку, саксоночка, – ласково сказал он.

Я протянула одну руку ему на грудь, а второй обняла и погладила по спине. Старые шрамы от плетей на ощупь были словно канаты.

Он накрыл мою ладонь своей, крепко прижав к груди. Джейми был очень теплым, и сердце его билось размеренно и спокойно под моими пальцами.

– Спи, *nighean donn*^[21], – сказал он, – я не дам тебе замерзнуть.

Я внезапно очнулась от дремоты, которую нагнал холод, потому что по моему бедру поползла рука Джейми.

– Тихо, – прошептал он.

В нашем укрытии все еще было темно, но иначе. Наступило утро, нас укутало плотным снежным одеялом, которое не пропускало дневной свет, однако сумрак, или, другими словами, плотность ночной тьмы, рассеялась.

Рассеялась и тишина. Снаружи доносились приглушенные звуки. Я услышала то же, что и Джейми – отдаленное эхо голосов.

– Тихо, – снова шепнул Джейми и сильнее сжал мою ногу.

Голоса приближались. Почти можно было разобрать слова. Почти. Я прислушалась, но не смогла понять ни слова. Тогда я поняла, что язык мне незнаком.

Индейцы. Впрочем, говорили они не на языке тускарора; интонации были похожими, но ритм отличался. Я откинула волосы со лба, раздираемая противоречивыми чувствами.

С одной стороны, нам требовалась помощь – судя по голосам, там было несколько мужчин, которые могли донести Джейми. С другой стороны – стоит ли привлекать внимание незнакомых индейцев? Они ведь вполне могут оказаться разбойниками.

Джейми приподнялся на локте и вынул из ножен охотничий нож, зажав его в правой руке.

Снежный ком сорвался с ветки нашего укрытия и плюхнулся прямо мне на голову; я невольно вздрогнула. От моего движения снег сверкающим каскадом посыпался сильнее, припорошив волосы и плечи Джейми тонким слоем пудры.

Сошедший снег обнажил сложенные веером ветки, в просветы между иголок тсуги можно было разглядеть, что происходит снаружи. Я осторожно выглянула из-за плеча Джейми.

В шаге от нас гора шла немного под уклон; рощица, где я вчера нарубила веток, росла на несколько футов ниже. Снегопад закончился, восходящее солнце озаряло черные деревья красно-желтыми лучами. Индейцы зашли в рощу с другой стороны, теперь их было ясно слышно. Судя по голосам, они о чем-то спорили. От внезапной догадки по рукам у меня побежали мурашки: проходя через рощу, индейцы могли обнаружить срубленные тсуговые ветки. Я ведь действовала не то чтобы аккуратно, там наверняка остались иголки и обломки коры. Достаточно ли снега выпало, чтобы скрыть следы моей ужасающей небрежности?

За деревьями что-то мелькнуло, потом еще и еще, и вот из рощи вынырнули индейцы, грозные, словно обнажившиеся драконьи зубы.

Они были одеты по-зимнему, в кожу и мех. Некоторые надели плащи или шерстяные накидки, из-под которых торчали ноги в узких кожаных штанах и ботинках из мягкой кожи. Все несли одеяла и какую-то снедь, на

головах были меховые шапки, у большинства за плечами болтались снегоступы.

Индейцы были вооружены. Я насчитала несколько мушкетов, кроме того, у каждого на поясе висел томагавк. Шесть, семь, восемь... пересчитывала я про себя, пока они шли из рощи гуськом, ступая след в след. Один из последних крикнул что-то со смехом, возглавляющий колонну ответил, но его ответ унес порыв ветра.

Я глубоко вдохнула, ощутив запах Джейми – к привычному мускусному аромату, которое всегда хранило после сна его тело, примешивался острый запах свежего пота. Я тоже покрылась потом, несмотря на холод. Интересно, у них есть собаки, которые могут нас учуять даже под завалом еловых и тсуговых ветвей?

Затем я сообразила, что ветер в нашу сторону, потому что до нас доносились голоса. Нет, даже собаки не смогут нас учуять. А вдруг индейцы разглядят ветки, которыми мы загородили наше логово? Только я это подумала, как целый пласт снега скользнул вниз и упал снаружи с едва слышным шорохом.

Джейми резко втянул в себя воздух, а я приникла к его плечу. Замыкающий колонну уже вышел из рощи. Он приложил руку ко лбу, защищая глаза от блестящего на солнце снега, и внимательно осмотрелся.

Это был иезуит. Поверх облачения на нем была надета накидка с капюшоном из медвежьей шкуры, кожаные штаны и мокасины, но под накидкой виднелись черные одежды, подоткнутые под пояс, чтобы удобнее было идти по снегу, и плоская черная шляпа с широкими полями, какие носят священники; он придерживал ее одной рукой, чтобы не унесло ветром. Когда он повернулся, выяснилось, что у него светлая борода и настолько бледная кожа, что даже на таком расстоянии видно было, как покраснели нос и щеки от мороза.

– Давай их окликнем, – прошептала я, склоняясь как можно ближе к уху Джейми. – Скорее всего, они христиане, раз с ними священник. Они нас не тронут.

Джейми медленно покачал головой, не отрывая взгляда от цепочки, постепенно скрывавшейся из виду за заснеженным перевалом.

– Нет. Может, они и христиане...

Он снова покачал головой, на этот раз более решительно.

– Нет.

Спорить было бессмысленно. Я закатила глаза, испытывая одновременно разочарование и смирение.

– Как спина?

Джейми осторожно потянулся и тут же замер, издав сдавленный стон, словно ему в спину воткнули вертел.

– Видать, не очень? – поддела я, скрыв сочувствие за насмешкой.

Он смерил меня недобрым взглядом, затем вновь медленно зарылся в постель из груды опавших листьев и с легким вздохом закрыл глаза.

– Наверняка ты измыслил какой-то прекрасный способ спуститься вниз, – вежливо предположила я.

Джейми приоткрыл один глаз.

– Нет, – ответил он и глаз закрыл. Грудь под охотничьей рубашкой поднялась и опустилась – на вид сама безмятежность.

День был холодный, но ясный. Солнце лучистыми пальцами забралось под навес нашего убежища, отчего крошечные островки снега вокруг искрились словно сахарные. Я сгребла один из них в ладонь и осторожно стала сыпать Джейми на загривок, просеивая сквозь пальцы.

Он с присвистом выдохнул, крепко сжав зубы, распахнул глаза и холодно взглянул на меня.

– Вообще-то я думаю.

– Ох, прости. – Я вытянулась рядом с ним, укутав нас в пальто. В щели стал задувать ветер, и я поняла, что Джейми прав: снег защищает как одеяло. Только вот сегодня, похоже, никакого снега не дождешься.

И на еду рассчитывать не приходилось. Время от времени мой желудок заявлял ноту протеста, а в животе у Джейми началась настоящая забастовка.

– Тихо там, – с упреком сказал он на гэльском и метнул взгляд вверх. Затем вздохнул и посмотрел в мою сторону. – Ладно. Подождем, пусть дикари отойдут подальше. А потом ты сходишь в хижину...

– Я не знаю, где она.

Джейми рассерженно прицокнул языком.

– Как же ты меня нашла?

– Выследила, – заявила я не без гордости. Сквозь иголки я глядела на выюжную пустыню вокруг. – Только вернуться обратно вряд ли получится.

– Ага. – Казалось, Джейми впечатлен. – А ты смышленная, саксоночка. Ладно, не волнуйся, я тебе расскажу, как идти.

– Хорошо. А потом что?

Джейми дернул одним плечом. Ему на грудь намело немного снега, теперь он растаял, и рубашка слегка намокла, а в шейной ямке скопилось небольшое озерцо чистой воды.

– Принесешь мне что-нибудь поесть и одеяло. Через несколько дней я буду на ногах.

– Что? А тебя здесь оставить? – В свою очередь я гневно уставилась на него.

– Ничего со мной не случится.

– Тебя волки сожрут.

– Вряд ли, – невозмутимо проронил он. – Скорее всего, они заняты лосем.

– Каким еще лосем?

Джейми кивнул в сторону рощи.

– Я там вчера подстрелил одного. Попал в шею, но только ранил. Я шел за ним, когда сорвал спину. – Он поскреб медно-серебристую щетину на подбородке. – Вряд ли зверь ушел далеко. Наверное, снег замел тушу, иначе наши маленькие друзья заметили бы его, они ведь шли с той стороны.

– Значит, ты подстрелил лося, на которого волки слетятся, словно мухи, и хочешь остаться здесь, на холоде, и подождать их? Сдается мне, к тому времени, как они снова проголодаются и захотят отведать еще одно блюдо, ты настолько окоченеешь, что не заметишь даже, как твою ногу начнут обгладывать.

– Не кричи так, – сказал Джейми, – дикари еще близко.

Я набрала воздуха в легкие, собираясь привести еще кучу доводов, но Джейми остановил меня, ласково погладив по щеке.

– Клэр, – нежно сказал он, – ты не сможешь меня донести. Что еще остается?

Я сделала над собой усилие, чтобы голос не дрожал.

– Я останусь с тобой. Я принесу одеяла и еду, но одного тебя тут не оставлю. Наберу дров, сможем развести костер.

– Не надо, сам справлюсь, – возразил Джейми.

– А я не справлюсь, – проронила я, сжав зубы. Я слишком хорошо помнила, каково это – час за часом ждать одной в хижине. Конечно, несколько дней морозить зад на снегу – тоже не слишком приятная перспектива, но лучше, чем первый вариант.

Джейми понял меня и улыбнулся.

– Тогда ладно. Захвати еще виски, если осталось.

– Полбутылки, – ответила я куда радостней. – Захватчу.

Джейми обнял меня и уложил к себе на плечо. Несмотря на пронизывающий ветер снаружи, под двумя пальто нам было тепло и довольно уютно. Кожа Джейми пахла чем-то солоноватым; я не удержалась и прижалась губами ко впадинке на его шее.

– Ах. – Джейми вздрогнул. – Не делай так.

– Тебе не нравится?

– Конечно, не нравится! Как мне может нравиться, если у меня мурашки по коже ползут!

– Зато мне нравится, – ответила я.

Джейми с интересом взглянул на меня.

– Так тебе нравится?

– Еще бы, – заверила я, – обожаю, когда ты грызешь мою шею.

Джейми приподнялся, осторожно потянул меня за ухо, заставив наклонить голову и повернуть ее набок. Медленно провел языком вниз по шее, а затем ухватил меня зубами.

Я охнула и задрожала.

Он отпустил ухо и воззрился на меня в изумлении.

– Черт возьми, да тебе и вправду нравится: вон, даже мурашки побежали, и соски твердые, как незрелые вишни!

Он нежно провел рукой по моей груди. Я не стала натягивать самодельный бюстгальтер, когда спонтанно решила отправиться в путь.

– А я говорила, – вымолвила я, слегка покраснев. – Наверное, кого-нибудь из прабабушек укусил вампир.

– Кто-кто? – Джейми непонимающе смотрел на меня.

У нас было полно времени, поэтому я вкратце набросала ему историю о временах графа Дракулы. Джейми казался напуганным и ошарашенным, однако его рука коварно забралась мне под рубашку из оленьей шкуры, а теперь направлялась под шерстяную юбку. Пальцы у него были прохладными, но я не возражала.

– Некоторые находят эту историю весьма эротичной, – я закончила свой рассказ.

– Самое отвратительное из всего, что я когда-нибудь слышал.

– А мне все равно. – Я вытянулась во весь рост и откинула голову, подставив шею. – Главное – делай так почаще.

Джейми что-то буркнул себе под нос по-гэльски, но наклонился ко мне.

Губы у него были теплыми и мягкими. Я охнула и задрожала, когда он нежно прихватил зубами мочку уха.

– Ну ладно, если так... – Схватив мою руку, Джейми прижал ее к бугру у себя между ног.

– Превосходно, – ответила я. – Только кто-то говорил, что холодно...

– Скоро согреемся. Поможешь их снять, хорошо?

Штаны были тесными и плотно сидели, к тому же приходилось следить, чтобы не распахнулись одеяла и мороз не прихватил нас за

нежные места, но в итоге мы управились довольно сносно.

Пока мы предавались прекрасным занятиям, меня вдруг охватило неприятное чувство, будто за мной наблюдают. Я приподнялась на руках и вгляделась через ветки. Возле рощи никого не было, и снег вокруг лежал нетронутый.

Джейми издал слабый стон.

– Продолжай, – заурчал он с полужакрытыми глазами, – что там такое?

– Послышалось, наверное, – ответила я и снова приникла к его груди.

И тут мне точно не послышалось – над моей головой раздался смех, негромкий, но вполне определенный.

Я откатилась, запутавшись в пальто и сброшенных рубашках, а Джейми с проклятьями потянулся за пистолетом и выскочил из нашего убежища с оружием наперевес.

Сверху, с вершины утеса, свесилось несколько ухмыляющихся физиономий: Иэн и четверо индейцев из Анна-Уки. Индейцы болтали и посмеивались между собой, словно обнаружили нечто чрезвычайно забавное.

Джейми опустил пистолет и сердито посмотрел на племянника, задрал голову вверх.

– Каким чертом тебя сюда занесло?

– А что? Вообще-то я шел домой, чтобы встретить с вами Рождество, дядя! – ответил Иэн, ухмыляясь во весь рот.

Джейми с откровенным неудовольствием взирал на племянника.

– Рождество! – буркнул он. – Вот плутишка!

Лосиная туша за ночь замерзла. Заметив намерзшие льдинки в остекленевших глазах, я вздрогнула – не от близкого созерцания смерти, напротив, зрелище было прекрасным: крупное, сильное тело лежало неподвижной темной массой, припорошенное белым снегом, – а от мысли, что, если бы я не послушала внутренний голос и не отправилась ночью на поиски, скупой на краски натюрморт перед моим взором назывался бы «Мертвый шотландец в снегу» вместо «Индейцы ссорятся над замерзшей лосиной тушей».

Спор разрешился к удовольствию обеих сторон; Иэн сообщил, что индейцы вернутся в Анна-Уку, но сперва проводят нас до хижины в благодарность за то, что мы отписали им часть туши.

Туша промерзла не до конца; ее выпотрошили, и остывающие кишки остались лежать на снегу серо-голубыми кольцами в темных пятнах крови. Лосю отрубили голову, затем двое мужчин подвесили тушу на толстую

палку, подвязав за ноги. Джейми смотрел на индейцев тяжелым взглядом, очевидно, подозревая, что с ним планируют обойтись тем же манером, но Иэн заверил, что для него соорудят обычную волокушу. Охотники шли пешком, однако у них имелся крепкий мул, на котором везли шкуры животных, которых они успели поймать.

Распогодилось, снег потихоньку сходил, обнажая землю, морозный воздух по-прежнему кусал за щеки, но небо сияло голубизной, а лес источал манящий хвойный запах.

Аромат тсуговой рощи, мимо которой мы шли, напомнил мне о том, как началась вся авантюра, и о таинственном отряде, который мы с Джейми случайно заметили.

– Иэн, – позвала я. – Как раз перед тем, как вы с товарищами набрели на нас у подножия горы, мы видели отряд индейцев, а с ними священника-иезуита. Вряд ли они из Анна-Уки. Ты случайно не знаешь, кто это может быть?

– Конечно, тетя! Я понял, о ком ты. – Иэн утер покрасневший нос варежкой. – Мы как раз за ними следили, когда нашли вас.

Странные индейцы оказались могавками и пришли с севера. Лет пятьдесят тому назад Лига ирокезов приняла под крыло племя тускарора, и с тех пор у них завязались тесные отношения с племенем могавков. Они навещали друг друга как с официальными, так и с дружескими визитами.

Нынешний визит являлся и дружеским, и официальным – молодые индейцы прибыли затем, чтобы найти себе жен. В их деревне не доставало молодых женщин, поэтому они решили отправиться на юг и поискать себе подходящую партию среди девушек тускарора.

– Загвоздка в том, что женщина должна быть из правильного клана, – объяснял Иэн, – Если она родом из другого клана, на ней нельзя жениться.

– Как Макдональды и Кэмпбеллы? – заинтересовавшись, встрял Джейми.

– Вроде того, – ухмыльнулся Иэн. – Именно за этим они и позвали священника, – чтобы он тут же обвенчал пару, если найдется подходящая женщина, тогда парням не пришлось бы мерзнуть по ночам всю обратную дорогу.

– Так они христиане?

Иэн пожал плечами:

– Среди них одно время жили иезуиты, они обратили большую часть гуронов, а могавков обратили мало.

– Значит, они шли в Анна-Уку? – с любопытством спросила я. – Зачем же вы следили за ними, ты и твои друзья?

Иэн фыркнул и поплотнее укутал шею в беличью шкурку.

– Может, они и друзья, тетя, но это не значит, что Накогнавето и его воины им доверяют. Другие племена из Лиги тоже опасаются могавков, без разницы, христиане они или нет.

Близился рассвет, на горизонте показалась хижина. Я замерзла и устала, однако при виде крошечного домика мое сердце радостно дрогнуло. Светло-серый мул по имени Кларенс завидел нас из стойла и радостно приветствовал залиvistым ржаньем.

– Вроде бы ничего. – Джейми первым делом окинул животных опытным взглядом скотовода. Меня же больше беспокоили мы сами: надо согреться и поесть.

Мы пригласили приятелей Иэна зайти в дом, но они отказались, оставили Джейми во дворе и тут же испарились – отправились следить за уходящими могавками.

– Не захотели заходить в дом белого, тетя, – пояснил Иэн. – Им кажется, там воняет.

– Ах, вот как! – возмутилась я, вспомнив одного пожилого джентльмена из Анна-Уки, который, по всей вероятности, намазался медвежьим жиром, а потом натянул зимнюю одежду. Чья бы корова мычала, вот что я скажу.

Много позже, отпраздновав Рождество порцией-другой виски, мы наконец улеглись в родную постель, наблюдая за пламенем вновь разведенного огня и прислушиваясь к мирному похрапыванию Иэна.

– Как хорошо дома, – прошептала я.

– Точно, – подтвердил Джейми со вздохом и подвинул меня ближе. – Пока я спал там, на холоде, мне все время снилось что-то странное.

– Правда? – Я вытянулась во весь рост, наслаждаясь мягкостью пуховой перины. – И что же?

– Всякое. – Его голос звучал немного застенчиво. – Мне приснилась Брианна.

– Надо же! – Я удивилась, потому что тоже видела ее во сне, пока мы дремали в нашем ледяном убежище, а такое случалось со мной редко.

– Я вот думаю... – Джейми чуть помедлил. – У нее есть родимое пятно? И если есть, то ты мне про него говорила?

– Пятно есть, – протянула я. – Тебе, кажется, не говорила. Оно в таком неприметном месте, я сама его заметила только спустя несколько лет. У нее...

Рука, гладившая меня по плечу, замерла.

– За левым ухом маленькое коричневое пятнышко в форме алмаза, – сказал Джейми, – так?

– Точно. – В постели было тепло и уютно, но у меня по спине пробежал холодок. – Ты видел его во сне?

– Я поцеловал ее туда, – сказал он с нежностью.

Глава 22

Вспышка древнего огня

Оксфорд, сентябрь 1970-го

– Господи Иисусе! – Роджер всматривался в страницу, лежавшую перед ним, до тех пор, пока буквы не начали расплываться, превратившись в бессмысленные загогулины. Но эти фокусы не могли изменить смысл фраз, который уже отпечатался в мозгу. – Боже мой! Только не это!

Девушка за соседним столом раздраженно передернула плечами, и ножки стула скрипнули по полу.

Роджер склонился над книгой, заслонив текст руками, и закрыл глаза. Он чувствовал себя больным и разбитым, ладони стали мокрыми и холодными.

Так он просидел несколько минут, не в силах смириться с правдой. Увы, она никуда не денется... Боже, все это уже случилось. Много лет назад. Прошлое не изменить.

Роджер сглотнул, в горле горчило. Он снова посмотрел на строчки. Все по-прежнему. Небольшая заметка из газеты, датированной 13 февраля 1776 года из американской колонии в Северной Каролине, город Уилмингтон:

«С прискорбием сообщаем, что Джеймс Маккензи Фрейзер и его супруга Клэр Фрейзер погибли при пожаре в собственном доме во Фрейзер-Ридж в ночь на 21 января. Мистер Фрейзер, приходившийся племянником покойному Гектору Кэмерону из поместья «Горная река», был рожден в Шотландии, в Брех-Туарахе. Мистера Фрейзера хорошо знали в колонии и относились к нему с глубочайшим почтением. Мистер Фрейзер не оставил после себя наследников».

Оставил.

На мгновение у Роджера мелькнула надежда, что это не они; Джеймс Фрейзер – довольно распространенное имя. Но, конечно, не Джеймс Маккензи Фрейзер с супругой по имени Клэр. И не рожденный в Брех-Туарахе в Шотландии.

Нет, это точно они. Роджер застонал от горя. Его глаза увлажнились, и затайливый шрифт восемнадцатого века вновь поплыл.

Значит, Клэр все же нашла его. Нашла своего отважного горца и провела с ним по меньшей мере несколько лет. Хорошо бы, счастливых.

Роджер испытывал искреннюю симпатию к Клэр Рэндалл. Более того. Он всем сердцем хотел, чтобы Клэр нашла Джейми Фрейзера и жила с ним долго и счастливо. Знание – точнее, всего лишь надежда, – что ей это удалось, грела его сердце как доказательство того, что вечная любовь существует: любовь, способная перенести разлуку и невзгоды, любовь, которая сильнее времени. Однако плоть бrenна, и никакая любовь не в силах преодолеть сей факт.

Роджер схватился за угол стола, пытаясь взять себя в руки. На душе было так же тяжело, как после смерти его преподобия, он будто заново осиротел.

И тут новая мысль пронзила сознание. Нельзя, чтобы Брианна увидела заметку, ни в коем случае. Конечно, она понимала, что всякое может случиться, но... Нет. Такого она даже вообразить не могла.

Он сам наткнулся на эту газету по чистой случайности. Искал слова старых баллад, чтобы разнообразить свой репертуар, и перебирал песенники. На иллюстрации к тексту был снимок с газеты, в которой его впервые опубликовали, и тут взгляд Роджера, лениво скользящий по строчкам, набранным витиеватым старинным шрифтом, зацепился за фамилию Фрейзер.

Первый шок прошел, но горе прочно угнездилося где-то в желудке и разъедало, точно язва. Роджер был ученым и сыном ученого; он вырос в окружении книг, в нем с детства жил священный трепет по отношению к печатному слову. Чувствуя себя преступником, он достал перочинный нож и вытащил лезвие, настороженно оглядываясь по сторонам. Шестое чувство подсказывало, что следует исключить всякую случайность: скрыть тела, уничтожить все следы.

Роджер вышел из библиотеки на дождливые улицы Оксфорда. Карман жгли скомканные страницы. Прогулка успокоила его, он вновь обрел способность мыслить логически. Надо разработать план, как защитить Брианну от горя, которое, конечно, было бы гораздо глубже и серьезнее, чем его собственное.

Роджер проверил выходные данные на первой странице – выпущена в 1906 году небольшим британским издательством, тираж небольшой, и все же Брианна в поисках могла на нее наткнуться. Вряд ли она станет специально искать книгу, которая называется «Песни и баллады восемнадцатого века», но Роджер прекрасно понимал, куда могут завести исторические расследования.

Какой-то прохожий случайно толкнул его, и он вдруг обнаружил, что уже несколько минут стоит на мосту, облокотившись на перила, и бездумно

следит за дождевыми каплями, кругами расходящимися по воде. Роджер медленно побрел по улице, рассеянно скользя взглядом по магазинным витринам и раскрытым зонтикам.

Нельзя гарантировать, что Брианна не наткнется случайно на какой-нибудь из экземпляров книги. Может, сохранился всего один, а может, сотни, которые разложены по библиотекам Соединенных Штатов, словно бомбы замедленного действия.

Кишки выкручивало все сильнее. Роджер насквозь промок и продрог, но внутри стало куда холоднее, когда он подумал о том, как поступит Брианна, если вдруг узнает.

Сперва она будет раздавлена горем. А потом? Лично он был уверен, что прошлое изменить нельзя, и то, что рассказывала Клэр, только подкрепляло эту уверенность. Они с Джейми Фрейзером безуспешно пытались предотвратить жестокую резню при Каллодене. Чтобы спасти Фрэнка, будущего мужа, Клэр хотела уберечь его предка Джека Рэндалла, однако все попытки оказались тщетными. Выяснилось лишь, что Джек на самом деле не был прямым предком Фрэнка, он женился на юной возлюбленной брата, к тому времени беременной, когда брат погиб.

Нет, прошлое может укладываться кольцами, подобно змее; изменить его никто не в силах. Но Роджер сомневался, что Брианна разделит его убеждения.

Если бы только не было этих камней у Крейг-на-Дун и опасного искушения призрачной надеждой все изменить.

Клэр прошла через камни почти два года назад, когда жгли костры на Самайн, кельтский новый год, что празднуется в первый день ноября.

Когда Роджер думал об этом, на затылке начинали шевелиться волосы. Погожее осеннее утро на рассвете Дня Всех Святых, ничто не нарушало покой зеленой лужайки, которую оцепили строгие камни... Ничто, только Клэр прикоснулась к одному из камней – и исчезла в прошлом.

Казалось, земля разверзлась у Роджера под ногами, в ушах раздался рев ветра. Он ослеп от вспышки яркого света и мгновенно наступившей темноты. Инстинктивно он крепко сжал ладонь Брианны, несмотря на то что все чувства отказали. Его словно бросили в глубины ледяной воды. Голова кружилась, он буквально остолбенел, не ощущая ничего, кроме страха. Стоял ослепший и оглохший, утративший разум и чувства, а в голове вертелись две мысли. «Я умираю», – очень спокойно подумал он. И вторая мысль: «Не отпускай».

Лучи восходящего солнца осветили широкую расщелину в камне, и Клэр туда вошла. Когда Роджер наконец смог пошевелиться и поднял

голову, солнце находилось в зените и озаряло все вокруг золотисторозовыми лучами, а тот самый камень казался совсем черным на фоне ясного неба.

Он накрыл Брианну своим телом. Она была без сознания, лицо в обрамлении рыжих волос отчаянно побледнело. Роджер жутко ослаб и не донес бы ее на руках до машины, что стояла у подножия холма; к тому же ростом Брианна пошла в отца – добрых шесть футов, лишь чуть ниже, чем сам Роджер.

Он склонился над ней, положил ее голову к себе на колени, дрожа, гладил по лицу, и так, пока солнце не село. Тогда Брианна открыла глаза, такие же темно-синие, как сумеречное небо, и спросила:

– Она ушла?

– Все в порядке, – прошептал Роджер, наклонился и поцеловал ее в прохладный лоб. – Все хорошо, я с тобой.

Он действительно хотел помогать и заботиться. Но как это сделать теперь?

К тому времени, как Роджер вернулся в общежитие, на улице стемнело. В столовой гремела посуда, пахло запахом ветчины и печеной фасоли, однако не ужин занимал его мысли.

В хлюпающих ботинках он добрался до комнаты, стянул с себя мокрую одежду и бросил на пол. Потом вытерся насухо, обнаженный, сел на кровать, забыв про полотенце в руке, и уставился на крышку стола, где стояла деревянная шкатулка с письмами от Брианны.

Он сделает все, чтобы оградить ее от горя. Он бы сделал больше, лишь бы миновала угроза, исходящая от каменного круга.

Клэр вернулась, как он надеялся, из 1968-го в 1766-й. А в 1776-м погибла. Теперь шел 1970-й. Человек, который сейчас отправится в прошлое, попадет, скорее всего, в 1768-й. Время еще оставалось. Черт возьми, в этом-то и загвоздка. Еще оставалось время.

Даже если Брианна согласится с Роджером, что прошлое неизменно, как ей жить все семь лет, понимая, что с каждым днем ускользает возможность узнать отца и в последний раз повидаться с матерью? Что ей делать?

Роджер знаком с Брианной несколько лет, и вот уже два года как они вместе. Конечно, они неплохо узнали друг друга. А как же иначе, ведь им довелось пережить такое!.. Еще были письма – дюжины писем, по два, три, четыре в неделю, были короткие отпуска, которые они проводили вместе, разрываясь между счастьем и отчаянием, а остальное время он безнадежно

тосковал по ней.

За спокойствием Брианны скрывалась сила, которая не позволит предаваться горю и сидеть на месте без попытки что-либо изменить. Если уж Брианна на что-то решалась, то неизменно воплощала решение в жизнь. Если она отважится на переход, ее не удержать.

В уме формировался план...

Роджер встал и обернул полотенце вокруг бедер.

Одним письмом делу не поможешь. Тут нужно действовать постепенно, убеждая и разъясняя, что надежды, в общем-то, мало. Это не сложно; за целый год поисков в Шотландии Роджер нашел лишь краткое упоминание о том, что в Эдинбурге сгорела типография Фрейзера. Теперь, конечно, ясно почему; наверное, вскоре после этого они уехали в Америку, хотя их имен в списках пассажиров того времени не оказалось.

Надо предложить Брианне отказаться от поисков. Пусть прошлое останется в прошлом. Продолжать розыски перед лицом очевидных фактов – глупость, путь к сумасшествию. Он мягко убедит ее в том, что постоянно копаться в прошлом – ненормально, сейчас время смотреть в будущее, а не растрачивать жизнь в бесплодных попытках что-либо разыскать. Ее родители тоже были бы против.

Неужели утаить ужасную правду – значит солгать? Что ж, если так, он солжет. Поступать дурно – грех, это он усвоил еще в детстве. Но ради Брианны он готов рискнуть бессмертной душой.

Роджер полез в ящик в поисках ручки. Затем помедлил и опустил руку в карман мокрых джинсов. Страницы книги промокли и отсырели; не колеблясь, он разорвал их на мелкие клочки, не обращая внимания на холодный пот, стекающий со лба.

Глава 23

Череп под кожей

Я сказала Джейми, что ничуть не возражаю, если мы поселимся вдали от больших городов. Врачу все равно, где жить. Есть люди – есть работа.

Дункан сдержал слово; весной 1768-го он вернулся в сопровождении восьмерых бывших узников Ардсмур и их семей, готовых к обустройству на земле Фрейзер-Риджа. Так в округе оказалось порядка тридцати человек. Мне то и дело приходилось обрабатывать раны, снимать жар, вскрывать загноившиеся нарывы и резать воспалившиеся десны. Среди женщин две были беременны, и ранней весной я помогла произвести на свет двух здоровых младенцев – мальчика и девочку.

Слава обо мне как о лекаре – если можно так выразиться – пошла далеко за пределы нашего крошечного поселения, мне приходилось отправляться на помощь все дальше и дальше, чтобы лечить людей на уединенных фермах, разбросанных тут и там в лесистой горной местности. Кроме того, я изредка ездила с Иэном в Анна-Уку, чтобы повидать Найавенну, и возвращалась всегда с полной корзиной целебных трав.

Сперва Джейми настаивал, чтобы он или Иэн обязательно сопровождали меня в поездках, однако вскоре стало ясно, что они больше нужны на месте: пришла пора рыхлить и боронить землю, сеять маис и ячмень. Хватало и повседневных хлопот по хозяйству. У нас были лошади и мулы, мы приобрели цыплят, а также черного хряка для компании нашей свинье, который смотрелся истинным дамским угодником, а еще – вот уж истинное роскошество – молочную козу. Всех нужно было кормить и поить, следить, чтобы они не передрались, охранять от медведей и диких кошек, и я все чаще пускалась в путь самостоятельно.

В один прекрасный день на пороге возник незнакомец и спросил доктора или акушерку. В журнал Дэниэла Роулингса давно пора было записать что-нибудь новенькое. К тому времени наша кладовая ломилась от ветчины, оленины, мешков с зерном и связок сушеных яблок, которые пациенты дарили мне в благодарность за лечение. Я никогда не просила об оплате, но, так как мы были бедны, с удовольствием принимала все, что мне посчитали нужным отдать.

Пациентов хватало: немцы-лютеране, квакеры, чистые шотландцы, люди шотландско-ирландского происхождения и целое поселение моравских братьев в Салеме, которые изъяснялись на странном наречии, –

полагаю, на чешском. Несмотря ни на что, обычно я справлялась; иногда находился переводчик, в худшем случае изъяснялись на языке жестов. А вообще вопрос «где болит?» понятен на любом языке.

Август 1768-го

Я продрогла до костей. Пальто билось за спиной, как парус, то и дело задевая парнишку, который шел рядом, а меня сносило с курса, словно корабль в ураган. Дождь молотил по телу тысячью ледяных иголок. Я промокла насквозь задолго до того, как мы добрались до ручья Мюллера.

Ручей бурлил, как сама жизнь. В кипящем потоке мелькали вырванные с корнем юные деревца.

Съезжившись и натянув фетровую шляпу на самые брови, Томми Мюллер смотрел на ручей. В каждом изгибе его фигуры читалось сомнение. Я наклонилась поближе и крикнула ему прямо в ухо, стараясь перекрыть ревуший ветер:

– Со мной не надо!

Томми что-то крикнул в ответ, но я не расслышала. Я решительно покачала головой и указала на путь вверх по ручью: берег размывало на глазах, комья земли превращались в жидкую слякоть.

– Возвращайся! – крикнула я.

Томми многозначительно указал сперва на себя, а потом назад в сторону фермы и схватил коня за поводья. Ясное дело, он считал, что пускаться в путь слишком опасно, и звал переждать ненастье у них дома.

В общем-то, у него были на то основания. С другой стороны, стихия разгулялась не на шутку, бурлящая вода шаг за шагом поглощала податливый берег. Если выждать, никто не сможет переправиться на другую сторону еще несколько дней. После подобного потопа вода с неделю стоит высоко.

При мысли о том, что я могу оказаться в заточении в крошечном домике Мюллера на четыре комнаты в компании десяти человек, все сомнения ушли прочь. Я вырвала у Томми поводья и направила коня к ручью; тот тряхнул головой и осторожно пошел по жидкой грязи навстречу дождю и ветру.

Мы взобрались на холм, с которого сбегал ручей. Благодаря толстому слою опавшей листвы на земле коню стало удобнее шагать. Я повернула его, отодвинула с пути Томми и склонилась вперед, как жокей на скачках, упершись локтями в мешок с ячменем, что был привязан к седлу передо

мной, – оплата за услуги.

Внезапно я ощутила толчок, конь заскользил, и нас увлекло вниз под откос. Мы ехали по грязи, словно на санках. Удар, несколько секунд головокружительного падения, всплеск... и я по бедра оказалась в ледяной воде.

Мои заледеневшие руки, похоже, срослись с поводьями, но я не имела ни малейшего представления о том, куда следует направить жеребца. Я ослабила хватку, предоставляя животному возможность сориентироваться самостоятельно. После нескольких минут борьбы с течением конь заржал, копыта заскребли по дну, и мы выбрались на сушу. Вода стекала с нас ручьем. Я повернулась в седле. Томми Мюллер стоял на другом берегу, и челюсть у него отвисла до самых колен. Я не сразу дернула поводья, сперва церемонно поклонилась Томми и пустила коня вверх по тропинке, намереваясь попасть домой вне зависимости от того, идет дождь или нет.

Я пробыла в хижине Мюллеров три дня, помогала восемнадцатилетней Петронелле при первых родах. И последних, как заявила сама Петронелла. Семнадцатилетний супруг Петронеллы, который осторожно заглянул в комнату на второй день, получил на свою голову ушат отборной немецкой брани и с пылающими от обиды ушами поспешно ретировался в сарай, служивший в те дни убежищем для мужчин.

Все же спустя несколько часов я наблюдала, как Фредди – теперь он выглядел куда моложе своих семнадцати – робко опустился на колени рядом с постелью жены. Лицо у него было куда бледней простыни. Дрожащим пальцем он отодвинул одеяльце, прикрывавшее личико новорожденной дочери, и молча разглядывал красное личико и головку с темными клочками волос, а затем поднял глаза на жену, словно ожидая подсказки.

– *Ist sie nicht wunderschön?*^[22] – нежно шепнула Петронелла.

Он медленно кивнул, потом уронил голову жене на колени и разрыдался. Все женщины в комнате по-доброму улыбнулись и отправились накрывать на стол.

Обед удался на славу. Когда поступал вызов от Мюллеров, всегда можно было рассчитывать на вкусную еду. Даже теперь внутри ощущалась приятная тяжесть от клецок и жареной *Blutwurst*^[23], а вкус яичницы-болтуньи, оставшийся во рту, слегка скрашивал не слишком приятную ситуацию, в которой я оказалась.

Я надеялась, что Джейми с Иэном сумели приготовить что-нибудь съедобное, пока меня не было. Лето заканчивалось, но горячая страда еще

не наступила. Полки кладовой изрядно опустели, как раз, чтобы принять щедрый осенний урожай; тем не менее там еще оставался сыр, а на полу стояли большой глиняный горшок с соленой рыбой, мешки с мукой, маисом, рисом, бобами, ямсом и толокном.

Джейми вообще-то умел готовить – по крайней мере освеживать дичь и поджарить ее на костре, – а я приложила все усилия к тому, чтобы посвятить Иэна в тайны приготовления каши из толокна, но все же я подозревала, что мужчины не утруждали себя готовкой, а предпочли обойтись вяленным мясом и луком. Может, они действительно слишком уставали после того, как целый день занимались тяжелой работой – валили деревья, пахали землю, тягали с гор тяжелые оленьи туши, – чтобы еще и готовить, а может, поступали так нарочно, чтобы я чувствовала себя необходимой.

Гора укрыла меня от порывов ветра, однако дождь лил по-прежнему, и тропинка совсем размокла. Идти по ней было опасно, опавшая листва плыла в лужах, ненадежная, как зыбучие пески. Копыта хлюпали при каждом шаге.

– Хороший мальчик, – сказала я ласково. – Держись, ты славный парнишка.

Конь прянул ушами, но не повернул головы, продолжая осторожно перебирать ногами.

– Мишка? – спросила я. – Как ты?

У жеребца не было имени. Точнее, было, но я его не знала. Человек, у которого Джейми купил коня, называл животное по-немецки; по словам Джейми, это имя не подходило для коня, принадлежащего леди. Когда я попросила его перевести, он поджал губы и посмотрел на меня угрюмым взглядом истинного горца, отчего я пришла к заключению, что слово, должно быть, совсем неприличное. А поинтересоваться у Мюллера я в суматохе позабыла.

Джейми считал, что рано или поздно конь проявит свою суть и можно будет найти ему подходящее имя. Проскакав на нем немного, Иэн предложил назвать коня Зайчиком, но Джейми решительно покачал головой и заявил, что такое имя не подходит.

– Торопыжка, – предложила я. – Быстрый! Черт!

Конь остановился, наткнувшись на неожиданное препятствие. С горы, беззаботно подпрыгивая, с веселым журчанием бежал ручеек. Чистая прозрачная вода, бегущая по темным камням, являла собой прекрасное зрелище. К сожалению, ручей окончательно размыл тропу, которая, не выдержав неравной борьбы с непогодой, расплылась по горному склону.

Я сидела верхом не двигаясь, по лицу стекали капли. Другого пути не было. Справа от меня склон становился почти отвесным, так что попытка спуститься означала бы добровольно пойти на риск свернуть себе шею. Покрывшись испариной под одеждой, я пришпорила безымянного жеребца и повернула назад.

Если бы ручей не вышел из берегов, я вернулась бы к Мюллерам, а Джейми с Иэном еще пару дней пришлось бы жить самостоятельно. Но у меня не было выбора; предстояло либо отыскать другой путь к дому, либо остаться на месте и потонуть в дожде.

Я устало ехала обратно по собственным следам. Примерно в четверти мили от того места, где размыло тропинку, я обнаружила небольшую седловину между двумя каменными утесами. Такие впадины часто встречались в той местности, самая обширная находилась у подножия высокой горы, которую недаром звали Пиком Дьявола. Если я проеду вдоль седловины к другой стороне холма и поднимусь вверх, возможно, я снова набреду на тропу, что ведет на юг через гору.

Из седловины открывался прекрасный вид на подножие горы и голубую долину, что раскинулась внизу. Но вершины гор скрывались в черных тучах, время от времени озаряемых вспышками молний. Ветер утих, однако дождь только усилился. С этой стороны холма насыпь оказалась надежнее, почва была каменистой. Мы медленно ехали мимо ясеневых рощиц и стоящих поодаль дубов. Я заметила пышные заросли ежевики, чтобы сориентироваться, в случае чего, но останавливаться не стала. Судя по тому, как обстоят дела, хорошо бы добраться домой до того как стемнеет.

Желая отвлечься, я начала мысленно перебирать содержимое кладовой, размышляя, что приготовить, когда доберусь домой. Что-нибудь по-быстрому, подумала я, трясаясь от холода, и, конечно, что-нибудь горячее. Рагу готовить слишком долго, суп тоже. Если в хозяйстве найдется кролик, можно обвалить его в яйце и кукурузной муке и обжарить. А если нет, можно сварить овсяной каши, бросив туда бекона для запаха, или пожарить яичницу с зеленым луком.

Я сглотнула слюну. Несмотря на капюшон и шапку волос, капли дождя барабанили по макушке, словно град.

И тут я поняла, что это и в самом деле град. На землю сыпались крошечные белые шарики. Спустя несколько секунд шарики стали размером с жемчужину и тяжело застучали по ковру из сырой листвы; звук напоминал автоматную очередь.

Конь яростно затряс головой, пытаясь избавиться от жалящих ударов.

Я поспешно схватила поводья и направила беднягу под раскидистый каштан. Плотный навес из листьев надежно защищал от градин.

– Отлично. – Я ободряюще потрепала коня по боку. – Все в порядке. Мы в безопасности, если, конечно, молния не ударит.

Видимо, эта фраза прозвучала как вызов. Темное небо за горой Рон раскололось надвое, и несколько мгновений спустя низину сотрясло мощным раскатом грома, от которого с листьев каштана разом осыпались градины.

Кажется, молния ударила где-то далеко, за горой. Затем небо рассекли еще несколько вспышек, и с каждым новым ударом раскаты грома становились громче. Град закончился, но дождь не стихал. Хотя долина внизу исчезла в тумане, молнии освещали суровые горы, сверкая в небе наподобие перекрещенных костей на пиратском флаге.

– Раз гиппопотам, два гиппопотам, три гиппопотам, четыре гиппо...

Бум! Конь тряхнул головой и нервно переступил копытами.

– Знаю, каково тебе, – сказала я, вглядываясь в долину внизу. – Тише-тише, не волнуйся.

Новая вспышка озарила темный склон.

– Раз гиппопотам, два гиппо... – Могу поклясться, земля содрогнулась. Конь издал дикое ржание и встал на дыбы, хотя я изо всех сил натягивала поводья. Копыта замолотили по мокрым опавшим листьям. В воздухе повис сильный запах озона.

Вспышка.

– Раз, – процедила я сквозь зубы. – Черт возьми! Ой! Раз гиппо...

Вспышка.

– Раз...

Вспышка.

– Ой! Мама!

Я не поняла, как упала. В один миг передо мной мелькнули поводья, панически метнулось сильное тело животного весом в добрую тысячу фунтов. В следующий миг я уже лежала на земле, глядя в кружащееся темное небо.

От удара из меня едва не вышибло дух, я отчаянно пыталась снова собрать себя в кучу. Затем мне все же удалось сделать вдох. Я лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Дождь лил в лицо, вода собиралась озерцами в глазницах и струйками стекала к ушам. Лицо и кисти рук окоченели от холода. Руки, по счастью, шевелятся. Ноги. Я подвигала левой – больно, но не слишком, только колено саднит. Я с трудом повернулась на бок – мешала намокшая, тяжелая одежда. И все же эта

одежда защитила меня от серьезных травм.

Донеслось тихое ржание, едва различимое в оглушительных раскатах грома. Лошадиная голова торчала из зарослей кустарника футов в тридцати выше по склону. Прямо за зарослями гора резко шла под уклон. В том месте, где я упала и скатилась вниз, пролегла глубокая борозда.

Выходит, конь стоял у самого обрыва, который я не заметила из-за разросшихся кустов. Наверное, в панике он отступил к краю, но интуитивно почуял опасность и подался назад, ничуть не позаботившись о всаднице, и я соскользнула вниз.

– Ах ты ж, мерзкая скотина! – проворчала я. Уж не заключало ли незнакомое немецкое имя в себе подобной характеристики? – Я из-за тебя чуть шею не свернула.

Я утерла грязь с лица все еще дрожащей рукой и стала соображать, как мне снова подняться.

Похоже, что никак. Позади гора по-прежнему резко шла под уклон, упираясь в каменную глыбу, а прямо передо мной оказался неглубокий овражек, по которому бежал ручей.

Надо подумать. Никто не знает, где я. По сути, я и сама не знаю. Хуже всего, что искать меня кинутся не сразу. Джейми подумает, что я пережидаю непогоду у Мюллеров. Мюллеры уверены, что я спокойно добралась домой. Даже если они вдруг забеспокоятся, пойти за мной никто не сможет, потому что ручей вышел из берегов. А к тому времени, как обнаружат размытую тропинку, мои следы смоем дождь.

Хорошо, я хотя бы не разбилась. Зато осталась без лошади и без еды, в полном одиночестве, не зная, куда идти, и насквозь промокла. С уверенностью можно сказать одно: от жажды я не умру.

Вспышки молний продолжали трезубцами озарять небо то тут, то там, однако гром теперь звучал тише, как будто издалека. Я не боялась, что в меня ударит молния, – вокруг полно целей получше, например большие деревья, росшие в одиночестве, – но все же не мешало бы найти укрытие от дождя.

Ливень продолжался. Капли скатывались по носу с завидной регулярностью. Прихрамывая и от досады проклиная все на чем свет стоит, я начала спускаться по скользкому склону к ручью.

Этот ручей тоже разлился. Из воды торчали верхушки кустов, их листья трепал бегущий поток. Я продиралась через колючие заросли остролиста и можжевельника к каменистому южному склону, надеясь, там найдется грот или пещера, чтобы укрыться от непогоды.

Мне попадались только черные тяжелые камни, сорвавшиеся с

вершины. И вдруг я обнаружила неподалеку место, где можно приютиться.

Берег подмыло водой, и можжевельниковое дерево не удержалось в земле, упало в ручей, уткнувшись верхушкой в каменистый склон напротив. Пышные ветви трепетали в воде и частью укрывали камни. Ствол торчал вверх под углом к ручью, словно удочка; с моей стороны видны были торчащие наружу мощные корни. Возможно, ветви можжевельника не самая надежная защита, но, во всяком случае, лучше, чем стоять столбом под дождем или ютиться где-нибудь в кустах.

Я устремилась к дереву, даже не подумав, что под ним может прятаться от ненастья медведь, дикобраз или еще какой-нибудь не слишком дружелюбный зверь. К счастью, там было пусто.

Укрытие размером футов в пять, сырое, темное и промозглое, оказалось полностью в моем распоряжении. Над головой, словно в барсучьей норе, нависали узловатые корни, перепачканные песком. Зато вместо слякоти у меня под ногами была твердая земля и по макушке не барабанил ливень.

Совершенно измотанная, я забралась в дальний угол, сбросила мокрые туфли и уснула. Видимо, из-за мокрой холодной одежды меня терзали кошмары: мелькали сцены деторождения с криками и кровью, затем деревья, камни, дождь... Порой я выходила из полубредового забытья, чувствуя ужасную усталость, а затем вновь проваливалась в сон.

Мне снилось, что я рожаю, причем детская головка появлялась у меня меж бедер одновременно с двух ракурсов, как будто я и мать, и акушерка. Я взяла новорожденную на руки, от нее пахло кровью – ее и моей, и передала на руки отцу. Я отдавала ее Фрэнку, а на дочкино лицо со словами «она красавица» посмотрел Джейми...

Я проснулась и снова уснула. Мне снилось, что я пробираюсь между камней и водопадов, напряженно что-то ищу. Я проснулась и снова уснула. Теперь я шла по лесу, а за мной кралось что-то неведомое и страшное. Я проснулась и снова уснула. У меня в руке был окровавленный нож...

Я окончательно проснулась, когда почуяла дым. Дождь стих. Наверное, меня разбудила внезапно воцарившаяся тишина. Запах дыма по-прежнему бил в ноздри; похоже, это не сон.

Я встревоженно высунула голову из своей норы, как улитка из домика. В бледном серовато-розовом небе над вершинами гор занялись яркие оранжевые всполохи. Меня окружал безмолвный лес, только капли тихо падали с ветвей. Солнце садилось, в низинах уже стемнело.

Я вылезла из убежища и огляделась. За моей спиной журчал вышедший из берегов ручей, и больше ничто не нарушало тишину.

Впереди на небольшом холме рос высокий тополь – именно от него и шел дым. В дерево ударила молния: с одной его стороны на фоне сумеречного неба роскошным пологом красовалась зеленая крона, а с другой листья обратились в прах и осыпались, усеяв мощный ствол пеплом. Белые клубы дыма отлетали ввысь, словно духи, покидавшие волшебный плен, а под почерневшей корой то и дело вспыхивали красные огоньки.

Я заглянула под навес из ветвей в поисках обуви, в темноте ничего не нашла, и отправилась на холм босиком, тяжело дыша от натуги. Мышцы одеревенели после сна на холодной земле; казалось, дерево само неуклюже спешит мне на помощь, цепляясь за землю крючковатыми пальцами корней.

Возле тополя было тепло. Блаженно, замечательно тепло. Да, пахло дымом и гарью, зато тепло. Я подошла поближе, насколько хватило храбрости, распахнула пальто и замерла, чтобы обсохнуть и согреться.

Сначала у меня в голове даже мыслей не было; я просто стояла, чувствуя, как отходит окоченевшее тело. Но когда кровь вновь побежала по венам, начала саднить рана на колене, и живот свело от голода – после завтрака прошло много времени.

Впрочем, до ужина осталось еще больше, подумала я, горько усмехнувшись. Из низин, крадучись, выползала тьма, а я никак не могла сориентироваться. Коня, между прочим, как ветром сдуло.

– Гад и предатель, – обиделась я. – Наверняка увязался за какой-нибудь лосихой.

Одежда немного подсохла, зато вокруг резко похолодало; ночь обещала быть студеной. Что делать: остаться здесь, под открытым небом вблизи дымящегося дерева, или вернуться в нору, пока я хоть что-нибудь вижу?

С дерева свалилась ветка, и я приняла решение. Тополь все равно уже еле тлел, ствол еще хранил жар, но огонь потух. Ночных хищников он не отпугнет. Без огня и без оружия у меня был один выход – затаиться в норе, как мышка. Да и в любом случае надо возвращаться, я ведь оставила там обувь.

Неохотно отойдя от единственного источника тепла, я направилась назад к поваленному дереву. Забравшись внутрь, я различила в дальнем углу что-то светлое и протянула руку, однако наткнулась не на кожу туфель, а на что-то твердое и гладкое.

Инстинкты сработали раньше, чем мозг; я отдернула руку, не успев найти подходящее слово. И замерла на секунду – сердце глухо билось в груди. Затем любопытство пересилило страх, и я начала разрывать

податливый песок вокруг таинственного предмета.

Это был череп, полностью сохранившийся, с нижней челюстью, которая соединялась с верхней частью остатками высохших связок.

– Сколько времени человек пролежит в земле, пока не сгниет? [\[24\]](#) – удивленно пробормотала я, крутя в руках череп. Он был холодным и мокрым, слегка шершавым от долгого воздействия сырости. Под деревом было слишком темно, чтобы как следует разглядеть его, но я на ощупь исследовала выпуклые бугры надбровий и гладкую эмаль на резцах. Похоже, мужчина, еще не старый – большинство зубов на месте, странно, что они в хорошем состоянии, по крайней мере насколько я могла судить, ощупав их большим пальцем.

Сколько же? Лет восемь, а то и девять, отвечал могильщик Гамлету. Не знаю, насколько Шекспир был сведущ в судебной медицине, но мне представлялось именно так.

Как он попал сюда? Насильственным путем, подсказала интуиция, а умозаключения это подтвердили. Путник может погибнуть от болезни, голода или холода, размышляла я, пытаясь не обращать внимания на растущий голод и сырую одежду, но не может сам себя закопать под деревом.

Индейцы племен чероки и тускароры хоронили мертвых по-другому – не по одиночке и под деревом. И не по частям. Переломанные шейные позвонки тотчас поведали мне всю историю; края были сплюснены, а лицевые кости целы.

– Кому-то ты пришелся не по нраву, да? С тебя не просто сняли скальп; отрезали голову целиком.

Интересно, а тело тоже здесь?.. Я поскребла щеку рукой, однако ничего дельного не придумала; идти куда-то, пока не рассветет, смысла нет, а спать в такой компании как-то сразу расхотелось. Я отложила череп в сторону и принялась рыть землю.

Тем временем наступила ночь. Впрочем, снаружи даже ночью редко бывает совсем темно. Тучи, затянувшие небо, отражали свет, и он проникал даже в мое темное убежище.

Сперва мягкий песок поддавался легко, но спустя несколько минут пальцы наткнулись на плотную сырую землю. Я выбралась из укрытия и раздобыла палку. Вскоре и палку остановило что-то твердое – не кости и не металл. Камень, подумала я, нащупав пальцами нечто неподатливое и овальное. Обычный речной камень? Вряд ли, решила я, поразмыслив. На гладкой поверхности были высечены какие-то знаки, похожие на иероглифы.

Раскопки больше ничего не дали. Либо остальную часть Йорика закопали в другом месте, либо слишком глубоко, куда мне не добраться. Я сунула находку в карман и присела на корточки, спрятав руки в складках юбки. По крайней мере, физические упражнения помогли мне согреться.

Я уселась поудобнее и взяла в руки череп. Довольно отталкивающая компания, надо сказать. И все же то, чем я занималась последний час, меня отвлекло, помогло не поддаться панике, что притаилась где-то в подсознании, готовая прорваться наружу, словно острый конец срубленной ветки. Ночь обещала быть долгой.

– Ладно, – сказала я черепу. – Давно читал что-нибудь стоящее? Сдается мне, что давненько. Может, немного поэзии?

Я прокашлялась и начала с Китса, для разогрева декламировав «Из обращения к вульгарному суеверию», а следом «Оду к греческой вазе».

Ты плачешь у меты – она цветет
Всегда прекрасная, но не тоскуй —
Тебе любить в безбрежности минут!^[25]

– Там еще дальше было, я запомнила... Неплохо вышло, а? Может, что-нибудь из Шелли? Полагаю, «Ода западному ветру» придется тебе по душе.

Я вдруг поняла, почему я так думаю. Никаких видимых причин считать, что Йорик был индейцем, у меня не было, но мне так казалось – скорее всего, из-за камня. Поежившись, я продолжила читать в надежде, что великая английская поэзия не хуже пламени костра отпугнет диких зверей.

Дай стать мне лирой, как осенний лес,
И в честь твою ронять свой лист спросонья.
Устрой, чтоб постепенно я исчез

Обрывками разрозненных гармоний.
Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль еще неугомонней!

Развей кругом притворный мой покой
И временную мыслей мертвечину.
Вздуй, как заклатьем, эту строкой

Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты занесишь семена в долину.

И сам раскатом трубным возвести...^[26]

Финальная строчка замерла у меня на губах. На склоне горы горел огонь. Маленькие искры превратились в пламя. Сперва я решила, что горит какое-нибудь дерево, в которое ударила молния, оно тлело весь день, и вот теперь ветер раздул пламя, но затем я увидела, что огонек двигается. Он медленно скользил по склону мне навстречу.

Я вскочила на ноги и только тут вспомнила, что не обута. Я в панике бросилась шарить вокруг, нащупывая туфли. Тщетно.

Я поднялась во весь рост и схватила череп, готовая встретить опасность лицом к лицу.

Огонек приближался, скользя вниз по холму, словно облачко тумана. В оцепеневшем мозгу билась случайная строчка из Шелли: «Заклятый враг! Свирепствуй! Будь готов»...^[27] В глубине сознания я отметила, что у Шелли были куда более крепкие нервы, чем у меня. Я прижала череп к груди. Так себе оружие; надеюсь, те, кто идет навстречу, кем бы они ни были, поостерегутся тотчас пустить в ход ножи или пистолеты.

Невозможно было поверить, что кто-то рыщет по лесу с факелом, причем пламя отнюдь не мерцало, как сосновая лучина или масляная лампа, а горело ровным светом.

Огонек, светившийся на высоте нескольких футов от земли, словно кто-то держал в руке факел, подбирался все ближе со скоростью человеческого шага. Я внимательно наблюдала за этим равномерным движением.

Я была надежно укрыта в своей норе: снизу меня наполовину скрывал берег, сверху – густые ветви. Я промерзла насквозь, но по спине бежал пот. Я чувствовала запах собственного страха. Я нервно перебирала пальцами ног, разрывая песок, готовая кинуться наутек.

Однажды в море я видела огни святого Эльма. Жуткое зрелище; так вот те трескучие синие вспышки совсем не походили на неумолимо приближавшийся неяркий огонек. Он не был синим и не мерцал, а ровно

светился призрачным светом. В Кросс-Крике, когда видели огоньки в горах, говорили, что это болотный газ.

Ага, конечно, беззвучно прошептала я, держи карман шире!

Огонек миновал ольховые заросли и оказался на поляне прямо передо мной. И это был вовсе не болотный газ.

Высокий мужчина, совсем раздетый, если не считать набедренной повязки. По рукам, по ногам и вдоль туловища у него шли красные полосы, лицо от лба и до подбородка сплошь было покрыто черным, а на голове сидел убор из перьев, в центре которого торчали два длинных индюшиных пера; из-под убора виднелись длинные волосы, смазанные чем-то жирным.

Меня надежно скрывала темнота, а незнакомца целиком освещал факел, бликуя на безволосой груди и плечах. Но он точно знал, что я там.

Я не отваживалась пошевелиться. Собственное дыхание казалось невыносимо громким. Мужчина остановился и смотрел в скрывавшую меня темноту, словно на дворе царил белый день. Факел в его руках не дрожал, горел ровно и бесшумно, напоминая тусклым светом пламя восковой свечи в руках мертвеца.

Вдруг я поняла, что больше не боюсь. Сердце билось ровно и размеренно.

– Что тебе нужно? – спросила я и тут же осознала, что мы уже несколько минут разговариваем. В словах мы не нуждались. Между нами будто образовалась незримая связь.

Легкий ветерок немного разогнал тучи, в просветах виднелось темно-синее небо, усеянное звездами. Лес затих, как всегда по ночам: деревья поскрипывали, покачиваясь, шуршали кусты, ветки которых перебирал ветер, эхом доносилось журчание невидимого глазу ручья.

Я глубоко вздохнула, вдруг почувствовав, что живу. Ароматы зеленых растений, хвои и прелой листвы смешивались со свежими запахами после дождя. Мокрые камни, влажная земля, сырость поднимающегося из низин тумана, воздух, напоенный озоном, – все это поражало, сбивало с ног, как внезапный удар молнии.

Земля и воздух, вдруг подумалось мне, а еще вода и огонь. И я стою среди четырех стихий, пользуясь их благосклонностью.

– Что тебе нужно? Я ничем не могу тебе помочь. Я знаю, что ты здесь, я тебя вижу. И все.

Никакого движения, ни одного слова. Но в моем сознании прозвучал чужой голос.

– Хватит и этого, – сказал призрак.

Он медленно повернулся и пошел прочь. Он сделал две дюжины

шагов, и тут его факел погас, и незнакомец растворился в небытии, как сумерки поглощает ночная тьма.

– Ох, – проронила я, несколько растерявшись. – Господи боже.

Ноги дрожали; я опустилась на землю, положив на колени череп, про который уже успела забыть.

Я долго сидела так, вглядываясь и прислушиваясь, но больше ничего не происходило. Меня окружали мрачные неприступные горы. Возможно, утром я вновь отыщу тропинку к дому, однако теперь блуждания в потемках ничего хорошего не принесут.

Я больше не боялась; страх покинул меня во время встречи с... что бы это ни было. Но я все еще мерзла и была очень-очень голодна. Я положила череп на землю и свернулась вокруг него клубочком, укрывшись влажным пальто. Уснуть долго не получалось; я лежала в сырой норе и наблюдала за звездами в просветах меж туч.

Я все пыталась понять, что же такое произошло в последние полчаса... Правда в том, что нечего было и понимать, на самом деле ничего не случилось. Хотя дух остался рядом, неведомым образом убаюкивая, и я уснула, устроившись щекой на подушке из опавших листьев.

Спала я тяжело из-за холода и голода; сны проносились вереницей ужасных образов. Деревья, подпаленные молнией, горели, как факелы. Деревья, вырванные из земли, ползли ко мне, перебирая корнями.

Я лежала под дождем с перерезанным горлом, горячая кровь струилась по телу, согревая замерзшую грудь. Пальцы одеревенели и не двигались. Капли дождя холодными молоточками барабанили по телу, словно град, а потом вдруг становились теплыми и мягкими и поглаживали лицо. Меня хоронили заживо, черная земля засыпала открытые глаза.

Я проснулась; сердце стучало как бешеное. Была глубокая ночь; небо прояснилось и казалось бесконечным, меня обнимала крошечная тьма. Наконец я снова уснула.

Вдалеке были волки. Я в страхе бежала от них по заснеженному осиновому лесу, а кроваво-красные капли смолы сверкали рубинами на белых, словно лист бумаги, стволах. Среди кровоточащих деревьев стоял мужчина с обритой головой, посередине остался лишь ирокез из гладких темных волос. На его губах играла неясная усмешка, а кровь на груди сияла ярче, чем смола на стволах осин.

Волчий вой ближе. Звери завывают и лают, в моих ноздрях сильный запах крови, я бегу со сворой, я бегу от своры. Я бегу. У меня волосатые лапы и белые клыки. Я бегу. В ноздрях запах крови, в ушах звон. Голод. Догнать, поймать, убить, растерзать. Кровь. Сердце бешено стучит, по

жилам струится огонь. Азарт погони.

Кость хрустнула, как сухая ветка под ногами, и я почувствовала теплый солоноватый привкус костного мозга на языке.

По лицу словно щеткой прошлись, и я распахнула глаза. С морды, покрытой жесткой серой шерстью, на меня взирали желтые волчьи глаза, в пасти сверкали белые клыки. Я вскрикнула и оттолкнула зверя, но он снова кинулся на меня с громогласным: «Гав!»

Я припала к земле, обхватив голову руками и бормоча что-то несвязное. Едва рассвело. Нежный неяркий утренний свет освещал темную шкуру... Ролло!

– Ох ты ж, Господи Иисусе, ты-то как здесь очутился, чертово проклятое чудовище!

Сильные руки подхватили меня, вытянули из убежища, отряхнули и принялись ощупывать, проверяя, цела я или нет. Я потерлась щекой о мягкую шерстяную рубашку. Она пахла сыростью, мылом и Джейми, я всей грудью вдыхала этот божественный аромат.

– Ты как? Саксоночка, ради бога, с тобой все хорошо?

– Нет, – ответила я. – То есть да.

И разрыдалась.

Я быстро успокоилась и попыталась объяснить, но Джейми не слушал. Он поднял меня на руки, перепачканную с ног до головы, и понес через ручей.

– Тише-тише, – приговаривал он, крепко прижимая меня к себе. – Тише, *mo chridhe*.^[28] Все в порядке, ты со мной.

Я никак не могла прийти в себя после холода и кошмарных снов. Я долго не слышала другого голоса, кроме собственного, и слова Джейми звучали теперь как будто издалека, я не могла постичь их смысла. Лишь тепло, исходящее от него, было реальным.

– Подожди. – Я нервно теребила его за рубашку. – Стой, я кое-что забыла, мне надо...

– Господи, дядя, ты только посмотри!

Джейми повернулся, по-прежнему держа меня на руках. Юный Иэн выглядывал из ветвей, прикрывавших лаз в мое убежище, держа в руках череп.

Я почувствовала, как напряглись мускулы Джейми.

– Боже правый, саксоночка! Это еще что?

– Ты хочешь сказать – кто, – уточнила я. – Не знаю. Отличный парень, между прочим. Не подпускай к нему Ролло.

Пес возбужденно обнюхивал череп, черные ноздри подрагивали от

возбуждения.

Джейми, слегка нахмурившись, внимательно вглядывался в мое лицо.

– Саксоночка, ты, случайно, умом не тронулась?

– Нет, – ответила я, потому что разум и в самом деле возвратился, когда я окончательно проснулась. – Я промерзла насквозь и, кажется, слона бы съела. Вы не прихватили чего-нибудь на завтрак?

– Нет. – Джейми опустил меня на землю и полез в сумку. – Мы торопились, и о еде я не подумал, зато есть бренди. Глотни, саксоночка, тебе полегчает. А потом расскажешь, – продолжил он, приподняв бровь, – как ты очутилась здесь, у черта на куличках.

Я села на камень и с благодарностью отпила бренди. Фляга дрожала у меня в руках, но дрожь потихоньку проходила, потому что от темно-янтарной жидкости, попавшей в желудок, кровь быстрее побежала по жилам.

Джейми стоял рядом, положив руку мне на плечо.

– Сколько же ты тут просидела, саксоночка? – спросил он с нежностью.

– Всю ночь. – Меня снова передернуло. – Наверное, со вчерашнего полдня, когда этот гадский конь – думаю, стоит назвать его Иудой – сбросил меня вон с того холма.

Я кивнула в ту сторону. «У черта на куличках» – подходящее описание местности. Все холмы походили друг на друга, как две капли воды. И тут я удивилась – мысль пришла бы мне в голову раньше, если бы я не так сильно замерзла и проголодалась.

– А как вы меня нашли? Неужто кто из Мюллеров следил за мной? Или... только не говорите, что вас привел чертов жеребец, словно Ариадна?

– Это мерин, тетя, – сумничал Иэн. – Какая еще Ариадна? Мы вообще его не видели. Нас привел Ролло.

Парень гордо указал на пса, который совершенно невозмутимо сидел рядом.

– Но если коня вы не видели, – начала я в замешательстве, – как вы вообще узнали, что я ушла от Мюллеров? И как Ролло...

Я запнулась.

Иэн пожал плечами и кивнул на Джейми. Тот опустился на корточки рядом со мной, приподнял подол платья и обхватил мои замерзшие босые ноги теплыми ладонями.

– Какие же у тебя ноги-то холодные, саксоночка, – тихо сказал он. – Где ты туфли потеряла?

– Где-то там. – Я кивнула на выкорчеванное с корнями дерево. –

Должно быть, там и лежат. Я сняла их, чтобы перейти через ручей, и бросила туда. А найти в темноте не смогла.

– Их там нет, тетя, – сказал Иэн.

Голос парнишки прозвучал странно, и я удивленно на него посмотрела. Он все еще вертел в руках череп.

– Да, их там нет. – Джейми сидел, склонившись над моими ступнями, и солнечные лучи золотили растрепанные медные кудри, что ниспадали ему на плечи. – Я спал, – начал рассказывать он, отвечая на мой безмолвный вопрос. – И вдруг это чудовище словно сошло с ума.

Не глядя, он кивнул на Ролло.

– Начал лаять и завывать, и на дверь кидался, словно сам дьявол к нам в гости пожаловал.

– Я на него прикрикнул, схватил за загривок, чтоб успокоить, – вставил Иэн, – а он все равно бесновался, на меня ноль внимания.

– Ну да, у него даже пена из пасти пошла, я уж думал, он правда взбесился. Сказал Иэну, чтобы дверь открыл и выпустил его, пока нас не покусал.

Нахмурившись, Джейми стал обирать опавшую листву с моих ног.

– Может, и в самом деле дьявол пожаловал, – пошутила я.

– Мы обшарили всю поляну, под каждый камень заглянули и нашли... – Покачав головой, Джейми вытащил из сумки мои туфли. – Они стояли у порога.

У меня зашевелились волосы. Я схватила фляжку и допила бренди.

– Ролло залаял, как на охоте, и помчался куда-то, – Иэн подхватил нить рассказа, – но через минуту вернулся, обнюхал твои туфли и заскулил.

– Тут меня и самого завывать потянуло. – Хотя уголок рта у Джейми пополз вниз в ухмылке, я видела, что глаза его еще темны от ужаса.

Я сглотнула; во рту пересохло, несмотря на бренди.

Джейми натянул мне на ногу одну туфлю, потом вторую. Они были сырыми, однако хранили тепло его тела.

– Я ведь подумал, что ты погибла, – сказал он тихо и склонил голову, чтобы спрятать лицо.

Иэн, ничего не заметив, стал оживленно рассказывать дальше:

– Мой пес, вот умница, рвался по следу, словно почуял кролика. Ну, мы завернулись в килты и пошли за ним, только полено из очага захватили. Заставил он нас побегать, правда? – Иэн гордо потрепал Ролло за ухо. – Вот мы и пришли.

Бренди шумело в ушах, окутывало разум теплым, уютным одеялом, но остатки здравого смысла подсказывали: чтобы Ролло смог меня найти, кто-

то должен был пройти весь путь до хижины в моей обуви...

Собравшись с духом, я спросила лишь с легкой хрипотцой в голосе:

– А вы никого не видели по пути?

– Нет, тетя, – ответил Иэн, и голос его прозвучал неожиданно серьезно. – А ты?

Джейми поднял голову. Я заметила, что щеки у него запали от тревог и огорчений. Не только у меня выдалась долгая, трудная ночь.

– Видела, – сказала я. – Я вам потом расскажу, а то у меня такое чувство, что вот-вот превращусь в тыкву. Пойдем домой.

Джейми привел с собой лошадей, но они не смогли спуститься в овраг, поэтому мы отправились вдоль разлившегося ручья, перешли его вброд, с трудом вскарабкались по каменистому склону и наконец добрались до того места, где он их привязал. После всех испытаний я еле держалась на ногах, так что особой помощи от меня ждать не приходилось. Джейми с Иэном по-мужски справились с ситуацией – по очереди несли меня на спине, как громоздкую, не слишком удобную ношу.

– Знаешь, не стоит поить бренди человека, пострадавшего от гипотермии, – слабо шепнула я на ухо Джейми, когда он снова поднес фляжку к моим губам во время одного из привалов.

– Мне все равно, от чего ты там пострадала, если тебе легче, когда в животе плещется бренди, – ответил он. Хотя все еще было прохладно, после подъема щеки у него покраснелись. – И вообще, – добавил он, утирая пот со лба краем рубашки, – лучше спи. Господи, я как будто новорожденного теленка из болота тяну!

– Прости, – пробормотала я и улеглась на спину прямо на землю в надежде, что меня не стошнит. Небо вертелось в одну сторону, а мой желудок – в другую.

– Пес, поди прочь, – произнес Иэн.

Я приоткрыла один глаз, чтобы посмотреть, что происходит. Иэн с твердой решимостью отогнал Ролло от черепа, который он взял с собой по моему настоянию.

При дневном свете череп выглядел куда менее симпатично. Потемневший и покрытый пятнами, издавлек он напоминал гладкий камень, изъеденный ветром и непогодой.

– И для чего тебе понадобился этот прекрасный принц? – спросил Джейми, критически глядя на мое приобретение. К нему уже вернулся нормальный цвет лица. Он взглянул на меня, потянулся и с улыбкой убрал мне прядь волос со лба. – Ты как, саксоночка?

– Уже лучше, – заверила я, приподнимаясь. Окружающий мир еще не совсем перестал вертеться перед глазами, но бренди заставило кровь быстрее побежать по жилам; ощущение было скорее приятным, будто ветви деревьев, шурша, скользят по оконным стеклам проносящегося мимо поезда.

– Наверное, стоит отнести его домой и похоронить по-христиански? – с сомнением протянул Иэн.

– Не думаю, что он оценит. Вряд ли он был христианином. – Передо мной возник яркий образ человека, которого я видела из своей норы прошлой ночью. Может, и правда, что миссионеры сумели обратить в христианство некоторых индейцев, однако, сдается мне, тот почти голый джентльмен с разукрашенным лицом и головным убором из перьев, остался язычником.

– Вот, вместе с ним закопали.

Из кармана юбки я извлекла онемевшими пальцами гладкий темно-коричневый камень, который нашла в земле. С одной стороны он был плоский, а с другой слегка выпуклый и такой гладкий, словно все это время его шлифовал водопад.

С плоской стороны на нем были высечены зазубрины и знак в форме закручивающейся спирали. Но Джейми с Иэном чуть не столкнулись лбами, склонившись над моей протянутой ладонью, отнюдь не из-за рисунка. Царапины на гладкой поверхности ярко мерцали зелеными, красными и оранжевыми бликами.

– Что это? – с трепетом выдохнул Иэн.

– Опал, – ответил Джейми, – причем огромный.

Он ткнул в камень длинным указательным пальцем, словно желая удостовериться, что опал настоящий.

Джейми задумчиво потер затылок и посмотрел на меня.

– Говорят, опалы приносят несчастье, саксоночка.

Я думала, он шутит, но он и в самом деле выглядел озабоченным. Хотя Джейми много путешествовал и был хорошо образован, тем не менее он родился в горах и впитал все шотландские суеверия, хотя и нечасто это показывал.

Забавно, подумала я. Провела ночь в компании с духом – и осуждаю суеверия!

– Ерунда, – заявила я с показной уверенностью. – Самый обыкновенный опал.

– Почему же они несчастливые, дядя Джейми? – возразил Иэн. – У моей мамы есть кольцо с опалом, которое досталось ей от ее матери. И

никаких несчастий оно не приносит.

Парнишка с трепетом дотронулся до камня.

– Мама говорила, что опал принимает часть души владельца, так что если раньше он принадлежал хорошему человеку, то все в порядке, никакой беды не случится, а если нет... – Он пожал плечами.

– Ах, вот как, – сухо процедил Джейми и кивнул на череп. – Если опал принадлежал тому парню, то не похоже, что он принес ему удачу.

– По крайней мере, мы знаем, что убили его не из-за камня, – заметила я.

– Может, они решили, что камень несчастливый, и не захотели его брать, – предположил Иэн. Нахмурившись, он смотрел на камень. – Не отнести ли его обратно, а, тетя?

Я потерла нос и посмотрела на Джейми.

– Наверное, он дорогой...

– Ох.

Оба задумались – здравый смысл боролся с суеверием.

– Ладно, – в конце концов произнес Джейми. – Подержим его пока у себя, надеюсь, это не сильно нам повредит. – Он ухмыльнулся. – Давай-ка камень мне, саксоночка. Если по пути меня поразит молния, отнесешь его назад.

Меня пошатывало, но я все же сумела встать. Джейми положил камень себе в сумку.

– Покажу его Найавенне, – решила я. – Скорее всего, она знает, что это за спираль.

– Прекрасная мысль, саксоночка. А ежели этот прекрасный принц приходился ей родичем, вернем опал ей.

Джейми кивком указал на кленовую рощу в ста ярдах от нас. Деревья стояли еще зелеными, хотя макушки уже тронула желтизна.

– Лошади привязаны там. Саксоночка, ты как, дойдешь?

Я задумчиво посмотрела на ноги.

– Не уверена. Кажется, я и вправду напилась.

– Да ну, тетя, – ободрил меня Иэн, – мой отец всегда говорит: покуда держишься на ногах, ты трезв.

Джейми усмехнулся и забросил на плечо край пледа.

– А мой отец говорил, что ты трезв, покуда в состоянии нащупать свою задницу обеими руками.

Он осмотрел меня сзади, слегка приподняв бровь, однако воздержался произнести то, что, должно быть, просилось на язык.

Иэн хмыкнул и закашлялся, пытаясь скрыть смех.

– Ладно, тут недалеко. Тетя, ты уверена, что можешь идти?

– Знаешь, что? Тащить ее опять я не собираюсь. – Джейми аккуратно взял череп у Иэна двумя пальцами и опустил его мне в подол. – Подожди здесь со своим приятелем, саксоночка, – сказал он, – мы с Иэном приведем лошадей.

Когда мы наконец добрались до Фрейзер-Риджа, день был в самом разгаре. Я с трудом соображала – замерзла, промокла и совсем ничего не ела за последние два дня и к тому же вконец обессилела от бренди и попыток внятно объяснить Джейми с Иэном, что произошло. При свете дня события минувшей ночи казались нереальными.

Впрочем, от усталости и опьянения мне теперь почти все казалось нереальным. Когда мы выехали на поляну, я сперва подумала, что дымок, выходящий из трубы нашей хижины, – плод моего воображения, но потом я уловила запах орешника.

– Ты же сказал, вы потушили очаг, – обратилась я к Джейми. – Хорошо, хоть дом не сгорел.

Подобные случаи были нередки; я слышала, что недавно одна деревянная хижина выгорела дотла из-за небрежно затушенного огня.

– Я потушил, – коротко ответил он, спешиваясь. – Там кто-то есть. Иэн, ты лошадь не узнаешь?

Иэн приподнялся в стременах, подавшись вперед.

– Да это же бешеный тетушкин мерин, – удивленно воскликнул он, – а с ним еще один, в яблочко.

И в самом деле, новоявленный Иуда стоял в сарае расседланным в компании упитанного серого мерина, вокруг них стайкой вились мухи.

– Вы не знаете, чей это? – Спешиться я не могла, все еще чувствуя слабость и головокружение, которые волнами накатывали на меня каждые несколько минут. Земля под лошадью словно тихо плескалась, подобно океану.

– Нет, но это друг. Он покормил животных и подоил козу.

Джейми кивнул на заполненные кормом ясли у дверей и на ведро с молоком на скамейке, аккуратно прикрытое куском ткани.

– Давай, саксоночка, – сказал Джейми, подхватив меня за талию, – мы уложим тебя в постель и заварим чаю.

Наше прибытие услышали; дверь хижины распахнулась, из нее выглянул Дункан Иннес.

– А, это ты, Макдью. Где тебя носило? Я тут шел по следу с утра, но твоя коза так блеяла, что мертвый бы поднялся, и вымя у нее чуть не

лопнуло.

Затем он заметил меня, и на его длинном угрюмом лице отразилось удивление.

– Миссис Клэр! – воскликнул он, приветствуя меня, заляпанную грязью и полуживую. – Что с вами случилось? Я заволновался, когда нашел вашего коня в горах одного, а к седлу ваш сундучок привязан. Поискал, покричал немного, никто не отозвался, и следов никаких не было, вот я его и привел.

– Небольшое злключение, – ответила я, пытаюсь стоять ровно без посторонней помощи. – Сейчас все в порядке.

Честно говоря, уверена я не была. Голова казалась раза в три больше чем обычно.

– В кровать, – велел Джейми, схватив меня за руки, пока я не свалилась. – Сейчас же.

– Сначала искупаюсь, – возразила я.

Он бросил взгляд в сторону ручья.

– Ты замерзнешь или утонешь, саксоночка, или все сразу. Ради бога, давай поешь и укладывайся. Завтра помоешься.

– Сейчас. Горячая вода. Чайник. – У меня не было сил убеждать его целыми фразами, но голос мой звучал непреклонно. Я не собиралась ложиться в постель измаранной, чтобы потом еще и стирать грязные простыни.

Джейми раздраженно взглянул на меня и закатил глаза.

– Горячая вода, чайник, сейчас... – передразнил он меня. – Иэн, принеси дров, а потом возьми Дункана и сходите взглянуть на свиней. Мне придется отмыться твою тетю.

– Я сама могу отмыться!

– Черта с два ты можешь.

Он был прав. Пальцы почти не слушались, так что отскрести грязь с тела у меня бы не вышло. Джейми раздел меня, словно маленькую, бросил в угол разорванную верхнюю юбку и заляпанные грязью нижние, стянул сорочку и корсет. Одежда была на мне столь долго, что от складок на теле остались красные вмятины. Я застонала одновременно от боли и удовольствия и начала растирать тело, чтобы разогнать кровь.

– Садись. – Я рухнула на подставленный стул. Джейми обернул меня пледом и дал тарелку с лепешками, а сам полез в шкаф за мылом, мочалкой и льняными полотенцами.

– Найди, пожалуйста, зеленую бутылку, – попросила я, впиваясь зубами в засохшую овсяную лепешку, – надо помыть волосы.

– Угу, – донеслось из шкафа.

Раздался звон, и Джейми вынырнул оттуда с полными руками. Среди всего он держал полотенце и бутылку с шампунем, который я сама сделала из мыльного корня, люпинового масла, листьев грецкого ореха и цветов ромашки, – не хотелось мыть волосы хозяйственным мылом. Джейми поставил все это на столик рядом с самой большой миской в нашем хозяйстве и осторожно налил туда горячей воды из котла.

Оставив воду остывать, он смочил в ней мочалку и взялся за дело.

Теплая вода ласкала мои израненные, замерзшие ноги; я близка была к блаженству, к тому, которое, как я полагала, ожидает в раю. Уставшей и полупьяной, мне казалось, я медленно оттаивала, пока Джейми отмывал меня от пяток до макушки.

– Саксоночка, ты где так ударилась? – Его голос выдернул меня из полусна, и я бестолково уставилась на левое колено, на распухший багровый синяк.

– А, это я упала с лошади.

– Какая ты беспечная, – сердито заметил Джейми. – Сколько раз я тебе говорил: поосторожнее с новой лошастью. Нельзя на них полагаться, пока не узнаешь как следует. А у тебя силенок не хватит, чтобы совладать с норовистой или упрямой.

– Это не потому, что я ему доверилась, – возразила я. Меня больше впечатляла косая сажень плечей под льняной рубашкой, чем моя разбитая коленка. – Он испугался молнии, и я ухнула вниз с тридцатифутового утеса.

– Да ты шею могла свернуть!

– Чуть и не свернула, – отозвалась я, прикрыв глаза и покачиваясь.

– Начнем с того, что тебе вообще там делать было нечего, на том склоне...

– Тропинку размыло, – распахнув глаза, ответила я, – вот и пришлось идти в обход.

Джейми искоса смотрел на меня.

– Во-первых, куда тебя понесло от Мюллеров в такой дождь? Тебе что, мозгов не хватило представить, во что превратится дорога?

С некоторым усилием я выпрямилась, придержав на груди килт. Я весьма удивилась, вдруг поняв, насколько он взбешен.

– Да, но... – Я замялась, пытаюсь изложить собственные соображения. – Как я могла такое представить, и вообще...

Джейми прервал мои рассуждения, бросив мочалку в миску с водой.

– Тише! Не собираюсь я с тобой спорить.

Я воззрилась на него.

– А как бы ты поступил? И какого черта ты орешь на меня? Я ничего плохого не сделала.

Джейми резко вдохнул. Затем встал, достал мочалку из миски и аккуратно отжал. С шумом выдохнул, затем опустился передо мной на колени и провел мочалкой по моему лицу.

– Да, извини, – согласился он. Уголок его рта пополз вниз. – Но ты до смерти меня напугала, саксоночка, поэтому так и тянет тебя поколотить, хоть ты этого и не заслуживаешь.

– Ох, – вздохнула я.

Мне хотелось рассмеяться, но, глядя на его удрученное лицо, я почувствовала угрызения совести. Рукава его рубашки были испачканы, а чулки изорваны, к ним налипли колючки, а все из-за того, что он всю ночь рыскал в горах, не зная, где я и что со мной, жива я или нет. Я и в самом деле до смерти его напугала.

Я пыталась подобрать слова извинений, но язык был столь же неповоротлив, сколь и мозги. В конце концов я подалась вперед и сняла у него с волос кленовую сережку.

– Можешь изругать меня по-гэльски. Выпустишь пар, а я все равно пойму лишь половину.

Он ухмыльнулся и окунул меня головой в миску. Я вынырнула, с волос текло; Джейми обернул мне волосы полотенцем и начал растирать, при этом вещая грозным тоном проповедника, обличающего грешников со своей кафедры:

– Глупая женщина, – говорил он на гэльском, – мозгов у тебя – как у курицы...

В потоке речи я уловила слова «дурная» и «неуклюжая», а затем перестала вслушиваться. Я прикрыла глаза и с наслаждением расслабилась, пока Джейми вытирал и расчесывал мои волосы.

Он действовал быстро и уверенно, наверное, привык иметь дело с лошадиными гривами. Я не раз слышала, как он беседовал с лошадьми, точно так же, нараспев, по-гэльски, расчесывая им гривы и хвосты. Хотя, полагаю, лошадям он точно говорил вещи поприятнее.

Его руки по очереди прикасались к моей шее, затем к обнаженной спине и плечам; легкие прикосновения возрождали к жизни постепенно согревающееся тело. Я еще дрожала, но отпустила плед, и он складками упал мне на колени. Огонь в очаге шипел, языки пламени задевали бока чайника, и в комнате становилось все теплее.

Теперь Джейми ласково перечислял все то, что хотел бы со мной сделать: начал с того, что сперва избил бы палкой до синяков и все такое

прочее. Гэльский язык богат, а Джейми был весьма изобретателен в вопросах секса и насилия. Вне зависимости от того, хотел он того или нет, скорее хорошо, что я понимала далеко не все.

Мою грудь согревало тепло очага, а спину – тепло, исходящее от Джейми. От прикосновения к коже его рубашки, когда он потянулся за шампунем на полке, я вздрогнула. Джейми прервал тираду на полуслове.

– Холодно?

– Нет.

В нос мне ударил резкий запах камфары, и, прежде чем я успела шелохнуться, Джейми опустил одну руку мне на плечо, удерживая на стуле, а другой принялся растирать грудь маслом.

– Хватит! Мне щекотно! Хватит, кому говорят!

Джейми не послушал. Я принялась извиваться как уж на сковородке, пытаюсь вырваться, но он был гораздо сильнее.

– Тише! – Его пальцы неумолимо бегали по ребрам и по груди, смазывая меня так же тщательно, как молочного поросенка перед тем, как насадить его на вертел.

– Негодяй! – выдохнула я, обессилев от хохота и борьбы. От меня несло мятой и камфарой, а кожа лоснилась от живота до подбородка.

Джейми мстительно ухмыльнулся.

– Когда я заболел малярией, ты меня тоже намазала, – заметил он, вытирая руки полотенцем. – Око за око, зуб за зуб, так ведь?

– Но у меня нет малярии! Даже насморка нет!

– А вдруг начался бы, ты ведь всю ночь спала на улице в мокрой одежде. – Джейми неодобрительно поцокал языком, точно старая бабушка.

– А то тебе не приходилось спать снаружи! И сколько раз ты простудился? – требовательно спросила я. – Бога ради, да ты семь лет прожил в пещере!

– Года три из них чихал не переставая. И вообще, я мужчина, – привел он совершенно никчемный аргумент. – Лучше натяни свою ночнушку, саксоночка. Ты совсем голая.

– Я заметила. Если я спала на улице в мокрой одежде, это еще не значит, что я непременно заболею, – возвестила я и полезла под стол за соскользнувшим килтом.

Брови Джейми поползли вверх.

– Ах, не значит?

– Да, не значит! – Я вылезла из-под стола, подобрав килт. – Болезнь вызывают микробы, я тебе сто раз говорила. Если не вдохнуть микробов, то и не заболеешь.

– Ах, микрррробы, – прорычал Джейми, – а скажи-ка мне, раз ты такая всезнайка, почему люди больше болеют зимой, а не летом? Микробы в холоде быстрее плодятся?

– Не совсем, – в замешательстве пробормотала я и развернула плед, но Джейми схватил меня за руку и притянул в себе.

– Иди ко мне.

Прежде чем я успела ответить, он поцеловал меня в обнаженную спину, повернул к себе лицом и страстно впился в губы.

Потом отпустил меня, и я чуть не упала. Я обвила его руками, а Джейми обнял меня за талию, чтобы поддержать.

– Мне все равно, из-за чего люди болеют – из-за микробов, холода или черта лысого, – сказал он, угрюмо глядя под ноги. – Я не хочу, чтобы ты заболела. Точка. А теперь бегом натягивай халат и ложись.

Как хорошо было его обнимать. Льняная рубашка Джейми приятно холодила мою смазанную маслом грудь, и хотя шерсть пледа колола мне бедра и живот, ощущение было превосходным. Я потерлась о него, словно кошка.

– В постель, – велел Джейми уже не столь непреклонно.

– М-ммм, – прогудела я, давая понять, что не намерена идти туда в одиночестве.

– Нет, – ответил он, слегка отстраняясь. Наверное, он хотел отступить, но я не позволила; его движение только сильнее разожгло искру, вспыхнувшую между нами.

– М-ммм. – Я настаивала, прижимаясь сильнее. Несмотря на опьянение, я все же сообразила, что Дункан ляжет спать на коврик у очага, а Иэн устроится в тележке. И хотя внутри меня пылала страсть, я не позволила чувству захватить меня целиком.

– Отец говорил: никогда не пользуйся тем, что женщина пьяна.

– Я не пьяная, мне лучше, и вообще...

Я стала медленно покачивать бедрами.

– Он говорил, что человек, который способен схватить себя за задницу обеими руками, пьяным не считается.

Джейми оценивающе взглянул на меня.

– Не хочу тебя расстраивать, саксоночка, но ты держишь мою задницу, а не свою.

– Ну и что, – возразила я, – мы женаты, поэтому делим все. Мы одна плоть, слова священника.

– Наверное, зря я тебя намазал, – буркнул Джейми себе под нос, – на меня это так не действует.

– Ты мужчина.

Он предпринял последнюю вежливую попытку освободиться.

– М-мммм. – Я зарылась лицом в рубашку у него на груди и слегка укусила. – Жадина!

Эту историю рассказывал граф Монтроз: после какой-то битвы он лежал в чистом поле, полуживой от холода и голода, и его отыскала одна юная девушка. Она стянула с ноги башмачок, размешала в нем ячменную крупу с холодной водой и накормила распростертого на земле графа, тем самым спасла ему жизнь.

Перед моим носом возникла чашка с той же самой живительной пищей, за тем исключением, что моя была теплой.

– Это еще что? – поинтересовалась я, глядя на зерна невнятного цвета, плавающие брюхом кверху в мутной водянистой жиже. Они напоминали личинок-утопленниц.

– Ячменный бульон! – гордо провозгласил Иэн, любовно глядя на чашку, словно на собственного первенца. – Сам сварил! Крупу взял в том мешке, что ты от Мюллеров принесла.

– Благодарю, – ответила я и сделала осторожный глоток. Вряд ли он все же смешивал воду с крупой в своем башмаке, хотя пахло именно так. – Очень вкусно. Очень мило с твоей стороны, Иэн.

Мальчишка покраснел от удовольствия.

– Ой, да не за что, тетя, там еще много. А может, принести тебе сыра? Только срежу корки с плесенью.

– Нет-нет, спасибо, – поспешно отказалась я. – Не сходить ли тебе на охоту? Вдруг попадется белка или кролик? Мне уже лучше, хватит силы приготовить что-нибудь на ужин.

Длинное худощавое лицо Иэна осветилось лучезарной улыбкой.

– Как же я рад, тетя, – счастливо вздохнул он. – Если бы ты видела, чем мы тут питались с дядей Джейми, пока тебя не было!

Он ушел, а я осталась лежать на подушках, раздумывая, куда бы деть чашку с бульоном. Пить его мне не хотелось, но я чувствовала себя, словно кусок подтаявшего масла – мягкой, слабой, почти жидкой. Встать с постели казалось невероятно сложным.

Накануне Джейми без дальнейших возражений отнес меня в постель и там окончательно отогрел, неспешно и вдумчиво. Хорошо, что он не пошел на охоту вместе с Иэном. Бедняга насквозь пропах камфарой, звери учуют его за милю.

Заботливо подоткнув килт, он оставил меня засыпать, а сам отправился

поприветствовать Дункана более формально и предложить ему воспользоваться гостеприимством нашего дома. Я слышала, как мужчины переговариваются снаружи, сидя на крылечке в лучах теплого послеобеденного солнца. Длинные, неяркие лучи проникали в комнату через окно, освещая деревянную обстановку хижины.

Солнечные лучи подсвечивали и череп. Он стоял на письменном столе в углу комнаты вместе с глиняным кувшином с букетом цветов и моим медицинским журналом, являя собой чудесный натюрморт, иллюстрирующий картину уютной семейной жизни.

Вид медицинского журнала вывел меня из оцепенения. Роды, которые я приняла на ферме Мюллера, расплывались в памяти; надо сделать записи, пока хоть что-нибудь помню.

Я зевнула, потянулась и села в кровати. Я все еще чувствовала себя полупьяной, в ушах шумело от вчерашнего бренди, все тело ломило – где-то больше, где-то меньше, однако в общем и целом работать я могла. А еще я проголодалась.

Я надеялась, что Иэн вернется с мясом для жаркого. Я не настолько глупа, чтоб набивать урчащий живот сыром и соленой рыбой; вкусный, наваристый бульон из бельчатины с зеленым луком и сушеными грибами – вот то, что доктор прописал.

Думая о бульоне, я поднялась с кровати, прошлепала к очагу и вылила жидкую кашу из ячменя обратно в горшок. Иэн наварил ячменя на целый полк, разумеется, предполагая, что в полку будут служить исключительно шотландцы. Только они с удовольствием могли поглощать жидкую безвкусную кашу, потому что росли на суровой, неплодородной земле. У меня кишка тонка, чтобы проглотить такое.

У очага стоял открытый мешок с ячменем, причем мешковина все еще была влажной. Нужно рассыпать крупу и просушить, иначе она испортится. Ушибленное колено немного побаливало, но я все равно принесла плоскую корзину из плетеного тростника и высыпала туда зерно, распределив по дну тонким слоем.

– А губы у него чувствительные, Дункан? – донесся из открытого окна голос Джейми. Оконные шторы были скручены, чтобы проветрить, и я учуяла табачный дымок трубки Дункана. – Глаза вроде добрые.

– Да, он отличный малый. – В голосе Дункана прозвучали нотки гордости. – И губы чувствительные, точно. Конюх мисс Ио купил его на ярмарке в Уилмингтоне; говорит, одной рукой справишься.

– Ну, что ж, симпатичный.

Деревянная скамья скрипнула – один из мужчин поднялся. Очевидно,

похвалив животное, Джейми ушел от прямого ответа. Интересно, Дункан тоже это понял?

Отчасти Джейми руководила обычная спесь, он родился в седле, а у прирожденного наездника вызывала презрение сама мысль о том, что для того, чтобы справиться с лошадью, вообще нужны руки. Я видела, как он заставлял лошадь слушаться, всего лишь сжимая посильней бедра и колени, а еще как он мчался галопом по полю, и поводья болтались у лошади на шее, потому что в руках у него был меч или ружье.

Но Дункан не был ни конюхом, ни солдатом; он всю жизнь прорыбачил в окрестностях Ардроссана в Шотландии, пока восстание не подхватило его и не унесло прочь от сетей и лодки, как многих других.

Джейми оказался достаточно тактичен и не стал указывать Дункану на недостаток опыта, тем не менее он подразумевал кое-что другое. Интересно, сообразит ли Дункан?

– Она хотела помочь тебе, Макдью, – очень сухо сказал Дункан. Похоже, намек уловил. Прекрасно.

– Я и не спорю, – так же сухо ответил Джейми.

– Хм...

Я улыбнулась, несмотря на резкий тон их разговора. Дункан тоже был искусен в мастерстве вести беседу обиняками, присущем всем шотландцам. Всего лишь хмыкнув, он высказал и легкое недовольство нежеланием Джейми принимать в подарок лошадь от Иокасты, и готовность простить за неприятный намек.

– Кстати, ты решил? – Дункан внезапно сменил тему разговора. – Синклер или Джорди Чишолм?

Он продолжил, не дожидаясь ответа Джейми, но по тону было ясно, что все это он говорил и раньше. Интересно, подумала я, кого он пытается убедить в первую очередь – Джейми или себя. А может, просто хочет снова изложить все «за» и «против», чтобы легче было принять решение?

– Да, конечно, Синклер в прошлом бондарь, зато Джорджи – хороший парень, он бережлив, к тому же у него двое сыновей, совсем крошек. Синклер не женат, ему не надо содержать семью, но...

– Ему нужен станок, инструменты, железо и дерево, – перебил Джейми. – Конечно, спать он может в мастерской, но все эти штуки для бондаря стоят кучу денег. Да, Джорджи надо кормить семью, однако мы будем ему помогать, а инструментов ему для начала надо немного. Топор-то у него есть?

– Сейчас время посевов, Макдью. Пока он расчистит поле...

– Да знаю я, самому пришлось! – запальчиво возразил Джейми. –

Месяц назад только пять акров кукурузой засадил. А сперва деревья вырубил. Пока ты, Дункан, прохлаждался в «Горной реке», сидел в тавернах и совал нос в мои дела, касающиеся новой лошади.

Я распознала невысказанный упрек, Дункан тоже. Воцарившееся молчание было красноречивее всех слов.

Скрип скамьи.

– Тетя Ио передала тебе подарочек.

– Ах, вот как?

– Бутылку виски, – Дункан явно улыбался. Джейми хмыкнул в ответ.

– Вот как? – Теперь его голос звучал совершенно иначе. – Заботливо.

– Так и есть. – Скрип и шорохи, – видимо, Дункан встал. – Пойдем-ка за ней сходим, Макдью. Надеюсь, добрый глоток виски тебя утихомирит.

– Возможно, – уныло ответил Джейми. – Я не спал всю ночь, вот и злой, точно кабан в брачный период. Ты уж прости, Дункан.

– Ладно, забудь.

Раздался негромкий звук – шлепок по плечу, – и я услышала удаляющиеся шаги. Я подошла к окну и посмотрела им вслед. Волосы Джейми отливали темной бронзой в лучах заходящего солнца. Он склонил голову, слушая низкорослого товарища, – бурно жестикулируя, тот что-то рассказывал. Движения единственной руки Дункана совпадали с размеренным ритмом его шагов, весь он напоминал большую марионетку.

Что бы с ним стало, подумала я, если бы Джейми не отыскал его и не нашел ему место? В Шотландии однорукому рыбаку пришлось бы туго. Ясное дело, впереди ждала нужда. Может, и голод. А может, пришлось бы воровать, чтобы выжить, и в результате кончил бы он на виселице, как Гэвин Хэйз.

Здесь же начинался новый мир, жизнь сулила множество возможностей. Не удивительно, что Джейми волновался о том, кому стоит дать шанс на лучшее начало – бондарю Синклеру или фермеру Чишолму.

Конечно, хорошо иметь под рукой бондаря, мужчинам не придется отправляться в долгий путь до Кросс-Крика или Аверасборо, чтобы достать бочки для смолы, скипидара, соленого мяса и сидра. Но оборудовать мастерскую очень дорого, даже самое необходимое стоит больших денег. Кроме того, нужно принимать в расчет, что у Чишолма есть жена и дети, что с ними будет дальше, если не помочь?

Дункан нашел примерно тридцать человек из Ардсмур. Гэвин Хэйз был первым, и мы сделали для него все, что было в наших силах, даже проводили в последний путь. Двое погибли: один от лихорадки, второй утонул. Трое других подписали купчую на небольшие земельные наделы

где-то на окраине и отбыли туда, взяв с собой лишь топоры и скромные узелки с одеждой, остальное пришлось отдать в уплату агенту.

Из оставшихся порядка двадцати получили хорошие участки вдоль реки, Джейми вложил туда свои деньги. Последний из бывших узников слегка повредился умом, однако один из бывших сокамерников все же нанял его помогать по хозяйству, так что дурачок сам зарабатывал себе на жизнь. Мы вложили туда почти все, что у нас было, – скромный запас наличных, векселя в счет еще не собранного урожая и вытрясшую из меня всю душу поездку в Кросс-Крик.

Джейми прошел там по всем знакомым, одалживая у каждого понемногу, а затем отправился в рейд по портовым тавернам, где играл с местными завсегдатаями. Три ночи без сна – и сумма увеличилась вчетверо, хотя ему чудом удалось избежать удара ножом в спину.

Я долго смотрела на узкий разрез сзади у него на пальто, не говоря ни слова.

– Что это? – наконец хрипло спросила я.

Джейми пожал плечами.

– Неважно, – ответил он, – все позади.

Затем он умылся, побрился и отправился раздавать долги, выплатив каждому немного больше. У нас осталось достаточно, чтобы купить семян, еще одного мула для пахоты, козу и несколько поросят.

Я больше ни о чем не спрашивала, просто заштопала пальто и уложила Джейми в постель, когда он вернулся от фермеров. И долго сидела рядом, пока он спал, глядя, как разглаживаются усталые морщинки на его лице.

Я взяла его за руку, тяжелую и вялую ото сна, и водила пальцами по линиям на мозолистой ладони. Линии ума, сердца и жизни были длинными и глубокими. Сколько других жизней связано теперь с этой линией?

Моя собственная. Жизни колонистов. Жизни Фергуса и Марсали, которые только что вернулись с Ямайки и привезли с собой Жермена, круглощечного блондинистого малыша, на младенчески пухлой ладони которого отпечаталась и судьба его отца, потерявшего голову от любви к отпрыску.

Размышляя обо всем этом, я невидящими глазами смотрела в окно. Джейми с Иэном построили для них небольшую хижину всего лишь в миле от нашей. Теперь по вечерам Марсали будет заглядывать в гости и приносить с собой сынишку. Я смогу с ним видаться, подумала я, отчаянно скучая по Бри. Жермен заменит мне другого внука, которого я никогда не возьму на руки.

С тяжелым вздохом я встряхнула головой, чтобы отогнать горестные

мысли.

Джейми и Дункан вернулись с бутылкой виски и мирно беседовали у загона. Между ними уже не чувствовалось напряжения – до поры до времени.

Я распределила отсыревший ячмень тонким слоем по дну корзины и оставила его сушиться возле очага, затем подошла к письменному столу, сняла крышку с чернильницы и раскрыла тетрадь. Я быстро записала подробности появления на свет новорожденного Мюллера: роды были долгими, но в целом все прошло нормально, без осложнений. Странно только, что ребенок родился в пузыре...

Я бросила писать и покачала головой. Из-за мыслей о Джейми я отвлеклась от работы. Дочь Петронеллы родилась как все. Я точно помнила, как из лона показалась темноволосая головка. Я дотронулась до нее и почувствовала биение пульса прямо под кожей. Я прекрасно запомнила ощущение мокрых волосиков на пальцах; на ощупь они напоминали влажный пух только что вылупившегося цыпленка.

«Это все сон», – подумала я. Когда я спала в норе под деревом, мне снился сон, и два события смешались в голове – роды у Мюллеров и рождение Брианны. Это Брианна родилась в пузыре.

Шотландцы зовут его дурацким колпаком и верят, что он приносит удачу. Счастливое предзнаменование, говорят они, – значит, в дальнейшей жизни человек не утонет. Некоторые из таких детей получали в дар способность ясновидения; я встречала пару таких, у которых открывался «третий глаз», и стала сомневаться, что это действительно дар.

К счастью или нет, Брианна никогда не выказывала признаков непостижимого кельтского «знания». Думаю, это к лучшему. Я сама обладала особым видом предчувствия – просто знала, что некоторые вещи обязательно произойдут, – и никому не пожелала бы жить с такой осведомленностью.

На лежащей передо мной странице я бессознательно набросала девичью головку – длинный локон, прямой нос, – но само лицо прорисовывать не стала. Я не художница. Я училась делать анатомические зарисовки в медицинских целях, я могла точно воспроизводить очертания тел, но способности Брианны вдохнуть в мертвые линии жизнь у меня не было. Этот набросок был всего лишь опорой, я смотрела на него, а память сама дорисовывала черты лица. Попытки перенести воспоминания на бумагу могли привести к тому, что память откажется воспроизводить лицо дочери, а рисковать я не хотела.

А вызвала бы я ее саму, как есть, из плоти и крови, если бы могла?

Нет. Лучше тысячу раз вспоминать ее, зная, что она в своем времени – удобном и спокойном, – чем желать, чтобы она оказалась здесь, среди опасностей и жестокости. Но это не значит, что я по ней не скучала.

Первый раз в жизни в моей душе шевельнулось сочувствие к Иокасте Кэмерон, к ее страстному желанию непременно иметь наследника, оставить кого-то после себя, кто займет ее место. Убедиться, что жизнь прожита не напрасно.

За окном сгущались сумерки, темнота наступала с полей, из леса и с реки. Принято говорить «наступила ночь», но это не так. Темнота нарастала постепенно, сперва затапливала низины, затем укрывала тенью холмы, незаметно ползла вверх по стволам деревьев и сливалась с темнотой усеянного звездами неба над головой.

Я сидела у окна, глядя, как медленно бродят лошади в загоне. Темнота не столько скрывала, сколько изменяла их – четче обрисовывались изгибы шей и крутые линии крупов. Все вокруг, каждый силуэт, каждая травинка, явились теперь такими, какие есть, без иллюзорных прикрас света с тенью, искажающих восприятие днем.

Я проводила пальцем по линиям рисунка снова и снова, вперившись в окно, за которым сгущалась тьма. Тайны моего сердца предстали во всей своей простоте. Нет, я не хотела, чтобы Брианна оказалась здесь. Но это не значит, что я по ней не скучала.

Я закончила записи и тихо посидела с минуту. Хотя нужно было вставать и готовить ужин, после всех ночных испытаний сил почти не осталось. Все тело ломило, в разбитом колене пульсировала боль. Хотелось только вернуться в постель.

Вместо этого я взяла череп, который стоял на столе рядом с медицинским журналом, и пробежала по нему пальцами. Довольно мрачное украшение для комнаты, надо признать, однако меня почему-то тянуло его трогать. Я всегда восторгалась костями и животных, и человека – изящные и крепкие, это все, что после нас остается. Жизнь, сведенная к основе.

И тут впервые за много лет пришло воспоминание: крошечная темная кладовая в Париже за магазинчиком аптекаря, стены в полках, как пчелиные соты, в каждой ячейке – отполированный череп. Там были представлены все животные, от землеройки до волка, от мыши до медведя. Я сидела сейчас, положив руку на голову моему неизвестному другу, а в ушах звучал голос Мастера Раймонда.

– Нравится? – спросил он, когда я потрогала крутой лоб

отполированного лосиного черепа. – Довольно необычное чувство при взгляде на череп, милочка.

Но Мастер Раймонд понимал, что я чувствую. А я знала, что он понимал, потому что, когда я спросила, зачем ему столько черепов, он улыбнулся и ответил:

– Какая-никакая, а компания.

Да, череп неизвестного господина, который я нечаянно обнаружила, составил мне неплохую компанию в той темной холодной дыре. В который раз я подумала, есть ли связь между черепом и явлением духа, которого я встретила в горах, – индейца с лицом, разукрашенным черной краской.

Я поднесла череп к окну, рассматривая его в неярком свете заходящего солнца. С одной стороны зубы у него были раздроблены так, словно он получил сильнейший удар в челюсть – камнем, дубинкой или прикладом ружья, с другой – зубы остались в прекрасном состоянии. Я, конечно, не эксперт, но, похоже, это череп взрослого мужчины лет сорока. К такому возрасту зубы должны были бы порядком истереться, учитывая то, что индейцы в основном готовят все из кукурузной муки, а для того, чтобы ее получить, перетирают кукурузные зерна между двух камней, поэтому в лепешках часто попадаются твердые зерна. Однако резцы и клыки с неповрежденной стороны у черепа почти не стерлись.

Я перевернула его, чтобы посмотреть, истерлись ли коренные зубы, но тут же застыла, вздрогнув от холода. Да, от холода, несмотря на то что за спиной горел огонь в очаге. Мне стало так же холодно, как в той темной сырой норе без огня, где я провела ночь наедине с головой мертвеца. В лучах заходящего солнца блестело серебряное обручальное кольцо на руке, а еще серебряные коронки во рту моего недавно обретенного товарища.

Я с минуту постояла не двигаясь, затем поставила череп на стол так осторожно, словно тот был хрустальным.

– Боже мой, – прошептала я, позабыв об усталости, глядя в пустые глазницы и на криво ухмыляющийся рот. – Боже правый, да кто же ты такой?

– И кем, ты думаешь, он был? – Джейми осторожно потрогал череп. Дункан отправился в уборную, Иэн пошел кормить свиней. Я не могла держать открытие при себе, хотелось кому-нибудь рассказать.

– Понятия не имею. Конечно, если он не был кем-то... вроде меня. – По моему телу пробежала дрожь.

Джейми нахмурился.

– Ты не простыла, саксоночка?

– Нет, – я слабо улыбнулась. – Мороз по коже пробежал.

Он снял с крючка на двери мою шаль и обернул меня ею. Его руки задержались на моих плечах, теплые и родные.

– Очевидно, – тихо проронил Джейми, – где-то здесь есть еще... место. Может быть, совсем рядом.

Еще один каменный круг или что-то подобное. Я тоже об этом думала, и предположение Джейми заставило меня вздрогнуть. Джейми задумчиво глядел на череп, потом вынул из рукава платок и аккуратно прикрыл пустые глазницы.

– После ужина похороню, – произнес он.

– Ах да, ужин. – Я заправила волосы за уши. – Посмотрим, есть ли яйца, тогда приготовлю все быстро.

– Не утруждайся, саксоночка, доедим это. – Джейми указал на горшок с ячменным бульоном.

На этот раз я вздрогнула от омерзения.

– Уф!..

Он ухмыльнулся.

– Что не так с отличным ячменным бульоном?

– Если с отличным, тогда конечно, – ответила я, неприязненно глядя на горшок. – Только пахнет словно каша из браги.

Суп, приготовленный из непроваренного ячменя, успел постоять и остыть, он покрылся пленкой и источал запах забродившего теста.

– Кстати, – я слегка пнула носком туфли мешок с ячменем, – зерно нужно просушить, не то заплесневеет.

Джейми смотрел на мерзкий бульон, задумчиво сдвинув брови.

– Что?.. – машинально переспросил он. – А, хорошо, сделаю.

Джейми взвалил мешок на плечо, однако остановился, посмотрев на прикрытый платком череп.

– Говоришь, ты не уверена, что он был христианином? С чего ты это взяла?

С улицы донеслись приближающиеся голоса Дункана и Иэна, времени рассказать сон не оставалось – если это был сон.

– Да так, просто. – Я пожала плечами.

– Ну ладно, – сказал Джейми, – дадим ему время, пусть определяется.

Глава 24

Писать письмо – великое искусство

Оксфорд, март 1971-го

Роджер отметил, что в Инвернесе и Оксфорде дожди идут одинаково часто, но на севере дождь ему нравился. Пронизывающие ветра с Мори-Ферт и ледяные капли весьма бодрили дух.

Шотландия была его домом, и там вместе с ним была Брианна. А теперь она уехала в Америку, а Роджер осел в Англии, в промозгом и сыром Оксфорде, где улицы и здания серы, словно пепел погребальных костров. Капли дождя стекали по складкам черной оксфордской мантии. Роджер спрятал под ней стопку бумаг, когда шел через двор. У стойки портье он отряхнулся, совсем как собака. Каменный пол усеяли брызги воды.

– Есть письма?

– По-моему, да, мистер Уэйкфилд, секундочку. – Мартин скрылся в своей каморке, а Роджер остался изучать имена погибших на войне студентов, что были выгравированы на мраморной плите у входа.

Джордж Ванландингем, эсквайр, достопочтенный Филлип Мензис, Джозеф Уильям Роско. Роджер много размышлял о погибших героях, о том, какими они были. Познакомившись с Брианной и ее матерью, он пришел к выводу, что прошлое довольно часто оказывает на настоящее странное влияние.

– Вот, мистер Уэйкфилд. – Мартин перегнулся через стойку, протягивая ему тонкую стопку писем. – Одно из Штатов, – добавил он, добродушно подмигнув.

Роджер почувствовал, как его лицо расплывается в ответной улыбке, по всему телу разлилось приятное тепло, несмотря на дождливый день.

– Скоро мы вновь увидим вашу юную подругу, мистер Уэйкфилд? – Мартин вытянул шею, словно журавль, пытаясь разглядеть письмо с американским штемпелем. Портье познакомился с Брианной незадолго до Рождества, когда она заходила в общежитие вместе с Роджером, и сразу же пал жертвой ее чар.

– Надеюсь! Может быть, летом. Спасибо, Мартин!

Роджер пошел к лестнице, убрав письма в рукав мантии. При мысли о

лете его охватили волнение и радость. Брианна обещала приехать в июле, но до июля еще четыре месяца; когда настроение падало, Роджер сомневался, что эти месяцы пролетят как четыре дня.

Роджер вынул письма из рукава и спрятал их во внутренний карман, поближе к сердцу. Брианна писала раз в несколько дней, у нее выходили то короткие записки, то целые романы, и каждое письмо рождало радость, которая тлела в груди до прихода следующего письма.

В те дни ее письма были наполнены чувствами: в каждой строчке сквозила теплая привязанность, каждое заканчивалось словами «С любовью», в каждом говорилось о том, как она скучает и как хочет быть с ним. Хотя, конечно, строки не пылали дикой страстью.

Возможно, это в порядке вещей: они знакомы довольно давно, и невозможно все это время изо дня в день строчить страстные послания.

Наверное, он просто вообразил себе, что Брианна держится в письмах несколько отстраненно. Зато без переборов – например, девушка его друга как-то состригла у себя лобковые волосы и отправила их в конверте вместе с письмом. Роджер больше ценил чувства, а не эксцентричные выходки.

Он откусил от сэндвича и, пережевывая, задумался о последней статье, которую показала ему Фиона. Она вышла замуж и теперь считала себя экспертом в вопросах любви и брака. По-сестрински интересуясь делами Роджера на любовном фронте, она собирала вырезки с советами из женских журналов и отправляла ему. Последняя из статей была вырезана из журнала «Мой еженедельник» и называлась «Как заинтересовать мужчину». «Наживка для простаков», – написала Фиона на полях.

«Разделяй его увлечения, – гласил один из пунктов. – Если ты считаешь, что футбол – полная ерунда, но он от него в восторге, присядь рядом и спроси, каковы на этой неделе шансы на победу у «Арсенала». Футбол, может, и скучен, зато он сам – нет».

Роджер криво усмехнулся. Что ж, он разделяет увлечения Брианны, если постоянные розыски родителей с их дурацкой историей, от которой волосы дыбом встают, считать увлечением. Значит, общие интересы у них все же есть, черт побери.

«Будь недоступной, – советовали в следующем абзаце. – Ничто не возбуждает влечение мужчины так сильно, как расстояние. Не подпускай его слишком близко и слишком скоро».

А вдруг Брианна читает подобные статьи в американских журналах?.. Роджер тут же прогнал эту мысль. Нет, она лишь порой листала журналы мод; Брианна Рэндалл, как и сам Роджер, не могла играть в глупые игры.

Она не станет отталкивать его только затем, чтобы разжечь интерес. Для чего? Она и так знает, как он к ней относится.

Точно знает?.. С тяжелым чувством Роджер пробежал глазами следующий совет из «Еженедельника»: «Не думай, что он читает твои мысли, намекни ему о своих чувствах».

Роджер, не глядя, впился зубами в сэндвич и стал жевать. Он ведь намекал. Раскрыл свою чертову душу. А она прыгнула в самолет и сбежала в Бостон.

Роджер вздохнул и положил надкушенный и абсолютно безвкусный сэндвич на пластиковый поднос. Он взял чашку с напитком, который в университетской столовой гордо именовали «кофе», но пить не стал, лишь посидел угрюмо, грея руки о чашку.

Проблема была в том, что, хотя ему и удалось отвлечь Брианну от поисков в прошлом, сам он не мог перестать о них думать. Клэр и чертов шотландец занимали его мысли с утра до ночи, он проникся к ним, будто к собственным родителям.

«Всегда будь честной», – советовали в пункте № 3. Может, если бы он последовал совету и помог Брианне все выяснить, дух Джейми Фрейзера утомился бы, а вместе с ним и Роджер.

– Сволочь, – выругался он сквозь зубы.

Девушка рядом швырнула чашку на поднос и резко поднялась.

– Сам ты сволочь, – бросила она и ушла.

Роджер посмотрел ей вслед.

– Не исключено, – с горечью произнес он.

Глава 25

Наступить на змею

Октябрь 1768-го

В общем-то, против змей я ничего не имела. Змеи пожирали крыс, что само по себе достойно похвалы, у некоторых из них были на спине красивые узоры, и у большинства хватало ума, чтобы вовремя отползти с моей дороги. Живи сам и дай жить другим – мой основной принцип.

Но это все теория. А на практике я резко возражала против огромной змеи, которая свилась кольцом на сиденье в уборной. Даже не беря в расчет тот факт, что змея причиняла мне определенное неудобство, крысу она не жрала и эстетического удовольствия не доставляла – ее кожа была грязновато-серой в темных разводах.

Моя главная претензия к змее заключалась в том, что она была гремучей. С другой стороны, только тихий треск погремушки на змеином хвосте и насторожил меня, а то бы я уселась сверху, не разглядев ее в рассветных сумерках.

Звук пригвоздил меня к месту. Я осторожно сделала шаг назад, отступая к двери тесной уборной. Змее это не понравилось – треск погремушки стал громче. Кончик хвоста, высунувшийся из свитка темно-серых колец, яростно трясся, как будто змея грозила мне пальцем.

Во рту пересохло, и я прикусила щеку, чтобы вызвать слюноотделение.

Сколько же в ней метров? Брианна, почерпнув сведения из книжки для девочек-скаутов, говорила, что гремучая змея способна броситься на расстояние примерно в одну треть от собственной длины. Между моими бедрами, прикрытыми только ночной рубашкой, и отвратительной головой с немигающими глазами оставалось не более двух футов.

Змея, наверно, футов шесть в длину. Кольцо насчитывалось неприятно много, и под кожей виднелись крепкие мышцы. Это была чертовски большая змея; от страха, что она укусит меня прямо в промежность – вот уж позору не оберешься, – я стояла тихо, как мышка.

Но не могла же я так стоять все время! Если отодвинуть в сторону прочие соображения, испуг от встречи со змеей несколько не снизил желания оправить естественные надобности.

Вроде бы змеи глуховаты... Позвать на помощь. А если они все же

слышат? Была же какая-то история про Шерлока Холмса, когда змея откликнулась на свист. А что, может, змея на свист не обидится... Я осторожно вытянула губы и попробовала посвистеть. Из губ беззвучно вырвалась струйка воздуха.

– Клэр, – раздался позади удивленный голос, – какого черта ты там делаешь?

Я подпрыгнула от неожиданности, змея тоже – по крайней мере, она точно дернулась от звука, распрямив кольца, а значит, готовилась напасть.

Я приросла к дверной раме, и змея замерла на месте, но погремушка трещала по-прежнему, словно дребезжащий по утрам будильник.

– Тут чертова змея, – прошипела я сквозь зубы, стараясь не шевелить губами.

– А почему ты там стоишь? Уйди в сторону, я ее выброшу, – сказал, подходя, Джейми.

Змея тоже его услышала – определенно, она не была глухой – и затрясла хвостом сильнее.

– Ага, – произнес Джейми совершенно другим тоном. Я услышала, как хрустнула ветка у него под ногой, когда он очутился позади меня. – Стой спокойно, саксоночка.

Не успела я достойно ответить на этот мудрый совет, как мимо просвистел тяжелый камень и угодил прямо в змею. Извивающийся запутанный клубок, напоминающий гордиев узел, с неприятным всплеском упал в выгребную яму.

Я не стала дожидаться храброго победителя, а развернулась и побежала в ближайший лесок. Намокшие от росы полы рубашки били меня по икрам.

Я вернулась через несколько минут уже в более адекватном состоянии и обнаружила, что Джейми с юным Иэном вдвоем забили в уборную, склонившись над дырой, – в ужасной тесноте, учитывая, что оба были довольно крупными. Иэн с сосновым факелом опустил на корточки у сиденья, вглядываясь в неизведанные глубины.

– Они умеют плавать? – спросил парнишка у Джейми в попытках разглядеть что-либо поверх его головы, не подпалив дядины волосы.

– Понятия не имею, – с сомнением протянул Джейми, – может, и умеют. Но я больше опасюсь, что они умеют прыгать.

Иэн отпрянул назад и робко усмехнулся, не зная, шутит дядя или нет.

– Слушай, я что-то вижу, дай-ка мне факел. – Джейми протянул руку за факелом и осторожно опустил его вниз. – Если факел не потухнет от смрада, мы подожжем уборную, – пробормотал он, склоняясь ниже. – И где

же эта тварь?

– Вот она, смотри! – воскликнул Иэн.

Оба резко наклонились и стукнулись лбами; раздался звук, будто треснула дыня. Джейми выронил факел, тот упал в дыру и тут же погас. Из дыры вышла белая струйка, напоминающая дымок фимиама.

Джейми вскочил на ноги, прижав ко лбу ладонь и от боли прикрыв глаза. Юный Иэн отпрянул к стене уборной, одними губами отрывисто шепча что-то по-гэльски.

– Она живая? – спросила я, тревожно вглядываясь в дыру.

Джейми открыл один глаз и посмотрел на меня сквозь пальцы.

– Жить буду, спасибо, – ответил он, – но в ушах позвенит порядком.

– Да ладно, – возразила я. – Чтоб проломить твою черепушку, нужна кувалда, не меньше. Стой, дай я посмотрю.

Я отвела в сторону его ладонь и заставила слегка наклонить голову, чувствуя под пальцами мягкие волосы. На лбу у самой кромки волос появился небольшой синяк.

Я нежно поцеловала Джейми в лоб и осторожно похлопала по затылку.

– Если помрешь, то не от этого.

– Отлично, – сухо ответил Джейми. – Скорей погибну от змеиного укуса, когда в следующий раз устроюсь на стульчаке по своим делам.

– Она отравленная? – спросил Иэн, выходя из уборной. Оказавшись снаружи, он глубоко вдохнул, проветривая легкие.

– Ядовитая, – поправил Джейми. – Все очень просто. Если она тебя укусит и ты заболеешь, значит, змея ядовитая; если ты укусишь ее и заболеешь, значит, змея отравлена.

– А-а, ясно, – протянул Иэн, пропустив нравоучение мимо ушей. – Опасная змея, значит?

– Очень опасная, – откликнулась я, вздрогнув.

– И что ты с ней будешь делать? – спросила я, повернувшись к Джейми.

Он приподнял бровь.

– Я? А почему я должен с ней что-то делать?

– Нельзя же просто оставить ее там.

– Отчего же? – спросил Джейми, приподняв другую бровь.

Иэн почесал было голову, но заморгал, обнаружив шишку, и отдернул руку.

– Не знаю, дядя, – с сомнением произнес он. – Если тебе не страшно трусить причинным местом над гадюкой – дело твое, но мне даже подумать о таком боязно. Она большая?

– Приличная, что есть, то есть. – Джейми вытянул руку, продемонстрировав примерный размер змеи.

– Ого! – выдохнул Иэн.

– И мы не знаем, умеют ли они прыгать, – поддержала я племянника.

– Зато я знаю, – усмехнулся Джейми. – В одном согласен: при одной мысли, что внизу гадюка, у любого случится запор. И как ты предлагаешь ее достать?

– Может, я застрелю ее из твоего пистолета? – предложил Иэн, предвкушая возможность подержать в руках драгоценный пистолет Джейми. – Затем ее достанем, убьем, да и все.

– А... ее видно?.. – осторожно вставила я.

Джейми задумчиво поскреб подбородок. Он не успел побриться, и под пальцами у него скрипнула рыжеватая щетина.

– Не особо. Там на дне дюймов пять плещется, вряд ли выйдет как следует прицелиться, а я не хочу почему зря расходовать патроны.

– Или давай пригласим на ужин всех Хансенов и пивом напоим. Утопим змею к чертовой матери! – в шутку предложила я, вспомнив весьма многочисленное квакерское семейство, жившее неподалеку.

Иэн захихикал. Джейми смерил меня строгим взглядом и повернулся в сторону леса.

– Я что-нибудь придумаю. Только после завтрака.

К счастью, с завтраком особых хлопот не возникло, куры услужливо снесли девять яиц, да и тесто на хлеб вышло вполне удачным. До горшка с маслом, стоявшего у задней стены в кладовке, добраться не удалось, все наши припасы находились под строгим надзором недавно опоросившейся свиноматки, но Иэн все же забрался внутрь и стянул с полки у двери горшок с вареньем, пока я щеткой для пола отгоняла свинью, покушавшуюся на икры племянника.

– Нужна новая щетка, – подвела я итог, разглядывая результаты неравной борьбы, пока жарились яйца. – Пожалуй, сегодня прогуляюсь к ручью до ивовой рощи.

– Угу. – Джейми с отсутствующим видом вытянул через стол руку и потянулся к хлебной тарелке. Его внимание было полностью поглощено книгой Брикелла «Естественная история Северной Каролины». – Вот, нашел! Помню ведь, что где-то читал про гремучих змей.

Он на ощупь отломил кусок хлеба и, пользуясь им, словно ложкой, зачерпнул и отправил в рот приличный кусок яичницы. Проглотив его, он зачитал вслух отрывок, в одной руке держа книгу, а другой барабана по

столу:

– «Зачастую индейцы вырывают у змей ядовитые зубы, чтобы в будущем, укусив, они не смогли нанести вреда. Сделать это достаточно просто – нужно привязать кусок красной шерстяной ткани к длинному шесту и раздражить змею, чтобы она впилась в него зубами, а потом резко дернуть шест на себя. Зубы застрянут в ткани, вы их легко обнаружите».

– Тетя, у тебя есть что-нибудь красное? – обратился ко мне Иэн, поливая свою порцию яичницы напитком из цикория.

Я покачала головой и стянула с тарелки последнюю колбаску, пока до нее не добралась поисковая рука Джейми.

– Есть синее, зеленое, желтое, серое, белое и коричневое. Красного нет.

– Отличная книжка, дядя Джейми, – одобрительно сказал Иэн. – А что еще про змей написано?

Племянник рыскал по столу голодным взглядом, ища, чем бы поживиться. Я молча потянулась к буфету, достала тарелку с кексами и поставила перед ним.

– Есть немного про то, как гремучие змеи гипнотизируют белок и кроликов. – Джейми ощупал свою тарелку, но она была пуста. Я подвинула ему кекс. – «Крайне интересно наблюдать, как эти змеи сперва зачаровывают белок, ежей, куропаток, а также прочих мелких птиц и зверей, а потом заглатывают их в один присест. Сила гипноза настолько сильна, что если белка или куропатка наткнется на змею, то будет прыгать или порхать с ветки на ветку, покуда не окажется прямоком в змеиной пасти, не в силах сопротивляться хищнице, которая даже не шелохнется, пока не получит добычу».

Рука Джейми, бесплодно блуждавшая по пустой тарелке, наконец наткнулась на кексы. Он тут же схватил один и поднял на меня глаза.

– Черт, никогда такого не видел... Думаешь, правда?

– Вряд ли, – ответила я, отбрасывая кудри со лба. – А в этой книге нет, случайно, дельного совета по поводу взбесившейся свиноматки?

– Не волнуйся, – пробормотал Джейми с набитым ртом, – уж со свиньей я справлюсь. – Он оторвался от книги и осмотрел пустой стол. – Яиц у нас больше нет?

– Есть, но я их оставила для гостя, который спит в амбаре.

Я положила в небольшую корзину два кусочка хлеба и бутылку с настойкой. Смесь отваров золотарника, монарды и дикого бергамота получилась темно-зеленой и пахла как выгоревшее поле, но вдруг да поможет. Уж, во всяком случае, не навредит. По наитию, я схватила амулет

из связанных между собой перьев, что дала мне старая Найавенна. Может, он как-то подбодрит больного.

Наш неожиданный гость был незнакомым индейцем из племени тускарора, его деревня лежала дальше на север. Он пришел на ферму несколько дней назад вместе с другими охотниками из Анна-Уки, они шли по медвежьему следу.

Мы угостили охотников едой и питьем – некоторые из них оказались приятелями Иэна. Пока все ели и пили, я заметила, что этот парень смотрит в чашку остекленевшим взглядом. Осмотрев его, я пришла к выводу, что, скорее всего, у него началась болезнь, которую я знала как корь; она свирепствовала в тех местах.

Парень решил отправиться дальше по следу вместе с остальными охотниками, однако вскоре двое привели его обратно, спотыкающегося и в бреду.

Гость явно мог заразить нас всех опасной болезнью, поэтому я постелила ему в только что отстроенном пустом амбаре и заставила его спутников как следует вымыться в ручье. Они считали процедуру совершенно бессмысленной, но подчинились, хоть и посмеялись надо мной, когда уезжали, оставив товарища на мое попечение.

Индеец лежал на боку, укрытый одеялом. Он не обернулся, хотя должен был услышать, как я шла по тропинке. Что ж, прослушать его можно было и без самодельного стетоскопа – хрипы в легких слышны были с расстояния в шесть футов.

– *Comment ça va?*^[29] – осведомилась я, опускаясь на колени с ним рядом.

Он не ответил. Впрочем, надобности в том не было. Судя по хрипам, я поняла, что у него воспаление легких, а взглянув на него, лишь утвердилась в диагнозе. Глаза потускнели и запали, скулы заострились, на них полыхал лихорадочный румянец.

Я тщетно пыталась уговорить его поесть, он даже ухом не повел, а ему так нужны были силы. Бутылка с водой у его постели опустела. Я принесла еще, однако не стала давать ему сразу, рассудив, что, мучаясь от жажды, он сперва должен выпить настойку.

Индеец сделал несколько глотков, потом замер, струйки зеленой жидкости из уголков рта побежали по лицу. Я попыталась уговорить его по-французски, но он не реагировал; он не осознавал, что я рядом, просто смотрел в серое утреннее небо поверх моего плеча.

Безразличная поза выражала полное отчаяние; видимо, индеец считал, что его бросили умирать на руках у незнакомцев. Во мне зрело смутное

беспокойство, что он прав – вполне вероятно, он умрет, если не будет бороться.

По крайней мере, воду парень принял. Он пил с жадностью, осушил до дна всю бутылку, и я отправилась к ручью, чтобы наполнить ее снова. Вернувшись, я достала из корзины амулет и вытянула над гостем руку с раскачивающейся на веревке связкой перьев. Мне показалось, что в его глазах, прикрытых тяжелым веками, мелькнуло удивление – не то чтобы во мне вспыхнула надежда, но впервые за все время он хотя бы заметил мое существование.

Движимая вдохновением, я опустилась на колени. Конечно, я не знала, как правильно следует проводить обряд, однако я врачевала людей достаточно давно, чтобы понимать: сила внушения антибиотиков не заменит, но это все же лучше, чем ничего.

Я вытянула вверх руку с зажатым в ней амулетом из вороньих перьев, обратила лицо к небу и принялась монотонно бубнить самое распевное из всего, что смогла вспомнить, – а именно, латинский рецепт против сифилиса от доктора Роулингса.

Я вылила в ладонь немного лавандового масла, обмакнула в него перья и смазала ими индейцу виски и горло, тихо и зловеще напевая «Поднять паруса»^[30]. Может, масло утихомирит головную боль. Индеец заворуженно следил за перьями. Я ощущала себя змеей, что гипнотизирует белку, чтобы та угодила ей в пасть.

Я вложила в руку пациента амулет и зажала его пальцы. Затем взяла кувшин с медвежьим жиром с добавкой мяты и изобразила какие-то тайные знаки у него на груди, осторожно втирая мазь подушечками пальцев. От резкого запаха, ударившего в нос, у меня прочистились пазухи; а ему мазь поможет разогнать кровь.

Я завершила ритуал, благословив бутылку с настойкой «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь», и торжественно поднесла ее к губам пациента. Парень зачарованно разомкнул губы и выпил все до капли.

Я укутала его одеялом, поставила рядом корзинку с едой и ушла со смешанными чувствами – с одной стороны, я надеялась, что он выздоровеет, а с другой – раскаивалась, что так провела беднягу.

Я медленно брела вдоль ручья, выискивая глазами что-нибудь полезное. Для лекарственных трав, пожалуй, было еще рановато. Чем старше и толще стебель, тем лучше и полезней будет настой: если растение несколько лет сопротивляется воздействию насекомых, в корнях и стебле у него накапливается больше целебных веществ. По пути я примечала

заросли хелоне и лобелии, росшие вдоль тропинки, чтобы вернуться сюда позднее.

Островки буйно разросшегося водяного кресса плавали тут и там меж камней у берегов ручья, прямо передо мной соблазнительно раскинулся целый ковер из темно-зеленых листьев. А вот и густые заросли первоклассного хвоща! Я спустилась вниз босиком, зная, что придется замочить ноги, подоткнула юбку и осторожно ступила в ручей с ножом в одной руке и с корзиной – в другой. От холодной воды перехватило дыхание.

Через пару мгновений ноги окоченели, но мне было все равно. Я позабыла и о змее в уборной, и о свинье в чулане, и об индейце в амбаре. Стремительно бегущий ручей омывал мои ноги, я чувствовала прикосновения мокрых, холодных стеблей и вдыхала насыщенный аромат зеленых листьев.

У берега порхали стрекозы, их крылья блестели в солнечных лучах, из воды выпрыгивали мелкие рыбешки, пытаясь ухватить мошек до того мелких, что мне и не разглядеть. Где-то выше по течению раздавался громкий тревожный щебет зимородка; вскоре он смолк – видимо, птичка пала чьей-то добычей. Рыбешки, испугнутые моим вторжением, сперва кинулись врассыпную, затем вернулись. Серые и серебристые, желтые и зеленые, черные с белыми крапинками, они резвились в воде, неуловимые, точно солнечные зайчики. Броуновское движение, подумалось мне, глядя, как из-за снующих рыбешек вздымаются со дна облака ила у моих щиколоток.

Все постоянно движется, в том числе и крошечные молекулы, но странным образом это беспрестанное движение производит впечатление великого покоя, и нескончаемые хаотичные столкновения в конечном итоге превращаются в иллюзию всеобщего порядка.

Двигалась и я, принимая участие в этом веселом танце; плечи то пекло солнцем, то накрывало прохладной тенью. Пальцами ног я нащупывала твердое дно между скользких камней, едва различимых в воде. Кисти и ступни онемели от холода, снаружи я словно одеревенела, но внутри все равно жила, совсем как береза, что шелестела листьями над моей головой, или те ивы, что окунули ветви в тихую заводь ниже по течению.

Наверное, легенды о лесных человечках и предания о древесных нимфах зародились именно так: деревья вовсе не оживали и не двигались, и женщины не превращались в деревья, но, когда горячее человеческое тело вдруг сковывало холодом, люди постепенно начинали понимать чувства растений.

Я ощущала, как медленно бьется сердце в груди, как болезненно пульсирует кровь в пальцах. Сок растений. Не отдавая себе отчета, я двигалась в ритме воды и ветра, являя собой часть неспешного идеального мирового порядка.

Когда я подошла к ивовым зарослям, из-за деревьев вдруг раздался громкий вопль, и мысли о хаотичных маленьких движениях мгновенно испарились из головы. Так кричат и звери, например рысь или орел на охоте, но этот крик был человеческим.

Я выскочила из воды, пробралась сквозь заросли и вскоре вышла на небольшую поляну. На холме, выбрасывая коленца, плясал мальчишка, при этом он вопил как полоумный.

– Что случилось? – воскликнула я.

Он уставился на меня широко распахнутыми голубыми глазами, ошарашенный моим внезапным появлением.

Однако я удивилась куда больше. На вид лет десяти-одиннадцати, он был высоким и стройным, как сосновый побег, со спутанной копной медных волос. И его голубые глаза, и заостренный нос были знакомы мне, как собственная ладонь, хотя мальчишку я прежде никогда не встречала.

Сердце забилося где-то у горла, от ног к животу стремительно пополз холод. Я давно научилась реагировать быстро, несмотря на шок, и окинула его взглядом – рубашка и бриджи на нем были добротными, хотя и забрызганными водой, а на голых ногах налипли черные пятна, похожие на капельки грязи.

– Пиявки, – заключила я. Профессионализм медика возобладал над человеческой растерянностью. «Не может быть», – твердила я про себя, прекрасно понимая, что, черт возьми, может. – Это обычные пиявки, они тебя не сожрут.

– Да знаю я, что пиявки! Снимите их! – завопил мальчишка и принялся колотить себя по икрам. – Какая мерзость!

– Не такая уж и мерзость, – возразила я, совладав с собой, – от них даже польза есть.

– Да наплевать на пользу! – взвыл он и затопал ногами. – Я их терпеть не могу, снимите скорее!

– Прекрати лупить по пиявкам, – строго велела я. – Садись, я все сделаю.

Мальчишка засомневался, подозрительно глядя на меня, но все же нехотя сел на камень, вытянув перед собой покрытые пиявками ноги.

– Сейчас же снимите их, – потребовал он.

– Надо подождать, – возразила я. – Ты откуда?

Он беспомощно посмотрел на меня.

– Ты не из местных, – заключила я с уверенностью, – так откуда ты приехал?

Мальчишка сделал попытку собраться.

– Ох... Мы три дня прожили в Салеме... – Он яростно затряс ногами. – Снимите их сейчас же, я вам говорю!

Я знала несколько способов, как снять пиявок, но большинство из них причиняли куда больше боли, чем сами укусы. Три пиявки присосались к одной ноге, четыре к другой. Одна из жирных маленьких тварей, круглая и разбухшая, казалось, вот-вот лопнет. Я поддела ее ногтем большого пальца, и она свалилась мне в ладонь, гладкая, словно камушек, и тяжелая от выпитой крови.

Мальчишка глянул на нее, побледнев, и передернулся от отвращения.

– Не хочу ее убивать, – сказала я будничным тоном и отправилась за корзиной, которую швырнула под дерево, когда кинулась бежать.

Неподалеку на земле я заметила пальто, туфли и чулки, которые сбросил с себя мальчишка. Пряжки на туфлях были простыми, но серебряными, а не оловянными. Пальто из добротного сукна, не вычурное, но простота кроя выдавала качество – столь искусного портного не сыщешь северней Чарльстона. Я не нуждалась в подтверждении, потому что была уверена, тем не менее оно лежало прямо передо мной.

Я зачерпнула в ладонь ила, усадила туда пиявку и швырнула комок в зеленую ряску. Только сейчас я заметила, что руки у меня дрожат. Что за болван! Лживый, мерзкий предатель... Какая муха его укусила, что он вздумал явиться сюда... И что скажет Джейми?

Я вернулась к парнишке, который согнулся пополам и с крайним отвращением взирал на оставшихся пиявок. Еще одна, кажется, напилась. Я опустилась перед ним на колени и сковырнула пиявку, та свалилась на землю и лопнула.

– Ой! – вскрикнул мальчишка.

– Где твой отчим? – резко спросила я. Мало что могло отвлечь внимание мальчишки от собственных ног, однако мне это удалось. Он поднял голову и удивленно посмотрел на меня.

День был прохладным, но у него на лбу выступили капельки пота. Лицо поуже, а рот совсем не похож, подумала я. Пожалуй, сходство все же не столь разительное, как мне показалось вначале.

– Откуда вы меня знаете? – спросил мальчишка и заносчиво выпрямил спину, что при других обстоятельствах было бы крайне забавно.

– Я знаю лишь, что тебя назвали Уильямом, так? – Я обхватила себя за

плечи в надежде, что ошибаюсь. Если он и вправду Уильям, то я знала о нем гораздо больше, но продолжать вряд ли стоило.

У мальчишки заалели щеки, он внимательно осмотрел меня с ног до головы, на время позабыв про пиявок, явно оскорбленный, что с ним так запросто говорит – до меня дошло только теперь – какая-то растрепанная ведьма в подоткнутой юбке. Либо потому, что он был хорошо воспитан, либо потому, что голос у меня отличался от внешнего вида, парень удержался от резких слов, готовых сорваться с губ.

– Да, верно, – коротко ответил он. – Уильям, виконт Ашнесс, девятый граф Элсмир.

– Все сразу? – вежливо заметила я. – Ничего себе!

Я ухватила одну из пиявок двумя пальцами и осторожно потянула. Она растянулась, словно резиновая, но не отлеплялась. Кожа мальчика потянулась следом, и мальчик слегка охнул от боли.

– Бросьте! – сказал он. – Она порвется!

Я поднялась на ноги и одернула юбку, приведя себя в более пристойный вид.

– Пойдем, – сказала я, протянув руку. – Отведу тебя в дом. Посыпем на них солью, вмиг отпадут.

Мальчик отверг протянутую руку и поднялся на ноги самостоятельно, слегка подрагивая. Потом огляделся вокруг, словно кого-то искал.

– Ищу папу, – ответил он на мой немой вопрос, – мы заблудились, и папа велел мне ждать у ручья. Не хочу, чтобы он тревожился, когда вернется и обнаружит, что меня нет.

– Не волнуйся, – сказала я. – Думаю, он сам уже отыскал дом. Тут недалеко.

Верное предположение, особенно учитывая, что наш дом поблизости единственный, и к нему ведет утоптанная тропинка. Скорее всего, лорд Джон Грей специально оставил мальчика и ушел вперед, чтобы предупредить Джейми. Очень предусмотрительно. Я непроизвольно поджала губы.

– Дом Фрейзеров? – спросил мальчик. Он осторожно шагнул, стараясь, чтобы ноги не соприкоснулись. – Мы пришли, чтобы повидать Джеймса Фрейзера.

– Я – миссис Фрейзер, – улыбнулась я. Надо было добавить «твоя мачеха», но я промолчала. – Идем.

Уильям шел за мной через лес так поспешно, что почти наступал мне на пятки. Я спотыкалась о корни деревьев и камни, так как не смотрела под

ноги, борясь с искушением обернуться и заглянуть ему в лицо. Уильям, виконт Ашнесс, девятый граф Элсмир был, может, и не последним человеком, которого я ожидала встретить в лесах Северной Каролины, но, если честно, в этом списке за ним следовал только король Георг – шанс на то, что он вдруг окажется у нас на пороге, был весьма маловероятен.

Чем он думал, этот... этот... я запнулась, подыскивая уничижительные эпитеты, которыми следовало наградить лорда Джона Грея, но сдалась, чтобы поразмыслить о том, как же теперь поступить. И тоже быстро сдалась, потому что ничего поделать я не могла.

Уильям, виконт Ашнесс, девятый граф Элсмир. Ой ли? «Как же ты поступишь, – свирепо думала я, мысленно обращаясь к лорду Джону Грею, – если мальчик узнает, что на самом деле он незаконнорожденный сын помилованного шотландского преступника? И, что важнее, что будет делать шотландский преступник? И что чувствовать?»

Я замерла на месте; мальчик запнулся, чтобы не врезаться в меня.

– Прости, – буркнула я, – показалось, что змею увидела.

Я двинулась дальше. Мысль, заставившая меня остановиться, вызвала резь в желудке, словно дюжина кислых яблок. Неужели лорд Джон затем и привел мальчика, чтобы открыть правду о его происхождении? Вдруг он намеревается оставить его с Джейми, то есть с нами?

Впрочем, подобный поступок не слишком характерен для человека, с которым я познакомилась на Ямайке. У меня были веские причины не любить лорда Джона Грея. Трудно питать искренние симпатии к человеку, который воспылал греховной страстью к твоему мужу, однако следует признать, что беспечность и жестокость были не в его характере. Напротив, он казался мне человеком добрым и честным – по крайней мере, пока я не узнала о его поползновениях в отношении Джейми.

«Быть может, что-то случилось? Мальчику что-то угрожает и лорд Джон стремится укрыть его от опасности? Конечно, выяснить правду об Уильяме никто не мог, она известна только лорду Джону и Джейми. И мне», – добавила я, поразмыслив. «Если не считать внешнего сходства», – я снова подавила желание обернуться и рассмотреть мальчишку получше, – никто бы не заподозрил.

Но если поставить их рядом...

Я выбрала короткую дорогу через заросли кизила, чтобы был повод обернуться и подождать мальчика. Он отстал – низко склонившись, искал туфли с серебряными пряжками, которые нечаянно обронил.

Да нет, решила я про себя, глядя на Уильяма, не так уж сильно он напоминает Джейми. Черты лица со временем обещали стать похожими,

однако пока еще они не совсем определились – то есть пока еще это была лишь форма без содержания. Он вырастет высоким, это очевидно, но сейчас он был ростом с меня, узкоплечим и неуклюжим, и ноги у него были такие тонкие, что, казалось, вот-вот переломятся.

И кожа, и волосы у него гораздо темнее. Кудри мальчика отливали медью в лучах солнца, проникающих сквозь густые заросли, но они скорее каштановые, а не ярко-рыжие, как у Джейми. И кожа у него покрыта золотисто-коричневым загаром, а у Джейми она бронзовая.

Глаза, конечно, фрейзеровские – по-кошачьи раскосые; определенное сходство заключалось и в посадке головы, и в линии плеч, которая вдруг напомнила мне...

Бри! От внезапного открытия меня словно ударило током. Да, мальчик был немного похож на Джейми, но эти постоянные вспышки узнавания при взгляде на него на самом деле имели отношение к Брианне. Он был младше ее лет на десять, и по-детски неопределенные черты Уильяма куда больше схожи с лицом Брианны, чем с лицом Джейми.

Теперь Уильям шагал вровень со мной.

– Еще далеко? – спросил он, слегка приподняв бровь.

От быстрой ходьбы лицо у него раздурманилось, но мальчик выглядел озабоченным и все время смотрел на ноги.

– Нет, – ответила я, махнув в сторону каштановой рощи. – Почти пришли. Видишь дымок?

Он пропустил во всю прыть, не дожидаясь меня, в надежде наконец избавиться от пиявок.

Я быстро пошла следом, потому что не хотела, чтобы Уильям оказался в хижине раньше, чем я. Во мне боролись различные чувства: прежде всего тревога за Джейми, затем немного меньшая досада на лорда Джона, а кроме того – любопытство. И на самом доньшке, глубоко внутри, так что можно было даже притвориться, что ее нет, – отчаянная тоска по дочери, лицо которой я больше не чаяла увидеть.

Джейми и лорд Джон расположились на крыльце у двери. Заслышав шаги, Джейми вскочил и стал вглядываться в сторону леса. У него было время подготовиться. Он равнодушно скользнул взглядом по мальчику и повернулся ко мне.

– А, Клэр! Значит, ты все же обнаружила нашего второго гостя. А я послал за тобой Иэна. Ты, конечно, помнишь лорда Джона?

– Как же, как же! – Я широко улыбнулась его светлости.

Губы у него слегка дрогнули, но он тут же совладал с лицом и поклонился мне. Как может человек остаться столь безукоризненно

элегантным после многих дней в пути верхом на лошади, да еще и ночуя в лесу?

– К вашим услугам, миссис Фрейзер. – Лорд Джон взглянул на мальчика и слегка нахмурился, заметив его растрепанный вид. – Разрешите представить моего пасынка, графа Элмира. Я вижу, Уильям, ты уже познакомился с нашей гостеприимной хозяйкой. Надеюсь, ты окажешь и должное почтение хозяину, капитану Фрейзеру?

Мальчишка переминался с ноги на ногу, почти пританцовывая. Услышав подсказку, он отвесил быстрый поклон в сторону Джейми.

– К вашим услугам, капитан! – произнес он и умоляюще посмотрел на меня, боясь, похоже, что у него вот-вот закончится вся кровь.

– Полагаю, вы нас простите. – Я вежливо извинилась, взяла мальчика за руку и отвела его в хижину, захлопнув дверь прямо перед носом у ошарашенных мужчин. Уильям сразу же уселся на тот стул, что я указала ему, и вытянул ноги, сотрясаясь от дрожи.

– Быстрее, – простонал он, – пожалуйста, быстрее!

Рассыпчатой соли не оказалось; я схватила нож и поспешно отсекла кусок от соляной глыбы, бросила его в ступку и растолкла пестиком. Затем пальцами растерла получившиеся мелкие камни и посыпала на каждую пиявку.

– Довольно жестоко по отношению к бедным старым пиявкам, – сказала я, глядя, как медленно скукоживается первая из них. – Но фокус удался.

Пиявка ослабила хватку и свалилась с ноги Уильяма, а за ней и ее товарки. Они осыпались на пол, мучительно погибая в медленной агонии.

Я собрала их с пола и бросила в огонь, потом опустилась перед мальчишкой на колени, тактично стараясь не смотреть на него, потому что Уильям как раз пытался совладать с лицом.

– Давай обработаю укусы.

По его икрам бежали тонкие струйки крови. Я промокнула их чистой тряпкой, промыла ранки уксусом и отваром зверобоя, чтобы остановить кровотечение.

Уильям испустил облегченный вздох.

– Крови я не боюсь, – храбро сказал он, и стало понятно, что он боится именно крови. – Просто до чего же мерзкие твари!

Я поднялась, смочила чистое полотенце и деловито вытерла грязь с его лица. Не спрашивая, потянулась за расческой и принялась расчесывать спутанные волосы.

Уильям удивился подобной бесцеремонности, но не стал протестовать,

только слегка напрягся. А когда я начала приводить в порядок его волосы, тихо вздохнул и покорно ссутулился.

От мальчика шло приятное тепло, и пальцы у меня отогрелись, пока я перебирала каштановые пряди. Они были очень густыми, слегка волнистыми. На затылке волосы у него росли в другом направлении – будто корова языком лизнула. Я испытала легкое головокружение – у Джейми они росли точно так же и в том же месте.

– Я потерял ленту, – сказал мальчик, беспомощно оглядываясь вокруг, словно она могла вдруг оказаться в хлебнице или в чернильнице.

– Ничего, я дам тебе свою. – Я закончила расчесывать волосы и повязала их желтой лентой, испытывая при этом странную нежность.

Я узнала о его существовании несколько лет назад, и если порой думала о нем, то мне было лишь слегка любопытно, но обидно куда сильнее. Однако теперь во мне что-то переменялось – может, оттого, что мальчик был так похож на мою дочь и на Джейми, а может, оттого, что пришлось о нем позаботиться.

За дверью послышались голоса и взрыв хохота, и ко мне сразу же вернулось раздражение на лорда Джона. Как он осмелился так рисковать чувствами Джейми и мальчика, ради чего? Какого черта он делает тут, в этой глуши, совершенно не подходящей для человека его склада...

Дверь открылась, в проеме показался Джейми.

– Все хорошо? – спросил он и задержал на Уильяме вежливое равнодушное выражение, но я заметила, как впелись его пальцы в дверной косяк, как напряглись его икры и плечи. Вообще весь он был натянут, как струна; казалось, дотронься – и зазвенит.

– Все в порядке. Может, лорд Джон зайдет на чай?

Я повесила над огнем чайник, чтобы вскипятить воду, и с большим сожалением достала последнюю буханку хлеба, которую хотела пустить на новые опыты по производству пенициллина. Понадобилось извлечь из запасов и последнюю бутылку бренди. Затем я поставила на стол горшочек с джемом, пояснив, что масла, к сожалению, не будет, потому что на данный период времени им завладела свинья.

– Свинья? – удивленно переспросил Уильям.

– В кладовой, – кивнула я на дверь.

– А почему вы держите... – начал было мальчик, потом сел ровно и умолк. Видимо, отчим пнул его под столом, продолжая невозмутимо нам улыбаться с чашкой чая в руках.

– Очень мило с вашей стороны нас пригласить, миссис Фрейзер, – заметил лорд Джон, предостерегающе взглянув на пасынка. – Приношу

извинения за наше непредвиденное вторжение; надеюсь, мы не доставим вам особых неудобств.

– Никаких, – ответила я, а про себя подумала: где же нам разместить их на ночь? Допустим, Уильям ляжет в сарае вместе с Иэном, всяко не хуже ночевки под открытым небом, как накануне. Однако сама мысль о том, что мы с Джейми будем спать в кровати на расстоянии вытянутой руки от лорда Джона...

Иэн, всегда ведомый шестым чувством, когда речь шла о еде, возник на пороге именно в этот напряженный момент. Его познакомили с гостями, несколько путаясь в объяснениях, последовали взаимные поклоны, и в тесноте нашей хижины кто-то сбил чайник.

Я воспользовалась досадным недоразумением и отправила Иэна показать Уильяму красоты местной природы, вручив им несколько сэндвичей с джемом и бутылку сидра на двоих. Затем, освободившись от стеснения, связанного с их присутствием, разлила по чашкам бренди и вперилась в лорда Джона немигающим взглядом.

– Зачем вы приехали? – спросила я без всяких экивоков.

Он широко распахнул светлые голубые глаза и недоуменно захлопал длинными ресницами.

– Вовсе не для того, чтобы соблазнять вашего мужа, уверяю.

– Джон! – Джейми стукнул кулаком по столу так, что зазвенели чашки. На щеках у него заалели яркие пятна, глаза внезапно потемнели от ярости.

– Прошу прощения. – Лорд Джон, напротив, резко побледнел, в остальном же остался невозмутим.

Мне вдруг стало ясно, что он переживал не меньше Джейми по поводу их нежданной встречи.

– Приношу извинения, мэм, – сказал он, коротко кивнув мне. – Я вел себя непростительно. От меня не ускользнуло, что с момента нашей встречи вы смотрите на меня так, словно видели, как я валялся в канаве у публичного дома для гомосексуалистов, пользующегося весьма дурной славой.

– Ах, простите, – выдохнула я, – в следующий раз предупреждайте заранее, чтобы я успела совладать с лицом.

Внезапно лорд Джон встал и подошел к окну. И застыл спиной к нам, положив руки на подоконник. Воцарилось напряженное молчание. Мне не хотелось смотреть на Джейми; я заинтересованно уставилась на бутылку с настойкой из семян фенхеля.

– Моя жена умерла, – вдруг проронил лорд Джон. – На корабле, следующем из Америки на Ямайку. Она ехала ко мне.

– Печально слышать, – откликнулся Джейми. – Мальчик был с ней?

– Да. – Лорд Джон повернулся к нам, лучи весеннего солнца золотили ему затылок. – Билли был очень привязан к Изабель. С самого рождения она была ему как мать.

Настоящая мать Билли, Женева Дансейни, умерла при родах; его предполагаемый отец, граф Элсмир, по случайности погиб в тот же день. Так говорил мне Джейми. Похоже, Изабель, сестра Женевы, усыновила сироту, а лорд Джон женился на Изабель, когда Билли было шесть или около того, тогда Джейми как раз уволился от Дансейни.

– Мне очень жаль, – сердечно сказала я, подразумевая не только смерть его супруги.

Лорд Джон посмотрел на меня и едва заметно кивнул в знак признательности.

– Мой губернаторский срок подошел к концу, так что я намеревался подыскать на острове подходящий дом, если бы членам моей семьи подошел климат. Но, как видите... – он пожал плечами. – Билли ужасно грустил, потеряв мать, и мне надо было отвлечь его от горя любыми средствами. Возможность представилась почти сразу. У моей жены обширные владения в Вирджинии, которые она оставила в наследство Уильяму. После ее смерти я получил письмо от управляющего. В нем он спрашивал, как ему следует поступить с плантацией.

Лорд Джон отошел от окна и медленно вернулся за стол, за которым сидели мы с Джейми.

– Мне захотелось осмотреть плантацию, прежде чем решить, что с ней делать, в каком что состоянии, и так далее. Я решил добраться морем до Чарльстона, а оттуда отправиться в глубь страны до Вирджинии. Я предполагал, что новые места и новые переживания отвлекут Уильяма от горьких переживаний; к счастью, так и произошло. В последние недели он выглядит куда более жизнерадостным.

Я открыла было рот, желая заметить, что Фрейзер-Ридж не совсем по пути, но передумала.

Похоже, лорд Джон понял, что у меня на уме, и криво усмехнулся. Надо следить за лицом, решила я. Пусть Джейми с легкостью читал мои мысли – это совсем неплохо, но то, что незнакомцы угадывали, о чем я думаю, – дело другое.

– А где находится плантация? – деликатно осведомился Джейми.

– Ближайший городишко называется Линчбург, он расположен на Джеймс-Ривер.

Лорд Джон покосился на меня и добавил с изрядной долей юмора:

– Пришлось немного отклониться от выбранного курса, чтобы заглянуть к вам. Несколько дней пути – и мы на месте.

Он повернулся к Джейми, слегка нахмурившись:

– Я сказал Билли, что ты мой старый товарищ со времен военной службы. Надеюсь, ты не возражаешь против такого определения?

Джейми покачал головой, хотя уголок его рта слегка дернулся.

– Определение, говоришь? Что ж, вряд ли у тебя было достаточно времени пораскинуть мозгами, учитывая обстоятельства. Но ведь так и есть, если на то пошло.

– А ты уверен, что он тебя не помнит? – спросила я. Джейми работал конюхом у них в поместье, попав в плен после восстания якобитов.

Джейми задумался.

– Когда я уехал из Хэлуотера, ему едва исполнилось шесть, столько же минуло с тех пор. Для мальчишки – целая жизнь. Отчего ему помнить о конюхе по имени Маккензи?

Конечно, с самого начала Билли его не признал, но он был слишком поглощен пиявками. Мне в голову пришла внезапная мысль, и я повернулся к лорду Джону – тот поигрывал табакеркой, которую достал из кармана.

– Скажите, – спросила я, повинувшись порыву, – а вы знаете, как умерла ваша жена?

– Что-что?.. – Вопрос удивил его, но он тут же взял себя в руки. – Служанка сказала, у нее открылся кровавый понос... Не слишком приятная смерть, полагаю.

Кровавый понос – вот как? Может быть что угодно, от дизентерии до холеры.

– А на борту был врач? Кто-то ухаживал за ней?

– Был. – Голос лорда Джона прозвучал сухо. – Что вы пытаетесь выяснить, мэм?

– Ничего, – поспешно заверила я, – просто подумала, что именно там Билли видел, как лечат пиявками.

Догадка озарила его лицо.

– Вот что. Я и не...

Тут я заметила Иэна, который переминался на пороге, не желая прерывать беседу.

– Ты что-то хотел? – спросила я, прерывая лорда Джона.

Парень помотал головой, тряска каштановыми волосами.

– Ничего, спасибо, тетя, только... – Он беспомощно посмотрел на Джейми. – Дядя, я знаю, не стоило разрешать ему...

– Что случилось? – Джейми вскочил на ноги. – Что ты натворил?

– Видишь ли, его светлость попросился в уборную, я рассказал про змею, и он решил, что лучше сходить в лесок, но потом все равно захотел посмотреть на нее, и... и...

– Она его укусила? – в ужасе проронил Джейми.

Лорд Джон метнул на него быстрый взгляд, видимо, хотел спросить то же самое.

– Да нет, – удивленно махнул рукой Иэн, – сначала мы ее не заметили, было слишком темно, и мы сняли крышку, и тогда разглядели ее. И чуть-чуть подразнили палкой. Она зашипела и стала бросаться, как в той книжке, однако кусать ее не хотела. И тогда... и тогда...

Он глянул на лорда Джона и громко сглотнул.

– Это я виноват, – сказал Иэн, покаянно опустив плечи. – Я сказал, что мы собирались пристрелить ее, но не стали расходовать порох. И тогда его светлость сказал, что возьмет папин пистолет в мешке, что привязан к седлу, и в два счета расправится с тварью. И тогда...

– Иэн, – прошипел Джейми, – перестань нести вздор и объясни, что ты сделал с мальчиком. Ты же не застрелил его по ошибке?

Кажется, Иэн всерьез обиделся, что кто-то посмел усомниться в его меткости.

– Конечно, нет!

Лорд Джон вежливо кашлянул, ожидая дальнейших признаний.

– Может, вы будете столь любезны сказать мне, где мой сын?

Иэн сделал глубокий вдох, очевидно, поручая себя милости господней.

– В выгребной яме. У нас есть веревка, дядя Джейми?

С быстротой, достойной восхищения, не расходуя понапрасну лишних слов и движений, Джейми в два прыжка выскочил из дома. Лорд Джон поспешил за ним.

– Он что там, один со змеей? – охнула я, хватая корзину с бельем, чтобы скрутить жгут.

– Ну, тетя, – укорил меня Иэн, – неужели ты думаешь, я бы оставил его, будь там змея? Лучше пойду помогу.

И он тут же исчез.

Я помчалась за ними. Лорд Джон и Джейми стояли плечом к плечу в дверях уборной, взволнованно переговариваясь. Я приподнялась на цыпочки и заглянула через плечо лорда Джона – из дырки в полу на несколько дюймов вверх торчала обломанная ветка орешника.

Я задержала дыхание. Из-за падения лорда Элсмира наружу выплеснулось столько нечистот, что дух в уборной стоял просто невыносимый.

– Он цел, – подбодрил меня Джейми, повернув голову, и снял моток веревки с плеча.

– Слава богу, – вздохнула я. – Так где же змея?

– Туда уползла, – Иэн махнул рукой в ту сторону, откуда я пришла. – Мальчишка выстрелил и, видимо, промахнулся, я ткнул в змею веткой, а мерзкая тварь развернулась и поползла по ней прямо на меня! Я перепугался, завопил, выпустил ветку и толкнул парня, так все и вышло... – сбивчиво закончил он.

Избегая смотреть на Джейми, Иэн наклонился к дыре и крикнул:

– Эй, я рад, что ты не свернул себе шею!

Джейми одарил его взглядом, говорящим, что если кому и стоит свернуть шею, то... однако воздержался от замечаний в целях скорейшего извлечения Уильяма из выгребной ямы.

Операция прошла без осложнений, и горе-стрелок выбрался наружу, вскарабкавшись по веревке, словно гусеница по нитке.

К счастью, яма была полной, поэтому он не ушибся. По случайности девятый граф Элсмир свалился туда лицом вниз. Лорд Джон стоял молча, упершись руками в бока и разглядывая изгвазданного мальчишку. Затем он прикрыл рот рукой, пытаясь то ли скрыть усмешку, то ли спастись от ужасного запаха.

И тут плечи у него задрожали.

– Что нового в подземном царстве, Персефона?

С измазанной физиономии на лорда Джона мрачно уставилась пара голубых глаз. Чисто фрейзеровское выражение. Я испытала приступ дурноты. Рядом передернулся Иэн. Он посмотрел на графа, на Джейми, снова на графа, затем поймал мой взгляд, и вся краска схлынула у него с лица.

Джейми произнес что-то на греческом, лорд Джон откликнулся на том же языке, и оба расхохотались, как ненормальные. Стараясь не глядеть на Иэна, я отвела глаза в сторону Джейми. Все еще подрагивая от смеха, он счел нужным меня просветить:

– Эпихарм. Ученики дельфийского оракула, окончив обучение, бросали в яму мертвую змею, а затем бродили вокруг, пока она разлагалась, вдыхая запах смердящего тела.

Лорд Джон продекламировал, сопровождая слова пафосным жестом:

– Дух небесам, тело земле.

Уильям шумно выдохнул, совсем как Джейми, когда пытался сохранить самообладание. Иэн резко дернулся.

– Не пришло ли к тебе духовное прозрение после столь м-

мистического опыта, Уильям? – поинтересовался лорд Джон, сделав слабую попытку взять себя в руки. Они с Джейми снова прыснули со смеху. Очевидно, их хохот являлся скорее разрядкой после нервного напряжения, нежели следствием неумеренного потребления бренди или излишней веселости.

Его светлость, сверкая глазами, сорвал с себя шейный платок и швырнул его на пол. Теперь, не в силах сдерживаться, захихикал Иэн. У меня у самой живот подрагивал от сдавленного смеха, зато шея Уильяма приобрела оттенок спелого помидора там, где не была заляпана грязью, а мне было прекрасно известно: это значит, что Фрейзеры на грани. Пора прервать веселье.

– Хм-хм, господа, – обратилась я к присутствующим, – вы позволите? Я не сильна в греческой философии, но одну вещь все же запомнила.

Я дала Уильяму кувшин и мыло, которые захватила с собой вместо жгута.

– Пиндар, – провозгласила я. – Лучшее на земле – вода.

С перепачканной рожицы на меня взглянули с благодарностью детские глаза. Его светлость церемонно поклонился мне, затем, скользнув по Иэну презрительным взглядом, неторопливо побрел по траве к ручью. С него текло. Кажется, он потерял в яме туфли.

– Вот чертенок! – угрюмо вздохнул Иэн. – Еще долго благоухать будет.

– Вне всякого сомнения, – заметил лорд Джон. Губы у него слегка подрагивали, но острый приступ любви к греческой поэзии прошел, уступив место заботам. – Ты, случайно, не знаешь, где мой пистолет? Тот самый, из которого стрелял Уильям до сего прискорбного происшествия?

– Ох, – смутился Иэн. – Я... Ну... Боюсь, что...

– Ясно. – Лорд Джон поскреб аккуратно выбритый подбородок.

Джейми пригвоздил Иэна к месту долгим взглядом.

– Ох, – вздохнул тот, отступая на два шага назад.

– Доставай, – непреклонно потребовал Джейми.

– Но... – попытался возразить Иэн.

– Немедленно, – прервал его Джейми и пнул мокрую веревку, лежащую на земле.

Иэн судорожно сглотнул и посмотрел на меня, словно кролик, угодивший в капкан.

– Сперва разденься, – заботливо посоветовала я. – Ты же не хочешь, чтобы нам пришлось сжечь всю одежду?

Глава 26

Чума и мор

Перед закатом я вышла из дома, чтобы провести пациента в амбаре. Лучше ему не стало, но и признаков ухудшения не было: те же затрудненное дыхание и жар. Однако в этот раз запавшие глаза больного встретились с моими, когда я вошла, и следили за мной все время, пока я его осматривала.

В руке индейца все еще был зажат амулет из вороньих перьев. Я дотронулась до него и улыбнулась, затем дала пациенту попить. Он так ничего и не съел, зато выпил немного молока. Сегодня он безо всяких протестов проглотил очередную дозу жаропонижающего. Бедняга лежал неподвижно, пока я осматривала и кормила его, но, когда я достала кусок горячей влажной ткани, чтобы сделать припарку на грудь, он выпростал руку из-под одеяла и схватил мою ладонь.

Другой рукой он постучал себя по груди и издал какой-то жужжащий звук. Я озадачилась, но потом поняла.

– Ты серьезно? – Я потянулась за охапкой целебных трав и спрятала их в складках одежды. – погоди, дай подумать.

Я начала с гимна «Вперед, воины Христа», который, кажется, пришелся ему по душе. Пришлось пропеть гимн три раза, только тогда пациент остался доволен и вновь забрался под одеяло, слегка закашлявшись от испарений камфары.

Я задержалась, выйдя из амбара, чтобы обработать руки спиртом, который принесла с собой в бутылочке. Я-то еще в детстве переболела корью; главное, не заразить других.

– Говорят, в Кросс-Крике вспыхнула эпидемия кори, – заметил лорд Джон, когда я закончила докладывать Джейми о состоянии больного. – Миссис Фрейзер, это правда, что организм индейца от природы меньше устойчив к действию инфекции, чем у европейца, а у африканцев организм еще сильнее?

– Зависит от инфекции, – ответила я. – Индейцы более устойчивы к инфекциям, которые передаются через насекомых, скажем, к малярии, потому что их организм формировался в здешних условиях. Африканцы лучше справляются с болезнями, вроде лихорадки денге, которая, собственно, и пришла к нам из Африки. Однако организм индейца почти не способен сопротивляться европейским болезням вроде оспы или сифилиса.

Лорд Джон Грей выглядел слегка удивленным моими познаниями, что принесло мне небольшое удовлетворение. Очевидно, он спрашивал только из вежливости, не ожидая внятного ответа.

– Надо же, – заинтересованно заметил Грей, – вы говорите об организме. Стало быть, вы поддерживаете версию мистера Эвана Хантера насчет болезнетворных созданий?

Пришлось сдавать назад.

– Хм... Не совсем, – ответила я и сменила тему.

Вечер получился приятный. Джейми и лорд Джон рассказывали забавные истории об охоте и рыбалке, восхваляя прелести деревенской жизни, а я между делом штопала чулки.

Билли с Иэном играли в шахматы; последний выигрывал к собственному величайшему удовлетворению. Его светлость зевнул во весь рот, но, перехватив неодобрительный взгляд отчима, сделал запоздалую попытку подавить зевок. Он сонно улыбнулся, наконец, расслабившись после всех испытаний, что принес ему день. Между молодыми людьми стоял большой смородиновый пирог, от которого они по очереди отщипывали, завершая поздний ужин.

Джейми заметил зевок и сделал Иэну выразительный знак бровями. Тот поднялся и вежливо предложил его светлости разделить с ним ночлег в стогу сена. С двумя определились, подумала я, решительно отводя взгляд от кровати. Осталось трое.

Тем временем деликатная проблема решилась следующим образом – я отбыла в постель, скромно завернувшись в ночной халат, а Джейми с лордом Джоном переместились за шахматный столик, попивая бренди у огня.

Грей играл хорошо; я сделала такой вывод в связи с тем, что партия заняла около часа, а меня Джейми обычно разделявал под орех минут за двадцать. Играли они в основном молча, лишь изредка обмениваясь короткими репликами.

Наконец, лорд Джон подался вперед, а затем вновь откинулся на спинку стула.

– Что ж, наверное, здесь, в глуши, ты довольно далек от политики? – спросил он и опустил глаза на шахматную доску, просчитывая ход. – Знаешь, Джейми, я тебе завидую, здесь не так много всяческих треволнений, тебя не донимают торговцы и мелкие землевладельцы. Конечно, у тебя есть свои сложности, как без них, но уж, во всяком случае, эти заботы не столь хлопотны.

Джейми хмыкнул.

– Да нет, хлопот достаточно, поверь. Самая насущная – что делать со свиньей в кладовой. – Он кивнул на доску. – Ты уверен, что желаешь пойти именно так?

Грей, прищурившись, посмотрел на Джейми, затем поджал губы и опустил взгляд на доску, изучая расположение фигур.

– Уверен, – твердо ответил он.

– Проклятье, – улыбнувшись, проронил Джейми, и сбил с доски короля в знак поражения.

Грей со смехом потянулся за бутылкой бренди.

– Проклятье! – выругался он, обнаружив, что бутылка пуста.

Джейми хохотнул и направился к буфету.

– Попробуй-ка это. – Я услышала звук жидкости, льющейся в чашку.

Грей поднес чашку к лицу, понюхал и резко чихнул, разбрызгав напиток.

– Джон, это не вино, – заметил Джейми, – нужно пить, а не наслаждаться букетом.

– Я понял. Господи, что это за напиток? – Грей снова осторожно понюхал жидкость и отхлебнул немного. У него перехватило дух, но все же он храбро проглотил. – Господи, – хрипло повторил он и осторожно поставил чашку на стол, глядя на нее так, будто она вот-вот взорвется. – Стой, не говори, дай сам угадаю. Шотландский виски?

– Примерно десятилетней выдержки, – подтвердил Джейми, плеснув себе в чашку. Он отхлебнул, подержал напиток во рту, проглотил и тряхнул головой. – По крайней мере, это спиртное, а что еще сейчас нужно?

– Да, – согласился лорд Джон и сделал маленький глоток. – Где ты его взял?

– Сам сделал, – заявил Джейми со скромной гордостью ремесленника. – У меня еще двенадцать баррелей.

Брови Грея поползли вверх.

– Ты же не собираешься чистить им ботинки, на что тебе двенадцать баррелей этого пойла?

Джейми рассмеялся.

– На продажу, – объяснил он. – Если смогу, то продам. Налоги и разрешение на торговлю спиртным не из тех мелочей, что досаждают мне здесь, в глуши, – ехидно добавил он.

Лорд Джон хмыкнул, сделал еще глоток и отставил чашку.

– Ну, таможеню ты обойдешь легко, ближайший служащий находится в Кросс-Крике. Но не стал бы уверять, что дело вполне безопасное. Кому же ты станешь продавать сей славный нектар? Надеюсь, не дикарям?

Джейми пожал плечами:

– Если только чуть-чуть. Пару фляг подарил, парой расплатился. Даже один человек не напьется.

– Очень умно. Полагаю, ты слышал всякие истории? Я как-то беседовал с одним парнем, который пережил резню в Мичилимакинаке во время войны с французами. Причиной отчасти послужило то, что в руки дикарям попал изрядный запас спиртного.

– Слышал, – кивнул Джейми. – Но мы в хороших отношениях с местными индейцами, к тому же их тут не так много. Я осторожен, не беспокойся.

– Что ж, – лорд Джон отхлебнул из чашки и поморщился, – значит, ты отравишь кого-то одного, а не целое племя.

Он поставил чашку на стол и сменил тему:

– В Уилмингтоне ходят разговоры о какой-то неуправляемой банде, которая в глубине страны житья не дает и подбивает людей на бунт. Тебе что-нибудь известно?

Джейми коротко хмыкнул:

– Кому тут житья не давать? Белкам? Мы и есть в глубине страны, Джон. Тут места дикие. Ты, верно, и сам по пути заметил, что людей здесь не так уж много.

– Кажется, заметил, – согласился лорд Джон. – И все же я слышал, что теперь, когда вы тут поселились, цивилизация берет верх над беззаконием.

Джейми рассмеялся:

– Боюсь, пройдет немало времени, прежде чем я столкнусь с таким беззаконием, над которым надо брать верх. Правда, как-то раз пришлось утихомирить пожилого немецкого фермера на мельнице у реки, он поругался с юной работницей. Ему показалось, что та его обвесила. Но пока что с моей стороны это была единственная попытка учредить общественный порядок.

Лорд Джон улыбнулся и подобрал с пола шахматного короля.

– Отрадно слышать. Не желаешь ли отыгаться? Не думаю, что мне дважды удастся один и тот же фокус.

Я повернулась на бок лицом к стене и уставилась на бревна. Сна не было ни в одном глазу. Отблески от огня освещали зарубки, оставшиеся от топора.

Я пыталась не прислушиваться к мужской беседе, вспоминая, как Джейми рубил бревна, как я засыпала в его теплых надежных объятиях в этих стенах, тогда построенных лишь наполовину. От этих мыслей на душе всегда становилось спокойно. Даже если я спала где-нибудь в горах в

полном одиночестве, я знала, что меня защитит дом, который построил для меня Джейми.

Я лежала тихо, удивляясь тому, что со мной происходит. Скорее даже не что, а почему. Я уже знала, что это за чувство – ревность.

Я и в самом деле ревновала, хотя не испытывала этого чувства уже долгие годы, и теперь поразилась, занова открыв его в себе. Я повернулась на спину и закрыла глаза, желая отключиться от рокота беседы.

Лорд Джон был со мной крайне любезен. Кроме того, он умный и очень обаятельный. Слушать, как он ведет с Джейми толковую, интересную, содержательную беседу, было выше моих сил, у меня внутри все переворачивалось, а руки под одеялом сжимались в кулаки.

«Ты просто дура, – злобно сказала я себе. – Что с тобой такое?»

Отчасти меня накрыло из-за Билли, разумеется. Джейми вел себя осторожно, но я заметила, как он смотрел на мальчика, когда думал, что никто не видит. Он весь сиял от тихой радости и робкой, неуверенной гордости.

На Брианну, своего первенца, он никогда так не смотрел. Он вообще никогда ее не видел. Конечно, это не его вина, но все равно несправедливо. С другой стороны, пусть порадуется, глядя на сына, что мне, жалко? То, что мне невыносимо видеть юное прекрасное лицо, так напоминающее сестру, в сущности, только мои трудности. К Джейми или к Билли это не имеет отношения. И к лорду Джону, который привел мальчика.

Но зачем? Эта мысль билась в голове с тех пор, как прошел первый шок после встречи с мальчишкой. Какого черта, что на уме у этого человека?

Даже если история о поместье в Вирджинии правдива, им пришлось сделать большой крюк, чтобы добраться до Фрейзер-Риджа. Ради чего так напрягаться, чтобы привезти сюда мальчика? К тому же это очень опасно. Да, Билли не придал значения сходству, которое заметил даже Иэн, – но если бы придал? Может, Грей хочет, чтобы Джейми возложил на себя обязательства по отношению к сыну?

Я повернулась на бок и приоткрыла глаза, глядя сквозь ресницы, как две головы увлеченно склонились над шахматной доской. Грей сделал ход и снова откинулся на спинку стула. Он был красив и хорошо сложен, лицо у него было волевое и решительное, а изящному чувственному рту наверняка завидовали многие женщины.

Грей владел собой даже лучше, чем Джейми. С того момента, как они приехали, я не уловила ни одного взгляда, способного его уличить. Лишь однажды, на Ямайке, я заметила взгляд, который выдавал истинную

природу его чувств к Джейми.

С другой стороны, я ни капли не сомневалась в том, что чувствовал по этому поводу Джейми. Неважно, сколько они просидят за шахматной доской, выпивая и беседуя, спать Джейми будет в моей постели.

Я разжала кулаки и уютно устроила ладони на бедрах, и тут я поняла, почему волновалась из-за лорда Джона.

От ногтей на ладонях остались следы в форме полумесяца. Годами я пыталась стереть эти следы с ладоней, после каждого ужина в гостях, каждую ночь, когда Фрэнк допоздна «работал в офисе». Годами я лежала одна в большой двуспальной кровати в темноте, впиваясь ногтями в ладони, все ждала, когда он вернется.

И он возвращался. К его чести, он всегда приходил до рассвета. Иногда я холодно поворачивалась к нему спиной, иногда яростно набрасывалась, чтобы он доказал – без слов, телом своим доказал, – что невинен. Чаще всего он принимал бой. Но все зря.

Мы никогда не обсуждали это днем. Я не могла, потому что не имела права; он не мог, потому что мстил.

Порой между его интрижками случались перерывы, в основном в несколько месяцев, а как-то раз почти год, тогда мы жили в мире. А затем все начиналось снова; телефонные звонки и молчание в трубке, чересчур продуманные оправдания собственного отсутствия, поздние возвращения. Фрэнк не подкидывал явных улик, таких как аромат чужих духов или губная помада на воротничке, он был слишком осторожен. Однако я всегда чувствовала присутствие другой женщины, кем бы она ни была, таинственной незнакомки с расплывчатым пятном вместо лица.

Неважно, кто она – их было несколько. Важно было только то, что эта незнакомка – не я. И я лежала без сна, сжимая кулаки, отчего на ладонях оставались глубокие полукружья от ногтей.

За столом почти стихло, только время от времени раздавался стук о доску шахматных фигур.

– Ты счастлив? – вдруг спросил лорд Джон.

Джейми помедлил с ответом.

– У меня есть все, чего может желать мужчина. Есть где жить, есть достойная работа. Моя жена рядом. Я знаю, что мой сын в безопасности, что за ним присмотрят.

Он посмотрел на лорда Джона.

– И настоящий друг есть. – Джейми приподнялся и похлопал Грея по плечу. – Большого и желать нельзя.

Я опустила веки и принялась считать овец.

Я проснулась на рассвете оттого, что Иэн стоял рядом и тряс меня за плечо.

– Тетя, – встревоженно прошептал он, – пойдем со мной, тому парню в амбаре совсем худо.

Я встала, накинула пальто и ринулась к амбару. Чтобы поставить диагноз, особых познаний не требовалось, затрудненное, хриплое дыхание было слышно футов за десять.

Бледный и перепуганный граф маялся у двери.

– Ступай прочь, – резко велела я, – тебе нельзя находиться рядом с больным, Иэн, тебе тоже. Идите в дом и принесите горячей воды из котла, мой ящик и чистые полотенца.

Билли тут же послушался, поспешив унести ноги подальше от пугающих звуков из амбара. Иэн помедлил.

– Тетя, ему ведь уже не поможешь, – тихо сказал он. Иэн заглянул мне в глаза совсем по-взрослому, все понимая.

– Похоже, что так, – вздохнула я, отвечая также по-взрослому. – Но я не могу его бросить.

Иэн глубоко вздохнул.

– Все же... – Он замялся, и я кивком дала ему знак продолжать. – Может, не стоит мучить его лекарствами? Он скоро умрет, тетя. Мы слышали, как ночью ухал филин. И он тоже слышал. Для него это верная примета.

Я посмотрела на дверь, закусив губу. Оттуда доносилось неровное короткое дыхание, сопровождаемое присвистом. Я снова взглянула на Иэна.

– А что делают индейцы, когда кто-то умирает, знаешь?

– Поют. Шаман мажет краской лицо и поет, чтобы отогнать злых духов.

Приобретенные на войне инстинкты подталкивали хоть что-нибудь делать, пусть и бесполезное. Разве я могу лишить человека возможности уйти с миром? Хуже того, заставить его тревожиться за свою душу, если я полезу к нему с бессмысленными лекарствами?

Иэн не стал ждать, когда я решусь. Он сгреб в ладонь немного земли и поплевал туда. Не говоря ни слова, окунул в смесь пальцы и провел на моем лице линию ото лба к носу.

– Иэн!

– Тише, – сосредоточенно прошептал он. – Вроде похоже.

Он нарисовал еще по две линии на каждой щеке и добавил острый угол на подбородке.

– По-моему, так. Хотя я всего раз видел, и то издалека.

– Иэн, так нельзя!

– Тише, – повторил он и положил ладонь мне на плечо, чтобы подавить протесты. – Иди к нему, тетя, он не испугается, он привык.

Я соскребла комок грязи с кончика носа, чувствуя себя совершенно по-идиотски. Но спорить времени не было. Я шагнула в темный амбар, склонилась над умирающим и взяла его за руку. Мягкая безвольная ладонь, сухая горячая кожа.

– Иэн, поговори с ним. Скажи, как его зовут, скажи, что все будет в порядке.

– Нельзя называть его имя, тетя, это привлечет духов зла.

Иэн откашлялся и издал несколько гортанных звуков. Ладонь в моей руке слегка вздрогнула. Глаза привыкли к темноте, я заметила, что на лице индейца мелькнуло изумление при виде моей измазанной физиономии.

– Пой, тетя, – тихо велел Иэн. – Может, «Эту тайну пресвятую»? [\[31\]](#)
Звучит похоже.

Что мне оставалось? Я неуверенно затянула:

– «Эту тайну пресвятую славим в поклонении»...

Спустя несколько мгновений голос мой окреп, я присела на корточки у постели и продолжила петь, держа несчастного за руку. Морщины между бровей индейца разгладились, мне показалось, на него снизошло успокоение.

Я видела много смертей: от болезни, от несчастного случая, от ранений и от старости. Я видела, как люди принимают смерть, одни стойко, по-философски, другие – яростно протестуя. Но я никогда не видела, чтобы человек умирал именно так.

Индеец просто ждал, глядя мне в глаза, когда я закончу петь. Тогда он повернул голову к двери, и ему на лицо упали лучи восходящего солнца.

Я тихо сидела, держась за обмякшую руку, и тут поняла, что тоже не дышу.

В полнейшей тишине время словно замерло на мгновение... Конечно, замерло, подумала я и перевела дыхание. Для него время замерло навсегда.

– Что будем с ним делать?

Понятно, что мы больше ничем не могли помочь нашему гостю, осталось придумать, как поступить с его телом.

Я тихо перекинулась парой слов с лордом Джоном, и он взял с собой Билли собирать в горах позднюю землянику. Хотя смерть индейца не представляла ничего ужасного, мне не хотелось, чтобы Билли видел

покойника; это стало бы слишком большим испытанием для ребенка, который всего лишь несколько месяцев назад наблюдал, как умирает мать. Лорд Джон тоже казался расстроенным, немного солнца и свежего воздуха не повредит им обоим.

Джейми хмуро провел рукой по щеке. Он еще не успел побриться, и щетина негромко зашелестела под его пальцами.

– Надо похоронить его достойно.

– Понятно, что не стоит оставлять его в амбаре, но не рассердятся ли индейцы, если мы здесь его похороним? Иэн, ты знаешь, как они поступают с мертвецами?

Иэн еще был слегка бледноват, однако держался с поразительным самообладанием. Он покачал головой и глотнул молока.

– Не очень хорошо, тетя. Но я видел, как умер один человек, я говорил тебе. Его завернули в оленьи шкуры и с пением пронесли по деревне, а затем отнесли в лес и уложили на высокую деревянную платформу. И оставили, чтобы он усох.

Джейми не слишком вдохновила перспектива иметь под боком мумифицированное тело, устроенное высоко на платформе среди деревьев.

– Может, лучше обернуть его чем-нибудь и отнести в деревню? Пусть собственный народ обойдется с ним по обычаю.

– Нельзя, – возразила я, вынула из голландской печки противень со свежеевыпеченными кексами и ткнула в один веточкой. Она легко вошла, так что я водрузила противень на стол и села сама, бездумно уставившись на горшок с медом, который золотился в лучах утреннего солнца. – Скорее всего, тело еще заразное. Ты не трогал его, Иэн?

Племянник отрицательно покачал головой:

– Я к нему не прикасался, тетя. По крайней мере, после того, как он заболел. А до того я не помню. Мы же охотились все вместе.

– А ты корью не болел... – Я взволнованно провела рукой по волосам. – Черт побери! А ты, Джейми?

К моему облегчению, он кивнул.

– Когда мне было лет пять. По твоим словам, два раза корью не болеют. Значит, мне можно касаться тела.

– Я тоже переболела. Только проблема в том, что нельзя нести его в деревню. Я не знаю, сколько живут микробы в одежде и на коже. Мы не сумеем объяснить индейцам, что его нельзя трогать и вообще лучше к нему не приближаться.

– Я волнуюсь, – неожиданно вмешался Иэн, – потому что этот парень не из Анна-Уки, он из дальней деревни, что к северу. Если мы его здесь

похороним, соплеменники решат, что мы замучили беднягу до смерти и закопали, чтобы скрыть следы.

Да, об этом я не подумала. По спине пробежал холодок.

– Ты серьезно считаешь, что они могут так решить?

Иэн пожал плечами, разломил кекс и полил его медом.

– Народ Накогнавето доверяет нам, но Майерс говорил, что хватает и сомневающих. У них есть причины для подозрений?

Учитывая тот факт, что большинство индейцев из племени тускарора лет пятьдесят тому назад погибли в сражениях с переселенцами, захватившими земли Северной Каролины, пожалуй, основания у них были.

Джейми проглотил последний кусочек кекса и со вздохом откинулся на спинку стула.

– Давайте сперва завернем беднягу во что-нибудь вроде савана и отнесем его в ту пещеру на горе за домом. Я вбил там у входа несколько кольев, так что звери до него не доберутся. А потом мне или Иэну придется сходить к Накогнавето и все объяснить. Может, он пришлет кого-нибудь, кто посмотрит на тело и подтвердит, что мы парня не мучили. Тогда мы его похороним.

Прежде чем я успела ответить, во дворе раздались поспешные шаги. Я оставила дверь открытой, чтобы впустить воздух и свет. На пороге в смятении стоял Билли, белый, как стена.

– Миссис Фрейзер, пожалуйста, идемте! Папа заболел.

– Думаешь, он заразился от индейца? – Джейми, нахмурившись, смотрел на лорда Джона. Перед тем мы стянули с него рубашку и уложили в постель. На бледном лице горели лихорадочные пятна – симптомы, которые я ранее отнесла на счет эмоционального состояния.

– Исключено. Инкубационный период составляет неделю или две. Где вы были?.. – Я повернулась к Билли, но тут же пожала плечами, не ожидая ответа. Они путешествовали; как установить, где именно Грей заразился? Путники обычно ночуют на постоялых дворах, одеяла там меняют редко; вот так укроешься одним, а утром уедешь с каким-нибудь ужасным вирусом, от кори до гепатита.

– Вы говорили, в Кросс-Крике вспыхнула эпидемия кори? – Я положила ладонь на лоб Грею. Я умела определять температуру на ощупь; у лорда Джона она поднялась почти до сорока.

– Да, – хрипло ответил он и закашлялся. – У меня корь? Уведите Билли.

– Иэн, выйди, пожалуйста, с Билли, ладно? – Я отжала мокрое

полотенце и обтерла лорду Джону шею и лицо. Сыпь еще не появилась, но когда я попросила его открыть рот, то заметила внутри белесые пятнышки.

– У вас корь, – подтвердила я. – И давно вы почувствовали недомогание?

– Вчера вечером, когда ложился спать, чуть закружилась голова, – ответил он и снова закашлялся. – Посреди ночи я проснулся от дикой головной боли, но решил, что это из-за так называемого виски, которым угостил Джейми.

Он слабо улыбнулся.

– А утром... – Он оглушительно чихнул, и я кинулась за чистым носовым платком.

– Все ясно. Попробуйте уснуть. Я принесу немного ивовой коры, она поможет от головной боли.

Я поднялась и сделала знак Джейми, чтобы он вышел за мной.

– Нельзя пускать к нему Билли, – прошептала я, чтобы меня не услышали. Иэн и Билли крутились возле конюшни, подкладывая лошадям овса в кормушки. – Иэна тоже. Грей очень заразен.

Джейми нахмурился.

– Ну, ты что-то говорила про инкубацию...

– Да. Иэн мог заразиться от мертвеца, Билли – от лорда Джона. Скорее всего, кто-то из них уже болен. Не подавай виду.

Я обернулась и посмотрела на мальчишек, которые казались такими же здоровыми, как лошади, которых они кормили.

– Знаешь, – в голове у меня сложился план, – давай ты и мальчики переночуете сегодня снаружи, устройтесь в стогу сена или в пещере. Подожди день-другой. Если Билли заразился там же, где лорд Джон, скоро проявятся признаки; если нет, значит, он здоров. А если он здоров, бери его и отправляйтесь к Накогнавето в Анна-Уку, расскажите о мертвеце. Тогда Билли не заразится.

– А Иэн останется здесь помогать тебе? – Джейми нахмурился, задумавшись, потом кивнул. – Хорошо, надеюсь, сработает.

Хотя он оставался бесстрастным, я знала Джейми достаточно хорошо, чтобы заметить тень, пробежавшую по его лицу. Между бровей залегла тревожная морщинка, он волновался за Билли, а возможно, за лорда Джона и за меня. Однако было в нем что-то еще, какое-то странное беспокойство, смешанное с интересом... Скорее всего, он думал о тех нескольких днях, что проведет наедине с мальчиком, решила я.

– Если он до сих пор не заметил, то не заметит, – успокоила я, ласково взяв Джейми за руку.

– Да вряд ли. – Он повернулся к мальчику спиной. – Думаю, опасности нет.

– Говорят, нет худа без добра. У тебя будет возможность пообщаться с ним поближе. – Я помолчала. – Только кое-что сделай перед тем, как уйдешь.

Джейми накрыл ладонью мою руку, лежавшую у него на плече, и улыбнулся.

– И что же?

– Убери свинью из кладовой.

Глава 27

Рыбалка в Америке

Путешествие началось неблагоприятно. Во-первых, пошел дождь, во-вторых, Джейми не хотелось бросать Клэр в столь трудных обстоятельствах. В-третьих, он безумно беспокоился за лорда Джона. Перед отъездом ему совсем не понравился вид последнего: тот лежал в бреду, дышал с трудом, сыпь искажила лицо почти до неузнаваемости.

А в-четвертых, девятый граф Элсмир только что двинул ему в челюсть. Пришлось крепко схватить мальчишку и встряхнуть так, что у того клацнули зубы.

– Успокойтесь, милорд? – Джейми разжал руки. Мальчишка пошатнулся и упал, потеряв равновесие.

Спор возобновлялся снова и снова, и за последние двадцать четыре часа Джейми порядком устал.

– Повторяю, вам надо пойти со мной. Я объяснил почему, так что хватит об этом.

Лицо Билли исказилось свирепой гримасой. Сломить его было нелегко. Или же представители знати просто не привыкли к возражениям со стороны простого люда.

– Я никуда не пойду, – повторил мальчик. – Вы меня не заставите.

Он встал, сжал челюсти и повернулся к хижине.

Джейми выкинул вперед руку, схватил Билли за шиворот и притянул назад. Заметив, что мальчишка пытается его пнуть, он легонько ткнул кулаком ему в солнечное сплетение. Уильям выкатил глаза и согнулся пополам, держась за живот руками.

– Не пинайтесь, – ласково сказал Джейми, – это дурной тон. А уж заставить вас я, конечно, смогу.

Граф покраснел и зашевелил губами, как рыба. Его шляпа свалилась на землю, и струйки дождя оставляли в его волосах мокрые полосы.

– Это хорошо, что вы намерены остаться с отцом, – убеждал Джейми, утирая капли воды с лица. – Но вы ему не поможете, если заболите сами. Поэтому оставаться нельзя.

Боковым зрением он заметил, как в окне хижины поднялась и снова опустилась промасленная шкура. Наверняка Клэр удивляется, почему они никак не уйдут.

Джейми взял покорившегося графа за руку и подвел к оседланной

лошади.

– Залезайте, – велел он и с удовлетворением отметил, что мальчик послушно просунул ногу в стремя и вскочил в седло. Джейми поднял его шляпу и нахлобучил ему на голову, затем пониже натянул свою и тоже взобрался на лошадь. Из осторожности он схватил за поводья обеих.

– Вы деревенщина, сэр! – раздался сзади тихий злой голос.

Сперва Джейми обуяла досада, потом желание рассмеяться. Он бросил взгляд через плечо – Уильям наклонился в седле, собираясь спрыгнуть.

– Даже не пытайтесь, – посоветовал он мальчику, который тут же сел ровно и одарил его гневным взглядом. – Не хочу привязывать вам ноги к стремянам, но если придется, то привяжу.

Глаза юного графа превратились в узкие щелки. И все же, очевидно, он поверил Джейми на слово: стиснул челюсти, однако слегка опустил плечи, временно признав поражение.

Ехали в молчании все утро, капли дождя стекали им за шиворот, накидки намокли и отяжелели. Билли еще был мрачнее тучи, когда они спешили, чтобы пообедать, но, не споря, отправился за водой и собрал остатки еды, пока Джейми поил лошадей.

Джейми пристально рассмотрел его; признаков кори не было. На щеках отсутствовал лихорадочный румянец, и, хотя нос у юного графа подтекал, скорее всего, это было следствием непогоды.

– Далеко ехать? – Ближе к полудню любопытство возобладало над упрямством. Джейми давно вернул мальчику поводья, теперь уже не стоило опасаться, что он решит вернуться назад один.

– Пару дней, наверное.

Из Фрейзер-Риджа в Анна-Уку по холмистой местности верхом добираться быстрее, нежели пешком. Кроме того, если ехать на лошадях, можно взять побольше вещей: они захватили с собой чайник, приличный запас еды, пару удочек, а также подарки для индейцев, в том числе бочонок виски, изготовленного в домашних условиях, чтобы подсластить горькую весть.

Спешить причин не было, напротив, лучше задержаться – Клэр твердо наказала, чтобы в ближайшие шесть дней Билли в хижине не показывался. К тому времени он уже не заразится от лорда Джона – тот либо пойдет на поправку, либо умрет.

Клэр уверяла мальчика, что с отчимом все обойдется, однако в ее глазах плескалась тревога. Наверное, хорошо, что им пришлось уехать. При виде больного, которому нельзя помочь, Джейми обуревали одновременно и страх, и ярость.

– А эти индейцы, они дружелюбные? – В голосе Билли сквозило сомнение.

– Вполне.

Билли, разумеется, ждал, что Джейми добавит «милорд»... С тайным злорадством промолчав, Джейми придержал лошадь и заставил ее чуть сдвинуться, приглашая Билли поехать рядом.

– Ребята из Анна-Уки будут воспитанней и гостеприимнее многих, кого я знал в Англии.

– Вы жили в Англии? – Джейми тут же укорил себя за беспечность, но мальчик куда больше интересовался краснокожими, нежели историей жизни Джейми Фрейзера, и вопрос был только данью вежливости.

Дурное настроение Билли начало понемногу рассеиваться, и он стал проявлять интерес к местности. Джейми старался окончательно отвлечь мальчика, рассказывал истории об индейцах, показывал следы животных на земле, и Уильям постепенно оттаял.

Джейми беседа приносила облегчение – слишком много забот лежало на сердце, чтобы находить удовольствие в молчании. Если случится худшее и лорд Джон умрет, что станет с мальчиком? Несомненно, он вернется к бабушке в Англию, и Джейми никогда о нем не услышит.

Джон и Клэр были единственными, кто знал правду о происхождении Билли. Возможно, бабушка подозревала правду, но она ни при каких условиях не согласилась бы признать, что ее внук – внебрачный сын предателя-якобита, а не законный отпрыск почтенного английского графа.

Джейми вознес короткую молитву Святой Богородице о здравии лорда Джона и попытался отогнать от себя мрачные мысли. Несмотря на тревоги, он начал получать удовольствие от поездки. Дождь почти стих, лес наполнился свежим ароматом хвои и запахом прелой прошлогодней листвы.

– Видите царапины внизу на том стволе? – На большом ореховом дереве виднелись глубокие белые борозды.

– Вижу! – Уильям снял шляпу, похлопал ею по колену, чтобы стряхнуть капли, и снова водрузил на голову, надвинув пониже. – Это какой-то зверь?

– Медведь. Следы свежие, смола еще не застыла.

– Он поблизости? – Билли огляделся вокруг скорее с любопытством, нежели с тревогой.

– Не слишком, – ответил Джейми, – иначе заволновались бы лошади. Но где-то неподалеку. Смотрите внимательней, может, увидим медвежью

кучку или его следы.

Если лорд Джон умрет, оборвется тонкая нить, связывающая его с Уильямом. Минуло много времени с той поры, как он вынужденно отказался от прав на ребенка, и никогда не жаловался, но будет несправедливо, если проклятая корь унесет не только жизнь лучшего друга, но и всякую связь с сыном.

Дождь совсем перестал. Когда они спустились с холма на равнину, Билли восхищенно ахнул. На фоне темных дождевых туч сияла радуга, аркой обрамляя горные вершины вдалеке.

– Как красиво! – воскликнул Билли. Широко улыбаясь, он повернулся к Джейми. Противоречия были забыты. – Сэр, вы когда-нибудь лицезрели подобное?

– Никогда, – сказал Джейми, улыбаясь в ответ. Ему вдруг пришло в голову, что эти несколько дней среди дикой природы, пожалуй, последние, которые он проведет с Билли.

Джейми всегда спал чутко под открытым небом и теперь пробудился от внезапного шороха. Он полежал немного, тихо и не шевелясь. Затем услышал сдавленные рыдания.

Он подавил позыв повернуться и обнять Уильяма, тот явно старался, чтобы его не слышали.

Неужели от страха? Мальчик не выказал опасений перед ночевкой в темном лесу, а если бы рядом проходил какой-нибудь зверь, он поднял бы тревогу. Однако Билли только тихонько всхлипывал. Может, ему плохо, но он слишком горд, чтобы признаться?.. Страх, что мальчик заболел, побудил Джейми заговорить. Если это корь, нужно без промедления возвращаться.

– Милорд, – тихо позвал Джейми.

Всхлипывания тут же затихли. Билли сглотнул, затем зашелестела ткань – мальчик утер рукавом слезы.

– Да? – почти спокойно отозвался юный граф.

– Вам плохо, милорд? – Джейми уже понял, что дело не в кори, но отступить было поздно. – У вас болит живот? Из-за сушеных яблок бывают спазмы.

Мальчик попытался прочистить нос, не привлекая внимания. От костра остались одни угольки, но Джейми все же видел темный силуэт, скрючившийся по другую сторону.

– Ах, да... Наверное, что-то в этом роде...

Джейми сел.

– Ничего страшного, – мягко сказал он. – У меня есть средство от всех

желудочных расстройств. Подождите немного, милорд, я принесу воды.

Джейми поднялся на ноги и отошел, стараясь не смотреть на мальчика. Когда он вернулся, набрав в чайник воды, Билли уже высморкался и вытер слезы.

Джейми не удержался и, проходя, погладил его по голове. Волосы были мягкими и слегка влажными от пота.

– Живот скрутило, да?

– Угу, – глухо промычал Билли в одеяло, которым были укрыты его колени.

– Скоро пройдет. – Джейми полез в поясной мешок и разложил содержимое. В маленьком полотняном мешочке, что дала ему Клэр, хранились сухие травы. Джейми понятия не имел, как она узнала, что они пригодятся; он давно уже перестал задавать ей вопросы, когда дело касалось исцеления больных, – неважно, что болело, тело или душа.

В какой-то момент Джейми почувствовал к ней огромную благодарность. Он видел, как она смотрела на мальчика, и догадывался, что Клэр непросто. Конечно, она знала о его существовании, но одно дело – знать, а другое – воочию видеть результат измены собственного мужа, результат из плоти и крови. Не удивительно, что она не слишком жаловала лорда Джона, который притащил к ним мальчишку.

– Сейчас закипит. – Джейми повесил над костром чайник и принялся растирать сухую смесь между ладоней над деревянной чашкой – так делала Клэр.

Она не бранила его. По крайней мере, за это, подумал он, вспомнив, как рвала и метала Клэр, когда узнала о Лири. Тогда в нее будто дьявол вселился; однако, узнав о Женева Дансейни... Может, потому что мать мальчика умерла?

Внезапное озарение пронзило сердце острым шипом. Мать мальчика мертва. Не только настоящая мать, которая умерла при родах, но и женщина, которую он звал матерью всю свою жизнь. А теперь отец, то есть человек, которого он привык звать отцом, подумал Джейми, бессознательно стиснув зубы, серьезно заболел той самой болезнью, от которой днем раньше на глазах мальчика скончался другой человек.

Нет, не от страха он всхлипывал в темноте, а от горя. А ты, Джейми Фрейзер, ты ведь тоже в детстве потерял мать, мог бы сразу догадаться.

Уильям не хотел уезжать из Фрейзер-Риджа не из упрямства и даже не из преданности. Он любил Джона Грея и боялся его потерять. Именно из-за любви, из-за отчаяния и тревоги он горько всхлипывал этой ночью.

Джейми ощутил непривычный укол ревности, но, не колеблясь,

прогнал это чувство. Ему посчастливилось узнать, что его сын испытывает настоящую теплую привязанность к отчиму, разве этого не достаточно? Однако острая игла ревности все же оставила рану в сердце; она саднила, когда он дышал.

Вода в чайнике закипела. Джейми аккуратно залил ею травяную смесь, и над чашкой поднялся ароматный дымок. Валерьяна и мята, сказала Клэр. Корень страстоцвета, вымоченный в меду и измельченный. И финальная нотка – сладкий мускусный запах лаванды.

– Сам не пей, – велела Клэр, передавая мешочек. – Там лаванда.

Теперь этот запах не доставлял Джейми особых неприятностей, потому что его предупредили. И все же аромат напитка, щекоча ноздри, вызвал в животе неприятные ощущения. Клэр однажды видела, как действует на него запах лаванды, и с тех пор вела себя осмотрительно.

– Вот. – Он протянул мальчику чашку. Интересно, когда пройдет время, не станет ли тому тоже казаться противным запах лаванды? Или, напротив, будет навевать теплые воспоминания, если лорд Джон исцелится?

Билли уже овладел собой, но лицо у него все еще оставалось мрачным. Джейми улыбнулся, скрывая собственное беспокойство. Он хорошо знал и Джона, и Клэр, поэтому его опасения были не столь сильны, тем не менее страх прочно угнездился в душе и покалывал, словно заноза.

– Должно полегчать, – сказал Джейми, кивнув на чашку, – это моя жена приготовила. Она очень хороший врач.

– Правда? – Мальчик осторожно вдохнул пар и кончиком языка попробовал горячий напиток. – Я видел, как она проделывала всякие штуки над тем индейцем, что умер.

Упрек получился яснее некуда – она проделывала всякие штуки, а он все равно умер.

Ни Клэр, ни Иэн не распространялись на эту тему, а ему не представилось случая выпросить все как следует – Клэр, приподняв бровь, срезала его взглядом и сказала, что не стоит говорить про смерть при Билли, который вернулся с ней из амбара бледный и растерянный.

– Надо же, какие-то такие штуки?

Что же она вытворяла? Ему часто приходилось ее утешать, когда она рыдала по человеку, которого не смогла спасти. В этот раз она вернулась тихой, подавленной, как и Иэн, но не такой уж и расстроенной. Скорее, озадаченной.

– Она измазала грязью лицо. И пела – по-моему, католический гимн на латыни. Что-то про святых.

– Вот как? – Джейми попытался не выдать удивления. – Ясно. Наверное, она просто хотела утешить беднягу, когда поняла, что не сможет его спасти. Знаешь, индейцы совершенно не способны сопротивляться кори, они мрут там, где белый человек даже не чихнет. У меня у самого была корь в детстве, и ничего страшного.

Он улыбнулся мальчику и потянулся, демонстрируя, что пышет здоровьем.

Лицо Билли слегка просветлело.

– Так и миссис Фрейзер сказала. Что с папой все будет хорошо. Она дала мне слово.

– Значит, так и будет, – твердо сказал Джейми. – На миссис Фрейзер можно положиться.

Он закашлялся и натянул плед на плечи.

– Ну что, помогло питье?

Билли удивленно поднял глаза, потом посмотрел на чашку в руке.

– Ах, да! Спасибо большое. Мне уже лучше. А вообще, может, сушеные яблоки и ни при чем.

– Скорее всего, – согласился Джейми и опустил голову, чтобы скрыть улыбку. – Все же я считаю, что завтра на ужин нужно раздобыть что-нибудь посущественнее. Если повезет, будет форель.

Попытка отвлечь мальчика удалась – Билли вскинул голову.

– Форель? Мы пойдем рыбачить?

– А ты часто рыбачил, живя в Англии? Не думаю, что тамошние ручьи полны форели, как здешние, но твой отец рассказывал, что в Озерном крае рыбалка просто отличная.

У него перехватило дыхание. Да кто ж тебя за язык тянул? Ты же сам водил на рыбалку пятилетнего Уильяма на озеро близ Элсмира, когда служил в поместье. Ты что, хочешь, чтобы он вспомнил?

– О, да! Там хорошо! Но не так, как здесь... – Билли махнул в сторону ручья. Хмурые морщинки на его лице разгладились, глаза оживленно засияли. – Я подобных мест вообще не видел. В Англии все другое.

– Другое, – улыбнулся Джейми. – Не будешь по ней скучать?

Билли с минуту подумал, потом допил чай и сказал:

– Не буду.

И решительно покачал головой.

– Иногда я скучаю по бабушке и по лошадям, а по всему остальному – нет. Все эти гувернеры, уроки танцев, латынь и греческий... Ужас! – Он сморщил нос.

Джейми расхохотался.

– Значит, ты не хочешь научиться танцевать?

– Нет, танцевать ведь надо с девчонками... – Он исподлобья посмотрел на Джейми. – А вы любите музыку, мистер Фрейзер?

– Не очень, – улыбнулся тот, – но девчонки мне нравятся.

«А ты наверняка будешь нравиться девчонкам», – подумал Джейми, разглядывая мальчика – широкие плечи, стройные голени, темные длинные ресницы над красивыми голубыми глазами.

– Да, миссис Фрейзер очень милая, – вежливо заметил мальчик. Он неожиданно ухмыльнулся. – Она была такой забавной, когда вымазала лицо.

– Охотно верю. Еще чаю, милорд?

Клэр говорила, что эта смесь успокаивает. Пока они болтали про индейцев и их странные суеверия, глаза у Билли начали слипаться, он несколько раз широко зевнул. В конце концов Джейми наклонился к нему и забрал из рук пустую чашку.

– Ночью холодно, милорд, – сказал Джейми. – Может, ляжете со мной и укроемся вместе?

Ночь была прохладной, но далеко не холодной; однако, как он и думал, Билли с готовностью откликнулся на предложение. Джейми не мог просто обнять мальчика, чтобы утешить, и юный граф не мог признаться, что жаждет такого утешения. Двое мужчин могли лечь рядом только из соображений пользы и безопасности.

Билли тут же уснул, уютно угнездившись у него под боком, а Джейми долго лежал без сна, одной рукой нежно обнимая спящего сына.

– А теперь возьмите вон то пестрое и придавите пальцем, ладно? – Джейми туго наматывал белую шерстяную нить на маленькую катушку и попросил Уильяма придержать привязанное к крючку перышко дятла, потому что оно колыхалось на ветру. – Видите? Похоже на букашку, которая расправила крылья, чтобы улететь.

Билли кивнул. Два желтых перышка поменьше были привязаны к большому, и правда напоминая расправленные перед полетом крылья жука.

– Вижу. А что важнее, форма или цвет?

– Важно и то, и то. Но форма важнее. – Джейми улыбнулся мальчику. – А вообще важней всего, голодны рыбы или не очень. Если правильно выбрать время, они проглотят даже пустой крючок. А если неправильно, то хоть из-под себя выпрыгни, ничего не поймашь. Только не говорите это рыбакам, которые предпочитают ловить на мушку, – они поверят, и рыбы совсем не останется.

Билли не рассмеялся, он вообще смеялся нечасто, зато улыбнулся и схватил ивовую удочку с привязанным к ней крючком-мушкой.

– А сейчас правильное время, мистер Фрейзер? – Мальчик козырьком приложил ладонь ко лбу и посмотрел на воду. Они стояли в прохладной тени огромной ивы, но солнце было еще высоко над горизонтом, и вода в ручье бликовала.

– Вообще форель кормится на закате. Видите крошечные точки на воде? Посмотрите на заводь.

Поверхность заводи была гладкой, однако тут и там по ней расходились небольшие круги, отчего вода сияла и искрилась.

– Да, вижу. Значит, это рыба?

– Пока еще только комары. Они вылупились из личинок и всплывают к поверхности; форель их заметит и приплывет.

Вдруг из воды выпрыгнула серебристая рыбешка и с тихим всплеском исчезла опять. Билли охнул.

Джейми быстро размотал нитку, привязал к ней мушку и шагнул вперед.

– А теперь смотрите.

Он отвел назад руку и потянул за нитку, раскачивая ее взад и вперед. Радиус круга с каждым новым витком становился все больше, и вот уже мушка из перьев медленно парила кругами над поверхностью воды. Краем глаза он заметил, что мальчик смотрит на него не отрываясь, и порадовался, что заброс удался.

Он заставил мушку немного покружиться, а потом начал медленно отпускать нитку. Крючок быстро ушел под воду. Не успели разойтись круги на воде, как Джейми потянул нитку и почувствовал, что она натянулась.

– Вы поймали! Поймали! – услышал он ликование Билли, который от волнения пританцовывал на берегу.

На удочке не было катушки. Джейми резко отвел руку в сторону и перехватил нить. Потянул и снова перехватил, потом еще и еще. Нужно было действовать как можно скорее.

И вот уже серебристая рыбешка летит из воды трепыхаясь, он хватается ее, рыба отчаянно вырывается...

Ускользнула. Нитка безвольно повисла. Джейми постоял, растирая плечи, которые свело судорогой, и переводя дух, потому что во время борьбы, оказывается, он забыл, что нужно дышать.

– Сорвалась! Не повезло вам, сэр! – Билли носился по берегу с удочкой в руке, его лицо выражало сочувствие.

– Зато повезло рыбе. – Джейми ухмыльнулся и утер со лба пот

рукавом. – Попробуешь сам, приятель?

Он тут же вспомнил, что нужно звать Уильяма милордом, но Билли был слишком взволнован, чтобы придать значение оговорке.

Сосредоточенно сдвинув брови, мальчик отвел назад руку, неотрывно глядя на воду, и резко дернул запястьем. Удочка выскользнула и изящно спланировала в пруд.

Билли испуганно посмотрел на Джейми, который даже не потрудился, чтобы скрыть смех. Юный лорд выглядел недовольным и озадаченным, однако минуту спустя его рот расплылся в ответной ухмылке. Он махнул рукой на удочку, которая плавала метрах в десяти от берега.

– Если я полезу за ней, то всю рыбу распугаю?

– Пожалуй. Возьмите мою, а эту потом достанем.

Билли облизнул губы, сосредоточенно стиснул зубы и, крепко держа новую удочку, немного потряс ею, приноравливаясь. Затем повернулся к пруду, повел рукой взад и вперед и стал вращать запястьем. Он прирос к месту, слившись с удочкой. Отпущенная нитка, описав круг, просвистела у него над головой.

– Неплохая попытка, милорд, – произнес Джейми, рукой прикрывая рот. – Хотя лучше бы сперва поставить приманку.

– Ох, – Билли ослабил хватку и застенчиво посмотрел на Джейми. – Я и забыл.

Несколько смущенный неудачами, граф Элсмир дал Джейми привязать к нитке мушку и позволил взять себя за запястье, чтобы показать нужное движение.

Джейми встал за спиной мальчика и обхватил его запястье, умилившись нежности и хрупкости рук, которые обещали стать сильными и ловкими. Ладони у Билли немного вспотели, плечи подрагивали от возбуждения, совсем как тело той рыбы, что сорвалась с крючка. Мальчик высвободил руку, и Джейми ощутил разочарование от того, что установившаяся было между ними связь прервалась.

– Неправильно, – сказал он, оборачиваясь к Джейми, – я видел, вы забрасывали левой рукой.

– Верно, милорд, но я левша. Другие рыбаки забрасывают правой.

– Левша?

– Да, мне удобней все делать левой рукой, а не правой, милорд.

– А, ясно. Я тоже левша. – Билли смутился. – Мама говорила, что это неправильно и нужно учиться все делать правой, как джентльмены. Но папа запретил меня переучивать, и мне позволили писать левой. Он сказал, неважно, что я выгляжу нелепо, когда пишу, зато в бою это станет

преимуществом.

– Твой отец мудрый человек, – заметил Джейми. Сердце в груди ухнуло от ревности.

– Папа был солдатом, – сказал Билли, гордо расправив плечи. – Он воевал в Шотландии, во время вос...

Мальчик осекся, глянув на килт Джейми. Он вдруг понял, что, вполне возможно, говорит с одним из побежденных в той самой битве.

– Я знаю, мы там впервые встретились, – сказал Джейми, постаравшись, чтобы Билли не уловил в его голосе признаков веселья. Его подмывало рассказать об обстоятельствах знакомства с лордом Джоном, однако с его стороны это было бы черной неблагодарностью за бесценный подарок – несколько дней провести с сыном.

– Он был доблестным воином, – подтвердил Джейми с серьезным лицом. – Значит, вас учили драться на мечах?

– Да, немного. – Билли позабыл о недавнем смущении, увлеченный новой темой. – В восемь мне подарили короткий меч. Я учился атаковать и парировать удары. Папа обещал купить мне настоящий меч, когда приедем в Вирджинию.

– Seriously? Что ж, когда у вас будет меч, вы научитесь управляться с ним левой рукой. А теперь давайте попытаемся еще, а то останемся без ужина.

С третьей попытки мушка плавно опустилась на поверхность. Почти в ту же секунду небольшая, но очень голодная форель вынырнула на поверхность и заглотила крючок. Билли взволнованно вскрикнул и дернул удочку так резко, что удивленная форель перелетела через его голову и шлепнулась на берег.

– Ура! Ура! Я поймал рыбу! – Билли пританцовывал кругами и победно тряс удочкой, позабыв о сдержанности, с которой полагалось вести себя человеку столь высокого происхождения.

– И правда поймал. – Джейми подобрал форель, которая от носа до хвоста была в длину не больше шести дюймов, и одобрительно похлопал по плечу скачущего графа. – Отличная работа, приятель! Похоже, начался клев. Давайте попробуем забросить удочку еще пару раз.

И в самом деле пошел клев. К тому времени, как солнце скрылось за горным хребтом и серебристая вода потемнела, они добыли приличный улов. Оба промокли с головы до пят, устали, почти ослепли от солнца, тем не менее были счастливы.

– Никогда не ел ничего вкуснее, – мечтательно протянул Билли. – Никогда в жизни!

Мальчик сидел завернутый в одеяло; его рубашка, бриджи и чулки сушились на иве. Он откинулся назад с довольным вздохом и тихонько рыгнул.

Джейми перевернул другой стороной сырой плед, развешенный рядом на кусте, и подкинул в огонь еще одно полено. Слава богу, погода выдалась хорошая, и все же теперь, когда солнце село и поднялся ветерок, сидеть в сырой рубашке было не слишком приятно. Он встал и подошел вплотную к костру, чтобы горячий воздух поскорее высушил ткань. Теплый дым ласкал грудь, словно нежные руки Клэр, когда она согревала его своим телом.

Джейми незаметно наблюдал за Билли. Даже если отбросить отцовское тщеславие и рассудить честно, мальчик все равно был очарователен. Немного тощий – каждая косточка на виду, но руки и ноги сильные и выносливые, видно по мышцам.

Билли повернул голову и уставился на пламя; теперь его можно было рассмотреть внимательнее, не привлекая внимания. В огне потрескивали сосновые бревна, вспышки огня то и дело освещали лицо мальчика.

Джейми стоял неподвижно, не сводя с него взгляда; сердце стучало. Такие минуты случаются нечасто, однако запоминаются надолго. Картинка словно отпечатывается в памяти и в сердце и остается на всю жизнь; в любую минуту ее можно вспомнить в мельчайших подробностях.

С ним много чего приключалось, как ужасного, так и чудесного; мало что задерживалось в памяти. Но вот такие «тихие минуты», как звал их про себя Джейми, приходили без предупреждения и оставались навечно. Они напоминали фотографии, которые однажды принесла ему Клэр: они сохраняли мгновения, но представляли собой нечто большее, чем просто картинки.

Вот одно из них: у стены коровника, перепачканный с головы до ног, сидит отец, холодный шотландский ветер треплет его темные волосы. Джейми буквально ощущал аромат сухого сена и запах навоза, чувствовал, как стынют пальцы от ветра, а в груди разливается тепло от нежности, светящейся в отцовском взгляде.

В его коллекции хранились подобные моменты и с Клэр, и с сестрой, и с Иэном... Короткие мгновения, украденные у вечности, законсервированные в тайном составе, застывшие в памяти, как стрекоза в янтаре.

Он запомнит этот момент на всю жизнь: прохладный ветер, ласкающий щеки, гудение огня, вкусный запах жареной форели, обваленной в кукурузной муке, покалывание в горле оттого, что случайно проглотил тонкую рыбью косточку, лесные шорохи и журчание ручья... Он

навсегда запомнит золотистые отблески огня на счастливом и беспечном лице сына.

– *Deo gratias*^[32].

Джейми понял, что говорит вслух, только когда Уильям обернулся и переспросил:

– Что?

– Ничего. – Он отвернулся и снял с куста сырой плед. Шотландская шерсть, даже когда отсыреет, все равно хранит тепло человеческого тела и защищает от холода. – Вам стоит поспать, милорд.

– Я не хочу спать. – Мальчик резко сел, словно бы желая доказать это, и энергично поскреб рукой затылок, рассыпав по плечам каштановые волосы.

Джейми почувствовал укол тревоги. Ему был хорошо известен этот жест.

Он сглотнул, ощутив, что сердце бьется где-то у горла, и полез в свою сумку. Да нет, Билли ни за что не догадается. В его возрасте мальчишки заняты исключительно собственной персоной и не обращают внимания на тех, кто старше. И все же это было очень рискованно. Один взгляд на лицо Клэр сказал ему, что сходство и впрямь было разительным.

Джейми перевел дыхание и выложил на плед перья, нитки и прочие детали, необходимые, чтобы мастерить мушек. За этот день они израсходовали всех, что он навязал накануне, и если они хотели наловить рыбы еще и на завтрак, нужно было подготовиться заранее.

– Я помогу?

Не дожидаясь разрешения, Билли обежал костер кругом и сел рядом с ним. Джейми протянул ему деревянную шкатулку с птичьими перьями и выдернул крючок из куска пробки, что лежал перед ним.

Они трудились молча, лишь время от времени восхищаясь красотой, что выходила у них из-под рук, а еще Джейми подсказывал, как ловчее связать перья. Вскоре Билли устал от монотонной работы, отбросил недовязанную мушку и засыпал Джейми вопросами про рыбалку, охоту, лес и индейцев, с которыми им предстояло встретиться.

– Нет, – ответил Джейми на один из подобных вопросов, – в деревне я никогда не видел скальпов. Индейцы – очень дружелюбный народ, по большей части. Но стоит только обидеть одного, и расплаты долго ждать не придется.

Он криво усмехнулся.

– Этим они напоминают шотландцев.

– Бабушка говорит, шотландцы размножаются, как кро... – Билли

оборвал фразу на полуслове. Мальчик опустил голову и крутил в руках незаконченную мушку, покраснев как рак.

– Как кролики? – Джейми не стал скрывать ни иронию, ни смех.

Билли осторожно покосился на него.

– Семьи у шотландцев действительно большие. – Джейми достал из шкатулки пучок перьев крапивника и приладил их к крючку. – Мы считаем, что дети – это дар божий.

Краска сошла с лица Билли. Он сел прямее.

– Понятно. А у вас много детей, мистер Фрейзер?

Джейми потянул вниз самое длинное перышко.

– Немного, – ответил он, отводя глаза на пестрый осенний лес.

– Простите, я не хотел... – Билли снова залился краской, теребя в руках мушку.

– Что не хотел?

– Ну... корь... болезни. Я же не видел у вас детей, а спросил... А теперь подумал, что, может, они у вас были, но...

– Нет! – Джейми ободряюще улыбнулся. – У меня взрослая дочь, она давно живет в Бостоне.

– О, – Билли с облегчением перевел дух. – И все?

– Еще у меня сын, – сказал Джейми, глядя на крючок, который непостижимым образом вдруг впился ему в палец. На остром кончике алела капелька крови. – Отличный парень, я очень его люблю, но он сейчас далеко от дома.

Глава 28

Горячий спор

К вечеру у Иэна остекленели глаза и поднялась температура. Он сел в постели, чтобы поздороваться, однако тело сотрясала дрожь, а глаза не могли сфокусироваться. Я ничуть не сомневалась в диагнозе, но заставила его открыть рот. Все ясно, крошечные белесые пятнышки в красном воспаленном горле. Кожа на шее хотя и оставалась чистой и по-детски мягкой, уже пошла бледно-розовыми пятнами.

– Все ясно, – вздохнула я. – Ты заболел. Перебирайся в дом, мне будет легче ухаживать за вами обоими.

– У меня корь? Я умру? – спросил Иэн. Казалось, племянник был мало заинтересован в ответе, он сидел тихо и сосредоточенно, словно прислушиваясь к себе.

– Нет, – уверенно ответила я в надежде, что окажусь права. – Как ты себя чувствуешь? Очень плохо?

– Голова немного болит.

Хорошо, что он еще мог самостоятельно передвигаться, подумала я, наблюдая, как парень неуверенно спускается по лестнице со своего лежбища на чердаке. Тощий и похожий на аиста, Иэн все же был дюймов на восемь выше меня и фунтов на тридцать тяжелее.

Лорд Джон сел на кровати и попытался подняться, но я махнула рукой, чтобы он оставался лежать.

– Ложитесь, – сказала я, подставляя Иэну стул. – Я справлюсь.

Я стянула с него бриджи с чулками и уложила. Беднягу лихорадило, на щеках горели красные пятна.

Отвар из ивовой коры, который я настаивала, темный и ароматный, был готов к употреблению. Я осторожно налила его в чашку, поглядывая на лорда Джона.

– Я его готовила для вас, но если вы можете потерпеть...

– Что вы, отдайте все мальчику, – отмахнулся лорд Джон. – Конечно, я подожду. Я могу чем-то помочь?

Я было подумала предложить ему прогуляться до уборной, а не отправлять естественные надобности в ночную вазу, которую мне приходилось выносить, однако, посмотрев на него, поняла: он еще слишком слаб, чтобы самостоятельно разгуливать в темноте. Не хотелось объясняться с юным Уильямом, почему его отца – или человека, которого

он считал отцом, – сожрали медведи, не говоря уже о риске подхватить воспаление легких.

Так что я покачала головой и опустила на колени, чтобы напоить Иэна отваром. Похоже, тому было не так уж и плохо, поскольку он сразу начал жаловаться на мерзкий вкус, и я немного приободрилась. Но голова у него, похоже, сильно болела; о хмурую складочку меж бровей, казалось, можно было порезаться.

Я положила его голову себе на колени, потихоньку растирая ему виски. Затем поставила большие пальцы ему на веки и надавила под бровями. Иэн едва слышно простонал, затем расслабился, голова отяжелела.

– Дыши ровно, – попросила я. – Сначала может быть чуть-чуть неприятно, но не волнуйся, значит, я давя на правильные точки.

– Хорошо, – невнятно промычал Иэн. Он поднял руку и положил мне на запястье. – Это китайский способ?

– Верно! Он имеет в виду Хэ Тянь Чо – мистера Уиллоби, – пояснила я лорду Джону, который с любопытством наблюдал за нами. – Действуя по его методу, можно унять боль, если нажать на определенные точки на теле. Если нажать вот на эти, пройдет голова. Меня научил китаец.

Я не хотела упоминать о маленьком китайце при лорде Джоне, потому что прекрасно помнила о том случае на Ямайке, когда лорд Джон высадился на остров в сопровождении четырех сотен солдат и моряков в погоне за мистером Уиллоби, которого подозревали в жестоком убийстве.

– Вам же известно, что он этого не делал, – добавила я.

Лорд Джон одарил меня взглядом, приподняв бровь.

– Что ж, – сухо сказал он, – мы все равно его не поймали.

– Я рада.

Я посмотрела на Иэна, переставила пальцы на четверть дюйма к вискам и снова нажала. Хотя его лицо было еще перекошено от боли, белые губы слегка порозовели.

– Я... Ох... Надеюсь, вы не знаете, кто расправился с миссис Элкотт? – вдруг поинтересовался лорд Джон.

На его лице не было ничего, кроме праздного интереса и сыпи от кори.

– Известно, – колебавшись, ответила я.

– Ты знаешь убийцу? И кто это? Тетя, ничего себе... – Веки Иэна затрепетали под моими пальцами, глаза засветились интересом, но он тут же зажмурился, скривившись от боли, потому что огонь вспыхнул вдруг слишком ярко.

– Лежи тихо, – велела я, передвинув пальцы к вискам, – ты болен.

Иэн недовольно буркнул что-то себе под нос, однако утихомирился и

опустил голову на матрас, набитый сухими кукурузными листьями.

– Ну ладно, тетя, и все-таки кто? Я же теперь не усну, раз ты завела эту тему. Я хочу знать, что случилось. Разве это честно с ее стороны? – Он приоткрыл один глаз и с мольбой уставился на лорда Джона, прося поддержки. Тот улыбнулся в ответ.

– Я больше не веду это дело, – заверил меня лорд Джон. – И все же, – обратился он к Иэну, – вдруг твоя тетя покрывает кого-то, всякое может быть, ты не находишь? Тогда неучтиво настаивать на подробностях.

– Это вряд ли, – возразил Иэн с закрытыми глазами, – дядя Джейми не стал бы никого убивать. По крайней мере без веской причины.

Краем глаза я заметила, что лорд Джон пораженно вздрогнул. Очевидно, ему никогда не приходило в голову, что это мог сделать Джейми.

– Нет, – успокоила я его, заметив, как сошлись у переносицы аккуратные брови, – это не Джейми.

– Вот, я тоже не убивал, – самодовольно заявил Иэн, – а тетя больше никого не стала бы покрывать.

– Ты себе льстишь, Иэн, – едко заметила я. – Но если уж ты настаиваешь...

На самом деле я не хотела ранить юного Иэна. Убийца был мертв, мое признание не могло ему повредить. Насколько я знала, мистер Уиллоби тоже растворился в джунглях Ямайки, так что я искренне надеялась, что мой рассказ не причинит ему вреда.

Однако история затрагивала и других людей, скажем, молодую женщину, которую я знала как Гейлис Дункан. Впоследствии выяснилось, что ее настоящее имя – Гейлис Эбернети; именно по ее приказу Иэна похитили и увезли из Шотландии, а после бросили в ямайскую тюрьму, где он перенес столько страданий, что только недавно стал понемногу рассказывать нам о том времени.

Тем не менее иного выхода у меня не осталось: Иэн капризничал, требуя сказку перед сном, а лорд Джон сел в постели – точь-в-точь бурундук, которого собираются угостить орешками, – поглядывая на меня блестящими от любопытства глазами.

Так что, подавив в себе желание начать со слов «в некотором царстве, в некотором государстве», я оперлась спиной о стену и завела рассказ. Голова Иэна по-прежнему лежала у меня на коленях. Я поведала о Роузхолле и его хозяйке, ведьме по имени Гейлис Дункан; о преподобном Арчибальде Кэмпбелле и его странной сестре Маргарет; об эдинбургском чародее и предсказании Фрейзеру; о ночном пожаре и крокодильей крови, когда рабы с шести плантаций вдоль реки Йаллахс восстали под

предводительством жреца вуду Измаила и расправились со своими хозяевами.

О более поздних событиях, которые произошли в пещере Абандаве на Гаити, я умолчала. Иэн присутствовал при этом. Кроме того, они не имели отношения к убийству Мины Элкотт.

– Крокодил... – прошептал Иэн. Глаза у него были закрыты, на лице воцарилось безмятежное спокойствие, несмотря на страшную историю, которую я рассказывала. – Ты правда его видела, тетя?

– Не только видела, я наступила на него, – уверила я племянника. – Точнее, наоборот, сначала наступила, потом увидела. Если бы я с самого начала заметила эту тварь, я бы выбрала другую дорогу.

Со стороны кровати раздался тихий смешок. Лорд Джон почесал руку и улыбнулся.

– Нынешняя жизнь, должно быть, кажется вам ужасно скучной, миссис Фрейзер, после таких приключений в Вест-Индии.

– Время от времени я ничего не имею против того, чтобы поскучать, – философски заметила я.

Я невольно взглянула на клепаную дверь, которую подпирал мушкет Иэна. Я принесла его из сарая после того, как увела Иэна. Джейми взял с собой ружье, но оставил мне заряженные пистолеты. Они лежали на буфете в боевой готовности, рядом пули и порох.

В хижине было тепло и уютно, на стенах плясали желто-красные отблески огня, в воздухе витали ароматы готовящегося жаркого из белки и тыквенного хлеба, смешанные с насыщенным запахом ивовой коры. Я дотронулась до щеки Иэна. Лихорадка еще не началась, но кожа горела, несмотря на охлаждающее действие настойки.

Разговоры о Ямайке несколько отвлекли меня от тревоги об Иэне. Головная боль – типичный симптом для кори, только не такая сильная и продолжительная. Болезнь могла принести осложнения – и это, к несчастью, более чем вероятно, – в виде менингита и энцефалита.

– Как голова? – спросила я у Иэна.

– Получше, – ответил он и, зажмурившись, закашлялся. Его темные глаза лихорадочно блестели. – Но я весь горю, тетя.

Я слезла с тележки, чтобы принести полотенце, смоченное в холодной воде. Иэн тихонько простонал, когда я обтерла его лицо.

– Миссис Эбернети давала мне выпить аметиста, когда болела голова, – сонно пробормотал он.

– Аметиста? – Я сильно удивилась, но сдержалась, чтобы голос прозвучал тихо и ласково. – Ты пил аметист?

– Толченный и вымоченный в уксусе. И жемчужины в сладком вине. Но это для любовных утех, так она говорила.

Лицо у него распухло, Иэн прижался щекой к прохладной подушке в поисках облегчения.

– Она знала толк в камнях. Плавил над черной свечой толченые изумруды и растирала мой член бриллиантами, чтобы он все время был твердым.

Со стороны кровати раздался тихий скрип, – лорд Джон приподнялся на локте и смотрел на нас широко раскрытыми глазами.

– Аметист помогал? – спросила я, осторожно вытирая полотенцем лицо Иэна.

– Бриллианты помогали. – Он сделал слабую попытку ухмыльнуться, но она потонула в приступе кашля.

– Жаль, что у нас нет аметистов, – сказала я, – зато есть вино, если хочешь.

Иэн хотел, и я помогла ему напиться, прежде хорошенько разбавив вино водой, а затем поудобнее устроила голову парня на подушке. Его полузакрытые глаза блестели, щеки пылали.

Лорд Джон тоже лег, густые светлые волосы разметались по подушке.

– Это все, чего она хотела от мальчиков, понимаешь, – сказал Иэн. Он смежил веки от яркого света огня, однако перед его взором явно проносились какие-то видения, которые услужливо подбрасывала память. Губы начали сохнуть и потрескались, из носа текло. – Она говорила, что тот камень, который ей нужен, растет внутри у мальчиков. Она говорила, ей нужен мальчик, который прежде не был ни с одной девчонкой, это важно. Если все же был, то камень получится не таким. Если он был, этот камень.

Иэн закашлялся и бессильно упал на подушку. Я дала ему носовой платок, чтобы высморкаться.

– А что за камень был ей нужен? – Лорд Джон, конечно, сочувствовал Иэну, ведь он недавно пережил то же самое, однако любопытство пересилило. Я не стала возражать, мне самой хотелось бы знать.

Иэн застонал.

– О боже, у меня голова сейчас лопнет!.. Я не знаю, она не говорила! Только он был ей очень нужен, ясно?

Иэн почти успел договорить, но снова захлебнулся кашлем. Этот приступ был еще сильнее предыдущего, кашель стал походить на собачий лай.

– Тебе лучше помолчать, – начала я, когда в дверь тихо постучали.

Я застыла на месте с мокрым полотенцем в руке. Лорд Джон ловко

перекатился к краю кровати и вытащил пистолет из своего сапога, что стоял рядом на полу. Он приложил палец к губам и кивнул на пистолеты Джейми. Я метнулась к буфету и, схватив один из них, почувствовала себя более уверенно.

– Кто там? – неожиданно громко спросил лорд Джон.

Ответа не последовало, в дверь поскреблись еще раз, за порогом раздался слабый вой. Я положила пистолет на место, вздохнув со смесью облегчения, раздражения и веселья.

– Иэн, это твой чертов пес.

– Вы уверены? – тихо переспросил лорд Джон, сжимая в руке пистолет, наставленный в сторону двери. – Может, это уловка индейцев?

Иэн с трудом перекатился на бок лицом к двери.

– Ролло! – хрипло позвал он.

Пес узнал голос хозяина и радостно гавкнул, скребя когтями дверь где-то футах в четырех от земли.

– Чертова собака, – ругнулась я, поспешив открыть. – А ну-ка прекрати, а то сделаю из тебя коврик!

Не придав особого значения угрозе, Ролло проскочил мимо меня в комнату. Обезумев от радости, он метнулся к Иэну мохнатой кометой весом в полтора фунта, так что половицы опасно скрипнули. Не обращая внимания на возгласы протеста, Ролло любовно облизал Иэну лицо и руки, обильно оросив их слюной.

– Плохая собака, – Иэн безуспешно пытался спихнуть Ролло с груди, беспомощно хихикая, – плохая собака! Лежать, кому говорю!

– Лежать, – грозно повторил лорд Джон.

Ролло прервал процесс выражения страстной любви, обернулся к нему, прижав уши, и оскалится, предоставляя лорду Джону оценить безупречное состояние своих клыков. Тот подобрался и инстинктивно наставил на пса пистолет.

– Лежать, кому говорю! – крикнул Иэн, хватая Ролло за загривок. – И убери свою шерстяную задницу с моего лица, чертова скотина!

Ролло временно потерял интерес к лорду Джону, улегся рядом, предварительно обернувшись три раза вокруг собственной оси, и устроил лапы на краю постели. Тяжело вздохнув, он лизнул Иэна в ухо и устроил морду между огромных грязных лап в непосредственной близости от подушки хозяина.

– Может, увести его? – предложила я, неодобрительно взирая на грязные лапы. Я, конечно, плохо представляла себе, как справлюсь с собакой такого размера и темперамента, разве что пристрелю из пистолета

Джейми и вытащу тушу из хижины, поэтому вздохнула с облегчением, когда Иэн покачал головой.

– Пусть остается, тетя. Он же хороший пес, правда, *charaid*, дружище?

Парнишка положил руку псу на загривок и повернул голову так, чтобы его щека соприкасалась с жесткой шерстью.

– Ну, ладно. – Я медленно приблизилась под немигающим взглядом настороженных желтых глаз и пригладила волосы Иэна. Лоб у него был еще горячим, но жар, кажется, немного спал. Если ночью температура поднимется, теплый мех Ролло поможет ему согреться и унять лихорадочную дрожь.

– Спокойной ночи.

– *Oidhche mhath*, – полусонным голосом откликнулся Иэн. Он уже окунулся в царство снов, так что его «доброй ночи» прозвучало совсем невнятно.

Я тихонько убирала в комнате после дня, наполненного заботами. Нужно было промыть и высушить лущеный арахис в корзине, смазать жиром сухой тростник для лучины. Я наведалься в кладовую, перемешала сусло для пива, придавила прессом свернувшееся молоко, из которого хотела сделать сыр, а еще разделила на буханки поднявшееся хлебное тесто, чтобы испечь их утром в небольшой голландской печке, устроенной сбоку от очага.

Когда я вернулась в комнату, Иэн уже уснул, ровно дыша, Ролло тоже лежал с закрытыми глазами, хотя я заметила, что он приоткрыл один, когда я распахнула дверь. Я посмотрела на лорда Джона – тот тихо лежал, глядя в потолок.

Я села у огня и достала большую плетеную корзину с шерстью, украшенную желто-зелеными знаками – узор назывался «закат солнца», как пояснила Габриэль.

Прошло два дня с тех пор, как Джейми и Билли отправились в индейскую деревню. Два дня. Если ничто не задержало их в пути.

– Ерунда, – пробормотала я вслух. Что могло их задержать. Конечно же, они скоро вернутся.

В корзине лежали мотки шерсти и льна. Какие-то из них дала Иокаста, какие-то я спрядла самостоятельно. Конечно, разница бросалась в глаза, но даже те грубые нитки, которые вышли у меня, на что-нибудь да сгодятся. Понятно, что не для чулок или свитеров, а вот для прихватки для чайника тонкая пряжа не нужна.

Джейми и удивился, и посмеялся тому, что я не умела шить. В Лаллиброхе вопрос вообще не возникал, потому что Дженни и другие

служанки всегда содержали одежду в порядке, я же приняла на себя заботы о кладовой и о саде.

– Ты не умеешь вязать? – недоверчиво спросил он. – А где ты брала теплые чулки в Бостоне?

– Покупала, – ответила я.

Джейми озабоченно обвел взглядом поляну, на которой мы сидели.

– Поблизости нет магазинов... Наверное, тебе стоит научиться.

– Наверное. – Я с опаской посмотрела на швейную корзинку, которую дала мне Иокаста. В ней было все, что нужно: три проволоочки разных размеров, четыре спицы из слоновой кости – я знала, что ими каким-то чудным образом вяжут пятки для чулок.

– Попрошу Иокасту показать, как это делается, когда мы в следующий раз поедем в поместье. Может, в будущем году.

Джейми взял из корзины спицы и моток пряжи.

– Это несложно, саксоночка. Смотри, так накидывают петли.

Вытянув нитку через сжатый кулак, он сделал петлю большим пальцем и набросил ее на спицы. В считанные секунды он набросал целый ряд. Затем протянул мне другую пару спиц и моток пряжи.

– Попробуй.

Я удивленно смотрела на него.

– Ты умеешь вязать?

– Конечно, умею, – удивился Джейми в свою очередь. – Меня научили обращаться со спицами лет в семь. А в твоё время что, детей этому больше не учат?

– Ну-у, – смущенно протянула я, – девочек иногда учат, а мальчиков нет.

– Тут нет ничего сложного, саксоночка, обычное дело. Нужно сделать петлю большим пальцем, смотри...

Джейми с Иэном – оказалось, племянник тоже умел вязать и сильно потешался, обнаружив, что я не умею, – обучили меня немного вязать и даже вышивать. Между взрывами необузданного веселья, вызванными моими неумелыми попытками, они рассказали, что в Шотландии всех мальчиков обязательно учат вязанию – это полезное занятие помогает скоротать время, пока пасешь овец или коров.

– Конечно, когда мальчик превращается в мужчину, женится и у него появляется сын, которому поручают пасти овец, он больше не вяжет себе чулки сам, – проговорил Иэн, ловко вывернув пятку на чулке, – но даже самые маленькие ребятишки умеют вязать.

Я осмотрела мою текущую работу – около десяти дюймов шерстяной

вязки, комком лежавшей на дне корзины. Для меня вязание так и осталось упорной борьбой с узловатой ниткой и выскальзывающими из рук спицами, а не размеренным успокаивающим занятием, как для Джейми и Иэна. Вечерами, когда они располагались с вязаньем у огня, спицы мерно постукивали у них в руках, совсем как поленья в очаге.

Не сегодня, подумала я. Сегодня я не смогу. Сегодня стоит заняться чем-то таким, что не требует особого напряжения, например смотать пряжу в клубок. Я отложила в сторону пару полосатых чулок, что вязал себе Джейми, и вынула спутанный ком голубой пряжи, все еще пахнувшей краской.

Обычно мне нравится запах свежей пряжи – едва уловимый дух овечьей шерсти, резкий запах синей краски и уксуса, которым усаживали пряжу, – однако сегодня он показался удушливым в сочетании с дымом от огня и плавящимся свечным воском, а еще с запахами нездоровых тел, пропахших потом простыней и испражнений из ночной вазы. Дух в хижине стоял похлеще чем в конюшне.

Я бросила запутанный клубок на колени и на минутку прикрыла глаза. Больше всего на свете хотелось раздеться и обтереть тело влажной губкой, а потом обнаженной скользнуть на льняные простыни и улечься так, чтобы свежий воздух из открытого окна ласкал лоб и щеки, пока я засыпаю.

Увы, в одной постели лежал потный англичанин, а в другой – огромный пес, не говоря уже о больном подростке, которому предстояла тяжелая ночь. Простыни были давно не стираны, а когда появится возможность их постирать, уйдет целый день, придется трудиться до ломоты в спине – сначала прокипятить, затем постирать, отжать и развесить. На эту ночь, если мне удастся поспать, моей постелью станет расстеленный килт и мешок, набитый овечьей шерстью.

Работать сиделкой непросто, и я жутко устала; в особо тяжелые минуты хотелось, чтобы все они куда-нибудь исчезли... Я открыла глаза, с досадой глядя на лорда Джона. Он лежал на спине, подложив руку под голову, и мрачно пялился в потолок. Если мне не показалось из-за игры теней, на его лице лежала печать глубокого горя.

Я тут же ощутила укол совести. Что за скверный у меня характер. Меня раздражало, что лорд Джон внезапно вмешался в нашу жизнь, а теперь еще и ухаживать за ним, раз он заболел. Мне было не по себе от его присутствия, не говоря уже о Билли. Впрочем, скоро все пройдет. Они уедут, Джейми вернется домой, Иэн поправится. Ко мне вернутся мир, покой и чистые простыни. А вот то несчастье, что постигло лорда Джона, уже никуда не денется. Грей потерял жену, как бы он к ней ни относился.

Ему понадобилось недюжинное мужество, чтобы привезти сюда Билли, а затем услать его вместе с Джейми. И я не думаю, что чертов засранец рассчитывал подхватить корь.

Я отложила шерсть в сторону и поднялась, чтобы поставить чайник. Чашечка крепкого чая сейчас как нельзя кстати. Выпрямившись, я обнаружила, что лорд Джон смотрит на меня. Мои передвижения отвлекли его от тяжелых раздумий.

– Хотите чаю? – спросила я, отводя глаза. Стыдно было встречаться с ним взглядом после гадких мыслей, что крутились в моей голове.

Он слабо улыбнулся и кивнул.

– Спасибо, миссис Фрейзер.

Я достала из буфета коробку с чаем и чашки с ложками. Подумав, потянулась за сахарницей. Черная патока сегодня не годится.

Когда чай заварился, я присела на край кровати. Мы прихлебывали напиток в молчании; между нами возникло напряжение и какая-то неловкость.

– Простите, лорд Джон, я хотела сказать, что очень вам сочувствую; потерять супругу, должно быть, непросто. – Фраза получилась слишком церемонной.

Он слегка удивился, затем кивнул, заметив, что говорю я больше из вежливости.

– Какое совпадение, что вы упомянули об этом. Я как раз думал о ней.

Я привыкла к тому, что, глядя на мою физиономию, люди тут же угадывают, что у меня на уме. Приятно было, что и я могу прочесть чужие мысли.

– Вы очень скучаете? – спросила я, тут же смутившись.

Однако лорд Джон счел мой вопрос вполне естественным. Мне даже показалось, что он спрашивал сам себя о том же, настолько быстро прозвучал его ответ.

– Честно говоря, не знаю... Я кажусь вам бесчувственным?

– Откуда мне знать, – колко заметила я, – были у вас к ней чувства или нет.

– Были. – Он снова откинулся на подушки, густые волосы рассыпались по плечам. – И есть до сих пор. Поэтому я и приехал. Вы понимаете?

– Боюсь, что нет.

Иэн закашлялся, и я приподнялась, чтобы посмотреть, что с ним, но он просто перевернулся во сне – улегся на живот, свесив руку вниз. Я подошла и подняла ее – рука была горячее, но не слишком – и положила на подушку. Волосы упали ему на глаза. Я ласково отвела их назад.

– Вы очень добры к парнишке. У вас есть свои дети?

Я удивленно обернулась. Лорд Джон смотрел на меня, опершись подбородком о руку.

– Я... у нас есть дочь.

Лорд Джон округлил глаза.

– У нас? Вы хотите сказать, что девочка от Джейми?

– Не зовите ее девочкой, – огрызнулась я. – Ее зовут Брианна, и, да, она от Джейми.

– Прощу прощения, я не хотел вас обидеть, – сказал он. – Просто удивился.

Я посмотрела на него в упор, потому что как-то вдруг устала от хороших манер.

– И немного приревновали, так ведь?

Лорд Джон был прирожденным дипломатом – на его лице отразилась лишь любезная снисходительность. Я продолжала рассматривать его, и маска слетела – в голубых глазах я прочла согласие, а еще определенную долю насмешки и неприязни.

– Что ж, у нас есть кое-что общее.

Я поразились его пронизательности, хотя пора бы привыкнуть.

– Только не говорите, что не ожидали, что так будет, когда ехали сюда?

Чай закончился; я отставила чашки и снова взяла клубок шерсти.

Лорд Джон изучал меня взглядом.

– Ожидал, – наконец произнес он и откинулся на подушку, уставившись в потолок. – Я, конечно, не предполагал, что вас настолько заденет встреча с Уильямом, но даже если бы я знал... Я привез его не для того, чтобы вам досадить, поверьте.

Я закончила сматывать, бросила тугой клубок пряжи в корзину и потянулась за новым мотком, растянув его на спинке плетеного стула.

– Верю, – сказала я, не отрывая глаз от пряжи. – Непростое дело – тащить мальчика в такую даль. Может, все же объясните, о чем вы думали?

Я слышала шорох простыней – лорд Джон пожал плечами.

– Причина очевидна. Я хотел, чтобы Джейми увидел мальчика.

– Еще более очевидно, что для вас это повод увидеть Джейми.

Воцарилось молчание. Я смотрела лишь на руки, наматывая нить вверх-вниз и справа налево, чтобы получился тугой ровный клубок.

– А вы интересная женщина, – ровным тоном произнес лорд Джон.

– В самом деле? – спросила я, не поднимая глаз. – И почему же?

– Вы не особо подбираете слова и бьете наотмашь. По-моему, я никогда не встречал столь ужасающе прямолинейного человека – ни

мужчину, ни женщину.

– Что ж, я не специально. – Пряжа закончилась, и я спрятала конец нитки в клубок. – Такая уж уродилась.

– Я тоже, – очень тихо сказал он.

Похоже, эти слова были предназначены прежде всего ему самому.

Я поднялась и, подойдя к буфету, достала три горшочка – с мятой, валерианой и имбирем. Потом взяла каменную ступку, ссыпала туда сухие листья и корни и залила горячей водой из чайника. Над ступкой поднялся ароматный дымок.

– Что вы делаете? – спросил лорд Джон.

– Готовлю настойку для Иэна. Четыре дня назад я поила вас такой же.

– Понятно. А мы слышали о вас по пути из Уилмингтона. – Его голос звучал теперь вполне обыденно. – Ваши умения широко известны в этих краях.

Я невнятно промычала в ответ. По комнате поплыл насыщенный пряный аромат имбиря.

– Говорят, вы чародейка. Вам известно, что это значит?

– Все, что угодно – от акушерки до врача или от заклинателя змей до предсказательницы судьбы на ярмарке, – заметила я. – Смотря кто говорит.

Судя по звуку, лорд Джон усмехнулся.

– С ними все будет в порядке. – В утвердительной фразе слышался вопрос.

– Конечно. Джейми не стал бы брать мальчика, если бы считал, что ему грозит хоть малейшая опасность. Вы и сами должны это понимать, если немного знаете Джейми, – добавила я.

– Знаю, – ответил он.

– В самом деле?

Какое-то время с его стороны не доносилось ни звука.

– Я знаю его достаточно – я так думаю, – чтобы отпустить с ним Уильяма. И я уверен, что он не откроет мальчику правду.

Я ссыпала желто-зеленый порошок на маленький квадратик из марли и завязала его в мешочек.

– Вы правы, он не откроет.

– А вы?

Я удивленно посмотрела на него.

– Вы действительно считаете, что я могу так поступить?

Лорд Джон внимательно посмотрел на меня и улыбнулся.

– Нет, – тихо ответил он. – Спасибо.

Я фыркнула и опустила мешочек с травами в чайник, затем вновь

вернулась к окаянной шерсти.

– С вашей стороны очень великодушно было отправить Билли вместе с Джейми одних. Очень смело, – нехотя добавила я.

Я подняла глаза. Лорд Джон смотрел на темную шкуру, которой было занавешено окно, словно мог видеть сквозь нее, как две фигуры – одна побольше, другая поменьше – едут верхом через лес.

– Много лет назад Джейми уже держал в руках мою жизнь, – тихо произнес лорд Джон. – Я полностью доверяю ему Уильяма.

– А если Билли помнит конюха по имени Маккензи куда лучше, чем вам кажется? А если он внимательно посмотрит на Джейми, а потом на себя?

– Двенадцатилетних мальчиков не слишком занимают воспоминания, – сухо сказал лорд Джон, – к тому же вряд ли мальчик, который всю свою жизнь полагал, что является наследником графа Элсмира, вдруг решит, что он незаконнорожденный сын шотландского конюха. Даже если такая мысль вдруг закрадется ему в голову, надолго она там не задержится.

Я молча сматывала шерсть, глядя на пламя. Иэн закашлялся, однако не проснулся. Пес свернулся серым комком в ногах хозяина.

Я перемотала второй клубок пряжи и принялась за следующий. Когда закончу, настойка будет готова. Если не понадобится Иэну, лягу спать.

Лорд Джон смотрел вверх на закопченные балки, но видел нечто совсем иное.

– Я говорил вам, что у меня были чувства по отношению к моей жене, – тихо начал он, – и они были. Близость. Дружба. Преданность. Мы были знакомы всю жизнь; наши отцы дружили, я знал ее брата. Она была мне как сестра.

– А ее это устраивало? Быть вам как сестра?

Он посмотрел на меня одновременно и раздраженно, и заинтересованно.

– Жить с вами, должно быть, нелегко... Да, полагаю, что ее все устраивало. По меньшей мере она никогда не выражала неудовольствия.

Я лишь глубоко вздохнула. Лорду Джону стало не по себе, он поскреб шею.

– Я был ей мужем в общепринятом смысле, – посчитал он нужным оправдаться. – То, что у нас не случилось собственных детей, не моя...

– Стоит ли мне об этом знать?

– Не интересно? – Он говорил по-прежнему тихо, однако лоск дипломатичной любезности слетел; голос прозвучал достаточно зло. – Вы спросили, зачем я приехал, что у меня на уме, обвинили меня в ревности.

Похоже, вы не хотите знать правду, потому что она помешает вам думать обо мне так, как вам хочется.

– Откуда вы, черт возьми, знаете, что мне хочется о вас думать?

Рот лорда Джона искривился в усмешке.

– А вы считаете, что не знаю?

Я посмотрела ему в глаза, не желая что-либо скрывать.

– Вы сказали о ревности, – тихо произнес он спустя минуту.

– Да. Вы тоже.

Он отвернулся и, помолчав, продолжил:

– Когда я узнал, что Изабель мертва... я ничего не почувствовал. Мы жили вместе много лет, хотя и не виделись в последние два года. Мы делили постель; делили жизнь. Я должен был что-то чувствовать, тем не менее...

Он глубоко вздохнул. Я видела, как взметнулись простыни.

– Вы говорили о великодушии, но это не то... Я приехал, чтобы узнать, могу ли я еще хоть что-то чувствовать... – Лорд Джон лежал отвернувшись и глядя в полуоткрытое окно, за которым темнела ночь. – Мне нужно знать, умерли мои чувства или всего лишь Изабель.

– Всего лишь Изабель? – повторила я.

– По крайней мере, стыд я еще чувствую, – наконец прошелестел он едва слышно.

Судя по темноте за окном, была глубокая ночь, огонь почти угас, и ломота в костях говорила, что мне давно бы пора лечь в постель.

Иэн, простонав, беспокойно заметался в постели, Ролло подскочил и стал его обнюхивать. Я подошла и обтерла племяннику лицо, взбила подушку и расправила простыни, утешительно бормоча что-то ласковое. Он проснулся лишь наполовину. Я поднесла чашку к его губам и по глоточку дала ему выпить настойку.

– Утром тебе станет лучше.

На шее появилась сыпь, пока что небольшая, но жар немного спал, и складка между бровей разгладилась.

Я снова обтерла ему лицо полотенцем и уложила на подушку. Иэн тут же уснул, устроившись щекой на прохладном хлопке.

Настойки осталось совсем немного. Я слила остатки в чашку и поднесла ее лорду Джону. Он слегка удивился, но сел в постели и принял чашку у меня из рук.

– Ну а теперь, когда вы приехали и посмотрели на него... У вас еще есть чувства? – спросила я.

– Есть. – Лорд Джон поднял к губам чашку и одним глотком выпил

настойку. – Помоги мне, Господь, – сказал он так безыскусно, что я даже не рассердилась.

Всю ночь Иэн вел себя беспокойно, а к рассвету задремал. Я воспользовалась представившимся случаем и прилегла, намереваясь урвать несколько часов сна, однако вскоре подскочила от оглушительного рева мула Кларенса.

Кларенс был невероятно общительным животным: как только поблизости оказывался кто-то, кого он считал товарищем – а к этой категории относились все четвероногие создания, – он тут же принимался радостно вопить, приветствуя приятеля. Вопли Кларенса могли мертвого на ноги поставить. Ролло, пристыженный тем, что его потеснили с позиций сторожевого пса, соскочил с постели Иэна и завыл, словно оборотень, глядя в окно.

Вырванная из забытья, я быстро поднялась. Лорд Джон сидел у стола в одной рубашке и тоже выглядел потрясенным – то ли поднявшимся переполохом, то ли моим видом. Отперев замок и отодвинув задвижки, я вышла во двор. Сердце радостно забилося.

И тут же разочарованно ухнуло – это были не Джейми и Билли. Разочарование сменилось удивлением, когда я поняла, что неожиданный гость – пастор Готтфрид, лютеранский священник из Салема. Я время от времени встречала пастора в домах прихожан, когда лечила их, но чтобы он вдруг ни с того ни с сего явился ко мне...

От Салема до Риджа было примерно два дня пути, а до ближайшей фермы, где жили лютеране, – миль пятнадцать по бездорожью. К тому же пастор никак не считался опытным наездником; его плащ был весь в пыли и грязи оттого, что несколько раз он, по-видимому, не смог удержаться верхом. Значит, случилось что-то действительно срочное, раз он приехал в такую даль.

– Лежать, чертов пес! – прикрикнула я на Ролло, который рычал и скалил зубы, что крайне не нравилось лошади пастора. – Молчать, кому говорят!

Ролло смерил меня оскорбленным взглядом – мол, что ж, если ты решила пустить в дом явных злоумышленников, я снимаю с себя всякую ответственность.

Пастор был невысоким человечком с большим животом и окладистой курчавой бородой, которая укрывала нижнюю часть лица, словно облако, над которым светился его лучезарный взгляд. Но этим утром он совсем не светился, напротив, его щеки по цвету напоминали топленое сало, губы

были бледны, а глаза покраснели от усталости.

– *Meine Dame*, – приветствовал он меня, приподняв шляпу с широкой полоской и кланяясь, – *ist Euer Mann hier?*^[33]

На грубом немецком языке я знала лишь пару слов, тем не менее легко догадалась, что он спрашивал о Джейми. Я покачала головой и махнула рукой в сторону леса.

Судя по нервно заламываемым рукам, пастор совсем растерялся. Он начал было говорить по-немецки, умолк, сообразив, что я его не понимаю, затем попытался еще раз, громче и медленнее, отчаянно гримасничая и жестикулируя, видимо, в надежде, что, если он станет кричать, я пойму его лучше.

Я все еще беспомощно трясла головой, когда позади раздался требовательный голос.

– *Was ist los?* – выйдя на порог, потребовал объяснений лорд Джон. – *Was habt Ihr gesagt?*^[34]

К счастью, он натянул бриджи, но оставался босиком, а распущенные волосы так и лежали на плечах.

Пастор бросил на меня возмущенный взгляд, явно подумав худшее, однако его лицо приняло совершенно иное выражение после пушечного залпа немецкой речи, который выдал лорд Джон. Пастор кивнул мне, извиняясь. Потом в нетерпении повернулся к англичанину и начал что-то сбивчиво объяснять, размахивая руками.

– Что такое? Что он говорит?! – Я пыталась выудить хоть одно знакомое слово в этом потоке немецкой речи.

Грей повернулся ко мне с перекошенным от ужаса лицом.

– Вы знаете семейство Мюллеров?

– Знаю. – При упоминании этого имени меня охватила тревога. – Три недели назад я помогла Петронелле Мюллер произвести на свет ребенка.

– Ясно. – Грей облизнул пересохшие губы и опустил взгляд. – Боюсь, что ребенок умер. Его мать тоже.

– О, нет. – Я опустилась на скамью у двери, отказываясь принимать известие. – Не может быть!

Грей прижал ладонь к щеке и повернулся к пастору. Тот проговорил что-то, всплескивая маленькими пухлыми ручками.

– Они умерли от *Masern*, я думаю, это корь. *Flecken so ähnlich, wie diese?*^[35] – спросил Грей у пастора, указывая на остатки сыпи на своем лице.

Пастор энергично закивал:

– *Fleckern, Masern, ja*, ^[36] – указывая на свою щеку.
– Но что он хотел от Джейми? – удивленно спросила я.
– Очевидно, надеялся, что Джейми сможет вразумить того человека – господина Мюллера. Они дружат?

– Я бы не сказала. Прошлой весной Джейми пришлось двинуть Герхарду Мюллеру в челюсть и скрутить его у мельницы.

Щека у лорда Джона чуть дернулась в усмешке.

– Ясно. В таком случае «вразумить» – оборот чисто фигуральный.

– Мюллера нельзя вразумить ничем, изысканней топора, – сказала я. – Но зачем его вразумлять?

Грей нахмурился. Видимо, ему претило употребление слова «изысканный» в данном контексте, однако он понял, что я имела в виду. Помедлив, он обратился к священнику и что-то спросил, а затем стал напряженно вслушиваться в сбивчивый поток немецкой речи.

Мало-помалу он перевел для меня всю историю, то и дело останавливаясь и уточняя детали у рассказчика.

Как и сказал лорд Джон, в Кросс-Крике разразилась эпидемия кори и поползла в глубь страны, затронув несколько домов в Салеме. Так как Мюллеры жили уединенно, до недавнего времени корь их не беспокоила.

Но за день до того, как в доме Мюллеров обнаружили первые признаки болезни, к ним зашли несколько индейцев, которые попросили еды и питья. Мюллер, с чьим мнением по поводу индейцев я была хорошо знакома, погнал их прочь. По словам Мюллера, обиженные индейцы, уходя, проклинали его дом.

На следующий день почти все семейство слегло от кори. Мюллер был уверен, что несчастье наколдовали индейцы. Он расписал стены дома защитными знаками и призвал пастора, чтобы тот провел обряд изгнания...

– Кажется, он сказал именно так, – протянул лорд Джон, – хотя я не совсем уверен, что это значит...

– Неважно, – нетерпеливо отмахнулась я, – продолжайте!

Меры предосторожности не помогли. Когда Петронелла и ее новорожденная дочка скончались, старик Мюллер от горя потерял остатки разума. Он решил отомстить дикарям, которые навели порчу на дом, и заставил сына и зятя сопровождать его. Все вместе они уехали в лес.

Три дня назад они вернулись. Сыновья были бледными и молчаливыми, а старик весь светился от мрачного удовлетворения.

– *Ich war dort. Ich habe ihn gesehen*, – прошептал отец Готтфрид. «Я был там. Я видел».

Женщины в панике позвали пастора. Когда он въехал во двор, то

обнаружил на двери амбара два прибитых скальпа с длинными развевающимися на ветру темными волосами, а под ними большими буквами слово «*Rache*», выведенное краской.

– Это значит «мечь», – перевел мне лорд Джон.

– Знаю. – В горле пересохло так, что я с трудом могла говорить. – Я читала про Шерлока Холмса. Вы думаете, он...

– Похоже, что так.

Пастор отчаянно схватил меня за руку и затряс, чтобы я поняла, что нужно спешить. По мере того, как он говорил, глаза Грея превращались в узкие щелочки. Он прервал священника коротким вопросом, тот отчаянно закивал в ответ.

– Мюллер едет сюда.

Пастор невыносимо расстроился при виде скальпов и пошел искать Мюллера, но ему сказали, что отец семейства, пригвоздив к двери ужасные трофеи, заявил, что намерен отправиться во Фрейзер-Ридж, чтобы повидаться со мной.

Если бы я не сидела, то упала бы в обморок. Наверняка я побледнела так же, как пастор Готтфрид.

– Зачем? – прошептала я. – Неужели он... неужели он думает, что это я навредила Петронелле или девочке? Неужели?..

Я подняла умоляющий взгляд на пастора. Тот трясущейся пухлой ручкой провел по волнистым волосам с проседью.

– Сей джентльмен в церковном облачении не знает, что у Мюллера на уме и с какой целью он сюда поехал, – заявил лорд Джон, с интересом рассматривая не слишком-то спортивную фигуру пастора. – К его чести, он отважно последовал за Мюллером прямо к нам и два часа спустя обнаружил его у дороги лежащим без чувств.

Здоровяк-фермер, по всей видимости, провел несколько дней без еды, лихорадочно спеша отомстить. Невоздержанность была, в общем-то, не свойственна лютеранам; видимо, под воздействием усталости и обуревавших его чувств Мюллер хватил лишку, когда вечером вернулся из своей страшной экспедиции, и в итоге пиво одержало над ним верх. Спешившись, он умудрился привязать мула, а сам лег у обочины, завернувшись в пальто.

Пастор не счел нужным будить Мюллера, памятуя о скверном нраве последнего и благоразумно полагая, что от воздействия спиртного характер его не улучшится. Вместо этого Готтфрид вскочил на лошадь и, поручив себя воле всевышнего, стремглав пустился в путь, чтобы предупредить нас.

Он был уверен, что мой «*Mann*» Джейми справится с Мюллером,

каковы бы ни были намерения фермера, но Джейми уехал...

Пастор Готтфрид беспомощно перевел взгляд от меня на лорда Джона и обратно.

– *Vielleicht sollten Sie gehen?*^[37] – предложил он, кивнув головой в сторону леса.

– Я не могу, – сказала я, махнув рукой в сторону дома. – *Mein... Господи, как же по-немецки «племянник»!.. Mein junger Mann ist nicht gut*^[38].

– *Jhr Neffe ist krank*, – быстро поправил лорд Джон. – *Haben Sie jemals Masern gehabt?*^[39]

Пастор покачал головой, изменившись в лице от тревоги.

– Он не болел корью, – сказал, повернувшись ко мне, лорд Джон. – Тогда ему нельзя здесь оставаться, иначе он рискует заболеть, так ведь?

– Так. – Первый испуг немного прошел, я постаралась взять себя в руки. – Пусть срочно уезжает. От вас он не заразится, опасность миновала, но от Иэна...

Я сделала неуклюжую попытку пригладить волосы, торчащие во все стороны – не удивительно, что они стали дыбом. И тут я вспомнила о скальпах, прибитых к двери амбара, и волосы на моем скальпе снова зашевелились.

Лорд Джон убеждал пастора уехать, схватив того за рукав и препровождая к лошади. Готтфрид, не очень активно протестуя, смотрел на меня, и на его круглом лице читалась тревога.

Я попыталась ободряюще улыбнуться ему, хотя была точно так же выбита из колеи.

– *Danke*. Скажите ему, что все будет в порядке, – попросила я лорда Джона. – Иначе он не уедет.

Грей коротко кивнул.

– Сказал. Я сказал ему, что я солдат и что не дам вас в обиду.

Пастор задержался на пару минут, зажав в руке уздечку и серьезно что-то втолковывая лорду Джону, потом решительно развернул лошадь и проехал через двор. Поравнявшись со мной, он положил ладонь на мою растрепанную голову и произнес:

– *Seid gesegnet.*^[40] *Benedicite.*^[41]

– Он сказал... – начал лорд Джон.

– Не надо. Я поняла.

Мы стояли во дворе, в молчании глядя вслед пастору, который скрылся в ореховой роще. Вокруг было невероятно благостно, теплое осеннее

солнце, согревая, ласкало мне плечи, над головой порхали птицы, спеша по своим делам. Из леска доносился веселый стук дятла и переливчатый дуэт пересмешников, которые свили гнездо на большой голубой ели. Не было слышно сов, но их и не могло быть слышно, ведь давно уже рассвело.

«Кто?» – запоздало удивилась я, подумав о другой стороне трагедии. Кто же стал жертвой слепой мести Мюллера? Ферма Мюллера находилась в нескольких днях езды через горную цепь, что отделяла индейскую землю от территории поселенцев, там есть деревни и тускарора, и чероки, в зависимости от направления, которое избрал Мюллер.

До какой деревни он добрался? Какую кровавую резню они там учинили вместе с сыновьями? И что хуже, какая кровавая резня еще последует?

Я вздрогнула, несмотря на теплую погоду. Мюллер не единственный, кто верит в месть. Семья, клан или племя – кого он там изничтожил – в свою очередь начнет мстить. И на Мюллерах дело не остановится, даже если им известно, что убийцы они.

А если нет? А если они знают только, что убийцы – белые?.. Я слышала немало ужасных историй, жертвы отнюдь не всегда сами бросали вызов судьбе, большинству из них просто не посчастливилось оказаться в ненужном месте в ненужное время. Фрейзер-Ридж лежал как раз посередине между индейскими деревьями и фермой Мюллера. Довольно неудачное расположение в данных обстоятельствах.

– Господи, как же мне хочется, чтобы Джейми был здесь! – Я даже не заметила, что говорю вслух, пока лорд Джон не откликнулся.

– Мне тоже. Только думается мне, что мальчику с ним куда безопасней, чем здесь.

Я посмотрела на него и лишь сейчас поняла, насколько он еще слаб. Он в первый раз за неделю поднялся с постели. На смертельно бледном лице пестрели красные пятна сыпи. Лорд Джон прислонился плечом к дверному косяку, чтобы не упасть.

– Вам нельзя вставать! – воскликнула я, схватив его за руку. – Немедленно идите в дом и ложитесь!

– Со мной все в порядке, – раздраженно отозвался он, однако не оттолкнул мою руку и не слишком протестовал, когда я проводила его до постели.

Я подошла посмотреть, как дела у Иэна. Парень метался в постели, сотрясаясь от лихорадки. Глаза у него были закрыты, лицо раздулось и покрылось красными точками, гланды на шее выпятились и были горячими, как только что сваренное яйцо.

Ролло подсунул любопытный нос мне под локоть и осторожно обнюхал хозяина.

– Все будет хорошо, – ласково сказала я. – Может, выйдешь во двор и подождешь гостей, а?

Ролло не внял просьбе и уселся рядом, наблюдая, как я отжала полотенце, смоченное в холодной воде, и обтерла им Иэна. Я разбудила племянника, расчесала ему волосы, дала ночную вазу и напоила пчелиным сиропом, все время ожидая, что вот-вот раздастся цокот копыт и приветственный рев Кларенса.

Долгий выдался день. Сначала я от каждого звука вздрагивала и оборачивалась на любой шорох, но в конце концов окунулась в ежедневные заботы: ухаживала за бедным Иэном, которого трясло в лихорадке, накормила животных, прополола в саду, нарвала огурчиков для засолки и усадила лорда Джона, вызвавшегося помочь, лущить фасоль.

По пути из уборной к хлеву, где жила коза, я с тоской всматривалась в лес. Укрыться бы в зеленой чаще!.. Такой порыв возникал у меня не в первый раз. Впрочем, осеннее солнце опускалось все ниже, и час за часом протекал в абсолютном покое без малейших признаков приближения Герхарда Мюллера.

– Расскажите мне об этом Мюллере, – попросил лорд Джон. К нему вернулся аппетит. Он прикончил свою порцию маисовой каши, оставив в сторону тарелку с салатом из одуванчиков.

Я зачерпнула салата из миски, мне нравился вкус свежей зелени.

– Глава большой семьи; немецкие лютеране, как вы, конечно, догадались. Живут милях в пятнадцати отсюда, вниз по речной долине.

– Да-да.

– Герхард – крупный мужчина и очень упрямый. По-английски знает пару слов, не больше. Немолод, но все же еще очень силен. – Передо мной встал образ Герхарда Мюллера – на широких плечах бугрились мышцы, он поднимал пятидесятифунтовые мешки с мукой, словно перышки, и бросал к себе в тележку.

– Как вы считаете, он затаил злобу после той ссоры с Джейми?

– Злобу он, конечно, затаил, но не из-за этого. Они, собственно, и не поссорились... – Я потрясла головой, подыскивая слова. – Вы же знаете, каковы мулы?

Лорд Джон удивленно приподнял брови и улыбнулся.

– Кажется, знаю.

– Так вот, Герхард Мюллер и есть вылитый мул. Не то чтобы у него

злой или скверный характер или он туп до невозможности, вовсе нет, но если уж втемяшит что-то себе в голову – берегись! Переубедить его невозможно.

Иэн рассказывал мне о перебранке, что случилась на мельнице. Старик Мюллер решил, что одна из трех дочерей мельника, Фелиция Вулэм, недодала ему мешок муки. Напрасно Фелиция пыталась объяснить, что он принес ей пять мешков пшеницы, которую она перемолола и получила четыре мешка хорошей муки. Фелиция настаивала, что муки получилось меньше, потому что она выбрала из зерна весь мусор.

– *Fünf!* – заявил Мюллер и сунул растопыренную пятерню под нос Фелиции. – *Es gibt fünf.*^[42]

Переубедить его не представлялось возможности, он тут же начинал возмущенно басить что-то по-немецки и наступать на девушку.

Иэн сперва попытался отвлечь старика, а затем вышел на улицу, где Джейми обсуждал что-то с мельником Вулэмом. Оба поспешили внутрь, но и им не удалось поколебать уверенности Мюллера в том, что его обвели вокруг пальца.

Не обращая внимания на увещевания, старик вознамерился силой взять то, что, по его мнению, ему причиталось.

– И когда Джейми отчаялся вразумить Мюллера, ему пришлось стукнуть фермера, – сказала я.

Сначала ему было стыдно, ведь Мюллеру уже около семидесяти, однако потом стыд испарился, когда он чуть не сломал руку о дубовую челюсть. Старик пошел на него, словно кабан, и Джейми ударил его сначала в живот, а затем снова в челюсть и стесал в кровь костяшки пальцев. Немец в конце концов рухнул наземь.

Перекинувшись словом с Вулэмом – тот был квакером и посему не одобрял насилия, – Джейми за ноги вытянул Мюллера наружу, где в телеге терпеливо ждал один из сыновей фермера.

Джейми подхватил старика за шиворот, прижал к телеге и что-то долго втолковывал ему по-немецки, пока в дверях мельницы не возник Вулэм с пятым мешком. Он подошел и положил мешок в телегу под буравящим взглядом старика.

Мюллер дважды пересчитал мешки и с почтением повернулся к Джейми:

– *Danke, mein Herr!*^[43]

Затем он вскарабкался на телегу, сел позади крайне озадаченного сына и велел тому трогаться в путь.

Грей почесал шею с остатками сыпи и улыбнулся.

– Ясно. Значит, он вроде бы не держит камня за пазухой?

Я покачала головой:

– Нет. Со мной он был сама доброта, когда я пришла на ферму, чтобы помочь Петронелле.

Грудь внезапно стеснило от воспоминания, что Петронелла и девочка мертвы, горьковатый привкус листьев одуванчика встал поперек горла.

– Вот. – Грей поставил передо мной кружку эля.

Прохладный напиток помог усмирить разлившуюся внутри горечь. Я отставила кружку и немного посидела с закрытыми глазами. Из окна тянуло сквозняком, но солнце согревало мне руки, лежавшие на крышке стола. Я все еще могла радоваться жизни, и радость ощущалась тем сильнее, чем глубже я сознавала, сколь многим она уже недоступна.

– Спасибо, – сказала я, открывая глаза.

Грей смотрел на меня с выражением глубокого сочувствия.

– Здесь часто умирают люди, особенно юные, – попыталась я объяснить. – И совсем по-другому, не так, как мне доводилось видеть раньше. Мне редко удастся им помочь.

Я ощутила на щеке теплую влагу – по моей щеке вдруг скатилась слеза. Лорд Джон полез в рукав, достал и протянул носовой платок. Он был не слишком чистый, но я не возражала.

– Я все время удивлялся, что он в вас нашел, – произнес лорд Джон. – Джейми.

– В самом деле? Довольно лестно. – Я чихнула и высморкалась.

– Когда он впервые рассказал о вас, мы оба думали, что вы мертвы, – продолжил лорд Джон. – И хотя вы, безусловно, привлекательная женщина, он ни разу не упомянул о внешности.

К моему удивлению, Грей взял меня за руку и легонько пожал.

– Вы такая же храбрая.

Я горько усмехнулась:

– Если б вы только знали...

Он не ответил, только улыбнулся и стал водить пальцем по моей ладони. Его прикосновения были нежными и утешали.

– Его никогда не останавливал страх разбить кулаки в драке. Думаю, вас тоже.

– Я не могу. – Я шмыгнула носом, слезы перестали струиться по щекам. – Я врач.

– Конечно.

Лорд Джон немного помолчал, затем добавил:

– Я не сказал вам «спасибо» за то, что жив.
– Я бессильна перед лицом такой болезни... Я могу лишь просто быть рядом.

– Даже этого вполне достаточно, – коротко заметил он и выпустил мою руку. – Хотите еще эля?

И я вдруг поняла, что Джейми нашел в Джоне Грее.

День прошел тихо. Иэн метался и стонал во сне, а к вечеру весь покрылся сыпью; надо уговорить его выпить немного теплого молока... Эта мысль напомнила мне, что пришло время подоить козу. Я поднялась, сказала лорду Джону, что выйду, и отложила штопку в сторону.

Я открыла дверь и во дворе нос к носу столкнулась с Герхардом Мюллером.

Его глубоко посаженные карие глаза покраснели. Они всегда блестели, словно от жара, но теперь они казались еще ярче на обветренном лице. Он заметил меня и кивнул. Потом кивнул еще раз.

– Герр Мюллер, – позвала я. Мне показалось, что голос у меня звучал спокойно. Хоть бы ему тоже так показалось. – *Wie geht es euch?*^[44]

Старик стоял передо мной покачиваясь, словно его вот-вот собьет с ног от вечернего ветерка. Сильно похудевший, буквально кожа да кости. Не знаю, как он добрался сюда; нигде не было видно ни мула, ни лошади.

Мюллер шагнул мне навстречу, и я инстинктивно отступила назад.

– Фрау Клара, – сказал он. В его голосе прозвучала мольба.

Я хотела позвать лорда Джона, но засомневалась. Он не стал бы звать меня по имени, если бы намеревался причинить вред.

– Они умерли. *Mein Mädchen. Mein Kind*^[45].

Слезы заструились по морщинистому обветренному лицу. В его взгляде плескалось такое отчаяние, что я подошла к нему и взяла за большую, огрубевшую от работы руку.

– Я знаю. Мне очень жаль.

Он снова кивнул. Я подвела его за руку к скамье у двери, и старик рухнул на нее как подкошенный.

Дверь открылась, вышел лорд Джон. У него в руке был пистолет. Я покачала головой, и он спрятал его в рукав. Старик не отпускал мою руку, более того, потянул за нее, чтобы я села рядом с ним.

– *Gnädige Frau*,^[46] – начал Мюллер и вдруг повернулся и обнял меня, крепко прижав к старому грязному пальто. Он весь затрясся от беззвучных рыданий, и, хотя я знала, что он натворил, я все же обвила его руками в ответ.

Запах от него шел ужасный – кисловатый дух старого тела и горя, смешанный с пивным перегаром, потом и грязью, а где-то под всем этим амбре мой нос различил запах крови, от которого мне сделалось дурно. Я содрогнулась от смеси противоречивых чувств – жалости, страха и отвращения, но все же не отстранилась.

Наконец он сам выпустил меня из объятий и только тут заметил лорда Джона, который переминался рядом с ноги на ногу, так и не решив, стоит ли ему вмешаться.

– *Mein Gott*, – в ужасе воскликнул Герхард, – *er hat Masern!*^[47]

Солнце быстро тонуло за горизонтом, заливая двор кроваво-красным светом. Его лучи осветили лицо Грея, с которого еще не сошли остатки сыпи.

Мюллер повернулся ко мне, охваченный паникой, и сжал мое лицо в своих огромных грубых ладонях. Он провел по щекам большими пальцами и вздохнул с облегчением, разглядев, что кожа моя чиста.

– *Gott sei dank!*^[48] – Старик выпустил из ладоней мое лицо и полез в карман пальто, что-то сбивчиво бормоча по-немецки.

– Он говорит, боялся, что опоздает, и теперь счастлив, что все же успел, – пояснил лорд Джон, подозрительно наблюдая за старым фермером. – Говорит, что принес кое-что, талисман или что-то такое. Он прогонит опасность и сохранит от болезни.

Мюллер извлек из недр пальто какой-то предмет, завернутый в кусочек материи, и вложил его мне в ладонь, продолжая что-то лопотать.

– Благодарит вас за помощь, за все, что вы сделали для его семьи, вы прекрасная женщина и так же дороги ему, как члены семьи, как одна из невесток... – Мюллер запахнул пальто, и голос Грея замер.

Видимо, я неловко дернулась, кусочек ткани упал на землю и развернулся. В нем оказалась маленькая растрепанная косичка из седых волос и кожаный мешочек, из которого торчали окровавленные перья дятла.

Мюллер продолжал что-то говорить, а лорд Джон переводил его слова, но я не прислушивалась. Во мне эхом отдавались слова, которые я услышала ровно год назад у ручья от Габриэль, когда она переводила речи старой Найавенны.

Ее имя означало «это может быть; это произойдет». И вот это произошло, и все, что осталось мне в утешение, это слова: «Она говорит, чтобы вы не терзали себя; болезни шлют боги. Вашей вины в том не будет».

Глава 29

Склепы

Джейми учуял запах дыма задолго до того, как деревня показалась на горизонте. Билли заметил, как он нахмурился, и заерзал в седле, оглядываясь по сторонам.

– Что? – прошептал мальчик. – Что случилось?

– Не знаю. – Джейми понизил голос, хотя поблизости вроде бы не было никого, кто мог их услышать. Он соскользнул с лошади и бросил Билли поводья, кивнув на увитый диким виноградником склон. – Побудь с лошадьми у склона, парень! Там есть тропинка, что ведет к еловому лесу, спрячься за деревьями и жди меня.

Он не хотел пугать мальчика, но выхода не было.

– Если дотемна не вернусь, уходи. Не жди до утра. Иди вдоль ручья, который мы только что перешли, держись левой стороны. Дойдешь до водопадов, их слышно даже в темноте. За ними есть пещера, там живут индейцы, когда охотятся.

Зрачки у Билли расширились до невозможности. Джейми крепко схватил его за ногу выше колена, чтобы тот запомнил указания, и почувствовал, как по бедру мальчика прошла дрожь.

– Оставайся там до утра. Если я не вернусь, поезжай домой. С утра солнце должно быть все время слева, а после обеда – справа. Дня через два отпусти поводья, лошадь сама найдет дорогу.

Джейми вздохнул, раздумывая, что еще сказать, однако говорить было нечего.

– Храни тебя бог, мальчик. – Он ободряюще улыбнулся Билли, похлопал по крупу лошадь, чтобы пустить ее вскачь, и повернулся в ту сторону, откуда шел дым.

Этот дым разительно отличался от привычного дымка, вьющегося над деревней. Не был он и дымом ритуального костра, для которого индейцы складывали конусом деревья, – по словам Иэна, так делали в Шотландии во время Белтайна, праздника костров. Тот костер, что полыхал теперь, был гораздо больше.

Джейми, стараясь двигаться незаметно, описал широкую дугу, взошел на невысокий холм, откуда открывался хороший вид на деревню, и выглянул из лесных зарослей. Деревня лежала перед ним как на ладони.

Огромные столбы дыма, клубясь, поднимались над каждым вигвамом.

Над лесом висел коричневатый смог. Джейми вдохнул, закашлялся и поспешно закрыл нос и рот рукавом рубашки, перекрестившись свободной рукой. До него донесся запах обуглившейся плоти, и по спине заструился холодный пот – тут же вспыхнуло воспоминание о погребальных кострах Каллодена.

Грудь теснили дурные предчувствия, тем не менее Джейми обвел внимательным взглядом всю деревню в поисках хотя бы малейшего признака жизни. Никакого движения, лишь клубящийся дым, уносимый ветром, – зловещая картина. Неужели деревню разграбили чероки или мускоги, налетевшие с юга? А может, одно из оставшихся на севере алгонкинских племен, нантикоки или тутело?

Внезапный порыв ветра принес смрадный запах обугленного мяса. Джейми схватился рукой за ствол. Его стошнило. Он пытался отогнать пробирающиеся до костей воспоминания о горящих шотландских фермах и убитых семьях.

И тут вдалеке раздался собачий лай.

Джейми развернулся и пошел на звук вниз по холму. Грабители не стали бы брать с собой собак. Если после резни остались живые, собаки должны быть с ними.

И все же он старался передвигаться как можно тише, не решаясь подать голос. Пожар начался только сегодня, вигвамы почти целы. Кто бы его ни учинил, эти люди еще неподалеку.

Навстречу выбежал пес – большая рыжая дворняга. Джейми узнал пса, тот принадлежал Онакаре, другу Иэна. Вдали от привычной ему территории пес не залаял и не бросился к Джейми, приветствуя его, как бывало раньше. Он стоял под сосной, прижав уши, и тихо рычал. Джейми медленно пошел навстречу, сжимая кулаки.

– *Balach math!* Хороший мальчик! Стой, вот так. Где твои люди?

Пес, все еще рыча, вытянул морду и обнюхал протянутую ладонь. Ноздри дрогнули – он узнал знакомый запах и немного успокоился.

Джейми скорее почувствовал, чем увидел, присутствие человека. Он поднял глаза и встретился взглядом с хозяином собаки. Лицо Онакары было раскрашено белыми полосами со лба и до подбородка. С раскрашенного белой краской лица неподвижно смотрели мертвые глаза.

– Кто из врагов сделал это? – спросил Джейми на языке племени тускарора. – Твой дядя еще жив?

Онакара молча повернулся и пошел в лес, пес побежал следом. Джейми отправился за ними. Через полчаса они вышли на поляну, где

выжившие после несчастья разбили лагерь.

Джейми брел по лагерю, ища глазами знакомые лица; некоторые замечали его, другие сидели неподвижно, уставившись вдаль. Ему были хорошо известны горе и отчаяние, что таились за подобными взглядами. Столь многих друзей не доставало.

Джейми видел подобное в Шотландии, призраки войны и смерти крались за ним по пятам. Он вспомнил молодую девушку, которая сидела на пороге горящего дома рядом с телом убитого мужа. У нее был такой же взгляд, как у юной индианки, что сидела у подножия сикомора.

Но постепенно он понял, что на деревню навалилось другое несчастье. На поляне были разбиты вигвамы, пони и лошади привязаны к деревьям. Это походило не на поспешное бегство людей, спасающих свою жизнь, а скорее на продуманное отступление. Индейцы даже успели аккуратно завернуть и забрать статуи своих богов. Что же приключилось в Анна-Уке, ради всего святого?

В дальнем конце полянки стоял вигвам Накогнавето. Онакара приподнял полог и молча впустил Джейми.

В глазах индейца вспыхнула было искра жизни и тут же угасла. Как только индеец узнал Джейми, его лицо вновь омрачилось тенью глубокого горя. Вождь на мгновение прикрыл веки, затем, овладев собой, посмотрел на гостя.

– Не встречал ли ты ту, которая лечит, или ту, в чьем вигваме я живу?

Джейми привык к манере индейцев выражаться обвиняками, чтобы не называть имен – дурная примета! – и понял, что речь идет о Габриэль и о старой Найавенне. Он покачал головой, прекрасно понимая, что с этим движением угаснет последняя надежда в сердце Накогнавето. Слабое утешение, но Джейми все же снял с пояса флягу и протянул индейцу, без слов извиняясь за то, что не сумел принести хорошие новости.

Накогнавето принял ее и кивком отдал распоряжение женщине; та полезла в один из свертков у стены и, порывшись в нем, извлекла чашку из выдолбленной тыквы. Индеец налил в чашку порцию бренди, которая даже шотландца свалила бы с ног, и сделал несколько больших глотков, а затем передал чашу Джейми.

Он отхлебнул из вежливости и вернул чашу. Сразу переходить к сути дела у индейцев считалось дурным тоном, но у Джейми не было времени на праздную болтовню, а у Накогнавето вряд ли хватило бы на нее сил.

– Что произошло? – спросил Джейми напрямик.

– Болезнь, – тихо ответил Накогнавето. Глаза у него влажно заблестели от воздействия спиртного. – Мы прокляты.

Запинаясь и отвлекаясь для того, чтобы сделать глоток-другой бренди, он поведал, как все случилось. В деревне вспыхнула и тотчас распространилась корь, словно пламя, бегущее по соломе. Уже через неделю полегло не менее половины племени, а теперь в живых осталось не больше четверти.

Когда болезнь пришла, Найавенна отправилась в лес за... Словарный запас Джейми на языке тускарора оказался недостаточным, чтобы понять, о чем речь. Какой-то оберег, возможно, какое-то растение. Возможно, она искала откровения, подсказки, что нужно делать, чтобы отвести беду, которую неясно за что наслали на них злые духи. Габриэль и Берта пошли за ней, потому что Найавенне в ее возрасте не следовало одной бродить по лесу. Ни одна из них не вернулась.

Рассказывая, Накогнавето слегка раскачивался, сжимая в руках чашу из тыквы. Женщина склонилась над ним, но он отодвинул ее руку, и она отошла.

Их искали, но не нашли. То ли их похитили индейцы из враждебного племени, то ли они тоже заболели и умерли. В деревне не осталось шамана петь над умершими, и боги отвернулись от них.

– Мы прокляты.

Речь Накогнавето постепенно сделалась неразборчивой, чаша опасно закачалась в руках. Женщина села позади него на корточки и положила руки ему на плечи, чтобы помочь удержать равновесие.

– Мы оставили мертвецов в домах и подожгли их, – сказала она Джейми. В ее глазах тоже светилась глубокая печаль. – А теперь мы пойдем на север, в Огланетаку.

Ее руки сжали плечи Накогнавето.

– Вам лучше уйти.

И Джейми ушел. Горе, которое поразило деревню, как дым впиталось в его кожу, волосы и одежду. Однако к скорби, которой наполнилось сердце, примешивалась малая толика облегчения, эгоистичной радости, что на этот раз несчастье миновало его самого. Его жена жива. Его дети в безопасности.

Джейми спустился с холма, избрав кратчайший путь к тому месту, где ждал Билли. Времени оставалось мало. Сгущалась тьма.

Примечания

Гэвин! Друг! (гэльск.). *(Здесь и далее – примечания переводчика).*

Традиционный гэльский тост.

Тысяча чертей! Господи, помоги! (гэльск.)

Святая Дева! (фр.)

Стоять, свинья! (фр.)

Высокий холм (гэльск.).

Замок Дауни (гэльск.).

8

Очень красиво (нем.).

Доброй ночи (нем.).

Добродетель есть высшая награда. Ведь добродетель превосходит все прочее, и таким образом наша свобода, жизнь, имущество, наши родители, дети и государство сохранены, защищены. Добродетель содержит в себе все, и человека добродетельного впереди ожидает лишь благо (*лат.*).

Злые духи (*афр.*).

Добрый вечер, господа. Вы говорите по-французски? (фр.).

Bonjour, messieurs, madame (*фр.*) – Добрый день, месье, мадам.

Je suis sa femme (*фр.*) – Я – его женщина.

Je m'appelle Gabrielle (*фр.*) – Меня зовут Габриэль.

Je m'appelle Claire (*фр.*) – Меня зовут Клэр.

S'il vous plait... (*фр.*) – Прошу вас...

Grandmère est... (*фр.*) – Бабушка...

Pas docteur et pas sorcière, magicienne. Elle est... (*фр.*) – Не врач и не ведъма. Скорее...

Цитата из «Рождественской песни в прозе: святочный рассказ с привидениями» Чарльза Диккенса в переводе Т. Озерской.

Nighean donn (*гэльский*) – девочка каштанововолосая.

Ist sie nicht wunderschön?(нем.) – Разве она не красавица?

Blutwurst(*нем.*) – кровяная колбаса.

У. Шекспир. «Гамлет», акт V, СЦЕНА 1 в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

Д. Китс, «Ода к греческой вазе» в переводе В.А. Комаровского.

П. Б. Шелли. «Ода западному ветру» в переводе Б. Л. Пастернака.

П. Б. Шелли. «Освобожденный Прометей» в переводе К. Д. Бальмонта.

Mo chridhe (гэльский) – мое сердце.

Comment ça va? (*фр.*) – Как дела?

«Поднять паруса» (англ. «Blow the man down») – морская песня (шанти), исполнялась при поднятии паруса.

«Эта тайна пресвятая» (*лат.* «Tantum ergo») – католический гимн.

Deo gratias (*лат.*) – слава богу.

Сударыня, ваш муж дома? (нем.)

Was ist los? Was habt Ihr gesagt?(нем.) – Что случилось? Что вы сказали?

Flecken so ähnlich, wie diese? (нем.) – Пятна похожи на эти?

Fleckern, Masern, ja. (нем.) – Пятна, корь, да.

Vielleicht sollten Sie gehen? (*нем.*) – Может быть, вам стоит уехать?

Mein junger Mann ist nicht gut (*нем.*) – Моему молодому человеку плохо.

Ihr Neffe ist krank. Haben Sie jemals Masern gehabt? – Ее племянник болен. У вас когда-нибудь была корь?

Seid gesegnet (*нем.*) – Благослови вас господь.

Benedicite (*лат.*) – Благослови вас господь.

Fünf! Es gibt fünf (*нем.*) – Пять. Это пять.

Danke, mein Herr! (*нем.*) – Благодарю вас, сударь!

Wie geht es euch? (*нем.*) – Как у вас дела?

Mein Mädchen. Mein Kind (нем.) – Моя девочка. Мое дитя.

Gnädige Frau (*нем.*) – Милостивая сударыня.

Mein Gott, er hat Masern! (нем.) – Боже мой, у него корь!

Gott sei dank (*нем.*) – Слава богу.